МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ, МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ
УКРАИНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА
КАФЕДРА ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Материалы VI Международной научной конференции 22–23 апреля 2013 года

ДНІПРОПЕТРОВСЬК
«НОВА ІДЕОЛОГІЯ»
2013

УДК 811.16′373
ББК 81.41
Л 43

Рекомендовано до друку вченою радою факультету української
й іноземної філології та мистецтвознавства ДНУ імені Олеся Гончара
(протокол № 7 від 19 березня 2013 р.)

Упорядник: Т. С. Пристайко, д-р філологічних наук, професор,
зав. кафедри загального та російського мовознавства ДНУ імені Олеся Гончара

Матеріали друкуються в авторській редакції

Л 43 **Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках** : VI Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 22–23 апреля 2013 г.) : материалы / составитель Т. С. Пристайко. – Д. : Нова ідеологія, 2013. – 356 с.

ISBN 978-617-7068-08-1

Сборник содержит материалы докладов лингвистов Украины, России, Башкортостана, Казахстана, Болгарии, Китая, посвященные вопросам теории неологии и неографии, описанию процессов и явлений неологизации, характеризующих разные уровни современных славянских языков в различных коммуникативных сферах; исследованию лексико-грамматических инноваций в аспектах современных научных парадигм; рассмотрению языковых и речевых инноваций как объектов лингводидактики, теории и практики перевода.

Для преподавателей, ученых, аспирантов и студентов гуманитарных факультетов, а также для широкого круга читателей, интересующихся динамическими изменениями, происходящими в современных славянских языках.

ББК 81.41

ISBN 978-617-7068-08-1

© Пристайко Т. С., упорядкування, 2013

В. Н. Абашина (г. Львов)

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА С ПОЗИЦИЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЕЕ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ

Понятие культуры многозначно. Под культурой, с одной стороны, понимают весь духовный и материальный опыт человечества, мера познания которого бесконечна. Это мировая культура и национальные культуры, в том числе культура того народа, язык которого является родным для человека. Языки, древние и современные, и созданные на них тексты тем или иным способом отражают данную культуру, а кроме того сами составляют ее неотъемлемую часть. Культурой в этом понимании личность овладевает в процессе изучения окружающего мира. С другой же стороны, существует личная культура человека, предполагающая как способность ставить самому себе цели, так и умения их осуществлять, привлекая необходимые средства. Эта культура формируется, взращивается в процессе воспитания личности и находит свое выражение в первую очередь в речевой деятельности человека, позиционируясь в ней в виде определенного уровня культуры речевого поведения. Между культурой человечества и культурой личности, в том числе его речевой культурой, существует несомненная связь, которая заключается в том, что цели индивидуума и выбираемые им средства их осуществления должны соответствовать сложившимся культурным традициям народа и общечеловеческим ценностям. Уровень владения этими культурами в совокупности составляет культурную компетенцию каждого человека.

Связь между личной и общей культурой обнаруживается в первую очередь в готовности человека овладеть общепринятыми правилами поведения, среди которых не последнее место занимают языковые нормы. Наиболее очевидным способом эта связь представлена в аспектах культуры речи и культуры общения. В области культуры речи можно наблюдать различные по силе своей обязательности литературные нормы. В частности, известно, что морфологические нормы должны соблюдаться говорящими весьма тщательно. Отступления от них обычно признаются несомненными ошибками, а значит, явным признаком недостаточного высокого, а зачастую низкого уровня речевой культуры. Например, в живой русской речи замечено: *положа* цветы на стол. Правила образования деепричастий, строго выписанные, не допускают использования в данном случае суффикса -а. Такие нормы Б. Н. Головин назвал «легкоранимыми» [1], имея ввиду прежде всего правила образования грамматических форм. Показательно отношение А. С. Пушкина к подобным примерам, поэт писал: «Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю». Однако очевидно, что ошибки бывают разные. Известная специалистам по культуре речи фраза из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» «Она остановилась *подле вплоть мимо ее* проходящего поезда» квалифицируется ими как допустимое для художественной речи отступление от нормы и даже рассматривается как специальный стилистический прием, известный под названием амплификация [5, с. 30]. При этом важно отметить, что такое отступление не вступает в противоречие с системой языка в целом и не попадает в область грамматических ошибок, естественно, уже не совместимых с системой языка. Но сегодня все чаще встречаются другие примеры. В живой речи россиян, звучащей в телевизионных эфирах, нередко можно услышать формы «*ёшная*» *сестра,* употребленную вместо литературной *ее сестра, «красивше» смотрится* вместо *красивее смотрится* и подобные. В последнее время обращает на себя внимание активизация влияния пространственной словоформы *на районе* на образование аналогичных*,* результатом чего оказываются словоупотребления *на гардеробе, на квартале.* Интересно отметить, что в Синтаксиче-

© Абашина В. Н., 2013

ском словаре подобные именные локативные синтаксемы составителем словаря не зафиксированы [2].

Может возникнуть закономерный вопрос: какое отношение все отмеченное имеет к культуре? Дело в том, что человек, претендующий, если не на элитарный, то на среднелитературный уровень речевой культуры, должен прикладывать определенные усилия к овладению языковыми нормами, поскольку, по словам Э. Сепира, язык может считаться «символическим руководством к пониманию культуры» [4, с. 262]. Отступления возможны только в тех случаях, когда эти нормы, придя к их несоответствию реальным речевым потребностям, квалифицируются как факультативные или же переходят в статус устаревших.

Современная русская непринужденная речь может быть охарактеризована, по-видимому, некоторыми тенденциями, отличающими ее от предшествующих хронологических состояний. К их числу следует отнести все большее распространение сниженных языковых средств, в числе которых жаргонные, вульгарные и даже нередко блатные, большинство из которых порождено стихией так называемых субкультур. Оставаясь в пределах этих субкультур, такие элементы не представляют особой опасности. Но врываясь в повседневную речь, они засоряют ее, порой делают двусмысленным употребление омонимичных слов литературного языка. В значительной степени такое положение объясняется тем, что имеет место свободное и нестеснительное отношение к часто заимствованным из внелитературных ресурсов средствам выражения. Это явление вызывает вполне объяснимое беспокойство в среде представителей русской культурной традиции. Но очевидно, что оно по-своему закономерно и неизбежно, поскольку есть прямое следствие определенных социальных причин, исторических поворотов в жизни социума, совокупность которых и приводит в конечном счете к его появлению. Можно констатировать, что повсеместно применяемые к современной речевой деятельности вполне положительные понятия демократизации и либерализации с неизбежностью встраивают в синонимический ряд с понятиями вульгаризации и даже жаргонизации, оценить которые положительно (одобрительно) уже невозможно.

Задача исследователей – констатировать эти явления, выявлять наметившиеся в языке тенденции. Исследователи также должны оценить характер наблюдаемых изменений, определить, можно ли те или иные из них считать чертами развития языка или же необходимо дать им иную квалификацию. Речевые ошибки, с точки зрения Г. А. Золотовой, «побуждают лингвистов искать их причины, не описанные еще закономерности языковой системы» [3, с. 52].

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Б. Н. Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1988. – 160 с.
2. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
3. Золотова Г. А. К вопросу о знакомых терминах / Г. А. Золотова // Русская словесность. – 2006.– № 1. – С. 49–52.
4. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс «Универс», 1993. – С. 259–265.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480 с.

Т. М. Агібалова (м. Харків)

МОВНО-ЕСТЕТИЧНИЙ ЗНАК *ДУША* В АНТРОПОЦЕНТРИЧНІЙ МОДЕЛІ СВІТУ ЛЕСІ УКРАЇНКИ (на матеріалі драматичних поем)

Динаміка інтелектуального пошуку в мовознавстві постулює принципи дослідження традиційних лінгвістичних категорій в межах антропоцентричної парадигми. Світогляд, традиції кожного етносу є унікальними, проте існують так звані «базові» універсуми, що формують інтелектуальний простір нації і функціонують в межах будь-якого дискурсу. За словами С. Єрмоленко, «непересічні мовні особистості володіють талантом інтуїтивно відчувати колективний досвід у сприйманні естетичної природи слова й трансформувати його в такі мовні форми, які і за природою творення, і за характером сприймання (саме в єдності цих двох процесів!) постають як мовно-естетичні знаки національної культури» [2, с. 358–359]. Мета дослідження – виявити семантико-стилістичні особливості полісемантеми *душа* як естетично вартісного культурного феномена в драматичній творчості Лесі Українки.

Як показав аналіз, мовна репрезентація багатопланового за категоріальними рисами мовознака *душа* в драматичних поемах Лесі Українки об'єктивується в різних уживаннях, що визначаються як контекстуальними, так й екстралінгвістичними умовами: *душа* як внутрішній психічний світ людини, як безсмертна нематеріальна основа, що становить суть життя особистості і є посередником між тілом і духом; *душа* як сукупність переконань, рис, якостей, властивих певній особі; *душа* як суть подій або явищ.

Душа – царина внутрішнього мікрокосму людини, пов'язаного в християнській свідомості з уявленнями про ***бога, милосердя, жертовність, святість, істину, любов, натхнення, спокій***. Семантична й конотативна ємність слова забезпечують йому роль стрижневого компонента в межах будь-якого дискурсу, а його багатоплановість у мовотворчості Лесі Українки зумовлена, в першу чергу, багатовимірністю особистості письменниці. На думку дослідників, Леся Українка розмірковує над філософськими питаннями, на які немає однозначної відповіді, робить поглиблену спробу розібратись, чи можливе гармонійне й вільне існування людини [1, с. 8].

Душа як суб'єкт дії об'єктивується низкою мікроконтекстів, в яких вона: 1) персоніфікується, наділяється фізичними можливостями і може пересуватися в межах певного часопростору: *яким шляхом її душа ходила* [4, с. 450], *душа моя в долоні плеще* [4, с. 353], *моя душа забороняє / мені сей шлюб* [4, с. 381], *Як може бути, щоб тіла ходили / одним шляхом і вкупі, але душі / двома шляхами й врозтіч?* [4, с. 450], *Моя душа гниє* [4, с. 226], *високі речі / і небайдужі для душі* [4, с. 447]; 2) здатна продукувати й експлікувати психічні процеси, емоційні стани, виконувати функції *розуму*: *душа вмирає від тривоги* [4, с. 309], *солодко се буде / твоїй душі* [4, с. 222], *Душа твоя, мій брате, / бентежиться даремне* [4, с. 224], *Зопсована душа запрагла неба* [4, с. 431], *твоя душа / приступна ще земній тривозі людській* [4, с. 376].

Душа, що є уособленням безсмертя духу та сутністю людини, в мовосвіті Лесі Українки репрезентується як об'єкт зовнішніх дій, процесів і характеризується певною інертністю: *Той порив / порвав мені востатнє ржаву душу* [4, с. 218], *Не заздри, брате, не губи душі* [4, с. 226], *Та невже вони / рятують людські душі?* [4, с. 232].

Низка епітетних сполук ілюструє багатоплановість мовно-естетичних категорій макрополя *душа*: *вдячною душею* [4, с. 353], *щирою душею* [4, с. 430], *душа шляхетна* [4, с. 189], *ржаву душу* [4, с. 218], *душі ясні* [4, с. 226], *блаженні душі* [4, с. 239], *зопсована душа* [4, с. 431], *праведній душі* [4, с. 449].

Репрезентація полісемантеми *душа* генітивними конструкціями *дно душі* [4, с. 431], *родина душі* [4, с. 444], *чистота душі* [4, с. 227] є джерелом вторинної

© Агібалова Т. М., 2013

номінації і створення метафоричного змісту слова. Завдяки поєднанню в межах відповідних словесних образів анімістичних (*душа*) і просторових (*дно*), соціальних (*родина*), морально-етичних (*чистота*) асоціацій мовно-естетичний знак набуває пластичності й семантичної ємності.

Афористичність письма – одна з диференційних рис мовного інтелектуалізму Лесі Українки. «Виражаючи важливий поетичний зміст, такі фрази, з одного боку, є своєрідними сигналами естетичної інформації про весь твір і його автора, з другого – тяжіють до художніх канонів певної епохи» [3, с. 110]. У лаконічну й довершену форму письменниця вписує наративні моделі, що є матрицями для розуміння ідейних інтенцій у мовосвідомості автора: *Зопсована душа запрагла неба* [4, с. 431], *Коли в подружжі є дві різні віри, / там жінка має дві душі* [4, с. 449], *Служниця ти, / але душа твоя шляхетна* [4, с. 431], *Слова господні більш рятують душу, / ніж людські всі діла* [4, с. 232], *Ти купив мене з душею* [4, с. 430]. У цих мікроконтекстах превалюють базові атрибути концептуальної картини світу Лесі Українки: *віра, шляхетність, слово, небо, Господь, порятунок, людина, діло*.

Висновки. Семантична ємність мовознаку *душа* як одного з ключових елементів інтелектуального простору мовотворчості Лесі Українки ретранслює екзистенційно-кордоцентричний тип філософування. Це підтверджується цілою низкою відповідних мікроконтекстів і афористичних висловів, що інтерпретують естетичні вартості світової культури в контексті інтелектуалізації словникового складу української літературної мови кінця XIX – початку XX ст.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гаджилова Г. О. Драма Лесі Українки «Руфін і Прісцілла» : проблематика, поетика, становлення тексту: автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.01.01. «Українська література» / Г. О. Гаджилова. – К., 2001. – 18 с.
2. Єрмоленко С. Я. Нариси з української словесності (стилістика та культура мови) / С. Я. Єрмоленко. – К.: Довіра, 1999. – 431 с.
3. Калашник В. С. Людина та образ у світі мови: вибрані статті / В. С. Калашник. – Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. – 368 с.
4. Українка Леся. Зібрання творів: у 5 т. / Л. Українка. – К.: Держлітвидав, 1951–1956. – Т. 2. – 1951. – 683 с.

Н. В. Акімова (м. Кіровоград)

ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ ОПИС НЕОЛОГІЗМІВ В АСПЕКТІ ВАРІАТИВНОСТІ РОЗУМІННЯ ТЕКСТУ

Мова розвивається, постійно поповнюючись новими лексичними одиницями. Часто такі одиниці активно використовуються певний проміжок часу, перетворюючись у ключові слова епохи. Іноді неологізми актуальні лише певний короткий час, тоді вони розглядаються лінгвістами як ключові слова моменту. Але у будь-якому випадку інтерес учених до цієї теми не згасає вже кілька десятиліть.

Останніми роками вивченням неологізмів активно займалися Г. М. Віняр, Н. С. Голікова, І. М. Демешко, Г. П. Д'яконов, Н. А. Іванова, Л. Ю. Касьянова, Ж. В. Колоїз, Т. А. Космеда, С. С. Лук'яненко, Л. І. Плотнікова, Т. С. Пристайко, О. А. Стишов, І. І. Турута та ін. Вони розглядали когнітивний, концептологічний, лінгвокультурний, ономасіологічний та деривaційний аспекти функціонування нової лексики. Цікаві нюанси природи нових слів розкриваються при психолінгвістичному аналізі, який, на жаль, в Україні недостатньо поширений. Саме названий підхід представлено у пропонованій статті. Головною метою цієї розвідки є дослідження впливу неологізмів на варіативність розуміння тексту. Під неологізмами розуміємо слова, що сприймаються суб'єктом мовлення як нові.

© Акімова Н. В., 2013

Думка, що вживання нових слів ускладнює сприйняття тексту, скоріше за все, не вимагає доказів. У процесі розуміння, який, як відомо, складається з двох основних етапів – рецепції та інтерпретації [5; 10; 11; 12; 13], інновації потребують особливої уваги. На першій стадії читач співвідносить зовнішню форму слова зі своїм активним, а пізніше – пасивним словником, ідентифікуючи мовні одиниці за графічною або фонетичною схожістю. Наприклад: *«Держстат: В серпні* ***дефляція*** *в Україні зросла до 0,3 %»* [9]. В наведеному новинному анонсі використана інновація *дефляція*, яка у процесі розуміння асоціюється зі схожим словом *інфляція*, що за словником тлумачиться як «надмірне проти потреб товарообігу збільшення кількості паперових грошей і швидке їх знецінення» [2, с. 503]. Подібний шлях веде до коректної дешифровки інновації: дефляція – це «1. Вилучення урядом з обігу частини паперових грошей і не розмінних на золото банківських білетів, випущених у період інфляції. 2. Процедура перерахування цін товарів і послуг поточного року у ціни року, що береться за основу. 3. Зниження через якійсь відрізок часу загального рівня цін разом із повним скороченням» [2, с. 290]. Іноді неологізми під впливом стрес-факторів можуть бути ідентифіковані невірно. Наприклад, у наведеному випадку, може виникнути асоціативний зв'язок з іншими графічно схожими лексемами: *дефоліація* (обробка рослин дефоліантами [2, с. 290]), *деформація* (зміна форми або розмірів тіла під впливом прикладених сил чи нагрівання [2, с. 290]) тощо.

На другій стадії процесу розуміння реципієнт приписує новій лексемі значення [1, с. 184; 4, с. 223–225].

Зіставляючи результати, суб'єкт обирає найбільш адекватний варіант розуміння, прагнучи емоційної ідентифікації з автором тексту та спираючись на ситуацію та контекст. Проте описаний вище процес потребує часу, уваги та інтелектуальних зусиль.

Чим складніше когнітивні операції, тим вище ймовірність виникнення різних мовленнєвих девіацій. Девіантні варіанти трактування неологізму можуть бути представлені 3 типами:

1. Недостатній варіант. Такі неологізми найбільш помітні, оскільки вони не провокують очевидних асоціативних зв'язків між інновацією та відомими реципієнту значеннями. Наприклад: *«****К'юріосіті*** *передав NASA знімки з камери маніпулятора»* [9]. У тлумачному словнику значення слова «*К'юріосіті*» не знайти, це дає підстави припустити, що реципієнт має справу з власною назвою. Насправді «***К'юріосіті***» – це марсохід, що досліджує Марс з 6 серпня 2012 р.

2. Надлишковий варіант. Цей тип передбачає актуалізацію у певному контексті кількох значень неологізму. Наприклад: *«…саме школа може стати опорою і ресурсом для найважливішої культуртехнічної, культуртрегерської, соціоінженерної діяльності, спрямованої на якісну* ***інсталяцію*** *сучасної української мови в сучасній Україні»* [6]. За словником, *інсталяція* значить «1. Різні настановні роботи, монтаж споруд, освітлювальної мережі і т. ін. 2. У системах обробки інформації: а) встановлення програмного виробу на персональній ЕОМ; б) одне з обмежень на програмний виріб у разі продажу його фірмою» [2, с. 499]. Як бачимо, жодне зі словникових значень не застосовуване у наведеному контексті, отже, кожен читач змушений шукати свій варіант тлумачення, відповідно, існуватимуть і кілька варіантів інтерпретації цього тексту.

3. Варіант порушеної сполучуваності. Неологізм створюється на базі добре відомого і нового слів, які погано поєднуються одне з одним у свідомості реципієнта. Цікавий неологізм утворився в одному з новинних анонсів сайту «Новини. УНІАН»: *«Ще на початку року панк-група Pussy Riot та її акції були відомі далеко не всім. Такий стан справ мав всі шанси залишитися і після проведення* ***панк-молебну*** *у Храмі Христа Спасителя»* [8]. Зазвичай ***панк*** – це «1. Декласовані молодіжні групи на Заході, які вирізняються підкресленою аполітичністю, шокуючим зовнішнім виглядом, шокуючою поведінкою. 2. Член такої групи. 3. Стиль молодіжної музики, який вирізняється агресивною манерою виконання, швидким ритмом» [2, с. 881]. ***Молебень*** трактується у словнику як «коротке богослужіння за щасливе закінчення справи, за здо-

ров'я, благополуччя кого-небудь» [2, с. 685]. Поєднання лексики з таких різних сфер суспільного життя, молодіжної та релігійної культури, не полегшило розуміння інновації для жодного з реципієнтів.

Отже, з позицій психолінгвістики неологізми можна розглядати як девіантні мовленнєві одиниці, що ускладнюють розуміння тексту. Девіантні варіанти інтерпретації неологізмів реалізуються трьома типами: надлишковим, недостатнім та варіантом порушеної сполучуваності. Тому варто розумно обмежити сферу застосування лексичних інновацій таким чином, щоб у певному контексті актуалізувалося лише одне значення, яке закладене автором. Відповідно цей аспект потрібно враховувати при вживанні нової лексики.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: монография / В. П. Белянин. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
2. Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови / В. Т. Бусел. – Київ, Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
3. Википедия – свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http://ru.wikipedia.org/wiki.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
5. Касаткина Т. Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: автореф. дисс. …. канд. филол. наук: 10.02.19 – «Теория языка» / Т. Ю. Касаткина. – Ижевск, 2007. – 23 с.
6. Новини України від LB.ua: оперативна аналітика української політики, економіки, новини культури та спорту від 6.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ukr.lb.ua/.
7. Новини України від LB.ua: оперативна аналітика української політики, економіки, новини культури та спорту від 11.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://ukr.lb.ua/.
8. Новини УНІАН від 11.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.unian.ua/.
9. Останні новини України та світу. Корреспондент.net – свіжі новини дня від 11.09.2012 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://korrespondent.net/.
10. Пешкова Н. П. Исследование влияния типа текста на механизмы смыслообразования / Н. П. Пешкова // Проблемы прикладной лингвистики: сб. статей. – 2004. – № 2. – С. 140–164.
11. Псурцев Д. В. Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода: автореф. дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.19 – «Теория языка» / Д. В. Псурцев. – М., 2009. – 50 с.
12. Сенченко Т. А. Структуры текста и их восприятие: экспериментальное исследование (на материале текстов разных типов): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 – «Теория языка» / Т. А. Сенченко. – Бийск, 2009. – 20 с.
13. Ткаченко Н. М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.19 – «Теория языка» / Н. М. Ткаченко. – Ижевск, 2007. – 20 с.

Н. Ф. Алефиренко (г. Белгород, Россия)

НОМИНАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НЕОФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ

Когнитивно-прагматические факторы неофразеологизации определяются динамизмом языковой картины мира (ЯКМ). Если следовать логике рассуждений Л. С. Выготского, фразема «воплощает в себе единство обобщения и общения, коммуникации и мышления» [4, с. 25]. Данный тезис нацеливает на изучение новой фраземики в двух аспектах речемыслительной деятельности человека: а) в плане порождения фразем и б) в плане фраземоупотребления. Согласно Е. С. Кубряковой, деятельность, направленная на вербализацию мира (Worten der Welt) называется номинативной деятельностью. В результате этой деятельности происходит объективирование фрагментов деятельностного опыта человека в номинативных единицах языка – лексике и фраземике. Такого рода кодирование в лексике и фраземике имеет как общие, так и специфические черты. Общее – в номинации как общеязыковом процессе вербализации объектов обновляющейся картины мира и, соответственно, ЯКМ. Специфика – в интенциональности прямого и непрямого знакообозначения.

© Алефиренко Н. Ф., 2013

В когнитивном плане лексические неологизмы служат обозначению (называнию) объектов познаваемого мира.

Иное предназначение у фразем. В гносеологическом аспекте фраземообразование – всегда процесс обращения фактов действительности в знаки коннотации, отображающие оценочный опыт коммуникантов, их субъективное и прагматическое восприятие мира [2, с. 23]. Перекраивание языковой картины мира происходит в соответствии с национально-культурным своеобразием знаков косвенно-производной номинации. В результате в ЯКМ моделируются разные её слои: а) объективно-номинативный, формируемый новыми словами, и б) субъективно-оценочный, создаваемый неофраземами.

Новые фраземы появляются в результате борьбы двух тенденций: а) стремления к совершенствованию языковой системы и б) необходимостью её стабилизации. Это объясняется наличием в языке достаточно устойчивой тенденции к сохранению состояния коммуникативной пригодности. Однако для того, чтобы более адекватно отразить, воспроизвести и закрепить новые идеи и понятия, язык вынужден перестраиваться, порождать новые коннотативные единицы. При этом появление новой фраземы не всегда вызвано прямыми потребностями общества в новом обозначении. Зачастую неофразема – это результат устранения дискурсивно-смысловой лакуны или результат новых ассоциаций, то есть при создании неофраземы зачастую действуют только внутриязыковые стимулы. Всё это возвращает нас к небесспорному положению о том, что каждый естественный язык *по-своему членит мир*, имеет свой специфический способ его концептуализации. Если первое, возможно, в силу терминологической ущербности, всё ещё остаётся дискуссионным, то второе сомнений, кажется, не вызывает. Укрепляется оно и изысканиями лингвокогнитивистики, доказывающей, что мир в языке непосредственно не отражается, поскольку язык средством отражения не является. Мир отражается в сознании, а сознание закрепляет, фиксирует, кодирует результаты отражения в языковых знаках разного номинативно-прагматического статуса, который, в свою очередь, зависит от формата отражения познаваемого объекта в языковом сознании (в виде типологически разных концептов, гештальтов и фреймов).

Иными словами, между познаваемым объектом и неологизмом нет прямой связи. Она всегда опосредована обобщённым представлением (обыденным понятием) о нём, называемом концептом. Мы различаем словообразующие и фраземообразующие концепты. Разумеется, они имеют принципиально универсальную структуру, состоящую в многослойности концепта. Любой концепт, объективируемый новым номинативным знаком, содержит, по крайней мере, два слоя: обыденно-понятийный и модусный. Последний членится на образно-ассоциативный, оценочный и прагмастилистический. Разница между словообразующим и фраземообразующим концептами заключается в статусе модусной составляющей, которая зависит от конфигурации концептопорождающих ярусов и их смысловой значимости. В словообразующем концепте доминирует обыденно-понятийный ярус, а во фраземообразующем – модусный, в рамках которого в светлую зону языкового сознания попадают прежде всего образные ассоциации и оценочные коннотации. Предназначение неофраземы, скорее, не назвать познаваемый объект, а, называя, выразить к нему субъективно-коллективное отношение. Ср.: неофраземы *парить мозги* (обманывать) – *втирать мозги* (направлять кого-либо на путь истинный), *полоскать мозги* – (вытравливать из чьей-либо головы дурные мысли), *компостировать мозги* – (надоедливо внушать что-либо кому-либо). Выделенные линии соотношения данных неофразем прослеживаются в четвертой сказке из серии «Сказки о Курте» культового норвежского писателя Эрленда Лу. Она так и называется «Курт парит мозги».

1-я смысловая линия: «освежить, оздоровить свои собственные интеллектуальные способности»: *Курту все это кажется совсем, совсем, совсем несправедливым, и хочется ему лишь одного:* ***пропарить*** *хорошенько свои* ***мозги****, может даже*

***с хлоркой прокипятить**, авось в них тогда какая светлая мысль заведется.* Контекст преисполнен положительной коннотации.

2-я смысловая линия – по отношению к другому: *Ей надо **прочистить мозги**, лучше всего **пропарить** или даже **прокипятить**, говорит Курт. Может, не откладывая дела в долгий ящик, **попарим мозги**?* Контекст насыщен несколько агрессивной коннотацией.

3-я смысловая линия – в стилистически нейтральном контексте: *Сказано – сделано. **Прочистив мозги**, засыпают беспробудным сном прямо средь бела дня: такое это утомительное занятие, **парить мозги**, если делать все на совесть.*

4-я смысловая линия – конфликтный диалог: *– Отправляйтесь по домам **мозги канифолить**. У меня нет для вас работы. Кроме Коре и Курта, все уволены. Уматывайте, давайте. – А что мы будем дома делать? говорит один из парней. Не можем же мы целыми днями мозги канифолить? – Хоть **парьте их, хоть скипидарьте**, дело ваше, говорит Гуннар.*

5-я смысловая линия – назидательно-поучительный дискурс: *– А тебе, поворачивается он к Анне-Лизе, я советую **прочистить мозги, лучше всего прокипятить, пропарить** на 95–100 градусах так с полчасика, не меньше. Звони, когда станет стыдно.*

В одном лишь тексте разворачивается целый смысловой спектр синонимических связей неофраземы *парить мозги*: *одурачивать, брать на пушку, арапа заправлять, брать на арапа, обманывать, колоть, подцеплять, задевать, подкалывать, подколупывать* и др.

Кроме смысловой палитры, на данных примерах можно показать практически все болевые точки фразеологической неологии. Она хотя и выделяется в самостоятельную дисциплину, все же характеризуется множеством нерешенных как теоретических, так и прикладных проблем. К таковым относятся: а) проблема отнесения новообразования к неологизму (проблемным является вопрос о том, как долго устойчивое сочетание слов должно употребляться в речи, чтобы его можно было считать неофраземой; б) уяснение специфических признаков фразеологического окказионализма, индивидуально-авторского устойчивого сочетания и неофраземой; в) проблема словарной кодификации новых фразем; г) разработка критериев стилевой принадлежности устойчивых сочетаний слов: неофразем, слэнговых устойчивых сочетаний, профессионализмов, составных терминов и др. Как установлено, в общем плане, появление нового слова в языке диктуется прагматическими потребностями. Отправитель сообщения выбирает из наличного лексического тезауруса то, что наилучшим образом выражает его мысли и чувства. Если в лексиконе отправителя такого слова нет, то нередко он видоизменяет или создает новую лексическую единицу. Лингвистами установлена статистическая закономерность прироста новых слов в тексте, которая тесно связана с содержанием текста, а так же с его прагматической установкой. В последнее время исследования новой лексики все чаще делают вывод о необходимости выявления закономерностей содержательной, в том числе прагматической, обусловленности появлений новых слов в тексте.

Задача номинативно-прагматического исследования неофраземики обусловливается объективной необходимостью проследить путь (I) от зарождения новой когнитивной структуры в процессе познания белых пятен на когнитивной карте или переосмысления и перекраивания отдельных фрагментов уже имеющейся картины мира (*экстралингвистические* факторы) до (II) возникновения неофраземики в определенном дискурсивном пространстве и принятия ее системой языка (1, с. 23; 6, с. 63) (собственно *лингвокогнитивные* факторы).

I. К основным экстралингвистическим факторам возникновения новых фразем следует отнести:

1) ***общественно-политические события:*** войны, мятежи, революции, «перестройка» в постсоветское время (3, с. 217) приводят к падению нравов, в этих условиях усиливается уголовный элемент и влияние его морали, криминализируется

правосознание, увеличивается количество преступлений, наблюдается смешение стилей, происходит демократизация языка). Происходит семантическая неофразеологизация. Ср. первичные и вторичные значения неофразем: *горячая точка* – 1) ‘место ожесточенных вооруженных конфликтов’ и 2) ‘любая остроконфликтная ситуация’, *златая цепь на дубе том* – 1) строки из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и 2) ‘о новом русском’, *обвешать косяками* – 1) *косяк* – ‘вина, мера «плохих» дел’ и 2) ‘предъявить множество обвинений’;

2) ***урбанизацию*** (распространение арготизмов, их проникновение в общенародном языке способствует, как правило, рост городского населения; профессиональная преступность концентрируется в таких криминогенных местах, как вокзалы, рынки, рестораны, пивные); ср.: *кинуть на бабки* – ‘обманом завладеть деньгами’, *кинуть по соточке* – ‘выпить по сто граммов’, *кинуть тачку* – ‘проехать на такси, не заплатив’, *кинуть фишку* – ‘отколоть номер’;

3) ***юридические и криминогенные*** (в местах не столь отдаленных происходит обмен арготическими фраземами, усвоение их непрофессиональными преступниками и, как следствие этого, перенос таких фразем в разговорную речь): *играть на пианино* – ‘давать отпечатки пальцев’, *крошить батон, катить баллон* – ‘вести себя агрессивно по отношению к кому-либо’;

3) ***культурно-просветительского*** характера (в средствах СМИ, актеров, политиков наблюдается «принцип пирамиды», когда арготические фраземы первоначально используются на вершине, а затем спускаются к основанию, начинают употребляться широкими массами людей): *звездная болезнь* – ‘завышенное ощущение собственного величия’, *звездная пыль* – название нового телепроекта о жизни, нравах богемы), *перекрыть кислород* кому – полит. ‘ограничить доступ к источникам жизнедеятельности’, *черная дыра* – ‘обстоятельства, поглощающие финансовые средства’, *мыльная опера* – ‘низкопробный телесериал’;

4**) *социально-психические*** (они больше всего связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми, молодежь порой тянется к тому, что «нельзя»; употреблению арготизмов способствует своеобразная мода на блатные выражения, подражание; иногда, правда, переходу арготизмов способствует недостаток образования): вместо *иди отсюда* говорят *крути педали, пока не дали; иди в баню /в мусс / кактусы полоть (прореживать) / кури / луну расчесывай / море асфальтируй / пасись /тайгу подметай / туда, где солнце всходит / тусуйся / упади; иди ты на художника учиться; иди пропылесось пустыню /иди тундру пылесось* – ‘не мешай, займись своим делом’; *рога отсохли* – ‘о состоянии усталости от занятий; «учеба достала»’.

Неофраземы с л е н г о в о г о происхождения больше служат средством экспрессивной самореализации, чем знаками социальной принадлежности (*толкнуть телегу* – ‘донести’, *фильтровать базар* – ‘следить за речью, выбирать выражения, не говорить лишнего’. Например: Что говоришь-то? ***Фильтруй базар*** хоть немного! ~ ***Фильтруйте базар*** и не делайте резких движений (Bazar. 2001. № 9). По сути, появление подобного рода фразем в речи связано с потребностью в *модной неологии*, искусственно завышенная экспрессия которой, как правило, создается языковой игрой. Ср.: *Клава, я валяюсь!* – ‘выражение восхищения, крайнего удивления’; *порвать как старую грелку* – ‘оскорбить’, *пролетела птица обломинго* – ‘о неудавшемся плане’, *пролететь как фанера (как мамонт, как слон) над Парижем* – ‘остаться не у дел, потерпеть неудачу, обломиться’; Поскольку со временем метафоричность языка тускнет, сленговые неофраземы призваны «освежать» речь. Так, для обозначения концепта «обман» появились неофраземы *баки вколачивать, вола вертеть, компостировать (компассировать) мозги, вешать лапшу на уши*; для обозначения концепта «слежка» – *пасти, стоять на стреме / шухере, атасе* и др. Еще более экспрессивными являются фраземы, возникающие на почве а р г о. Неофраземике арго чаще других присущ циничный и грубый эвфемизм, стремящийся прикрыть общеупотребительными лексемами преступные действия: *поцарапать пером* – ‘ударить кого-либо ножом’*, чистая работа* – ‘удачная кража’. Содержащий-

ся в таких неофраземах цинизм, присущий уголовному миру, обычно скрывается в арго фраземы. Так, неофразема *ботать по фени* изначально употреблявшаяся в арго в нейтрально-стилистическом значении (*по фене болтать* – ‘говорить на языке офеней – мелких торговцев’), в наше время подверглась семантической неофразеологизации и теперь означает ‘говорить на воровском языке’. Лексический компонент неофраземы *феня* ныне стал употребляться вне фраземы, обозначая вообще всю лексику деклассированных элементов, которая составляет базу арго. Неофразема арго, перейдя в сленг, может лишаться части своего дискурсивного пространства. Так, в арготическом дискурсе фразема *дать по рогам* употреблялась в трех значениях – 1) ‘изгнать из банды профессиональных преступников’, 2) ‘запретить после освобождения из мест лишения свободы жить в определенном месте’, 3) ‘избить’. В жаргонном общемолодежном дискурсе она известна только в третьем значении. Появившиеся в жаргоне и попавшие затем в сленг, такие неофраземы со временем пополняют арсенал разговорного стиля: *забивать стрелку* – ‘договариваться о месте и времени встречи’, *не переводи стрелки* – ‘не обвиняй другого’; *крыша поехала* – ‘кто-то лишается разума, способности здраво рассуждать’. В условиях разговорного дискурса они получают некоторую синтагматическую свободу. Ср. вариативность (а) глагольного компонента в фраземах *крыша* ***поехала*** (***съехала, едет, поедет***), ***течет*** (***протекает, протекла***), ***едет*** (***поехала, отъезжает***), ***улетает*** (***слетает***); *крышу сносит* (*снесло, снесет*); (б) именного компонента *крыша* – ***крышняк / крышак*** *поехал, дымит*.

По когнитивно-ономасиологическому признаку неофраземы можно разделить на четыре группы. Неофраземы первой группы появляются для называния реалий и понятий, которых раньше не существовало в жизни народа. Неофраземы второй группы создаются для называния явлений, которые уже имели место в жизни общества, но не получили по тем или иным причинам, в частности идеологического характера, своего наименования. В третью группу входят неофраземы, которые обозначают реалии, не существующие в действительной жизни, но прогнозируемые, возможные в фантазиях, при дальнейшем развитии науки и техники. Четвертую группу составляют неофраземы, которые дублируют слова с тем же значением. Это могут быть полные синонимы, тождественные по значению, но все же различающиеся экспрессивно-стилистической окраской.

II. Лингвоконцептуальный анализ неофразем предполагает выявление когнитивно-ономасиологических схем, порождающих устойчивые сочетания слов на основе соответствующей ассоциативно-смысловой мотивации. Основу таких схем составляют концепты, лежащие в основе фразеологической номинации, поскольку именно на уровне концептов осуществляются все процессы, связанные с формированием значения целого (Е. С. Кубрякова). Поэтому предметом когнитивно-ономасиологического анализа неофраземики является определение исходного концепта и реконструкция когнитивно-ономасиологического механизма косвенно-производного именования познаваемого или переосмысляемого объекта.

Потенциально важная с точки зрения коммуникативной прагматики информация как объект чувственного переживания, обычно нуждается не столько в объективном и беспристрастном номинировании, сколько в экспрессивно-образном знакообозначении, которое передавало бы ценностно-смысловые отношения к ней субъекта познания, который может быть не только персональным, но и коллективным. Справиться с этой сложной коммуникативно-прагматической задачей знакам прямой номинации не по силам. Языковое сознание ищет при помощи ассоциативного мышления *новые символы* [5, с. 117] косвенно-производного характера.

Репрезентация знаний о первичной денотативной ситуации, нуждающейся в коммуникативно-прагматической аранжировке, первоначально приобретает фреймовую структуру, которая может выступать когнитивным субстратом фразеологического значения самостоятельно, преобразоваться в некий суперконцепт, представление или образ. Фрейм – наиболее типичная для фразеологической семантики когнитив-

ная структура потому, что знания в ней формируются вокруг некоторого концепта, с которым и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (Т. А. ван Дейк). Структура значения неофраземы в таком случае приобретает полевую организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с фреймом. Соотносимое с концептом ядро ФЗ представляет собой его интенсионал, а соотносимая с фреймом периферия – импликационал.

Так, ядром значения неофраземы *железный занавес* – 'маска неприступности' служит концепт «непроницаемость», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру «сохранять (делать) индифферентное выражение лица, скрывающее мысли и настроение человека». С первичным денотатом генетическими узами связан импликационал (периферия ФЗ) «намеренно своим поведением или непроницаемым выражением лица что-л. скрывать». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «выстраивать прочную, непроницаемую преграду» и б) «внешняя политика закрытого общества». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «маска, скрывающая лицо», ассоциирующаяся с известным образом «железной маски» и т. п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «закрытый для других человек, хорошо скрывающий свои мысли, переживания и чувства»; б) «надежная маскировка». Благодаря тому, что выделенные коннотации находятся между собой в определенных смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), они образуют сложную импликациональную структуру фреймового типа.

Смыслообразующим источником фразеологической семантики выступает к о н ц е п т, а когнитивной основой интерпретанты фразеологического знака – ф р е й м. Кроме того, концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы *неологизации* и *понимания* неофраземы. В силу такого их когнитивного статуса они «вынуждены» дублировать свою структуру для достижения необходимого в коммуникации взаимопонимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М. А. Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии / М. А. Алексеенко // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologija w nowej Europe / pod red. M. Aleksieenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szcecin, 2002. – S. 23–33.
2. Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеорлогизации / Н. Ф. Алефиренко // Фразеология и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистические и методические аспекты): Междунар. научно-практ. конф., посвящённая юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М.: Элпис, 2008. – С. 23–28.
3. Архангельська Алла. Фонові знання носіїв мови та фразеологічна неологіка пострадянської доби (на матеріалі української преси останнього десятиріччя) / А. Архангельська // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologija w nowej Europe / pod red. M. Aleksieenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szcecin, 2002. – S. 217–225.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.
5. Георгиева Стефка. Роль новых символов в формировании фразеологического образа / С. Георгиева // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologija w nowej Europe / pod red. M. Aleksieenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szcecin, 2002. – S. 117–125.
6. Мокиенко В. М. Проблемы европейской фразеологической неологики / В. М. Мокиенко // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologija w nowej Europe / pod red. M. Aleksieenki, W. Mokijenki, H. Waltera. – Szcecin, 2002. – S. 63–76.

Ю. М. Антоненко (г. Львов)

ЖАНРОВАЯ НОРМА НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Исследования речевых жанров в свете нового коммуникативно-прагматического подхода обусловили интерес ученых к проблематике научного общения. Изучение

© Антоненко Ю. М., 2013

жанровых особенностей научного дискурса мыслится как перспективное для понимания явления речевого жанра и коммуникативной деятельности в целом.

Важной составляющей жанрового анализа представляется рассмотрение категории жанровой нормы в ее взаимосвязи с экстралингвистическими факторами и конвенциями научного сообщества. Цель предпринятого исследования – проследить динамику изменения жанровой нормы в течение тридцати лет и обозначить особенности ее реализации в научных рецензиях гуманитарного дискурса на материале академических изданий «Вопросы языкознания» и «Вопросы литературы» (далее – ВЯ и ВЛ) в период с 1980 по 2010 годы.

Жанр научной рецензии является давно сложившимся жанром с высокой степенью стандартизации на всех уровнях построения текста [2, с. 259]. При этом использование языковых средств автором рецензии подчинено общим требованиям, предъявляемым к научной речи – отвлеченность, объективность, точность и логичность изложения. Главным образом, выбор тех или иных языковых средств согласовывается с исторически выработанными конвенциями определенного культурного или профессионального сообщества, воплощенными в дискурсе.

Жанр научной рецензии характеризуется максимальным проявлением личностного начала в ряду других жанров научного дискурса, что влечет за собой системность реализации личности автора в тексте рецензии. Авторская модальность входит в поле жанровой нормы и обусловлена коммуникативной целью – дать объективную оценку месту и роли нового знания в системе уже существующего. Поэтому, например, негласный запрет на использование личного местоимения «я» в научном тексте будет соблюдаться авторами рецензий, тем не менее, его наличие в тексте не будет считаться нарушением норм научной речи, так как жанровая норма допускает эксплицитное выражение авторского «я».

Коммуникативные и языковые нормы создания речевых жанров, существующие в сознании участников научного дискурса, определяют «<…> не только как, какими словами, но и также о чем и что рекомендуется (или не рекомендуется) говорить или писать в данной коммуникативной ситуации» [1, с. 34]. Например, в 90-е годы XX века на фоне общей либерализации речи изменение жанровой нормы проявилось в использовании элементов публицистического, литературного, разговорного дискурсов, а также актуализации в текстах рецензий информации, не представляющей собственно научного интереса, что считалось бы несомненным нарушением в 80-е годы. Языковая реализация жанровой модели определяется в первую очередь коммуникативной установкой автора, связанной с достижением коммуникативной цели жанра наиболее приемлемыми для конкретного дискурсивного сообщества способами. Сознательное нарушение жанровой нормы может быть вызвано спецификой коммуникативной задачи, стоящей перед рецензентом.

Нарушением жанровой нормы будет считаться отсутствие разветвленной системы ссылок и сносок на рецензируемый труд и на ряд авторитетных научных работ, так как в них реализуется категория интертекстуальности, являющаяся жанрообразующей для научной рецензии. Значимость указанной категории для научной рецензии прослеживается в тенденции к увеличению количества интертекстуальных элементов в тексте. Особенности использования внутритекстовых сносок и ссылок в рецензиях ВЯ и ВЛ определяются спецификой коммуникативных задач. Рецензенты ВЛ чаще авторов рецензий ВЯ прибегают к ссылкам и сноскам для аргументации собственного мнения либо для сообщения читателю фоновых знаний; авторы рецензий ВЯ предпочитают использовать ссылки информативного характера.

В связи с этим следует отметить, что в ВЯ с 1980 года, кроме привычной системы внутритекстовых ссылок и сносок внизу страницы, после текста рецензии располагается список литературы. Если в 80-е годы лишь некоторые авторы начинают размещать список литературы после рецензии, то в 90-е годы наблюдается системное использование данного элемента. В 2000-е годы, на наш взгляд, размещение списка литературы становится обязательным элементом, а количество упоминаемых

работ может достигать 60–70 единиц. Авторы в равной мере отсылают читателя как к работам зарубежных ученых, так и исследованиям отечественных авторов, что существенно расширяет круг интертекстуальных связей текста рецензии и интегрирует его (а через него и адресата) в мировой научный контекст.

Специального рассмотрения требует вопрос о влиянии на формирование жанровой нормы такого значимого экстралингвистического фактора как социально-политические реалии. В тестах рецензий 80-х − начала 90-х годов отчетливо прослеживается тенденция к употреблению клишированных речевых оборотов, несущих ярко выраженный идеологический подтекст, что способствовало деперсонализации текста рецензии, его стандартизации и, в конечном итоге, нивелированию языковой личности рецензента. Процесс отхода от употребления такого рода конструкций, то есть, по сути, изменение жанровой нормы, происходил в последнее десятилетие XX века. На замену несущим идеологическую нагрузку языковым клише приходит прием языковой игры, широкое использование прецедентных знаков, характерные для эпохи постмодернизма.

Жанровая норма научной рецензии тесно связана с экстралингвистическими факторами и, в полной мере соответствуя принципам объективности и логичности изложения научного текста, детерминирована жанровой целью – оценкой нового знания. Особенности жанровой нормы определяются тем, что речевой жанр является не только инструментом реализации специфических коммуникативных задач и целей, но также является исторически сложившимся представлением участников научного сообщества о принципах построения и содержании научного текста. Отсюда можно сделать заключение, что формирование системы жанровых норм происходит под влиянием определенного дискурсивного сообщества и – шире – общества в целом. Полученные результаты позволили описать некоторые особенности жанровой нормы научной рецензии и особенности ее актуализации в конкретных текстах. Системное изучение данной категории видится значимым для изучения специфики реализации жанра рецензии в научном дискурсе, что представляет перспективу для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинин К. А. Стилистика французского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / К. А. Долинин. − М.: Просвещение, 1987. − 303 с.
2. Котюрова М. П. Культура научной речи : текст и его редактирование : учеб. пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 280 с.

А. Атанасова (г. София, Болгария)

СЛОВООБРАЗУВАТЕЛНИ ОСОБЕНОСТИ НА НОВАТА ГЛАГОЛНА ЛЕКСИКА В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК*

Заемането на думи от чужд произход е естествен процес в развоя на българския език, с което се постига обогатяване на лексикалната система с нови номинативни средства. През последните двадесетина години обаче се наблюдава подчертано активизиране на този процес, като факторите, които го обуславят, са свързани преди всичко с глобализацията и с развитието на компютърните, информационните и телекомуникационните технологии. Успоредно със заемането на нова лексика се установяват и две други характерни за българския език тенденции – 1. на домашна почва се образуват нови думи от заети лексикални единици; 2. развиват се нови значения при познати вече думи.

Обект на разглеждане в доклада са глаголните неологизми, възникнали по словообразувателен път в българския език, като целта е да се представят техните

© Атанасова А., 2013

* Изследването е проведено с финансовата подкрепа на Фонд „Научни изследвания” на Република България, договор ДТК 02/52 от 2009 г.

особености. Под глаголи, образувани по словообразувателен път, в настоящата работа се разбират такива глаголи, които се съотнасят структурно и семантично със съществуващи (включително и заети) в езика думи.[**]

Материалът за провеждане на изследването включва около 410 нови глаголни лексеми (неологизми и неосемантизми)[***], ексцерпирани от най-новия *Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.)* / Пернишка, Благоева, Колковска. – София: Наука и изкуство, 2010. – 515 с. Съпоставката между количествените данни в съществуващи работи върху неологизацията в българския език показва тенденция към увеличаване на процентното съотношение между новите глаголни лексеми и останалите нови думи – от около 3% от всички нови думи през 90-те години на XX в. [2, с. 445] до около 9% в началото на XXI в. [3, с. 79].

Глаголните неологизми, възникнали по словообразувателен път в българския език, представляват около 60% от глаголите в анализирания материал. Най-много от тях са суфиксални десубстантиви (70%), следвани от префиксални девербативи (23%), а най-малко са деадективни деривати (7%). От посочените количествени данни става ясно, че над 2/3 от всички нови глаголи, възникнали по словообразувателен в българския език, се съотнасят със съществителни имена, докато останалата 1/3 са глаголи, образувани от други глаголи или от прилагателни имена.

Съпоставката с представените от Д. Благоева данни показва, че броят на десубстантивните глаголни неологизми в *Речника на новите думи и значения* се увеличава за сметка на девербативите и деадективите.

Представянето на словообразувателните особености на новите глаголи в доклада върви в низходящ ред – от най-често към по-рядко срещаните.

I. Десубстантивни глаголи

Новите глаголи, възникнали по словообразувателен път от субстантивни основи, са суфиксални производни и се характеризират с мутационен или транспозиционен ономасиологичен тип. Според анализа на ексцерпирания материал суфиксите, с помощта на които се образуват тези глаголи, са:

-ира- 60 глагола: *блогирам*, *допингирам*, *миксирам*;

-изира- 55 глагола: *маркетизирам*, *партизирам*, *рутинизирам*;

-ва-/-н- 26 глагола: *бекъпвам/бекъпна*, *поствам/постна*, *хоствам/хостна*;

-ства- 10 глагола: *депутатствам*, *медиаторствам*, *секретарствам*

-и-[*] 6 глагола: *спамя*, *чатя*, *чейнджа*;

-ува- 4 глагола: *блогувам*, *митингувам*, *рейтингувам*;

-а- 3 глагола: *джиткам*, *кликам*, *чаткам*;

-ва- 3 глагола: *воайорствам*, *пиарствам*, *спрейвам*;

-ова- 2 глагола: *лизинговам*, *тунинговам*;

-е- 1 глагол: *мутрея*;

-осва- 1 глагол: *чадъросвам*;

-ясва- 1 глагол: *купонясвам*.

Количествените данни показват, че най-продуктивни са суфиксите *-ира-* и *-изира-*, с които се образуват около 65% от анализираните десубстантивни глаголи. С по-малка продуктивност са суфиксите *-ва-/-н-* и *-ства-* (около 20%), а всички останали са слабо продуктивни, тъй като с тях се образуват само отделни глаголни лексеми.

[**] За разликата между деривация и адаптация вж. [1].

[***] За съотношението между новозаетите или новосъздадените глаголи и глаголните неосемантизми, както и за разпределението на най-новата глаголна лексика по тематични групи вж. [5].

[*] В Академичната граматиката на съвременния български книжовен език е отбелязано, че „глаголният формативен (основната гласна *-и-* и окончанията) се прибавят направо към изходната основа и по този начин изпълнява и ролята на словообразувателен елемент“ [4, с. 27].

Изключение представляват глаголите *зарибявам се/зарибя се* и *раздържавявам/раздържавя*, които са образувани по префиксално-суфиксален начин от съответните именни основи.

II. Девербални глаголи

Новите девербални глаголи, възникнали по словообразувателен път в българския език, са префиксални производни и се характеризират с модификационен ономасиологичен тип. Според анализа на материала префиксите, с помощта на които се образуват тези глаголи, са:

де- (дез-) 25 глагола: *деактуализирам*, *дебъгвам*/*дебъгна*, *делегитимирам*;

из- 6 глагола: *издразням/издразня (се)*, *изкефвам/изкефя (се)*, *изпиратствам*;

ре- 6 глагола: *ребрандирам*, *рекомунизирам (се)*, *ремастерирам*;

раз- 5 глагола: *разархивирам*, *разкомпресирам*, *разпечатвам/разпечатам*;

с- 4 глагола: *сдухвам се/сдухам се*, *сработвам/сработя*, *стъжва ми се/стъжни ми се*;

ко- 2 глагола: *копродуцирам*, *кофинансирам*;

пре- 2 глагола: *предрусвам/предрусам*, *преинсталирам*;

на- 1 глагол: *надрусвам/надрусам*;

про- 1 глагол: *продрусвам/продрусам*;

съ- 1 глагол: *съфинансирам*.

С формант *само-* и рефлексивната частица *се* се образуват 3 глагола: *самоартикулирам се*, *самолегитимирам се*, *самопостигам се*/*самопостигна се*.

Както става ясно от приведените данни, най-продуктивен при образуването на нови глаголи е префиксът *де- (дез-)*, а по-слабо продуктивни са префиксите *из-*, *ре-* и *раз-*. Прави впечатление, че префиксите *де- (дез-)* и *ре-* обикновено се присъединяват към глаголи от чужд произход със суфикси *-ира-* и *-изира-*, докато *из-* и *раз-* се присъединяват и към глаголи от домашен произход.

III. Деадективни глаголи

Новите деадективни глаголи, възникнали по словообразувателен път в българския език, са суфиксални производни и се характеризират с мутационен ономасиологичен тип. Според анализа на материала суфиксите, с помощта на които се образуват тези глаголи, са:

-изира- 14 глагола: *криминализирам*, *тривиализирам*, *цифровизирам*;

-ира- 4 глагола: *стационирам*, *субективирам*, *трансцендирам*.

Анализът на материала показва, че по-продуктивен при образуването на нови деадективни глаголи е суфиксът *-изира-*, който най-често се присъединява към прилагателни имена със суфикс *-ен*, като в процеса на словообразуване *-ен* се отстранява от произвеждащата основа, напр.: *виртуален → виртуализирам*, *тривиален → тривиализирам*.

Наблюденията над материала подкрепят изказаното от Д. Благоева мнение, че в „редица случаи е налице двойна мотивираност на глаголите: съответно от прилагателни (...) и от съществителни...“ [3, с. 87], напр.: от *дигитален → дигитализирам* или от *дигитализация → дигитализирам*.

Интерес предизвиква и фактът, че една и съща произвеждаща основа служи за образуване на производни глаголи с различни афикси, напр.: от *блог → блог**ва**м*/*блог**на***, *блог**ира**м*, *блог**ува**м* и *бложа*, от *болд → болд**ира**м* и *болд**ва**м/болд**на***, от *финансирам → **ко**финансирам* и ***съ**финансирам*. В такива случаи в *Речника на новите думи в българския език* обикновено глаголът с неутрална семантика се представя с описателна дефиниция, докато разговорните и жаргонните глаголи се представят като негови синоними и се тълкуват чрез него, напр. *болдирам* ‘ошрифтявам текст в болд; болдвам’ и *болдвам/болдна* ‘болдирам’.

Направените наблюдения върху словообразувателните особености на новата глаголна лексика в българския език от края на XX и началото на XXI в. показва тенденция към запазване на процентното съотношение между новите глаголни лексеми и останалите нови думи – около 9%. Съпоставката между количествените

данни в съществуващи работи върху глаголната неологизация дават основание да се твърди, че броят на десубстантивните глаголни неологизми се увеличава за сметка на девербативите и деадективите. Потвърждава се изводът, че новите глаголи, възникнали по словообразувателен път в български, най-често са образувани със суфиксите *-ира-* и *-изира-*, като мотивиращи за образуването им са предимно заети лексикални единици.

В резултат от направеното проучване може да се заключи, че образуването на нови думи с домашни словообразувателни средства е активен процес в съвременния български език.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова, Цв. Адаптация и деривация (в българския и чешкия език) / Цв. Аврамова // Словообразуване и лексикология: докл. от X междунар. конф. на Комисията по славянско словообразуване при Междунар. комитет на славистите, София, 1–6 октомври 2007 г. – София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2009. – С. 313–322.
2. Атанасова-Ангелова М. Новите думи в българския език от словообразувателно гледище / М. Атанасова-Ангелова // Български език. – 1992. – № 2. – С. 440–447.
3. Благоева Д. Нова глаголна лексика в българския език / Д. Благоева // В търсене на смисъла и инварианта: сборник в чест на 80-годишнината на проф. Дина Станишева. – София : УИ „Св. Климент Охридски“, 2008. – С. 79–90.
4. Граматика на съвременния българския книжовен език. Т. 2. Морфология. Ч. 2. – София : Абагар, 1998. – 367 с.
5. Костова Н. Наблюдения върху нови глаголи и отглаголни съществителни в българския език / Н. Костова // Čeština v pohledu synchronním a diachronním. Stoleté kořeny Ústavu pro jazyk český. S. Čmejrková – J. Hoffmannová. – Praha: Karolinum, 2012, – С. 471–476.

Н. А. Баракатова (м. Дніпропетровськ)

ПОЛЬСЬКІ ЕПОНІМИ ЯК ЗНАКИ МІЖКУЛЬТУРНИХ КОНТАКТІВ

Епонімічні одиниці належать до проблемних питань сучасного мовознавства, зокрема вивчення їх специфіки як одиниць лексичного, словотвірного та граматичного рівнів мови. Тому важливим є з'ясування шляхів виникнення епонімів у сучасній польській мові, оскільки ці процеси є відмінними навіть у слов'янських мовах: напр., у сучасній польській мові наявна група епонімічних одиниць, не властивих ані російській, ані українській мовам (*adidasy* як загальна назва, що дає кросівкам видову назву від фірмо німа Adidas і под.). Розуміння особливостей номінації тих самих денотатів у рідній та іноземній (навіть слов'янській, до якої належить виучувана студентами польська) мовах призводить до утворення стійких асоціативних зв'язків, що стають важливою основою для засвоєння певних лексичних одиниць чужомовної системи.

Цікаво, що навіть сама лексема «епонім» спершу була власною назвою стародавнього урядовця, ім'ям якого у хронології називали період його каденції. На сьогодні найбільш продуктивними групами епонімічних одиниць сучасної польської мови є: 1) назви тканин і матеріалів, напр.: *adamaszek, angora, kaszmir, krepdeszyn, marengo, muślin, tweed*; 2) назви одягу і взуття, як-от: *baskijka, bermudy, kardigan, krawat, raglan*; 3) найменування напоїв, у т. ч. алкогольних, напр.: *armaniak, bordo, chablis, chianti, grog, madera, pilzner, tokaj*; 4) назви продуктів харчування і страв з них: *beszamel, majonez, pralinka, sandwicz, tabasko*; 5) назви абстрактних понять і процесів, як-от: *amory, bojkot*; 6) найменування осіб, напр.: *Adonis, Apollo, Casanova, Egeria, lolitka, Rambo*.

У межах практично кожної з окреслених груп можна виділити вужчі мікрогрупи, які характеризуються семантико-граматичною своєрідністю. Так, серед назв одягу виразно виокремлюється мікрогрупа назв штанів, які отримали свої найменування від онімів тих територій, у населення яких побутували ці предмети вбрання, напр.: *bermudy, teksasy*, або від назв-фірмонімів (*lewisy*). Детальної диференціації зазнала

© Баракатова Н. А., 2013

група із загальною семантикою назв напоїв, і зокрема підгрупа алкогольних, серед яких варто акцентувати вироби пивної промисловості (*bawarka, pilzner*), продукти виноробства (*bordo, bourbon, malaga, porto, tokaj*), а з-поміж найменувань гастрономічних товарів і страв з них – продукцію національних сироварень (*brie, camembert, garganzola, gouda, parmezan, rokfor*).

Окрему групу лексем, дотичних за внутрішнім змістом до епонімів, становлять слова, похідні від основ власних назв. Як правило, до неї належать терміни на позначення осіб чи абстрактних понять або процесів, напр.: *daltonizm, donkiszoteria, hamletyzm, masochizm,* що утворені переважно суфіксальним різновидом морфологічного способу словотворення. Однак ця група слів не становить труднощів для засвоєння студентами, оскільки її складові являють собою інтернаціоналізми, за винятком хіба тих, що виникли на власне польському ґрунті в результаті переосмислення літературних образів і персонажів, напр. *dulszczyzna, walenrodyzm*, і які потребують додаткового знання історії польської літератури (в наведених прикладах творів Габріели Запольської «Moralność paniDulskiej» (1906 р.) та Адама Міцкевича «KonradWallenrod. Powieść historyczna zdziejów litewskich i pruskich» (1828 р.).

Джерелами запозичень (як прямих, так і опосередкованих) для польської мови традиційно є французька і російська, і ця тенденція простежується й на рівні епонімічних засвоєнь. Так, виразним російськомовним походженням вирізняються лексеми типу *obłomowszczyzna, stachanowiec*, що засвідчують взаємозв'язки між двома слов'янськими культурами як дореволюційного, так і радянського періоду розвитку російської мови. Що ж до галльських запозичень, то їх франкомовність виявляється навіть у графічному позначенні: переважна більшість засвоєнь з французької мови зберігає написання мови-джерела, що потребує додаткових пояснень студентам при опануванні полонійного лексикону. Прикладами таких слів можуть бути *beaujolais, bourbon, chartreuse, camembert, chateubriand* тощо, якими послуговуються переважно в ситуаціях подорожей і господарчих закупівель.

Говорячи про графічне освоєння епонімів, не можна оминути увагою той факт, що серед назв осіб найчастіше спостерігається написання з малої букви, як-от: *alfons, amfitrion, gawrosz, kopciuszek, lowelas*, хоч значна частина таких лексем продовжує писатися з великої літери (напр. *Jonasz, Judym, Ksantypa, Papkin; Romeo*). Нечасто, однак також спостерігається, уживання великої букви в найменуваннях лексем з групи назв напоїв, і зокрема: *Dom Perignon, Martini,* проте *szampan, wermut*. Щодо слів останнього різновиду графічного відтворення, то їх семантична специфіка – власної чи загальної назви – встановлюється відповідних контекстом, про що варто наголосити студентам під час занять.

Несистемним явищем, на нашу думку, слід вважати епонімічні двокомпонентні утворення, які спостерігаються переважно серед гастрономічних об'єктів, напр.: *bloody Mary, Dom Perignon, ser edamski, boeuf Strogonow, ser tylżycki, sarepska gorczyca.*

Не можна оминути увагою також граматичного освоєння кожною мовою слів такого типу. Зокрема, серед польських лексем є такі, що характеризуються незмінною формою (*boeuf Strogonow*, *Dom Perignon*) або мають словозмінну парадигму (*raglan, lewisy, sandwicz, colt, brajl, bojkot, gilotyna*), хоч усі вони є похідними від прізвищ винахідників. Деякі епоніми відзначаються множинною формою, як-от: *bikini, bermudy, pantalony, landrynki*.

Таким чином, через опанування польських епонімів як одиниць міжкультурного простору відбувається не лише навчання іноземній мові, а й формування мовної і загальної культури студента як майбутнього фахівця-філолога і громадянина, його включення до загальносвітового культурного простору.

ЛІТЕРАТУРА

1. Kopaliński W. Słownik eponimów, czyli wyrazów odmiennych / W. Kopaliński. – Warszawa, 1996.
2. Słownik języka polskiego PWN /Słownik. – Warszawa, 2006.

Л. А. Баранова (г. Симферополь)

АББРЕВИАТУРНО-УЗУАЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ КАК ОСНОВА ОДНОГО НОВОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Аббревиатурно-узуальная омонимия, для обозначения которой используются и иные термины (двойная мотивация, омоакронимия и др.), – сознательное создание аббревиатуры или случайное совпадение её по форме с уже существующим в языке цельнооформленным словом. По мнению А. Ф. Журавлёва, такая аббревиатура «сознательно ориентирована на реально существующее в языке слово» [4, с. 83], в то время как А. В. Зеленин считает такую «сознательную ориентацию» только частным случаем, а фонетическое или графическое сходство аббревиатуры и апеллятива – внешним, поверхностным, случайным [5, с. 81–82]. Раскодирования аббревиатуры в подобных случаях не происходит, но очевиден рождающий каламбур процесс столкновения аббревиатуры и обычного слова или словоформы. Данное явление, как и дезаббревиация, используется в качестве игрового средства выражения экспрессии, причём в русском языке оно имеет ряд специфических особенностей применительно к аббревиатурам иноязычного происхождения.

Единого устоявшегося термина для определения подобного явления в современной лингвистике пока не выработано. В русской лингвистической традиции существовала стройная терминологическая система, в которой различались аббревиатуры инициальные, слоговые и смешанного типа; инициальные, в свою очередь, делились на звуковые, буквенные и звуко-буквенные, а для обозначения сокращений с двойной мотивацией, т. е. аббревиатур, совпадающих по своей форме с узуальными словами, и самого явления в целом служили термины *акронимы* и *акронимия*. Так, например, Н. С. Валгина пишет, что «наметилась новая тенденция в образовании звуковых и буквенных аббревиатур. Это слова с двойной мотивацией, слова-акронимы (первые буквы наименования, стянутые вместе, образуют знакомые слова). Они удобны, вызывают привычные ассоциации, благозвучны, запоминаемы. Это своеобразные, придуманные специально омонимы» [3, с. 115]. Однако в последние десятилетия, вероятно, под влиянием зарубежной лингвистики, в которой данный термин имеет более широкое толкование, он стал достаточно активно употребляться и в отечественной лингвистике (сначала в работах исследователей иностранных языков, а затем и в работах русистов) не только вместо термина *звуковая аббревиация*, но и термина *инициальная аббревиация*, и даже иногда как синоним *аббревиации* вообще, что создаёт совершенно недопустимое в науке смешение понятий. В результате этого группа сокращений, совпадающих по форме с узуальными словами, утратила своё чёткое определение, возникла потребность в новом именовании данного явления, и тогда стали появляться многочисленные новые термины: *коррелятивная аббревиация* (при этом под описание явлений, определяемых данным термином, подпадают не только омонимия аббревиатур и узуальных слов, но и дезаббревиация) [2], *узуально-аббревемная омонимия* [10], *омоакронимия* [10; 12], *двойная мотивация* [13; 14], а сами совпадающие в результате подобного явления формы получили названия: *аббревиатуры-омонимы* [7; 11], *акронимы-омонимы* [2; 8], *омонимы-акронимы* [15], *омоакронимы* [6; 10; 12]. Приведённые термины, на наш взгляд, не отражают всей сути описываемого явления и, в силу своей нечёткости, могут допускать смешение явлений *омонимии аббревиатур* и *узуальных слов* и *омонимии аббревиатур*. В качестве рабочей версии в рамках данного исследования нами используются термин *аббревиатурно-узуальная омонимия* (в отличие от *аббревиатурной омонимии*). Оптимальным вариантом был бы, на наш взгляд, возврат к однозначному использованию термина *акронимия* в его исходном значении, однако поскольку теперь этот термин прочно отягощён расширительными его толкованиями,

© Баранова Л. А., 2013

подобный возврат, к сожалению, уже невозможен, и вопрос о новом термине, ёмко выражающем сущность определяемого явления, остаётся пока открытым.

Игровое использование лексической омонимии аббревиатур и собственных или нарицательных имён на материале русского языка описано в целом ряде работ [4; 5; 6; 8; 14], авторы отмечают, что намеренное сближение, «маскировка» аббревиатуры под обычное слово создаёт каламбур, привносит дополнительные коннотации. Подобные процессы широко распространены и в других языках (в частности, в английском) [2]. Однако что же происходит на стыке языков, в процессе заимствования иным языком аббревиатуры, имеющей в родном языке омонимичное узуальное слово? Сохраняется ли связь между членами омонимичной пары в процессе переноса аббревиатурной единицы в чужую языковую среду? Наблюдения показывают, что в языке-реципиенте подобная связь почти всегда утрачивается. Она может быть очевидна для людей, владеющих иностранным языком, из которого заимствована конкретная аббревиатура, но для большинства носителей языка-реципиента подобные нюансы языковой игры остаются «за кадром». Совершенно очевидно, что при сознательном формировании омонимичной пары в одном и том же языке узуальное слово подбирается, а аббревиатура составляется таким образом, чтобы вызывать определённые ассоциации либо привносить элемент коннотаций экспрессивного характера. Однако в процессе заимствования графически не освоенной или транслитерированной аббревиатуры все эти глубинные ассоциации, создающие двуплановость восприятия, семантическую ёмкость, утрачиваются, и аббревиатура переходит в другой язык лишь со своей номинативной составляющей. В отдельных случаях может заимствоваться не сама аббревиатура, а калька её омонимичной пары – узуального слова.

Значительный интерес вызывает, на наш взгляд, и крайне редкий случай, когда вновь образованная аббревиатура мотивируется как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте средствами иного, третьего языка. Речь идёт о появившейся в последние годы в английском и в заимствовавшем её русском языке аббревиатуре ***S.P.A.*** (в русском языке она используется как в латинской графике ***SPA***, так и в кириллическом написании ***СПА***), обозначающей комплекс разнообразных оздоровительных процедур, преимущественно связанных с водой. Аббревиатура эта имеет в английском языке узуальный омоним ***spa***. Заметим, что и доныне в толковых и переводных словарях английского языка приводится лишь лексическая единица ***spa*** со значением ‘минеральный источник, курорт с минеральными источниками’, восходящая к ставшему нарицательным названию бельгийского города Spa, известного своими лечебными минеральными источниками ещё с древних времён. Омонимичная аббревиатура появилась в рекламно-коммерческой сфере английского языка (а затем и в соответствующей сфере русского языка) лишь на рубеже XX–XXI вв. и стала толковаться как инициальное сокращение латинского выражения *«Sanitas per aquam»* – ‘Здоровье через воду’, являющегося в свою очередь перифразом второй части известного латинского выражения: *«In vino – veritas, in aqua – sanitas»* – ‘В вине – истина, в воде – здоровье’. В русском медийно-рекламном дискурсе зачастую встречаются и грамматически неправильные варианты данного сочетания: *«Sanitas pro aqua»*, «*Sanus per aquam»*, *«Sanitas per aquas».* Наличие подобных вариантов расшифровки данной аббревиатуры также указывает на её новизну и вторичность по отношению к узуальному слову. В последнее время наблюдается тенденция ещё более расширенного толкования значения данного образования: в комплекс SPA-процедур включаются уже и разного рода оздоровительные процедуры, с водой не связанные (массаж, ароматерапия, фитотерапия, солярий и т. п.). Приписываемое данной аббревиатуре толкование через латинский язык как бы указывает на древность данного сокращения и, соответственно, на древность традиций предлагаемых под этим наименованием оздоровительных услуг, что, по замыслу, должно формировать позитивное восприятие потребителя. Совершенно очевидно, что данное образование искусственно создано в рекламных целях, однако в английском языке наличие тематически близкого ему омонимичного узуального слова способствует более ёмкому его

восприятию. Русским языком узуальное английское слово *spa* заимствовано не было, но была заимствована и быстро получила широкое распространение в медийно-рекламной сфере аббревиатура с латинским развёрнутым прототипом. Обусловленная омонимией языковая игра в данном случае очевидна лишь в языке-доноре и не просматривается в языке-реципиенте. Аббревиатура ***SPA*** / ***СПА*** употребляется в русской письменной речи главным образом в структуре биномов (особого рода сложных слов) с аббревиатурным компонентом, где его сочетаемость чрезвычайно широка и представляет собой открытый ряд: *SPA-курорт, SPA-комплекс, SPA-центр, SPA-салон, SPA-технологии, SPA-лечение; СПА-процедуры, СПА-массаж, СПА-косметология, СПА-туризм* и т. п. – *Местные гостиницы славятся великолепным* ***SPA*** *с полным ассортиментом современных косметологических услуг* (МК в Укр., 2008, № 33); *Пожалуй, самые распространённые виды* ***SPA*** *– это* ***SPA-центр*** *при отеле или* ***SPA-отель****, вся инфраструктура которого связана с оздоровлением* (АиФ. Здор., 2008, № 34); *В дорогих салонах вам предложат самые разные виды популярной сейчас* ***СПА-терапии****.* (КП в Укр., 22.08.08)» [1, с. 277–279].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова Л. А. Особенности дезаббревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24 (63), № 1, ч. 1. – С. 317–323.
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М.: Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для ст-в вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. Журавлёв А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлёв // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45–109.
5. Зеленин А. В. Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78–97.
6. Косарева О. Г. Аббревиатуры как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 85–89.
7. Костюков В. М. Об одной разновидности индивидуально-авторских слов / В. М. Костюков // Русский язык в школе. – 1986. – № 4. – С. 93–97.
8. Лейчик В. М. Пиар и другие аббревиатуры / В. М. Лейчик // Русская речь. – 2002. – № 5. – С. 40–44.
9. Леонович О. А. Дезаббревиация в английском языке / О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 8. – С. 71–74.
10. Липатов А. Т. Омонимия и аббревиация / А. Т. Липатов // Науч. докл. высш. шк. Филологические науки. – 1984. – № 3. – С. 50–56.
11. Минакова М. А. Омонимичные слова-аббревиатуры в литературном языке советской эпохи / М. А. Минакова // Русский язык в школе. – 1985. – № 6. – С. 99–101.
12. Сахибгиреева Л. В. Проблемы аббревиации в разноструктурных языках: деривационно-номинативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Сахибгиреева. – Уфа, 1998. – 134 с.
13. Светличная Н. О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: дис. … канд. фил. наук / Н. О. Светличная. – Ростов-на-Дону, 2009. – 155 с.
14. Стахеева А. В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века): автореф. дис. … канд. филол. наук / А. В. Стахеева. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.
15. Ярмашевич М. А. Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистическом и научном стилях (к проблеме соотношения кода и текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Ярмашевич. – Саратов, 1990. – 16 с.

Ш. Р. Басыров (г. Донецк)

ОБ ОДНОЙ УНИВЕРСАЛИИ В СФЕРЕ ГЛАГОЛОВ С РЕФЛЕКСИВНЫМ КОМПЛЕКСОМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Современные сопоставительно-типологические исследования в области лексики и словообразования направлены на выяснение универсальных черт, которые в разных языках находят свое специфическое проявление [1; 2; 3; 4]. Выявление уни-

© Басыров Ш. Р., 2013

версалий позволяет глубже проникнуть в закономерности, определяющие строй языка, вскрыть глубинные закономерности организации смыслов, установить значимые параметры первичных функций, образующих универсальный компонент языка, а также исследовать поверхностные закономерности формы и реализации вторичных функций, образующих его идиоэтнический компонент.

В лексической системе каждого языка находит свое отражение практическая значимость (ценность, полезность) определенных объектов, предметов, явлений для жизни и деятельности этноса.

Статья посвящена изучению универсалий в сфере типологического изучения глаголов с рефлексивным комплексом (ГРК), т. е. сложным формантом, в состав которого в качестве конститутивного входит рефлексивный элемент (РЭ). Под ГРК понимаются такие глаголы, которые образуются путем одновременного присоединения к мотивирующей основе (МО) на одном деривационном шаге всех составляющих рефлексивного комплекса (РК). Рефлексивный комплекс может состоять из РЭ и префикса [см. (1)], РЭ и суффикса [см. (2)] либо из префикса, суффикса и РЭ в их различных комбинациях [см. (3)]. Ср.: (1) укр. *спати* → *<u>ви</u>спати<u>ся</u>*; рус. *спать* → *<u>вы</u>спать<u>ся</u>*; белорус. *спаць* → *<u>вы</u>спацца*; чеш. *spati* → *<u>vy</u>spati <u>se</u>*; нем. *schlafen* → *<u>sich aus</u>schlafen*; лит. *miegoti* → *<u>iš</u><u>si</u>miegoti*; (2) укр. *брат* → *брат<u>а</u>тися*; рус. *брат* → *брат<u>а</u>ться*; белорус. *брат* → *брат<u>а</u>цца*; (3) укр. *бідний* → *<u>при</u>бідн<u>и</u>тися* (разг.); рус. *бедный* → *<u>при</u>бедн<u>и</u>ться* (разг.); белорус. *бедны* → *<u>пры</u>бедн<u>і</u>цца*. Глаголы данного типа представляют собой один из интересных и недостаточно изученных разрядов лексики, существующий в таком виде лишь в индоевропейских языках.

Эмпирический материал настоящего исследования составляют данные о ГРК, входящих в одну семью языков (индоевропейскую), представляющих в ней следующие группы: 1) *германские*: английский, немецкий, датский, норвежский, шведский, исландский, голландский; 2) *славянские*: русский, украинский, белорусский, чешский, словацкий, польский, македонский, болгарский, сербскохорватский; 3) *балтийские*: латышский, литовский; 4) *романские:* французский, итальянский, испанский, румынский, молдавский, португальский; 5) новогреческий язык (*греческая* группа). Набор (список) языков включает, таким образом, в свой состав 25 языков.

Отглагольные ГРК в языках набора обладают рядом общих черт в отношении признака «качество результата, которого добивается субъект в процессе выполнения им действия, обозначенного мотивирующим глаголом». С учетом этого обстоятельства отглагольные ГРК были упорядочены в следующие три типа: 1) ГРК с *положительным* результатом для субъекта действия; 2) ГРК с *отрицательным результатом* для субъекта действия; 3) ГРК с *нейтральным результатом* для субъекта действия.

В качестве *положительного* результата для субъекта ГРК условно принимается некоторое желаемое (полезное) состояние, которое возникает вследствие выполнения субъектом действия, обозначенного мотивирующим глаголом. Это состояние является обычно следствием целенаправленного действия со стороны субъекта, стремящегося удовлетворить некоторые свои потребности, преодолеть определенные трудности, извлечь пользу для себя и т. п. (см. [1]).

В качестве *отрицательного* результата нами принимается некоторое нежелательное состояние, возникающее вследствие выполнения субъектом действия, обозначенного мотивирующим глаголом. Данное состояние часто является следствием чрезмерно интенсивного либо длительного осуществления субъектом действия, обозначенного мотивирующим глаголом. Наиболее типичными негативными последствиями этих действий являются усталость, болезнь, травма, ошибка, опоздание. Ср.: (4) укр. *їсти* → *об'їстися* ‘съесть слишком много, переполняя желудок’; аналогично: белорус. *есці* → *аб'есціся*; польск. *jeść* → *objeść/przejeść się*; с.-хорв. *jecmu* → *објести/појести се*; чеш. *jisti* → *přejisti se*; болг. *ям* → *оям се*; словац. *jesť* → *objesť sa*; нем. *essen* → *sich überessen*; швед. *äta* → *föräta sig*; норв. *spise* → *forspise seg*; дат. *spise/ æde* → *forspise/foræde sig*; лит. *ėsti/valgyti* → *persiėsti/persivalgyti/apsivalgyt*.

Нейтральные ГРК обозначают действия с неочевидным или нейтральным результатом для субъекта действия. Данные ГРК являются акциональными глаголами, описывающими различные фазы (способы) протекания глагольного действия (начало, развитие, завершенность с различными оттенками). Ср.: (5) укр. *гука́ти* (разг.) ‘громко звать кого-л., кричать кому-л.’; *горлати* (разг.) ‘громко говорить, кричать, петь во все горло’; *ґвалтувати* (разг.) ‘кричать, шуметь’ → *розгукатися* (редко) ‘раскричаться’; *розгорлатися* (разг.) ‘начать много кричать’; *розгвалтуватися* (разг.) ‘начать кричать, шуметь’; болг. *кряскам* ‘кричать’; *вряскам* ‘громко кричать’ → *разкряскам/развряскам се* ‘раскричаться’; лат. *bļaut* ‘кричать’ → *iebļauties* (разг.) ‘закричать’.

Типологическая продуктивность ГРК определенной семантики коррелирует с их продуктивностью в отдельно взятом языке (например, в немецком языке), т. е. смысловые группы, отмеченные в бóльшей части языков списка, включают в немецком языке обычно бóльше ГРК, чем группы, отмеченные в меньшей части языков либо в нескольких языках (см. табл. 1).

Следует, однако, заметить, что между степенью типологической продуктивности определенной семантической группы и степенью ее продуктивности в отдельно взятом языке (например, в немецком) не существует прямой (пропорциональной) взаимозависимости (см. табл. 2).

Таблица 1

Типологическая продуктивность отрицательных ГРК

№	Семантические группы отрицательных ГРК	Количество языков с данной семантикой	Количество ГРК в немецком языке
1.	“S (= субъект) слишком долго и/или много делает Vm (= действие, обозначенное исходным глаголом) до определенных неприятностей” (*sich überarbeiten ← arbeiten*)	19	57, 9 % (99)
2.	“S неправильно/с ошибкой делает V m” ((*sich verzählen ← zählen*)	16	36,3 % (62)
3.	“S непреднамеренно сообщает что-л., совершая Vm” (*sich verplappern ← plappern*)	14	5,8 % (10)
	Всего:	–	100 % (171)

Таблица 2

Типологическая продуктивность положительных ГРК и их продуктивность в немецком языке

Семантические группы положительных ГРК	Количество языков с данной семантикой	Количество ГРК в немецком языке
1. “S делает V m в течение времени определенного времени и приобретает определенные умения, навыки, привычки и т.д.” (*sich einspielen/ einfliegen*)	15	28,2 % (22)
2. S добивается определенной цели посредством Vm (*sich einheucheln/eischwatzen*)	14	23,1 % (18)
3. S вдоволь/до предела делает Vm (*sich ausschwatzen/ ausweinen*)	13	48,7 % (38)
Всего:	–	100 % (78)

Из табл. 2 видно, что ГРК сативного способа действия (S вдоволь/до предела делает Vm) являются типологически продуктивными глаголами, отмеченными более, чем в половине исследованных языков (в 13 из 25). ГРК данной семантики обладают наивысшей продуктивностью в немецком языке, по сравнению с ГРК смысловых групп 2 и 1 (см. табл. 2), у которых, однако, степень типологической продуктивности несколько выше (соответственно 14 и 15 языков), чем у ГРК рассматриваемой группы. Данная диспропорция объясняется особенностями глаголообразовательной системы немецкого языка. В современном немецком языке ГРК с превербом *aus-* обнаруживают серийные образования с семантикой «субъект вдоволь/до предела делает то, что обозначено мотивирующим глаголом», в особенности в разговорной речи. Добавим, что многие из них носят фамильярный (грубый) оттенок либо отрицательно

коннотированы и территориально маркированы, ср.: (6) *sich ausplauschen* (ю.-нем. австр. разг.)/*aussülzen* (ю.-нем.)/ *ausratschen* (берл. фам.) ‘наговориться’ (← *plauschen* (ю.-нем.) */ sülzen* (ю.-нем.) */ ratschen* (ю.-нем.) ‘болтать’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Басиров Ш. Р. Типологія дієслів із рефлексивним комплексом в індоєвропейських мовах (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження) / Ш. Р. Басиров. − Т. 1. − Донецьк: ДонНУ, 2004. − 333 с.
2. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: учеб. пособие на рус. языке / Э. Ш. Генюшене. – Вильнюс: Вильнюс. гос. ун-т им. В. Капсукаса, 1983. – 168 с.
3. Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). – М.: Прогресс, 1970. – С. 31–44.
4. Ніколаєва Л. Б. Типологія термінів спорідненості (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження) / Л. Б. Ніколаєва. – Т. 3. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – 255 с.

Е. И. Беглова (г. Стерлитамак, Башкортостан)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ТЕКСТАХ МАЛЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

К текстам малых речевых жанров мы относим жанры массовой культуры мини-анекдоты, афоризмы, приколы, антипословицы, а также «однострок / одностишие». В широком смысле антипословицы, в терминологии Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, – краткие изречения, представляющие собой результат трансформации какой-либо известной паремии, афоризма, крылатого выражения знаменитых людей [1, с. 8–9], например, у М. Задорнова [3]: *Как бухнётся, так в трубочку и дыхнётся!* (ср. с узуальной пословицей: *Как аукнется, так и откликнется*): *бухнуть / бухать – общ. жарг.* выпить спиртного; *дыхнуть в трубку* – процедура на определение степени опьянения. По нашему мнению, именно малые речевые жанры актуальны в СМИ и разговорной речи с конца XX–XXI вв., в которых находят отражение существенные изменения в российском обществе и в мире. Тексты названных жанров имеют смеховую тональность разной модификации: шутка, лёгкий юмор, комизм, ирония, сарказм; демонстрируют разные оценки явления, являющегося объектом смеха: пренебрежение, уничижение и др. К текстам малых речевых жанров принадлежат авторские «одностишия» и «одностроки», популярные в современной массовой культуре, а также художественной литературе (в прозе и стихах), например, В. П. Вишневского, О. В. Арефьевой: *«Вы клеились ко мне, не отпирайтесь!»; Любви моей не порти хмурой миной.* Как показали наши наблюдения за своеобразными жанрами, *одностишия / одностроки* характеризуются социальной направленностью, а также репрезентацией элементов русской смеховой культуры, имеющей основную цель: высветить путем смеха (в разных его формах) важное для общества и индивида явление для его преображения, улучшения или устранения в будущем как негативного, противоречащего этическим правилам социума. Например, у М. Задорнова [3]: *Надпись на киоске: «Закрыто. Понятно?».* В данной работе мы остановимся на одном типе креативных (творческих) текстов малых речевых жанров, которые порождаются с помощью включения окказиональных слов. *Окказионализм* – слово или словосочетание, созданные автором для определенного текста в целях воздействия, суггестии, на адресата и не имеющие литературных слов-синонимов.

Мини-анекдоты, афоризмы, приколы частотны в развлекательных газетных и журнальных рубриках 2000-х гг. Следует отметить, что порождение такого рода текстов требует от адресанта языковой, коммуникативной и культурной компетентности. Прежде всего таким требованиям к компетентности речевой личности соответствуют конкретные авторы как языковые личности: писатели, поэты, журналисты. Например, современный писатель-сатирик М. Задорнов, используя жанр «*однострок» – задоринку*, – создает тексты смеховой направленности, применяя разные приёмы языко-

© Беглова Е. И., 2013

вой игры, в том числе и окказиональную лексику, фразеологию, например: ***Свободные цены*** *– это когда пришёл в магазин, увидел цены и – свободен!* [3, с. 384]; устойчивое словосочетание *свободные цены* наполняется авторским значением, основанным на наблюдении за поведением покупателя: «слишком высокие цены на товары, никем не контролируемые», приводят в замешательство покупателя, который не в состоянии купить товары по предлагаемым ценам. Текстообразующим фактором в данном случае является семантический окказионализм *свободные цены*. Или: ***Пигмент*** *– маленький милиционер* [3]. Окказионализм образован путем контаминации двух слов: *пигмей* – маленький человек; *мент* – из жаргона; разговорное, сниженное, милиционер [5, с. 342]. ***Чинарик*** *– мелкий чиновник в министерстве* [3]. Окказионализм образован суффиксальным способом от слова *чин* + уменьшительный суффикс *-ик* и соотносится прежде всего со словом *чиновник,* а также ассоциативно со словом *чинара.* В основе такого рода текстов часто лежит приём псевдомотивации (ложной этимологии), способствующий созданию окказионализма, в том числе и семантического. Тексты подобного рода являются креативными и имеют конкретных авторов. Например, *новословия* В. Чхана [6] (название жанра – термин самого автора): ***Конураж*** *– жилая площадь в квадратных метрах.* Окказионализм создан контаминацией слов *конура* – «маленькое помещение» и *метраж;* ***Намордашник*** *– марлевая повязка.* Контаминация слов *морда / мордашка* и *намордник* (у животных, чаще у собак, приспособление для рта, с помощью которого собака становится безопасной для окружающих); ***Мракобез*** *– обилие света.* Окказионализм основан на прибавлении приставки *без-* со значением отрицания к слову *мрак* в качестве второй части слова, само же слово созвучно узуальному *мракобес,* то есть наблюдается паронимия узуального и окказионального слов, что усиливает смеховую тональность и вызывает у адресата ассоциативные смыслы разных уровней: языкового, культурного. Приёмы создания окказионализмов в текстах, представляющих собой «однострoки», повторяются, их можно отнести к суггестивному словообразованию [4, с. 265], то есть когда любой окказионализм как словотворческий акт имеет воздействующий характер на адресата, его цель – вызвать у адресата ассоциации, подключить его сознание и подсознание для рефлексии. Именно в этом мы видим суть окказионализма вообще, а тем более окказионализма, являющегося структурным и смысловым компонентом текста малого речевого жанра. Итак, авторские тексты малых речевых жанров обусловливаются конкретной языковой личностью, обладающей культурным и языковым потенциалом.

Интерес представляют мини-анекдоты, приколы, утратившие авторство и вошедшие в народный речевой фонд, в фольклор. В них окказиональное слово, как правило, является базовым смысловым и структурным компонентом, например: *Как по-украински будет* ***Русалочка****?* – ***Укралочка****.* («МК» в Башкортостане. 20–27.02.2008). Окказионализм *укралочка* образован по аналогии с узуальным словом *русалочка*, но он вызывает ассоциации на языковом уровне со словами *Русь*, *Украина;* с названием сказочного, фольклорного персонажа *русалка* и глаголом *украсть*; на культурном уровне: слова воспринимаются как названия жителей этих стран. В результате появления и совмещения в сознании адресата этих ассоциаций порождается смех, ради чего и создается такого рода текст.

Иногда в создании окказионализмов используется известный продуктивный словообразовательный элемент, например, *-ман* (из *англ., человек*; в английском языке *-ман* может выступать словообразовательным элементом, суффиксом). В русском языке отмечается в литературном слове *наркоман*; данная модель становится продуктивной: *кофеман, балетоман*, *киноман, клипоман* и пр. В юмористических текстах малых речевых жанров подобная модель используется для создания окказионализмов, служащих конденсатом злободневных проблем и явлений: *Минздрав России сообщает о появлении нового психического отклонения – в крупных городах появились первые* ***паркоманы*** (Зеркало. 16.02.2005). *Паркоманы* – наблюдается двусмысленность слова, которая вызывает ассоциации, связанные с реальными яв-

лениями: 1) любители бродить без цели по паркам; 2) любители парковать автомобили там, где нужно остановиться, несмотря на дорожные знаки-запреты. При создании окказионализмов используются разнообразные приемы языковой игры, потенциал единиц разных уровней русского языка, например, паронимическая аттракция, основанная на основе созвучия фонетических сегментов слов: *На Вологодщине появились первые* ***банькоматы****. За небольшую сумму наличными купюрами автомат вас попарит веничком, а также потрет спину мочалкой* (Зеркало.16.02.2005.). Окказионализм *банькоматы* ассоциируется с созвучным узуальным словом *банкоматы* – «автоматическое устройство для получения денег по карте» [5, с. 31]. Вставка дополнительной буквы (мягкого знака), то есть эпентеза, вызывает ассоциации со словом *банька***,** смысл окказионализма завершает разворачивающийся контекст прикола, подтверждающий возникшие у адресата ассоциации при восприятии окказионализма. Вставка, то есть эпентеза, или замена буквы в литературных словах – это распространённый приём создания окказионализма. Например в приколе: О*ни приходят ночью… Смотрите у своих холодильников – «Ночной* ***дожор****»* (Зеркало. 16.03.2005.). Замена одной буквы в узуальном словосочетании, являющемся названием известного кинофильма 2000-х гг. «Ночной дозор» приводит к новому смыслу, отражающему поведение человека, который любит ночью перекусить. В результате замены буквы, то есть способа сегментно-сегментной субституции [2, с. 97] создаётся окказионализм, который по смыслу соотносится с просторечным глаголом *жрать* (*есть, доедать*), в результате чего создается шутливая тональность. Фонетическое созвучие сегментов слов – также активный приём в порожднении окказионализма, например: *В каждой женщине должна быть своя* ***безуминка*** (Зеркало. 18.05.2005.). Окказиональное слово *безуминка*, являющееся универбатом словосочетания *без ума,* паронимически соотносится с узуальным словом *изюминка*, и текст приобретает новый смысл, содержащий положительную оценку непредсказуемого поведения женщины.

В текстах малых речевых жанров смеховой тональности используются прецедентные тексты, которые трансформируются, в частности, путем включения в известный текст окказионализма: *Прикол: Негритянка в 45* ***– бабачернослив*** *опять!* (Зеркало. 6.04.2005.). Известная узуальная фраза *«В сорок пять – баба ягодка опять»* служит основой для создания прикола. Окказионализм *бабачернослив* создан путем сложения слов *баба* + *чернослив* (сухофрукт). Смысл текста прогнозируется знанием адресата пресуппозиций: слива темного цвета, негр имеет тёмную кожу. Текст приобретает полисемантичность и шутливую окраску, что свойственно креативным текстам малых речевых жанров.

Таким образом, тексты малых речевых жанров смеховой тональности часто порождаются на включении в контекст окказионального слова, способного сконцентрировать в себе основной смысл и экспрессивность всего текста. В подобного рода текстах используется потенциал средств не только литературного, нормированного языка как ядра национального русского языка, но и ненормированные языковые единицы, заключающие в себе знания разного порядка: языкового, культурного, литературного, социального и др. Для создания окказионализма используются разные способы словообразования: сложение, универбация, сегментно-сегментная субституция; приёмы паронимической аттракции, контаминации слов, когда образуются слова-кентавры, эпентеза и др.

Именно окказиональные образования концентрируют в себе смех и основной смысл, который посылается адресату для ассоциативного восприятия, поэтому не все слушающие или читающие с первого раза одинаково понимают текст или не сразу понимают истинный смысл. Требуется вторичное воспроизведение текста, возвращение к нему с целью понимания подтекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.: Нева, 2006. – 576 с.

2. Дащенко О. И. Словообразовательные инновации в стихотворениях В. Мельникова / О. И. Дащенко // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: V Междунар. науч. конф. Днепропетровск, ДНУ им. Олеся Гончара, 7–8 апреля 2011 г. / отв. ред. Пристайко Т. С. – Д.: Нова ідеологія, 2011. – С. 95–97.
3. Задорнов М. Н. Вдруг откуда ни возьмись: Проза / М. Н. Задорнов. – М.: Эксмо, 2004.
4. Изотов В. П. Словарь окказионализмов Алексея Кручёных и суггестивное словообразование / В. П. Изотов, В. В.Панюшкин // Язык в меняющемся мире: межвуз. сб. статей / научн. ред. М. В. Сандакова. – Киров: Вят ГГУ, 2013. – 375 с.
5. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред и автор проекта С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
6. Чхан Владимир // Режим доступа: Владимир Чхан.-Я.ру.
7. Шевелев Илья. Афоризмы. Мысли. Эмоции / Илья Шевелев. – М.: Владос, 1997.

Л. А. Білоконенко (м. Дніпропетровськ)

ДИСКУРСИВНІ МАРКЕРИ КОНФЛІКТНОСТІ: КОГНІТИВНИЙ ТА ПРАГМАТИЧНИЙ АСПЕКТИ

Природу дискурсу, як правило, пов'язують із двома аспектами – прагматичним і когнітивним. Прагматичний аспект допомагає з'ясовувати ситуацію спілкування, визначати ступінь зв'язності тексту, його комунікативної адекватності, виявляти можливість його інтерпретації, тому дискурс у цьому аспекті має відношення до живого мовлення; когнітивний аспект звернений до ментальності учасників комунікації, що «дозволяє зрозуміти етнографічні, психологічні, соціокультурні стратегії і тактики, а також правила породження та декодування мовлення в певних умовах» [1, с. 10]. Конфліктна комунікація визначається рядом невідповідностей, які виникають між опонентами. Суб'єкти реалізують передачу засобами мови свого стану, використовуючи вербальні та невербальні символи. Вибір цих символів залежить від мовних реакцій сторін, їх інтенсивності, ступеня вирішення питання та пов'язаних з усвідомленням ситуації мовних маркерів («маркер – сигнал, який указує на функцію або властивість ... зазвичай позначає наявність або відсутність відмінних особливостей» [2, с. 6]). В нашій роботі дискурсивними маркерами будемо вважати мовні сигнали, які актуалізують процес конфліктної діалогічної комунікації у межах певного тексту.

Мета нашої роботи полягає у встановленні стратегій конфліктності діалогічного тексту в українській мові шляхом визначення функцій дискурсивних маркерів. Предметом дослідження є дискурсивні маркери як засоби реалізації конфліктності українського діалогічного тексту. Необхідність подібного дослідження визначається тим, що в ньому можуть бути визначені важливі теоретичні проблеми когнітивної та прагматичної лінгвістики, пов'язані зі стратегіями розуміння дискурсу та процесами структуризації тексту. Джерельною базою дослідження є мовний матеріал (біля 50 конфліктів), який зафіксовано у прозових творах українських письменниць (С. Андрухович, Г. Вдовиченко, Л. Денисенко, Є. Кононенко, Т. Малярчук, Н. Околітенко, С. Поваляєвої, М. Ряполової, Г. Тарасюк та ін.).

Лінгвокогнітивними маркерами міжособистісної конфліктної комунікації є володіння інформацією або її відсутність, модель особистісного уявлення опонентів про ситуацію, процес і результат побудови процесу спілкування, а також «гальмування» з умовиводом з предмету повідомлення через непідготовленість до нього. Конфліктогеном і сигналом конфлікту також може являтися ситуативна необхідність представляти не реальний світ, а уявний результат суб'єктивного сприйняття екстралінгвістичної ситуації, характерної для умов недостатньої інформованості. При цьому мовною реалізацією може виступати обман, приховування інформації, лестощі, чутки, домисли і т. п. У текстах художніх творів конфліктність таких ситуацій виражається за допомогою опису сумнівів, неспокою, тривоги, розчарування, сорому, незручності, дискомфорту, констатації когнітивної неузгодженості теоретичних і практичних знань, шви-

© Білоконенко Л. А., 2013

дкої когнітивної реакції вибору конструктивного виходу зі складної ситуації, неприйняття нової інформації, опису внутрішнього стану особистості, стриманості, відчаю, напруги у виборі реакцій. У мовному плані ці стани відображають категоричність судження, мовні елементи, які називають процес неприйняття нової інформації, речення з умовним способом дієслів у значенні категоричної вимоги, риторичні звертання, переривання процесу комунікації, обірвані речення, вигукові форми тощо. На позамовному рівні маркерами конфліктної взаємодії нерідко виступають: голосові характеристики, які супроводжують конфлікт (*кричить; кричав, багряніючи лицем*; *лається, стишеним голосом наказав*), кінетичні засоби (*кивнув, розвів руками*) тощо.

Лінгвопрагматичні особливості конфліктів лежать у сфері ситуації мовлення між учасниками комунікації, враховують рівень комунікативної компетентності співрозмовників та обставини взаємодії. Прагматичне припущення міжособистісного конфлікту передбачає знання про лінгвістичні маркери як сценарій мовленнєвої реакції суб'єктів, про співвіднесеність конфліктних мовних реакцій й емоційних реакцій, які складають самовизначення кожного з опонентів у конфлікті, з одного боку, і сприйняття джерел конфлікту, з іншого. Основою дослідження цих аспектів служить взаємодія мовного акту і контексту. Формантами таких станів виступають мовні маркери, серед яких лексичні та синтаксичні повтори (*Що ти верзеш? − Це не я верзу, це вона верзе*), пейоративи (*барига*, *лох*, *жора*, *лахудра*, *блін*, *хахаль*, *бардак*, *кінчений*, *сучий*, *прикокнути*, *не вертухайся*, *здуріти*, *подуріти*, *спаскудити*, *підставити, злити, кидати*, *пришити*), подвійне або множинне заперечення, наказовий спосіб дієслів (*не теренди, не переч*), опис психоемоційних станів (*надтріснутий голос, звучав його печальний тихий голос, понуро буркнув, погаслим голосом озвався Юрій*). Емоційно-експресивні маркери конфліктної взаємодії можуть бути представлені еквівалентами речень, неповними, неускладненими, односкладними реченнями. Такі синтаксичні структури уживаються для ствердження думки (*Аякже! Усе кину*), для заперечення (*Це неправда!, Тільки не це!*), для передачі емоцій (*Луїзо? Ти?! Ти що тут?!*; *Збожеволів!*; *Сука!*). До невербальних ознак конфлікту в цих випадках можна віднести почервоніння або збліднення обличчя, недружній погляд, скутість, загальмованість рухів (*мимоволі озирнувся до натовпу*, *збентежено роззирнувся*, *шарпнувся бігти, тихо м'яв у руках капелюх*).

ЛІТЕРАТУРА

1. Денисова С. П. Дискурс у сучасних комунікаційних системах / С. П. Денисова // Дискурс у комунікаційних системах. – К., 2004. – С. 5–14.
2. Каменский М. В. Социолингвистическая парадигма дискурсных маркеров: автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / М. В. Каменский. – Ставрополь, 2007. – 19 с.

Д. Г. Благоева (г. София, Болгария)

ТЕНДЕНЦИЯТА КЪМ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И НОВАТА БЪЛГАРСКА ЛЕКСИКА

Тенденцията към демократизация е универсална интегративна езикова тенденция [4], в която се открояват различни аспекти: социолингвистичен (разширяване на социалната база на книжовния език), личностен (активизация на съзнателното отношение на личността към книжовния език), функционален (разширяване на сферата на използване на книжовния език), интралингвистичен (изменения във вътрешната структура на книжовния език в резултат от взаимодействието му с различни некнижовни формации) [7, с. 10–13]. Както и останалите езикови тенденции тя се проявява не изолирано, а във взаимодействие с противоположната по характер тенденция – към интелектуализация.

© Благоева Д. Г., 2013

В отделните етапи от езиковия развой тенденцията към демократизация има различни проявления, което се обуславя от спецификите на социокултурните условия и езиковата ситуация [7; 6, с. 32]. Във времето на радикални обществено-политически, икономически и културни промени, протичащи в края на XX и началото на XXI в., се наблюдава активизиране на тази тенденция в славянските езици [8]. На лексикално и словообразувателно равнище демократизирането на езика намира израз най-вече в това, че редица разговорни и субстандартни елементи разширяват функционалната си сфера, като навлизат в официалната публична комуникация, главно в езика на медиите и (в по-ограничена степен) на художествената литература. Чрез посредничеството предимно на публицистичния стил някои от тези елементи може да претърпят стилистична неутрализация и да проникнат в системата на книжовния език.

В съвременния етап тенденцията към демократизация се проявява чрез отделни по-частни прагматично-стилистични тенденции: към колоквиализация, към жаргонизация (сленгизация) и към експресивизация [4; 8]. Тук ще бъдат разгледани по-важните особености в действието на тези частни тенденции в новата българска лексика.

1. Колоквиализация на новата българска лексика

Характерно е, че някои типични за разговорния стил на българския език словообразувателни средства и начини разширяват сферата си на употреба извън границите на неофициалната устна комуникация [1, с. 124]. Така например в съвременния публицистичен стил активно се употребяват нови имена за лица, произведени с помощта на маркираните като разговорни суфикси *-джи(я)* (*компютърджия*, *интернетаджия*, *голфаджия*, *атакаджия*), *-'ага* (*скромняга*, *финяга*), *-'ак* (*сдуханяк*), както и нови феминативи с разговорен характер (*войничка*, *подполковничка*, *деканка*, *боска*). Активизира се и употребата в писмената комуникация на универбирани единици, чието производство е присъщо на разговорната реч (*панелка* < *панелен блок*, *кабеларка*, *кабелка* < *кабелна телевизия*, *мобилка* < *мобилен телефон*).

В публицистичния стил зачестява употребата също така на разговорни неосемантизми, възникнали по пътя на метафоричния или метонимичния пренос (*закопчавам* 'арестувам, задържам', *гастрольор* 'криминално проявено лице, действащо извън обичайната си територията', *бакшиш* 'таксиметров шофьор', *чернодрешко* 'футболен съдия').

2. Жаргонизация (сленгизация) на новата българска лексика

Разпространение извън първоначалната сфера на употреба намират някои единици от общия жаргон (*не се дишам* с някого 'не мога да понасям някого'), младежкия жаргон (*яко* 'много добре, отлично', *кърти (мивки)* 'прави силно впечатление, поразява') или (в изолирани случаи) от жаргона на престъпните елементи (*поръчвам* някого 'плащам за ликвидирането на някого чрез наемен убиец'). Чрез езика на медиите отделни лексикални единици от жаргона на наркоманите стават познати и на кръгове извън наркоманската субкултура (*трева*, *коз* 'марихуана', *херца*, *херинга* 'хероин', *кокс*, *бело*, *бяло сладко* 'кокаин', *бонбони* 'екстази', *амфетки* 'амфетамини', *друсам се* 'приемам венозно наркотици').

Характерно явление е придвижването към общоупотребимата лексика на някои номинативни единици от компютърния сленг (*мейл*, *свалям*, *тегля* 'копирам информация от интернет', *записвачка, търсачка*), което е свързано с навлизането на компютърните технологии в бита и професионалната дейност на все по-широки кръгове от съвременното общество [5].

3. Експресивизация на новата българска лексика

Обособяването на експресивизацията като отделна частна тенденция е в известна степен условно, тъй като нейните прояви често съпътстват тези на колоквиализацията и жаргонизацията. Експресивизацията в българската неология е свързана със засилено навлизане на нови лексикални единици, носители на емотивно-оценъчни конотации. В съвременния период преобладаващо място заемат единици-

те с негативно аксиологично съдържание, т. е. експресивизацията се проявява най-вече като пейоративизация.

В словообразувателен план тенденцията към експресивизация намира израз в активизирането на оценъчни суфикси като *-щина* (*талибанщина*, *мафиотщина*) [1, с. 122] или на различни похвати, присъщи на експресивното словообразуване: блендинг (*мутрафон*), словообразуване по аналогия (*реституткa*), съчетаване на стилистично дисхармонични или смислово несъвместими словообразувателни елементи (*мутробарок* ‘предпочитан в средите на новобогаташите стил в архитектурното оформление на жилищни сгради, отличаващ се с показна пищност и безвкусно съчетаване на разнородни елементи’, *бананизация* ‘придобиване на характер и статут на бананова република’, *сапуниада* ‘дълъг мелодраматичен телевизионен сериал’, *секс-струженичка*).

Представени са неологизми както с емоционално-оценъчно, така и със социално-оценъчно съдържание. Към първия тип се отнасят например названия на лица според особености на външния им вид (*силиконка*, *перхидролко*, *свежар*), характера и поведението им (*депресар*, *психар*, *скучняга*), моралните им качества (*наколенкаджия*), а към втория – названия на лица, занимаващи се с обществено неприемливи дейности като престъпления, корупция, проституция, наркомания и др. (*борец*, *мутра*, *дебел врат* ‘лице от средите на силовите групировки и организираната престъпност, отличаващо се с мощна физика’, *перач (на пари)*, *фараон* ‘организатор на финансова пирамида’, *автоджамбазин* ‘лице, което се занимава с автомобилни кражби и пласиране на крадени автомобили’, *магистрална фея* ‘проститутка, работеща по магистралите’) [2].

Направените наблюдения показват, че в съвременния период от развитието на българския език демократизацията се проявява преди всичко като дискурсивна тенденция, обединяваща действието на няколко по-частни прагматично-стилистични тенденции (към колоквиализация, към жаргонизация, към експресивизация). Активизирането на тази тенденция се обуславя преди всичко от прагматични фактори, а един от основните резултати от нейното действие е експанзията на нова лексика от снижените езикови пластове в различни сфери на публичната комуникация, водещо до размиване на границите между някои функционални стилове и до повишаване на експресивизацията на речта. Демократизацията засяга най-вече медийния дискурс, което е свързано с общата либерализация на нормите, разчупването на шаблоните и интензивно протичащата „стилистична революция” [3] в медиите в новата обществено-политическа и социокултурна ситуация. Не може обаче да се подмине изтъкваното в редица изследвания обстоятелство, че тънката граница между демократизирането и огрубяването, вулгаризирането нерядко се преминава.

Основание за определяне на демократизацията като предимно дискурсивна тенденция дава основание фактът, че нейното влияние върху системата на книжовния език в съвременния период е несъществено. Въпреки засиленото проникване на разговорни и жаргонни лексикални елементи в някои сфери на официалната комуникация случаите на стилистична неутрализация на тези елементи и преминаването им към общоупотребимата книжовна лексика са изолирани.

Тенденция за избледняване на стилистичния признак ‘разговорност’ е налице например при широко употребявания универбат *маршрутка*, който поради своята икономичност би могъл постепенно да изтласка стилистично неутралното базово словосъчетание *маршрутно такси*, от което е образуван. Показателно е, че според данните от Българския национален корпус (http://search.dcl.bas.bg/) *маршрутка* показва значително по-голяма фреквентност в писмени текстове в сравнение със словосъчетанието *маршрутно такси*. Придвижване от периферните към централните части на лексикалната система се отбелязва при произхождащи от компютърния сленг номинации като *търсачка*, *записвачка*, *свалям* [5]. При някои нови експресивни метафори е възможно постепенно избледняване на образа и неутрализиране на експресивността (обикновено в резултат на честа употреба), вследствие на което те

може да преминат към сферата на номинативните метафори. Подобен процес се наблюдава например при неосемантизмите *пират* ‘производител или разпространител на нелицензирана продукция’ и *муле* ‘лице, което срещу заплащане пренася наркотици през граница’ [2].

Ограничаващо обстоятелство за протичането на стилистична неутрализация на съответните разговорни или субстандартни лексикални единици е наличието на ярка експресивност и богати конотативни напластявания, присъствието в словообразователната структура на елементи, характерни за неузуалното и експресивното словообразуване, както и съществуването в езика на вече утвърдени стилистично неутрални номинации за съответния денотат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова Ц. Словообразувателни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век / Ц. Аврамова. – София: Heron Press. 2003. – 259 с.
2. Благоева Д. Експресивен потенциал на новата българска лексика / Д. Благоева // Български език. – 2012. – № 4. – С. 7–16.
3. Виденов М. Какво става с вестникарския език? / М. Виденов // Езикът на тоталитарното и посттоталитарното общество. – София: Прохазка и Качармазов. 1996. – С. 140–143.
4. Гудтшмидт К. Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках / К. Гудтшмидт // Jazykovedný časopis. – 1998. – № 1. – С. 15–26.
5. Кирова Л. Езикът на BG инфо поколението / Л. Кирова. – София: Галик. 2010. – 312 с.
6. Ницолова Р. За някои прояви на тенденцията към демократизация в езика на българския печат след 10.XI.1989 г. / Р. Ницолова // Годишник на ИЧС. IX. – София, 1994. – С. 32–42.
7. Смирнов Л. Н. Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках / Л. Н. Смирнов // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. – М.: Наука. 1988. – С. 6–41.
8. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Słowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. – Opole: Universität Innsbruck – Institut für Slavistik. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. 2003. – 475 s.

З. П. Блудова, Л. Е. Позднякова (г. Харьков)

УЧЕТ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ТУРЕЦКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В данном докладе рассматриваются некоторые особенности обучения русскому языку студентов, говорящих по-турецки. Анализируются причины трудностей понимания глаголов движения турецкими учащимися. Предлагаются методические рекомендации для предупреждения и устранения ошибок.

Вопросы оптимизации обучения иностранным языкам уже давно поднимаются в методике личностно-деятельностного подхода к обучению [6, 7], а также в работах по психологии усвоения иностранных языков [3, 4]. В настоящее время необходимость учитывать особенности родного языка при обучении иностранному не вызывает сомнений [7].

Учет родного языка говорящих по-турецки облегчает процесс усвоения ими русского языка [5]. На примере работы с глаголами движения рассмотрим особенности обучения турецких студентов русскому языку.

Из большого количества глаголов, обозначающих движение, в методике преподавания русского языка как иностранного небольшая группа слов называется глаголами движения. Эти слова объединяются в группу, потому что одинаковые движения обозначает не один бесприставочный глагол несовершенного вида, а два глагола. На подготовительном факультете изучаются наиболее употребительные глаголы: *идти* и *ходить*, *ехать* и *ездить*, *бежать* и *бегать*, *лететь* и *летать*, *плыть* и *плавать*, *нести* и *носить*, *везти* и *возить*, *вести* и *водить*. Глаголы *идти*, *ехать*, *бежать*, *лететь*, *плыть*, *везти*, *нести*, *вести* называют однонаправленными, глаголы *ходить*, *ездить*, *бегать*, *плавать*, *возить*, *носить*, *водить* – разнонаправ-

© Блудова З. П., Позднякова Л. Е., 2013

ленными. Оба глагола каждой пары обозначают одинаковые движения и являются глаголами несовершенного вида, но каждый из них имеет особенности, которые требуют употребления соответствующего глагола в определенной ситуации.

Использование глаголов движения представляет значительные трудности для иностранных учащихся в силу сложности данной группы в русском языке, а также вследствие межъязыковой интерференции. Во многих языках либо нет аналогичной группы, либо она не соотносима полностью с глаголами движения в русском языке. Это отражает своеобразие русского языка, где наблюдается большая смысловая дифференциация слов, обозначающих перемещение в пространстве.

Сопоставительное изучение способов выражения значения движения в русском и турецком языках дает возможность прогнозировать трудности при усвоении этой группы глаголов носителями турецкого языка.

В турецком языке глаголы *идти* и *ехать* не различаются [8, с. 96, 104], что вызывает трудности у студентов при изучении русского языка на начальном этапе обучения. Неправильное употребление этих глаголов вызвано интерференцией турецкого языка: *Мы идем в Турцию (*вместо*: едем)*. Чтобы предотвратить ошибки, следует семантизировать оба глагола на одном занятии, подчеркивая разницу в способах перемещения. В случае ошибок в речи студентов, можно использовать вопрос-помощник: «Пешком или на транспорте?». Понять разницу в значении глаголов помогают схемы и рисунки.

Часто встречающейся ошибкой является подмена глагола из группы разнонаправленного движения глаголом однонаправленного движения *идти*: «Каждый день мы идем на занятия (вместо: ходим). В турецком языке глаголы не различаются по направленности движения. Поэтому уже при первом знакомстве с глаголами *идти – ехать* следует подчеркнуть направленность движения в одну сторону.

Турецкие студенты редко используют в своей речи глаголы *ходил*, *ездил*, которые характеризуются высокой частотностью в русском языке. Вместо них учащиеся предпочитают пользоваться хорошо им известным глаголом *быть*: «*Я ходил в парк*. *= Я был в парке*. *Я ездил в Киев*. *= Я был в Киеве*». Это не искажает смысла высказывания, но обедняет речь говорящего. Кроме того вместо форм прошедшего времени *ходил*, *ездил*, учащиеся используют формы *шел*, *ехал*, которые являются менее частотными в русском языке.

Практика показала, что на начальном этапе обучения нецелесообразно много внимания уделять упражнениям с формами прошедшего времени глаголов однонаправленного движения. После объяснения различительных признаков значения глаголов *идти*, *ходить* следует дать лексический ряд глаголов для обозначения действия в прошедшем, настоящем и будущем времени *ходил – иду – пойду*: «*Вчера я ходил в университет*. *Сейчас я иду в университет*. *Завтра я пойду в университет*».

Особое внимание следует обратить на глагол *ходил*, который требует подробного толкования и большого количества тренировочных упражнений. В случае затруднений учащихся можно использовать вопрос-помощник: «Сколько направлений?».

При работе с глаголами движения отмечаются ошибки, связанные с нарушением лексической и синтаксической сочетаемости: «*Он едет с автобусом* (вместо: *автобусом*). *Он едет велосипедом* (вместо: на *велосипеде*). *Он ходил у друга* (вместо: *ходил к другу*). Подобные ошибки являются результатом внутриязыкового переноса и свидетельствуют о недостатке речевой практики. Для предупреждения ошибок типа *ехать с автобусом* необходимо, чтобы предложно-падежные формы *на автобусе*, *на машине*, *на поезде* вводились и тренировались одновременно с глаголом *ехать*.

Ошибки типа «*Он ходил у друга*. *Он ходил в университете*» возникают под влиянием управления синонимичного для данных ситуаций глагола *был* (*был у друга*, *был в университете*). Для предупреждения подобных ошибок следует рассматривать глагол *ходил*, учитывая его управление, в сочетании с существительным и при этом задавать вопросы: *ходил* – к кому? – *к другу*; *ходил* – куда? – *в универси-*

тет. После этого глагол *ходить* противопоставляется глаголу *идти* с точки зрения лексического значения характеристики направленности движения: «*Сейчас он идет в университет*. *Каждый день он ходит в университет*. *Сейчас он идет к другу*. *Он часто ходит к другу*».

После работы с непереходными глаголами следует перейти к переходным. Полученные ранее навыки студенты переносят на группу глаголов: *нести – носить*, *везти – возить*, *вести – водить*. Эти глаголы также различаются по способу перемещения (*нести*, *везти*, *вести*) или по характеру направленности (*нести – носить*, *везти – возить*, *вести – водить*). Так как в турецком языке нет дифференциации глаголов *идти* и *ехать*, соответственно не различаются глаголы *нести* и *везти*. При работе с этой группой глаголов обращаем внимание студентов на положение объекта относительно субъекта, можно использовать вопрос-помощник: «Где находится объект?». Учащиеся запоминают речевые модели: «*Он идет и несет цветы*. *Он едет и везет цветы*».

При изучении иностранных языков используются различные приемы мнемотехники, которые значительно облегчают запоминание и улучшают память [2, с. 69]. Приведем примеры наиболее известных приемов, которые можно использовать при работе с глаголами движения. 1. Техника ассоциативных связей. Она связана со свойством памяти быстрее и прочнее запоминать то, что находится в естественной или логической зависимости. Существуют ассоциативные связи различных типов. Одна из причин сложности употребления в речи глаголов *вести* и *везти* – их слабая фонетическая дифференциация. Не различая эти глаголы на слух, учащиеся затрудняются их применять и в письменной речи. Чтобы помочь студентам, обращаем внимание на то, что реальное движение транспорта сопровождается звуком, сходным с тем, что передает буква «з» в словах *ездить* и *возить*. Это – зрительно-слуховая ассоциация.

Кинесические или двигательные ассоциации – следующий тип ассоциаций, когда слова и фразы привязываются к жесту, движению. Например, легко запоминаются слова *идти* и *ехать*, если их заучивать, сопровождая семантизирующими жестами.

Естественные ассоциации. Глаголы движения студенты учат не изолированно, а в естественных словосочетаниях.

Образные ассоциации. Студенты учат глаголы движения и рисуют (реально или образно) ситуации использования этих слов.

2. Составление предложений или рассказов, сюжеты которых должны быть веселыми, неожиданными.

3. Мелодизация или ритмизация. Студенты пропевают слова на простую мелодию или отбивают ритм с одновременным проговариванием.

4. Визуализация значений слов. Объяснение и заучивание глаголов сопровождается схемами.

Чем больше каналов восприятия участвует во время введения информации в память, тем легче и прочнее усваивается информация. В связи с этим при работе с глаголами движения студенты используют различные мультимедийные способы запоминания языкового и речевого материала [2, с. 77]:

– визуальный (с опорой на написанный текст);

– аудитивный (с опорой на звучащий текст);

– произносительный (повторяя вслух);

– ассоциативно-образный (с опорой на рисунок, предмет или мысленный образ предмета);

– комбинированный (с опорой на текст, рисунок и звуковой образ);

– ритмический (с мелодией, жестами, движениями);

– эмоциональный (говорить громко – тихо, весело – грустно и т. д.).

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий появились новые возможности использования компьютерной техники при обучении русскому языку [1].

Методические рекомендации, использованные нами на практике, призваны помочь преподавателю обеспечить правильное понимание, предупреждение ошибок и усвоение учащимися, говорящими по-турецки, глаголов движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов А. Н. Виртуальная языковая среда обучения русскому языку как иностранному (лингвокультурологический аспект) / А. Н. Богомолов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 315 с.
2. Бориско Н. Ф. Сам себе методист или советы изучающему иностранный язык / Н. Ф. Бориско. – К.: Фирма «ИНКОС», 2001. – 267 с.
3. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
4. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
5. Напольнова Е. М. Особенности преподавания русского языка в турецкой аудитории / Е. М. Напольнова // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 4. – С. 96–98.
6. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – М.: Просвещение, 1985. – 223 с.
7. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / А. Н. Щукин. – М.: Высш. шк., 2003. – 334 с.
8. Bilim ve Sanat &Vedat Gültek birinci basum: Bilim ve Sanat, Arkaro, 2004. – 1960 с.

Л. В. Богиня (г. Полтава)

К ВОПРОСУ УЧЁТА ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Интернационализация как вектор развития системы образования Украины одним из своих аспектов предполагает подготовку специалистов для зарубежных стран.

Иностранные студенты, прибывающие для получения высшего образования в Украину, сталкиваются с множеством проблем, попадают в так называемую ситуацию «культурного шока» [1]. По мнению большинства учёных и методистов [2; 3] преодолению этой ситуации способствует целенаправленная работа преподавателей русского языка подготовительного факультета / отделения, которые в процессе обучения русскому языку используют специально отобранные адаптированные учебные материалы, содержащие лингвострановедческую и лингвокультуроведческую информацию.

На подготовительном отделении Высшего государственного учебного заведения «Украинская медицинская стоматологическая академия» разработана и успешно применяется система подачи страноведческой и культуроведческой информации в преподавании русского языка. Уже в процессе изучения вводно-фонетического курса студенты знакомятся с реалиями и изучают лексику, связанную с географическими понятиями (Украина, Киев, Полтава и т. п.) и с культурой украинского народа (названия продуктов, блюд и т. д.).

Не менее важным нам представляется использование и трактовка элементов невербальной коммуникации (жестов, мимики), которые способствуют снятию психологических трудностей в новой социальной и языковой среде. Общение между преподавателем и студентами группы на начальном этапе обучения начинается всегда со взгляда и улыбки, которые служат средством установления контакта, средством получения «обратной связи» – информации о том, что человек «включился» в коммуникацию, слушает и понимает.

Некоторые жесты, являющиеся интернациональными, помогают студентам легче адаптироваться к учебному процессу. К таким жестам можно отнести жест указательного пальца, приложенного к губам, как требование тишины во время ответа од-

© Богиня Л. В., 2013

ного из студентов с целью концентрации внимания других и во избежание подсказок. Покачивание головой в вертикальном положении расценивается как жест одобрения, поддержки, а покачивание головой в горизонтальном положении, наоборот, – как жест несогласия. Круговые движения ладонью можно использовать как предложение повторения труднопроизносимых слов, ответа на вопрос. Для студентов данные жесты являются понятными и не вызывают напряжения или отрицательных эмоций.

Но при использовании жестов преподавателю следует быть особенно внимательным к тому, что один и тот же жест в культуре разных народов может трактоваться по-разному, иногда совершенно противоположно. Так кивание головой вперёд в русской языковой культуре значит подтверждение, в то время как в болгарском языке он значит отрицание. В нашей культуре (и в культуре большинства европейских стран) хлопок в ладоши – это жест одобрения, радости, поощрения, а у многих восточных народов – выражение скорби по умершему.

Так как на подготовительном отделении обучаются студенты-представители разных культур, одной из задач преподавателя является сведение к минимуму непонимания и недоразумения в общении. При этом учёт принадлежности студентов к представителям так называемых «контактных» или «неконтактных» социальных культур помогает предупредить возникновение конфликтных ситуаций. По мнению этнографов, к «контактным» культурам условно можно отнести в основном представителей южных народов – латиноамериканцев, испанцев, арабов. К «неконтактным» – культуры народов севера Европы и Азию. Славянские культуры относятся к «среднеконтактным».

По мнению психологов, неконтактному собеседнику контактный кажется навязчивым, бесцеремонным, иногда даже нахальным. Этот факт следует учитывать преподавателю (особенно начинающему работать на подготовительном отделении), с одной стороны, для поддержания и корректировки своего эмоционального состояния, а с другой – для установления взаимопонимания между студентами группы.

Значительного внимания, на наш взгляд, требует усвоение студентами форм обращения в русском языке, отличающиеся от аналогичных форм в языке тех стран, откуда приехали студенты.

Зачастую иностранные студенты, прибывшие из стран Африки и Ближнего Востока, для которых родным является арабский язык, используют принятую в их культуре форму обращения «преподаватель» или «преподаватель + имя». А студенты-франкофоны используют форму «мадам + имя» для обращения к преподавателю-женщине. И использование принятых в русской языковой культуре форм обращения к преподавателю по имени-отчеству кажется им недостаточно уважительным. Объяснение правил употребления различных форм обращения к должностному лицу, преподавателю, незнакомому человеку, присущих именно русскому языку, требует от преподавателя терпения, ежедневного повторения в первые недели обучения и обязательного поощрения студентов, правильно употребляющих речевые этикетные формы.

Одним из элементов, отражающим культуру народа в языке, и представляющим интерес для иностранцев, являются фразеологические единицы. Естественно, что на начальном этапе обучения языку их использование должно быть методически выверено и оправданно, как в количественном, так и в качественном предъявлении. Студенты-иностранцы с удовольствием изучают фразеологизмы, аналоги которых есть в родном языке, что способствует сближению культур в их языковом сознании. Примером таких фразеологизмов могут служить «Повторенье – мать ученья», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Введение же фразеологизмов, имеющих национальную окраску, проводится в процессе изучения курса «Страноведение», когда студенты уже знакомы с основными событиями украинской истории, некоторыми обычаями и традициями украинского народа. Среди таких ФЕ «Хлеб всему голова», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» и т. п.

Во фразеологических системах разных языков существует значительное количество интернационализмов, а также фразеологизмов, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Использование таких фразеологических единиц на начальном этапе обучения русскому языку, на наш взгляд, является целесообразным.

Таким образом, создание преподавателем положительной эмоциональной обстановки на занятии с помощью вербальных и невербальных языковых средств, использование специально отобранных текстов, содержащих лингвокультуроведческую информацию, способствуют активной работе студентов и повышению их мотивации к обучению, что, в свою очередь, облегчает процесс адаптации и освоения ими новой социально-культурной среды, нового языка, новой системы образования, приспособление к новым климатическим и бытовым условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова М. А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе / М. А. Иванова, Н. А. Житкова. – СПб., 1993.
2. Митрофанова О. Д. Принцип диалога культур в методическом освещении / О. Д. Митрофанова // Мир русского слова. – 2005. – № 2. – С. 44–48.
3. Филатова И. И. Изучение русского языка как средство адаптации иностранных студентов / И. И. Филатова, Т. Е. Мальцева // Современные аспекты языковой подготовки иностранных студентов нефилологических вузов: матер. II Межрегион. научно-практич. конф. – Луганск, 2008.

Л. И. Бондаренко (г. Днепропетровск)

ИНТЕРПРЕТИРОВАННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СВЕРХФРАЗОВОГО ЕДИНСТВА В ТЕКСТАХ ЖАНРА «СОВЕТ»

Целью данной статьи является анализ смысловых компонентов, составляющих содержательный план текстов жанра «Совет», представленных в форме интерпретированного высказывания. При рассмотрении следует учесть, что исследуемый нами жанр, как и вся газетно-публицистическая речь, обладает экспрессивным заданием с установкой на воздействие, то есть «стремится заразить адресата сопереживанием» [6]. Чем сознательнее установка на воздействие со стороны адресанта, тем глубже и продуманней должна быть организация синтаксической структуры текста. Постоянная направленность на выразительность, экспрессивное воздействие в сфере массовой коммуникации, а также тенденция на употребление наиболее «удачных» конструкций вынуждают авторов использовать и экспрессивный синтаксис, обладающий, с одной стороны, значительным потенциалом воздействия, а с другой, – позволяющий четко структурировать текст совета, что благоприятно влияет на его восприятие.

Анализ языка средств массовой коммуникации находится в фокусе внимания отечественной лингвистики, это чрезвычайно обширное и интересное поле деятельности для современных исследователей. Проблемам синтаксических и стилистических особенностей газетно-публицистического стиля посвящены работы Г. Н. Акимовой [1], Н. С. Валгиной [2], Г. О. Винокура [3], В. Г. Костомарова [4], К. А. Роговой [5], Г. С. Шалимовой [7] и др. Большая часть истории синтаксиса газетно-публицистических произведений подробно описывается в книге В. Г. Костомарова «Русский язык на газетной полосе» [4], в которой автор раскрывает динамику развития публицистики и отмечает, что стандарт в газетно-публицистическом жанре переплетается с антистандартом, то есть с экспрессивными конструкциями.

В задачи данной статьи входит, с одной стороны, выявить и описать различные типы интерпретированных высказываний, представленных в жанре «Совет»; а с другой – охарактеризовать их компонентный состав и отличительные особенности.

© Бондаренко Л. И., 2013

Лингвистической основой советов, как и любого другого текста, является некая речевая модель, выраженная в определенной синтаксической конструкции. Эти синтаксические структуры – объект нашего исследования. Заметим, что совет – это небольшой по объёму текст аналитического или информационного характера, однако имеющий множество вариативных структурно-синтаксических моделей. Совет может состоять из одного элементарного суждения о предмете речи, быть простым и иметь форму предложения. Такие высказывания одновременно являются и текстами, составляющими содержание самой краткой формы подачи информации в советах. Однако иногда такая информация, также рассчитанная на очень широкий круг читателей, нуждается в определённых дополнительных сведениях, необходимых для её активного восприятия и переосмысления, и поэтому имеет несколько иную форму – форму интерпретированного высказывания. Данная статья представляет собой исследование и описание интерпретированного высказывания, содержащего в своём составе сложное построение, которое состоит из двух смысловых компонентов: основного (ядерного), несущего главную смысловую нагрузку, и интерпретированного (программного), которое отражает некую последовательность действий с целью достижения желаемого результата и служит для усиления эффективности восприятия информации. Следует отметить, что интерпретация имеет особо важное смысловое значение в советах. Проанализировав и сравнив советы такой структуры, мы можем отметить, что интерпретированная информация может выражаться разными способами; но, чаще всего, неким алгоритмом действий, доказательным объяснением, истолкованием аргумента основной части (выбор зависит от автора совета); очевиден и тот факт, что она будет специфична и в содержательном плане, кроме того, разной будут её количественные показатели (в состав интерпретации может входить два и более предложений).

В зависимости от структуры смысловых компонентов, мы подразделили советы, имеющие форму интерпретированных высказываний, на два типа: простое и усложнённое интерпретированное высказывание.

Простое интерпретированное высказывание в совете состоит из двух смысловых составляющих: основной, выраженной элементарным высказыванием, и программной (сопроводительной), состоящей из такого количества элементарных высказываний, которое необходимо для более полного и точного истолкования основной информации.

Усложнённый тип интерпретированных высказываний наиболее востребован в советах, в которых инициатор коммуникации – читатель, желающий получить квалифицированную информационную помощь у специалиста в сложившейся ситуации, как правило, он является и создателем ядерной смысловой части.

Простое и усложнённое интерпретированные высказывания, как правило, начинаются с основной (ядерной) части, содержащей информацию о предмете речи, а уже потом идёт развёртывание информации, её объяснение, чаще всего, в виде программных действий. Однако нередко среди советов, имеющих форму интерпретированного высказывания, наблюдаются случаи композиционного перемещения смысловых элементов. Такое композиционное перемещение основного ядерного высказывания используется для достижения определённых коммуникативно-выразительных целей: заинтриговать, завлечь читателя, подвести его к восприятию основной информации.

Суммируя и подытоживая вышеизложенное, отметим, что советы, имеющие форму интерпретированного высказывания, состоят из двух смысловых компонентов, связанных с логической стороной текста и его информирующей функцией: ядерный содержит главное высказывание о предмете речи и несёт основную смысловую нагрузку, в то время как второй интерпретированный компонент является логическим продолжением основной части, расширяет и объясняет её, следовательно, является более функционально нагруженным, соединяя в себе и информативную, и воздействующую функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Экспрессивные свойства синтаксических структур // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис / Г. Н. Акимова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 247 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н. С. Валгина. – Режим доступа: www.hi-edu.ru/e-books/.../part-011.htm -
3. Винокур Т. Г. Русский язык в его функционировании / Т. Г. Винокур. – М.: Рус. яз., 1990. – 376 с.
4. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М.: МГУ, 1971. – 267 с.
5. Рогова К. А. Синтаксические особенности публицистической речи / К. А. Рогова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. – 71 с.
6. Чернышова Т. В. Узуально-стилевой комплекс как механизм порождения инвективного высказывания в сфере газетной публицистики [Электронный ресурс] / Т. В. Чернышова. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-4
7. Шалимова Г. С. Вводные конструкции как средство выражения авторской позиции журналиста/ Г. С. Шалимова // Журналистика и культура русской речи. – Вып. 5. – М.: МГУ, 1998. – С. 37–54.

М. Н. Бондарчук (г. Киев)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Одним из возможных путей изучения системных лексических связей, в частности терминологических единиц, является выделение семантических (терминологических) полей и определение их структуры на основе метода компонентного анализа.

Понятие метода компонентного анализа соприкасается с идеей теории семантического поля и может рассматриваться как продолжение пути исследования лексической семантики, в основе которого лежит теория семантического поля, связанная прежде всего с именами В. Порцига, Г. Ипсена, Й. Трира.

Выявлению семантических связей в лексике, а по существу, в терминологии, посвящены интересные работы Э. Ф. Скороходько, который разрабатывал критерии установления семантической связи и предлагал сетевой метод представления системы семантических связей в лексике, в частности в виде графов и таблиц [4]. В результате такого анализа решаются вопросы системности плана выражения и плана содержания лексики. Вывод о возможности моделирования «семантической сети», которая, если понимать её широко, и представляет собой семантическое поле, в котором все лексические единицы связаны между собой.

При различной трактовке понятия семантического поля исходной посылкой для понимания сущности семантического поля является наличие системной организации слов, входящих в это поле. Обычно слова сгруппированы вокруг центральной семантической единицы – доминанты, которая своим значением пронизывает все слова, входящие в это поле. Кроме общих отношений, в семантическом поле слово как бы опирается на «смысловой центр» своего значения и выявляет в нём общие и частные признаки. Множество лексических единиц сгруппированы вокруг центральной единицы, имеющей наиболее ёмкое смысловое целое. В каждой большой системе слов (макросистеме) есть малые (микросистемы).

Материалом для вычленения семантических полей обычно служат тематические, толковые, терминологические словари, специальная литература.

Применение к изучению семантических полей метода компонентного анализа позволяет проникнуть внутрь семантической структуры слова, развернуть значение слова, разложив его на составляющие дифференциальные семантические признаки (семантические множители, компоненты, семы).

Выделение компонентов в семантических структурах служит критерием сведения слов, содержащих сходные компоненты, в одно поле.

© Бондарчук М. Н., 2013

На наш взгляд, для изучения терминологических полей (а они, по существу, представляют собой семантические поля) недостаточно привлекался метод компонентного анализа структуры термина.

Анализируя авиационную терминологию, мы попытались использовать метод компонентного анализа слов, основанного на выделении семантических компонентов (сем) в их значении. Комбинаторность лексического значения слов в настоящее время получила широкое признание в лексикологии и составляет фундаментальную основу всякой парадигматики. Парадигматические же связи в свою очередь основываются на том, что в значениях разных слов присутствуют одни и те же семантические компоненты. Наличие общих сем, их повторяемость делает соответствующие слова парадигматически соотнесёнными по смыслу и способствует включению их в общее семантическое поле.

Таким образом, семная структура слова, а еще больше это относится к терминам, построена по иерархическому принципу, при котором её компоненты – семы – являются неравноправными. В семной структуре по характеру выполняемых функций выделяются наиболее общие семы – интегральные (категориальные, обобщающие, неразличительные) и менее общие семы – дифференциальные (уточняющие, конкретизирующие, различительные), которые и придают семной структуре слова иерархический характер.

При анализе терминов, как наиболее точные наименования, мы используем термины ’архисема’, ’гиперсема’, ’интегральная сема’, ’дифференциальная сема’, поскольку с их помощью можно наглядно исследовать связи и отношения между терминами авиационной сферы деятельности, показать иерархическую организацию семантического поля «движение летательного аппарата».

Рассматривая структуру терминосистемы «движение летательного аппарата», выделяем терминополе (макрополе), объединённое архисемой ’движение летательного аппарата’, в которое, в свою очередь, входят микрополя, выделенные на основе общности гиперсем, – ’взлёт летательного аппарата’, ’полёт летательного аппарата’, ’посадка летательного аппарата’, ’фигуры пилотажа’

Самым значительным, центральным в макрополе «движение летательного аппарата» является микрополе с семантической доминантой *полёт летательного аппарата* (в дальнейшем употребляем термин *полёт ЛА*).

Следует отметить, что сема ’движение летательного аппарата’ является семой, которая эксплицитно или имплицитно включается во все термины, объединённые общностью семантических и деривационных признаков, поэтому мы называем её архисемой. В силу этого все термины, включающие эту архисему, входят в единое терминологическое макрополе «движение летательного аппарата».

Сема ’полёт летательного аппарата’ по существу выражает родовое понятие, поэтому мы называем её гиперсемой. Микрополе, в которое входят авиационные термины с гиперсемой ’полёт летательного аппарата’, включает в свою очередь терминологические блоки, состоящие из терминологических рядов.

Сему, которая объединяет терминологические блоки, мы условно называем интегральной; семы, объединяющие терминологические ряды, – дифференциальными.

В настоящей статье рассмотрим терминологический блок, включающий термины с интегральной семой ’скорость полёта летательного аппарата’.

В авиационной литературе термин *скорость полёта летательного аппарата»* понимается как «скорость движения летательного аппарата (его центра масс) относительно воздушной среды, не возмущаемой самим летательным аппаратом» [1, с. 522] (в дальнейшем для краткости используем термин *скорость полёта*, опуская вторую часть – *летательный аппарат*, мотивируя тем, что авиационная терминология априори включает понятие летательного аппарата).

В терминосочетаниях, объединённых интегральной семой ’скорость полёта летательного аппарата’, можно выделить терминологические блоки, включающие дифференциальную сему.

Каждый из терминов в терминологическом ряду включает архисему ’движение летательного аппарата’, гиперсему ’полёт летательного аппарата’ и интегральную гипонимическую сему ’скорость полёта’. Эти терминологические ряды выражают семантические отношения всех характерологических признаков интегральной семы, но осложнены конкретизирующими, дифференциальными семами: ’диапазон скоростей летательных и космических аппаратов’, ’направление скорости полёта летательного аппарата’, ’навигационные’, ’экономические’ и ’аэродинамические особенности скоростей полёта летательного аппарата’.

Так, терминологический ряд, в котором дифференциальная сема ’скорость полёта летательного аппарата’ конкретизируется семой ’диапазон скоростей летательных и космических аппаратов’, образует градационные терминологические ряды: *нулевая скорость полёта*, *минимальная скорость полёта*, *необходимая скорость полёта*, у*становившаяся скорость полёта*, *постоянная скорость полёта*, *крейсерская скорость полёта*, *допустимая скорость полёта*, *предельная скорость полёта*, *наивысшая скорость полёта*, *закритическая скорость полёта*, *максимальная скорость полёта*.

Диапазон скоростей наблюдается и в градационном терминологическом ряду, объединяющем термины, в которых сема ’скорость полёта летательного аппарата’ конкретизируется семой ’космическая скорость’ (т. е. диапазон скоростей современных летательных аппаратов и космических аппаратов), выраженной эксплицитно или имплицитно: *космическая скорость полёта*, *орбитальная скорость полёта*, *первая космическая скорость полёта*, *вторая космическая скорость полёта*, *третья космическая скорость полёта*, *баллистическая скорость полёта*, *орбитальная скорость полёта*, *параболическая скорость полёта*, *круговая скорость полёта*.

В терминологических рядах, объединённых интегральной семой ’скорость полёта летательного аппарата’, эксплицитно выражены дополнительные дифференциальные семы, которые формируют терминологические ряды. Так, сема ’навигационные особенности скорости полёта летательного аппарата’ образует следующий терминологический ряд: *воздушная скорость полёта*, *истинная скорость полёта*, *техническая скорость полёта*, *стандартная скорость полёта*; сема ’аэродинамические особенности скорости полёта летательного аппарата’ включена в такой ряд терминов: *индикаторная скорость полёта*, *посадочная скорость полёта*, *приборная скорость полёта*; сема ’экономические особенности скорости полёта летательного аппарата’ образует ряд терминов: *экономическая скорость полёта*, *наивыгоднейшая скорость полёта*; сема ’направление скорости полёта летательного аппарата’ образует терминологический ряд: *вертикальная скорость полёта*, *земная скорость полёта*, *потребная скорость полёта* и т. д.

Следует отметить термины, которые также входят в анализируемый терминологический блок, но в которых составной компонент выражает дифференциальную сему ’скорость полёта летательного аппарата’ имплицитно, а гиперсема ’полёт летательного аппарата’ выражена эксплицитно. Значение таких терминов можно понять лишь через их дефиницию: *установившийся полёт* – «полёт с постоянной поступательной и угловой скоростями по всем трём осям нормальной земной системы координат летательного аппарата» [1, с. 430]. При этом градационное значение в этих терминах может выражать составной компонент: *маршевой полёт* – «полёт с постоянной скоростью на постоянной или почти постоянной высоте» [2, с. 73], *скоростной полёт* – «полёт на высоких скоростях [3, с. 78], *дозвуковой полёт* – «полёт со скоростью, меньшей скорости звука», *сверхзвуковой полёт* – «полёт со сверхзвуковой скоростью», *трансзвуковой полёт* – «полёт с трансзвуковой скоростью», *гиперзвуковой полёт* – «полёт с гиперзвуковой скоростью» [1, с. 430].

Итак, анализ структуры и семантики авиационной терминологии на основе компонентного анализа позволил воссоздать терминосистему «движение летательного аппарата», показать иерархические парадигматические связи терминов, которые объединены семантической доминантой в макрополе «движение летательного аппа-

рата», гиперсемой в микрополе «полёт летательного аппарата», интегральной семой 'скорость полёта летательного аппарата' в терминологический блок, состоящий из терминологических рядов с дифференциальными семами.

Таким образом, использование метода компонентного анализа имеет важное значение при составлении авиационного словаря и при обучении русскому языку студентов-иностранцев авиационных вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авиация: Энциклопедия / гл. ред. Г. П. Свищев. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1994. – 736 с.
2. Аэромеханика самолёта: Динамика полёта: учеб. для авиац. вузов (А. Ф. Бочкарь, В. В. Андреевский, В. М. Белоконов и др.) / под ред. А. Ф. Бочкарева и В. В. Андреевского. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Машиностроение, 1985. – 360 с.
3. Остославский И. В. Аэродинамика полёта. – М., 1957. – 560 с.
4. Скороходько Э. Ф. Семантические сети и некоторые количественные характеристики терминологической лексики // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 160–170.

В. Г. Будыкина (г. Челябинск)

НЕОЛОГИЗМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (на материале Федерального закона «Об образовании в РФ» от 21.12.2012)

Общеизвестно, что состояние лексики отражает уровень развития общества. Словарный состав любого языка наиболее активно пополняется во времена значимых открытий, революций, перестроек и реформ.

Терминология высшего профессионального образования (ВПО) Российской Федерации в настоящее время находится в стадии активного реформирования под влиянием общего понятийного ядра «Болонский процесс», на что указывает и само название, имеющее в своем составе лексему «процесс». Терминология, обслуживающая ВПО в условиях становления европейского образовательного пространства представляет из себя не полностью изолированную от предшествующих систем терминологию, но почти заново создаваемую терминосистему после того, как Россией была подписана Болонская декларация. В последние десятилетия появляется огромное количество неологизмов, что вызвано разными причинами, но в первую очередь, появлением новых реалий или явлений, с которыми российское образование еще не сталкивалось.

Как пишет В. В. Дубичинский, «…языковое обновление происходит в рамках двух основных процессов, обусловленных: а) внеязыковыми факторами – необходимостью номинации новых явлений и предметов (известно, что предметы и явления только тогда существуют для индивидуума, когда они получают наименование); б) внутриязыковыми факторами – появление неологизмов, как правило, связано с потребностью совершенствования системы обозначений (экономия языковых усилий, благодаря которому, к примеру, в языке происходит замена устойчивых словосочетаний однословными наименованиями, или стремление к точности и выразительности языковых единиц и т.п.)» [1, с. 219].

В ходе нашего исследования, целью которого является выявление новых терминов, терминологических словосочетаний и другой сопряженной лексики, неологизмы были отобраны из текста Федерального закона «Об образовании в РФ» [3], который был подписан Президентом РФ В.В. Путиным 21.12.2012. и уже вызвал бурную реакцию со стороны работников высшего образования. Прежде всего, перед нами встал вопрос, какие термины и сопряженные лексические единицы стоит отнести к неологизмам, поскольку вопрос о «возрастных рамках неологизмов» так и не был решен ни российскими, ни зарубежными учеными. Ряд авторов считают, что неоло-

© Будыкина В. Г., 2013

гизм является неологизмом до тех пор, пока он сохраняет налет свежести. Отметим, что данное суждение является, на наш взгляд, достаточно субъективным и требующим разработки более четких критериев для отнесения термина или другой лексической единицы к категории неологизмов.

Другие авторы считают, что приблизительный возраст неологизма от момента его создания до его перехода в обыденный пласт лексики, проходит приблизительно 20 лет. Безусловно, данное обстоятельство зависит от множества факторов и не может служить четким основанием для того, чтобы определить слово как неологизм. Однако оба изложенных выше критерия «определения возраста» неологизма могут служить основанием для их выделения из общего количества лексических единиц, послуживших материалом для проведения данного исследования.

Для того, чтобы определить, являются ли слова, которые показались нам «свежими» для восприятия неологизмами, мы сравнили терминологию Закона об образовании 2012 г. [2] с терминологией, использованной в таком же нормативном документе, подписанном Президентом РФ Б.Н. Ельциным и введенном в действие в 1992 году.

Здесь стоит уточнить, что структура Закона об образовании в целом изменилась незначительно. И в том, и в другом законе присутствуют главы: «Общие положения», «Управление системой образования», «Социальные гарантии прав граждан на образование», «Международное образование». Некоторые новые главы Закона от 2012 года появились путем дробления крупных глав Закона от 1992 года. В целом, суть излагаемого материала существенным изменениям не подверглась, т. е. можно предположить, что для описания одних и тех же категорий используются одни и те же понятия.

Результаты анализа показали, что все выделенные нами неологизмы можно разделить на следующие категории: собственно образовательные термины; термины и другие специальные лексические единицы, обслуживающие сферу торгово-экономических отношений; терминология современных информационных технологий и оценки качества деятельности высших учебных заведений.

Первая категория «Термины ВПО» представлена следующими понятиями, которые не были использованы в Законе об Образовании 1992 года:

Цикл образования
Компетенция
Образовательная траектория
Европейское образовательное пространство
Ассистентура-стажировка
Зачетная единица
Унифицированная единица
Федеральный университет
Национально-исследовательский университет
Адъюнкт
Обучение через всю жизнь
Укрупненные группы профессий
Компенсирующее занятие
Коррекционно-развивающее занятие
Академические права и свободы
Образовательный ценз
Распорядительный акт об отчислении
Контрольные измерительные материалы
ЕГЭ
Академический бакалавриат
Прикладной бакалавриат
Интеграция
Грант
Предпрофессиональные программы

Открытость образования
Контрольные цифры приема
Академическая мобильность
Академический обмен

Интересно отметить, что выделенные термины и терминологические словосочетания являются кальками с английского языка.

Вторая категория терминов «Торгово-рыночные отношения» представлена в Законе 2012 года гораздо шире, чем в Законе 1992 года. Появляются следующие новые понятия:

Участники образовательных отношений
Субвенция
Бюджетные ассигнования
Инфляция
Квота на образование
Вклад в уставные капиталы хозяйственных обществ
Складочные капиталы хозяйственных партнерств
Вклад, оцениваемый независимым оценщиком
Сопутствующий образовательный кредит
Налоги
Сборы

Третья категория «Современные информационные технологии» представлена также большим количеством новых понятий:

Формирование информационных систем
Электронное обучение
Цифровые библиотеки
Федеральная информационная система
Топология интегральных микросхем
Информационно-коммуникационные сети
Электронный документ
Единый портал государственных и муниципальных услуг
Национальный информационный центр

И последняя крупная категория «Оценка деятельности вуза» включает следующие понятия:

Мониторинг
Мониторинговая оценка
Лицензиат
Аккредитационная экспертиза
Аккредитация

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за последние 20 лет и, в первую очередь, с связи с процессами глобализации и интеграции систем высшего образования, в русском языке появилось много новых терминов и терминологических словосочетаний, призванных обслуживать эту систему. Около 43 % терминов из выделенной нами категории «Термины ВПО», появились в русском языке путем образования кальки с образовательных терминов на английском языке. Кроме того, существенно возросло количество терминов, представляющих категорию «Торгово-рыночные отношения», что, безусловно, свидетельствует о коммерческом характере современного образования. К сожалению, в последние годы наблюдается уход от традиционного представления об образовании как общественном благе, что позволяет говорить об индивидуальном потреблении образовательных услуг и, соответственно, о формировании **рынка** образовательных услуг.

В связи со стремительным развитием информационных технологий, во многие сферы языка входит и их специальная лексика. Данную тенденцию можно проследить и на примере Закона об образовании. Возникновение неологизмов для описания качества деятельности вуза свидетельствует о возросших требованиях к качест-

ву образования, всестороннем контроле над деятельностью образовательных учреждений, определении четких критериев оценки деятельности вуза, профессорско-преподавательского состава, научных работников.

Система высшего образования сегодня претерпевает большие изменения, последствия которых предсказать довольно трудно. Вместе с системой образования меняется и обслуживающая ее терминология, и работа по описанию, систематизации и стандартизации образовательной терминологии должна носить не эпизодический характер, а проводиться на постоянной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / В. В. Дубичинский. – М.: Наука: Флинта, 2008. – 432 с.
2. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года N 3266-1 «Об образовании». – Режим доступа: http://www.ed.gov.ru/ofinf/nd_fao/6658/ (дата обращения 28.01.2013).
3. Закон Российской Федерации «Об образовании» от 21.12.2012. – Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/2974/файл/1543/12.12.29-ФЗ_Об_образовании_в_Российской_ Федерации/ (дата обращения 18.01.201 3).

О. Н. Бурлакова (г. Днепропетровск)

КИНОТЕКСТ КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ (на материале экранизации рассказа А. П. Чехова «ВЕДЬМА»)

В современном обществе креолизованные тексты занимают важную позицию. Элементы визуализации, содержащиеся в креолизованном тексте, способствуют хорошему запоминанию, дают возможность легко воспринимать информацию, широко используются при обучении, в рекламе и т. п. При этом элементы визуализации представляют собой неотъемлемую часть текста.

Известно, что многие ученые уже обратились к проблеме визуализации (Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, М. Б. Ворошилова, Л. В. Головина, А. Ю. Зенкова, В. В. Зирка, О. Л. Каменская и др.). Но на данный момент единого терминологического обозначения для текстов, содержащих элементы других знаковых систем нет. Некоторые ученые (Е. Е. Анисимова, М. А. Бойко, Н. С. Валгина, В. В. Зирка, Н. М. Чудакова и др.) используют термин, предложенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, – креолизованные тексты. Однако ещё не выработано общепринятого терминологического обозначения для текстов, организованных комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем или упорядоченных множеств. Мы попытаемся рассмотреть один из видов креолизованных текстов – кинотекст.

Материалом для анализа креолизованного текста в данном исследовании послужила экранизация рассказа Антона Павловича Чехова «Ведьма». Рассказ был впервые опубликован в газете «Новое время» в 1886 году № 3600. В этом простом на первый взгляд рассказе автор представил читателям сложную жизненную ситуацию. Произведение наполнено простой бытовой лексикой. Но за простотой и доступностью для читателя скрывается глубокий смысл. В обычных действиях героев можно усмотреть нечто существенное, значимое, глубокое по своему содержанию.

Целью исследования является 1) проведение лингвистического анализа кинотекста и литературного произведения на лексическом и синтаксическом уровне, 2) попытка обозначить некоторые особенности кинотекста на вербальном и невербальном уровне и 3) изучение взаимосвязи компонентов, составляющих два уровня креолизованного текста. Также попытаемся выявить некоторые признаки, объединяющие кинотекст и литературное произведение.

Как всегда бывает у Чехова – каждая деталь в рассказе тщательно продумана. В произведении и в экранизации в самом начале представлен зимний пейзаж. В киноверсии на невербальном уровне представлено следующее: метет метель, завыва-

© Бурлакова О. Н, 2013

ет вьюга, падает снег, дует сильный ветер. Внешне это всё напоминает шабаш ведьм. А в рассказе автор по-своему – по-«чеховски» – преподносит описание зимнего пейзажа – «шабаша»: «А в поле была сущая война. Трудно было понять, кто кого сживал со света и ради чьей погибели заварилась в природе каша, но, судя по неумолкаемому, зловещему гулу, кому-то приходилось очень круто» [4, с. 238]. В данном примере автор не употребляет такие слова, как метель, снег, вьюга, ветер. А. П. Чехов широко использует глаголы, которые в динамике передают настроение природы (понять, сживал, заварилась, приходилось), и читателям становится понятно, что падает снег, воет вьюга, метет метель. И это всё происходит здесь и сейчас.

В произведении автор представляет портрет главной героини – Раисы Ниловны, рисуя его с помощью прилагательных (широкие, красивые, аппетитные, жирные, белая); глаголов (шила, двигались, замерли, спали, поднимала, отдохнуть, взглядывала), существительных (плечи, коса, мешки, руки, тело, брови, губы, шея, лицо, фонтан).

Очень ярко через диалоги передаются взаимоотношения героев – Савелия и его жены – в произведении и в киноверсии. Пример первого диалога, представленного как в рассказе, так и в экранизации:

«Дьяк: – Я знаю! Я всё знаю! (Пауза)

– Поди ложись! (Пауза)

– Что?

Дьячиха: – Ничего… Кажись, кто-то едет…» [4, с. 239].

Уже с первых слов диалога понятно, что между супругами нет взаимопонимания, об этом свидетельствуют короткие обрывистые фразы, долгое молчание дьячихи; дьяк не называет свою жену ласковыми словами, даже не обращается к ней по имени. Предложения дьячихи на письме завершаются троеточием. Такие предложения как бы высказывают её желание продолжить разговор, но в силу каких-то причин она этого не делает, а обходится, как и её муж, короткими фразами.

Казалось бы, переломным моментом должно было стать появление почты. А точнее – появление в доме почтальона. Но всё остаётся по-прежнему.

Диалог, который происходит между почтальоном и дьячихой, носит уже совсем иной характер. В диалоге мы находим вопросительные, восклицательные, повествовательные предложения, употребляемые главной героиней. Это уже не короткий диалог. Жена дьяка уже не отмалчивается, как это было во время разговора с мужем, а пытается рассказать как можно больше о жизни здесь, на Гуляевском бугре.

В креолизованном тексте – кинотексте – лексический план вербального уровня обыгрывается элементами невербального уровня: завыванием вьюги, звоном колокольчика – это шумы (составляющие) невербального уровня креолизованного текста. Они дополняют, обогащают, вносят своеобразную краску в лексический план кинотекста.

Важным элементом как в рассказе, так и в экранизации является цвет. В данном произведении нет яркой палитры цветов. Всё в чёрно-белом цвете. В таком же цвете разворачиваются и события на экране. Чёрно-белый цвет выполняет изобразительную функцию и экспрессивную.

По характеру персонажи произведения противоположны друг другу, что очень важно для кинематографа, поскольку персонажи, согласно требованиям сценария, должны быть разнополярными, выполнять различные действия и совершать поступки, вызывающие как у зрителя, так и у читателя одобрение или осуждение.

В произведении все предложения взаимосвязаны и выстроены в логическую цепочку подобно тому, как все кадры выстроены в кинотексте. И в каждом кадре кинотекста (как в предложениях в рассказе) заложен глубокий смысл. Креолизованный текст (кинотекст) является своего рода преобразованием литературного произведения с вербальным уровнем, но в нём описание какого-либо пейзажа, природы передаётся визуально и может сопровождаться какими-либо звуками, музыкой, шумами, т. е. содержит элементы невербального уровня, которые придают своеобразие,

шарм, загадочность, некую завуалированность происходящим событиям на экране, завораживающим воображение зрителя.

Взаимосвязь двух уровней креолизованного текста является обязательным условием для создания кинотекста. Объединяет кинотекст и литературное произведение принцип лаконичности и четко выстроенной логической цепочки: эпизодов в литературном произведении (правильное построение предложений в тексте, порядок слов в предложении, последовательность событий) и кадров в киноверсии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барлас Л. Г. Язык повествовательной прозы Чехова / Л. Г. Барлас. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1991. – 206 с.
2. Большая советская энциклопедия / А. М. Прохоров. – М. : – Советская энциклопедия. – Т. 4. – 1971. – С. 357.
3. Бондарева Е. Л. Экран в разных измерениях / Е. Л. Бондарева. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1983. – С. 200–270.
4. Чехов А. П. Ведьма / А. П. Чехов // Собр. соч. в 8-ми т. – Т. 2. – М. : Правда, 1970. – С. 238–249.
5. Шмид Вольф. Звуковые повторы в прозе Чехова / Вольф Шмид // Вестник Московского ун-та. – Сер. 9. Филология. – № 4. – 1998. – С. 48–66.

Н. В. Васюкова (м. Київ)

АНАЛІЗ ПІДХОДІВ ДОСЛІДЖЕННЯ РЕКЛАМНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Вивчення рекламної комунікації в триєдності *мова–текст–дискурс* зумовлює опрацьовані в лінгвістиці методики її аналізу.

При дослідженні рекламної комунікації більшість лінгвістів звертається до комплексного лінгвального аналізу мови рекламних текстів, в різному ступені зосереджуючись на описі фонетичного, морфологічного, лексичного, синтаксичного рівнів. Так, Н. Улітіна запропонувала методику експериментально-фонетичного дослідження рекламного слогана, що передбачає застосування методу фонетичного аналізу, складеного з перцептивного й акустичного (інструментального) видів; кількісний метод, що полягає в математичній обробці й аналізі даних, отриманих унаслідок перцептивного й акустичного видів аналізу, та метод стилістичного аналізу, що уможливив ідентифікацію найчастотніших стилістичних комплексів у межах рекламного дискурсу [15].

В. Горлачовою було запропоновано лексикоцентричний підхід під час дослідження структури семантичного поля кольоропозначень у рекламному дискурсі, що дозволяє розглянути семантичні трансформації, обумовлені прагматикою рекламної комунікації [4]. Авторка виходить з того положення, що «семантичне поле чітко структуроване завдяки системі мікрополів (відносно самостійних комплексів лексичних одиниць, об'єднаних семами, підпорядкованими архілексемі). Фрагментація поля за схемою «центр–периферія» зумовлена змінами в семантичному складі лексем-конститутиентів: периферію наповнюють найменування, що віднесені до семантичного поля на основі другорядних або контекстуальних сем» [4, с. 7].

С. Гузенко для дослідження синтаксису рекламного дискурсу звертається до структурно-семантичного аналізу, який передбачає наступні етапи: співвіднесеність формально-граматичної структури речення і прагматичної мети адресанта (ілокутивної сили висловлення); реалізація проблеми експресивності в реченнєвих структурах; функціонування формально-граматичних компонентів у реченнях рекламних текстів. Авторка виявляє співвіднесеність комунікативно-прагматичної ситуації реклами із синтаксисом рекламного тексту [5].

Комплексне застосування структурно-семантичного (дослідження синтаксичних особливостей реклами та виявлення текстових моделей, за якими утворюється зв'язність рекламних текстів і їхня тематична структура) та *системно-структурного* (виявлення взаємозв'язків елементів різних рівнів рекламного тексту) методів дозво-

© Васюкова Н. В., 2013

лило А. Ворначеву дослідити взаємодію лексико-семантичного, синтаксичного, фонетичного та прагматичного рівнів у текстах реклами автомобілів [3].

У дослідженні Н. Коваленко, присвяченому лінгвістичній означеності слоганів у структурі рекламного тексту, на основі *контекстуального інтерпретаційного аналізу* розглянуто синтаксичні ознаки слоганів, що аналізуються як слогани-речення і слогани-складні речення. Особливу роль відведено слоганам-субстантивним конструкціям, серед яких виділяються номінативні й еліптичні слогани. У групі слоганів-речень досліджено односкладні і двоскладні слогани. Семантичні особливості слоганів розглянуто в динаміці розвитку ментальності споживача [10].

Текст реклами розглядається як цілісна комунікативна одиниця, що зумовлює спроби її комплексного аналізу.

Н. Паршук була розроблена лінгвосеміотична модель розвитку російської реклами, в якій відображені основні риси вербального та невербального компонентів рекламного повідомлення різних періодів, представлені основні засоби впливу на свідомість реципієнта. Авторка запропонувала модель дослідження рекламного тексту як у вербальній парадигмі всіх рівнів текстів – графічному, лексико-фразеологічному, синтаксичному, текстолінгвістичному, так і на невербальному рівні, який часто є центром смислу повідомлення, виконуючи роль об'єднуючої ланки для всіх елементів структури тексту [12].

В. Зірка застосовує контекстуально-ситуативний аналіз для виявлення маніпулятивних компонентів мовної гри в рекламі. Дослідниця розглядає функціональну специфіку базових частин мови в рекламному дискурсі; комунікативні завдання іншомовної лексики в тексті реклами; гендерну маркованість лексики як шлях активізації наслідування образу; метафору як засіб цілеспрямованої актуалізації лексики в рекламному тексті; слоган як комунікативну звабу; прецедентні феномени як тексти маніпулятивного впливу [8].

А. Сажина звертається до методики рецептивної поетики у дослідженні рецептивно-жанрологічних ресурсів рекламного тексту. В якості ключових комунікативних фігур дослідниця розглядає Автора та Реципієнта. Реципієнт, сприймач рекламного твору, – «людина маси», носій «масової свідомості» – для реклами є визначальною фігурою. «Реклама нівелюється без реципієнта, стає безглуздою; «ідеальний реципієнт» є обов'язковим елементом, нормованим чинником рекламної кон'юнктури» [13, с. 11]. Автор рекламного тексту розглядається як абсолютно непринципова фігура, якій притаманний «парадокс безособистості автора»: для рецептивної свідомості рекламоспоживача [13, с. 11]. Подібне співвідношення зумовлює, на думку дослідниці, виникнення нової літературної форми – «рекламної казки» з її численними рецептивними можливостями, аналіз якої може бути здійснено за наступним алгоритмом: формування позитивної конотації – тексту («реклама завжди зображується як свято, радісна подія; яскрава, музична, динамічна, вона легко захоплює і приваблює глядача»); аналіз сюжету рекламної казки; рекламні персонажі рекламні сюжети як симулякр казки [13, с. 12].

Дослідження української реклами в парадигмі *мова–текст– дискурс* було здійснено в монографічному дослідженні Л. Хавкіної з позицій *міфологічного методу* [16]. Авторка поставила за мету окреслити і проаналізувати складний корпус використовуваного рекламою міфопороджувального інструментарію, що передбачав використання наступного алгоритму дослідження: аналіз розважально-ігрового начала в рекламі як концептуальної засади міфотворчості з урахуванням рекламних експериментів і девіацій; вивчення процесу творення альтернативної реальності в українському рекламному міфі й трактування рекламованого об'єкта як чарівного артефакту; виявлення в рекламному полі варіантів корелювання з феноменами ритуалу й обряду; дослідження реклами як ремінісцентного тексту і дискурсу з урахуванням багаторівневої парадигми інтертекстуальних проявів у ній як таких, що активно сприяють набуттю рекламою міфологізованого статусу; відтворення набору візуалізованих факторів формування українського рекламного простору як соціального міфу; визначення кола

мовних засобів формування рекламного міфу з аналізом найбільш помітних міфопороджуючих вербальних чинників; дослідження послугування рекламою вербальними й позамовними можливостями продукування багатозначності, зокрема як варіанту міфологічного ототожнення імені й речі, означення й означуваного [16, с. 12].

Дослідження рекламного дискурсу передбачає аналіз низки параметрів – дискурсивної структури, мовленнєвих обмежень, ролі учасників комунікації, обумовленість контекстом, домінування глобальних рекламних цілей і функцій інституту, що здійснює рекламну комунікацію, системи цінностей, ситуативно домінуючих жанрів, системи цінностей та стратегій рекламної комунікації. Існують як комплексні дослідження, що розглядають всі зазначені дискурсивні параметри реклами [11], так і роботи, присвячені окремим характеристикам рекламного дискурсу. Так, система цінностей розглядається як дискурсоутворювальний параметр, такий що обумовлює маніпулятивний потенціал реклами. Система цінностей в дикурсі реклами реалізується в системі концептів – «конструктивних елементів, здатних забезпечити репрезентацію необхідних аксіологічних характеристик» [2, с. 17], продемонструвати різне ставлення до нормативних уявлень, зафіксованих у мовній картині світу нації. Деякі дослідники [1; 2; 6; 9; 14] дійшли висновку, що основні концепти об'єкта рекламування передають оцінну інформацію зі знаком «+». Дослідники застосовують декілька методик дослідження концептів реклами. Так, Ю. Булик здійснює концептуальний аналіз в 2 етапи: а) концептуальний аналіз типових зразків рекламних текстів (РТ) та б) підрахунок найчастотніших смислів. В якості репрезентаторів базових концептів у РТ вважаються: а) ключові спільнокореневі слова та словосполучення з їх використанням; б) контекстуальні синоніми; в) новотвори; г) відповідні графічні знаки; д) синтаксичні конструкції (зокрема й текст) [2, с. 18]. Т. Гулак, аналізуючи ціннісні структури сучасного рекламного дискурсу звертається до концептуального аналізу за методикою: дефінування неявних смислів, виявлення валентних зв'язків окремих концептів, їхніх образних рядів, урахування відношень між різними концептами: статичних (рівнозначних або ієрархічних) і динамічних (актантних та імплікативних, причинно-наслідкових). Це надає авторці змогу довести, що і політична , і комерційна реклами «у своїй основі актуалізують ціннісні концепти Захисту й Безпеки, підтримувані уявленням про інфантильність Адресата» [2, с. 17].

При дослідженні англомовного комп'ютерного рекламного дискурсу І. Шукало була застосована *методика фреймового моделювання* С. А. Жаботинської [7]. Дослідниця виходила з того положення, що фрейми утворюють міжфреймову сітку, яка структурує інформацію про компанію, яка здійснює рекламну діяльність, та пропоновані нею послуги/товар. Семантична структура фрейму за таким підходом може бути представлена наступною структурою: 1) хто, 2) пропонує що, 3) за допомогою чого, 4) для кого, 5) з якою метою, 6) має результатом, 7) де знаходиться [17, с. 12].

Отже, розглянуті методики дослідження рекламної комунікації у більшості випадків не враховують впливу комунікативного каналу, значимість якого особливо зростає у випадку інтернет-реклами. Вважаємо за можливе запропонувати методику дослідження віртуальної рекламної комунікації в парадигмі мова–текст–дискурс, де враховуватиметься канал комунікації, який чинить вплив на механізми адаптації мовних засобів, формування тексту реклами в системі гіпертексту, принципи функціонування рекламного дискурсу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт: (На материале современной русской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Белозерова. – Волгоград, 2007. – 24 с.
2. Булик Ю. В. Рекламний текст в параметрах аксіологічної прагмалінгвістики: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. В. Булик. – Харків, 2009. – 20 с.
3. Ворначев А. О. Взаємодія лексико-семантичного, синтаксичного, фонетичного та прагматичного рівнів у текстах реклами автомобілів (на матеріалі англійської мови): автореф. дис. ... канд. філол. наук / А. О. Ворначев. – Чернівці, 2009. – 20 с.
4. Горлачова В. В. Структура семантичного поля кольоропозначень у сучасному російськомовному рекламному дискурсі: автореф. дис. ... канд. філол. наук / В. В. Горлачова. – Д., 2011. – 19 с.

5. Гузенко С. В. Синтаксис рекламного дискурсу: автореф. дис. ... канд. філол. наук / С. В. Гузенко. – К., 2010. – 20 с.
6. Гулак Т. В. Ціннісні структури сучасного рекламного дискурсу (на матеріалі російської комерційної та політичної реклами): автореф. дис. ... канд. філол. наук / Т. В. Гулак. – Х., 2005. – 20 с.
7. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С. А. Жаботинська // Мова. Науково-теоретичний часопис із мовознавства. – Одеса: Астропринт, 2004. – № 9: Проблеми прикладної лінгвістики. – С. 81–92.
8. Зирка В. В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе: дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Зирка. – Д., 2005. – 462 с.
9. Ильинова Е. Ю. Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Кокольцева. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
10. Коваленко Н. Л. Лінгвістична позначеність слогана в структурі рекламного тексту: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. Л. Коваленко. – Д., 2006. – 17 с.
11. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 602 с.
12. Паршук Н. В. Вербалізація спонукальної інтенції у російському рекламному тексті: автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. В. Паршук. – К., 2008. – 20 с.
13. Сажина А. В. Поетика та рецептивно-жанрологічні ресурси рекламного тексту: дис. ... канд. філол. наук / А. В. Сажина. – Чернівці, 2007. – 232 с.
14. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник Воронеж. ун-та. – 2004. – Вып 1. – С. 29–35.
15. Улітіна Н. О. Лінгвальні характеристики слогана як компонента звукової реклами (експериментально-фонетичне дослідження на матеріалі англомовної теле- та радіореклами): автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. О. Улітіна. – Одеса, 2010. – 20 с.
16. Хавкіна Л. М. Сучасний український рекламний міф : монографія / Л. Хавкіна. – Х.: Харківське історико-філол. товариство, 2010. – 352 с.
17. Шукало І. М. Англомовний комп'ютерний рекламний дискурс : семантичний та комунікативний аспекти (на матеріалі веб-сайтів британських туристичних компаній): автореф. дис. ... канд. філол. наук / І. М. Шукало. – К., 2008. – 20 с.

І. В. Волкова, Д. С. Калмикова (м. Харків)

УЖИВАННЯ АНТРОПОНІМІВ У РОМАНАХ ЛІНИ КОСТЕНКО «МАРУСЯ ЧУРАЙ» ТА УЛАСА САМЧУКА «МАРІЯ»

Систематичне наукове вивчення східнослов'янської антропонімії розпочалося порівняно недавно – в останні три десятиліття, але за цей час українська антропоніміка вже досягла значних успіхів. Метою даної роботи є порівняльний аналіз антропонімів як інтертекстуальних елементів на матеріалі історичного роману у віршах Ліни Костенко «Маруся Чурай» та роману Уласа Самчука «Марія». Завданням – на основі аналізу літературних джерел дослідити особливості вживання антропонімів у зазначених творах. Актуальність даної роботи полягає в тому, що антропоніми романів «Маруся Чурай» і «Марія» дають цінний матеріал про культуру українського народу, вплітають її у всесвітню, об'єднують різні етносоціальні спільноти, однак допоки не були об'єктом порівняльного вивчення мовознавців.

Висока частотність використання власних назв обома авторами зумовлена художньо-естетичними настановами, образно-стилістичниним потенціалом антропоформул.

Ономастичний простір роману «Маруся Чурай» має свої особливості, які коригуються тим, що йдеться про «історичний роман у віршах». Велика кількість персонажів, що перебувають у взаємодії, зростання вагомості сюжету в жанрі роману помітно підвищують відсоток прямого номінативного вжитку власних назв. Ознака твору «історичний» вимагає побудови автентичного онімічного хронотопу, а ознака «у віршах» вимагає поезії. І це виявляє себе щоразу у вжитку кожного оніма роману.

Чітка окресленість власних найменувань виявляється в тому, що вони, як правило, не вигадані, а такі, що реально й документально зафіксовані. Окрім того, вони позначають назви об'єктів і осіб історично значущих. Таким чином, уживання обумовлене, насамперед, точністю, достовірністю, правдивістю інформації, що подається.

© Волкова І. В., Калмикова Д. С., 2013

Можна сказати, що в даному випадку власні найменування, виконуючи свою первинну функцію, інформативно-національну, створюють інформаційне поле.

Проте часом важко визначити, яка функція – інформативно-довідкова чи художньо-зображальна – буде домінуючою. Коли текст роману фіксує антропонім *Богдан Хмельницький*, не викликає сумніву, що це ім'я сприймалося українцям із вираженими позитивними емоціями, які обумовлені життєвою позицією цього ватажка повстанців, його діями, вчинками і прагненнями, скерованими позитивними емоціями, високими патріотичними почуттями. Можна стверджувати, що вони були домінуючими: досить назвати це ім'я і не подавати детальних описів його дій, вчинків, – і текст одразу набере певної емоційної тональності, адже ім'я цього героя ще за часів його життя є символом мужності, патріотизму, любові до народу України.

Антропонімія роману ніби творить три кола, що взаємно перетинаються: полтавське, загальноукраїнське та вороже. Причому останнє мотивується ситуацією XVII ст. Перше з них об'єднує майже всіх персонажів роману.

Для головного образу поетеса мала вже усталену традицією форму *Маруся*, яка стала незмінюваною і використовується в усіх ситуаціях (30 ужитків). Додаткове найменння Чурай (що сприймається нині як прізвище, але в XVII ст. ним не було) є усталеною народною переробкою форми Шкурай, як вона відбита, стосовно батька Марусі Гордія, в «Історії русів». Для персонажа-антипода Марусі поетеса з двох пропонованих легендою імен Галя і Ганна обрала перше, тим самим ще раз втіливши, вже із зовсім іншим (але в обох випадках опертим на культурну семантику) навантаженням, виразисту онімічну опозицію, використану в «Казці про Мару».

Ім'я *Галя* вживається найчастіше нейтрально забарвленим, зрідка Галька, Гальці, а також у поєднанні з прізвищем: *(«Тож Галя Вишняківна підійшла...»)* [4; с. 8].

У романі точно відбита і полтавська антропонімія – жива народна стихія. Вона використана поетесою як потужний засіб художнього мовлення. Невеликий пласт становлять імена та прізвища відомих історичних діячів, що дуже часто трапляються протягом твору і мають найрізноманітніші виразові функції та є важливим сатиричним й іронічним засобом. Наприклад, автор часто згадує про *Байду, Богдана Хмельницького, Вишневецького, Остряницю,* рідше *Павлюка, Виговського.* Імена історичних осіб відтворюють колорит зображуваної епохи, за їх допомогою поетеса характеризує інших діючих осіб. Говорячи про стилістичні функції наймень історичних осіб, слід ураховувати їх експресію, осмислення у межах ідіостилю роману.

Іншомовні антропоніми не тільки підкреслюють національність персони, але й виконують певну стилістичну роль. У романі «Маруся Чурай» Ліна Костенко відверто глузує над польським панством, створюючи авторські неологізми – прізвища представників шляхти від слів *«бидло»*, *«коза»*, поєднуючи польське ім'я *Тадеуш* із прізвищем *Пика*, польське прізвище *Яблоновський* з іменем *Рох.*

Антропомодель «ім'я + по батькові» виявила себе неперспективною категорією на сторінках роману, оскільки використовується переважно в офіційному стилі, у середовищі ж сільському та козацькому відсутня.

Стилістична забарвленість антропоформул твору, неофіційність використання у ситуаціях спілкування є характерною особливістю тексту «Марусі Чурай».

Таким чином, імена історичних осіб, використані у романі Л. Костенко, виступають досить вагомим фактором досягнення достовірності описуваного, створюючи ефект реальності і відповідний культурний та історичний фон.

У романі «Марія» У. Самчук органічно вводить антропоніми в текст, використовуючи їх для виразного окреслення характерів та поведінки героїв. А власні імена історичних осіб, пов'язаних з певними історичними подіями, автор використовує для того, щоб охарактеризувати історичний поступ України на довгому шляху розвитку, а в плані стилю – стислості й лаконічності.

Антропоніми твору вибудовані за такими моделями: а) особисте ім'я людини *(Оксана, Марія, Андрій, Ганна)*; б) ім'я + прізвище *(Гнат Кухарчук, Мартин Заруба)*;

в) ім'я + по батькові + прізвище (вжито лише один раз): *Максим Корнійович Перепутька*; г) ім'я + прізвисько *(Гнат Господи Помилуй)*.

Улас Самчук використав у романі близько 45 власних імен *(Мартин, Демко, Корній, Грицько, Пріська, Надія* тощо).

Антропонімікон «Марії» є мініатюрним відображенням загальнонародного українського антропонімікону кінця XIX – початку XX ст. Назвами персонажів часто є лише власні українські імена, грецькі чи латинські за походженням, чоловічі: *Микола, Петро, Тить, Максим, Конон, Грицько, Сидір, Андрій, Трихон, Семен, Лаврін* та ін.; жіночі: *Катерина, Марія, Улита, Христина, Химка, Феодосія, Палажка, Домаха* тощо. Такі імена у романі мають селяни-бідняки та селяни-середняки. Їхніх прізвищ здебільшого не названо.

Як бачимо, серед імен, які подає автор, зазвичай переважають ті, які були властиві українцям. Проте серед них трапляються й антропоніми на позначення єврейського носія імені – *Хаїм, Гершко, Янкель*. Неукраїнські імена носять крамарі та представники більшовицької влади на селі. Персонажів-жінок письменник нерідко називає по імені чоловіка за допомогою суфіксів -их(а), -ов(а): *Гапка Хомиха , Юхимова Ганна*. З часом такі оніми стають прізвищами.

Частина антропонімікону роману подана через імена та прізвища: *Корній Перепутька, Михайло Кухарчук, Гнат Кухарчук, Мартин Заруба, Роман Заруба, Марко Закаблук, Андрій Балаба*. В основному це селяни-хазяї, що мали свої господи. Поряд автор подає й прізвища селян-колгоспників *(Сергій Гнида, Карпо Фіян, Іван Казмирець, Середа Хоть, Архип Паньків)*, які з господарів у роки колективізації та голодомору стали повстанцями, грабіжниками, а один з них – убивцею.

Антропонім документального типу (ім'я + по батькові + прізвище) поданий автором лише один раз, щоб підкреслити офіційну посаду представника влади і офіційність документа. Це лист-самозречення *Максима Корнійовича Перепутька* своєї родини, поданий у газеті «Пролетарська правда». Тут повне ім'я виступає засобом створення офіціозу й негативу водночас.

Антропонімійна система роману відтворює всі способи творення українських прізвищ, а саме: морфологічний за допомогою суфіксів *(Грушевський, Кухарчук, Паньків, Перепутька)*, без застосування твірних афіксів, тобто шляхом усічення кінцевих морфем твірного слова *(Хоть, Заруба, Балаба)*, основоскладання *(Чорноокий)*; лексико-семантичний спосіб *(Гнида, Закаблук)*.

Нечисленні власні назви запозичені з книжних джерел – із Біблії, Євангелія, творів художньої літератури, використані автором для подачі необхідної інформації та створення відповідного асоціативного поля: *Ірод, Матір Божа, Ісус Христос, Ной, Фавет, Мефістофель.* У романі також простежено низку антропонімів – назв історичних, реально існуючих осіб: *Грушевський, Микола II, Петлюра, Ленін, Сталін, Кащенко, Маркс.*

Імена дітей автор часто подає у зменшувально-пестливій формі (демінутиви з суфіксами -ус-, -к-, -ц-: *Романця, Христуся, Семенко, Надійцю, Гафійка, Максимцьо* і под.), що підкреслює любовне ставлення батьків до своїх чад, селян до дітей.

Вибір імені для літературного персонажа, як правило, не буває випадковим. Даючи ім'я персонажу, письменник звичайно вкладає в нього певну оцінку, характеристику. Тим самим він має змогу використати власні імена як додатковий художній засіб для вираження ідейно-естетичного задуму. Це яскраво ілюструє ім'я головної героїні *Марії*. Її ім'я має кілька значень: 1) «чинити опір»; 2) «гірка» і 3) «кохана, бажана». Життя Марії було дійсно багате на кохання і в той же час сповнене гіркоти. Перед нами постає жінка, сповнена любові до життя. Про дух любові до всіх свідчить життя Марії – її любов до батьків, до людей, до праці, до співу, до чоловіка, до дітей, до природи. Образ Марії – образ сильної жінки, яка бореться за своє щастя, їй чужі сльозоточивість і жалісливість, по життю вона – борець. Її постать асоціюється з матір'ю-Україною, яка, як і Марія, втратила своїх дітей (тисячі тисяч) у роки голодомору.

Отже, у ході даної роботи на основі аналізу літературних джерел ми дослідили особливості ономастичного простору романів Ліни Костенко «Маруся Чурай» та Улаа Самчука «Марія». Результати дослідження дають підстави стверджувати, що антропоніми романів є результатом ретельного авторського добору й мають багато спільного. Антропоніми, як інтертекстуальні елементи, виконують певну стилістичну та художню функції, характеризують мову та стиль авторів, стають засобом вираження авторської модальності. Для аналізованих творів притаманний онімічний хронотоп, що підкреслює різновимірну глибину творів. Створюючи своєрідні мікротексти, вони допомагають локалізувати зображуване у просторі та часі, надати йому національного забарвлення, що свідчить про доцільність і перспективність подальшого використання антропонімів. Добір антропоформул у досліджених творах має широку інформаційну та емоційну амплітуду за різними параметрами.

Першорядну роль у розмаїтості змальованих колоритних образів відіграли життєвий досвід письменників, і, зокрема, знання специфіка антропонімної системи, інтерес до виражальних можливостей антропонімів. Це, у свою чергу, має активний вплив на узгодженість імені й образу. Уважно підібрані авторами відповідно до змісту антропоніми сприяють мистецькій реалізації творчого задуму митців.

Є. В. Волянська (м. Кіровоград)

МОРФОНОЛОГІЧНА АДАПТАЦІЯ НОВИХ СЛІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ

Проблема поповнення словникового складу української літературної мови шляхом позичання лексем із споріднених чи неспоріднених мов знову гостро заявляє про себе на початку XX ст., у добу українізації. Актуальним стає питання співвідношення національного й інтернаціонального в лексичній системі мови (праці О. Б. Курило, О. Н. Синявського, І. І. Огієнка). Визнаючи об'єктивність змін лексичного складу й невідворотність збагачення його за рахунок запозичень, мовознавці, однак, радять розрізняти доцільні, умотивовані запозичення, й недоцільні, зайві, які деформують лексико-семантичну структуру української мови, позбавляють її національних рис. Основним способом поповнення лексичного складу мови вони вважають творення нових лексем на базі питомих слів.

Н. Ф. Клименко зазначає, що багато новоутворених дієіменників – назв абстрактної дії та процесу мають виразний прагматичний ореол, що наближує їх до рядів ад'єктивів на позначення ознак соціального світу: меншою мірою до тих із них, що позначають людські властивості (*дебілізація, духозрушення, самсобіпанство*), більшою – до тих, які окреслюють властивості соціального світу (*зомбування, євангелізація, локшино вішання, манкуртизація*) [2, с. 138].

Інноваційні процеси, що проявляються на лексичному рівні, охоплюють: 1) появу нових слів – як питомих, утворених на ґрунті української мови, так і запозичених; 2) появу на конкретному етапі розвитку мови нових значень у загальновідомих словах; 3) активну міграцію слів у межах лексичної системи від периферії до центру і навпаки.

Виникнення в мові нових слів, як і нових значень, зумовлене двома основними причинами: 1) потребою назвати нове поняття; 2) бажанням дати нове (виразніше, конкретніше чи коротше) найменування тій реалії, яка вже має назву. Разом із цим на появу нових слів і їх активне функціонування в окремих стилях літературної мови впливають естетичні уподобання суспільства в цілому й окремих його представників зокрема. Індивідуальні смаки тих, хто має змогу впливати, наприклад, на добір лексичних засобів у періодиці, формують своєрідну «моду» на вживання окремих нових слів. До розряду неологізмів зараховуємо нові слова (чи сполучення слів) і нові значення слів, які сформувалися в мові певного історичного періоду для позначення но-

© Волянська Є. В., 2013

вих об'єктивних реалій. Ця категорія слів належить до сфери мови і знаходить своє відображення в лінгвістичних словниках української мови.

Як відомо, поняття неологізму є історично змінним, тобто статус неологізму того чи того слова є тимчасовим і воно його поступово втрачає в процесі функціонального закріплення в лексико-семантичній системі мови. Унаслідок цього не завжди легко визначити ступінь «новизни» слова, окреслити його часові рамки.

В україністиці проблеми морфонології як науки протягом тривалого часу принагідно досліджено, у зв'язку з вивченням явищ словозміни та формо- і словотворення (В. О. Горпинич, К. Г. Городенська, І. І. Ковалик, Н. Ф. Клименко, М. Я. Плющ, Л. М. Полюга, Л. О. Родніна, З. С. Сікорська). Наприкінці 80-х років праці Л. І. Комарової, І. В. Козленко, Л. О. Кондакової, М. В. Кравченко були продовженням цих лінгвістичних студій.

На початку XXI ст. з'являються праці, присвячені дослідженню морфонологічної структури відіменникових словотвірних гнізд української мови (М. Ю. Федурко), віддієслівних словотвірних гнізд української мови (І. М. Демешко), морфонологічної структури у віддієслівних словотвірних гніздах із вершинами-дієсловами звукопозначення та віддієслівних зон відіменникового словотвірного гнізда в російській мові (Г. М. Потапова), морфонології словозміни і словотворення білоруської мови (В. П. Русак), встановленню особливостей вияву морфонологічних закономірностей у відприкметникових словотвірних гніздах із використанням поняття морфонологічної моделі (Г. В. Пристай) та ін.

Зі становленням і розвитком дериватології як науки про закономірності творення нових лексичних одиниць у мовознавстві зростає інтерес до правил і закономірностей морфонології, адже в багатьох сучасних мовах різних мовних сімей функціонують словотвірні моделі, які продукують похідні шляхом формальної видозміни своїх словотворчих морфем.

До морфонологічних в українській мові належать такі явища: чергування, усічення, інтерфіксація (нарощення), інтерференція (накладання), наголос [1, с. 171]. У досліджуваних нових відіменникових, відприкметникових і віддієслівних похідних спостерігаємо такі морфонологічні явища: чергування голосних і приголосних фонем, зміну наголосу, усічення. Зміна наголосу: *зі́рка – зіркува́ти*, *зло́чин – злочи́нити*, *іко́на – іконізува́ти*, *зве́рхник – зверхникува́ти, дизайн – дизайнува́ти*, *доносити – доноси́зм*, *затули́ти – зату́лини*, *єди́ний центр – єдиноцентри́ст*; чергування фонем (морфонологічна позиція палаталізації і депалаталізації): *Бузина – бузинізм* (н//н'), *УДАР – ударівець* (р//р'), *ЄЦ – єцівець* (ц//ц'), *Зварич – зварівщина* (р//р'), *Дніпрогаз – дніпрогазівець* (з//з'), *біжутерія – біжутеризація* (р'//р), *вождь – вождиня* (жд'//д); *вирваний – вирваність* (н//н'), *пафосний – запафоснюватися* (н//н'), *під зорями – підзор'я* (р'//р): *Хилиться в осінь вода Хвильного Чорного моря. І до сивин припада Сіль молодого* ***підзор'я*** (А. Гризун. Резигнація). Вивчення морфонологічної структури нових слів у сучасній українській літературній мові дозволяє передбачити морфонологічну поведінку словотворчих морфем у творенні похідних, виявити можливість виникнення похідного від будь-якої основи, якщо це не суперечить семантичним аспектом мови, встановити спільні і відмінні риси у творенні активного (ядерного) і пасивного (периферійного) лексичного фонду сучасної української літературної мови, використовуючи при цьому аналітичний і синтетичний підходи.

В останні десятиліття продукування фемінітивів помітно активізувалося, і тому номени осіб жіночої статі виділилися в окрему систему іменникових лексем, для яких характерні специфічні деривaційні й лексико-семантичні ознаки. У деяких фемінативах-новотворах часто вживається не одне, а поєднання кількох морфонологічних явищ: поєднання декількох різновидів чергувань: *знавець – знавчиня*, *борець – борчиня*, *видавець – видавчиня*, *гравець – гравчиня* (е//Ø; ц'//ч), *боєць – бійчиня* (е//Ø; ц'//ч, о//і) – простежується тенденція до утворення іменників на позначення осіб жіночої статі від іменників, що позначають осіб чоловічої статі, що відповідає нормам української мови. Проте подекуди трапляються слова, що засвідчують порушення

норм української літературної мови, а саме утворення іменника чоловічого роду від іменника жіночого роду*: попелюшка – попелюх* (х//ш).

Поєднання таких морфонологічних явищ як чергування приголосних фонем за ознакою твердість – м'якість і зміна наголосу зафіксовано в таких новотворах: *дата – датівни́к* (т//т'; á//а), *дога́на – доганя'ка* (н//н'; á/а), *зерно́ – визе́рнюватися* (н//н'; é/е), *сміття – знесміти́тися* (т//т'; і́/і), *вовк – вовчі́ти* (о́//о; к//ч). У результаті дослідження виявлено, що у творенні нових слів характерні такі морфонологічні позиції: амбівалентні, палаталізації і депалаталізації. Деякі нові слова виокремлюємо в групу запозичених в українську мову здебільшого з англійської, для яких характерна амбівалентна морфонологічна позиція, наприклад: *буккросинг*, *шугаринг*, *лук* (вигляд), *джексономанія*, *поттероманія*, *онлайновий*, *ліфтарт*, *атракції*, *лайкати*.

Здійснене дослідження дозволило згрупувати та проаналізувати морфонологічні явища характерні для нових слів в української мові. Було виявлено, що не всі морфонологічні явища є продуктивними у творенні нових слів. Найпродуктивнішими є зміна наголосу і різні варіації чергування фонем. Усічення вживається рідше, а інтерфіксація та інтерференція взагалі не виявлені. Розгляд фактичного матеріалу дозволяє зробити висновок, що видозміна похідної морфеми детермінована морфонологічним чинником: морфеми відповідної фонологічної будови зазнають / не зазнають морфонологічних змін.

Перспективу подальшого дослідження словотвірної морфонології нових слів убачаємо у вивченні особливостей контактної зони кореня та ініціалі суфікса, механізмів пристосування типової і нетипової кореневої і суфіксальної морфем у нових словах, виокремленні моделей, типів і класів нових слів за частиномовною належністю, продуктивністю і регулярністю морфонологічних явищ у неолексемах сучасної української літературної мови.

ЛІТЕРАТУРА

1. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфонологія: навч. посіб. / В. О. Горпинич. – К. : Вища шк., 1999. – 207 с.
2. Клименко Н. Ф. Диференційні та інтеграційні процеси в лексиці та словотворенні сучасної української мови / Н. Ф. Клименко // Мовознавство. – 2008. – № 2–3. – С. 136.

Т. Н. Высоцкая (г. Днепропетровск)

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КРУГУ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (на материале бинарных конструкций)

Использование ономасиологического метода в анализе терминологии позволяет установить, как соотносятся понятия, отраженные в семантике этих терминологических единиц, подвести обозначаемое под определенную категорию, выявить понятийные механизмы образования наименования, характер мотивированности нового наименования; ономасиологический метод направлен на объяснение связи ономасиологической структуры со структурами знаний об объекте номинации [2, с. 115].

При ономасиологическом подходе к исследованию сложных единиц номинации выделяют три основных категории: ономасиологический базис, ономасиологический признак и предикат, который связывает базис и признак определенным отношением.

Теоретическую базу исследования составляют труды таких ведущих специалистов в области лингвистики и терминологии, как С. В. Гринёв-Гриневич [1], В. П. Даниленко [3], Е. С. Кубрякова [4], В. И. Шадрин [5].

Источником материала исследования послужила выборка номинаций технических артефактов горной промышленности.

© Высоцкая Т. Н. , 2013

Целью нашего исследования является анализ ономасиологических отношений в кругу составных наименований, образованных по наиболее репрезентативной в анализируемой сфере модели – бинарной конструкции типа N_1+А (где N_1 – существительное в именительном падеже, А – прилагательное). Данная цель предполагает решение следующих задач: 1) определить, чем выражен ономасиологический базис данных наименований; 2) установить, чем представлены формальные типы базиса; 3) зафиксировать категориальное значение базиса; 4) определить, чем представлен атрибутивный компонент и какой ономасиологический признак он отражает; 5) среди бинарных терминологических словосочетаний, образованных по структурной модели N_1+А выделить когнитивно-ономасиологические модели и описать отношения базиса и признака.

Анализ ономасиологических отношений в кругу составных наименований, образованных по модели N_1+А (по которой образуются 75% аналитических наименований технических артефактов горной промышленности), позволяет сделать следующие выводы:

Ономасиологическим базисом данных наименований является существительное.

Формальные типы базиса в этом случае представлены заимствованиями, непроизводными, отглагольными (реже отыменными) суффиксальными производными, семантическими производными, сложными наименованиями, префиксально-суффиксальными производными.

В плане категориальности, такое ядро выражает название оборудования, сооружения, конструкции, машины, транспортного средства, механизма, аппарата, устройства, прибора, узла, органа, инструмента, детали, элемента.

Атрибутивный компонент формально представлен простым или сложным прилагательным.

Этот атрибутивный компонент отражает ономасиологический признак, указывающий на: выполняемые действия, тип (то, из чего состоит – по конструктивному элементу), форму, вид, конструкцию, принцип действия, местоположение, свойство, положение в пространстве, назначение, направление действия, физическое свойство, качество, признак, способ изготовления, способ передвижения, род ходового оборудования, назначение и род работы, вид рабочего оборудования, род силового оборудования, материал (с чем работает), материал (из чего изготовлено), принадлежность базисного компонента.

Среди бинарных терминологических словосочетаний, образованных по структурной модели N_1+А, удалось выделить 25 когнитивно-ономасиологических моделей, выражающих различные отношения базиса и признака. Наиболее репрезентативными являются группы наименований, характеризующиеся следующими ономасиологическими отношениями: артефакт выполняет (производит) действие, артефакт имеет/не имеет основной конструктивный функциональный элемент, артефакт имеет определённую форму, артефакт характеризуется определённым свойством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение : учеб. пособие / С. В. Гринёв-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304с.
2. Гусева И. Г. Когнитивно-дискурсивный анализ межотраслевой экологической терминологии в области рыбного промысла (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки» / И. Г. Гусева. – Калининград, 2004. – 291 с.
3. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
4. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
5. Шадрин В. И. Парадигматическая система номинативных средств в английском языке / В. И. Шадрин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 80 с.

М. С. Выхрыстюк (г. Тобольск, Россия)

СРЕДСТВА СВЯЗИ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРИДАТОЧНЫМИ ПРИЧИНЫ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ Г. ТОБОЛЬСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Тобольские архивные хранилища располагают огромными запасами до сих пор лингвистически не описанных и не исследованных рукописных и печатных памятников письменности. Перспективным является рассмотрение ряда вопросов относительно формирования грамматической системы русского языка на отдаленной от центра территории, какой является Сибирь. Интересным считаем вопрос о функционировании служебных частей речи в деловом языке XVIII в.

Актуальность исследования грамматического строя региональных рукописных текстов XVIII в. мотивируется, с одной стороны, недостаточной изученностью значимого источниковедческого материала, хранящегося в периферийных архивах, в том числе тобольских, и, с другой стороны, нерешенностью проблемы формирования русского нормированного полифункционального общегражданского письма как одного из главных звеньев образования русского национального литературного языка не только в центре, но и в далекой провинции.

В фондах ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске» хранятся документы, отражающие деятельность различных промышленно-технических, государственных, церковных и других учреждений г. Тобольска и Тобольской губернии. Объектом внимания стали тексты делопроизводства Тобольского губернского правления 1788-1797 гг. (Фонд И-329), Тобольской казенной палаты 1782-1916 гг. (Фонд И-371) и Тобольская духовная консистория 1724-1796 (И-156).

Наиболее ярким показателем причинного значения придаточной части в сложноподчиненном предложении являются причинные союзы, которые можно разделить на две группы: 1) созданные на материале народного русского языка**: *какъ, потому какъ, так какъ, для того какъ; потому что, потому, для того что, а тем что, и почему, въ рассужденье что, ибо*** и 2) книжно-славянские**: *поелику, понеже.***

Частотным в предложении был союз ***какъ***. Многообразие синтаксических функций союза ***какъ*** в современном русском языке позволяет ему выражать самые разнообразные отношения между частями сложноподчиненного предложения: союз ***какъ*** присоединяет придаточные сравнительные, образа, меры и степени действия, изъяснительные, временные, присоединительные, причинные, условные, а также вводные предложения. Широкое распространение придаточных причины с союзам ***какъ*** в текстах прошений, поручных записей, жалоб объясняется близостью языка деловой письменности к живому народно-разговорному языку (многие документы такого рода были записаны со слов свидетелей, просителей, городских мещан): *Но **какъ** оне завсегда знаюца съ воровскими людми къ хлебопашествѣ домостроителствѣ нерачителны взять ихъ на жительство жители ихъ не приемлютъ* (И 329-1-52-42); *И **какъ** де те поборы продолжалися безъ всякаго послабления то, народъ нашлись наниматся на заводы и въ работы* (И 156-1-72-23). Отметим, что И 156 – паспортный архивный номер фонда, 1 – номер описи, 67 – номер дела, 219 – номер страницы.

В местных деловых документах отмечены сложноподчиненные предложения с придаточным причины, присоединяемым союзом ***такъ какъ.*** Он очень четко выражает причинное значение, хотя употребляется сравнительно редко: *Снесла она (Лукерья Антонова) съ собой въ старой простыне разное шелковое и меховое платье а что именно того она не упомнит **такъ какъ** оное было кладено по скорости и в темноте* (И 371-1-73-277). Компоненты союза ***такъ какъ*** в некоторых предложениях могут меняться местами, однако причинное значение при этом сохраняется: *Ука-*

© Выхрыстюк М. С., 2013

занной крестьянинъ Саткуловъ на базаре том въ ту пору не бывалъ ***какъ такъ*** *продавать ему было нечево* (И 329-1-28-376). Придаточные с союзом ***такъ какъ*** могут занимать любую позицию в сложноподчиненном предложении по отношению к главному. Компонент ***как*** входит в состав союзов ***потому какъ, почему какъ, для того какъ,*** впоследствии утраченных в русском литературном языке: *Она удавилась сама на воротахъ* ***потому какъ*** *стыдилася какого либо содеянного ею против отца в дому преступления* (И 371-1-93-313); *Отколь у Вторушина те лошади* ***почему какъ*** *он Вторушинъ известной перекупщик лошадей* (И 156-1-42-373); *И притом Туголуков обещался ему понемногу из оных (денег) давать всегда* ***для того какъ*** *он жилъ в работниках* (И 371-1-36-110).

Союз ***потому что*** является стилистически нейтральным и употребляется во всех исследуемых деловых документов в составе придаточного причины. Употребительны и его разговорные варианты ***потому*** и ***почему что***: *Тамъ же въ заводе при обыску ассигнации покраденные у нихъ были отобраны и жемчуга,* ***потому что*** *жемчугъ въ кошеле въ узлу былъ завязанъ* (И 371-1-52-435); *И отдавал ли он тому старшине в продаже тех лошадей расписку не упомнит* ***почему что*** *онъ Вторушинъ каждогодно лошадей покупает немалым числом у разных людей* (И 329-1-62-372). *А оне просилися начевать* ***потому*** *ехали мимо ево на Тобольскую линию со службою* (И 371-1-54-310).

Малоупотребительны в местной деловой письменности причинные конструкции с союзами ***потому что***, ***для того что***, **затем что**, ***оттого что***, ***для того как***: *Казакъ Федор Мезенин взял с нево Подкорытова денегъ три рубля вина на три рубли выпил* ***для того что*** *находился немало время а равно трои сутки а болше ходил тот казак пьяной* ***потому что*** *пил вина много* (И 371-18-100); *А имеетъ онъ в той краже прямую неверку на крестьянъ оной же деревни Назара и сына ево Федота Голубчиковых* ***оттого что*** *видали их въ т8 ночьную пору 8 ево анбара же изъ коего то именье унесено было* (И 356-1-46-352).

В местной деловой письменности употребляются книжно–славянские союзы ***ибо, поелику, понеже***. Союз ***ибо***, впервые зарегистрированный в XVII в., быстро распространился в языке Петровского времени и был самым употребительным в книжно-литературном языке второй половины XVIII в. В нашем материале он также широко используется в составе придаточных причины: *Люди видали конного татарина но ловить не пошли* ***ибо*** *с опасностью по границе в ту пору ездить* (И 371-1-21-259); *А от кражи убытку не будет* ***ибо*** *живет он Мякишкинъ безбедно* (И 356-1-133-206).

Употребление союзов ***поелику*** и ***понеже*** строго ограничено стилистически: они встречаются только в спорах, в заключениях, приговорах и в цитатах из законов и статей Соборного Уложения, на который ссылается суд: ***Поелику*** *подсудимая жонка Лукерья Парушкина в краже у торгующих въ Иртышской слободе купцов разного товару учинила чистосердечное признаніе а потому уездной судъ ее Парушкину и присуждает наказать…кнутом* (И 371-1-31-320); *А въ собственномъ своемъ деле нихто не может противъ показывать* ***понеже*** *который сам себе к делу причастен оный не может въ предупреждение себе потив8 свидетельствовать* (И 329-1-233-56). В текстах допросов, жалоб, «объявлений» два последних союза не употребляются. Союз ***ибо*** гораздо в большей степени стилистически нейтрален, однако именно он более всех осознается как книжный.

Таким образом, в деловом языке г. Тобольска второй половины XVIII в. для выражения причинных отношений в сложноподчиненном предложении существовал ряд причинных союзов. Преобладают союзы русского происхождения ***как, потому что, что, ибо*** и др.

Употребление старославянских союзов ***поелику, понеже*** нехарактерно для языка местных документов и ограничено стилистически.

Деловой язык XVIII века является сферой первоначального функционирования новых релятивных языковых средств – большей части союзных новообразований,

потому перспективным считаем изучение средств связи главной и придаточной части в составе сложного предложения, а также составление своеобразного синтаксического словаря – репертуара элементарных единиц синтаксиса делового языка второй половины XVIII века.

ИСТОЧНИКИ

Фонд И 329 Тобольское губернское правление 1788–1797 гг.
Фонд И 371 Тобольская казенная палата 1782–1916 гг.
Фонд И 156 Тобольская духовная консистория 1724–1796 гг.

О. И. Гамали, О. Б. Каневская (г. Кривой Рог)

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. М. ЖВАНЕЦКОГО

Задачи и принципы изучения художественной речи, языка художественной литературы как искусства слова были разработаны А. Потебней, Л. Щербой, Г. Винокуром, В. Виноградовым и развиты в работах И. Арнольд, Р. Будагова, А. Ефимова, Ю. Лотмана, В. Одинцова, Н. Шанского, Д. Шмелева и др. Современную лингвистику интересуют вопросы возможностей языка в аспектах художественного творчества, механизмов анализа текста, адекватного его прочтения. В рамках теоретических, практических и методических исследований такого сверхсложного объекта, как функционально-эстетическая система художественного текста, работают многие учёные (М. Бакина, Ю. Казарин, Н. Кожевникова, А. Лошаков, В. Маслова, Е. Некрасова, Н. Николина, Л. Новиков и др.). Тем не менее, многие проблемы до сих пор остаются неразрешенными. Это, прежде всего, вопросы, связанные с осмыслением специфики идиостилей, составлением словарей писателей, выяснением роли средств художественной выразительности в тексте, созданием образности и т. п. Общефилологический интерес представляет изучение способов и приемов порождения комического эффекта в произведениях литературы. Этой проблеме посвятили свои работы В. Брякин, Н. Вакуров, Л. Иванов, А. Лук, В. Пропп, В. Рогозинский и др. Таким образом, тайны языка художественных произведений, индивидуально-авторских стилей, приемы создания комизма в тексте – вопросы, которые сегодня интересуют филологическую науку.

Однако поэтика многих замечательных авторов, в том числе Михаила Жванецкого, остается недостаточно изученной, лишь изредка попадая в поле зрения исследователей (Е. Колесниченко, А. Трач).

Цель статьи – выявить особенности стиля произведений М. Жванецкого (на материале книги «Год за два»).

Книга М. Жванецкого «Год за два», где собраны произведения разных лет, дает полное представление об особенностях индивидуально-авторского стиля писателя. М. Жванецкий отличается избирательной наблюдательностью и вниманием к слову. В его художественной речи слово претерпевает многочисленные трансформации на уровне значения, формы и сочетаемости в живой спонтанной речи людей. Страницы его рассказов наполнены дыханием морского ветра в Одесском порту, и не потому, что перед нами развёрнутый пейзаж, а потому, что «*три внутренних мира, обнявшись, идут по Пушкинской к морю*». Слышится многоголосье ста семидесяти человек, пришедших на свадьбу, каждый из которых в двух-трёх фразах рассказывает свою судьбу и рисует незаметно для себя собственный портрет; чувствуется запах селедки, которую посетитель музея «*развернул у него* [Аполлона] *на плече*»; словом, мы ощущаем, чувствуем, видим, слышим всё происходящее на страницах книги, как будто это происходит в настоящем, текущем моменте с нами или рядом с нами. Причём сатирик часто отдаёт предпочтение не объективности изображения, а субъективным состояниям персонажей, отражающимся в их речевом потоке, их мыслям и

© Каневская О. Б., Гамали О. И., 2013

отношениям к определённым жизненным ситуациям, вещам, к другим людям и себе. Столкновениями между этими состояниями, между уровнями мировосприятия (в частных случаях, восприятия сложившихся ситуаций) осуществляется движение сюжетной линии. У М. Жванецкого нет развёрнутого постепенного развития характеров, нет подробно вырисованных пейзажей или картин социальной действительности. Ему это и не нужно. Ему важен сиюминутный срез чувства, эмоции, мысли, срез ситуации и жизни в целом, и писатель может воплотить этот срез в одной фразе. Его проза напоминает живопись импрессионистов. М. Жванецкий не изображает – он передаёт, запечатлевает. Даже если объектом запечатления является целая жизнь – она будет передана им в отдельных связанных между собой моментах движения. Всё это находит своё воплощение в специфическом синтезе приёмов и средств языка.

Вдумчивый читатель, обращаясь к рассказам М. Жванецкого, может увидеть много интересного и почувствовать «запах эпохи». Например, в миниатюрах «Современная женщина», «Женский язык», «Куда ходит наш человек?», «Очень много честных людей» и мн. др. автор рисует психологический портрет общества в целом, концентрируясь на определённом аспекте человеческого характера, включенного в конкретное социально-культурное время. Так, в миниатюре «Очень много честных людей» перед читателем возникает портрет «честного человека», строящийся на выделении такой черты личности, как честность. Портрет общества рисуется через отношение к «честному человеку» говорящего, выступающего, в свою очередь, от лица множества других людей. Уже название содержит в себе противоречие. Честных людей много не бывает. Честность – это добродетель. Она относится к положительным чертам и её наличие является необходимым, если мы говорим об идеальной личности. Но само по себе название, хотя и содержит сразу осознаваемое читателем противоречие, возможно иронию, не даёт конкретного направления эмоционально-оценочного вектора концепта «честный человек» в данном тексте. Для этого необходим весь контекст.

Миниатюра основана на «показе» «честного человека» в действии, в контексте определённых событий, типичных жизненных ситуаций. Первая же ситуация показывает, кто есть этот «честный человек»: *Там кто-то кому-то выписал кубометр дров. Нагрузили машину. А чёрт его знает: кубометр или пять, дрова или доски. Боже мой! Все понимают, все хотят жить. Только этот не хочет, не может он, и всё. Он догоняет машину... Он хочет проверить, Ньютон проклятый* (перифраза) *Ну и проверяют, конечно. Милиция всегда на плохое бросается быстрее, чем на хорошее. Ну, конечно, в машине не то. Дрова, конечно, отбирают, сажают тех, кто в кабине, тех, кто в кузове. Всё в порядке, все без дров, справедливость торжествует*. Прежде всего, необходимо отметить субъективность говорящего (который, однако, является представителем определённого класса и типа людей) в подаче информации и его ироничное отношение к таким «*честным людям*». Читатель видит лишь результат проявления «честности», исход ситуации, и этот исход не радостен для тех, «*кто в кабине*», и тех, «*кто в кузове*». Ему неизвестно главное – намерение тех, кто «*нагрузил машину*», и того, «*кто хочет проверить*». Между тем, именно оно направляет вектор концепта «честный человек» в плюс или минус. Это направление формируется у читателя на уровне всего текста в целом. Сама ситуация является типичной для данного общества, на что указывают местоименное наречие и неопределённо-личные местоимения *там кто-то кому-то*. Типичность, естественность подобных ситуаций в жизни людей, некритичное отношение к ним выставляет общество в не лучшем свете. Возникающий психологический портрет общества в лице говорящего окрашивается юмористически, так как отрицательное и положительное не противопоставляются, идеалы не бичуют несовершенство, а происходит «приятие жизни такой, какая она есть». Это определённая жизненная философия – *Все всё понимают, все хотят жить* – философия обыкновенного человека, живущего в условиях, детерминирующих принципы его жизни, заключающиеся в том, чтобы люди *руководили принципами, а не принципы* ими.

Языковая ткань миниатюры представлена рисунком живой разговорной речи с присущими ей экономностью (неполные предложения), с одной стороны, и насыщенностью эмоционально оценочными и экспрессивными единицами (оценочная лексика, многократное употребление восклицательного знака и др.) с другой; содержащей в себе разговорные клише, слова-паразиты, сниженную лексику. Граница между юмором и иронией подвижная (как, впрочем, и во многих произведениях М. Жванецкого). Приём резкого расширения смыслового пространства, охватываемого контекстом, позволяет выделить доминанты целой эпохи: *Вы видели стальной эталон – метр? Метр, и всё!... А есть эталон мягкий* (инверсия)*, тоже, конечно, метр, но какой удобный. Намотай. Даже растяни – будет 1,5 метра.* ***Вот это эталон! Это – XX век!*** Словосочетания *стальной эталон*, *эталон мягкий*, в которых произошло нарушение лексической сочетаемости, имеют широкое семантическое поле: имеется в виду, что не только метр, но и всё в XX веке можно подстроить, подделать в собственных целях.

Реплики «честного человека» позволяют читателю сформировать неоднозначное смысловое поле слова «*честный*» и выявить направленность его эмоционально-оценочного вектора. Данное слово в контексте приобретает дополнительные оттенки смысла, противоположные общеязыковому, при сохранении одного единственного семантического зерна. То, что соответствует действительности, само по себе ещё не является ни честным, ни справедливым, поскольку честность и справедливость, помимо своей объективности (как оно есть и как должно быть), имеют очень значимый субъективный аспект – намерение, с которым всё это привносится в жизнь других людей, т. е. данные понятия включают в себя нравственный компонент. Не являются честными только потому, что говорят, что есть на самом деле, ни циник, ни стукач. А в тексте читатель видит именно прямолинейного, нетактичного «честного человека», доброжелателя в кавычках, насмехающегося над положением другого. *Идите раскройте глаза своему лучшему другу на то, что она вытворяет в его отсутствие... Вы будете враг дома номер один* – снова нет намерения, есть результат, хотя даже при положительном намерении в данной ситуации стоит вопрос о нужности такой справедливости и честности, не решённый в самой жизни. Таким образом, понятие «честный человек» приобретает неоднозначность, расширенное семантическое и коннотативное поле и, вследствие всего выше сказанного, сатирическую окраску.

В портрете общества отметим оптимистичное отношение к недостаткам жизни: *Ваши дела? – Отлично! – Ваши успехи? – На большой! – Как жизнь молодая? – Лучше всех! – Какой прелестный ребёнок! Какая милая квартирка! До свидания! Вы чудесно выглядите!* Все прекрасно осознают существующее несовершенство, но делают акцент на хорошем, относятся к себе и жизни с юмором, являющимся своеобразным принципом «выживания» (сам автор говорит о юморе, как о спасении от жизни, которая есть слёзы), и в этом контексте жизни находятся доброжелатели, считающие своим долгом открыть глаза на происходящее, притворяющиеся справедливыми и честными, при этом преследуя корыстные цели, действуя из зависти, утверждающие своё превосходство, не чувствующие ситуации, плюющие на других людей, не думающие, «как наше слово отзовётся», – мотивов может быть очень много. Но, с другой стороны, общество не может жить так, чтобы не бояться честности, чтобы действовать по справедливости (*Ещё в школе нас пытались отучить от этой вредной привычки добиваться справедливости*). Оно не приспособлено жить по законам чести и совести, таковы условия, и человек «руководит своими принципами» не потому, что он свободен, а вследствие своей несвободы. Он вынужден подстраиваться, мимикрировать, чтобы жить. Через искажение традиционного смысла понятия «честный человек» передаётся искажение общественных идеалов конца XX века, в котором «честный человек» – это «*эталон мягкий*».

Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует, что М. Жванецкий создал целую галерею психосоциальных портретов людей своего времени и, как следствие, самой эпохи в целом.

Наряду с традиционными приемами и средствами комического эффекта (использованными, конечно же, оригинальным образом), в произведениях писателя встречаются необычные художественные трансформации языковых средств: фонетических, лексических, грамматических. Специфическими приемами, используемыми автором, являются: тотальное отрицание; доведение до абсурда на уровне языкового представления событий; резкое расширение смыслового пространства, охватываемого контекстом; членение текста на микроабзацы в рамках одного синтаксического целого; логические антитезы на уровне словосочетаний (оксюмороны), грамматические – между содержанием и стилем построения грамматической конструкции, антитезы на уровне высказывания (парадоксы), смысловые антитезы на уровне текста; прием «фрагментарных» срезов внутренней и внешней жизни в наиболее важных ее моментах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жванецкий М. М. Год за два / Михаил Михайлович Жванецкий. – Л.: Экслибрис, 1991. – 480 с.

Цв. Н. Георгиева (г. София, Болгария)

ЗА НЯКОИ НОВИ СУФИКСАЛНИ ИМЕНА ЗА ЛИЦА В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК[1]

Растящите номинативни потребности на социума и влиянието на английския език са сред основните причини за появата на множество нови думи в българския език след преломната за политическия, икономическия и социалния живот в България 1989 година. Попълването на лексикалната система става главно чрез заемането на лексеми и структурни компоненти от други езици (преди всичко от английския) и образуването на нови производни думи.

Сред дериватите особено голям е броят на съществителните имена, образувани чрез суфиксация, като немалка част от тях са имена за лица (ИЛ).

Обект на изследване тук е една част от тях – образуваните с чужди суфикси съществителни имена от мъжки род, назоваващи лица, които са създадени през 90-те години на миналия и първото десетилетие на новия век.

Изследването има за цел да посочи към кои словообразувателни категории принадлежат новите езикови единици, кои са най-активните суфиксални форманти и какви са иновациите при тази група съществителни.

Въз основа на източниците, от които са ексцерпирани дериватите [4; 5], се отчита времето на тяхното възникване: първи период – от 1990 до 2000 г., и втори период – от 2001 до 2010 г.

Въз основа на предварителен анализ може да се посочи, че названията за лица, образувани в българския език през последните двадесет години, се отнасят към следните словообразувателни категории (СК)[2]:

СК **nomina agentis**[3]

Отименни **nomina agentis**

1. Група с обща словообразувателна парафраза (по-нататък ГОСП) ‘някой, който действа върху нещо’, напр.: *гумаджия* (< *гума*), *сноубордист* (< *сноуборд*);

2. ГОСП ‘някой, който произвежда нещо’, напр.: *дюнерджия* (< *дюнер*), *софтуерист* (< *софтуер*);

3. ГОСП ‘някой, който участва в нещо, занимава се с нещо, практикува нещо’, напр.: *приватизатор* (< *приватизация*), *телемаркетолог* (< *телемаркетинг*);

© Георгиева Цв. Н, 2013

[1] Докладът е изготвен с финансовата подкрепа на Фонд „Научни изследвания” при Министерството на образованието, младежта и науката на Република България (грант ДТК 02/52/2009).

[2] В настоящото изследване се споделя в общи линии изложеното от Цв. Аврамова мнение относно съдържанието на словообразувателните категории [1, с. 24–29].

[3] Приема се, че отименните деятелни имена са подобни на отглаголните, тъй като изразяват активно отношение към действие, макар и неексплицитно [2]. Затова двата вида съществителни, назоваващи деятели, тук се определят като деривати от СК nomina agentis.

4. ГОСП ‘някой, който прави нещо с помощта на дадено средство’, напр.: *шпагист* (< *шпага*), *перкусионист* (< *перкусия*);

5. ГОСП ‘някой, който действа (работи) някъде’, напр.: *галерист* (< *галерия*), *топлофикатор* (< *топлофикация*);

Отглаголни **nomina agentis**

6. ГОСП ‘някой, който действа върху нещо’, напр.: *сканьор* (< *сканирам*), *миксатор* (< *миксирам*);

СК **nomina disponentis**

ГОСП ‘някой, който притежава нещо’, напр.: *облигационер* (< *облигация*), *сублицензиант* (< *сублиценз*);

СК **nomina pertinentia**

ГОСП ‘някой, който е част от нещо, членува в нещо’, напр.: *синдикалист* (< *синдикална* (организация), *атакаджия* (< (партия) „*Атака*”);

СК **nomina experiencer**

ГОСП ‘някой, който има склонност, изпитва чувство към нещо или изповядва, поддържа нещо’, напр.: *аудиофил* (< *аудио*(музика), *антиглобалист* (< *антиглобализъм*);

СК **nomina attributiva**

ГОСП ‘някой, който е носител на нещо (качество)’, напр.: *хардкораджия* (< *хардкор*), *транссексуалист* (< *транссексуалност*).

Прави впечатление, че новите названия (около 200 на брой) са създадени основно от именни и по-конкретно от субстантивни основи. Значително по-малко са деадективните и девербативните деривати. Повечето неологизми формално се извеждат от еднословна произвеждаща единица (ПщЕ). Съществуват обаче и деривати, които смислово се съотнасят с *именна конструкция*, но в чиято формална структура е експлициран само един от компонентите, напр. само прилагателното (съществителното остава неекспликирано) – в *патентаджия* (< *патентен* данък), или само едно от съществителните от *предложно-именна конструкция*, напр. в *йеховист* (< „Свидетели на *Йехова*”). Срещат се и производни, чиято основа е съкратена, напр. *еврофил* < *евро*(интеграция).

Въз основа на словообразувателните парафрази се установи, че в най-ново време деятелните имена на ***-ист*** (и разширен суфикс ***-онист*)** влизат в деривационна връзка с глаголи (напр. *лобист*) и със съществителни на ***-инг*** (напр. *скайсърфист* < *скайсърфинг*). През последните двадесет години се активизира моделът, при който деривати с формант ***-джий***(а)/***-[а]джий***(а) се образуват по инициална абревиатура, напр. *гербаджия* < *[герб]* (ГЕРБ ‘**Г**раждани за **е**вропейско **р**азвитие на **Б**ългария’), *спинаджия* < *[спин]* (СПИН ‘**С**индром на **п**ридобитата **и**мунна **н**едостатъчност’) и др. [3]. Като иновация може да се определи образуването на производни имена със суфикс ***-ьор*** от ПщЕ, завършващи на -***инг*** (*телемаркетьор* < *телемаркетинг*). Като новост за българската суфиксална система може да се посочи и придобиването на словообразувателни възможности на формантите ***-[о]лог***, ***-[о]ман*** (през първия период) и ***-фил*** (през втория период), срв. *телемаркетолог* < *телемаркетинг*, *графитоман*[4] < *графити*, *еврофил* < *евроинтеграция*.

През последните двадесет години формант ***-ист/-онист*** заема първо място по продуктивност (43% от изследваните суфиксални имена са образувани с него). На второ място е формантът ***-джий***(а)/***-[а]джий***(а) – с него са образувани 38% от деривatите с чужди суфикси. Трябва да се отбележи, че за разлика от първия период (от 1990 до 2000 г.), когато производните със суфикс ***-ист*** отстъпват първенството на производните с ***-джий***(а)/***-[а]джий***(а), през втория период (от 2001 до 2010 г.) те са водещи, тъй като формантът ***-ист*** запазва относително висока активност. Значител-

[4] По данни на *Българския национален корпус* (http://search.dcl.bas.bg/) лексема *графитомания* се появява в българския език едва в средата на втория период, поради което има основание *графитоман* (създаден преди XXI в.) да се приеме за образуван с формант ***-[о]ман***.

но по-малко са ИЛ, образувани с формантите ***-ор/-[а]тор***, ***-ьор***, ***-ер/-онер***, ***-[о]лог***, ***-фил***, ***-чик***, ***-ант/-[и]ант*** и ***-[о]ман***.

В заключение може да се посочи, че новост в българската суфиксална именна подсистема са както новите наименования като краен резултат от иновационните процеси, така и част от моделите, по които се създават някои от неологизмите, а също и активизирането на стари словообразователни средства. Голяма част от разглежданите суфиксални деривати принадлежат към разговорната реч. Не са малко и производните, които са термини, главно от областта на спорта, музиката, политиката и др.

Всички тези прояви, свързани със създаването в българския език на мъжкородови имена за лица с чужди суфикси, се вписват в общата езикова картина, в която тенденцията към интернационализация е водеща.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврамова Цв. Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на XX век / Цв. Аврамова. – С.: Heron press. – 2003. – 259 с.
2. Балтова Ю. За словообразователната и лексикалната семантика на някои видове nomina agentis в съвременния български език (с оглед на представянето им в тълковен речник) / Ю. Балтова // Славистичен сборник. – 1978. – С. 129–135.
3. Георгиева Цв. Словообразуване по инициални абревиатури (I) / Цв. Георгиева // Български език. – 2012. – № 4. – С. 29–42.
4. Пернишка Ем. Речник на новите думи и значения в българския език / Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. – С.: Наука и изкуство, 2001. – 309 с.
5. Пернишка Ем. Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.) / Ем. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. – С.: Наука и изкуство, 2010. – 515 с.

Л. В. Глобина (г. Полтава)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПАРТИТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Исследование системы языка на основе полевой модели является достаточно оформившимся направлением современной лингвистики. Внедрение полевого анализа в практику преподавания русского языка как иностранного представляется весьма эффективным, особенно на продвинутом этапе обучения.

Ядерные элементы как наиболее частотные и информативные единицы языка обеспечивают разграничение лексико-семантических полей в системе данного языка и служат опорой установления эквивалентности разных систем. Так, центром ядра лексико-семантического поля «Часть целого» в русском языке выступает семема *часть*, в белорусском языке – *частка*, украинском – *частина*, чешском – *část*, польском – *część*, болгарском – *част*.

Распределение лексики по зонам периферии, основанное на частотности употребления и количестве периферизирующих сем, может дать объективную картину об основном фонде лексики неродного языка. Лексические единицы, имеющие большую частотность и меньшее количество периферизирующих сем, находятся ближе к ядру. Они входят в основной фонд лексики при освоении русского языка как иностранного. Зону ближней периферии составляет, как правило, круг обязательно вводимых в обучение слов (например, *кусок, осколок, обломок, огарок, окурок, ломоть, лоскут* и др. – части твёрдого вещества; *брызги, глоток, капля* – части жидкого вещества; *выписка, отрывок, цитата* – части произведения искусства и т. д.).

Разумеется, круг вводимых в обучение слов не может быть одинаков для филологов и нефилологов. Перед студентами-филологами на первый план ставится задача лингвостилистического анализа художественного текста, поэтому их лексический запас должен быть шире и разнообразнее, включая и периферийные явления языка (просторечные элементы, устаревшую лексику, народнопоэтические выражения и

© Глобина Л. В, 2013

проч.). Для студентов-нефилологов выбор и правильное употребление слова будет зависеть от того, насколько точно понимается его значение.

Отношения «часть – целое» охватывают объекты всех уровней сложности, организуя их в разнообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем (структур). Партитивная лексика (от лат. pars, partis f – часть), безусловно, объединена комплексом языковых характеристик, свидетельствующих о её системной организации. Данная система включает круг субстантивных номинаций (232 ед.), идентификация которых осуществляется через идентификатор ч а с т ь ц е л о г о в значении «отделённый или оставшийся в результате отделения от целого фрагмент, характеризующийся относительной самостоятельностью, незаконченностью и отсутствием собственной номинации до отделения». Совокупность сем, определяющих данное значение, продуцируется в инвариантном компоненте ‘партитивность’, являющемся архисемой лексико-семантического поля партитивной лексики. Как показал материал исследования, ЛСП партитивной лексики обладает структурой, которую можно эксплицировать в виде семантической модели, укладывающейся в рамки полевой концепции языка [1; 2]. Ранжирование лексических единиц отражает представление о данном лексико-семантическом поле как иерархической структуре, для которой характерны пространственная ориентация, соподчинённость уровней иерархии и повышение степени абстракции значений при восхождении к вершине поля. Психолингвистические эксперименты, которые проводились на занятиях по русскому языку для иностранных студентов-медиков, подтвердили правильность такого построения [3, с. 55–56].

Системный характер единиц, относящихся к лексико-семантическому полю партитивной лексики, проявляется также в однотипности их синтагматических характеристик, что позволяет установить полевую модель сочетаемости. Для конституентов данного поля сильными морфологическими позициями, создающими возможности для реализации категориальной семы, являются три инвариантные конструкции: «Партитив + Сущ.(род.)» (*доза лекарства*), «Прил. + Партитив» (*брызнувшие капли*), «Глаг. + Партитив» (*разрывать на полосы*).

Главной, системообразующей, партитивной позицией является позиция «Партитив + Сущ.(род.)» (*срезы тромбоцитов, кусочки протоплазмы, проба крови* и т. д.). Форма родительного падежа существительного, стоящего при партитиве в качестве несогласованного определения, выражает здесь значение целого по отношению к части. В данной позиции выделяются подгруппы лексической сочетаемости, характеризующиеся семантической общностью лексических единиц на основании материального / нематериального аспекта значения: сочетание по общему семантическому признаку “монолитный” (*осколок стекла*), “волокнистый” (*клок волос*), “сыпучий” (*хлопья снега*), “пастообразный” (*комок глины*), “жидкий” (*брызги воды*), “газообразный” (*клубы газа*), “остенсивный” (*отрывок доклада*), “абстрактный” (*часть проблемы*), “капитал” (*доля вклада*), “живая материя” (*остатки клеток*) и т. д. Семантическая согласованность слов, проявляющаяся в том, что слова, образующие словосочетания, имеют в своих значениях общие компоненты, – основной закон лексической синтагматики. Сочетаемость р а з р е ш а е т с я, если в сочетающихся единицах есть совпадающие семантические признаки, независимо от того, являются ли они компонентами ядерных или периферийных сем или автономными признаками [4]. Обозначенные выше подгруппы лексической сочетаемости отражают парцеллярное распределение партитивной лексики. Сочетаемость оказывается н е д о п у с т и м о й, если в семантике одного из слов отсутствует семантический признак, присутствующий в другом слове.

Лексическая сочетаемость может иметь количественную характеристику. В одних случаях она является очень широкой, почти неисчислимой, в других – ограниченной, когда контекстные партнёры того или иного слова заданы списком. Так, универсальной сочетаемостью характеризуется центр ядра поля *часть* (*часть камня, волос, зерна, глины, воды, кислорода, музыки, жизни, денег…* – любых веществен-

ных и невещественных объектов действительности). Довольно широкую сочетаемость имеют элементы 1, 2, 3 позиционных линий ближней периферии *кусок, кусочек, капля, ком (кусок дерева, металла, бумаги, ткани, кожи, стекла, льда, коры, хлеба…* – любого монолитного вещества; *капля воды, вина, дождя, крови, йода…* – любого жидкого вещества). Остальные конституенты различных зон периферии в зависимости от своего значения обладают менее широким контекстом. Например, сочетание по одному семному конкретизатору дифференциального семантического признака "вещественная/невещественная субстанция" или "прототип", а также дифференциальному семантическому признаку "способ воздействия" характеризуется небольшим списком контекстных партнёров. Рассмотрим сочетаемость по общему семному конкретизатору "принадлежность к твёрдой пище": *ломтик лимона, хлеба, сыра* и т. д. Употребление других контекстных партнёров, не обладающих данным параметром, сделало бы эти сочетания невозможными: *"ломтик дерева"* – есть признак твердости, но нет принадлежности к продуктам питания; *"ломтик молока"* – есть признак принадлежности к пище, но пища представляет собой жидкое вещество; *"ломтик халвы"* – есть признак принадлежности к твердой пище, но продукт не может быть подвергнут механическому воздействию отрезанием.

Таким образом, антонимичные или полярные семные конкретизаторы блокируют сочетаемость слов, хотя и содержащих общий семантический признак, – данный вид регламентации сочетаемости определяется как б л о к и р о в а н и е сочетаемости [4]. Общая закономерность такова, что понижение уровня абстракции значения элементов к периферии лексико-семантического поля соответствует повышению степени специализированности партитивного контекста, выявляя обратно пропорциональную зависимость.

Как видим, полевый подход в описании лексики является удобным инструментом обучения языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобина Л. В. Принципы моделирования лексико-семантического поля партитивной лексики / Л. В. Глобина // Вісник Запорізьк. нац. ун-ту. Філологічні науки. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – С. 21–27.
2. Глобина Л. В. Проблемы полевой организации лексики в русском и немецком языкознании / Л. В. Глобина // Нова філологія: зб. наук. пр. – Запоріжжя: ЗНУ, 2005. – № 2 (22). – С. 242–248.
3. Глобина Людмила. Полевый подход при изучении русского языка как иностранного / Л. Глобина, Л. Богиня // Імідж сучасного педагога. – Полтава: АСМІ, 2012. – № 6 (125). – С. 54–57.
4. Голодяевская А. М. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексем в русском языке / А. М. Голодяевская, И. А. Стернин // Структурно-семантические исследования русского языка: сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – С. 13–24.

Л. А. Глухова (г. Днепропетровск)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМА «ГЛАВА КОЛЛЕДЖА» В БРИТАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Язык любого народа – это универсальный инструмент, который отображает и называет предметы, явления, факты ситуаций действительности, ценностные ориентиры, жизненные стратегии и сценарии поведения, которые являются семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этносознании [2, с. 441].

Следует отметить, что проблема взаимосвязи языка и мышления принадлежит к числу очень давних, но все еще не до конца решенных. Между этими феноменами существует некая взаимосвязь, на основе которой лингвисты различают две картины мира: концептуальную и языковую. Концептуальную картину мира рассматривают как более широкое понятие, она является основой формирования языковой картины мира. Языковая картина мира создается в процессе номинации, ее минимальным и ключевым элементом является слово. [1, с. 70].

© Глухова Л. А., 2013

Минимальной единицей концептуальной картины мира является концепт – сложное ментальное образование, являющееся объектом исследования когнитивной лингвистики. Многоаспектность понятия «концепт» является причиной различий в его определениях. В нашей работе мы руководствуемся лингвокогнитивной точкой зрения на концепт, поскольку именно она, на наш взгляд, позволяет наиболее полно и точно объяснить выбор языкового средства для вербализации понятия, содержащегося в сознании представителя определенного народа.

Объектом нашего исследования выступают единицы лексического уровня языка, которые вербализуют концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ, а точнее – один из фреймов, который составляет его структуру, – фрейм ГЛАВА КОЛЛЕДЖА.

При исследовании наиболее значимых для общества концептов используют разнообразный методологический инструментарий. В нашем исследовании мы будем пользоваться методом фреймового анализа, позволяющим, по нашему мнению, глубже и детальнее рассмотреть сложный концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ.

Анализ литературы, посвященной исследованию понятия «образовательный менеджмент», показывает, что концепт ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ содержит в себе такие составляющие, как аппарат управления, методы управления, администрирование, финансовая деятельность, международное сотрудничество и т. д. На основе этих составляющих мы считаем возможным выделить в структуре концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ фрейм ГЛАВА КОЛЛЕДЖА, имеющий, по нашему мнению, непосредственное отношение к администрированию учебного заведения.

Материалом нашего исследования послужили лексические единицы, которые вербализуют понятие «глава колледжа» в двух крупнейших коллегиальных университетах Великобритании – Кембриджском (31 колледж) и Оксфордском (38 колледжей). Выбор этих университетов объясняется их первым местом согласно рейтингу 2011–2012 гг., представленному рейтинговой системой The Times Higher Education [4] и показывающему, что эти университеты принадлежат к ведущим высшим учебным заведениям не только Великобритании, но и всей Европы.

Необходимо отметить, что под понятием «коллегиальный университет» понимается такой, который состоит из ряда самоуправляющихся колледжей, обладающих собственной территорией, включающих жилые помещения для студентов и преподавателей, столовую, библиотеку и залы отдыха [3]. Лексические единицы были отобраны с официальных веб-сайтов представленных высших учебных заведений. Имеющийся фактический материал позволил определить особенности парадигмы фрейма, а также языковые средства вербализации понятия «глава колледжа» в британской языковой картине мира.

В ходе исследования мы выявили, что в британской языковой картине мира понятие «глава колледжа» вербализуется с помощью девяти лексических единиц: Warden, Master, Principal, Dean, President, Rector, Provost, Mistress, Fellow.

Пять из указанных выше лексических единиц являются общими для Кембриджского и Оксфордского университетов: Master, Principal, President, Warden, Dean. Что касается оставшихся четырех лексем, две из них (Mistress, Fellow) являются особенностью Кембриджского университета и не используются с целью языковой репрезентации понятия «глава колледжа» в Оксфордском университете, еще две (Provost and Rector) являются особенностью Оксфордского университета и, соответственно, не используются при вербализации данного понятия в Кембриджском университете.

Ядром фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА является само понятие «глава колледжа», ближнюю периферию образует лексическая единица Master, так как частота ее использования для актуализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в британской языковой картине мира составляет 37 %.

Остальные восемь лексических единиц образуют дальнюю периферию фреймового поля. Частота использования лексической единицы Principal в целях верба-

лизации понятия «глава колледжа» составляет 22 %, President – 16 %, Warden – 12 %, Dean – 4 %, Provost – 4 %, Rector – 3 %, Fellow – 1 %, Mistress – 1 %.

С целью выявления обусловленности выбора лексической единицы для вербализации понятия «глава колледжа» в британской языковой картине мира, было проведено два типа анализа указанных лексем: анализ словарных дефиниций и диахронический анализ.

В результате исследования мы выявили, что по мере появления в структуре университетов новых колледжей в течение одного и того же отрезка времени для вербализации понятия «глава колледжа» использовались различные лексические единицы. Так, например, лексема Master использовалась для именования главы колледжа в Кембриджском университете как в XIII веке, так и в XIX веке, а лексическую единицу President в этих целях использовали и в XV веке, и в XX веке, то есть нельзя выделить четкие отрезки времени, когда бы для вербализации понятия «глава колледжа» использовалась лишь одна из перечисленных лексических единиц.

Ведущие толковые словари (Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Oxford Dictionary, Collins Dictionary, A New English Dictionary on Historical Principles) указывают, что все анализируемые лексические единицы объединены одной общей дефиницией: «someone in charge of a college in a British university». Иными словами, семантическая наполняемость каждой лексической единицы (в рамках исследуемого концепта ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ) частично идентична. Любопытным является тот факт, что понятие «глава колледжа», заложенное внутри указанных лексических единиц, является особенностью именно британской языковой картины мира и именно для когнитивного восприятия британцев в рамках анализируемых двух высших учебных заведений – Кембриджского и Оксфордского университетов. Если рассматривать данные лексические единицы детальнее, их семантическая наполняемость будет несколько шире.

Таким образом, на наш взгляд, использование той или иной лексической единицы для вербализации понятия «глава колледжа» является лингвокогнитивно и исторически обусловленным и свидетельствует о национальной специфике вербализации фрейма ГЛАВА КОЛЛЕДЖА в британской языковой картине мира, а также об особой концептуальной репрезентации данного фрейма в британском этносознании, а также требует дальнейшего исследования на материале лексики образовательного менеджмента других европейских высших учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 75–80
2. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова – Полтава, 2011.
3. Тип высшего учебного заведения. – Режим доступа: http://www.educationindex.ru/article_how_to_choose_university_and_course_for_postgraduate_degree_ru.aspx
4. Top Universitites in Europe. – Режим доступа: www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/

О. В. Годес (г. Днепропетровск)

МИФОНИМ *ВЕЛИКАН* В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Мифоним – имя собственное какого-либо мифологического предмета или явления, любой сферы ономастического пространства в мифах, эпопеях, сказках, былинах. Термин *мифоним* призван объединить все названия мифологических персонажей, но в то же время, как отмечает большинство исследователей, следует выделять мифоантропонимы, мифозоонимы, мифоперсонимы, мифофитонимы и мифотопонимы.

© Годес О. В., 2013

Мифоним *великан* можно отнести к мифоантропонимам, которые универсальны для многих лингвокультур, миф о великанах присутствует как у славянского, так и у британского этносов. В. Я Пропп связывает происхождение великанов с материалом древнейших мифов, в которых говорится о борьбе героя-громовержца с противником, вышедшим из-под земли. **Энциклопедия Мифов народов мира** помещает великанов в группу антропоморфных существ гигантского размера, относящихся к мифическому времени творения. Иногда чертами великанов наделяются злые духи. Как отмечает М. К. Залесская, в космогонических мифах великаны представляют собой некую расу первосуществ, населявших землю до сотворения человека, а затем истребленную их собственными богами. В данном смысле великаны являются «ровесниками» гномов, которые также существовали на земле до появления человека, а затем были вынуждены уступить Землю людям. Гномы смогли укрыться в недоступных для людей местах, например, под землей, в глухих лесах. Великанам из-за их огромного роста укрыться нигде не удалось, и они были истреблены. Данный мотив характерен для греческой, германо-скандинавской мифологии, мифологиям практически всех народов мира. Такое определение понятия *великан* совпадает с определением **Longman Dictionary of Contemporary English**: giant[2] n [C] 1.a very tall, strong man in children's stories who is often bad and cruel 3.a very big man; giantess – an extremely tall strong woman in children's stories who is often bad and cruel. Словарь Longman акцентирует наше внимание на негативной коннотации слова 'giant'. Подчеркивается, что великан – это существо плохое и жестокое. **Словарь русского языка** под редакцией С. И. Ожегова определяет слово великан как 1. Человек огромного роста.

Мифоним «великан» – 'giant' не стоит путать с понятием «гигант», так как термин *гигант* указывает только на огромный размер, а не на внешность, в отличие от гиганта, великан должен обладать обязательно человеческой внешностью.

Английская фольклорная и литературная традиция особо выделяет легенды о великанах ('giant'). Великаны упоминаются в «Истории бриттов» Готфрида Монмутского, в легендах о короле Артуре. В XVII–XIX вв. великаны и встречи героя с ними становятся одним из основных сюжетов европейских сказок. Например, английская сказка «Джек – победитель великанов» (XIX в).

В космогонии Дж. К. Роулинг великаны отличаются от средневековых, мифических своих прототипов. Великан Хагрид очень добрый, всегда готов прийти на помощь, любит детей и животных. В образе Хагрида Дж. К. Роулинг видит не обычного мифологического представителя племени великанов, а великана, наделенного лучшими человеческими качествами и сохранившего отличительные признаки своего рода – высокий рост, громкий голос, грубость и силу.

В произведениях Дж. Р. Р. Толкиена великаны представлены в виде добрых и злых племен. Так, в Первую эпоху Звезд пробудились онты, Пастыри деревьев: они были гигантского роста и обладали мудростью. Намного позднее появились гиганты, исполненные зла, их называли ологхай, или тролли. В преданиях хоббитов рассказывается о великанах, которые в союзе с троллями охраняли Высокие Перевалы.

Таким образом, мифоним 'giant' – «великан» можно отнести к группе мифонимов, общих для английской и русской картин мира (МККМ), что позволяет нам сделать вывод об идентичности, эквивалентности английского понятия 'giant' и русского «великан».

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 261 с.
3. Энциклопедия магии и волшебства в книгах Джоан Роулинг / М. К. Залесская. – М.: ООО «Издательство «Фолио», 2003. – 124 с.

Н. С. Голікова (м. Дніпропетровськ)

ІННОВАЦІЙНІ ЗСУВИ В СТИЛЯХ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Українська мова, починаючи з 90-х років XX ст. і до сьогодні, розвивається стрімкими темпами, відбиваючи в своїй системно-структурній організації важливі соціальні зрушення, які визначили нову долю для держав пострадянського простору. Вона істотно розширила свій функціональний потенціал у різних сферах застосування, стала комунікативно повноцінною для етнічних українців, суспільно значущою і вперше реально об'єднувальною для політичної нації – всіх громадян України. Динамічний і планомірний поступ, зокрема, сучасної української літературної мови порівняно з іншими лінгвальними формами (територіальними й соціальними діалектами, народно-побутовою мовою, суржиком) помітно активізував дослідницьку діяльність мовознавців, на вістрі уваги яких «перебувають передусім інноваційні процеси в мові як один з найактивніших виявів мовної динаміки, проблеми мовного нормування, планування, засади й перебіг формування нового літературного взірця української мови на тлі розмаїття її сучасних функціональних стилів і комунікативно-прагматичних різновидів» [3, с. 3].

Проблема мовної перебудови в суверенній, оновленій державі не втрачає своєї пріоритетності, адже на розвиткові української мови сучасної доби, як і на мовах усього колишнього соціалістичного табору, позначилися «демократія, свобода, політичний плюралізм, послаблення цензури, науково-технічна модернізація, нові інформаційні технології, інтенсивні міграційні процеси, культурні контакти» [1, с. 104] тощо. Загальний огляд праць відомих українських мовознавців І. Вихованця, К. Городенської, С. Єрмоленко, А. Загнітка, Є. Карпіловської, Н. Клименко, Ж. Колоїз, Т. Коць, Л. Масенко, О. Пономарева, О. Сербенської, С. Соколової, Н. Сологуб, Л. Ставицької, О. Стишова, та ін. дають можливість стверджувати, що в лінгвістичних дослідженнях періоду незалежності більше уваги приділено системним змінам або встановленню нормативності одиниць основних і проміжних рівнів української мови, особливо лексико-семантичного, морфологічного, словотвірного, фразеологічного, меншою мірою синтаксичного, фонетичного й морфонологічного. Питання трансформації сучасних функціональних стилів української літературної мови поки що не знайшло повного й усебічного відбиття в наукових публікаціях.

Поняття лінгвального стилю як сукупності мовних засобів і прийомів, вибір яких зумовлений змістом, характером і метою висловлювання [4, с. 792], споконвічно відображає динамічний характер мови, а також уміння її користувачів – комунікантів добирати потрібні одиниці з відповідних лінгвальних рівнів (ярусів) у спілкувальних процесах. Стиль мовного спілкування підпорядкований, з одного боку, самій системній організації мови, а з іншого – державному устрою і соціально-часовим потребам. У зв'язку з очевидною і постійною мінливістю суспільного життя виділення конкретних мовних стилів у різні періоди функціонування мови було і залишається неабиякою проблемою української лінгвостилістики. Наприклад, у мовознавстві 70–80-х років минулого століття, як правило, йшлося про словесно-художній, науковий, публіцистичний, діловий, епістолярний, ораторський стилі української мови [5, с. 17]. Сьогодні до цього списку необхідно додати конфесійний, інформаційний (більшістю дослідників виділений із публіцистичного) стилі та Інтернет-стиль як такий, що є надзвичайно актуальним не тільки для лінгвальної комунікації початку XXI століття, але й, думається, не втратить своїх позицій в українській мові наступних періодів.

Основною закономірністю розвитку будь-якої мови є зміни її внутрішньої структури, які зводяться як до появи нових лінгвальних одиниць, так і до функціональної заміни одних компонентів іншими [3, с. 5]. Крім того, цьому слугують екстралінгвістичні чинники, які впливають на вироблення власне мовних тенденцій, спрямованих на

© Голікова Н. С., 2013

подальший прогрес мови, а також авторська мовотворчість, що в деяких суспільних сферах активно переймається й наслідується спілкувальниками, наприклад, у засобах масової інформації, серед молоді, і креативність носіїв мови. Результати дії усіх перерахованих чинників кваліфікуємо як інноваційні зсуви в стилях сучасної української літературної мови, за нашими спостереженнями, найбільшою мірою вони відбивають тенденції розвитку художнього, інформаційного та наукового стилів.

Художній стиль, репрезентований творами письменників, на зламі тисячоліть вочевидь змінився. Особливо це помітно в прозі. Вона пишеться в основному новою генерацією митців, що прагнуть на тлі класичної спадщини витворити новий, оригінальний текст, який би відповідав сучасним вимогам, вимальовував героїв свого часу, що стали діяти й думати теж по-новому. Своєю мовотворчою оригінальністю нас вражають Юрій Андрухович, Богдан Жолдак, Олександр Ірванець, Євгенія Кононенко, Марія Матіос, В'ячеслав Медвідь, Галина Пагутяк, Валентин Тарнавський та багато інших письменників нового покоління. Ця тенденція стала визначальною і в творчості небагатьох патріархів української літератури, зокрема Павла Загребельного, Романа Іваничука, Валерія Шевчука та ін., чиї романи й повісті читають громадяни XXI століття.

Інноваційною ознакою художньо-літературного стилю є передусім його лексичний склад, який пересипаний безліччю авторських новотворів. На відміну від загальномовних неологізмів, творення яких полягає в необхідності номінувати нові реалії, що з'являються в процесі невпинного розвитку людського суспільства, інновації письменників (як правило, оказіональні неологізми) виникають в результаті свідомого, стилістично мотивованого відхилення від міжстильових норм і завжди є продуктом індивідуальної мовотворчості, своєрідним експромтом мовця [7, 13]. Семантико-деривaційні оказіоналізми в прозі літературних колосів міцно «зцементовані» на зразок загальновідомих похідних назв, утворених переважно морфологічними способами. Наприклад, по-новому й по-своєму продуктивно поєднує давно закріплені в українській мові морфеми Валерій Шевчук у романі «Срібне молоко», який побачив світ на початку XXI ст. Семантико-деривaційні оказіоналізми письменника є специфічною ознакою його ідіостилю: *думець, полумень, червень, пилява, жилля, бідаха, бідашка, бідашний, бридашно, бездахий, безхатий, напівказковий, незвісно, слідно, ніввіку, недовідома, тонкопрядний, тонкопорядний* тощо. У більшості вони несуть потужну енергію, яка досягається десемантизацією афіксальних морфем або частин складних слів завдяки розвитку протилежного значення чи їх незвичного поєднання.

Спільне, що об'єднує сучасних письменників в єдиний творчий ешелон, – це негативна оцінка різноманітних суспільних процесів у самостійній Україні, що на вищий бал і не заслуговують. Останні романи Павла Загребельного «Брухт», «Стовпотворіння», повість «Гола душа» тощо «переповнені» оказіоналізмами негативного змісту. Наприклад, у романі «Брухт» він створив цілу розгалужену систему тонко, мистецьки скомпонованих неологізмів, які влучно «вистрілюють» в основному в бік можновладних осіб: *плутократи, дармократія, дурнократія, напатріотили, поавантюрничати, висвинячуватися, єрундація, обнімація, циндрення, збараніння, підлотствування, інсульт-привіт* і багато-багато інших.

На відміну від художнього стилю, інформаційний стиль сам по собі розглядається як інновація сучасної української мови. Він закріплює свої позиції через продуктивне й системне використання власне мовних новотворів, які зазвичай складають назви, що закріплюють нові реалії й поняття. У зв'язку із стрімким уходженням у наше життя політичних новацій, приватно-виробничих, інформаційних та ін. технологій вони найчастіше з'являються в результаті запозичень, напр.: *бізнес, бізнесмен, лізинг, дилер, менеджмент, Інтернет, модем, сайт, провайдер* та багато інших. За джерельною базою мовні інновації в сучасній ситуації певною мірою повторюють інформаційні неологізми, точніше, знаходяться з ними у відношенні пересічення, причому спільна частина для обох мікросистем складає значний масив. Однак, зважаючи на це, відзначимо, що новотвори інформаційного походження мають у наш час і дуже виразне

індивідуальне обличчя з рисами суб'єктивного характеру, які вперше пишуться, вимовляються окремими представниками чисельної армії мас-медіа, а потім швидко засвоюються всіма журналістами, стають звичними і для пересічних громадян.

За твердженням соціологів, сучасні засоби масової інформації стали, по суті, творцями соціальної реальності, конструюють її за власними правилами, вони практично перетворилися на першу владу в Україні (згадаймо, що ЗМІ зазвичай називають четвертою владою). Інформаційний простір виділяється в сучасному житті як змістовою специфікою, так і мовними особливостями. Широкий загал в основному спостерігає його на радіо, у телепередачах та газетних публікаціях політичного, інформаційного, пізнавального характеру, які мають переважно експресивно-прагматичний зміст, що досягається відповідними лінгвальними засобами. Не вдаючись до конкретизації структури інформаційного тексту, виділимо в ньому лише ті угруповання лексем, які завдяки журналістам певним чином «оновилися» в нашій мові й через це стали дуже «модними» (*авто, гендерний, гламур, глобалізація, епатажний, інтерактивний, креаційний, ніша, перманентний, харизма* тощо) або дійсно утворені представниками ЗМІ за аналогією і за правилами нормативної деривації (*автівка, вантажівка, додзвонювач, мистець, спортівець, наживо, наразі, начасі, очільник, почуємося, ушпиталити* тощо).

Інноваційні процеси відбуваються і в українській науковій термінології, яка традиційно є найпоказовішою для наукового стилю. У сучасній українській літературній мові склалися дві основні тенденції розвитку різногалузевих терміносистем: заповнення семантичних лакун (прогалин) запозиченою лексикою і кодифікація оновлених українських термінів. Наприклад, формування сучасних ринкових відносин спричинило появу низки запозичень в економічній, ринковій, банківській сферах: *маклер, менеджер, маркетинг, лізинг, форекс, брокер, промоутер* тощо [6, с. 57]. Термінотворчий процес продовжується, зокрема, і в зв'язку з розширенням наукових горизонтів самої мовознавчої науки. Досліджуючи українську морфологічну термінологію, І. Ярошевич відзначає тенденцію до відновлення національної ідентичності питомо українських термінів. Наприклад, в останні десятиліття переглядаються назви окремих частин мови (*предметник,* замість *іменник, обставинник,* замість *прислівник*), назви відмінків тощо [9, с. 52–53].

Отже, огляд інноваційних зсувів у стилях сучасної української мови переконує в тенденційному й системному оновленні їхнього лексичного складу. На початку XXI століття він найповніше, по-особливому відбиває суспільні зміни, які намітилися і будуть продовжуватися у зв'язку із необхідністю державного реконструювання, розбудовою суспільства й різних наук.

ЛІТЕРАТУРА

1. Даниленко Л. І. Лексико-семантичні інновації в сучасній чеській мові / Л. І. Даниленко // Мовознавство. – 2001. – № 3. – С. 104–112.
2. Загребельний П. Брухт / П. Загребельний. – Харків: «Фоліо», 2003. – 254 с.
3. Карпіловська Є. Зміни в структурі сучасної української мови та можливості їх моделювання / Є. Карпіловська // Українська мова. – 2011. – № 2. – С. 3–18.
4. Словник іншомовних слів / за ред. О. С. Мельничука. – К.: Головна редакція УРЕ, 1985. – 968 с.
5. Сучасна українська літературна мова. Стилістика / за заг. ред. акад. І. К. Білодіда. – К.: Наук. думка, 1973. – 588 с.
6. Туровська Л. Інноваційні процеси в українській науковій термінології / Людмила Туровська // Українська мова. – 2005. – № 2. – С. 56–63.
7. Чабаненко В. А. Норми словотворення і мовна експресія / В. А. Чабаненко // Мовознавство. – 1980. – № 2. – С. 13–20.
8. Шевчук В. Срібне молоко / В. Шевчук. – К.: Книжник, 2002. – 192 с.
9. Ярошевич І. Становлення й кодифікація української морфологічної термінології / І. Ярошевич // Українська мова. – 2010. – № 3. – С. 44–54.

Е. И. Голованова (г. Челябинск, Россия)

БДЫЖЬ, БЛОНДИНКО, МАСТЕР ЙОДА… И ДРУГИЕ (о стратегиях автономинации в Интернете)

Став частью современного информационного пространства, Интернет необычайно расширил возможности человека: сделал доступными разнообразные ресурсы, предоставил новые возможности для самовыражения, для общения с широким кругом единомышленников, ведения дискуссий, отклика на волнующие темы, открыл простор для удовлетворения нереализованных потребностей и интересов.

Ранее не доступные для многих формы и форматы коммуникации стали сегодня явлением обычным, обыденным. Одним из таких «массовых достояний» можно считать имя пользователя компьютером, которое каждый создает себе сам. Под этим именем человек входит в пространство локальных сетей, сетевых форумов, чатов. Оно выступает знаком самопрезентации и идентификации автора, отражает творческие способности личности, выявляет ее коммуникативные интенции и креативный потенциал.

В рамках настоящего исследования проанализировано более 3 тысяч имен пользователей локальной мультимедийной сети «Интерсвязь», действующей в Челябинске и объединяющей около 70 тысяч абонентов.

Для обозначения имен компьютерных пользователей нами предложен [1; 2] термин **персоним** (от лат. persona «маска»), который вписывается в терминологический ряд названий классов собственных имен. Под персонимом понимается вербальный знак, выполняющий функции индивидуализации и идентификации пользователя компьютером, имеющий авторский характер и адресованный широкой аудитории в пределах компьютерного пространства. В отличие от псевдонима персоним создается в сфере неинституционального общения (этим он отличается от псевдонима, создание которого характерно для определенной профессионально-корпоративной среды – писателей, актеров, артистов эстрады и пр. публичных людей). Поскольку персоним репрезентирует творимый человеком имидж, в нем сложным образом переплетается вымышленное и реальное, действительное и желаемое.

Все персонимы условно можно разделить на две группы: *именометрические* (содержат информацию о собственном имени пользователя компьютером) и *характеризующие* (репрезентируют особенности его внутреннего или внешнего облика).

В первом случае создатели персонима широко используют стратегию **остранения**. Для этого применяется ряд различных механизмов: 1) замена узуального имени экзотическим: @ntonio (< Антон), Alessandro (< Александр), Andrew, Andy (< Андрей), Artemio, Artemis (< Артем), DeniM (< Денис), GARRETT, garry (< Игорь), Helga (< Ольга), Ivanko (< Иван), K@TRIN (< Екатерина), Lori (< Лариса), Paul´ (< Павел), Serghio, Sergo (< Сергей); 2) усечение имени: Aleks (< Александр, Алексей), Const (< Константин), den, DEN (< Денис), Vic (< Виктор), Ксю (< Ксюша); 3) ироническая переделка личного имени (dimko, Димитриус, Vovansiy 1, Иванес); 4) переразложение имени: RUS-LAN, StanisLAV, ЕВГений, aleXANDR, Alex_Under, Alex@ndro, ll Dar; 5) графическая переделка имени посредством «латинской симуляции русских букв»: -=KuPuJlJl=-, BuKTOR; использования разнообразных символов: BuT@/\uЙ_74, $ereg@, }l{ek@, -=@ndрюх@=-, Konst@nt!n, K()$ty@n, Maks.I.(>-<).I.; звукописи (через актуализацию удвоенных согласных, усиливающих интенсивность звучания) HuKuTOZZZ, !!!M@xXx!!!, max-sSs; аббревиации имени: К.О.Л.Я., B.U.K.A.; игровой фонетизации имени: Пафка, Maffka (имитация «фефектов фикции»), KoL9M6a. Почти во всех случаях авторы персонимов добиваются необходимого эффекта – преодолевают стереотипы восприятия личного имени через использование разнообразных вариантов конструирования вербального знака.

© Голованова Е. И., 2013

Изменение графического облика имени (даже при сохранении его произношения) рождает эффект новизны слова и в большинстве примеров актуализирует иронический контекст. Этому способствует ремотивация наименования, ср. StanisLAV, ЕВГений, Alex_Under. Новизна и иронический контекст восприятия персонима *ксю* обусловлены непривычным усечением имени на гласной, что дополнительно осложняется эффектом остранения языковой формы за счет ассоциации с иноязычным несклоняемым словом типа *экю, меню* или (что более вероятно) с междометиями *тю, фю* и звукоподражаниями *хрю, фью*.

Использование небуквенной графической символики в приведенных выше примерах способствует экстенсификации плана выражения персонима и отвечает потребности индивида в эстетическом переживании собственного имени. В персониме KoL9M6a, помимо сложного буквенно-цифрового комплекса (где цифры служат для передачи соответствующих букв) и игры шрифтами – латиницей и кириллицей, присутствует аллюзия к детской приключенческой литературе и, в частности, актуальному для детской читающей аудитории междометию «карамба!».

Второй разряд персонимов – характеризующие наименования – наиболее ярко отражают ориентацию индивидуума на **языковую игру**. Пользователь компьютером сознательно или неосознанно стремится дать информацию о своем социальном статусе, ценностных установках и культурных предпочтениях. Такой персоним может мимикрировать под личное имя (имитировать фамилию, имя или отчество), но в любом случае содержит закодированную характеристику автора, ср.: prazdnichnykov (= «люблю веселиться»), Бесштаnoff (= «не богат, но весел»), КачалкиН (= «люблю работать в Интернете»), Pinkfloydov (=«являюсь поклонником этой группы»). Экспериментальный характер носят персонимы Feanor´ЫЧ, Fotonovich (трудно определить, от каких апеллятивов они образованы, но явная установка на игру в них ощущается), КАРЫЧ (связь с «ворона» или с англ. car), КорЗиНbl4 (плетет корзины? любит ходить в лес с корзиной?), X@n_X@nbl4 (Ксан Ксаныч или хан-ханыч? = установка на лидерство? склонность к пассивному отдыху?). Игровые стратегии реализуются в персонимах, пародирующих иноязычные антропомодели: Хун-Вэй-Бин, Тыщтынбек, тёмски, ЯмаКасИ, yamamoto. В каждом случае автор сигнализирует о своих культурологических знаниях и расположенности шутить, соревноваться в остроумии, т. е. о своем соответствии требованиям и установкам интернет-коммуникации (см. [3]).

Условность и вместе с тем игровой характер образа, проецируемого персонимом, подчеркивается использованием перифрастических описаний, каждое из которых по-своему уникально (Обоятель_Девушек, Мастер йода и зеленки, Друг твоего Друга, Сын водолаза, СказочникВечности, юность прапорщика, цветочек для любимой -))-´-, Будущий президент России, LORD_TbMbI), а также дейктических замен (Я, МЫ, ТыыыыЫ, Я Я Я, Это_Я_Сам, Просто Я, тот самый МЕН).

Проявлениями языковой игры и шире – креативности языковой личности являются следующие выделенные нами особенности образования персонимов: каламбурное переразложение апеллятивной лексики: <<Ami.go>>, d-generat, u_dachnik, оптиMISSтка, Просто_(Ф)_Иля, too_m@n, СеРж АНТ, КунЖут, IgRog, =BeerCooT=, GoodWin, БлондиНОЧК@ SpyDer; разработка локальных (в пространстве Интернета) микропарадигм: CrAzY_CrAb – _Crazy Town_, Crazy ZVER, Crazy_Ivan; psyman, Freshman, Sportman, spirtman, magic_man, Antman; переклички имен: КИТ – не кит, ·=ПРОСТО БОГ=· – nebog, Pivo2000 – Водка2007, 4yna – Chups, No – YYYES; анаграммирование: b-dog, A_n_D, DVB, Rnt, v-ma (rus), ddw, o_z, PVS, ввл, ovl, T.L.B., agsa, laalex, G.A.M.E., 100RM; телескопические слова: ЮлИсА (Юля + лиса); каламбурные псевдоимена: N.E.O.N; звуковая образность: ПьянНицца, Cryssis, LLIRIK, TorFF, antichehhh, ORELL, Мозгг, byssinka, Ass, ALLeXX, ALEXXX; квази-имена (искусственные образования): Nilta, Vikorn, Divin, Skanvi, aviwa, smamr; усечение: Virtu, Psy, orfo, RELAKS, CRIM; паронимическая аттракция: дет_матрос, ПыХтАчОк, звуковая или графическая мимикрия (шрифтовое наложение кириллицы и латиницы): WuSheNKa; звукоподражания: Трям, bams, BOOM, Oxffff, хыгх, бззз; переделка ори-

гинала, пересотворение: $@$, AllegrA; симуляция кириллицы латиницей: CYXAPuK, MyPpKa; словообразовательные инновации: Гондурасик (топоним + суффикс уменьшительности –ик), НеПоСеДкА (слово общего рода + суффикс «женскости» -к-); ремотивация: MAGistr, Pri<SOS>ka; номинации-трюки: 2loop, Квак, Ко-ко, кики, АПЧХУ_АПЧХИ_АПЧХА; обратное словообразование: калю4а (< колючка); «детские» слова: Бузюка, kaka.

Творческий потенциал языковой личности в интернет-коммуникации раскрывается при анализе персонимов-палиндромов, почти за каждым из которых стоит множественность ассоциаций. Например: Asru (< лат. ursa ‘медведица’, ‘созвездие Медведицы’, ‘север’, ср. также УРСА-Банк); omen (< *немо*, связь с капитаном Немо или аллюзия к продукту Голливуда, фильму «Омен»), OST (англ. ‘восток’ или «перевертыш» ТСО ‘технические средства обучения’), never (< ‘не верю’ или из *ревень* наоборот), bol (< *лоб* или слово «боль», переданное латиницей)), HAX (< *хан* или русское сокращение-вульгаризм), orvat (< *тавро*), chem (< *меч*), Alu (< *юла*, а может, *Уля*).

В роли персонима, в соответствии с игровым принципом, могут выступать не только имена существительные или прилагательные, но и другие части речи. Например, числительное: Сто!, наречия: ECHO, solo591, предлоги, частицы: OVER, not; междометия: Skok, KaPaMБa, Z-Z-top, а также разнообразные символы, формулы: F3, H2O. Поскольку для электронной коммуникации характерна диалогичность, среди персонимов нередко встречаются минирепли́ки (как правило, от первого лица): КУРЮ БАМБУК, Числюсь Пропавшим, люблю пиво, Пью, СвО6ОдЕн, Не верю!!!, не забывай свои корни, совсем умерла, холод@ю, Я_танцую_ча-ча-ча.

Присущий языку Интернета в целом прием *карнавализации* проявляется в персонимах в демонстративном отказе от этических «условностей»: КрыСа, Бестолочь, nakocTb, buxo1, в шутливой иронии и самоиронии: WrEdNaЯ, Negodyaika; восприятия себя глазами других (игра с идентитетом): Фрykt; в использовании в качестве самоназвания апеллятивов со стереотипной негативной оценочностью: xaleR’a, Аллергия, kara; DypEm@r, Lenin, Pavlik Morozov. Установка на развлечение, забаву, балагурство актуализирована в целом ряде персонимов: коКЕДка, ыть, бдыжь, Ы, о_о, ааа. Так, например, VinakyR – аллюзия к Винокур, но вместе с тем «вина кир» (от жарг. кирять ‘пить’). Широко представлено творческое шутливо-ироничное самоназвание: ХипХоп_Ка, Сашок шалунок, Hotey, ЛАФАН, АЛОКА. Весьма распространена в персонимах креативная игра с гендером: yolk, KuKuMoP, zebr, Анастас, vitamink, 6EJIый /\/\ыLLLь, КРЫЛ, блОндинкО, Vetra, Ксенофонтия.

Актуален для процесса образования персонима розыгрыш, основанный на диссонансе 1) денотата и референта: Karapooz (этимологически «короткий + пузо» – о маленьком ребенке); 2) значения в языке-оригинале и значения в языке-реципиенте: primus (лат. ‘первый’, ‘молодой’, ‘главный’ и название бытового предмета); 3) узуальной словообразовательной модели и неузуальной внутренней формы слова: ЛАМПОЧКОВКРУЧИВАТЕЛЬ (ср. пенкосниматель, гробокопатель); 4) семантики стандартного антропонимического элемента и жаргонного обозначения: Kuzmich (отчество Кузьмич и жарг. ‘фанат’).

Обращает на себя внимание ориентация большинства персонимов на западную культурную модель, что проявляется и в выборе графической матрицы (латиницы, а не кириллицы), и в предпочтении иноязычных слов при наличии русских аналогов, и в сознательном или подсознательном отборе сферы-источника персонима. Доля элементов традиционной славянской культуры, в частности фольклорных образов и мотивов, в данной среде ничтожно мала. Это объясняется тем, что массовая культура, элементом которой выступает персоним, носит наднациональный характер, это ее сущностное свойство, фольклор же национален, служит средством передачи национально-культурных ценностей и стереотипов. Даже «самые фольклорные» образы в интернет-дискурсе отражают процесс остранения: KAIIIEU, Kolobok, DED MOROЗ. Аналогичным образом оформляются и элементы языка фольклора (преимущественно детского), характерные для текстов сказок, песен, считалок, загадок,

потешек, дразнилок, например: Печеньк@, sokol, Chizhik, voron, kot, DROZD, LUK, Svetochek, Romashka, sova. Большинство актуализированных образов выражает мотив покровительства, защиты: это образы-тотемы и образы, связанные с домом – сакрализованным для человека пространством.

В целом персонимы выступают значимым лингвокультурным феноменом, в котором отражена неодномерность и неоднородность современного мира, сложность и противоречивость в нем человека, находящегося в центре глобальных социальных проблем. В персонимах как составляющих современной культуры актуализируются значимые для человека механизмы адаптации к изменившимся условиям жизни, реализуется потребность в стереотипизации среды и социума. При создании персонима, в процессе выбора стратегии номинации активизируется авторская саморефлексия, мобилизуется наличный опыт человека, его коммуникативная и культурная компетенции, «высвечиваются» ценностные ориентиры и приоритеты личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голованова Е. И. Персоним как элемент языка компьютерного общения / Е. И. Голованова // Социальные варианты языка–V: матер. междунар. науч. конф. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С. 346–349.
2. Голованова Е. И. Персоним как явление массовой культуры и коммуникации / Е. И. Голованова // Филология и культура: матер. междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. – С. 34–37.
3. Мечковская Н. Б. Лингвистический киберпанк в русском Интернете: функции и виды языковой игры с английскими заимствованиями / Н. Б. Мечковская // Slavistična revija. – 2007. – № 1–2. – S. 47–65.

А. Г. Голодов (Рязань–Падерборн)

ИННОВАЦИИ-ЗАИМСТВОВАНИЯ В АКТУАЛЬНОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Заимствование, в первую очередь англо-американизмов, давно уже стало важнейшей частью обновления и расширения лексического состава современного немецкого языка. Последняя интенсивная волна заимствований англо-американизмов в немецкий язык началась в 1945 году после поражения в войне третьего рейха. О значении и масштабе этого влияния есть целый ряд исследований (см. напр.: [1; 3; 7]). К важнейшим причинам последней волны заимствований относятся:

1) экстралингвистические: растущее распространение и влияние английского как средства международного общения (Lingua franca), а также интенсификация контактов Германии с западными странами в областях политики, культуры и экономики;

2) лингвистические: заимствование лучше выражает понятие и едва ли может быть заменено автохтонным синонимом; заимствование употребляют, чтобы избежать тавтологии.

В последние годы в числе причин для резко возросшего заимствования англицизмов после второй мировой войны называют также и «кризис идентификации» (Identitätskrise) немцев. Так, журналист в области экономики Е. Циммер (Zimmer) пишет: «Для многих представителей моего поколения (Angehörige meiner Generation), у которых в годы после второй мировой войны проснулось политическое самосознание, кризис идентификации (Identitätskrise) стал основным моментом (Grundtatsache) в их жизни. Ненависть, направленная против самого себя, с одной стороны, и гипертрофированное самосознание (übersteigertes Selbstgefühl), с другой, являются двумя полюсами, между которыми находятся немцы. Вследствие этого почти невозможно себе представить, что может возникнуть нейтральное отношение к собственной культурной идентичности (которая больше всего определяется языком), свободная от заносчивости и шовинизма, что можно ценить своё, не презирая чужого, что можно любить немецкий язык, не считая его чем-то лучшим. Итак, немцам комплекс не-

© Голодов А. Г, 2013

полноценности (Minderwertigkeitsgefühl) мешал придерживаться их родного языка» (приводится по: [4, с. 16]).

Ещё в 1986 году Е. Циммер отмечает, что английский язык показывает, насколько плодотворно может быть влияние иностранного языка. Немецкий язык заимствует множество иностранных слов, из которых большинство становится частью лексического состава языка (fester Bestandteil des Lexikons). Этот процесс автор рассматривает как обогащение для немецкого языка. Искать для нового явления (Sachverhalt) соответствующее немецкое понятие и потом реализовывать его вербально Е. Циммер считает гораздо более трудоёмким процессом (ein allzu aufwändiges Verfahren), чем заимствовать уже имеющееся английское выражение. Кроме того, как отмечает автор, английский стал во второй половине 20 века Lingua franca (= Verkehrssprache eines größeren mehrsprachigen Raums) и, следовательно, английские слова тесно связаны с международным общением. В качестве ещё одной причины в пользу английского заимствования Е. Циммер называет тот факт, что английский звучит молодо и современно (jung und modern klinge) (приводится по: [4, с. 16]).

Похожую аргументацию приводит восемь лет спустя (1994) и англист Т. Штеммлер (Stemmler), который пишет: «Мы может быть благодарными английским словам, когда они закрывают бреши в немецком словарном составе (im Wortschatz Lücken füllen) или более точно и кратко обозначают явление, чем конкурирующее немецкое слово». Т. Штеммлер считает, что «французские соседи, которые находят применение англицизмов неприличным (anstößig) и налагают за это штраф, не могут быть для нас примером для подражания (kein Vorbild)» (приводится по: [4, с. 15]).

Чуть ли не ежедневно в повседневном немецком языке появляются новые слова, что отражает динамику бурной эпохи начала 21 века. Новые слова появляются в разговорно-обиходной лексике по различным причинам. Эти причины могут быть как гуманитарного, так и технического порядка, отражая изменения в происходящие в результате научно-технической революции.

Анализ англо-американских заимствований, включенных в словарь неологизмов «Deutsches Neologismenwörterbuch», позволил выявить отрасли, которые в первую очередь подверглись очередному «англо-американскому нашествию»:

1. Наиболее многочисленной оказалась группа инноваций-заимствований в области **«компьютер, интернет»** (= **Computer und Internet**), что логично, поскольку английский является основным языком этой отрасли. Примеры: Blog = сайт, на котором автор регулярно (как в дневнике) публикует информацию; Blogger = автор блога; Musikdownload = музыка, скаченная из интернета; Spammer = Spamversender = рассылающий сообщения «спам» и др.

2. Средства массовой информации (= Medien). Примеры: Castingshow = телепередача, на которой ведется поиск молодых талантов; Ostalgieshow = развлекательная телепередача, которая с юмором показывает повседневную жизнь в бывшей ГДР;

Гнездо с определительным компонентом Online-. Примеры: Onlinebank = интернет-банк; Online-Händler = предлагающий (продающий) товары и услуги через интернет; Online-Umfrage = опрос по интернету.

3. Работа (= Arbeit) – здесь доминируют композиты с компонентами-определителями: Ein-Euro-, Job-, Green-Card-. Примеры: Ein-Euro-Job = «работа за 1 евро» – возможность работы за один (или два евро) для получателей пособия по безработице; Ein-Euro-Jober = получатель пособия по безработице, который работает в рамках программы «работа за 1 евро» (Ein-Euro-Job); Job-Abbau = сокращение рабочих мест; Job-Center = существующее с 2005 года государственное учреждение, которое опекает получателей пособия по безработице; Job-Misere = кризисная ситуация, которая характеризуется недостатком рабочих мест; Green-Card = «зелёная карта» – разрешение на проживание и работу для временной занятости зарубежных программистов из стран, не входящих в Европейский союз; Green-Card-Aktion = акция, в рамках которой владелец зелёной карты приезжает для работы в страну;

Green-Card-Regelung = правило, регулирующее въезд владельцев зелёной карты в страну.

4. Экономика (= Wirtschaf). Примеры: Chief Operating Officer = менеджер, руководящий оперативной деятельностью предприятия; Chip-Händler = предприятие, которое занимается сбытом полупроводников; Cross-Border-Leasing = сдача объекта иностранному арендатору; Offshoring = перенос бизнеса за границу.

5. Спорт (= Sport). Примеры: Handbiker = велосипед с ручным приводом; Nordic-Walking = быстрая ходьба с помощью двух лыжных палок; Nordic Walker = занимающийся ходьбой в стиле Nordic-Walking.

6. Образование (= Bildung). Примеры: Bachelor-Absolvent = выпускник, получивший признанную в странах Евросоюза степень бакалавра; Bologna-Prozess = постепенная унификация вузовской системы во всех странах Европейского сообщества; E-Learning = учёба с использованием электронных средств; Master-Abschluss = диплом об окончании второй ступени высшего образования в рамках Болонской системы.

7. Биржа (= Börse). Примеры: Blue-Chip-Barometer = индекс для особо ценных стандартных акций; High-Tech-Wert = ценные бумаги предприятий, работающих в ключевых технологиях; Overweiht = высшая ступень в системе оценки акций (Underweight → Equal-Weight → Overweiht).

8. Автомобиль, транспортное движение (Auto und Verkehr). Примеры: City-Mout = плата за использование дорог в городах; OBU ← On-Board-Unit = черный ящик, установленный на автомобиле и фиксирующий оплату за использование автобана.

Англо-американизмы, включенные в словарь неологизмов Deutsches Neologismenwörterbuch, были заимствованы, как правило, вместе с соответствующими понятиями, многие из которых оказались новыми для немецкоязычного ареала. Проведённый анализ позволил выявить отрасли, которые в первую очередь подверглись очередному «англо-американскому нашествию», а степень интенсивности иноязычного лексического заимствования даёт возможность определить ту роль, которую играет соответствующая отрасль в жизни современной Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carstensen B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945 / B. Carstensen. – Heidelberg, 1963. – 282 c.
2. Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1969. – 1174 c.
3. Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart / K. Heller. – Leipzig: VEB Bibl. Institut, 1966. –185 c.
4. Thuswaldner G. Die Verteidigung der Sprache / G. Thuswaldner // Muttersprache, Wiesbadebn. – H. 1, 2001. – S. 11–23.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
6. Девкин В. Д. Немецкая лексикография / В. Д. Девкин – М.: Высш. шк., 2005. – 670 с.
7. Майоров А. П. Заимствования в лексико-семантической системе языка (на материале англо-американизмов в современном немецком языке ГДР и ФРГ): автореф. дисс. … канд. филол. наук / А. П. Майоров. – М.: 1967. – 21 с.

СЛОВАРИ

1. Duden. Universalwörterbuch A-Z. – Mannheim-Leipzih-Zürich: Dudenverlag, 1996 – 1816 S.
2. Quasthoff U. Deutsches Neologismenwörterbuch. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 2007. – 690 S.

В. В. Горлачева (г. Запорожье)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ

Активное развитие рекламного бизнеса определяет появление все новых и новых рекламных сообщений, текстов, призванных убедить потребителя в необходимости покупки. Вербальная составляющая рекламной коммуникации обладает рядом

© Горлачева В. В., 2013

специфических свойств, обусловленных функциональными особенностями рекламы, что, естественно, привлекает внимание лингвистов. Лингвистические интересы современных исследователей охватывают вопросы лексического и грамматического строя рекламных текстов, а многообразие существующих форм, гетерогенность состава, полиаспектность и манипулятивность рекламных текстов дают основания изучать их в этнолингвистическом, социокультурном, психолингвистическом, эволютивном, дискурсивном и других направлениях.

Целью данной работы является исследование синтаксического строя рекламных сообщений мобильных телефонов. Указанная тема представляется нам актуальной, поскольку в ситуации контакта рекламного сообщения с потребителем смысловое и эмоциональное восприятие слов раскрывается с учетом синтаксических законов языка. Заявленная тема еще не поддавалась достаточному лингвистическому освещению, что также определяет ее актуальность. Материалом исследования послужили рекламные тексты мобильных телефонов компаний Samsung, Nokia, Apple, HTC.

К изучению вопросов синтаксического построения рекламной коммуникации обращались многие исследователи, среди них Р. Г. Иванченко, А. И. Конюхова, П. Б. Паршин, Ю. К. Пирогова и др. [3; 4; 5]. Изучение грамматической структуры предложений в рекламных текстах – актуальное направление в современной лингвистике. Исследователь Ю. С. Бернадская метко определяет характерную черту синтаксиса рекламы: «… реклама не терпит многословия и усложнено-аморфных синтаксических оборотов, так как по своей природе она должна быть динамичной (должна призывать к действию)» [1, с. 81]. В рекламе мобильных телефонов эту функцию нередко выполняют восклицательные предложения. Приведем примеры: «*З цим телефоном Ви будете зіркою в будь-якому товаристві!»* или «*Висловіть свої почуття із Samsung Galaxy Note!».* Часто призыв к действию (покупке мобильного телефона) может быть завуалирован: «*Умный и общительный, как ты!»* или *«Будь умным! Будь ярким!»*; «*Умным быть легко*!». Приписывая мобильному телефону человеческие качества – умный, общительный, копирайтер оправдывает необходимость покупки техники. Динамичный тон рекламы мобильных телефонов поддерживается также с помощью вопросно-ответных конструкций («*Смартфон? Планшет? Это Galaxy Note!»* или «*Планшетуешь? Твой Galaxy Tab 2.10.1!»; «Want to be entertained like never before? Then you need to go for HTC Sensation!»*. Не вызывает сомнения то, что данные конструкции, заимствованные из разговорного синтаксиса, используются, чтобы привлечь внимание потребителя рекламы к содержанию сообщения, подтолкнуть его к самостоятельному мышлению и придать непринужденность речи.

По мнению Н. Черновой и В. Сницар, нередки случаи использования в рекламе эллиптических конструкций, применение сжатого, телеграфного стиля при написании маркетингового сообщения [6, с. 140]. В современной рекламе мобильных телефонов употребление эллиптических конструкций – один из самых продуктивных синтаксических приемов. Синтаксический эллипсис востребован при введении информации о целевой группе товара («*Для жінок у центрі уваги*!» «*Для справжніх леді*»; «*Для энергичных и амбициозных!*»). Изображение телефона часто замещает текстовую информацию, поэтому неполное предложение несет понятный потребителю смысл. Подобные ремарки должны подтолкнуть покупателя к приобретению, используя человеческое желание повысить свой социальный статус, получить общественное признание. Имплицитная предикативность оказывает большее влияние на человека, так как, возобновляя отсутствующие грамматические компоненты, человек менее критично относится к рекламному утверждению, воспринимая его как собственное, например. «*Идеальный для работы: прекрасный органайзер, стильный дизайн для профессионалов*» или «*Designed for humans: this is what u say when you look at the Samsung Galaxy S3*».

С. В. Гузенко отмечает, что грамматическая конструкция простого двусоставного предложения доминирует в современных украинских рекламных текстах. В ходе

исследования лингвист приходит к выводу, что в современной рекламе наметилась тенденция увеличения количества побудительных высказываний, выраженных обобщенно-личными предложениями, неполных предложений, эллиптических конструкций [2, с. 176–177]. Согласно нашим наблюдениям, данная тенденция характерна также для русскоязычного и англоязычного рекламных текстов мобильных телефонов. Как правило, анализируемый рекламный текст состоит из номинативных предложений, обобщенно-личных предложений, неполных предложений, за которыми следуют простые двусоставные предложения («*Портативность превыше всего! Даже при большом дисплее планшет кажется почти невесомым … Благодаря эргономичному дизайну он легко помещается в сумке…*»). Иногда для убеждения требуется большой рекламный текст, поэтому номинативные предложения, обобщенно-личные предложения, неполные предложения выступают слоганами или заглавиями, после чего следует комплекс сложных предложений, основанных на разнообразных синтаксических конструкциях, например, «*Nokia C7. Не потеряй возможности! Твои друзья всегда будут рядом! Каждую минуту ты будешь в курсе всех событий, которые происходят в мире. Наблюдай и будь активным участником общения, ведь оно происходит прямо на экране твоего продвинутого телефона. Следи за обновлениями в социальных сетях, ты можешь легко делиться каждым моментом своей жизни, просто выбрав фото друга на своем рабочем экране*».

Таким образом, тексты современной рекламы мобильных телефонов включают разнообразные синтаксические конструкции. Актуальной тенденцией является употребление побудительных высказываний, выраженных обобщенно-личными предложениями, неполных предложений, эллиптических конструкций. Наиболее продуктивными следует признать приемы парцеллирования, функционирование сегментированных, вопросно-ответных конструкций, номинативных, восклицательных предложений, прием градации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособ. / Ю. С. Бернадская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 288 с.
2. Гузенко С. В. Граматична структура простих речень у рекламних текстах маніпулятивного типу / С. В. Гузенко // Мова і культура. – К.: Видав. дім Дм. Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. 2 (148). – С. 171–178.
3. Іванченко Р. Г. Текст у рекламі / Р. Г. Іванченко // Наук. зап. Ін-ту журналістики. – К.: Ін-т журналістики, 2000. – Т. 1. – С. 118–128.
4. Конюхова Л. І. Явище парцеляції в мові сучасних засобів масової комунікації: автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / Л. І. Конюхова. – Львів, 1999. – 18 с.
5. Пирогова Ю. К. Рекламный текст, семиотика и лингвистика / Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин. – М.: Изд. Гребенникова, 2000. – 276 с.
6. Чернова Н. Лингвистические характеристики рекламных текстов и способы их перевода / Н. Чернова, В. Сницар // Мовні і концептуальні картини світу: зб. наук. праць. – К.: Видав.-поліграф. центр «Київський університет», 2007. – С. 137–143.

В. М. Греченко-Журавская (г. Днепропетровск)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Одним из наиболее выразительных средств языка являются фразеологизмы. Именно поэтому они широко используются как в художественном тексте, так и в произведениях других стилей и жанров. Наше внимание привлекли фразеологизмы, которыми буквально пестрят страницы журналов финансово-экономического содержания «Forbes», «Forbes Woman», «Бизнес», «Фокус». Нами проанализированы особенности употребления фразеологических оборотов авторами первых выпусков названных журналов за 2013 год.

В большинстве случаев фразеологизмы и – шире – крылатые фразы употребляются в традиционной, стандартной форме: *ахиллесова пята* («*Made in Ukraine* –

© Греченко-Журавская В. М., 2013

ахиллесова пята *отечественных компаний. Есть ли способ избавиться от клейма?*»); *мелочь, а приятно* (название статьи о предпринимателе из Каховки, который зарабатывает на разведении мальков); *шестое чувство* (о предпринимателе и банкире, который тонко чувствует ситуацию и даже в условиях экономического кризиса успешно развивает наиболее прибыльные направления своего бизнеса); *рациональное зерно* (об упрощении процедуры сертификации зерна и продуктов его переработки, что является правильным, рациональным решением власти); *китайская грамота* (‘что-либо недоступное пониманию, в чём трудно разобраться’ – таково значение фразеологического оборота; в статье идёт речь о выходе компании на рынок Китая и обретении нового опыта, своего рода «грамоты по-китайски», а значит фразеологизм получает иное значение); *свято место пусто не бывает* (о последствиях финансового кризиса на Кипре, когда его место на рынке финансовых услуг могут занять другие «игроки»); *никто не обнимет необъятного* и др.

Часть фразеологизмов является стилистически нейтральной, а некоторые обороты имеют словарные пометы «экспрессивное», «разговорное», «просторечное», «ироническое». Однако те и другие в соответствующих контекстах приобретают более конкретное значение, переосмысливаются и на этой основе становятся ярким экспрессивным средством, способным привлечь внимание читателя.

В ряде случаев использованы фразеологизмы, претерпевшие незначительную трансформацию, которая состоит в добавлении (исключении) в состав фразеологизмов частицы *не* или предлога *без*, что приводит не только к появлению фразеологизма с антонимическим значением, но и с иными оценочными характеристиками. Например, о существенном увеличении оборота бизнеса коммерсанта сказано, что он «*вышел ростом*», а это, полагаем, не только констатация факта успешности бизнеса, но и положительная оценка данного факта (ср.: фразеологизм *не вышел чем* в значении ‘не обладает в должной мере какими-либо качествами’ характеризуется в словарях как разговорный с пренебрежительной окраской).

Не иди ва-банк – таков один из принципов обкатки новых идей и проектов в успешных компаниях (известный фразеологизм *идти ва-банк* имеет значение ‘действовать, рискуя всем’); из статьи становится ясно, что этот принцип предполагает оправданный риск, основанный на учёте разных факторов ведения бизнеса.

Без золотой середины – так в одной из статей характеризуются и оцениваются действия современных сверхбогачей: большинство из них – эффективно и много работающие бизнесмены, а не рантье; они берут на себя риски, неподъёмные для обывателя, который недоброжелательно относится к миллиардерам и их сверхбогатству. По мнению автора статьи, такое поведение заслуживает уважения и должно быть стимулом для начинающих предпринимателей. Разумный риск, а не обывательское «промежуточное положение» – вот путь к богатству. Фразеологизм *золотая середина*, как известно, имеет значение ‘образ действия, поведения, лишённый крайностей; промежуточное положение’.

Используются и фразеологизмы, подвергшиеся творческой обработке авторов статей. Индивидуально-авторская трансформация, как правило, осуществляется такими способами: сокращение или расширение состава фразеологического оборота, замена словарных компонентов, изменение грамматических форм компонентов: ***банкир*** *в поле не воин* (об успешном банкире, который потерпел поражение не на бранном поле, а в сельскохозяйственном бизнесе); ***нефть*** *всему голова* (о структуре кредитного портфеля ПриватБанка, в котором самую большую долю – почти треть – занимает торговля нефтепродуктами); ***царить*** *в облаках* (название статьи об известном молодом бизнесмене, который реализовал свои фантастические идеи в сфере компьютерных технологий и занял ведущие позиции в этой области; ср.: фразеологизм *витать (парить) в облаках* – ‘пребывать в мечтательном состоянии, предаваясь бесплодным фантазиям, не замечая окружающего’); *изменить* ***родину*** (о бизнес-эмигрантах, которые покидают Украину по разным причинам) и др. Дважды встретилась в трансформированном виде русская пословица *Не так страшен чёрт,*

как его малюют (она обозначает преуменьшение беды и относится к группе афоризмов с общим значением ‘безразличие к последствиям’). В статье «Не так страшен чёрт» рассказано о финансисте, который в непростых современных экономических условиях работает на украинском фондовом рынке; он один из немногих, кто понимает, что ситуация в этом секторе экономики не безнадёжна, и работает «на перспективу». Другой трансформированный вариант афоризма зафиксирован нами в рекламе ресторана, который предлагает вкусные блюда постного меню в качестве гарнира к своим знаменитым стейкам, провозглашая: «*Не так страшен* ***пост****, как его малюют»*.

Исследованные нами фразеологизмы употребляются преимущественно в качестве названий статей или подзаголовков. Экспрессивный потенциал фразеологических оборотов (как обычных, так и обновлённых) направлен на то, чтобы привлечь внимание читателя, соотнести серьёзное содержание с образами, которые связаны у него с данными языковыми единицами.

А. С. Гусева (г. Донецк)

БЛОГ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

На сегодняшний день среди ученых-лингвистов нет единого мнения относительно определения Интернет-блога как особого жанра коммуникации, хотя само явление блоггинга достаточно распространено. Поэтому исследование блогов и, в частности, их лексических особенностей является необходимым. В этом и заключается актуальность нашего исследования. Объект – эмпирическая база текстовых сообщений в интернет-блогах русскоязычных и англоязычных сообществ. Предмет – лексические особенности блоговых сообщений пользователей компьютерной сети. При комплексном изучении Интернет-блога с точки зрения лексических особенностей использовались такие методы, как лингвистическое наблюдение, системный подход, опрос, обобщение, описательно-аналитический метод и контент-анализ.

Блог является одним из жанров компьютерно-опосредованной коммуникации, который представляет собой интернет-дневник, журнал событий. Согласно Д. Кристаллу, это тип асинхронного общения, использующий устно-письменную форму речи. «Выступления, лекции, коммерческие презентации, официальные дебаты и тому подобное не будут найдены в этой среде, т. к. она предназначена для принципиально иного – чтобы провоцировать и принимать короткие сообщения и эмоциональные реакции пользователей» [3, с. 130]. Сообщение не требует немедленной ответной реакции, посетитель блога может отреагировать на сообщение автора спустя определенный период. Это и есть отличительная черта асинхронного типа общения. Субъективность, оценочность, нестандартизованность – особенности виртуального речевого жанра.

Блог формируется путем размещения отдельных записей, изображений, ссылок и комментариев к ним. Записи в блогах характеризуются такими чертами, как лаконичность, эмоциональность, публичность. Согласно Л. Ю. Щипициной, в каждом жанре компьютерно-опосредованной коммуникации «предпочтение отдается тем лексическим единицам, которые касаются обозначения текста и функций программы соответствующей службы Интернета» [2, с. 110]. Для англоязычного блога самыми популярными словами (в порядке убывания) являются: *help, post, top, follow, retweet, check out, blog, media, Twitter, social, free, new, great, how to, you, please.* В список самых популярных слов вошли практически все части речи (глагол, имя существительное, имя прилагательное, местоимение и проч.). Используется, в основном, лексика,

© Гусева А. С., 2013

описывающая пользовательские действия: *помочь, отправить, проверить, перетвитить* и т. д.

В блогах часто встречаются случаи использования буквенно-слогового и буквенно-цифрового написания слов, что также является характерным и для других англоязычных интернет-жанров. В данном случае совмещается буквенно-звуковой и символьный способ: *New music 4u* (New music for you); *U know* (You know); *Never 4get* (Never forget). Такой способ написания слов связан с экономичностью и, опять же, придает общению более непринужденный характер. Сокращения слов не являются отличительным лексическим признаком асинхронных жанров, к которому принадлежит, в частности, и Твиттер. В асинхронных жанрах не требуется экономить время и, если случаи сокращений и встречаются, то это носит скорее случайный характер чтения слов или манеру письма пользователя. Более важны, на наш взгляд, «лексико-семантические средства выражения карнавальности» (как основной черты интернет-комммуникации), направленные на «идентификацию «своего» в безграничном мире виртуального сообщества» [1, с. 172].

В русскоязычных блогах происходит активный процесс интеграции компьютерного жаргона со многими сферами некодифицированной лексики русского языка: *тачка, глюк, отстой* (молодежный сленг), *битый, печаталка, видюха* (компьютерный жаргон), *угробить, сдохнуть, харя* (просторечие).

Анализ компьютерных терминов и новообразований (например, *твитнуть, гуглить, поисковик*) показал, что появление новых слов в лексике блогов происходит по естественным законам языка с использованием нормативных деривационных моделей. Это говорит о наличии языковой культуры и традиций словообразования у носителей языка. Однако каждый человек сам вправе решать: употреблять нормированную лексику или в целях экономии языка использовать усеченные и видоизмененные наименования. Согласно Н. Г. Асмус, употребление тех или иных слов и выражений является определенной этической нормой, и ее нарушение (например, слишком частое и нарочитое использование жаргонных выражений в разговоре на профессиональную тему или незнание компьютерного жаргона) однозначно идентифицирует чужака, свидетельствует о непринадлежности человека к данной социальной группе» [1, с. 173].

Очевидно, что язык предоставляет возможность не засорять себя «модными» названиями. Но блоги ориентированы на самопрезентацию, подчеркивание своей индивидуальности, поэтому жаргонизмы, неологизмы, специфические аббревиатуры неотъемлемо присутствуют в данном жанре общения. Это представляет интерес для дальнейшего научного исследования блога как специфического жанра общения в Интернете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства / Н. Г. Асмус. – Челябинск, 2005. – 265 с.
2. Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация. Лингвистический аспект анализа / Л. Ю. Щипицина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.
3. Crystal D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge, 2002. – 272 p.

О. И. Дащенко (г. Черновцы)

РЕЧЕВЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ С СУФФИКСОМ -ОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Изменения в политической, экономической и культурной жизни современного общества, безусловно, находят свое отражение в языке. Не секрет, что для большой части современного общества средства массовой информации – практически единственная сфера речевой деятельности, в которой задаются «эталоны», «нормы»,

© Дащенко О. И, 2013

«эстетика». В современных публицистических текстах обнаруживаются большое количество новообразований, созданных с использованием разнообразных словообразовательных средств. В данной работе мы рассмотрим окказиональные и потенциальные слова из числа наиболее типичных, в частности среди суффиксальных образований – речевые единицы с суффиксом *-ость*.

Суффикс *-ость* – один из древнейших – сначала был малопродуктивным, однако в конце XVII – начале XVIII веков в русском языке появляется значительное количество существительных на *-ость*, в словообразовательный процесс вовлекается основы прилагательных на *-чив-*, *-лив-*, *-ат-*, а потом и причастные основы [4, с. 14], и «к середине XIX века типы производящих основ и значения существительных с суффиксом -ость сложились в том виде, в каком они существуют в современном языке» [2, с. 107].

В современном русском языке суффикс *-ость* участвует в образовании имен существительных со значением:

1) отвлеченного процессуального признака (отглагольные образования): *жалеть – жалость, дурить – дурость* [3, с. 164];

2) носитель признака (отадъективные образования): *внешний – внешность, окрестный – окрестность* [3, с. 176];

3) носитель отвлеченного признака, свойства: *смелый – смелость, склоняемый – склоняемость* [3, с. 177].

Первые два типа непродуктивны, зато третий отличается необычайной продуктивностью. По утверждению Н. М. Шанского, суффикс *-ость* является единственно продуктивным среди суффиксов абстрактных имен существительных от качественных основ.

В публицистическом стиле словообразовательный тип отвлеченных существительных с суффиксом *-ость* тоже обладает высокой продуктивностью. Это связано, на наш взгляд, с высокой информативной функцией публицистического стиля, а также с тем, что существительные данного типа заключают в себе эмоциональную оценку и способствуют проявлению функции воздействия.

Новые речевые единицы, лишенные экспрессивности, квалифицируются нами как потенциализмы, те же, которым контекст придает эмоциональную окраску, как окказионально-потенциальные образования. В публицистических текстах часто встречаются новообразования с суффиксом *-ость*, созданные на базе прилагательных с суффиксом *-ы-*. Ср. потенциализмы: *рецедивный – рецедивность, рваный – рваность. Учитывая грандиозный цинизм,* ***рецидивность*** *преступных действий, их великую множественность, суд назначил ей шесть лет колонии строгого режима* (Комс. пр., 19.02.2012); *Несмотря на отсутствие сюжета… на* ***рваность*** *… и небрежность отдельных кусков, я прочел эти шестьсот страниц* (Комс. пр., 12.02.2012). Ср. окказионально-потенциальное слово: *пещерный – пещерность*. *Пробегали мимо вас двое-трое в серых халатах? Так это специально подосланные, для впечатления, а в цехах ни одного, грязь,* ***пещерность*** *и дичь (*Комс. пр., 12.02.2012*).*

В. В. Виноградов указывал, что семантика существительных на *-ость* во многом зависит от того, употребляются они изолировано или в сочетаниях с Р. п. имени существительного, качество и внутреннее свойство которого они выражают (*решительность* и *решительность отказа*) [1, с. 110]. В наших примерах существительные на *-ость* часто употребляются абсолютивно, что увеличивает степень отвлеченного качества. Среди таких новообразований отмечены как потенциализмы, так и окказионально-потенциальные слова. Первые представлены существительными *нетревожимость, малоинтелектуальность, зарепетированность, улыбаемость, перевыпитость*, *перекуренность* и др. Ср.: *От многоцелевых надворных построек, от фундаментальной летней кухни веяло* ***нетревожимостью*** *и жизнью на прочных устоях* (Комс. пр., 19.02.2012); *Бедный студент! Здорово его застращали пугалом* ***малоинтеллектуальности*** (Комс. пр., 16.02.2012); *Девушка лет 17-ти …*

держала микрофон минут пять, пошатываясь то ли от ***перевыпитости****, то ли от* ***перекуренности*** (Комс. пр., 29.03.2012).

Однако в публицистике довольно часто существительные на *-ость* употребляются и в сочетании с Р. п. Ср.: *Говоря попросту, нынешнего читателя трудно стало удивить. Мешают штампы, стертость высоких слов, мешает* ***исхоженность дорог*** (Комс. пр., 15.03.2012); *Все ясно по цветной фотографии здравницы: пляж под боком, киоски на берегу с мороженым и периодикой,* ***вечнозеленость аллей*** (Комс. пр., 01.02.2012); *Директор мясокомбината буквально выбивался из сил, борясь за снижение процента* ***уносимости колбасных изделий*** (Комс. пр., 26.04.2012). Приведенные в контексте речевые единицы, кроме последней, являются потенциализмами. *Уносимость* – окказионально-потенциальное слово, так как обладает экспрессивной окраской в данном контексте.

Необходимо также отметить, что новообразования с суффиксом *-ость*, как правило, употребляются в авторской речи журналистов. Ср. потенциализм: *Им не хватало* ***взрослости*** (Комс. пр., 05.04.2012); окказионально-потенциальные слова: *И сказал собратьям по* ***погорелости*** *сторож Р. Соловей* (Комс. пр., 31.05.2012).

Новообразования на *-ость* в речи персонажей редки: – *Его я понимаю: сам в прошлом городской парень, он во мне, очевидно, какую-то внешнюю городскую «****окультуренность****» увидел* (Комс. пр., 10.05.2012); – *Да, – сникли мы. – Извините. А вся узость интересов,* ***замореченность*** *мелочами жизни* (Комс. пр., 24.05.2012). Последнее новообразование отмечено не в речи отдельного персонажа, а коллектива.

Употреблению речевых единиц на *-ость* обычно сопутствует подчеркнуто литературно-книжный синтаксис предложений. Одной из особенностей является также появление в тексте, предшествующем новообразованиям, однокоренных слов, что способствует концентрации внимания на новых существительных, помогает полнее раскрыть их смысл: *На сложном воспитательном пути всегда возникают невидимые преграды. Не только* ***незащищенность****, но и* ***перезащищенность*** *ведет к образованию потребительской психологии, иждивенчества* (Комс. пр., 18.10.2012). Данные примеры свидетельствуют о том, что формы на *-ость* могут быть антонимичными (в широком смысле) с однокоренными образованиями.

Отличительной чертой новообразований на *-ость* в публицистике от других стилей речи является то, что среди них не обнаружены такие, которые созданы либо с нарушением законов действия словообразовательного типа, либо по непродуктивным моделям.

Итак, речевые новообразования с суффиксом *-ость* в публицистике представлены в равной степени потенциальными и окказионально-потенциальными словами, обозначают, как правило, «отвлеченный признак, свойство». Появление их в публицистическом контексте обычно вызвано желанием выделить новым словом нужные оттенки смысла, подчеркнуть свое отношение к называемому, дать ему оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов / отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 660 с.
2. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. – 600 с.
3. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. Русская грамматика: Фонетика. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1982. – 783 с.
4. Свердлов Л. Г. Заметки по русскому словообразованию / Л. Г. Свердлов // Рус. яз. в школе. – 1964. – № 4. – С. 10–15.

І. М. Демешко (м. Кіровоград)

МОРФОНОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛЕКСЕМ-ДЕВЕРБАТИВІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ

Останнім часом актуалізується морфонологічний аспект вивчення неолексем з огляду на високу продуктивність окремих словотвірних і морфонологічних типів, морфонологічних моделей нових слів у сучасній українській літературній мові, зокрема неолексем-девербативів. Увагу вчених привертає насамперед словотвірний статус розгляданих похідних, їхня деривaційна будова. Неологічний бум у кінці ХХ – на початку ХХІ ст. відображений у ЗМІ, публіцистиці, літературній критиці, художніх творах, які досить швидко реагують на зміни в суспільному житті. Основним джерелом поповнення слугує розмовний словотвір й оказіональні новотвори. Мовознавці звертають увагу на домінування пейоративно-експресивної лексики.

На сучасному етапі розвитку української словотвірної морфонології спостерігаємо систематизацію словотвірних одиниць на нових концептуальних засадах. В україністиці недостатньо використовуються методи структурної лінгвістики, тому необхідно звернути увагу на динамічне моделювання дериватів, враховуючи при цьому творення інноваційних дериватів.

У мовознавстві 70-х–80-х років ХХ ст. проблеми морфонології порушувалися при вивченні закономірностей словозміни і словотворення в працях І. І. Ковалика, Л. Е. Калнинь, Ж. Ж. Варбот, Ю. Г. Панкраца, Т. В. Попової, Н. Ф. Клименко, В. О. Горпинича, К. Г. Городенської та ін. У кінці 80-х–90-х років з'являються праці, присвячені питанням морфонології в системі іменників (Л. О. Кондакова) і морфонології словозміни дієслів української мови (Л. І. Комарова, І. В. Козленко), словотвірної морфонології української мови (М. В. Кравченко), морфонології польської (Р. Ласковський, К. Ковалик, С. М. Толстая), російської (Л. П. Катлицька, О. О. Потєхіна, І. Б. Іткін, Г. М. Потапова), білоруської (Л. О. Гадуйка) мов, проблемам діахронічної і синхронії морфонології германських мов (В. О. Мигачов, Т. В. Колосова), проблемам фонології і морфонології аглютинативних мов (В. І. Золхоєв). На початку ХХ ст. з'являються праці, присвячені дослідженню морфонологічної структури віддієслівних словотвірних гнізд української мови (М. Ю. Федурко), динамічних процесів морфонологічних моделей відприкметникового словотворення української мови (Г. В. Пристай), морфонології словозміни і словотворення білоруської мови (В. П. Русак), морфонології башкирської (Г. Р. Абдуліна), монгольської мов (С. О. Крилов).

Метою розвідки є дослідження синхронного опису морфонологічних закономірностей словотворення віддієслівних новотворів з аналізом морфонологічно релевантних ознак словотворчих морфем. Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких завдань: 1) дослідити морфонологічні особливості віддієслівних новотворів субстантивного й ад'єктивного блоків у сучасній українській мові; 2) визначити морфонологічні явища, характерні для віддієслівних новотворів; 3) встановити морфонологічні позиції, релевантні для віддієслівних інновацій субстантивного і ад'єктивного блоків.

Віддієслівні новотвори вживаються переважно на позначення: 1) назв осіб: *відроджувальник*, *впроваджувач*, *грантодавець*, *державолюбець*, *апелювач*, *зцілювач, пожертвувач*, *пильнувач*, *паркувальник*, *перегінник*, *рекламолюб* [5, с. 73], *голодянин*, *виструнченець* (особа, яка виструнчилася) [Там само, с. 15]; 2) опредметнених дій (станів): *легітимізація*, *лобіювання*, *космополітизація*, *всезрівнялівка, трубоподіл, почутини*, *кортячка* (опредметнена дія (процес), названа дієсловом *кортіти*) [Там само, с. 42], *словотеча*; 3) конкретних понять: *рубанець*: *Кодовані* ***рубанці*** (титри до сюжету) [Там само, с. 75]; 4) абстрактних понять: *доносизм* (явище, засноване

© Демешко І. М., 2013

на доносах, пов'язане з доносами) [Там само, с. 25], *затулини* (обряд, пов'язаний з дією, названою дієсловом *затулити*): *На роти затуліних Є у нас* ***затулини*** (В. Простопчук). Згадуєш телебалаканину напередодні: *„У Брюсселі зосталися задоволеними оглядинами". … Нашорошуєш вуха. Себто визначаєш на слух. Хочеш бути задоволеним ще й* ***почутинами*** (Є. Дудар). <…> *десь там задіяне пустослів'я, і* ***словотеча*** *розважлива, і настирність нещирих дорадників, і відданих, непрошених ворогів* <…> (Ю. Боярунець).

В українській мові словотвірну парадигму віддієслівних інновацій субстантивного блоку на позначення діяча формують питомі суфікси ***-ник*** (-***івник***, ***-льник***), ***-ець*** (***-івець***, -***анець***, -***енець***), ***-ач***, ***-тель -ун*** та форманти іншомовного походження ***-ант***, ***-атор*** (***-ізатор***/***-изатор***): *відкріпник*, *державобудівник*, *пікетувальник*, *закликальник*, *тусівник*, *програвець*, *утримувач*, *зарплаточекач*, *довіритель*, *приватизатор*, *радянізатор*; опредметненої дії (стану) формують питомі форманти ***-нн-***, ***-енн-***, нульовий суфікс, а також суфікси іншомовного походження ***-ізацій-***/ ***-изацій-***: *пролонгування*, *напряг*, *легітимізація*. О. А. Стишов зазначає, що «активне творення і функціонування іменників – назв абстрактної дії є характерною ознакою інтелектуалізації української мови, впливу на лінгвальну практику сучасної публіцистики, наукового стилю» [7, с. 133].

Словотвірну парадигму віддієслівних інновацій ад'єктивного блоку формують суфікси ***-м-***, ***-н-***: *все полонити –* ***всеполони́мий***: „<…> *колись звитяжна, необорна, неозора – зоряна, не посмертна, вражена відчуттям відродження у всеохопній,* ***всеполонимій*** *симфонії Буття*" (Ю. Боярунець); *не мовчати –* ***немо́вчний***: *Утіш*, *озовися* ***немовчною*** *лірою І … хочеш – згуби, а хочеш – спаси* (О. Куликов). Для віддієменникових дериватів-новотворів ад'єктивного блоку на ***-ен-*** характерний черезкроковий словотвір (пропущено незафіксовану ланку), без опори на системні дієслівні основи: *філологізація*, *доларизація*, *валютизація*; *чумак –* «*вчумачити*» *– вчумачений* {к~ч}: *Й скрипить розпеченим залізом На кризі неба – рідне слово*, ***Вчумачене*** *чумацьким возом І шаблі сизим ковом* (Г. Булах). Унаслідок дії черезкрокового словотвору з'явилися і віддієслівні похідні на позначення осіб жіночого роду: *запитати –* «*запитальник*» *– запита́льниця* [5, с. 34], *крам знати –* «*крамознавець*» *– крамозна́виця* [Там само, с. 42].

Композити на позначення опредметнених дій (станів), абстрактних і конкретних понять становлять продуктивні деривaційні типи із суфіксами

-н'н'-, ***-ен'н'-***, ***-ець***, нульовим суфіксом, ***-н'-***, ***-н-***: *україновихування*, *дра́нґання*, *етнодержавотворення*, *світлолюдотворення*, *узасаднення*, *державолюбець, державочинець, мітлотворець, зеленоїд* (особа, яка має долари), *рясноnад*, *нафторозлив, нарцисоураженuй*: *Тож Україна в період* ***світлолюдотворення*** *не була винятком* (Є. Дудар). *А що ж ми? Де ж наші державотворчі,* ***державочинці, державолюбці?*** (Є. Дудар). *Бо Україна моя і «моя нація» вже не входили у пріоритети. Бо вже все було закроєне на собі,* ***нарцисоураженому*** (Літературна Україна. – 27 жовтня. – 2011. – с. 3.).

У творенні девербативів граматичний, словотвірний, лексичний, етимологічний, евфонічний чинники виконують супровідну роль, однак при цьому вкрай важливо враховувати морфонологічний чинник: *Двоповерховий сучасний дім з вежкою та* ***сантабарбарівськими*** (р//р') *колонами був* ***огороджений*** {д~дж} *півторакілометровим муром і обладнаний системою стеження* (О. Думанська). Необхідно зазначити, що й у творенні нових слів (пор., *Санта Барбара –* ***сантабарбарівський*** {р~р'}) продуктивною є морфонологічна позиція палаталізації, для якої характерний досить широкий діапазон дії і створені відповідні умови для її застосування.

Прості і складні віддієслівні деривати в сучасній українській літературній мові творяться за певними словотвірними і морфонологічними моделями, типами, класами, при цьому необхідно враховувати морфонологічні особливості при творенні девербативів (усічення, вокалічні і консонантні альтернації, інтерференцію, нарощення, модифікацію наголосу. Проведений аналіз слугує підтвердженням того, що лінійні

перетворення дієслівної основи, крім усічення, часто поєднуються з чергуванням. Так, для віддієслівних новотворів субстантивного й ад'єктивного блоків характерним є усічення твірної основи: *апелювати – апелювач*, *вербувати – вербування*, *зцілювати – зцілювач*, *усушити – усушка*, *обробити – обробка*, *пожертвувати – пожертвувач*, *пильнувати – пильнувач*, *легітимізати – легітимізація* та ін.

Аналіз лінійних перетворень дієслівної основи дає можливість вивчити механізм взаємопристосування мотиватора і деривaційного засобу, для яких властиві різні морфонологічні засоби, оскільки дієслівна основа має вокалічний і консонантний різновиди. Усічення має свої закономірності: усічення зазнають морфемні і фонемні структури, які не впливають на семантичне навантаження похідного і формують передумови для сполучуваності мотиватора із формантом. Необхідно зазначити, що для позиції усічення актуальним є залучення членованих мотивувальних основ.

У творенні композитів девербативів-інновацій найчастіше використовуються такі морфонологічні явища як усічення, консонатні альтернації та зміна наголосу, але чергування носить нерегулярний характер: *аудіопослання*, *бісероплетіння*, *відеорозповсюджувач*, *грантодавець*, *довкладення* (в банк), *законовиконавець*, *зарплаточекач*, *ендопротезування*, *каволюб*, *макрокінознімання – мікрокінознімання*, *макроліквідація*, *масажонавчання*, *мемуаротворчість*, *міфоспоживання*, *паркетошліфування*, *першозахоплення*, *самонакручування*, *словоборство*, *стіноруйнування*, *тарифоутворення*, *тусівник*, *тепловибух*, *теплошумоізоляція; елітовихований*, *законослухняний* та ін. Таким чином, в українській мові морфонологічні альтернації характеризуються систематичними закономірностями: кожний приголосний чергується не з будь-яким приголосним, а з певними приголосними або з декількома приголосними (*губний* + **л**). Консонантні альтернації розширюють валентні властивості словотворчих морфем, роблять можливим утворення похідних будь-якої деривaційної структури. Дослідження морфонологічних моделей девербативів-неолексем субстантивного й ад'єктивного блоків дають можливість зробити висновок, що найбільш регулярні морфонологічні моделі (ММ «Ут + Ас»), для якої характерне усічення тематичного формативa і наголошений суфікс.

Невичерпним джерелом з'яви мовних інновацій стають оказіоналізми, у яких також простежуються морфонологічні трансформації: усічення дієслівної фіналі, консонантні альтернації, модифікація наголосу: *пружити* – ***пруг*** Ø {ж~г} (консонантні зворотні чергування): «<…> *Де під орлами Риму виростали Священним* ***пругом*** *дотиків струнких Навік опанцеровані народи*» (Є. Маланюк); *натрудити* – ***натруджeння*** {д~дж}: «<…> *А вже несуть тобі прийдешність люди*, – *Нових* ***натруджень*** *родиться хорал*» (П. Мах); *цвісти* – ***цвітінь*** {с~т´}: «<…> *А для нього не світяться води І не мила* ***цвітінь*** *на землі*» (П. Мах).

Аналіз морфонологічних особливостей віддієслівних новотворів дає можливість зробити такі висновки:

1. У творенні девербативів у сучасній українській мові, зокрема віддієслівних новотворів субстантивного та ад'єктивного блоків, використовуються такі механізми: вокалічні і консонантні альтернації, усічення дієслівної фіналі, нарощування суфіксальної морфеми, модифікація наголосу.

2. Віддієслівні новотвори субстантивного та ад'єктивного блоків утворюються за типовими морфонологічними моделями і роблять можливим творення похідних будь-якої деривaційної структури, збагативши інноваційні ресурси лексичного фонду сучасної української літературної мови.

3. Для віддієслівних інновацій субстантивного та ад'єктивного блоків характерні позиції усічення й палаталізації.

Словотвірні гнізда і типи нових слів у сучасній українській літературній мові становлять собою ментально марковані одиниці і відіграють важливу роль у формуванні мовної картини світу українського народу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Нелюба А. Лексико-словотвірні інновації. 2010–2011 : [словник] / А. Нелюба, С. Нелюба. – Х. : Харківське історико-філологічне товариство, 2012. – 100 с.
2. Стишов О. А. Основні тенденції словотвору в мові українських засобів масової інформації // Українська лексика кінця XX століття: (на матеріалі мови засобів мас. інформації). – 2-е вид., переробл. / О. А. Стишов. – К. : Пугач, 2005. – 388 с.

Е. Ю. Диомидова (г. Харьков)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА ДИСПОЗИТИВА ДОКАЗЫВАНИЯ: ЮРИСЛИНГВИСТИКА

В современной отечественной лингвистике актуальным становится разработка и развитие новых комплексных направлений исследований языка, а точнее потенциальных возможностей использования знаками языка как определяющей части судебного, правового, политического дискурсов.

Язык с точки зрения комплексности представляет собой феномен культурный, философский, социальный, политический, биологический. Именно поэтому возможным и необходимым становится создание такой комплексной дисциплины, каковой является юридическая лингвистика.

Новаторство проблематики юридической лингвистики определяется не только возможностью формировать и совершенствовать теоретическую базу комплексной дисциплины, но и претворять в жизнь актуальные на сегодняшний день практические задания. Юридическая лингвистика направлена на возрождение института суда присяжных, что делает особенно востребованными исследования в области теории речевого акта, анализ языковых особенностей успешного публичного выступления юристов. Ю. Ф. Прадид, определяя юрислингвистику как новую и актуальную сегодня дисциплину, указывает на необходимость всестороннего исследования языка юридической теории и практики: законотворчества, ораторского мастерства, правил оформления юридической документации на всех уровнях.

Первооткрывателями были и юристы, и филологи, а именно одна из первых кандидатских диссертаций юристов, З. А. Тростюк «Понятийный аппарат Особенной части Криминального кодекса Украины» (2000 г.), у филологов – это прежде всего монография Ю. Ф. Прадида «В мире лингвистики и права» (2006 г.), монография Л. Н. Пелепейченко «Языковая коммуникация в деятельности сил охраны правопорядка» (2009 г.), а также кандидатская диссертация Е. Ю. Диомидовой (2009 г.). Работа в этом направлений также продолжается, среди активных исследователей в области юридической лингвистики следует назвать В. В. Посмитную, С. М. Ревуцкую, И. А. Лисичкину и др.

Ю. С. Степанов, И. Б. Штерн, М. О. Диденко проводят исследовательскую работу именно в области анализа языковых средств убеждения в текстах политической, уголовно-процессуальной, законотворческой специализации. Анализируют языковые средства убеждения, выделяют такие элементы: модель понятийную (создаваемую логическими и сублогическими (семиотическими) методами); языковую модель (воссозданную в знаках языка модель понятийную); экстралингвистические факторы, которые в значительной мере диктуют условия выбора определённых языковых средств, определённой языковой тактики. Все эти уровни, взаимодействуя между собою, создают «трёхслойную» структуру убеждающего речевого акта

Опираясь на все указанное выше, необходимо подчеркнуть, что основной задачей моего исследования является анализ принципов использования языкового потенциала в структуре диспозитива доказывания, а также определение проблемного поля исследовательской парадигмы в рамках юрислингвистики.

© Диомидова Е. Ю., 2013

В границах юрислингвистики проводится анализ непосредственно аргументативного компонента, представленного, прежде всего, как языковая данность, отражающая логику построения успешного иллокутивного акта. Языковые средства убеждения в структуре речевого акта в диспозитиве доказывания направлены на коллективного слушателя. Подобный речевой акт в структуре судебного «право-текста» формируется в соответствии с законами логики. Однако, кроме определенной логической организации текста, убеждающая публичная речь использует также синтаксический, грамматический и лексико-семантический потенциал языка.

Убеждающий речевой акт составлен из цепи «диалектических меташагов» и контршагов, фактически, из аргументов и контраргументов, представленных сначала в языке, а потом выделенных в качестве неких понятийных данностей. Такой подход к языковой структуре убеждающего дискурса приводит к необходимости исследования аргументативной основы речевого акта в структуре диспозитива доказывания.

Основные положения теории речевого акта были разработаны в научных трудах Л. Витгенштейна, Н. Д. Арутюновой, Ю. Ф. Прадида, Н. Б. Мечковской и др. Они основаны прежде всего на тезисах, сформулированных в работах Дж. Остина, Т. А. Ван Дайка, Дж.Р. Сёрля. Процесс речевой коммуникации, по Дж. Остину, это не формальное соединение языковых синтаксических конструкций, но разработка наиболее адекватной речевой стратегии, которую формирует коммуникант в условиях того или иного дискурса: «… соответствующие между словами (=предложениями) и типом ситуации события и т. д., когда утверждение, сделанное с помощью этих слов, указывает на историческую ситуацию данного типа и является истинным, абсолютно и чисто конвенциональным» [6, с. 298].

С таких позиций анализ речевой стратегии и тактики создания перлокуции ведётся с позиций рассмотрения связей «адресант – адресат, адресант – коллективный слушатель», «адресант – адресат – предмет говорения». Это направление исследования в дальнейшем даст возможность не только понять закономерности конструирования языковыми средствами успешного речевого акта в убеждающем дискурсе, но также может способствовать формированию успешной убеждающей речи в современной юридической практической деятельности.

Исследование структурных и логических компонентов формирования успешного коммуникативного акта базируется на анализе синтаксических и коннотативных особенностей языковых репрезентаций в ситуации доказывания. Ибо, как указывает И. Б. Штерн, обязательным условием осуществления речевого акта является наличие партнёров коммуникации, где коммуникант оперирует понятными для коммуникантов грамматическими и синтаксическими категориями и моделями [8, с. 92].

Необходимо заметить, что современные юристы в суде присяжных как юристы-практики разрабатывали и использовали свою стратегию и тактику в создании публичных речей. Однако имеется ряд общих особенностей в синтаксической и структурной частях устного выступления в суде присяжных.

В современной науке активно разрабатываются также новые комплексные направления исследований языка, как феномена законотворческого, влияющего на судопроизводство, процесс принятия решений и, в конце концов, судебное решения присяжных заседателей. Именно таковой комплексной дисциплиной и является сегодня юридическая риторика. Роль языковых средств убеждения, аргументации как инструментов эволюции судебной речи, а также в языковой деятельности вообще находятся в центре внимания многих исследователей (О. М. Белова, К. Бредемайер, В. З. Демьянков, Е. Н. Зарецкая, А. А. Ивин, Д. Карнеги, Л. И. Мацько, П. Сопер и др.).

Следует заметить, что языковая деятельность является особым явлением, именно в юридическом дискурсе имеет свои особенности, этот аспект обоснован и доказан в работах А. С. Александрова, М. Д. Голева, Ю. Ф. Прадида, В. С. Третьяковой, В. И. Честных.

К сфере юрислингвистики логично отнести и проблемы соотношения речевых стратегий общего и юридического дискурсов, используемых с одними и темы же це-

левыми установками в структуре диспозитива доказывания. В этой связи важными являются и данные сопоставления стратегий убеждения в общем и юридическом дискурсах, которые рассматриваются в настоящей работе.

В исследованиях А. С. Александрова указано, что между субъектом деятельности и объектом, на который она (деятельность) направлена, находятся закон, право, власть, мораль, с одной стороны, и профессиональная цель, с другой, – понятие, которые нельзя не учитывать под создания языковой стратегии и при выборе определенной тактики. А. С. Александров дает определение диспозитива доказывания, переводя его из области философии в область юридической логики и юридической лингвистики; называет и анализирует техники и технологии доказывания, создающие диспозитив: «… диспозитив доказывания, устроенный в языке уголовного судопроизводства, есть комбинаторная механика по сцеплению означающих в объективное знание о преступлении и преступнике» [1, с. 148].

Также следует учитывать экстралингвистические (паралингвистические) факторы реализации речевой деятельности юриста в суде, которые в значительной степени диктуют условия выбора определённых языковых средств, определённую языковую тактику. Так, например, характерным является процедурное вмешательство участников судебного процесса в речь юриста. Однако замечания и комментарии судьи, истцов, ответчиков и т. д., прерывающие речь, не должны мешать продолжению рассуждений и выводов, что является одним из важнейших условий успешного выступления юриста в суде.

Все названные уровни, составляющие речь, создают «трехслойную» структуру убеждающего речевого акта, влияющую на структуру и характер диспозитива доказывания. Языковые средства убеждения в структуре речи на суде присяжных направлены исключительно на коллективного реципиента и ориентированы более на законы логики, потому в процедуре суда предусмотрено приведение доказательств обвинения и защиты. Кроме определенной логической организации текста, убеждающая публичная речь использует также синтаксический, грамматический и лексико-семантический потенциал языка.

Перспективными, по нашему мнению, являются дальнейшие исследования относительно выявления константных и эволютивных составляющих диспозитива доказывания, определяющих социальных факторов и типов дискурсов. Научный интерес также представляет исследование взаимосвязи диспозитива доказывания и ситуативных факторов. Сегодня проведение исследований в сфере юрислингвистики следует рассматривать как социальный запрос современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / А. С. Александров // Проблемы юридической техники : сб. ст. – Н. Новгород, 2000. – С. 101–108.
2. Арутюнова Н. Д. Вводное слово / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка – М., 1991. – С. 2–12.
3. Белова Е. Н. Структура и семантика аргументативного дискурса : (на материале слушаний ком. и подком. Конгресса США) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. Н. Белова; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1995. – 18 с.
4. Голев Н. Д. Постановка проблемы на стыке языка и права / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-1 : Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С. 56–63.
5. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
6. Остин Джон. Избранное / Дж. Остин. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.
7. Прадід Ю. Ф. У царині лінгвістики і права / Ю. Ф. Прадід. – Сімф. : Ельіньо, 2006. – 255 с.
8. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвистики. Енциклопедичний словник / І. Б. Штерн. – К.: АртЕк, 1998.

Ю. В. Дорофеев (г. Симферополь)

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИОЛЕКТА

Социальные варианты (социальные диалекты, социолекты) характеризуются как «варианты (разновидности) языка, которыми пользуется та или иная социальная общность или группа людей» [1, с. 8] и представляют собой, как правило, совокупность лексических и фразеологических языковых особенностей [6, с. 205–206]. Количество таких вариантов находится в прямой зависимости от социальных различий и оппозиций: выделяют варианты сословные, профессиональные, возрастные и т. д. Так, О. Б. Ткаченко приводит со ссылкой на других исследователей следующие разновидности социолектов: говірка візників, жебраків, злодіїв, говірка неповнолітніх злочинців із виправних закладів, говірка хуліганів, в'язнична говірка, говірка картярів та більярдистів, ремісників, дачників, варшавської «золотої молоді», акторська говірка, говірка театральних музикантів, говірка офіціантів, спортсменів, поліграфістів, журналістів, кінематографістів, говірка варшавського телевізійного центру, шкільна говірка, студентська говірка [5, с. 94]. Нет сомнений, что такие варианты в той или иной степени присущи всем языкам.

В социальных диалектах варьирование базируется на трансформации значений номинативных единиц (в том числе и заимствованных), остальные языковые ярусы, как правило, не затрагиваются. Следует обратить внимание на то, что вариативность вовсе не подразумевает перестройки всей системы, суть варьирования в социолектах сводится к созданию номинативных единиц, которые, в основном, замещают соответствующие единицы других форм языка. Однако в этом случае нельзя говорить об отношениях синонимии, это особой тип соотношения вариантов в рамках единой системы номинаций, для которой способ выражения «социовариантизмом» является периферийным и связан со строго ограниченными рамками социальной среды, за пределами которой данный вариант непонятен и поэтому лишен смысла [4, с. 175–176]. Например, семантема 'устройство, действующее автоматически по заранее составленной программе или последовательности команд, для решения ряда задач' может быть выражена семемами *компьютер, ЭВМ, электронно-вычислительная машина, комп, писюк, компутер*. Отдельная семема используется в тех случаях, когда в других формах языка нет однословных наименований для передачи соответствующего значения: 'прибегнуть к помощи поисковой системы' – *загуглить*; 'небольшая программа, взламывающая защиту от нелегального использования другой программы' – *кряк;* 'создавать резервную копию какой-либо информации' – *бэкапить*. Сам факт предпочтения одного средства выражения другому в определенной коммуникативной ситуации служит сигналом перехода к иному речевому коду, символизирующему общность данного речевого коллектива.

Одним из ключевых факторов, обусловливающих развитие социолектов в русском и украинском языках на современном этапе, являются языковые контакты. Известно, что «взаимовлияние языков – один из самых могучих стимулов языковых изменений» [2, с. 83]. Ярким примером «сотрудничества» языков является экспансия английского языка в славянские. Так, русский и украинский языки в одно время усваивают целый ряд номинативных единиц, при этом адаптируя их к своим грамматическим и фонетическим особенностям: *айсинг, бренд, бартер, бойлер, венчурный, демпинг, импичмент, лизинг, менеджмент, ноутбук, спонсор* и т. п. Этот процесс является «важнейшим ресурсом развития языка, его совершенствования, его жизнеспособности» [3, с. 8], что проявляется и в процессе образования вариантных форм, возникающих на фоне трансформаций в сфере культуры, экономики и т. п., и связанных с ними социальных преобразований.

© Дорофеев Ю. В., 2013

В тех случаях, когда контакт между языками происходит в масштабе отдельной группы людей, можно говорить об общих для них особенностях языкового поведения, а инновации, основанные на заимствовании единиц из другой системы и распространенные в масштабах всей группы, могут рассматриваться как актуальные и получившие признание в рамках коллектива. Поэтому на фоне активного взаимодействия языков создается благоприятная обстановка для возникновения и развития вариантных форм языка (как национальных и региональных, так и территориальных и социальных). В русском и украинских языках развитие целого ряда социолектов во многом определяется ориентацией на иноязычные средства выражения (особенно английские): *аскать* (просить), *батл* (бутылка со спиртным), *вотчи* (наручные часы), *дад* (отец), *заслипать* (поспать), *киндер* (ребенок), *мани* (деньги), *шузы* (туфли), *флэт* (квартира) и т. п. А ряд современных социальных вариантов сформировался практически исключительно под влиянием английского языка. Самый известный среди них – социолект компьютерщиков. Интересным примером также является социолект геймеров – поклонников настольных и компьютерных игр: ***аддон*** (англ. *addon*) – «дополнение, расширение игры», ***аукцион*** (англ. *auction*) – «игровая механика, заключающаяся в том, что игроки по очереди делают ставки (деньгами или иными игровыми ресурсами)», ***америтреш*** (англ. *ameritrash*) – «настольные игры американской школы», ***варгейм*** (англ. *wargame*) – «военная игра; игра, моделирующая реальные или воображаемые военные конфликты», ***гик*** (англ. *geek*) – «очень увлечённый человек, «повёрнутый» на своём хобби», ***даунтайм*** (англ. *downtime*) – «промежуток времени, в течение которого игрок не может предпринять в игре никаких действий и, фактически, «выпадает» из игры», ***гекс*** (англ. *hex*) – «правильный шестиугольник с изображением местности, позволяет снять вопрос о возможности движения по диагонали», ***хоумрул*** (англ. *homerule*) – «домашнее правило, дополнительное правило, которое придумано игроками (а не автором игры) и применяется по их желанию», ***драфт*** (англ. *draft*) – «игровая механика, заключающаяся в том, что игроки самостоятельно выбирают для себя игровые карты», ***мипл*** (англ. *meeple*) – «игровая фишка в форме человечка», ***ПНП*** (англ. *P'N'P, от Print & Play*) – «распечатай и играй», набор материалов для самостоятельной распечатки и (или) изготовления настольной игры», ***ресурсы*** (англ. *resources*) – «деньги, карты, материалы и т. п., то, что необходимо для выполнения определённых игровых действий», ***тайл*** *(англ. tile)* – большой жетон в форме квадрата, на который нанесено изображение участков местности; ***филлер*** (от англ. *to fill*) – простая и быстрая (в пределах 30 минут) игра», ***юнит*** (англ. *unit*) – «боевая единица, отряд или солдат» [http://www.boardgamer.ru/slovar-nastolshhika] (в данном случае приводятся только непосредственные заимствования, хотя носителями данного социолекта широко используются и кальки, и преобразование значения русских слов под влиянием английских).

Важно отметить, что для отдельной социальной группы данные единицы не являются ни иноязычными вкраплениями, ни экзотизмами, а используются в соответствующем варианте языка в качестве полноправных членов системы, отличающихся только своим происхождением. Проявленная инициатива в использовании отмеченных единиц может быть поддержана другими членами социума, если в данном случае кодируется важный фрагмент общей для них картины мира.

Для любого языка естественно стремление к поиску оптимальных способов выражения сигнификатов, а также к расширению сферы своего влияния в социуме, что проявляется, в частности, в функционировании социальных вариантов, поскольку их формирование находится в прямой зависимости от таких характеристик языка, как мотивированность и немотивированность, конвенциональность и интенциональность. Эти характеристики определяют перспективы вхождения инноваций в систему языка; возможности сосуществования в номинативной системе единиц, реализующих общий сигнификат в различных позициях; степень значимости сосуществующих в языке номинативных средств, количество и качество которых может привести к существенным преобразованиям отдельных участков системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология): учеб. пособие / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1982. – 135 с.
2. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М.: Прогресс, 1972. – С. 81–93.
3. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / А. Н. Рудяков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 168, т. 1. – С. 7–10.
4. Словарь социолингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко) / В. Ю. Михальченко. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
5. Ткаченко О. Б. Українська мова и мовне життя світу / О. Б. Ткаченко. – К.: Спалах, 2004. – 272 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2000. – 685 с.

Л. И. Дука (г. Запорожье)

ПРАГМАТОНИМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На фоне многочисленных исследований ядерных подсистем русского ономастикона – антропонимии и топонимии, наименование товарных знаков остаются в тени научного интереса. Существуют работы, описывающие прагматонимы в основном советского периода (Н. В. Подольская, Л. Н. Щетинин, Т. А. Соболева, З. П. Комолова и др.). Данное исследование обусловлено необходимостью комплексного анализа товарных знаков как языковых единиц, в силу своей распространенности и высокой степени воспроизводимости в современном коммуникативном процессе.

Поскольку состав прагматонимов, традиционно считавшийся периферийным, существенно обновляется и расширяется в постсоветское время, исследование современных наименований является актуальным в сфере семантики, которая определяет развитие данной подсистемы и позволяет выделить новую информацию в процессе общения.

При семантическом подходе выход из эвристического противоречия Н. Никитин, И. Стернин, И. Сентенберг и другие ученые пытаются найти за счет переструктуризации значения, выделение новых компонентов значения и т. п.

В речи прагматонимы осуществляют функции способов воздействия: прагматически сориентированы они актуализируются в речевых актах как иллокутивно заданные. «Иллокутивная цель – это установка на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании» [1, с. 52].

В концепции антисемантичности товарных знаков игнорируется тот факт, что указанный объект всегда соотносится с другими объектами и предметами данного вида, а также с другими типами подобных и неподобных объектов и предметов, в чем заключается одно из проявлений познавательно-классификационной деятельности сознания человека и реальное воплощение аккумулятивной функции языка [3, с. 62].

Целью данного исследования является выявление новой информации в семантической структуре прагматонимов, значение которых проявляется в особом характере соотношения между означаемым и означающим.

Опираясь на классификацию знаков американского исследователя Ч. Пирса, сделана попытка проанализировать наименования продуктов питания в семантическом аспекте и их актуализации в тексте.

В семантической структуре прагматонимов необходимо выделить товарные знаки, характеризующиеся способностью данной единицы указывать на обозначаемый объект исключительно в силу свойств, присущих ее означающему, а также употребляться в речи в качестве первичного искусственного языкового знака (карамель *«Слами»*, чай *«Лисма»* и др.). Такие наименования характеризуются двумя подтипами знаков: прагматонимами с доминированием плана выражения, в составе которых

© Дука Л. И., 2013

выделены названия с исходной установкой на благозвучность (маргарин *«Делми»*) и неблагозвучность (жевательная резинка *«Хубба Бубба»)* и прагматонимы с затемненной внутренней формой (чай *«Эдо»).*

Способность языкового знака отражать свойства референта реализуется в процессе трансонимизации антропонимов и топонимов (конфеты *«Виктория»,* шоколад *«Аленка»,* сливочное масло *«Полтавчанка»,* печенье *«Карпаты»).* Это товарные знаки, где употребляются существующие слова в новой для них функции. Становясь названием продуктов определенной товарной категории, они способны одним только планом выражения сообщить потребителю стартовую информацию о характере денотата *(«Олимп», «Хортица»* – названия алкогольной продукции). Такие онимы привносят в значения товарных знаков семы дополнительной сигнификации, отражающие отличительные свойства денотатов, образованных от конкретной семантической модели Например, многим товарным знакам характерны образования по модели «фамилия производителя на *-ов, -ев, -ин* + название товара, которым свойственны фоновые семы «высокое качество», «ответственность производителя за выпускаемую продукцию», «традиционность» (водка *«Мягк**ов**», «Шуст**ов**»*). Все чаще данные суффиксы приобретают элементы иноязычного форманта *-офф* (водка *«Немирофф»*).

Общим свойством всех прагматонимов является их направленность на свойства референта как реальные, предметные, объективно присущие товару, так и воображаемые, приписываемые ему искусственно в процессе маркетинговой коммуникации [3, с. 59]. Большинство таких товарных наименований представлено неологизмами, искусственно образованными путем словообразовательной деривации: йогурт *«Растишка»*, соус *«Паприки»*, подсолнечное масло *«Славия»* и др. Положенный в основу признак может придаваться как корневой морфеме, так и словообразовательным аффиксам. Слоган «*Слава, купи мне **«Славию»**!»* употребляется изначально для выражения побуждения к действию, о чем свидетельствует глагол побудительного наклонения. Кроме того, здесь имеет место языковая игра, что представлено столкновением прагматонима и личного имя, а формант *-ия* придает товарному знаку возвышенность и надежное качество.

Аналогичную функцию выполняет и известный бренд «*Съежь сладкую парочку «**Твикс**»!»* (шоколадные палочки), что поспособствовало обыгрыванию его в устной публичной речи для характеристики лиц: «*Они хорошо смотрятся вместе – **«сладкая парочка «Твикс»*** (К. Собак. **–** ТВ: Интер. – «Две звезды». – 04.03.2012).

Некоторые прагматонимы в публицистической речи способны актуализировать семантический потенциал многими языковыми средствами. Убеждающая информация должна быть эмоциональной, и этот эмоционально-воздействующий эффект достигается путем омонимии, чему и послужил диалог двух приятельниц, опубликованный в журнале «Отдохни»: «*–Что-то тебя давно не видно! Ты где пропадаешь? – **«Докторскую»** делала. – Диссертацию?! – Нет, колбасу!*» (Отдохни. – 2006. – № 1. – С. 24). В данном тексте столкновение прагматоним и апеллятив способствует успешной интеракции.

Кроме названных групп товарных знаков, необходимо выделить прагматонимы–прецедентные имена, что обусловлено известностью исходного имени всем представителям национального лингво-культурного сообщества. Рассматривая семантику таких товарных знаков, нужно отметить те, в которых отражен состав товара (торт *«Медовик»,* мороженое *«Фруктовое»*); материальные характеристики товара, отражающие семы «цвет», «размер», «вкус», «форма», «особенности внешнего вида» (мороженое *«Сырок», «Хрустик»,* торт «*Муравейник»*, соус *«Белый»* и др.); назначение товара (колбаса *«Бутербродная»,* майонез *«Чесночный»,* печенье *«К чаю»* и др.). Особую группу составляют прагматонимы, отражающие символы русской культуры (водка *«С легким паром!»*, шоколад *«Чайка», «Сказки Пушкина», «Покров», «Русь-тройка*» и др.).

Таким образом, прагматонимы являются особым сегментом ономастического пространства и характеризуются специфическим характером референции и неоднородностью семных структур, что обусловлено их соответствием языковой компетенции потребителя. Товарные наименования продуктов питания широко используются носителями языка в повседневной речи, что связано с популяризацией рекламной продукции в средствах массовой информации. Оставаясь постоянно «на слуху», товарные знаки используются как сравнительные элементы в фольклоре, в устной и письменной речи, входят в состав современных паремий, реализуя свой прагматический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Введение в прагмалингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 152 с.
2. Соболева Т. А. Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская; отв. ред. В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1986. – 172 с.
3. Яковлева О. Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика / О. Е. Яковлева // Сибирский филологический журнал. – № 1–2. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 59–74.

К. В. Дюкар (м. Харків)

ОСОБЛИВОСТІ СТРУКТУРИ Й СЕМАНТИКИ ОКАЗІОНАЛЬНИХ ІМЕННИКІВ ІЗ АБСТРАКТНИМ ЗНАЧЕННЯМ У МОВОТВОРЧОСТІ Т. МЕЛЬНИЧУКА ТА С. САПЕЛЯКА

Мова як основний засіб спілкування нерозривно пов’язана з тим середовищем, у якому функціонує. Комунікативна система безпосередньо залежить від актуальних процесів і змін у суспільстві, що вимагають від неї динаміки та гнучкості. Особливо виразно строкатість і змінність мовних засобів простежується в художній літературі, зокрема поезії, на словотвірному рівні. Показовими в цьому плані, на наше переконання, є інноваційні неузуальні одиниці. Із кінця ХХ – початку ХХІ століття інтерес учених до останніх лише зростає, тому поодинокі праці, присвячені проблемам нових слів у мові, О. Земської, Е. Ханпіри, О. Ликова, В. Лопатіна змінили ґрунтовні й багатоаспектні дослідження з неології й оказіоналістики Ж. Колоїз, Д. Мазурик, О. Жижоми, О. Сербенської, К. Брітікової. Наразі поряд із розробленням загально теоретичних питань підвищується увага й до проблем, пов’язаних зі структурою, семантикою, особливостями функціонування нових слів (В. Герман, Л. Гливінська, О. Турчак). Крім того, усе більше науковців (О. Попова, Т. Юрченко, Г. Вокальчук та інші) досліджують неузуальні інновації у творах художньої літератури. Попри значну увагу лексикологів, неологів, семасіологів, стилістів і граматистів до різних аспектів авторської деривації (структура, семантика, особливості функціонування), субстантивні неканонічні новації з абстрактним значенням у творчості Т. Мельничука та С. Сапеляка окремо не вивчалися. Отже, метою нашої роботи є з’ясування структурно-семантичних особливостей оказіональних іменників із абстрактною семантикою, які вживаються в поетичній мові Т. Мельничука та С. Сапеляка. Основною джерельною базою стали такі збірки віршів: «Поезії» у трьох томах Т. Мельничука, «Во ім’я Слова», «Тривалий рваний зойк», «Без шаблі і вітчизни» С. Сапеляка. Аналіз явища оказіональності в мовотворчості поетів здійснюємо в компаративному аспекті, фіксуючи різного рівня структурно-семантичні відхилення від узуальних канонів.

Субстантивні деривати становлять найбільшу групу оказіоналізмів у поезіях Т. Мельничука та С. Сапеляка. Найпродуктивнішим із морфологічних способів словотвору неузуальних іменників є суфіксальний. У межах авторських неканонічних новацій домінують одиниці на позначення абстрактних понять. Словотвірні засоби, що виражають цю семантику, у поетів різні. Так, однією з найпродуктивніших в узусі моделлю із суфіксом *-ість* послуговується і С. Сапеляк, утворюючи поодинокі неузуалізми

© Дюкар К. В., 2013

на зразок *сторон**ість***, *троноємственн**ість***. Зазначені слова цікаві не лише своєю подекуди надскладною структурою та затемненістю семантики, а й інтерпретаційною варіативністю. Звертаємо увагу на неологізм *сторон**ість***, який, судячи із загального змісту контексту, мотивується субстантивом *сторона*: «*котилося коло ⁄ з діжечки-барила ⁄ понад потічок ⁄ ще й летіла горлиця ⁄ чумаченьком чалим ⁄ понад полем-суходолем ⁄ там купайла там купайла ⁄ гей бояри прикотили ⁄ і в калині-калиноньці ⁄ забарились ⁄ в святойванському жупані ⁄ гей купайло ⁄ красні китиці ⁄ шлюбносвата-льні ⁄ купайлекупайле ⁄ з якої **стороності**…? ⁄ – парубоцької…*» [4, с. 67]. Ідеться про порушення норм сполучуваності твірної бази й афікса, оскільки в сучасній українській літературній мові слова з *-ість* становлять переважно відад'єктивні похідні: *рад**ість*** ← *радий*, *певн**ість*** ← *певний*, *сміливість* ← *сміливий* тощо. Наголошуємо також на тому, що аналізований оказіоналізм у цілому повторно номінує реалію, названу мотиватором, адже з висловлювання стає очевидним, що мова йде про сторону (бік) у значенні «лінія спорідненості». Це, на наше переконання, зумовлено низкою концептуальних вимог поета до змісту строфи, які потребували не просто редуплікації значення «запрошені з боку парубків», а особливої форми. Утворення нового слова не могло не позначитися на семантиці деривата – з'явився іменник із високим ступенем абстрактності.

У віршах Т. Мельничука з формантом *-ість* функціонують здебільшого узуальні одиниці (*зимн**ість***, *осінн**ість***, *удовин**ість***), що не мають відхилень від словотвірних норм літературної мови, хоча трапляються й окремі приклади оказіональних похідних на зразок ***зависть*** із трансформованим відповідником суфікса *-ість*. Для цих неодериватів властивою є структурна та смислова складність. Остання, зокрема, виявляється в тому, що поза контекстом оказіоналізм помилково можна потрактувати як діалектний варіант слова «заздрість». Інновація, однак, означає заметіль: «*…і не страшна нам буде сніжна **завись**ть ⁄ січнева не злякає заволока ⁄ і пустить Україна скіфську зав'язь ⁄ таких, як ми скіф'яток волооких*» [1, с. 239–240]. Словосполучення «сніжна заздрість», без сумніву, є метафоричним осмисленням понять «метелиця», «хуртовина», «сильний вітер зі снігом». Із одного боку, припускаємо, що новація *завись**ть*** постає на базі образної аналогії – під дією вітру сніг кружляє, утворюючи завитки. Із другого, – не виключаємо можливості того, що під неологізмом автор має на увазі подібні до виття звуки, характерні для явищ природи (виття вітру, завивання метелиці). Крім того, поетичні твори – це, насамперед, художнє осмислення дійсності, у якому органічно сполучаються образно-візуальні, звукові, органолептичні характеристики явищ. Зважаючи на це, одиниця ***завись**ть*** може становити елемент так званого прийому синестезії, який передбачає поєднання в одному тропі різних асоціацій, пов'язаних із природною здатністю людини переживати й синтезувати враження, одержані від кількох органів чуття. Оскільки нами з'ясовано, що оказіоналізм на образно-асоціативному рівні пов'язаний із процесом завивання (й у значенні «закручувати», й у значенні «утворювати звуки»), то припускаємо такий напрямок похідності: ***завись**ть*** ← *завивати*. Фіксуємо оказіональне поєднання дієслівної твірної бази з *-исть*, який в узусі бере участь у творенні відприкметникових похідних.

Менша кількість інновацій, утворених за високопродуктивною в літературній мові моделлю з *-ість*, у віршах Т. Мельничука не свідчить про відсутність оказіональних абстрактних номенів у його ліриці як таких. Поет обирає інші засоби, серед яких малопоширений у нормативному словотворі деривaційний тип із суфіксом давнього походження *-інь*. Констатуємо, що оказіоналізми з цим афіксом частотно одні з найпоширеніших у мовотворчості поета, наприклад: *макітр**інь***, *місяц**інь***, *хвост**інь***, *журбот**інь***, *морозінь*, *чужінь* тощо. В узусі іменники цієї моделі є відприкметниковими похідними з семантикою простору: *височ**інь*** ← *високий*, *глибоч**інь*** ← *глибокий*, *широч**інь*** ← *широкий*. Натомість у поета найчастіше твірними виступають непохідні іменникові, рідше віддієслівні субстантивні чи девербативні основи: *міся-ц**інь*** ← *місяць*, *берез**інь*** ← *береза*, *журбот**інь*** ← *журбота*, *дрімот**інь*** ← *дрімота*, *терп**інь*** ← *терпіти*. Фіксуємо неканонічне поєднання твірної бази й суфікса, що дає

змогу констатувати оказіональність аналізованих мотиватів. Звертаємо також увагу на варіативність мотивації деяких одиниць (дієслівну, прикметникову чи субстантивну), що вже свідчить про вихід за межі нормативного словотвору: *морозі**нь*** ← *мороз*, *морозити*; *весел**інь*** ← *веселити*, *веселий* тощо. Наголошуємо на тому, що правильно встановити напрямок похідності можна лише в контексті, оскільки поза ним останній приклад за аналогією до узуальної деривaційної моделі можна вважати відприкметниковим похідним. Така полімотивованість, до речі, становить одну з особливостей іменникового словотворення Т. Мельничука. Окрім того, помітною рисою інновацій, яка також засвідчує їхній вихід за межі узусу, є те, що ці одиниці здебільшого позбавлені локативності, властивої нормативній деривації. Акцентуємо на тому, що загальне значення абстрактності мотивовані одиниці зберігають.

У ліриці С. Сапеляка словотвірна модель із суфіксом *-інь*, за якою утворюються похідні на зразок *терп**інь***, виявилася найменш продуктивною. Фіксуємо також окремі випадки деривації новацій цього типу із *-инь* – трансформованим відповідником суфікса *-інь*, наприклад, *сліпот**инь***. Мотиваторами таких інновацій переважно є дієслова й іменники замість передбаченого узусом прикметника: *терп**інь*** ← *терпіти*, *сліпо**тинь*** ← *сліпота*. Засвідчуємо вихід за межі узуального деривaційного процесу внаслідок порушення норм сполучуваності твірної основи й форманта. Особливістю оказіоналізму *сліпот**инь**є* те, що в контексті він метафоризується й позначає істоту, імовірно, жінку: «*З келішечком в руці і з квіткою чужою.⁄Стояла Ти… Моя стояла **сліпотинь**…⁄Любове, Ти?.. Жовтіє квіточка левкою…*» [4, с. 115]. Зазначимо, що в узусі похідних, утворених за допомогою форманта *-инь(-інь)*, на позначення істот віднайти не вдалося. Особливості функціонування безпосередньо пов'язані з непрозорістю семантики неодеривата, наближення до значеннєвого ядра якої вимагає не лише залучення контексту, а й асоціативного зіставлення на базі логіко-змістових зв'язків оказіоналізму з мотиватором «сліпота». Словники фіксують переносне вживання цього слова: «Нездатність, невміння помічати те, що відбувається навколо, правильно оцінювати його» [5, с. 364]. Відповідно до цього можемо говорити, що новація позначає жінку, через яку ліричний герой не помічає й не може адекватно оцінювати нічого довкола себе. Такий своєрідний метафоризований синтез формує семантику неодеривата, що вимагає особливої форми, якої в межах узусу С. Сапеляку віднайти не вдалося. Важливо зазначити, що трансформація суфікса *-інь*, імовірно, пов'язана з намаганням автора уникнути помилкової інтерпретації оказіоналізму. Ідеться про те, що з цим афіксом новація мала б вигляд *сліпот**інь**і* на рівні логіко-асоціативних зв'язків могла розпадатися на компоненти «сліпий» і «тінь», що абсолютно не вписується у визначену концепцію й загальне змістове навантаження поезії.

Отже, оказіоналізми зі словотвірними афіксами *-ість(-исть)*, *-інь(-инь)*, *-от(а)* утворюються переважно за відомими українській літературній мові словотвірними моделями, які відповідно до вимог контексту зазнають структурно-семантичних модифікацій унаслідок незвичних поєднань твірних баз і формантів, а також низки супровідних семантико-граматичних змін. Констатуємо множинність комбінацій оказіонального поєднання твірної бази та деривaційного форманта в межах однієї словотвірної моделі в мовотворчості С. Сапеляка, що, безсумнівно, становить одну з особливостей його ідіостилю. Звертаємо увагу на кількісне домінування абстрактних оказіоналізмів із посткореневими афіксом *-інь* у словотворчості Т. Мельничука, на відміну від поодиноких прикладів неузуальних субстантивів цієї моделі в поезіях С. Сапеляка. Окремо відзначимо виявлену нами пряму залежність між установленням напрямку похідності, множинністю мотивації похідних, їхньою інтерпретаційною й семантичною надскладністю та контекстом. Таким чином, аналіз оказіональних іменників із абстрактним значенням становить перспективний напрям, що потребує подальшого вивчення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Мельничук Т. Ю. Поезії : у 3-х т. / Т. Ю. Мельничук. – Коломия: Вік, 2003. – Т. 2. – 255 с.

2. Нелюба А. М. Черезкрокове словотворення й інноваційні явища в українській мові (на зразках суфіксальних дериватів) [Електронний ресурс] / А. М. Нелюба // Вісник Дніпропетров. нац. ун-ту. Серія Мовознавство. – 2009. – Вип. 15. – Т. 1. – Режим доступу : http//www.nbuv.gov.ua/ Portal/Natural/Vdpu/ Movozn/ 2011_17_1/article/ 5.pdf.
3. Плющ М. Я. Граматика української мови : у 2 ч. Ч. 1. Морфеміка. Словотвір. Морфологія: підручник / М. Я. Плющ – К.: Вища шк., 2005. – 286 с.
4. Сапеляк С. Є. Во ім'я Слова : Поезії / Степан Євстахійович Сапеляк. – Х.: Майдан, 2007. – 154 с.
5. Словник української мови : в 11 т. / [за ред. І. К. Білодіда]. – К.: Наук. думка 1971. – Т. 9. – 832 с.

С. Ю. Жарко (м. Дніпропетровськ)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ЗРУШЕННЯ В СИСТЕМІ ВІДДІЄСЛІВНИХ ІМЕННИКІВ

Стрімкі зміни в лексиконі української мові на зламі XX–XXI століть зумовили зосередження уваги вітчизняних лінгвістів, зокрема Є. А. Карпіловської, Н. Ф. Клименко, Ж. В. Колоїз, О. А. Стишова тощо, на процесах становлення та нормування її словникового складу.

Значний і досить різноманітний масив номінацій мови становлять віддієслівні деривати, оскільки дієслово було й залишається потужною базою для формування новотворів і зазнає трансформацій, спричинених як лексичною, так і синтаксичною дериваційю. Мета нашого дослідження – простежити структурно-семантичні зрушення в системі віддієслівних іменників на сучасному етапі розвитку мови.

Закономірності утворення віддієслівних дериватів зумовлені, зокрема, семантичною природою дієслова – називати ситуацію, учасники якої можуть іменуватися окремими словами, у тому числі й твірними. Оскільки дія передбачає місце, де вона відбувається, час її протікання, виконавця чи знаряддя дії, цей момент стає семантичною основою для розгортання відповідного словотвірного гнізда й утворення посутньо відмінних похідних найменувань.

Таким чином, зміни в системі віддієслівних номінацій зумовлені, перш за все, з'явою цілої низки віддієслівних новотворів. Найбільшу групу з них становлять іменники на означення осіб як виконавців дії, названої мотивувальним дієсловом, а саме: *очільник, вручант, розчарувальник, мітингувальник, репрезентатор, пошуковик, приватівець, тусівник* тощо. Наприклад: *Студенти Рівненщини озвучили* ***очільнику*** *області проблеми, які нині їх турбують, а це працевлаштування, житлове питання, облаштування студентського побуту та інші* (ЛУ, 12.06.12, с. 32**)**; *Тільки майдан зупинив наступ антинезалежницьких рейтингів, але не самих «****розчарувальників****»* (ЛУ, 12.06.11, с. 30); *Він (Рибаков) обернувся довкола, виловив десяток знаних московських* ***тусівників*** (ПіК, 21.04.12, с. 41).

Крім найменувань осіб, поповнюють склад віддієслівних дериватів іменники зі значенням «об'єкт або результат дії, що названа мотивувальним дієсловом», зокрема: *приносини, забої, паркування, тягучка.* Наприклад: *Побіжний погляд на* ***приносини***: *гарний друк, гарний папір* (ЛУ, 7.06.12, с. 1); *Деякі учасники хоча й нарікали на синці та* ***забої****, але жартома* (Tonis: Соціальний пульс, 21.01.13); *Пропозиція платити за* ***паркування*** *через мобільний не сприймається* (СТБ: Вікна – Новини, 07.11.11).

Серед віддієслівних іменникових новотворів помічено також синтаксичні деривати. Наприклад: *гасанина, перепроба, зауваги* тощо. Однак, на відміну від попередніх, вони здебільшого іменують реалії, названі іншими субстантивами, як-от: *гасання, зауваження,* що тотожні за значенням з новотворами. *Порівняйте: Гасанина по малих містах і містечках Австрії, Швейцарії, Швеції, Німеччини стає неминучою похідною від міжнародної літературної кар'єри* (СТБ: Вікна – Новини, 17.12.12). *На Прикарпатті гасання ночами на автівці знову призвело до загибелі молодого хлопця* (СТБ:

© Жарко С. Ю., 2013

Вікна – Новини, 01.02.11). Формування аналізованих іменників зумовлене, очевидно, пошуками нових, більш зручних для нашої мови форм.

Отже, наступною тенденцією розвитку системи віддієслівних іменників є пошуки нових або активізація більш природних для української мови форм, моделей, які б демонстрували її національні риси. Цьому є доказом також той факт, що поряд з уживаними в мові іменниками *читач, креслення, відвідування, грабіж* зараз залучають до використання слова *читальник, кресленик, креслюнок, відвідини, грабунок,* тотожні за значенням з попередніми. Таким чином, відбувають певні зміни в структурній організації номінацій, те саме значення або ж утілюється в новій формі, або повертає «забуту». На переконання Є. Карпіловської, «конкурування номінацій відбиває діяльніший, активний аспект сучасної україномовної номінації. Водночас воно великою мірою спричинене і задане системою мови, наявними в ній моделями домінування та засобами їхнього оформлення…» [2, с. 5-6].

Зрушення в системі віддієслівних іменників пов'язані також з семантичними змінами в структурі деяких лексем. Так, іменник *перемовини* («Те саме, що розмови» [1, с. 7]) останнім часом у ЗМІ уживають у значенні «переговори», про що свідчить використання цих іменників в одному контексті та застосування деривата *перемовини* замість похідного *переговори.* Порівняйте: ***Перемовини*** *щодо розблокування роботи парламенту продовжаться о 18.00. Про це на брифінгу в Верховній Раді сказав лідер УДАРу* ***Віталій Кличко****. За його словами,* ***переговори*** *триватимуть до того часу, поки не буде остаточно узгоджено питання персонального голосування* (СТБ: Вікна – Новини, 22.02.13).

Отже, зміни в системі віддієслівних іменників зумовлені, по-перше, утворенням нових номінацій; по-друге, активізацією власне мовних ресурсів, зокрема формуванням чи поверненням більш природних для мови моделей, які демонструють її національні традиції; і по-третє, семантичними зрушеннями в структурі деяких дериватів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К., Ірпінь: ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
2. Карпіловська Є. Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій / Є. Карпіловська // Українська мова. – 2007. – № 4. – С. 3–15.

Р. В. Забашта (м. Сімферополь)

ПОЗИЦІЙНІСТЬ У НОМІНАТИВНІЙ СФЕРІ МОВИ

У лінгвістиці останніх десятиліть статус слова як одиниці лексичної системи був предметом пильної уваги науковців, що зумовлено, з одного боку, зверненням до ономасіологічної проблематики, а з іншого – спробами розробити таксономію, що охоплює все різноманіття типів мовленнєвих маніфестацій.

Саме розумінням вторинності, «нецентральності» слова в процесах мовної діяльності можна пояснити появу цілої низки праць, в яких здійснюються спроби побудови нових моделей номінативної системи. Ці дослідження орієнтовані на опис структурних і змістовних закономірностей номінативного складу. У роботах обґрунтовується необхідність впровадження особливої одиниці, за допомогою якої можна пояснити системні якості об'єкту: семантеми (Ж. П. Соколовська, О. М. Рудяков), номеми, номінативного ряду (В. М. Нікітевич), номінатеми (В. І. Теркулов), синтаксичного ряду (Н. Ю. Шведова), аналітичної лексеми (Т. Л. Бородіна), сінлексу (Г. І. Климовська) та ін. Незважаючи на різне розуміння зазначених термінів, ці роботи можна об'єднати на підставі спільності постульованого в них несловоцентристського підходу до дослідження лексики.

© Забашта Р. В., 2013

Метою пропонованої статті є загальна характеристика функціонально-ономасіологічних засад у вивченні лексики та виявлення типологічних ознак позиційності в номінативній сфері мови.

У результаті осмислення мовознавцями ономасіологічної проблематики постало питання про адекватний опис тезаурусу, зокрема, номінативних одиниць, здійснюваних ними окремих функцій і закономірностей їхньої мовленнєвої реалізації в комплексі різноманітних умов – певних позиціях. Таким чином, необхідним гносеологічним кроком стає визначення поняття «позиція номінації», тобто виявлення відмінних особливостей лексичних позиційних чергувань від фонетичних та граматичних і подальший їх опис.

Українські мовознавці наголошують необхідності зміни гносеологічного кута зору в розгляді складових мовної системи та втіленні синтезу в дослідження її номінативних ресурсів. Як відзначає Г. Хмара, «у сучасній лінгвістиці постала необхідність вивчення мовних одиниць не тільки з огляду структурно-семантичних ознак на якомусь із рівнів мови, а й з огляду виявлення загальних закономірностей і тенденцій у їх номінуванні, причин такого називання на найрізноманітніших складових національної мови (літературний, жаргонний, просторічний, діалектний) як єдиного явища, комплексне вивчення і встановлення загальних закономірностей типів номінації» [12, с. 427]. Слушним видається уточнення ономасіологічного аспекту, оскільки термін «номінація» набуває різного змістовного наповнення залежно від предмету дослідження.

Прийнято розрізняти «внутрішній» і «зовнішній» аспекти номінації. Значно більш розробленою стороною праць, що присвячені питанням функціональної семантики, є так званий «внутрішній» аспект номінації (умовно його можна представити як відношення «ім'я – факт»). А. А. Уфімцева відзначає, що номінація – це «процес перетворення фактів позамовної дійсності в надбання системи і структури мови, в мовні значення, що відображають у свідомості носіїв мови їхній суспільний досвід» [13, с. 13]. Отже, «внутрішній» аспект розгляду номінації полягає в описі процесів семіозису, тобто знакових відносин іменування по моделі «смисл – ім'я – дійсність». Незважаючи на значну розробленість структурно-семантичних питань номінації, менш вивченим залишається діяльнісний аспект, «зовнішній» (при ньому виявляється важливим відношення «ситуація – іменування»). Специфіка даного аспекту вивчення номінації полягає в тому, аби виявити і описати типові ситуації номінації, у яких протікає кожен конкретний мовленнєвий акт. Інакше кажучи, функціоналіста більше цікавить питання про те, що і як використовувати «тут і зараз», ніж питання про те, чому саме така по своїй внутрішній і зовнішній формі одиниця існує в системі мови. Наша робота спрямована на вивчення діяльнісного, або «зовнішнього», аспекту номінації.

Орієнтація на вивчення ресурсів мови в напрямі від змісту до засобів вираження призводить до розширення традиційного об’єкту лексикології: «Поняття «номінативний склад мови» в лінгвістичній науці останніх десятиліть перебуває в постійному розвитку – як в плані його об’єму, так і в плані змісту. Це поняття в 80-ті роки прийшло на зміну більш вузькому поняттю «словниковий склад мови» і його термінологічних синонімів «лексичний склад», «лексична система». Розширення цього поняття пов'язано з тим, що, по-перше, наявність номінативного аспекту (функції) стали визнавати за так званими вільними словосполученнями (О. В. Нікітевич) і навіть за реченнями (Н. Д. Арутюнова), а, по-друге, в рамки номінативного складу мови були введені деякі складені одиниці» [5, с. 170]. Слова як номінативні елементи об’єднуються в комплекси (словосполучення, фразові номінанти) задля вираження змісту денотату, що відрізняється наявністю багатьох смислових ознак. Сукупність цих ознак, як правило, не є представленою в готовому вигляді в мовній системі як окрема одиниця, оскільки предмети дійсності та їх різноманіття є практично неозорими, а ресурси мови й інтелектуальні можливості мають межі. Саме тому номінативні елементи можуть бути об’єднані, згідно з існуючими у конкретній мові моделями, в складену одиницю для передачі актуальної інформації про який-небудь фрагмент світу, позамовну ситуацію і т. п. Особливість цієї призначеності елементарних одиниць зумовлена функціональ-

ним чинником: надавати мовцю ресурси для іменування понять, що мають великий об'єм. В. Г. Гак прокоментував дану обставину наступним чином: «Відмінна риса природних мов полягає в тому, що вони являють собою знакову систему з необмеженим числом повідомлень. <...> Ця універсальність мови в плані вираження, її здатність іменувати що завгодно, передати будь-яку інформацію є настільки ж необхідною для еволюції людини як біологічного виду, як і її здатність постійно удосконалювати знаряддя, пристосовуючись до навколишнього світу» [1, с. 75–76].

На наш погляд, однією з найбільш адекватних моделей, що відбивають основні закономірності номінативної системи, в дусі інструменталістського розуміння її призначеності, є функціональна модель лексики, запропонована в працях О. М. Рудякова [9; 10; 11 та ін.]. Основним поняттям цієї концепції є *семантема* – одиниця номінативної системи, що представляє собою єдність сигніфікату та різноманітних засобів його вираження в мовленні. Вибір одного з номінативних засобів у конкретному випадку залежить від умов комунікації та мети самого мовця. Подібний підхід не оминає антропоцентричного аспекту дослідження мови [3, с. 7].

Найбільш затребуваним поняття «позиція» є в фонології, де воно означає «умови виголошення звуків» [8]. Слід звернули увагу на те, що використання терміну «позиція», по відношенню до різних мовних підсистем, вимагає уточнення його змісту. Як зазначає О. П. Касимова, «глибина дослідження даного поняття і вживання цього терміну при аналізі мовних фактів різних розділів мови і в різних роботах не є тотожними або навіть частково співпадаючими» [4, с. 59]. На наш погляд, необхідність уточнення змісту терміну «позиція» по відношенню до кожного мовного ярусу зумовлена різним функціональним навантаженням відповідної підсистеми: за словами Б. Ю. Нормана, «структура кожного рівня, відповідно до його функціональної специфіки, характеризується і своїм ступенем складності, і не можна шукати повної аналогії між будовою, скажімо, фонології та синтаксису. Тим не менше, певні паралелі тут можуть виявитися корисними» [6, с. 157]. Саме тому нам здається важливим зіставний аналіз типологічних ознак фонологічних і номінативних позицій.

Цінність семантеми як гносеологічного конструкту полягає в тому, що вона а) виявляє функціонально-семантичні особливості номінативної сфери в усьому її різноманітті, і ці особливості не суперечать когнітивним механізмам вибору номінантів при породженні висловлювань, б) стверджує первинність номінативної функції над формою і значенням (субстанцією), в) дозволяє інтегрувати в єдине поняття як однослівні номінанти, так і надслівні (словосполучення, фрази), г) відкриває перспективу вивчення позиційної варіантності засобів вираження сигніфікату.

У концепції функціональної семантики поняття «позиція» знаходить таке визначення: «Сукупність характеристик «середовища» (прагматичних, стилістичних, граматичних), що визначають можливість або необхідність даного варіанту семантеми» [10, с. 10]. Особливе значення в цієї дефініції мають слова «можливість» і «необхідність»: перше вказує на факультативний характер зміни варіантів семантеми, друге – на об'єктивне існування прагматичних пресупозицій, що мають приписуючий характер.

Відзначимо типологічні особливості номінативної позиції.

Необов'язковість. М. В. Панов у статті «Позиційні зміни значень у слів в залежності від тексту», порівнюючи фонетичне чергування з лексичним, робить цінне зауваження: «...фонетичне позиційне чергування не допускає вибору. Мовець не вирішує питання, включити механізм заміни або не включити. Цей механізм неодмінно повинен бути включений. При кожному виголошенні в описаних умовах (в даній позиції) відбувається заміна голосного. Слово у висловленні – плід одиничного вибору, прояв волі мовця: можуть сказати так, а можуть інакше» [7, с. 38]. При виголошенні, наприклад, слова «собака», людина, що говорить російською літературною мовою, не може вжити в позиції першого переднаголосного складу ані [о], ані [ь], ані [а], але тільки [Λ]. Однак при побудові зв'язного мовлення мовець в переважній більшості випадків має вибір, який номінативний елемент використовувати для вербалізації якоїсь ідеї, поняття.

Ресурсна оптимізованість. Якщо в фонології набір типових звуків, що призначені для експлікації фонеми, є вкрай обмежений, то в лексиці, завдяки моделюючому способу номінації, цей набір є відкритий і потенційно необмежений. Наприклад, поняття ‘поле’ можна семантизувати як *безлісна рівнина*, або як *не залісений плоский великий простір*, або як *ділянку суші без значних підвищень і знижень поверхні, позбавлений дерев* і т. п.

Регулятивна призначеність. В основу будь-якої теорії, що претендує на цілісний опис мовленнєвих процесів іменування та встановлення його системних закономірностей, повинен бути покладений принцип регулятивної призначеності. Цей принцип полягає в тому, що в номінативних одиницях «закладена здатність до модифікації засобів вираження в залежності від ситуації (позиції), в якій протікає акт впливу суб'єкта говоріння на співрозмовника» [9, с. 43].

Відносна функціональна тотожність. Варіанти семантеми характеризуються відносною функціональною тотожністю, тобто вони по-різному впливають на регулятивну сферу тексту, на розуміння і осмислення реципієнтом інформації (пор. такі засоби вираження семантеми ‘офіційний посередник між двома реальними сторонами з метою представлення чиїхось комерційних інтересів’, як *комерційний посередник*, *довірена особа*, *повірений*, *помічник у справах*, *фідуціара*; *треті руки*; *той, хто діє від чийогось імені з представлення комерційних інтересів* та ін.).

Суперсегментність. На зміну варіантів семантеми впливає як вибір мовця, так і ряди співвіднесених із єдиним поняттям номінантів, тобто зумовленість позиції фрагментами тексту. Сукупність позицій тексту, їхня якість, характер і дистрибуція можуть бути осмислені як стиль (див. більш детально [2]).

Підіб’ємо деякі підсумки.

Номінативна позиція відрізняється від фонологічної необов'язковістю, регулятивної призначеністю, ресурсною оптимізованістю, відносною функціональною тотожністю варіантів, суперсегментністю. Звертаючись до визначення номінативної позиції та спроб дати її загальний опис, видається доцільним враховувати наступні чинники: 1) співвідносність інваріанта і варіанта як функціональний механізм чергувань, 2) якість позиції: будову семантеми, тобто її типові засоби і мовленнєві модифікації номінативної форми, 3) регулятивну призначеність семантеми, 4) характер позиції: маніфестація семантеми в певних умовах, наприклад, прирощення значення, 5) одиниці більш великої протяжності – висловлювання, речення, смислові фрагменти тексту, в яких реалізується семантема, 6) тип тексту (стиль, адресність, сфера функціонування і т. п.), 7) індивідуально-авторський вибір засобів іменування (прагматична сфокусованість).

Виділені типологічні характеристики дають змогу звернутися до опису різновидів номінативних позицій, у тому числі в контрастивному аспекті при дослідженні українсько-російських лексичних відповідностей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 73–92.
2. Забашта Р. В. Речевая номинация в сфере позиционных чередований в лексике / Р. В. Забашта // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ / Крымский республ. ин-т последиплом. педагог. образования; науч. ред. А. Н. Рудяков. – № 3. – Симферополь, 2012. – С. 203–208.
3. Загнітко А. П. Сучасні лінгвістичні теорії: монографія / А. П. Загнітко. –2-ге вид., випр. і доп. – Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2007. – 219 с.
4. Касымова О. П. Позиция как системно-языковое понятие / О. П. Касымова // Вестник ВЭГУ. – 2007. – № 29/30. Филология. – С. 58–63.
5. Лобанова С. В. Вербальный акциональный фрагмент номинативного состава современного русского языка (на материале вербальной синлексики) / С. В. Лобанова // Современная филология: матер. Междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – Уфа: Лето, 2011. – С. 170–173.
6. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : С.-Петербургский ун-т, 1994. – 229 с.
7. Панов М. В. Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста / М. В. Панов // Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой; в 2-х т. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – С. 36–40.

8. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика : учеб. для ун-тов / М. В. Панов. – М.: Высш. шк., 1979. – 256 с.
9. Рудяков А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика / А. Н. Рудяков. – Симферополь: Таврия-плюс, 1998. – 224 с.
10. Рудяков А. Н. Функциональная семантика / А. Н. Рудяков. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.
11. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят : (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
12. Хмара Г. Номінація як об'єкт лінгвістичних досліджень: історія становлення та сучасність / Г. Хмара // Вісник Львів. ун-ту ; Серія «Філологія». – Львів, 2004. – Вип. 34, Ч. 1. – С. 423–427.
13. Языковая номинация. (Общие вопросы) / сост. Б. А. Серебренников и др. – М.: Наука, 1977. – 358 с.

И. И. Заваруева (г. Днепропетровск)

СЖАТЫЙ ТЕКСТ В СТАТЬЯХ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ

Основным структурным звеном любого словаря, как электронного, так и бумажного, несомненно, является словарная статья, которая определяется следующим образом: «Статья, разъясняющая заголовочное слово в словаре» [1]. В нашем исследования проводится анализ общих черт и отличий способов компрессии в традиционных толковых словарях и словарях электронных.

Словарная статья является неоднородной структурой, и ее лингвистический статус вызывает определенные дискуссии среди исследователей. Изучением различных аспектов словарных дефиниций занимались Ю. Д. Апресян, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, В. В. Дубичинский, А. И. Киселевский, Ф. П. Сороколетов, Н. Ю. Шведова и другие лингвисты. Вслед за Е. И. Панченко мы считаем, что словарная статья представляет собой особое речевое произведение, которое можно считать сжатым текстом. «Сжатый текст – это сообщение, объективированное подобно любому иному тексту в письменной форме, построенное путем сокращения полного текста либо созданное как изначально краткое, предназначенное при необходимости для дальнейшего развертывания в более объемный текст. Сжатый текст имеет повышенную информативную насыщенность по сравнению с первичным полным вариантом или текстом такого же объема, что достигается благодаря разнообразным обязательным и факультативным средствам всех уровней языка» [2]. Необходимость совершения особых операций для сжатия словарной статьи обусловлена ее основными функциями. Сжатые тексты создаются в результате своеобразного сочетания объективных (материальных и технических) и субъективных факторов, имеют обширную сферу функционирования; возможность их формирования базируется на таких языковых тенденциях, как языковая избыточность и языковая экономия, последняя реализуется в языковой краткости и языковой компрессии. Просматривая различные виды словарных статей в наиболее популярных толковых электронных словарях, мы видим такие способы компрессии, как использование графических сокращений, особые пометы, эллипсис той или иной части предложения и т. п. Следует отметить, что имеются определенные отличия между способами сжатия текста в электронном и бумажном словаре. В электронном словаре необходимость сокращения объема с технической точки зрения не является столь актуальной, так как существуют особые системы поиска. Выявлены следующие варианты соотношения степени сжатости словарной статьи в различных видах словарей.

1. Полное совпадение между традиционным словарем и его электронной версией. Данный случай наиболее типичен, когда создается электронная версия классических словарей типа словаря В. Даля, С. Ожегова и т. п. Следующая статья является идентичной в бумажном и электронном вариантах словаря.

ПРОВЕРЯТЬ, проверить что, поверить от начала до конца, все; перевернуть, сделать поверку. Проверяют считаное, считают вторично. Проверь итоги, проложи на счетах, сложи. Проверить урок, прослушать. Проверить калибр ружей,

© Заваруева И. И., 2013

смерять в точности и снова. Приемщик проверяет наличность по отчету сдатчика. Проверь-ка табличку умноженья, нет ли ошибки, шуточн. Не худо иногда самого себя проверять, отдавать себе отчет в делах и намереньях своих. -ся, быть проверяему. Провер м. проверка ж. действ. по глаг. Проверщик м. -щица ж. про(пере)веряющий что-либо. | Провер также количество проверенного; | ошибка в поверке, как просмотр, прочет и пр.

2. В электронном словаре может быть представлен более объемный вариант, в ряде случаев за счет использования «электронных» терминов – слов типа «далее», «переход на следующую страницу» и т. п. На примере толкования слова в электронной версии словаря мы видим такие единицы:

"Абитуриент"

/ ***Главная / Энциклопедический словарь / буква А /*** *Абитуриент*

(от новолат. abituriens - собирающийся уходить) - в большинстве стран - оканчивающий среднее учебное заведение. В России (традиционно) - поступающий в высшее учебное заведение (Орфография оригинала. – *И. З.*)

3. Электронный словарь включает более компрессированную словарную статью, что чаще происходит в новых, современных словарях, где используется значительное количество разнообразных сокращений и даже отсутствие пробелов:

движение – физическая величина, имеющая размерность произведения энергиина время. Если рассмотреть некоторую совокупность возможных движений механической системы между двумя ее положениями, то истинное (фактически-происходящее) ее движение будет отличаться от возможных тем, что для него значение движения является наименьшим. Это позволяет найти уравнение движения механической системы и изучить это движение (Орфография оригинала. – *И. З.*) (А-8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К., 2003. – 192 с.
2. Панченко Е. И. Лингвистика сжатого текста: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02. «Русский язык» / Е. И. Панченко. – Днепропетровск, 1998. – 371 с.
3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Режим доступа: http://vidahl.agava.ru/.
4. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. – Режим доступа: http://www.ozhegov.org/.

С. В. Зайцева (м. Дніпропетровськ)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ ТИПИ ОКАЗІОНАЛІЗМІВ В УКРАЇНСЬКОМОВНОМУ БЛОЗІ

Думка про те, що збагачення мови – це передусім поява нових слів, нових значень слів, нових виразів і стійких словосполучень, які нерідко є результатом індивідуального словотворення, надзвичайно поширена у мовознавчій науці. А в епоху суцільної глобалізації, інтернетизації та комунікативної інтеграції суспільства ця теза розглядається з позиції нових, часто діаметрально протилежних, точок зору. Доки одні мовознавці (М. О. Кронгауз, Л. Ю. Іванов), захищаючи нормативність та чистоту літературної мови, висловлюють побоювання щодо негативного впливу ненормованої он-лайнової комунікації на офф-лайн спілкування, інші з упевненістю утверджують право мови на розвиток, обумовлений сучасними соціальними, політичними, культурними та економічними змінами суспільства (Л. Ф. Компанцева, О. І. Горошко).

Нові лексеми, що входять до мовного вжитку, мають неоднорідну природу. Серед них виділяють загальномовні неологізми, створені для позначення нових фактів

© Зайцева С. В., 2013

дійсності та індивідуально-авторські, створені з художньою метою, які не стають частиною мовної системи і не виходять за межі комунікативної ситуації, у якій вони виникли, тому номінуються як оказіоналізми (від лат. occasionalis – випадковий). Досліджуючи цю групу лексики в українськомовних блогах, ми, слідом за Т. Г. Юрченко, визначаємо ***оказіоналізм*** як нове на певний час функціонування слово або стійке сполучення слів (нове за значенням і за формою, або тільки за значенням, або тільки за формою), створене за словотворчими законами цієї мови або з порушенням законів емпіричної продуктивності, яке відповідає потребам спілкування і ускладнене експресивно-оцінним значенням.

Нами оказіоналізми розглядаються як різні відхилення від лексичної норми, але не її порушення, тобто вони виникають за загальновживаними моделями, допускаючи при цьому відхилення від них у тому чи іншому відношенні. Експресивно-оцінний компонент значення оказіональних одиниць у досліджуваному нами жанрі інтернет-комунікації є чи не найвизначнішою рисою лексем цієї групи. Адже новонароджений автор-читач блогу понад усе прагне бути почутим, і така невгамовна жага мовотворчості призводить до появи великої кількості оказіоналізмів, які за структурно-семантичним критерієм можна поділити на іменникові, прикметникові, дієслівні та графемні оказіональні одиниці.

Іменникові оказіоналізми складають переважну більшість досліджуваної лексики, це пояснюється мовною потребою номінації насамперед нових предметів, реалій, явищ, понять тощо. Одним із способів творення лексем цієї групи є морфологічний, зокрема афіксація. За допомогою суфіксів: -ість, -ид, -л, інтенсифікуються оказіональні іменники із загальним значенням абстрактної ознаки: *українськість, російськість, окремішність, наказовість, мальовидло:*

«Якщо не відгородити оази *українськості* від пустелі *російськості,* пустеля переможе» [3] (орфографію та пунктуацію оригіналу збережено). Від іменників з суфіксами -ник, -ик на позначення людини за родом діяльності *шароварник, вишиванщик* за допомогою суфікса -ин утворюються похідні абстрактні узагальнені поняття з негативною конотацією: *шароварщина – вишиванщина.* Дериватину функцію виконують префікси, як питомо українські: не-, недо-, о- так й іншомовні: моно-, пост-: *недо-Україна, непатріотка, моно-Україна, пострада*. Наприклад:«Ой, не надо, бо знаю кількох таких які їх сприймуть серйозно і потім будуть мені зі слиною в роті доводити, що я цинічна *не патріотка* [4]. Композитні оказіоналізми утворені переважно на базі вільних словосполучень чистим основоскладанням: *інтелектофобія, дупкобіль такий більдупки, зомбоящик.* Активний спосіб словотвору – словоскладання – в Інтернеті набуває специфічних ознак: в одне слово об’єднуються різні за значенням, функціями й експресивністю слова, часом незрозумілі поза контекстом: «зі прагадуєте, чим завершився сердючкін *лашатумбай?*» [5]. Характерною рисою саме Інтернет-комунікації є каламбурна гра з власними назвами-оказіоналізмами, від яких можуть утворюватися оказіональні похідні: «На диво, ще й дотепер в працях з картвельського мовознавства можна знайти посилання на Марра, хоча його яфетична теорія це *"марразм"*» [4]. «Ви шо, не в курсі, шо тоді на Курукшетрійській дузі 100500-та коннострєлкова дивізія ім*. Іосіфа Віссаріоновіча Лєніна* перемогла тефотнський бронєлицарський корпус? Аяяй! Історію треба вчить виключно на російскіх підручниках» [6]. В межах цього способу можна виділити оказіоналізми на позначення назв партій, історичних періодів, топонімів: *як за Леніна-Сталіна-Хрущова, партія «Противдвох» та «Противсіх», «Партія За Все Гарне – Проти Всього Поганого», бздунецьколоханськ* та суфіксальні похідні: *противсіхство, бздунецьколоханськство, Борцунізм.* Іменникові оказіоналізми утворюються і за допомогою таких непродуктивних способів словотвору, як аналогія: *поцтріоти, ІТ-слюсар, московити;* та редеривація: «ті хто голосував проти всіх зробили *янекапрезом*» [7]. У межах способу виділяємо оказіональні слова-речення, що є характерним для спілкування в Інтернеті: «От є фронт тих, хто *"дєди ваівалі такую вайну виіграліˮ*, є фронт тих, кого *"били вбивали на чужину гнали".* А от третього немає» [5].

Одним із найпоширеніших способів утворення прикметникових оказіоналізмів є складні слова. Кількісно велику групу серед них становлять композитні словосполучення подекуди з навмисною перестановкою літер зі значенням оригінальної характеристики особи, предметів, явищ, процесів, станів, їхніх ознак, якостей, властивостей тощо: *шлунково-соціальний акт, державницький рефлекс, русо-англійська мова, тефотнський бронєлицарьський корпус, глобалійська мова, хтось совіцькомовний, об'єднано-списочна опозиція.*

Серед групи дієслівних оказіоналізмів простежуємо наслідування церковнослов'янського стилю мовлення для створення комічного ефекту: «…то може почнете *рєчіеть та мовіеть, а не язычіть*….» [8]; «Так вище за часів Тішайшого були Малороси, це при Петрі почали *начєртать* що ви *УКрая*» [8]. Остання лексема в прикладі свідчить про продуктивність графічних або графемних оказіоналізмів, які сприяють підвищеній інформативності завдяки семантичній конденсованості лексем [1]: *згідно "Вєчногоміра" з Рєччу ПосПоЛитою, рАсейскій, роССіяцькі, УКрая.* Наприклад: «Пам'ять Народу вже називають "РІДНИМ" для слов'ян словом *IcTOРЫя*» [8].

Окрім структурно-семантичних ознак оказіоналізми як мовленнєві явища залежать від зовнішніх (екстралінгвальних) і внутрішніх (інтралінгвальних) факторів та характеру відносин між ними. Перспективу подальших розвідок вбачаємо в системному дослідженні лексики українськомовного сегменту блогосфери.

ЛІТЕРАТУРА

1. Турчак О. М. Оказіоналізми в мові української преси 90-х років XX століття: автореф. дис. … канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / О. М. Турчак. – Дніпропетровськ, 2005. – 19 с.
2. Юрченко Т. Г. Оказіоналізми у творчості Павла Загребельного: структурно-семантичний і стилістичний аспекти: автореф. дис. … канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Т. Г. Юрченко. – К., 2003. – 18 с.
3. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://blog.i.ua/community/586/1039372/
4. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://kerbasi.livejournal.com/149234.html#comments
5. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://kerbasi.livejournal.com/149381.html#comments
6. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://blog.i.ua/community/586/992368/
7. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://kerbasi.livejournal.com/148764.html#comments
8. Електронний ресурс. – Режим доступу: http://blog.i.ua/community/586/992368/#p3

Е. С. Звягина (г. Симферополь)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Определение влияния социально-идеологических факторов на лексическую систему языка, выявление особенностей общественно-политической лексики в разные исторические периоды является одним из важных и дискуссионных вопросов в лингвистике XX – начала XXI века. Несмотря на большое количество трудов, разнообразие решенных проблем в сфере общественно-политической лексики, ряд задач до сих пор остается нерешенным. Так, взаимодействие политического словаря с другими тематическими подклассами, специфика активных процессов в семантической структуре слова нуждаются в глубоких разработках.

Общественно-политическая лексика как объект лингвистического описания покрывает часть словарного состава языка, которая обозначает понятия общественно-политической жизни и имеет в семантической структуре компоненты ‘общественный’, ‘политический’, ‘государственный’ и “идеологический’. Реагируя на социально-политические изменения, отражая новые стратегии общества и государства, общественно-политическая лексика становится важным индикатором изменений, зеркалом политических преобразований, происходящих в ту или иную историческую эпоху. Как показал анализ корпуса газетных текстов и научной литературы, одним из наи-

© Звягина Е. С., 2013

менее изученных и нуждающихся в разработке лексических фрагментов является общественно-политическая лексика конца XIX – начала XX века.

Изучение общественно-политической лексики в отечественной лингвистике имеет свои давние научные традиции и находит отражение в работах С. И. Карцевского, А. Г. Горнфельда, В. М. Жирмунского, А. М. Селищева, Л. П. Якубинского и др. Работы исследователей посвящены описанию изменений в лексической и стилистической системах языка, рассмотрению тенденций в развитии политического слова на материале публичных выступлений политических деятелей (Е. Д. Поливанов, С. И. Карцевский и др.), языка прессы (Г. О. Винокур, А. М. Селищев и др.), языка городского населения (А. М. Селищев, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и др.). Лингвисты приходят к выводу, что события революционного времени обусловили глубокие изменения в области номинативной функции языка. Так, с одной стороны, из словаря ушли многие единицы, связанные с прошлым социальным устройством России; с другой, – появилась острая потребность в новых словах, отражающих новые условия жизни [1; 2; 3]. Важной особенностью является расширение или изменение денотативного значения существующих слов, а также приобретение ими новых коннотативных значений, что связано с кардинально изменившейся социально-политической ситуацией в стране. Данные факты привели не только к изменениям в семантике слов, но и к новым сферам их употребления, что приводит к «упрощению языка».

Динамика общественно-политической ситуации в начале XX века, необходимость в номинации и дифференциации новых вещей, явлений и понятий стали причинами возникновения новых языковых единиц, отражающих реалии, ранее не типичныt для русского языкового сообщества. Эти изменения нашли отражение в лексикографической практике. Лексическая группа заимствованных слов начала XX века не является однородной и делится на тематические группы *государство, политика, экономика*, которые включают в себя названия политических движений, течений, направлений (*социализм, либерализм, марксизм*); названия общественно-политических групп и объединений (*коалиция, парламент, фракция*); наименования форм государственного устройства, организации власти (*республика, гегемония, монархия*); обозначения политических акций, действий (*агитация, митинг, манифестация*); названия документов (*декрет, декларация*); наименования членов и сторонников политических течений (*либерал, марксист*).

Обзор лексикографических источников и корпуса газетных текстов конца XIX – начала XX века позволил выделить наиболее характерные для языка политики лексемы, семантическая структура которых раскрывает языковую и внеязыковую обусловленность составляющих ее компонентов. Так, характерным заимствованием в общественно-политической лексике рассматриваемого периода является лексема *анархия*.

Денотативные компоненты значения, входящие в структуру лексической единицы *анархия*, тесно связаны с ее этимологической интерпретацией. Реконструкция лексемы *анархия* показывает, что слово восходит к древне-греческому ἀναρχία «безвластие», от прил. ἄναρχος «не имеющий начальника», из ἀν- (ἀ-) «без-» + ἀρχή «начало, начальство». Отметим, что именно семантический компонент ‘безвластие’ входит в денотативную структуру слова на всех этапах его семантического развития и является первичным компонентом для реализации коннотативных сем, обусловленных контекстами начала XX века.

При анализе семантической структуры слова *анархия* в словарях конца XIX – начала XX века фиксируется расширение семантики слова прежде всего за счет интегрального компонента ‘отсутствие’ в сочетании с дифференциальными семами ‘власть’, ‘закон’, ‘порядок’ (Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук, Т. 1, 1895 г.; Толковник политических слов и политических деятелей, 1917 г.). В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова оценочная сема ‘отсутствие’ в структуре ЛСВ «отсутствие власти, безначалие, беспорядок» приводит к сужению сферы употребления, что подтверждается словар-

ной пометой «разговорное». Как показал лексикографический анализ, в словарях 30–50-х годов выделяется новое значение, которое в структуре полисеманта становится первым: «1. Реакционная утопия, предполагающая возможность перехода к обществу, в котором нет государственной власти, без политической борьбы пролетариата против буржуазии, без создания пролетарской партии и без диктатуры пролетариата» (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Т. 1, 1935 г.). Показательными являются семы ‘утопия’ и ‘отсутствие государственной власти’. Реализация указанных семантических компонентов в денотате лексемы *анархия* определяет цельность образа *общество – власть*, при котором отсутствие одного компонента неизбежно приводит к разрушению другого.

В корпусе газетных текстов начала XX века активно реализуется словообразовательное гнездо с вершиной «анархия», представленное прежде всего такими единицами, как *анархист* (в газетных текстах, как правило, используется форма множественного числа – *анархисты*), *анархизм* и *анархия*. При фиксации указанных единиц в контекстах реализуется деструктивный компонент значения с ярко выраженной негативной коннотацией: *Американские миллиардеры, имеющие в своих руках чуть не половину всего мирового богатства, – вынуждены, как сообщает «Нью-Иор. Гер», тратить громадный деньги на охрану себя и своих драгоценностей от* ***грабителей*** *и* ***анархистов*** («Мариупольская жизнь», 06 августа (24 июля) 1912 года).

Лексемы *анархия* и *анархизм* в текстовом корпусе указанного периода функционируют как синонимы и являются ядерными лексемами тематической группы «политические движения, направления» наряду с лексемами *покушение* и *заговор*: *В области Люма в Албании Албанцы разоружили 4 роты. В Призрене –* ***анархия****. Войска вошли в соглашение с населением не препятствовать получению революционерами всего, кроме автономии* («Новое время», 23 (10) июля 1912 года); *Растет уверенность, что покушение на вице-короля Гардинга было следствием заговора. Господствует убеждение, что изменническое движение, а равно и* ***анархизм****, бывшие особенно деятельными во время наместничества лорда Минто, продолжаются поныне* («Новое время», 26 (13) декабря 1912 года). При реализации лексемы ***анархия*** наиболее активными являются синтагматические связи с атрибутивной характеристикой, представленные такими словосочетаниями, как *полная анархия, совершенная анархия, революционная анархия*: *Телеграммы, получаемые армянским патриархом из Битлиса, Вана и Эрзерума, свидетельствуют о* ***полной анархии*** *в этих областях. Убийства и грабежи происходят ежедневно. Местная власть бездействует* (Русское слово, 30 (17) августа 1912 года). Реализация лексемы «анархия» в атрибутивных сочетаниях приводит к усилению деструктивного компонента значения слова, объективируемого в контексте.

Таким образом, общественно-политическая лексика конца XIX – начала XX века является отражением новых реалий, ранее не типичных для русского языкового сообщества. Языковые единицы, вербализующие новые понятия, находят отражение в лексикографической практике и газетном корпусе конца XIX – начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Л., 1936. – 299 с.
2. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 344 с.
3. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1919–1926) / А. М. Селищев. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Эдиториал УрСС, 2003. – 248 с.
4. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – Петроградъ, 1895–1934. – Т. 1. А–Д, 1895. – 619 с.
5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Л., 1935–1939. – Т. 1. – 1935. – 1563 стб.

О. Н. Зубкова (г. Москва, Россия)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТОПОНИМОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Язык отражает представления человека о мире, его культуру и передает их из поколения в поколение. Идиоматика языка хранит в себе систему ценностей, отношение к миру, к себе и другим, свидетельствует об особенностях географического положения, истории, быта, мировоззрения, привычек и традиций народа. Ярко иллюстрируют культуру, менталитет носителей языка фразеологизмы, имеющие в своем составе топонимы.

В нашей работе мы опираемся на классификацию фразеологических единиц В. Н. Телии, которая на основе таких признаков, как принадлежность сочетаний слов к номинативному инвентарю языка, полная или частичная их идиоматичность и устойчивость, выделяет 6 классов фразеологизмов:

1. Идиомы или фраземы, выступающие «как целостные по номинативной и структурно-семантической организации знаки»;

2. Фразеологические сочетания, в которых «одно из имен всегда обладает самостоятельной денотативной соотнесенностью, а другое – указывает на свой денотат через посредство этого имени»;

3. Клише или «речевые заготовки» – формулы приветствия, вежливости, вступления в разговор, предложения услуг, совета;

4. Штампы, т. е. устойчивые словосочетания, «в которых отражаются типичные для какого-либо литературно-публицистического направления, стиля автора способы отбора языковых средств»;

5. Паремии (пословицы, поговорки), – единицы, характеризующиеся «двуплановостью (т. е. не являющиеся просто «свободными» выражениями) и притчевым характером», воспроизводимость которых обеспечивается «цитацией» (при этом автора пословицы и поговорки не имеют);

6. Крылатые выражения или «чужая речь, приводимая по памяти» [1, с. 58].

Всего нами было собрано более 600 единиц. Собранный материал достаточно разнообразен, он включает актуальные сегодня и употреблявшиеся в 19 веке идиоматические единицы, перефразированные пословицы и поговорки, скороговорки (т. к. они также обладают свойством воспроизводимости, то есть по этому параметру приближаются к фразеологизмам и пословицам).

Собранный материал позволяет выявить общие для двух языков классы топонимов в зависимости от характера именуемых объектов. И в русском, и в польском языке отмечаются гидронимы (названия водных объектов), инсулонимы (наименования островов), оронимы (названия гор), названия материков и континентов, ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (названия объектов городского типа), микротопонимы. И в польском, и в русском языках можно выделить топонимы, номинирующие местные, общенациональные, зарубежные, мифологические реалии. При этом в польских фразеологизмах представлено достаточно большое число топонимов, номинирующих польские реалии, а в русских – онимов, называющих польские объекты.

Основным критерием, отличающим фразеологизм от переменного словосочетания и устойчивых словосочетаний других типов, является семантическое преобразование компонентного состава. Во фразеологизмах топоним может терять свою номинативную функцию и выступать не в прямом, а в переосмысленном метафорическом значении, являющемся ядром, вокруг которого создается образное значение целого фразеологизма. При этом в основе переносного значения нередко лежат разнообразные исторические и культурные аллюзии, внешние признаки, свойства и осо-

© Зубкова О. Н., 2013

бенности номинируемого топонимом географического объекта или населенного пункта. Собранные нами фразеологизмы русского и польского языков, благодаря привнесенным топонимами значениям, могут характеризовать человека (его внешность, состояние здоровья, характер; социальные признаки, материальное благосостояние и уровень жизни), местность, предмет, поступки и события.

Необходимо отметить и сходство грамматических и синтаксических функций топонимов в составе фразеологизмов двух языков – имена собственные в идиоматических единицах обладают грамматической категорией падежа, рода и числа. Топонимы могут выполнять функцию подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства. При этом они употребляются и с предлогами, и без.

Нередко в польском и русском языках встречаются абсолютно идентичные по структуре и составу топонимов пословицы, поговорки и крылатые фразы, что объясняется схожестью языковой картины мира двух народов, общими фактами истории, взаимовлиянием языков и культур.

Однако в ходе исследования были обнаружены различия в функционировании топонимов двух языков.

Отличается состав топонимов. Так, в польских поговорках чаще встречаются онимы, номинирующие польские реалии, а в русских – русские. Кроме того, в польских фразеологизмах встречается больше комонимов (названия объектов сельского типа), тогда как в русских – астионимов (наименование городского поселения). Пословицы и поговорки русского языка содержат лимнонимы (названия озер), в то время как в польских источниках подобные онимы не встретились.

Кроме того, в составе польских фразеологизмов больше топонимов, номинирующих зарубежные реалии, в том числе таких, которых нет в пословицах и поговорках русского языка. Общие же топонимы в идиоматических единицах двух языков оцениваются по-разному.

Несмотря на сходство синтаксической функции топонимов в пословицах и поговорках двух языков, есть и различие – собранный материал не дает примеров польских фразеологизмов, в которых бы топоним играл роль обращения.

В целом, в ходе исследований в функционировании топонимов во фразеологизмах в польском и русском языке было выявлено больше сходств, чем различий. Вызвано это родством языков, а, следовательно, сходством лексического состава, грамматических и синтаксических особенностей поведения топонимов в пословицах и поговорках, – и близостью ЯКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

А. А. Иванова (г. Киев)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРНИТОНИМА *МАРАБУ* И НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА *МАРАБУТ*, ЗАИМСТВОВАННЫХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ ИЗ АРАБСКОГО

В русский язык, как и в любой другой из существующих языков, проникают заимствования, которые, как правило, со временем ассимилируются на фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом уровнях. Среди таких заимствований есть также слова арабского происхождения, функционирующие в русском языке в качестве и экзотимов, и общеупотребительной лексики, и терминов или профессионализмов. Актуальность изучения слов арабского происхождения подтверждается современными работами, направленными на изучение арабской лексики, вошедшей в

© Иванова А. А., 2013

русский язык (О. И. Александрова, Л. К. Валиуллина, Т. П. Гаврилова, Рахмони Миджгони Равшандухт, М.Х. Халлави, Хуссайн Аббас Хуссайн).

Цель настоящего исследования – определить произошедшие в арабских заимствованиях (орнитониме и наименовании лица) семантические изменения и установить тип семантических трансформаций (под семантической трансформацией понимается любое изменение семантической структуры заимствований).

Нами рассматриваются два арабизма из разных тематических групп: наименование представителя фауны (орнитоним *марабу*) и личное существительное (наименование лица *марабут*).

Слово ***марабу,*** как отмечено в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина (далее ТСИС), вошло в русский язык через посредничество французского: [фр. marabout < араб. morвbit] [5, с. 453]. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (далее БТС) французское посредство не фиксирует: [от араб. marabath – отшельник] [3, с. 520]. Разнятся и дефиниции в этих лексикографических изданиях: по ТСИС – «большая птица, родственная аисту, с неоперенной головой и длинным клювом, обитающая в тропической Африке и Юго-Вост. Азии» [5, с. 453], по БТС – «1. Крупная тропическая птица сем. аистов, с пышным оперением» [3, с. 520]. Перья африканского марабу используются в изготовлении украшений для женщин, и этот вид украшений также называют *марабу* [3, с. 520]. Очевидно, что дефиниция лексемы *марабу* в БТС более информативна, т. к. позволяет проследить динамику развития значения этого слова, семантический объем которого на русской почве расширился.

Буквально это слово переводится с арабского как «отшельник, аскет», и также называют «мусульманского богослова» [4]. В этом значении оно выступает фонетическим вариантом лексемы *марабут.*

Как указано в теософском словаре Е. П. Блаватской: «***Марабут*** – это магометанский паломник, побывавший в Мекке, святой. После его смерти тело его помещается в открытую гробницу, ... и поклонение прохожих поддерживает светильник постоянно горящим у его изголовья» [2]. *Марбуты*, как ещё произносится данная лексема, вообще заняты служением Богу. Ведя аскетически-созерцательную жизнь и имея дар чудотворения и прорицания, они скитались по миру, как факиры или дервиши, и могли лечить людей, чем заслуживали величайший почёт у народов. Такое наименование редко давалось им при жизни, лишь после смерти они становились святыми-*марабутами*. Также именовалась и могила такого святого [6].

Можно предположить, что наименование лица *марабут* произошло от орнитонима *марабу*. Данная модель переноса продуктивна (ср. рус. метафорические наименования людей: *кукушка, петух, попугай* и др.). Основанием переноса могли послужить такие особенности, как внешнее сходство (неопрятные одежда и оперение, лысая голова и босые грязные ноги (лапы)). Однако на том же основании более вероятен перенос названия с человека на птицу. Например, за «торжественную», военного типа походку африканского марабу ещё называют *адъютант*. Марабу вообще карикатурно похож на человека: «…надо представить себе какого-нибудь подмастерья, одетого в послеобеденное время, в воскресенье, в голубой фрак, белую жилетку, нанковые панталоны, а чтобы увенчать чудесный наряд, он надевает на свою высоко поднятую голову красненькую шапочку. Сходство голубой спины марабу и остро обрезанных крыльев с темным фраком, белой груди с белым жилетом, а обрызганных грязью ног с нанковыми панталонами – поразительно! При этом он так втягивает шею, что голова, как у человека, плотно сидит на плечах, и это-то положение делает карикатуру еще резче» [1]. Возможно, для переноса «человек» → «птица» значимыми оказались и особенности поведения марабу: «в нем удивляет стоическое, ненарушимое спокойствие. Походка, каждое движение, каждый взгляд рассчитаны и верно отмерены. Когда охотник преследует птицу, она с важным видом оглядывается, прикидывает расстояние между собой и врагом и сообразует в связи с этим свои шаги» [там же]. На этом сходство птицы с марабутом заканчивается: её

трудно назвать отшельником, т. к. эти пернатые живут большими колониями и в добывании пищи «сотрудничают», например, с грифами или львами. Можно предположить, что преобразование слова *марабут* в *марабу* является результатом афезы в языке-источнике.

В перспективе предполагается анализ семантической структуры арабских заимствований других тематических групп в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академик. Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_animals/
2. Блаватская Е. П. Теософский словарь / Е. П. Блаватская – Режим доступа: http://hpblavatsky.ru/blavatsky/texts_online /HPB_theoDICT.htm#13
3. Большой толковый словарь русского языка / сост и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Википедия. Марабу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Марабу
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Рус. яз., 2000. – 856 с.
6. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. – Режим доступа: http://enc-dic.com/theosophy/Marabut-1145.html

О. С. Иссерс (г. Омск, Россия)

ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В НОВЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ (на примере оппозиционного плаката)

Для понимания современных дискурсивных тенденций несомненный интерес представляет массовое «плакатное творчество» протестного электората Москвы и крупных городов, выплеснувшееся на улицы и площади России в конце 2011 – начале 2012 гг. в период думской и президентской выборных кампаний. Люди говорили с властью не только на языке массовых собраний и митингов, но и на языке плакатов. «Три месяца страна митинговала. Осваивала пространство площадей и улиц, выбирала для себя героев, учила новую лексику. Теперь пришло время разобраться, что же все-таки это было…» [8, с. 15]. Полагаем, что этот вопрос волнует не только журналистов, политологов, но и лингвистов.

Уличные формы политического протеста имеют длительную традицию как на Западе, так и в России. Неотъемлемой частью протестных акций является наглядная агитация, которая выражает основную идеологическую позицию протестующих и нередко выражается в антагонизме клишированных лозунгов типа «Долой..!», «Мы за…» и т. п.

Обращаясь к новейшей истории России, можно отметить одну важную особенность. Еще в середине 90-х гг. исследователи зафиксировали изменение тональности протестных выступлений. Коммуникативная и языковая природа лозунгов и плакатов того времени исследовалась в работах [2; 6 и др.]. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, характеризуя речь на митингах, отмечали, что она значительно отличается от публичных выступлений застойных лет и включает в себя не только и не столько речь публичную, ораторскую, но и различные микродиалоги, лозунги, плакаты, а также традиционные народно-площадные жанры (частушки, прибаутки, острословицы) [7, с. 93–116].

В настоящее время массовое плакатное творчество оппозиции собрано в виде своеобразных Интернет-коллекций (http://www.openspace.ru, www.publicpost.ru и др.) и, по сути, является репрезентативной выборкой для анализа данного жанра. В рамках нашего исследования рассмотрено более 200 плакатов, использованных на 6 митингах оппозиции в Москве и С-Петербурге в 2011–2012 гг.

Всплеск митинговой активности зимой 2011–2012 гг., продолжая наметившуюся линию карнавализации политической жизни, продемонстрировал формирование новых речевых практик и коммуникативных игровых приемов [3, с. 241–256]. Через них становятся понятными многие социальные изменения, произошедшие в России 2000-ных.

© Иссерс О. С., 2013

Так, в период митингов оппозиции в мае 2012 г. собравшиеся на Чистых прудах молодые оппозиционеры выражали свои чувства с помощью песен «отцов» и «дедов» – Виктора Цоя, Юрия Шевчука, Олега Митяева, а также Булата Окуджавы (про «десятый наш десантный батальон») и Лебедева-Кумача («дадим отпор душителям»). Как замечает журналист Андрей Архангельский, «раньше было искусство «фиги в кармане»: условные родители оппозиционеров пели Галича, противопоставляя официальному репертуару. Их дети берут официальный репертуар, ничего не меняя, и поют как бы «от себя» и «про себя». Это фокус нехитрый: дело в том, что **именно контекст сегодня является важнейшим из искусств** (выделение наше – О. И.) [1, с. 15]. Для анализа языковой игры в оппозиционном плакатном дискурсе контекст также имеет немаловажное значение.

Основной интенцией, определяющей специфику современного плакатного творчества оппозиции, можно считать установку на комический и – нередко – сатирический эффект. В плакатах нового века ценится не агрессия, а – прежде всего – чувство юмора. Остроумие явилось доминантой оппозиционного плакатного дискурса, предметом своеобразной конкурентной борьбы, средством выделения из толпы. Плакат стал актом самовыражения – но не стихийного, в отличие от событий 90-х гг., а организованного. Еще в начале 2011 г., перед мартовским единым днем голосования, когда выборы проходили сразу в десятке регионов, в блоге А. Навального прошел конкурс плакатов, который проводился с прицелом на выборы в Госдуму. Накануне митингов Интернет пестрел объявлениями о конкурсе протестных плакатов, а в феврале 2012 г. в одной из художественных галерей Москвы состоялась их выставка под названием «Вы нас даже не представляете». Таким образом, плакат стал фактом не только социально-политической, но и культурной жизни.

Установка на игровое общение является дискурсообразующей для рассматриваемого материала. Именно это обусловила широкое использование в плакатах приемов языковой игры на разных уровнях.

Одним из традиционных приемов языкового творчества, в том числе частотным и в плакатном дискурсе оппозиции, является актуализация внутренней формы и прием паронимической аттракции: *«Небольшая путиница в протоколах. В целом – все очуровательно!»; Политическая партия «Киприоты России»; «Тандемократы, уйдите по-хорошему», «Остопутело!»* (кстати, социологи отметили, что вместо ответа о причинах своего выхода на улицы многие информанты ограничивались репликами в той же грамматической форме: «достало все», «надоело» [8, с. 20]).

Заметим, что различные приемы паронимической игры с внутренней формой слова использовались, на наш взгляд, как сигнал именно мирного характера протеста, чтобы снять жесткость обвинений в адрес властей.

Намек на известных персонажей осуществлялся и средствами графического выделения частей слова – прием, продуктивный в различных сферах современной игровой коммуникации – нейминге, СМИ, рекламе: *«КруЧУ – верЧУ, запутать хоЧУ»* (Председателем Росизбиркома был Владимир Чуров).

Полимодальный характер протестного плаката обусловил взаимодействие в нем не только различных типов дискурсов, но и кодов. Примеры интеркодовости, включающие элементы разных знаковых систем – языковых и неязыковых (числовой, знаков дорожного движения, компьютерных символов и т. п.), были в изобилии представлены в плакатных текстах: *☹ 2000 PutIN ☺PutOUT.*

Использовался и прием речевой маски, идентифицирующей оппонента не лучшим образом: *«Уточка: кря-кря-кря; Путин: бла-бла-бла».*

Для понимания специфики современного языка оппозиции актуально, что в дискурсивном пространстве митинга находят применение коммуникативные практики, свойственные рекламному дискурсу. Одним из мощных ресурсов лингвистического креатива на лексическом уровне являются многозначные слова, омонимы, паронимы [3]. Полисемантические свойства языковых единиц активно эксплуатировались автора-

ми протестных текстов, намеренно актуализирующих столкновение значений многозначного слова:

Вы нас даже не представляете!

Выборы с выбором!

Иллюстрацией приема обыгрывания условий перформативного речевого акта может служить высказывание от лица кандидата в президенты: *Обещаю обещать!* (на плакате – его фото).

Дискурсивная активность митингующих выражалась выходом за пределы традиционных коммуникативных каналов и носителей типа плакатов и растяжек и освоением городского пространства. Так, над площадями реяли воздушные шары с надписью: *«Еще раз надуете – лопну!»,* где визуализировалась («опредмечивалась») метафора обмана.

Заимствованием из рекламного дискурса также является такой игровой прием, как мистификация жанров, когда один жанр оформляется как другой [5]. Так, несогласие с официальной политикой властей выражалось в форме объявления об обмене: *«Меняю Путина на Ходорковского».*

Как показали наблюдения, дискурсивные практики не только отражают социальные сдвиги в обществе, но и сами «выстраивают» социальную реальность, а также речевое поведение индивида. Они являются движущим или, по крайней мере, определяющим фактором социальной жизни и не «дремлют» в ожидании внешних стимулов, способных их побудить. Напротив, они скорее формируют «дискурсивную моду», побуждают людей к такому речевому поведению, в котором их специфика наиболее полно проявляется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. Хоровая демократия / А. Архангельский // Огонек. – 2012. – № 20.
2. Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) / А. Н. Баранов // Русистика. – 1993. – № 2.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотипы и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 1996.
4. Иссерс О. С. Люди говорят… Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск, 2012.
5. Иссерс О. С. Стратегия рефрейминга в аспекте лингвокреативной деятельности / О. С. Иссерс // Лингвистика креатива: коллектив. монография. – Екатеринбург, 2009. – С. 216–229.
6. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1998–1995). – М., 1996. – С. 409–426.
7. Китайгородская М. В. «Свое» – «чужое» в коммуникативном пространстве митинга / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 93–116.
8. Орешкин Д. Полезная площадь / Д. Орешкин // Огонек. – 2012. – № 11.
9. Филина О. Бессистемная оппозиция / О. Филина // Огонек. – 2012. – № 11.

Л. Д. Кадырова (г. Симферополь)

ГИБРИДНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С АББРЕВИАТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Лексическая система русского языка начала XXI в. характеризуется активным влиянием процесса заимствования, затрагивающего не только лексический, но и словообразовательный уровень языка. Широкое использование заимствованной лексики и активность процессов словопроизводства на их основе исследователи связывают со стремительным развитием экономических, политических и культурных контактов между носителями различных языков и культур, влиянием Интернет-коммуникации и массовой компьютеризации. В условиях интенсивного взаимодействия культур и языков язык-реципиент становится открытым разнообразному влиянию со стороны языка-донора, одним из проявлений такого влияния является возникновение в русском языке гибридных образований. В последнее десятилетие значительно возрос интерес лингвистов к письменной коммуникации, в которой произошли

© Кадырова Л. Д., 2013

значительные изменения, в частности – активизация графо-орфографических конструкций со словом.

К изучению и описанию новообразований-гибридов обращались В. В. Акуленко, Л. А. Баранова, Е. И. Голованова, Е. А. Земская, Г. А. Иванова, В. П. Изотов, М. С. Малеева, Г. С. Онуфриенко, З. М. Осипенко, Т. В. Попова, О. А. Шишкарева и др. При исследовании лексических инноваций необходимо отметить модели, которые чаще всего используются при образовании гибридных инноваций: «заимствованная основа + исконный аффикс», «исконная основа + заимствованный аффикс»; для сложных слов – «заимствованная основа + исконная основа», «исконная основа + заимствованная основа», «заимствованная основа + заимствованная основа».

В лингвистических исследованиях под «гибридными словами» понимается объединение в одном слове исконных и заимствованных компонентов, в частности, гибридность проявляется особенно ярко в комбинировании написания латиницей и кириллицей. При исследовании данных образований был выявлен ряд синонимических терминов, обозначающих слова-гибриды в русском языке. Так, Т. В. Попова выделяет гибридные единицы как целый класс неолексем: гибридные слова, слова-кентавры, креолизованные слова и т. п. Е. И. Голованова использует термины: симво-ло-слова: *е-майл, і-номер*; моделе-слова: *Clipp er-программы, DOS-программы, USB-носитель, SD-карта, SQL-инъекции*; комбинированные типы номинации с символьно-буквенно-цифровыми обозначениями: *MP4-плееры, 3D-ускоритель, ASCII-файлы.* О. А. Лазарева рассматривает дериваты графического типа как слова с идеофиксами. Общепринятыми терминами в современной неологии являются графиксаты, графодериваты, графоварианты (графические варианты) слова, так как важным в выделении их в особый класс является трансформация графо-орфографической формы слова [3].

Цель исследования – проанализировать гибридные образования с аббревиатурным компонентом в Интернет-коммуникации.

В работе рассматриваются гибридные слова с аббревиатурным компонентом, состоящие из заимствованных и исконных единиц, при этом заимствованные компоненты могут быть написаны как латиницей, так и кириллицей.

Рост англицизмов в современном русском языке, адаптация заимствованного слова без перевода и графических приспособлений являются основным толчком для образования слов-гибридов: *IBM-совместимый, VIP-апартаменты, VIP-банкинг, VIP-гости, Web-хостинг, PR-компания, PR-мероприятие, beauty-мир, face-контроль, flash-память, make-up-фото* и др. Заимствованные компоненты могут выступать производящей базой для новых дериватов, создавая своеобразные языковые гибриды: *демо-вебинар* (от англ. webinar, сокр. от «Web-based seminar»), *ПР-поддержка* (пиар – транслитерация от англ. PR), *стартапить* (от англ. start up) и др.

Лингвисты украинской дериватологической школы, анализируя гибридные образования, отмечают, что «они возникают вследствие сознательного сочетания разностилевых основ и словообразовательных формантов, а следовательно, создаются новые слова вопреки правилам морфотактики современной деривационной грамматики» [2, с. 98].

Модель **«заимствованная аббревиатура + исконный аффикс»** участвует при образовании гибридных слов и свидетельствует об адаптации анализируемых единиц: *PRщик и PR-щик* (PR, англ. public relations – ‘связи с общественностью’ + исконный суффикс -**щик**- со значением ‘лица по роду деятельности’); *PR-овец* (PR, англ. public relations – ‘связи с общественностью’ + исконный суффикс -**ов/ец**- со значением ‘лицо (производитель действия), названное мотивирующим именем существительным’)*; IT-шник* (IT, англ. Information Technology – «информационные технологии» + интерфикс -ш- + исконный компонент -**ник**- ‘название лица’); *VIPовский* (VIP, англ. Very Important Person – «очень важная персона» + исконный компонент -**ов/ск**- (интерфикс -ов- в сочетании с суффиксом -ск-) со значением ‘относящийся к организации, выраженной аббревиатурой’); *CD-ROMный* (англ. CD-ROM, Compact

Disc Read-Only Memory – «компактный диск с памятью только для чтения» + исконный суффикс -**н**- со значением ‘относящийся к предмету, названному мотивирующим именем существительным’) и др.

Характерной чертой единиц с заимствованным компонентом является адаптация к системе языка путем добавления исконных аффиксов: *PRщик, VIPовский, IT-шник* и др. Как отмечают лингвисты, «активность использования определенной номинации с вкраплением приводит порою к замене второй основы такого гибридного композита суффиксом с соответствующим категориальным значением» [2, с. 14]. Ср.: *SMS-сообщение* и *SMS-ка*, *Sim-карта* и *Sim-ка*, *USB-провод* и *USB-ишка* и др.

Модель **«заимствованная аббревиатура + исконная основа»** актуализируется при образовании следующих слов-гибридов: *CD-привод, CD-проигрыватель, IBM-подобный, IBM-совместимый, PR-поддержка, VIP-гость, VIP-зал, VIP-звезда, VIP-обслуживание, WAP-доступ, WAP-страница, Web-издатель, Web-строительство* и др. Перечисленные производные показывают высокую степень сочетаемости исконных основ с аббревиатурами.

Модель **«заимствованная аббревиатура + заимствованная основа»**, где первый компонент сохраняет написание латиницей, а второй – кириллицей, употребляется в следующих единицах: *CD-драйв, CD-плейер, CD-райтер, CD-чейнджер* (происходит транслитерация второго компонента гибридного образования)*, IT-бизнес, IT-компания, HR-менеджер, PR-бизнес, PR-кампания, PR-менеджер, PR-фирма, VIP-банкинг, WAP-браузер, WAP-портал, WAP-сайт, Web-сервер, Web-сайт, WWW-сервис* и др. Анализируемые производные показывают полную адаптацию одного из компонентов сложного слова и при этом заимствование второй основы или аббревиатуры из английского языка без перевода и транслитерации.

Таким образом, процесс гибридизации объясняет частичную адаптацию заимствованных компонентов в современном русском языке путем сохранения своей оригинальной формы написания (латиницей) или способом транслитерации. Наиболее ярко гибридные образования с аббревиатурным компонентом раскрывают свое разнообразие в Интернет- и медиапространстве, рекламных и научно-популярных текстах, в которых в меньшей степени соблюдаются законы русского языка и замена языковых кодов приводит к сокращению текста.

ЛИТЕРАТУРА

2. Баранова Л. А. Аббревиатуры иноязычного происхождения как основа деривационного словопроизводства / Л. А. Баранова // Уч. зап. Таврическ. нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 22 (61). – № 2. – 2009. – С. 20–24.
3. Клименко Н. Ф. Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі : монографія / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпіловська, Л. П. Кислюк. – К. : Вид. Дім Дмитра Бураго, 2008. – 336 с.
4. Попова Т. В. Графиксация как новое явление в языке и научной когниции / Т. В. Попова // Вестник Челябинск. гос. ун-та. Серия «Филология. Искусствоведение». – Вып. 57. – № 24 (239). – Челябинск, 2011. – С. 160–163.

В. И. Кажан, Р. П. Калинина (г. Кривой Рог)

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КРОССВОРДОВ

В конце XX в. в прессе появились еженедельные журналы «Арт-Мозаика», «Телескоп», «Теленеделя», на страницах которых печатаются кроссворды под рубриками «Эрудит», «Веселый», «Шевели извилинами», «Смеяться полезно», «И в шутку, и всерьез», «Давайте смеяться» и др.

Кроссворды носят развлекательно-познавательный и интеллектуальный характер, в них часто информационная направленность соседствует с юмором и игрой, «формой эстетически направленного языкового творчества, приближенной к возможностям каждого» [1, с. 227].

© Кажан В. И., Калинина Р. П., 2013

Под влиянием преобразований в обществе, происходящих на рубеже веков, возникают новые тенденции в языке СМИ, что отражается в его «свободе» [2, с. 55], отклонении от стандартных форм выражения.

Язык кроссвордов стремится к передаче экспрессивно-иронического, а подчас и сатирического авторского отношения, поэтому в текстах – заданиях и ответах используются как традиционные, так и нетрадиционные языковые средства, нарушающие нормативные установки.

С целью создания шутки, иронии, насмешки авторы кроссвордов прибегают к таким распространенным игровым формам, как шарада, анаграмма, палиндром, загадка.

Приведем примеры: *Загадка ребусника Синицкого, начинающаяся словами: «Мой первый слог на дне морском» (шарада). Вкусный и полезный плод, анаграмма к слову «спаниель» (апельсин). Ярлык, который филологи прикрепили к фразе: «Аргентина манит негра» (палиндром). Золотой и молодой за неделю стал седой. А денечка через два облысела голова (одуванчик).*

Важную роль в подаче и решении вопроса-задания играет смысловая емкость каждого компонента. Авторы кроссвордов, отказываясь от обычных словарных определений слов, заменяя их шутливыми, юмористическими, словно создают новый толковый словарь для играющих. Например: ***Небесный звук**, резко повышающий религиозность мужика (гром). «Категорическая и решительная» **буква кириллицы** (твердо). **Группа машин**, которую никогда не остановит гаишник (кортеж). **Тот**, с кем хорошо делиться неприятностями в бизнесе (конкурент)*.

Одним из распространенных приемов оформления кроссвордов является включение в задания и ответы как стилистически нейтральной, так и маркированной лексики. В одном контексте могут объединяться и однородные, и разнородные стилевые элементы (напр., разговорно-просторечное слово – книжное слово (или термин), устаревшее слово – термин (термины), общеупотребительное слово – устаревшее слово. С помощью подобных контрастных столкновений двух и более слов усиливается экспрессивно-эмоциональная оценка понятий, предметов, явлений. Сошлемся на примеры: *Это **ужастик** в снах древних германцы приписывали происках эльфов (**кошмар**). «**Отморозок**», леденящий кровь капитанам трансатлантических лайнеров (айсберг).* Любитель *поживиться за чужой счет – одним жаргонным словечком (шаромыжник). Мужик из древнегреческой мифологии, которого крупно подставил архитектор (**атлант**). Архитектурный **изыск**, на котором в детской считалке разместились царь, царевич и К^{о} (**крыльцо**). Газообразная «**авоська**» для земного шара (**атмосфера**). Геометрическая **фигура**, **дитя** двух лучей, выходящих из одной точки (**угол**).*

В заданиях к кроссвордам активно используется многозначность задуманных слов, помогающая, подсказывающая правильный ответ. Например: *Элемент электроплитки, а также элемент фигурного катания (**спираль**). Воинское построение, ставшее и женской прической, и вырезом блузки (**каре**). Безделушка, не имеющая большой ценности, если не вы ее хозяин, она же – легкомысленная девица (**финтифлюшка**). Когда-то так называли знатока и любителя вкусной еды, а теперь это просто магазин (**гастроном**). И жирный фломастер, и «распорядитель» в бильярдной (**маркер**).*

С целью создания иронических номинаций и юмористических определений слов авторы кроссвордов используют перифразы, в которых с помощью описательных оборотов речи (чаще словосочетаний) указываются признаки неназванного прямо предмета. Напр.: ***Железные «витамины» для мышц** наружного употребления (**гантели**). Какая из европейских слывет «северной Венецией»? (Амстердам).*

Большинство из зафиксированных перифраз являются индивидуально-авторскими: ***Убийственный аргумент мушкетеров** (**шпага**). Кто-то назвал его **чашей терпения** вулкана (**кратер**).*

Многим из них свойственно оценочное переносное метафорическое значение одного или нескольких компонентов: ***Убежище испуганной души** (**пятки**). **Мече-***

***ный деликатес** (**икра**). Шутник считает их **мыслями повышенной нелепости** (**бредни**).*

Индивидуально-авторские составные наименования не обладают структурно-смысловым единством и воспроизводимостью, они не стали привычными, поэтому заключаются в кавычки: «***Колыбельная в таблетках**» (**снотворное**). Мохнатый «**мамонт**» среди пчел (**шмель**). «**Братская могила**» некогда жизненно важных бумаг (**архив**).*

Усилению однозначности, ироничности и экспрессивности текстов-заданий, а также ответов способствуют парадигматические ряды синонимических номинаций, которые могут быть представлены 2–5 единицами. Приведем примеры: ***Удивление**, доведенное до крайности (**изумление**). **Уныние**, **тоска**, или **депрессия** – словом из XIX столетия (**меланхолия**).*

Характерно чередование как нейтральных, так и разностилевых синонимов: книжных, устаревших, разговорных, жаргонных. Подобное объединение в синонимической паре или ряде разных стилистических сфер способствует созданию речевой экспрессии и иронии. Обратимся к примерам: *Бред сивой кобылы одним словом (**ахинея**). Примитивное **ложе**, ставшее синонимом мест заключения (**нары**). **Спальня**, встречающаяся только в хоромах, чертогах и словарях (**опочивальня**).*

Иногда синонимический ряд усиливается и становится более выразительным благодаря градации. Например: 1. ***Обожатель**, **воздыхатель**, **кавалер**, **почитатель** (**поклонник**). 2. **Отсутствие порядка**, или **кавардак**, **тарарам** (**неразбериха**).*

В подобных примерах наивысшей степенью усиления значения обладают синонимы-ответы (№ 1 – книжный синоним, № 2 – разговорно-просторечный).

Определенную роль играют и антонимы со значением противопоставления или сопоставления, т. е. «более слабого противопоставления» [3, с. 22]. Напр.: *Это **не погода**, **непогода** какая-то (ненастье). Этот «**безжизненный**» газ, как ни странно, один из элементов **жизни** (азот). Остряки утверждают, что он, в отличие от **экстраверта**, ругается «про себя» (**интроверт**). Слово, чей **смысл** заключается в полной **бессмыслице** (абракадабра).*

С целью достижения комического эффекта авторы кроссвордов обращаются к каламбурам, игре слов, основанной на парономазии, намеренно сближают сходнозвучащие слова в тексте – задании и ответе. Например: *Найдите каламбур во фразе: исполняемая актером в театре, кино, на телевидении **роль банды** (**бандероль**). **Умозаключение** при **умопомрачении** (**бредни**). Радостный возглас «**О!**» при появлении американского **полицейского** (**окоп**). Плохой, некрасивый **настенный светильник** (**кожзаменитель**) – **фибра**. **Горе-сантехник**, не столько чинящий, сколько ломающий оборудование в **душевых** (убивец окаянный) – **душегуб**.* (Здесь к стилистически маркированному слову **душегуб** (**убивец окаянный**) автор подбирает семантический неологизм, тем самым сталкивая в одном слове два омонимических корня: **душ** и **душа**.)

Хотя паронимическая аттракция предполагает множественность интерпретаций каждого случайного сближения слов, в рамках текста кроссворда, как мы убедились, предполагается только один ответ.

В формулировке заданий к кроссвордам важную роль играет использование фразеологических единиц, которое свидетельствует об определенной установке авторов на шутку, иронию, языковую игру.

Фразеологические единицы в кроссвордах используются своеобразно. В контекстах заданий они, как правило, трансформируются, отдельные их компоненты могут употребляться обособленно или выступать в качестве смысловых центров. Напр.: *Самая «лапчатая» из русских птичьих фамилий* (**Гусев**; ср. фр.: «гусь лапчатый»). *Его следует **держать шире** тому, кто безосновательно надеется на большую прибыль (**карман**). Эта рыба вовсе не умеет **реветь**, зато может похвастаться ценной икрой* (**белуга**; ср. фр.: «реветь белугой»). *Их **бьют** бездельники, и это едва ли не единственная их работа* (**баклуши**; ср. фр.: «бить баклуши»).

Наблюдаются случаи расширения компонентного состава фразеологических единиц. Сошлемся на примеры: *Шутник отозвался о нем, как о человеке, который* ***знает*** *людей* ***на ЗУБок*** *(дантист*; ср. фр.: «выучить на зубок»). ***Обмен шила на мыло*** *с чувством взаимного удовлетворения (бартер*; ср. фр.: «менять шило на мыло»). Значение фразеологизма может передаваться описательно, при этом ключевые слова содержатся в ответе к кроссворду. Например: *Юморист как-то заметил, что оно – спутник* ***вырвавшейся*** *на свободу* ***пуговицы*** *(мясо*; ср. фр.: «вырвать с мясом»). *Возвращение долга* ***в год по чайной ложке*** *(дозировка*; ср. фр.: «через час по чайной ложке»).

В результате структурно-семантических преобразований фразеологических единиц могут возникнуть авторские слова и выражения, созданные по языковым моделям. Например: ***Водяная крыса****, с которой многие знакомы «****шапочно****» (****ондатра***; ср. фр.: «шапочное знакомство»). Конечно, вне текста задания смысл образованного неологизма утрачивает прозрачность.

В кроссворды вводятся не только прецедентные фразеологические структуры, но и цитаты юмористов, крылатые выражения известных людей, пословицы, поговорки, рекламные слоганы. Источником прецедентов становятся также популярные песни, кинофильмы, мультфильмы, художественные произведения. Подобные включения делают тексты – задания к кроссвордам более интеллектуальными, яркими, загадочными.

«Прецедентные феномены» могут функционировать в кроссвордных контекстах без структурных и семантических изменений. Например: *Папка для бумаг, где хранится человек* ***со всеми потрохами*** *(досье*; т. е. целиком, со всем, что есть). *Трапеза, которую Диоген советовал устраивать:* ***богачу – когда хочет, бедняку – когда может*** *(обед). Японский разведчик и шпион, лазутчик и киллер «****в одном флаконе****» (ниндзя). Гейне назвал его «****аристократом среди животных****» (человек).*

Но все же чаще языковая игра базируется на частичной и даже полной морфологической и синтаксической трансформации прецедентных текстов. Например: *Он* ***будет «оседлан»*** *теми, кто переводит разговор в нужное русло (конек*; ср. фр.: «оседлать своего конька»).

Фиксируем использование отдельных компонентов, выражающих общее фразеологическое значение: *Следуя логике, он должен* ***быть лучше незваного гостя*** *(****татарин***; ср. фр.: «незваный гость хуже татарина»).

Встречается контаминация двух прецедентных построений с типичными преобразованиями: *Если* ***она*** *действительно* ***в вине****, то как она* ***может глаголить устами младенца*** *(****истина***; ср. фр.: «истина в вине», «устами младенца глаголит истина»). *Они представляют* ***упрямую вещь****, но при этом* ***говорят «сами за себя»*** *(****факты***; ср. фр.: «факты – упрямая вещь»; «факты говорят сами за себя»).

Изредка прецедентная структура полностью деформируется, напр.: ***В город Ньюкасл*** *англичане* ***не ездят со своим углем****; а этот предмет мы* ***не берем в Тулу*** *(****самовар***; ср. фр.: «со своим самоваром в Тулу не ездят»).

«Оживляют» тексты – задания кроссвордов новые слова, созданные авторами в основном по продуктивным словообразовательным моделям. Например: *Имя* ***мультката****-пацифиста, призывающего «жить дружно» (****Леопольд****). По мнению юмориста, этот прибор из породы* ***КОВРОсосущих*** *(****пылесос****).*

Широкое применение на словообразовательном уровне в кроссвордах находит языковая игра, основанная на целенаправленном выделении внутренней формы или ее частей. Заметим, что игра близких по морфемной структуре слов часто усиливается средствами графики и орфографии. Сошлемся на примеры: ***ЧОКнутое*** *время Нового года (декабрь) Не* ***КОНЬкурент*** *лошади в перевозке пассажиров (рикша). «Клуб» веселых и* ***ДОХОДчивых*** *брокеров (биржа).*

Внутренняя форма, подчеркивая звуковую яркость слова, заставляя читателя задерживать внимание на важном компоненте, может или оставаться без изменений, или расширяться за счет вставки не присущего данной структуре элемента. Напри-

мер: *КОРРИД**ор**ная европейская страна (Испания). СРОК**О**выжиматель в суде (прокурор). ДЮШЕС**т**ый продукт (груша).*

Иногда для создания авторского семантического неологизма к обычному слову прибегают к ложной этимологизации, в результате чего возникают омонимы: общеязыковое слово – авторский неологизм, напр.: *Лекарство, которое можно назвать **ЖАРгоном** не по значению этого слова, а по способу действия на организм* (*аспирин*).

Изобретательность авторов кроссвордов нередко направлена на то, чтобы не только актуализировать внутреннюю форму слова, но и обнажить этимологический корень, тем самым подсказать правильный ответ. Приведем примеры: ***ГНУСная** стая мелких насекомых (мошкара). **НАДУВАТЕЛЬство** – его прямая и единственная задача (насос).*

Таким образом, яркость и неожиданность способов выражения мысли-задания, удачная языковая игра создают особый иронический стиль языка кроссвордов, привлекают внимание читателей и побуждают их к активному сотворчеству с автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красильникова Е. В. «Почему не говорят?» / Е. В. Красильникова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 221–227.
2. Крысин Л. П. Литературная норма и речевая практика газет / Л. П. Крысин // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – С. 44–57.
3. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексико-графическое описание: вступительная статья / Л. А. Новиков // Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. – М.: Рус. язык, 1984. – С. 5–30.

Л. А. Ким (г. Днепропетровск)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ЛЕКСЕМ – НАЗВАНИЙ ГРЕЧЕСКИХ БУКВ В СОСТАВЕ РУССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Особенностью русского языка последних десятилетий является активное формирование в нем нового класса слов – полифункциональных лексем, способных выступать в субстантивной, атрибутивной, а иногда в адвербиальной функции в зависимости от контекста [1; 2; 4; 6–8]. В эту разнообразную по лексемному наполнению и количественному составу группу входят неизменяемые слова с конечной буквой -а, которые входят в состав многих терминов русского языка.

Неизменяемые компоненты, оканчивающиеся гласной **а** (*бета, дата, дельта, прима, секунда, терция, тара* и др.), по происхождению в основном являются наименованиями букв греческого алфавита или же заимствованными из латинского языка порядковыми числительными и только в двух случаях представляют собой заимствованные лексемы, не входящие в какой-либо системный ряд: ***дата*** (фр. *date* < лат. *data* – данные) и ***тара*** (ит. *tara* < араб. *tarh* – отходы), ср.: ***дата-вексель*** ‘вексель, срок платежа по которому устанавливается через определенный промежуток времени’ [БЭС]; ***тара-тариф*** ‘таблица веса тары для различных товаров’ [БЭС].

Как известно, греческий алфавит послужил базой, на которой развилось множество алфавитов, широко распространившихся в Европе и на Ближнем Востоке, и используемых в системах письменности большинства стран мира, в том числе латинский алфавит и кириллица. Помимо использования для записи языка, буквы греческого алфавита традиционно используются как международные символы в математике, физике, химии, биологии и других науках.

Материалом нашего исследования послужили термины с неизменяемым зависимым компонентом (НЗК) – названием греческой буквы или порядковым числительным, извлеченные методом сплошной выборки из специальных словарей, репрезентирующих терминосистемы экономики, права, металлургии, материаловедения, математики и информатики, а также словаря Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой «Слитно

© Ким Л. А, 2013

или раздельно» [3]. Для исследования специально были избраны контрастные терминосферы гуманитарного, математического и производственно-технического профилей, позволяющие нагляднее выявить общие и различительные черты анализируемого явления.

Особенностью использования НЗК – заимствованных наименований букв или числительных – является незакрепленность их позиции по отношению к опорному термину и способность сочетаться с опорными терминами-наименованиями предметов (*бета-тест, прима-вексель* и *вексель прима, вексель секунда, вексель терция*), операций (*дельта-спрэд, дельта-хеджирование*), величин (*бета-коэффициент, коэффициент «дельта», показатель «дельта»*). В отличие от НЗК *прима*, *секунда* и *терция*, сохраняющих в составных номинациях значение порядковых числительных (***прима-вексель*** и ***вексель прима*** ‘первый экземпляр переводного векселя’, ***вексель секунда*** ‘второй экземпляр переводного векселя’ и ***вексель терция*** ‘третий экземпляр переводного векселя’ [БЭС]), НЗК–наименования греческих букв наполняются в каждой терминосфере своим содержанием и нередко имеют несколько значений. Так, НЗК *бета* (гр. *beta* – вторая буква гр. алфавита) в составе термина ***бета-коэффициент*** имеет значение ‘показатель количественного соотношения между движением курса данной акции и движением рынка акций в целом’ [БЭС], а в составе термина ***бета-тест*** ‘апробирование продукции, передаваемой изготовителем в пользование какой-либо фирме до начала третьей стадии жизненного цикла изделия’ [БЭС], семантика этого компонента указывает на порядок следования этапов тестирования. В «номерном» значении наименования греческих букв используются в терминосистеме информатики (***альфа-тестирование*** ‘первый этап полного тестирования программного обеспечения перед его выходом в свет’ [ТСИ], ***бета-тестирование*** ‘второй этап полного тестирования программного обеспечения’ [ТСИ]; ср. также: *альфа-процессор*, *бета-версия программного обеспечения*). «Экономическое» значение лексемы *дельта* (греч. *delta* – четвертая буква гр. алфавита) – ‘сумма, на которую изменится цена опциона при изменении цены на указанную в опционе акцию’ [БЭС].

В области точных и технических наук названия многих греческих букв активно используются в основном для указания на разновидности чего-либо, что в принципе тождественно «номерному» значению. Это могут быть разновидности состояния вещества: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-железо; альфа-, бета-, гамма-, дельта-феррит; дельта-металл; игрек-сплав*; и разновидности фаз состояния чего-л.: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, сигма-фаза; альфа-, бета-, гамма-превращение*; разновидности различных частиц и потоков этих частиц: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, лямбда-частица*; *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, икс-лучи; дельта-, сигма-электрон; альфа-, бета-, гамма-, дельта-излучение*; наименования приборов, наук, методов и пр., связанных каким-либо образом с видами радиоактивных частиц: *альфа-, бета-, гамма-излучатель; альфа-, бета, гамма-измеритель; альфа-, бета-, гамма-камера; альфа-, бета-, гамма-спектрометр; альфа-, бета-, гамма-спектроскопия; бета-, гамма-весомер; бета-дефектоскопия; гамма-астрономия; гамма-голография; бета-, гамма-метод;* разновидности математических понятий (функций, точек, линий, математических действий, абстрактных понятий и т. д.): *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, дзета-, сигма-, тета-, эта-функция*; *сигма-связь, тета-ряд; гамма-, лямбда-линия, лямбда-точка, дзета-потенциал, лямбда-конверсия, лямбда-гиперон, лямбда-определимость, омега-непротиворечивость, тета-произведение*; разновидности схем, конфигураций, графиков и пр.: *дзета-конфигурация* и др. Следует отметить, что наибольшей активностью в терминосферах точных наук и техники отличаются НЗК-названия первых букв греческого алфавита – *альфа* (более 30 ед.), *бета* (около 50 ед.) и *гамма* (более 80 ед.). Около 20 составных терминов образованы в этих сферах с НЗК *дельта*. Все остальные названия греческих букв составляют ряды, включающие от одного до десяти наименова-

ний, например, ряды с НЗК ***каппа***- (*каппа-фактор*), ***дзета***- (*дзета-потенциал, дзета-функция*), ***омега***- (*омега-мезон*), ***тета***- (*тета-сигнал, тета-функция*) и др.

НЗК – названия букв греческого алфавита участвуют и в образовании терминов-прилагательных, ср.: *альфа-гликозидный, альфа-зараженный, альфа- и бета-глобулиновый; бета-титановый, бета-излучающий, гамма-нейтронный, гамма-терапевтический, дельта-электронный* и др.

Терминокомпоненты рассматриваемого типа в сочетании с суффиксоидами греческого же происхождения образуют сложения – названия приборов, отличающиеся слитным написанием: а*льфаметр, альфатип, бетатрон, гамматрон* и др.

Естественно, что в терминообразовании используются и названия греческих букв с другими конечными гласными: *мю, пи, фи, хи, пси, тау*. Из трех названий букв с конечным согласным в состав терминов входит только лексема *эпсилон*. В основном с такими терминокомпонентами образуются названия функций (*пси-функция*), математический понятий (*хи-квадрат*), элементарных частиц (*мю-, пи-, тау-, хи-мезон, пи-электрон*), типов атомных связей (*пи-связь*), состояний материи (*эпсилон-энтропия*), приборов (*фи-детектор*), разного рода шкал (*фи-шкала*) и т. д. Иногда основанием для использования названия буквы в роли терминокомпонента может служить схожесть начертания буквы и графического изображения чего-либо. Например, термин *мю-ритм* обозначает «ритм колебаний биопотенциалов головного мозга с частотой 7–11 гц, форма которых на электроэнцефалограмме напоминает греческую букву μ» (http://www.nedug.ru/library).

В целом же следует отметить, что из названий 24 букв греческого алфавита, по нашим данным, только шесть не задействованы активно в процессах терминообразования: *эта, йота, ню, кси, ро, ипсилон*. Однако и они могут использоваться для номерного или иерархического обозначения рангов. Например, в биологии сложилась традиция обозначать буквами греческого алфавита порядок доминирования особи. Буквой *альфа* обозначается особь, занимающая доминирующее положение в стае, например ♂α или ♀α. Соответственно, последнее место в иерархии обозначается буквой *Омега* (http://ru.wikipedia.org/wiki). Отсюда многочисленные ряды терминов, называющих родовые и видовые понятия в иерархии доминирования социальных животных: *альфа-самец, альфа-самка, альфа-курица, бета-курица, альфа-волк* и т. д.

Традиция использования букв и их названий в процессах терминообозначения, естественно, касается не только греческого, но и латинского алфавита. Но для сравнения отметим, что из всех возможных названий букв латинского алфавита активными терминокомпонентами являются только три: *икс*, *игрек* и *зет*, что, очевидно, не случайно: именно эти названия входят в русском языке в парадигму существительных мужского рода. Их употребление в функции терминокомпонентов, так же, как и греческих названий, поддерживается международной традицией использования их в обозначениях типов, разновидностей, видов чего-либо в разных науках: *зет-, игрек-, икс-хромосома, зет-код, игрек-сплав, игрек-, икс-сцепление, икс-лучи, икс-единица* и др.

Все НЗК рассмотренного типа в процессе функционирования заменяются символьными аналогами: *альфа – α, бета – β, гамма – γ, дельта – δ, икс – X* и т. д., образуя так называемые комбинированные символо-слова [5, с. 108] – вариантные дублеты сложных терминов: *альфа-активный* и *α-активный*, *альфа-клетка* и *α-клетка*, *бета-ритм* и *β-ритм*, *гамма-радиация* и *γ-радиация, икс-поколение* и *X-поколение* и т. д.

В заключение отметим, что термины с НЗК – названиями букв греческого, и в отдельных случаях латинского, алфавита представляют собой во всех терминосферах русского языка открытые ряды, активно пополняющиеся по мере развития человеческих знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астен Т. Б. Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.

2. Бондаревский Д. В. Категория неизменяемых прилагательных в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук / Д. В. Бондаревский. – Ростов-на-Дону, 2000. – 21 с.
3. Букчина Б. З. Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник: Свыше 107 000 слов. / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая – М.: Рус. яз, 1998. – 944 с.
4. Воронцова В. Л. Образование нового грамматического класса слов / В. Л. Воронцова, М. В. Панов // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 111–134.
5. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
6. Ким Л. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка: монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д.: Пороги, 2008. – 148 с.
7. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 175 с.
8. Панов М. В. Об аналитических прилагательных / М. В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М.: Наука, 1971. – С. 240–253.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЭС – Большой экономический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.

ТСИ – Новий російсько-український-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни / Уклад.: М. Д. Гінзбург, Л. І. Білоусова, І. М. Корніловська та ін. / за ред. М. Д. Гінзбурга. – Харків: Корвін, 2002. – 656 с.

Ю. Н. Киреева (г. Белгород, Россия)

АБСТРАКТНЫЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. ТОКАРЕВОЙ

Выразить новую мысль по-новому – это очень сложная задача. Однако необходимо помнить, что «наша языковая сокровищница является неистощимым запасом для всякого новотворчества в области языка. Сокровищница эта полна всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов. Но она имеет в виде этих самых шаблонов и богатый запас материалов для новотворчества, для выражения новых мыслей и новых чувств» [4, с. 134]. Таким образом, необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать новые формы выражения. Особенность выбора лексических средств или конструирования собственного, авторского новообразования создает особую картину мира художника слова, представляют собой богатый материал в словообразовательном, функциональном и семантическом планах.

Чтобы выявить отношение современного писателя к слову и словотворчеству, мы обратились к произведениям известной писательницы – Виктории Токаревой. Ее проза нашла своего читателя еще в советский период, но и сегодня ее произведения интересны молодому поколению. Методом сплошной выборки нами была составлена картотека индивидуально-авторских новообразований (ИАН). Их анализ позволил заключить следующее.

Среди ИАН преобладают имена существительные, некоторые из них повторяются у В.Токаревой в разных рассказах. Очевидно, этим подчеркивается актуальность и значимость специально созданных слов. Особую писательскую симпатию вызывают абстрактные имена существительные, которые позволяют концептуализировать наиболее значимые свойства персонажа. Как отмечает Е. С. Кубрякова, абстрактная лексика «создается для того, чтобы фиксировать имена для наиболее релевантных и значимых концептов в картине мира, а, следовательно, и для того, чтобы обеспечивать описание мира самой высокой степени сложности» [3, с. 13]. Отвлеченные существительные активно участвуют в отражении духовного мира персонажа, обозначают нравственные и эстетические категории.

В. Токарева избирательно подходит к словообразовательным моделям, по которым создает новые слова: некоторые из них входят в круг ее предпочтений. Боль-

© Киреева Ю. Н., 2013

шинство абстрактных ИАН образовано при помощи суффикса *-ость*, обозначающем отвлеченный признак или состояние человека, что становится особенно важным при характеристике героя. Таким образом, за суффиксом *-ость* в сознании автора закреплено какое-либо свойство человека. Указанный словообразовательный формант довольно продуктивен в русском языке. На это указывает и наличие в контексте других, канонических, слов с абстрактным значением (*благодарность, доверчивость, злость, надежность*). Из общеупотребительных слов с данным деривационным формантом В. Токарева использует такие слова, как *грубость, нежность, жалость, жадность, верность, старость, молодость, зрелость, реальность, гордость, справедливость, праздность, влюбленность, бедность, мудрость, мягкость, опасность, радость, усталость* и др. Абстрактные ИАН акцентируют особенность личности, ее внутреннее напряжение.

Как видим, эта словообразовательная модель является продуктивной, но писательница использует новые производящие основы. Модель абстрактные существительные с суффиксом *-ость/-есть*, мотивированные прилагательными и существительными, является для В.Токаревой одной из предпочитаемых, что подтверждается и большим количеством неузуальных существительных, образованных по этой модели. Результатом такого словотворчества становятся ***драность, танковость, иначесть, талисманство*** и др. На фоне канонических слов отчетливо прослеживается повышенная выразительность ИАН.

В основном, во всех примерах заранее приводится мотивировочная база для создания новообразования. Это развернутое описание, в состав которого входит слово с производящей основой, или слово, являющееся однокоренным производящему (***драный*** *кот;* ***танк****, усыпанный цветами; хор* ***иначе*** *резонирует; как* ***бомж***). Почти во всех примерах репрезентирован непроцессуальный признак одушевленного лица.

Анализ субстантивных ИАН свидетельствует о том, что для лексики В. Токаревой характерен так называемый морфемный повтор, наиболее типичный для разговорной речи, ср.: ***Недо****сып – угнетённость тела.* ***Недо****общение – угнетённость духа* (Я есть. Ты есть. Он есть). Используя этот прием, писательница включает новообразование в ряд однотипных по структуре слов, на которые падает смысловая нагрузка, а лексическая инновация выделяется среди этого ряда своей оригинальностью.

В. Токарева, наделяя своих героев яркими характеристиками, создает новообразования, которые позволяют ей подчеркнуть особенность, необычную черту в характере героя. Можно говорить о том, что при создании индивидуально-авторских новообразований В. Токареву не останавливают лексические ограничения. Интересным, на наш взгляд, является авторское обыгрывание слова *самость.* В рассказе «Звезда в тумане» героиня, которую бросил муж, признается: «*А сейчас надежда, и доверие, и* **самость** *сошли с моего лица*». До введения новообразования в текст В. Токарева, характеризуя героиню, довольно часто употребляет местоимение *самая* (*самая красивая, самая умная, самая–самая*). Не продолжая далее этот незамкнутый ряд, автор создает лексическое новообразование, которое выражает абсолютное превосходство героини. Следует отметить, что термин *самость* употребляется в психологии с начала XX века благодаря работам Юнга, где обозначает осознание человеком своей личности (что не совпадает со значением данного слова в рассказе В. Токаревой).

Герой рассказа «День без вранья» боялся «*обнаруживать перед завучем свою* ***несветскость***». Созданное автором слово вмещает в себя такие отрицательные качества, как непунктуальность, невежливость, невоспитанность, то есть те, которые не совместимы с понятием *светскости*.

В. Токарева создает ИАН с суффиксом *-ость* для описания внешности одного из героев и в другом рассказе, ср.: «*Иван похудел, оброс щетиной, как бомж.* ***Бомжеватость*** *ему шла*» (от ИАН *бомжеватый*). Автору не достаточно сравнения про-

игравшего выборы депутата с бомжом – В. Токаревой необходимо подчеркнуть, что в данный момент Иван оказался в определенном душевном состоянии, характеризующемся запущенностью, безысходностью, отстраненностью.

Необходимо отметить, что лексические новообразования в тексте В. Токаревой не изолированы от языковой системы. Так, героя, встречающегося с разными женщинами, она называет авторским словом *гаремный*. В тексте отмечена антонимическая пара *гаремный–моногамный*. Далее в тексте появляется производное слово: *Откуда в Феликсе была эта* **гаремность**? (Маша и Феликс). Образуется словообразовательное гнездо, свидетельствующее об особой позиции и нагрузке слов с отмеченным корнем.

Каждое из созданных слов помогает создать необычный образ, передает то или иное свойство или состояние, несет определенную стилистическую нагрузку. В художественных произведениях ИАН, образованные от стилистически нейтральных слов, выполняют не только информативную, но и эстетическую функцию, обретают соответствующую экспрессивную окраску.

Анализ извлеченных нами абстрактных индивидуально-авторских образований В. Токаревой позволил заключить, что в большинстве своем они органично вплетены в ткань произведения, помогают передать определенное свойство или состояние, выполняют эстетическую функцию в художественном произведении. Немногочисленные ИАН, как правило, выразительны и оригинальны, они являются результатом лингвокреативности современного писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Н. Окказиональное в художественном тексте / Н. Бабенко. – Калининград, 1997. – 110 с.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
3. Кубрякова Е. С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Том 65. – № 2.
4. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 187 с.

О. Е. Козлова, Т. В. Стрелкова (г. Днепропетровск)

ТЫ ПОСТИШЬ, ОН БУТИТ… А Я ЧТО ДЕЛАЮ?

Стремительное развитие и вхождение в повседневный быт миллионов людей Интернета, прошедшего за двадцать пять лет эволюцию от секретного средства специальной связи до вполне доступного и популярного средства массовой коммуникации, привело к появлению в русском языке и во многих других языках мира новых групп лексики, обозначающей специфические для работающих и общающихся в «паутине» людей действия. Такая глагольная лексика, пожалуй, может претендовать на статус интернациональной, поскольку в основном заимствована из «родного» языка Интернета – английского, однако в отличие от интернациональных терминов, которые тщательно кодифицируются и используются в разных стилях литературного языка, интернет-лексика, которая стала привычной для миллионов пользователей, функционирует в рамках хотя и особой, но неофициальной, непринуждённой сферы общения, что позволяет отнести её к сленгу.

Спецификой функционирующей в процессе интернет-общения глагольной лексики английского происхождения является, с нашей точки зрения, то, что она заимствуется, становится популярной и известной благодаря письменным тестам, распространяющимся во Всемирной паутине, но результаты такого заимствования больше похожи на заимствования устные, в процессе которых, как известно, слово из языка-донора подвергается не только грамматическому оформлению средствами языка-реципиента, но и претерпевает значительные звуковые изменения и даже искаже-

© Козлова О. Е., Стрелкова Т. В., 2013

ния. Звуковая оболочка английских заимствований искажается в русском языке особенно часто потому, что написание и произношение слов в языке-источнике часто не совпадают, тогда как при стихийном освоении современный пользователь русскоязычного Интернета ориентируется на письменную оболочку слова (достаточно сравнить название программы Word на русском и английском языках).

Кроме того, грамматическое освоение иноязычных глаголов в русском языке сопряжено с необходимостью в случае их вхождения в лексическую систему (или даже её небольшую подсистему) образовывать большое количество грамматических форм, на которые так богат русский глагол. Это создаёт дополнительные трудности при заимствовании именно глаголов, некоторые формы которых долго воспринимаются как «экзотические», в то время как освоение имён существительных, парадигма которых ограничена, как правило, десятью–одиннадцатью формами, проходит довольно безболезненно, если не с точки зрения культуры речи, то хотя бы с точки зрения грамматики (ср. *блогер, юзер, пост, сайт, лайк* и т. п.).

Большое количество специальных слов с английскими корнями, широко использующихся в интернет-коммуникации, уже привлекло внимание лингвистов и специалистов в области компьютерной техники и привело к появлению (прежде всего в Рунете) специальных справочников и словарей, разъясняющих их семантику (см., напр., [2]). Однако очевидно, что даже пояснения и толкования не помогают преодолеть трудности в образовании некоторых вполне необходимых форм интернет-глаголов в русском языке, а «стихийная» грамматическая обработка этих лексических единиц носителями русского языка не помогла преодолеть эти трудности.

Некоторые из глаголов интернет-сленга сегодня хорошо известны большинству рядовых пользователей Интернета (например, *постить, спамить, зафрендить, троллить* и др.), часть же пока что в ходу только у «продвинутой» их части и специалистов (*бутить, фиксить, бажить* и под.). Объединяет большинство этих глаголов очень существенная для их грамматического освоения (имеется в виду в первую очередь формообразование) особенность: они имеют основу инфинитива на *-и(ть)* и пополняют собой относительно немногочисленное подмножество русских глаголов второго спряжения. С этой грамматической характеристикой, как известно, связан целый ряд правил образования лично-числовых форм подобных глаголов в настоящем и будущем времени изъявительного наклонения и специфика сопровождающих это формообразование морфонологических чередований звуков.

Так, академическая «Русская грамматика» относит глаголы такого типа к первому подклассу десятого словоизменительного класса (соотношение основ инфинитива (прошедшего времени) и настоящего/будущего времени *«и – нуль»: бели-л-а – бел-ят* [1, с. 660]. Вторая формообразующая основа этих глаголов может оканчиваться на парно-мягкую согласную, шипящую или [j] (напр., *ход-ят, крас-ят, леч-ат, до[j-а]т*), однако в формах 1-го лица единственного числа перед окончанием *-у* происходят различные чередования переднеязычных и губных согласных с шипящими и сочетаниями «губной+л’», которые в некоторых случаях затрудняют образование этих личных форм и делают парадигму глагола ущербной (пожалуй, одним из самых известных примеров такой ущербности является отсутствие в современном русском языке формы 1-го лица единственного числа глагола *победить*).

Между тем именно такое звуковое оформление имеют основы большинства исходных английских слов, заимствованных сленгом Рунета, что и тормозит их полное грамматическое освоение. Так, например, у глаголов *бэкапить* (англ. *back up*) – «делать резервные копии», *спамить* (англ. *spam*) – «рассылать спам (информационный мусор)»; *сейвить* (англ. *save*) – «сохранять» вторые основы оканчиваются губными или губно-зубными согласными (*сейв-ят, бэкап-ят, спам-ят*), поэтому по правилам русского языка в формах первого лица единственного числа должно происходить чередование конечных звуков с сочетаниями «губной+л’» (ср.: *копить – коплю, громить – громлю, ловить – ловлю*). Такое чередование в сочетании с английскими

корнями, очевидно, пока что кажется носителям русского языка неорганичным, и формы типа *спамлю, * бэкаплю, *сейвлю практически не употребляются.

Если основа глагола второго спряжения оканчивается переднеязычным согласным, то в формах первого лица единственного числа обязательно происходит чередование с шипящими звуками (ср. русск. *прост-ят – прощ-у, уход-ят – ухож-у, порт-ят – порч-у, крас-ят – краш-у* и т. п.). Именно такие замены звуков должны были бы наблюдаться в форме первого лица единственного числа у глаголов *флудить* (англ. *flood*) – писать большое количество одинаковых сообщений», *апгрейдить* (англ. *upgrade* – «усовершенствовать, модернизировать», *фиксить* (англ. *fix*) - «исправлять, налаживать», *постить* (англ. *post*) – «размещать сообщения на форуме или в блоге», *бутить* и *ребутить* (англ. *boot*, *reboot*) – «загружать» и «перезагружать», *парсить* (англ. *parse*) – «разбивать код страницы на отдельные части», *френдить* (англ. *friend*) – «вступать в один из видов виртуальной дружбы», *юзить* (англ. *use*) – «пользоваться» и нек. др. Однако же потенциальные формы типа **флужу, *пощу,*паршу, *бучу, *френжу, *фикшу* настолько фонетически «отрываются» от инфинитива, что пока трудно представить возможность их использования в будущем.

Несколько иначе адаптируются в языке Рунета английские глаголы, оканчивающиеся на заднеязычные согласные [g] и [k]. В таких случаях чередования *к/ч* и *г/ж* происходят еще в основе инфинитива перед суффиксом *-и(ть)* и сохраняются во всех лично-числовых формах настоящего/будущего времени.

Например, английское hack («взломать») приобрело начальную форму *хачить* и соответственно лично-числовые формы *хачу, хачишь, хачит, хачим, хачите, хачат,* английский глагол *debug* («устранять неполадки в программе») превратился в русский *дебажить* и имеет лично-числовые формы *дебажу, дебажишь, дебажит, дебажим, дебажите, дебажат* и т. п. Очевидно, что использование или отказ от использования таких форм (как и глаголов вообще) зависит от языковых пристрастий конкретного человека и интернет-сообщества в целом.

Почему же при таких неудобствах в использовании все приведенные глаголы получают инфинитив на *-и(ть)*, ведь в русском языке возможны и другие виды оформления глагольных заимствований (напр., *маршировать*)? Ответ на это вопрос дает словообразовательная семантика. Именно русские глаголы на *-и(ть),* образованные от имен существительных (а как раз такую форму с точки зрения носителей русского языка имеют английские глаголы, оканчивающиеся на согласный), выражают словообразовательные значения «создавать то, делать то, что названо производящим существительным» (то есть *френдить* – «создавать друзей», *бэкапить* – «делать бэкап (создавать резервные копии)», *постить* – «создавать посты» и т. д.), а также «заниматься тем, что названо производящим существительным» (напр.: *апгрейдить* – «делать апгрейд (модернизацию)», *бутить* – «заниматься бутом (загрузкой компьютера)» и т. д.

Вместе с тем нельзя не отметить и группу интернет-глаголов, которая достаточно быстро и без каких-либо формальных трудностей уже почти освоена множеством носителей русского языка. Эти глаголы также относятся ко второму спряжению, а в английском языке их основы оканчиваются на такие согласные звуки, которые в русском языке не подвергаются морфонологическим чередованиям.

Пожалуй, первое место среди довольно хорошо известных специфических глаголов Интернета занимает глагол *троллить* (англ. troll – «ловить рыбу блесной»), который приобрел новое значение «размещать в Интернете неправдивые сообщения провокационного характера». В языке российских печатных средств массовой информации, радио и телевидения этот глагол появился и начал активно использоваться накануне парламентских и президентских выборов 2011–2012 годов, когда стало понятно, что с помощью троллинга можно довольно эффективно воздействовать на общественное мнение и подорвать репутацию неугодного политика или кон-

курента. На Интернет-форумах и в блогах активно используются все лично-числовые формы этого глагола.

Довольно популярен в Рунете и глагол *банить* (англ. ban – «запрещать, объявлять вне закона»), обозначающий способ контроля за действиями пользователей, который заключается в лишении прав на постановку оскорбительных вопросов или публикаций такого характера.

Среди новых интернет-глаголов можно отметить и такой, как *рарить* – «использовать RAR-архиватор». Этот глагол и его префиксальные производные используют множество людей, создающих архив в персональном компьютере.

Впрочем, русскоязычный Интернет (Рунет) только начинает свой исторический путь, и судьба многих из приведенных нами глаголов еще не решена. Есть надежда, что отечественные пользователи со временем будут не *апгрейдить*, а улучшать системы и программы, не *бутить* и *ребутить*, а загружать и перезагружать компьютеры, не *фиксить*, а налаживать работу своих ПК, а *троллить*, *хачить* и *флудить* не будут совсем. Поживем – увидим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой]/. – М.: Наука, 1980. – Т.1.
2. Словарь Интеренет-сленга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uralweb.ru/pages/archive.php?id=2006.09.17.11

С. Б. Колковска (г. София, Болгария)

ФАКТОРИ ЗА СЕМАНТИЧНА НЕОЛОГИЗАЦИЯ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

Като процес на възникване на нови лексикални и семантични единици в езика неологизацията се обуславя от редица фактори – както екстралингвистични, така и вътрешноезикови, обусловени от самата природа на езика и от заложените в него вътрешни механизми за развитие [1; 2, с. 1]. Известно е, че екстралингвистичен фактор за появата на лексикални и семантични неологизми е номинативната необходимост от назоваване на нови понятия, а сред лингвистичните предпоставки на първо място се нарежда потребността от емоционално-експресивно преназоваване на вече назовани понятия. Към лингвистичните стимули за неологизацията се отнасят и стремежът към езикова икономия [1], езиковата системност [2, с. 1] и други. Семантичната неологизация като процес на поява на нови значения в езика се обуславя на първо място от действието на посочените общи фактори за неологизация. Същевременно тя се стимулира и от специфични само за нея вътрешноезикови причини като напр. посочената от Л. Ю. Касьянова редовност на типа семантичен пренос при дадено ново значение [2, с. 1]. Наблюденията върху семантичните иновации в българския език показват, че към вътрешноезиковите стимули за семантичната неологизация трябва да добавим още един фактор, проявяващ се в рамките на словообразувателното гнездо и свързан с тенденцията към семантична съотносителност на неговите членове. Семантичната съотносителност се изразява в развитието на съотносителни значения обикновено при производни думи по отношение на мотивиращата дума в гнездото, по-рядко – при отделни производни думи, които си влияят със своята семантика. Трябва да се уточни, че за съотносително приемаме такова значение на производна дума, което, съотнесено към съответно значение на мотивиращата дума или на друга производна дума в гнездото, в първия случай го включва в състава си (при подчиняването му на друга интегрална сема), а във втория случай има обща част с него. Пример за първия случай на семантична съотносителност е новото значение на деривата *осиновител ‘Лице или организация, фирма, които осиновяват (=поемат издръжката на) животно в зоопарк*’, стимул за появата на което е новото значение на мотивиращия глагол *осиновявам ‘Поемам издръжката*

© Колковска С. Б., 2013

на животно в зоопарк'. Развитието на съотносителни значения при производни думи от едно гнездо може да се илюстрира от новото значение на същ. *ликвидатор* ('*Участник в ликвидационен съвет*'), което се предхожда от новите значения на същ. *ликвидация* ('*Преустановяване на съществуването на трудовите кооперативни земеделски стопанство в България*') и на прил. *ликвидационен* ('*Който е свързан с извършването на дейност по преустановяване на съществуването на трудовите кооперативни земеделски стопанства*').

За да се опишат коректно съотносителните нови значения на производни думи, трябва да се отбележи, че макар появата им да е стимулирана от нови значения на други членове на словообразувателното гнездо, те може да се изведат от по-рано възникнали семеми в семантичната структура на съответната лексема, към която принадлежат. Ето защо в синхронен план се разглеждат като резултат от семантична деривация.

Развитието на съотносителни нови значения при производни думи може да се обясни с действието на семантична аналогия в словообразувателното гнездо. Семантичната аналогия е само една от проявите на фактора аналогия, който, както сочи Е. С. Кубрякова, е мощен стимул за развитие на езика както в словообразуването, така и на всички други равнища на езика [3, с. 15]. На семантично равнище проявите на аналогия обикновено се свързват със синонимната аналогия. Както показват направените тук наблюдения, като резултат от семантична аналогия може да се разглеждат и съотносителните преносни значения на членовете на словообразувателното гнездо.

За да послужи като импулс за развитието на ново значение на производна дума, тенденцията към семантична съотносителност трябва да се подкрепя и от комуникативна необходимост от появата на това значение. Съчетанието на тези два фактора води до преосмисляне на редица производни думи в българския език по аналогия на предхождащо семантично развитие на мотивиращата ги лексема или на друга производна дума от същото гнездо. Например новите значения на *сърфист* ('*Човек, който сърфира в интернет*'), *сърфистка* ('*Жена, която сърфира в интернет*') и *сърфистки* ('*Който се отнася до сърфист и до сърфиране*') възникват по аналогия на новото преносно значение на мотивиращата дума *сърфирам* '*Преглеждам различни страници в интернет, за да търся информация*'. Проява на семантична съотносителност е и новото значение на прил. *клиентски* (*Комп.* '*За компютърна програма – чрез която компютър, свързан в мрежа, може да получи достъп до програмите и ресурсите на друг компютър от мрежата*'), което е стимулирано от новото значение на същ. *клиент* (*Комп.* '*Компютър в мрежа, който има достъп до ресурсите на друг компютър в мрежата*').

С отчитането на семантичната съотносителност като вътрешноезиков фактор за семантична неологизация се обогатяват представите ни за сложните езикови механизми на пораждането на семантични иновации в езика, обусловени от съвместното действие на редица причини.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков С. С. Неологизмы и внутренные стимулы языкового развития / С. С. Волков, Е. В. Сенько // Новые слова и словари новых слов. – Л.: Наука, 1983. – С. 43–57.
2. Касьянова Л. Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века / Л. Ю. Касьянова // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (Филология) – 2006. – Вып. 5 (56). – С. 5–10.
3. Кубрякова, Е. С. Роль аналогии в порождении новых производных слов / Е. С. Кубрякова // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. – М.: Изд. Москов. ун-та, 2010. – С. 14–24.

Н. Д. Коловоротна (м. Харків)

АКСІОЛОГІЧНА ПРАГМАТИКА МОВЧАННЯ В УКРАЇНСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Феномен *мовчання* віддавна привертав до себе увагу представників гуманітарної науки. Ця невербальна складова людського спілкування перебувала в полі зору передусім антропологів, філософів, психологів, психіатрів, соціологів, які акцентували увагу на вагомості невербальних засобів для вираження відповідної прагматичної інформації, емоцій, адже емоційність лежить на поверхні, а комунікативність невербальних компонентів має глибинний характер через їх дуалістичну природу, що виражається у процесі інтеракції як моделювання і сприйняття відповідної інформації [7, с. 18].

Мовчання як засіб невербальної комунікації посідає важливе місце в житті й спілкуванні кожної людини, оскільки має комунікативну значущість, тобто «здатність виступати в ролі, що зазвичай притаманна мовним знакам, а саме: формувати висловлення та передавати інформацію, що сприяє розвитку, просуванню й регулюванню комунікативного процесу» [7, с. 32]. Як вагому складову комунікативного процесу мовчання досліджувала низка вітчизняних (Т. Анохіна, Ф. Бацевич, Л. Безугла, Т. Осіпова, І. Рудик, А. Свєтлова та ін.) і зарубіжних (Н. Арутюнова, В. Богданов, С. Данилов, М. Дмитровська, Н. Корнилова, С. Крестинський, С. Мелікян та ін.) дослідників. Однак попри активну розробку цього питання в полі зору дослідників досі не була специфіка омовлення мовчання в українському художньому дискурсі, з'ясування й вербалізація його амбівалентності в українській лінгвокультурі.

Учені зазначають, що найчастіше й найбільш точно оцінюються людиною ті засоби, які їй потрібні для досягнення практичних цілей. Застосування оцінних предикатів до того чи іншого фрагмента дійсності, на думку Г. Слишкіна, можна вважати показником існування в межах певної культури концепту, заснованого на цьому елементі дійсності [6, с.12]. Стосовно комунікативно значущого мовчання зауважимо, що воно має амбівалентну оцінку як особистісну, так і соціальну. І це цілком закономірно, адже йому, як і будь-якому іншому культурно значущому концепту, властива неоднозначність в оцінюванні.

Для адекватного лінгвістичного аналізу мовчання, осмислення його природи необхідний комплексний підхід. На амбівалентність мовчання звертає увагу Г. Почепцов, який підкреслює: «Парадокс мовчання (як, утім, і слів) полягає в тому, що мовчання здатне викликати протилежні ефекти, позитивний і негативний, у межах деякого спільного функціонального використання» [4, с. 45].

У свідомості української лінгвоспільноти мовчання здебільшого позитивно конотоване, що підтверджує аналіз фразеологічних одиниць і паремій. Фразеологізми на позначення мовчання засвідчують його амбівалентну сутність. Наприклад, позитивною є оцінка стриманої мовчазності, обачності в розмовах, нерозголошення таємниць: *держати язик за зубами (на зашморзі, на прив'язі, на припоні).* Фразеологічні одиниці *проковтнути язика, язик приріс до піднебіння, язик стає руба, язик у петлю скрутило, брати язика на гаплик, присохнути на язику, зав'язати рот, засупонити пащу (пельку, рота), держати язика на зашморзі* навпаки є негативно конотованими. На думку О. Селіванової, негативна оцінність цих фразеологізмів «зумовлена відношенням мовчання до його причин, переважно негативним емоційним станом людини (хвилюванням, злістю, роздратуванням), а також примусовим характером дії» [5, с. 45].

В омовленні й концептуалізації мовчання важливу роль відіграють паремії. Подібно до ФО паремії як стійкі надслівні вербалізатори здебільшого позитивно оцінюють мовчання: *порожня бочка гудить, а повна мовчить; Порожній посуд здаля*

© Коловоротна Н. Д., 2013

дзвенить (порівн. асоціацію голови з бочкою, посудом), *Хто мовчить, той двох навчить* та ін. Т. Космеда підкреслює, що «у мовній свідомості слов'ян «мовчання» асоціюється з добром, із позитивним» [3, с. 134]. Мовчання в пареміях виступає як важливий чинник успішної комунікації, що представлено у формі приписів, правил, керівництва до дії, напр.: *Їж борщ із грибами, держи язик за зубами; Або розумне казати, або зовсім мовчати; Не до ладу сказати – краще змовчати; Мовчи, язичку, дістанеш паляничку; Хто мовчить, той лиха збудеться* [8, с. 226–236] та ін.

У художньому дискурсі знаходимо безліч підтверджень амбівалентної сутності комунікативно значущого мовчання. Зокрема, мовчання може бути знаком самовідсторонення: «*Чоловік* ***мовчки*** *прийняв правила моєї гри – і навіть не спромігся піддати їх сумнівам. Принаймні уголос*» (М. Матіос). Воно може засвідчувати, що адресат не буде перешкоджати діям адресанта, але не хоче нести за них відповідальність [2, с. 426]. Таке мовчання-згода номінується *мовчазною згодою: «Ішов на роботи навіть непосильні, займав місце поряд з найвитривалішими, мовби хотів вивірити себе, упевнитись, чого він сам вартий… І все це з його, Івана Оскаровича,* ***мовчазної згоди, що дорівнювалась велінню****»* (О. Гончар).

Мовчання може сприйматися як протистояння руйнівній силі слів: «*До ночі блукали Києвом. Приголомшені власним рішенням, схвильовані, розбурхані.* ***Майже не розмовляли,*** *ніби слова руйнували незбагненну гармонію почуттів, поглядів, легких рухів*» (Люко Дашвар).

За допомогою мовчання комуніканти можуть дійти згоди в якомусь питанні (*мовчазний договір*): «*Про Ліду не говорили. Наче уклали* ***мовчазний договір****: не згадувати, не розпитувати, не лаяти*» (Люко Дашвар) або ж, навпаки, можуть виражати протистояння (*мовчазний конфлікт*): «*Тепер, крім жвавого морячка, дорога якому лежала аж до кінцевої пристані й навіть ще далі, з старих пасажирів зосталися на пароплаві тітки, що супроводили картоплю, та лисий дядько, який тримався відсторонено, бо після тої сутички за обідом з приводу своїх проектувань досі перебував із степовичками* ***в мовчазному конфлікті***» (О. Гончар).

Міжособистісне мовчання має аксіологічий характер, оскільки засвідчує схвалення / несхвалення, зацікавленість / байдужість, провину, страх, зніяковіння тощо.

Н. Арутюнова зауважує, що в контексті діалогу й міжособистісного спілкування мовчання найбільше асоціюється з не-відповіддю, неповідомленням інформації зацікавленій особі, невисловленням думки у зв'язку з побоюваннями або для уникнення небажаних наслідків [1, с. 110]. Очевидно, підтвердженням цьому є діалог, де батько не підтримує нарікань матері стосовно поведінки сина, побоюючись розпалити ще більший конфлікт у родині:

«*– ... Михайло працює коло нас, мов чорний віл, не має супокою, аби все в ладі утримати, зривається від рання до вечора, а сей тратить свої дні і свої молоді сили там, для поганця. Вам би побити його з раз, Івоне!*

Івоніка мовчав*, і* ***німе зітхання зняло йому грудь****. Він се знав. Він знав багато дечого іншого, чого вона не знала. ...* ***Але мовчав****. Сава ж був його дитина!*» (О. Кобилянська). Таке мовчання адресата сприймається як реактивна репліка, що має на меті уникнення експліцитно вираженої негативної реакції, імпліцитно реалізуючи її мовчанням, тому що відверта відповідь може образити, розчарувати співрозмовника. Очевидно, в такому разі можемо говорити про конфліктопревентивне мовчання, що реалізує стратегію ввічливості.

Близьким до міжособистісного комунікативно значущого мовчання є світське мовчання – мовчання в товаристві, неучасть у бесіді, обміні думками, спільній розмові, співі [2, с. 427]. Цей тип мовчання теж має різні причини, зокрема небажання підтримувати розмову через відмінність інтересів присутніх, відсутність між ними духовної близькості: «*За мить пісня об'єднала всіх ... Природа не обдарувала Степана співучою здібністю його народу, і він знову чужий був серед цієї громади. Він почував* ***безглуздість свого становища тут, де він був мовчазним йолопом, що за весь вечір тільки раз розтулив рота, та й то невдало***»

(В. Підмогильний). Воно може бути мовчазним докором, що спричиняється до зніяковіння товариства: «*З його [лісника] появою на мить усі відчули себе ніяково, наче він застав їх на місці якогось злочину. Його теж стали припрохувати до юшки, але* ***він, як німий, не відгукнувся****. Постояв, подивився на багаття… і* ***мовчки закрокував далі*** *через Писанчин поруб, де всюди, тут і там, темніли в надвечір'ї колоди неліквідних верб.*

– Нудний чоловік, – промовив після мовчанки вслід лісникові шофер Самарський» (О. Гончар).

Причиною світського мовчання може бути пригнічений стан, збайдужіння, незацікавленість у предметі розмови тощо: «*Ще вони [голови] гомоніли після цього про горох, міркували з сміхом, чи можна з гороху спекти українську паляницю, заохочували до цих жартів і Кресафта****, але він мовчав****,* ***чманів похмуро, думки його були все про те, як обіцяв людям на зборах у присутності Другого і як йому було повірено тоді***» (О. Гончар).

У локальному соціумі (селі, на виробництві) таке мовчання часто негативно конотоване, оскільки замкнутість людини сприймають як нещирість, інакомислення: «*Орися … рокитнянська тепер, та тільки до розмов не цікава,* ***знай мовчить, як той бундюк****, а рокитнянці ж – вони інші, у них завжди зайве слово на язиці. «Е, ні, – думають. – Чужа дівка! Як була нетутешньою, такою і лишилася»*» (Люко Дашвар). Однак його причиною може бути, навпаки, вихованість, чемність одного зі співрозмовників: «*– Справді, – озвався Завірюха, котрий* ***досі чемно мовчав.*** *– Ми гаємо час*» (В. Шкляр).

Як видається, заслуговує на увагу ще один аспект світського мовчання, а саме мовчання юрби відносно окремої особи-комуніканта. М. Метерлінк писав: «Ми складно переносимо самотнє мовчання; але мовчання кількох, мовчання багатьох і особливо мовчання натовпу – такий непосильний тягар, що навіть найсильніші душі жахаються від його непояснюваної тяжкості» (цит. за: [4, с. 45]). Таке мовчання може відбуватися при протистоянні, позначеному зростанням напруження: «*І мамка – до Раїси... І стали – одна поперед одною. А шанівці – в стороні.* ***Мовчать, як поніміли****. Навіть Тамарка за свого сина слова не вставить*» (Люко Дашвар).

Мовчання товариства може бути виразником загальної тривоги, це зловісне мовчання, що вказує на трагедію: «*Схаменулася [Ганя], коли вулицею забігали люди..., а потім побачила біля хвіртки купку рокитнянців – товчуться, між собою перемовляються, у бік Ганиних вікон зиркають та підштовхують одне одного до хвіртки.*

Упало серце. Вийшла надвір. Рокитнянці замовкли*.*

– Ганю! – заплакала Нечаїха. – ***Юрко втопився****...*» (Люко Дашвар).

На відміну від комунікативно значущого міжособистісного мовчання, соціальне мовчання, що означає не власне мовчання, а невисловлення своєї громадянської позиції стосовно захисту своїх прав чи прав і гідності інших утискуваних громадян, по суті співвідноситься з невиконанням громадського обов'язку [1, с. 112].

Отже, комунікативно значуще міжособистісне мовчання характеризується як амбівалентний феномен, що може мати як позитивну, так і негативну конотацію. Переважно позитивно мовчання характеризується в пареміях, більше негативної конотації в оцінці мовчання вербалізують фразеологічні одиниці. Художній дискурс унаочнює всю широку панораму значень мовчання в комунікативному акті і, відповідно, увесь спектр оцінок. Соціальне мовчання омовлюється як негативне, оскільки розглядається як зрада, брехня. Однак позитивно конотованим є мовчання творчої людини, що є ознакою акумуляції творчих сил, намаганням зберегти свою самобутність.

Як видається, в подальшому перспективним буде дослідження репрезентації концепту «мовчання» в поетичному й прозовому дискурсі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: Контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 106–117.
2. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке: сб. статей / под общ.ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 417–436.
3. Космеда Т. А. Прагматика мовчання крізь аксіологічну призму (сфера судочинства) / Т. А. Космеда // Уч. записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Филология. – Том. 18 (57). – № 1. – 2005. – С. 134–137.
4. Почепцов Г. Г. Молчание как речевой акт или how to do things with out words / Г. Г. Почепцов // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. – Вып. 252. – М., 1985. – С. 43–52.
5. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Е. А. Селиванова. – К.: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
6. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
7. Солощук Л. В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англомовному дискурсі: монографія / Солощук Людмила Василівна. – Харків: Константа, 2006. – 300 с.
8. Українські прислів'я та приказки / упоряд. С. В. Мишанича та М. М. Пазяка. – К.: Дніпро, 1984. – 390 с.

А. Е. Коломойченко (г. Днепропетровск)

ИНОЯЗЫЧНОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как известно, имена собственные (ИС) в любом языке – особенные слова. На письме в разных языках они, как правило, выделяются написанием с прописной буквы, кавычками, особыми иероглифами или картушами. Прагматическое значение присутствует у имени собственного постоянно, в то время как у нарицательных оно представлено не так регулярно. ИС характеризуется обилием эмоционально-стилистических вариантов, передающих, в первую очередь, разного рода коннотативное содержание личных имен.

Ономастические единицы в художественном тексте проявляют свои особые функциональные свойства. Степень насыщенности художественного текста и всего творчества писателя именами собственными может варьироваться от нескольких единиц до нескольких тысяч. В ономастическое пространство входят и производные образования от имен собственных, и контекстуальные имена собственные, и местоименные субституты, и перифразы ближайшего контекста. В художественном мире ономастическая лексика выступает у каждого писателя как особенно заметное, стилистически и семантически маркированное экспрессивное средство, как яркая примета идиостиля.

По нашим наблюдениям, прагматика использования иноязычного имени собственного носителями русского языка обусловлена следующими факторами.

Исторический фактор имеет место в том случае, когда в тексте отражен тот факт, что в определенные исторические периоды использовались иноязычные аналоги русских имен. Ярким примером может служить роман «Война и мир» Л. Н. Толстого, где большинство героев носит французские имена: *Элен, Пьер, Анатоль* и т. п., и роман «Анна Каренина», где преобладают англизированные имена, тогда как в семейной обстановке используются имена русские. Проиллюстрируем сказанное следующим примером: *На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский – Стива, как его звали в свете…*

Очень важны для понимания прагматики имени собственного семейные традиции, когда то или иное имя выбирается «в честь» кого-либо, например: *На одном из концертов она познакомилась со студенткой из Испании, дочерью пламенного борца с франкистским режимом, Хуанитой Геррера. Хуанита довольно прилично говорила по-русски, и девушки быстро сдружились. Узнав, что Зоя на четвертом месяце беременности, Хуанита радостно заявила: – Мы с тобой теперь сестры, и давай договоримся, что я буду крестной матерью твоего ребенка. Мы сейчас придумаем имена для мальчика и для девочки, и ты дашь мне слово, что назовешь*

© Коломойченко А. Е., 2013

ребенка именно так, как мы придумаем. А я буду всегда молиться за своего крестника. На том и порешили. Имена выбирали долго и вдумчиво, обеим хотелось, чтобы имя Зоиного малыша было хоть как-то связано с испанской крестной. Мальчика решили назвать Иваном, поскольку сочли, что Иван аналогичен ***Хуану****, для девочки же выбрали имя* ***Анита*** [А. Маринина, Закон трех отрицаний].

В 20–30-е годы XX века в советской литературе иноязычное имя использовалось для резкой критики «мещанства». Выбор имени, которое звучит подчеркнуто претенциозно, давал возможность резко негативной оценки персонажа: *Это он себе фамилию изобрел. Присыпкин. Ну, что это такое Присыпкин? На что Присыпкин? Куда Присыпкин? Кому Присыпкин? А Пьер Скрипкин — это уже не фамилия, а романс!* [В. Маяковский. Клоп].

Эта традиция иронического или саркастического отношения к персонажу, носящему иноязычное имя, продолжилась и в литературе последующих лет: *Шавеленкову на трибуне сменила представительница международного отряда передового женщинства, польская поэтесса Бандерра Бригадска. Будучи польской, она была в то же время и советской, поскольку жила в Москве со своим мужем, заядлым сталинистом и лауреатом Корнейчучиным* [В. Аксенов. Таинственная страсть]

Стремление выделить ребенка с помощью иностранного имени занимает важное место как в реальной жизни, так и в литературе. В пьесе В. Маяковского «Клоп» упомянутый выше Пьер Скрипкин мечтает о необычных именах для своих детей: *Что ж я без глаз, что ли? А ежели у нас двойня родится? Это вот на Дороти, а это на Лилиан... Я их уже решил назвать аристократическо-кинематографически... так и будут гулять вместе. Во! Дом у меня должен быть полной чашей. Захватите, Розалия Павловна!*

В Интернете при обсуждении иноязычных имен встречаются следующие соображения: *Меня мама хотела назвать Эвелиной,в автобусе ехала будучи беременной, услышала как зовут девочку «Инга», оглянулась – такая хорошенькая девочка-и сразу выбрала это имя. А когда мне рассказала эту историю-я жалела, что не стала Эвелиной и мечтала так назвать свою дочку, но когда родила – не решилась – очень экзотично показалось. Так она стала Яной.*

Анализ некоторых прагматических факторов использования иноязычных имен является одним из аспектов системного подхода к ключевым проблемам функционирования антропонима в художественном произведении. Применение данного подхода позволяет включить литературный антропоним не только в национальную, а и международную ассоциативно-вербальную сеть и определить антропонимическое своеобразие того или иного произведения. Дальнейшие перспективы исследования мы видим в изучении функций, которые то или иное иноязычное имя выполняет в художественном тексте.

В. В. Корольова (м. Дніпропетровськ)

КОЛЬОРОВА СИНЕСТЕЗІЯ В ПОЕЗІЯХ ОКСАНИ ЗАБУЖКО

Феномен синестетичного мислення, а також роль синестезії в сучасному мистецтві привертає увагу мовознавців уже багато років, починаючи з сонета французького поета-символіста Артюра Рембо «Голосні», у якому подаються розфарбовані звуки. Художня синестезія у процесі творчості спирається на «універсальну здатність людини до слухо-зорового асоціювання, яке відображує усю складність можливих відносин між видимим та почутим при полісенсорному контакті з дійсністю» [3, с. 55].

Для української ментальності прояви синестезії є характерними. Так, мовознавець О. О. Потебня зазначав: «У слов'янських мовах, як і в багатьох інших, цілком

© Корольова В. В., 2013

звичними є зближення сприйняттів зору, дотику і смаку, зору і слуху» [4, с. 78]. Саме останній прояв синестезії є найбільш поширеним у мові поетичних текстів. Кольорова синестезія притаманна поетичному мовленню Б. І. Антонича, М. Вороного, Ю. Клена, Лесі Українки та ін. Метою нашої розвідки є аналіз кольорової синестезії в поетичних текстах Оксани Забужко на матеріалі збірки «Друга спроба» [2]. Відсутність спеціальних досліджень синестетичної мовної репрезентації в сучасних поезіях зумовлює актуальність запропонованої роботи.

Загалом етимологічно значення слова «синестезія» (з грецьк. *synaesthesis*) випливає з природно-біологічної властивості людини одночасно переживати враження, отримані кількома органами чуття, наприклад, сприймання кольору або світла через звуки й навпаки. У лінгвістиці це поняття використовується на позначення механізму метафоричної аналогізації, що формується на сфері зорових, смакових, слухових, одоративних, тактильних відчуттів людини, які постачають власні одиниці на позначення інших концептуальних сфер. У вузькому розумінні синестезія – це взаємодія слів, що стосуються лише чуттєвого сприйняття (А. А. Капанова, О. І. Кундик), а в широкому – використання також слів на позначення емоцій або інших абстрактних чи конкретних понять (С. В. Воронін, В. Г. Гак, Дж. Серль). Ми розглядаємо синестезію в широкому розумінні.

У поетичних творах Оксани Забужко кольорова синестезія виникає як суб'єктивне переживання, але одночасно має об'єктивну значимість. Емоції, почуття, що залежать від внутрішнього стану, можуть бути виражені різними кольорами, напр.: «Любов! Не прихистку прошу – // *Свободи, світлої* й страшної…» [2, с. 135]; «*Срібний дріб'язок спогадів* знай начищаю: шиза нумізмата!» [2, с. 255].

В аналізованих поезіях найактивніше вживаються в синестетичних конструкціях кольороназви ахроматичної гами (*білий*, *сірий*, *чорний*), напр.: «Ах панунцю Катрусю – // капелюшик з широкими крисами! // Але – *сіра паморозь погляду*: // в що вслухались? Куди Ви дивились?..» [2, с. 91–92]; «У чорнозем, у воду, у ґлей, у повітря в'язке і густе // Ти щокрок висівав – наконечники *чорного страху*, // Тож на згарищах Трої відтоді ніщо не росте» [2, с. 159].

Поширеним використанням відзначаються й лексеми на позначення відтінків синього кольору (*синій*, *блакитний*, *голубий*), що асоціюються з поняттям меланхолії, відчуттям холоду, напр.: «Благословляю цю жінку, // Сонну птаху її волосся… // Повільну *блакитну музику вен* // На руці, піднятій з гребенем…» [2, с. 53].

Як зазначалося вище, саме кольорово-звукова синестезія переважає в поетичному мовленні. Таку перевагу можна пояснити фізіологічними причинами, а саме: мозок одержує інформацію на вісімдесят п'ять відсотків через візуальний канал, на дев'ять відсотків через аудійний апарат, і лише сім відсотків інформації припадає на решту каналів [1]. Такий різновид синестезії передає чутливість ліричного героя до навколишнього світу, акцентуацію на внутрішніх переживаннях, почуттях, враженнях від навколишньої дійсності, напр.: «По доріжці простягнені тіні довготелесі // Чоловіка й жінки (вони мовчать), – тільки *голос*, од усміху *карий*, // Обертається їм услід: «Подивись, яка гарна пара!» [2, с. 283]; «І, крізь наглий наплив *голубого* зубовного *дзвону*, // Розумієш просте і гірке, як вино на розлив: // Можна жити і так – все життя утікаючи з зони, // Можна навіть писати – на вітер, обривками слів…» [2, с. 168].

У поетичних текстах Оксани Забужко спостерігається синестезія, побудована на тактильних асоціаціях, які відображають плинне враження настрою, певну філософську позицію авторки, напр.: «Цей світ перевернутий – в землю вертається, в себе, // В *лілову*, продимлену *сухість* опалого листя» [2, с. 210]; «Літаки приземляються в осінь. // Літаки, обпалені пронизливим небом. // *Ртутне світло холоне* в їх крилах» [2, с. 28]. Кольорова синестезія, що асоціюється зі смаком та запахом, у проаналізованій нами збірці не зустрічається.

Розглядаючи синестезію на синтаксичному рівні, варто зазначити, що традиційною моделлю синестетичного словосполучення є поєднання ад'єктивного кольоратива з субстантивною лексемою на позначення поняття іншої концептуальної

сфери. Такі моделі яскраво ілюструються більшістю наведених вище словосполучень, у яких кольоративний ад'єктив традиційно стоїть у препозиції. Розташування означення в постпозиції до означуваного слова надає синестетичним конструкціям додаткової стилістичної значущості, підсилює їхній експресивний потенціал, напр.: «… На гімназійному фото // вицвів *погляд ледовий, аж білий*, – // Так, немов за чверть віку до того // Ви вже вміли дивитись як треба!» [2, с. 93].

Іншою моделлю словосполучення є вживання субстантивного кольоратива з ад'єктивом іншої чуттєвої концептосфери, напр.: «… І дражнить пам'ять, мов піщина скойку, // Литовських *звуків шерхла бірюза*…» [2, с. 177]; «І зруйнували ґоти Рим, // І молодий і хижий варвар // Все, що вважалося старим, // *Гарячим пурпуром* забарвив» [2, с. 49]; «… на всю силу уяви держу собі перед зором // одним-єдиний покоїк, // де заслона – вся *вибухливий пурпур*…» [2, с. 226].

Рідко вживаною синтаксичною моделлю синестезії є використання складних ад'єктивів у функції подвійних епітетів, тобто синестетична конструкція утворюється в результаті з'єднання прислівника й прикметника при дефісному написанні лексеми, напр.: «В заломах бганок, ніби знак питання, // Злетів *надривно-малиновий* плащ» [2, с. 40]; «… А од неправди тоншають вуста, // і шкіра робиться *лускато-сірувата*, з відливом цини, – і роздвоєний язик, // у мовах плутаючись, гірко шекерявить» [2, с. 196].

Синтаксично синестезія може розглядатися не лише на рівні словосполучень, а й на рівні речення чи навіть усього вірша. Такі конструкції створюють надзвичайно цікаві контексти, що мають потужний експресивний потенціал, напр.: «Голоси в трубці рояться й дзижчать, як мухи, – // В *чорне повидло ефіру* лапками влипши» [2, с. 214]; «А тут *розпеклася до білого спіраль тишини в'юнка*…» [2, с. 37]; «І раптом, тими самими очима, // я вгледіла – свою *гарячу карість, // укритого вогню жаркий пішкірний відсвіт, // проскачку іскор в косах ворушких*!» [2, с. 234].

Отже, у поетичному доробку Оксани Забужко важливе місце посідає кольорова синестезія, що виступає не суто технічним поетичним прийомом, а є глибоко органічним елементом усієї архітектоніки вірша. Розуміння синестетичних конструкцій допомагає осягнути глибинний внутрішній світ поетеси, особливості її мислення, її прагнень, світобачення та світосприйняття в цілому.

ЛІТЕРАТУРА

1. Галеев Б. М. Синестезия – чудо поэтического мышления / Б. М. Галеев // Научный Татарстан. – 1999. – № 3. – Режим доступу: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sine_r.htm.
2. Забужко О. Друга спроба: Вибране / Оксана Забужко. – К.: Факт, 2009. – 432 с.
3. Маловицька Л. Звук і колір: феномен синестезії у творчому мисленні генія-митця / Л. Маловицька // Актуальні проблеми сучасної філософії та науки: творче, критичне і практичне мислення. – Житомир: Житомир. держ. центр науково-техніч. і економ. інформації, 2009. – С. 55–58.
4. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: Синто, 1993. – 191 с.

С. В. Короткова (г. Днепропетровск)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОРПУСЕ НАРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ РЕЧИ

Словарный состав русского языка постоянно пополняется, и в этом процессе не последнее место занимают заимствования из другого языка. В разные периоды истории русского языка лексическое заимствование характеризовалось определенными закономерностями. Этот процесс напрямую был связан с развитием общества в целом, расширением международных связей, развитием торговых отношений, промышленности, сельского хозяйства. Все эти исторические явления сопровождались появлением новых слов и терминов. В данной работе объектом исследования стали заимствованные наречия, извлеченные из текстов производственно-научного, естественно-научного и гуманитарного профилей, а также терминологических словарей и

© Короткова С. В, 2013

словарей-справочников. В задачи нашего исследования входит: 1) определить статус заимствованных наречий в специальных текстах; 2) определить состав актуальной заимствованной наречной лексики современного русского языка; 3) определить отрасли функционирования заимствованной адвербиальной лексики.

Существенное влияние на начальное формирование русского языка науки XVIII–XIX вв. оказали романские языки (немецкий, итальянский, французский). Их роль не ограничилась только тем, что они помогли формированию отраслевых терминологий на русской почве. В. П. Даниленко считает, что «за иностранными терминами с иноязычными словами зачастую приходили на русскую почву не столько понятия, сколько новый принцип их структурной организации» [1, с. 31]. Она отмечает особую роль латинского языка в формировании языка науки: «Латынь явилась не только источником лексических заимствований, но и образцом конкретных моделей для создания русских терминов» [1, с. 33]. Ученая приводит достаточное количество примеров, подтверждающих этот факт: *материя (materia), корпус (corpus), радиус (radius)* и т. д. Ценность латинского и греческого языков для терминологии определяется их «застывшим» состоянием, при котором «семантика корней и аффиксальных морфем предстает для современных языков в законсервированном виде» [1, с. 35]. Как известно, греко-латинские термины имеют международный статус и вызывают правильные ассоциации.

Л. А. Савелова считает, что «сфера функционирования большей части наречий-заимствований в русском языке ограничена специальной речью» [3, с. 61]. Это объясняется тем, что «в соответствии с первичным значением и в типовом употреблении в большинстве случаев лексические заимствования выступают как термины. Этим определяется характер их семантики, не модифицируемой экспрессивными семами» [3, с. 61].

Мы выделяем наречия-термины иноязычного происхождения, которые обслуживают такие отрасли специальных знаний человека, как:

– философия: *апостеори, априори;*

– музыка: *аббасандо, адажио, аллегро, дольче, форте;*

– изобразительное искусство: *альсекко, альфреско, анфас, граффито;*

– финансовое дело: *авизо, ависто, ажио-конро, альпари, брутто, жиро, инкассо, нетто, франко;*

– юриспруденция: *де-факто, де-юре;*

– типографское дело: *ин-кварто, ин-плано, ин-фолио, факсимиле;*

– компьютерная область: *он-лайн, офф-лайн;*

– кулинария: *аль-денте;*

– игра в карты: *ва-банк*.

Как видно, заимствования из языка в язык наречной лексики немногочисленны. При этом прослеживается прямая неповторимая связь между языком заимствования и сферой его предметного применения. Так, наибольшее число прямых заимствований приходится на итальянский язык. Самой продуктивной мы считаем экономико-правовую терминологию, что обусловлено историей международных экономических отношений.

Особого внимания заслуживают заимствованные лексемы *брутто* [от ит. brutto – грубый, нечистый] и *нетто* [от ит. netto – чисто], вошедшие в общие толковые словари русского языка в специальном значении: **брутто** – «неизм., прил. и нареч. Торг. Валовой, общий; вместе с упаковкой (о весе товара)» [СРЯ, т. 1]; **нетто** – «неизм., прил. и нареч. Торг. Без тары и упаковки (о весе товара)» [СРЯ, т. 2]. Современные словари экономических терминов фиксируют у данных терминов и другие значения: **брутто** – «1. Масса товара с упаковкой; 2. Валовой доход без вычета расходов» [БЭС]; **нетто** – «чистая масса товара без упаковки; частая цена товара за вычетом скидок; чистый доход за вычетом всех расходов» [БЭС]. Очевидно, что словарная интерпретация лексем *брутто* и *нетто* обусловлена их грамматической полифункциональностью, что позволяет выступать лексемам то как наречие, то как прилага-

тельное. В монографии Л. А. Ким и Т. С. Пристайко названные заимствованные лексемы рассмотрены в функции несклоняемых прилагательных – компонентов составных терминах [2, с. 53–55].

Для современного периода развития языка науки характерен приток заимствованных терминов, главным образом, из английского языка. В. П. Даниленко объясняет это явление «…широким распространением в современном мире английского языка и выпуском большого количества научной литературы на английском языке» и расценивает его как «известное «непротивление» ученых такому засилию (термины сами, без протекции ученых, не могут переходить из языка в язык) [1, с. 33].

Однако, по мнению многих исследователей, существенная роль в пополнении состава адвербиальной системы русского языка принадлежит не столько лексическим заимствованиям, сколько образованию наречий от слов иноязычного происхождения по моделям русского языка. Согласно исследованиям Л. А. Савеловой, наиболее продуктивные модели представлены общеупотребительными, общенаучными и конкретно-научными отъадъективными наречиями на -о, -и: *автономно, адекватно, аритмично, виртуально, герметично, диструктивно, дозировано, идентично, интенсивно, консольно, концептуально, кардинально, максимально, минимально, пластически, перспективно, радиально, рационально, реально, ритмично, рентабельно, симметрично, синхронно, систематически, стохастически, секционно, схематически, тангенциально, теоретически, термически, технически, технологически, фактически, химически, циклически, экономно, экономически, эксцентрично, эффективно.*

Современный состав заимствованной наречной лексики русского языка неоднороден, имеет длительную историю, в которой отражаются особенности формирования языка в разные эпохи под влиянием внутренних и внешних факторов, и пополняет ресурсы из разных источников с помощью разных языковых средств. Лексическую основу составляют заимствования из романских языков, относящиеся к XIX веку и предшествующим столетиям.

Значительный пласт заимствованной русской наречной лексики составляют термины интернационального фонда, созданные от греко-латинских корней и словообразующих морфем.

Иноязычная наречная лексика проникает в русскую лексическую систему и легко адаптируется в ней.

В заключение следует отметить, что наречия-термины иноязычного происхождения являются маркерами передачи информации. Прямые наречные заимствования имеют фиксированную область применения и неизменный устойчивый характер. Таким образом, наречия-термины иноязычного происхождения образуют особую подсистему адвербиальной системы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В. П. Русская терминология. – М.: Наука, 1977. – 247 с.
2. Ким Л. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка / Л. А. Ким, Т.С. Пристайко. – Дніпропетровськ: Пороги, 2008. – 148 с.
3. Савёлова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия.: автореф. дисс. … д-ра филол. наук. – Архангельськ: ПГУ, 2009. – 46 с.
4. Источники фактического материала
5. БЭС – Большой экономический словарь / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Ин-т новой экономики, 2002.
6. СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М.: Русс. яз., 1981–1984.

Н. Костова (г. София, Болгария)

НЕОЛОГИЗМИ НА -ИНГ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК

За езиковата ситуация от началото на XXI век е характерно масирано заемане на чужди думи във връзка с развитието на компютърните технологии, икономиката, политиката и обществените отношения, спорта, строителството, бита. През последните години в българския език навлязоха значителен брой лексеми с чужд облик. Тук ще се спрем на лексеми, завършващи на *-инг*.

Наблюденията ни се основават на материал от два неологични речника, изработени в Института за български език на БАН от чл.-кор. Емилия Пернишка, доц. Диана Благоева и доц. Сия Колковска: «Речник на новите думи и значения в българския език» (2001) и «Речник на новите думи в българския език» (2010). В РНДЗ (2001) откриваме 51 лексеми на *-инг*, а в РНД (2010) – 177 лексеми на *-инг*. Тези данни сочат, че за около 10 г. в българския език са навлезли повече от 120 неологизма на *-инг*.

Възможна е още една съпоставка – между обратните речници, изработени в Института за български език на БАН от други авторски колективи. В «Обратен речник на съвременния български език» (1975) намираме само 14 лексеми, завършващи на *-инг*: *пудинг, смокинг, шилинг, стерлинг, броунинг, дъмпинг, лупинг, ринг, херинг, клиринг, месинг, дансинг, митинг, суинг*; в «Обратен речник на българския език» (2011) има 78 думи на *-инг*, включително 14-те думи от предишния речник. И от тези данни се вижда значителното нарастване на техния брой в българския език.

Споменатите 14 лексеми са навлезли в българския език много по-рано и са включени в тълковните речници от 50-те години на XX век – в еднотомния «Български тълковен речник» (1955) и в тритомния «Речник на съвременния български книжовен език» (1955-1959). В края на XX век езиковата ситуация се променя и речниците регистрират навлезлите нови думи на *-инг*: в «Български тълковен речник» (IV преработено и допълнено издание, 1994) вече срещаме *сърфинг, маркетинг, холдинг, лизинг, инженеринг, тренинг, допинг*, в «Речник на българския език» (в новите и в преработените томове, 1977-2012) виждаме *бодибилдинг, брифинг, джогинг, пилинг, рафтинг*. Най-пълно новата лексика отразяват неологичните речници. Изработена е и база данни «Неологизми в българския език»: <http://infolex.ibl.bas.bg/PhrasThes/searchNeologPage.seam?cid=1359>

Да разгледаме неологизмите на *-инг*. Те са заемки от английски език, както и вече утвърдените думи на *-инг* (с някои изключения – от немски са *месинг, херинг*). В българския език това са съществителни имена от мъжки род, които имат форми за мн. ч. с окончание *-и*.

При някои думи *-инг* може да се приеме за наставка, тъй като прибавя към самостоятелно съществуваща в българския език основа: *монитор-инг, инженер-инг, сърф-инг, каньон-инг, одит-инг, спонсор-инг*, или към ясно отделими основи: *банк-инг – банк-а, банк-иране, трен-инг – трен-ьор, трен-ирам, гейм-инг – гейм-я, гейм-ър, рафт-инг – рафт, рафт-я, рафт-ър, микс-инг – микс, микс-ирам, пост-инг – пост, пост-вам*.

В статията си «Има ли наставка *-инг* в българския език?» Христо Стаменов изказва твърдението, че «българският език е заел или е на път да заеме английския суфикс *-ing*» [1, с. 56]. Стаменов посочва 3 лексеми, образувани в българския език от съществително име и суфикс *-инг*: *балконинг* (скачане от балкон на хотел в басейн), *пейкинг* (седене на пейка в парк) и *клубинг* (ходене от клуб на клуб). С това показва, че българският език не заема английския словообразувателен модел – глаголна основа и суфикс *-ing.*

Въпреки че посочените 3 български лексеми не са регистрирани в речници, те се срещат не само в устната, но и в писмената реч. Ето няколко заглавия или изре-

© Костова Н., 2013

чения от български вестници и сайтове: «*Балконинг*» – *нов екстремен спорт за пияници* (в-к Новинар, 17.08.2010), *Що е то балконинг и има ли го у нас?* (в-к 24часа, 16.08.2011), *Новата лудост «балконинг»* (в-к Стандарт, 3.08.2011), *Новата лудост «балконинг» взе трета жертва* (blitz.bg, 3.08.2011), *Пейкингът се превръща в национален спорт* (factor-bs.com, 13.05.2012), *Мумбай. Градът на лятото, клубинга и срамежливата любов* (в-к Капитал, 12.05.2008), *Нощният живот* (в Ибиса) *е невероятна смес от европейски клубинг и традиционни испански фиести* (galera.bg).

Повечето съществителни имена на *-инг* в българския език са неделими, напр. *кетъринг, пилинг, пиърсинг, джогинг, рейтинг, роуминг, топинг, тюнинг, хостинг* (както и утвърдените по-рано *пудинг, шилинг, смокинг, лупинг, дъмпинг, митинг*). Въпреки че при някои е ясно разпрознаваема английската основа, към която е прибавен суфиксът *-ing*: *стайлинг, тайминг, хепънинг, чекинг*.

При прилагателните имена, образувани от разглежданите съществителни, *-инг* влиза в основата: *мониторингов доклад, аутсорсингов проект, хеджингова сделка, холдингова компания, лизингова дейност, инженерингова фирма, дъмпингови цени, допингова комисия, кетърингово обслужване*. Повечето неологизми на *-инг* функционират и като неизменяеми прилагателни: *спаринг партньор, допинг контрол, допинг проби, допинг скандал, шопинг център, шопинг терапия, пилинг маска, лифтинг ефект, антиейджинг козметика, рафтинг ваканция, туининг програма, автотюнинг портал*.

И така, анализът показа, че при някои от неологизмите може да се говори за суфикс *-инг*, но при други – не. Затова използваме най-общото назоваване «неологизми, завършващи на *-инг*».

Голяма група неологизми са образувани чрез композиция – с префиксоиди и радиксоиди: *авиокетъринг, автолизинг, автошопинг, автотюнинг, агролизинг, аквaджогинг, антимитинг, антирейтинг, антифишинг, аудиоподкастинг, аудиотюнинг, биолифтинг, биомониторинг, велопаркинг, евромониторинг, макромаркетинг, микромаркетинг, микропилинг, мултибрандинг, мултимаркетинг, пресбрифинг, пресмониторинг, радиолифтинг, радиомониторинг, радиорейтинг, спецбрифинг, телемаркетинг, телешопинг, телеуъркинг, фотолифтинг, фотопилинг, фотохостинг*.

Неологизмите на *-инг* се делят на няколко тематични групи. Многобройни са новите термини на *-инг*, свързани с икономиката, търговията и финансите: *аутсорсинг, хеджинг, франчайзинг, мърчандайзинг, брандинг, ребрандинг, дилинг, листинг, делистинг, одитинг, офшоринг, фиксинг, фючъринг, банкинг, смърфинг, бенчмаркинг, букбилдинг, вендинг, мултибрандинг, мултимаркетинг, телемаркетинг, телешопинг, шипинг, сублизинг, супервайзинг, тиймбилдинг.*

Тъй като английският е езикът на компютрите и информационните технологии, изглежда нормално голямото количество неологизми с английски облик в тази област: *сърфинг, хостинг, постинг, подкастинг, уебкастинг, стрийминг, блогинг, микроблогинг, гейминг, геокешинг, файтинг, сетинг, модинг, морфинг, мултитаскинг, пиъринг, фарминг, фишинг, антифишинг, скиминг, скимъринг*. Няколко термина и от областта на телекомуникациите – *роуминг, пейджинг, билинг*.

Голяма група неологизми на *-инг* назовават нови видове спорт: *джогинг, спининг, бодибилдинг, бънджиджъмпинг, сноубординг, сноурафтинг, рафтинг, уиндсърфинг, кайтсърфинг, кайтбординг, бордсейлинг, маунтинбайкинг, скейтбординг, парапланинг, каньонинг, балунинг* и др. Интересно е, че спортната дисциплина може да се назове и с име без *-инг*, което обикновено служи за назоваване на уреда или пособието, с помощта на което се практикува този спорт, напр. *сноуборд, скейтборд, уиндсърф, кайтсърф, скайсърф, маунтинбайк, маунтинборд.*

Друга група неологизми на *-инг* служат за означаване на козметични процедури: *лифтинг, пилинг, биолифтинг, микропилинг миолифтинг, радиолифтинг, фотолифтинг, фотопилинг, хидролифтинг, фейслифтинг, фейсинг, бодирепинг, липофилинг, пиърсинг, бодипиърсинг, антиейджинг*. За подобни процедури се изпол-

зват и неологизми със суфикси *-не* и *-ция*: *автобронзиране, ексфолиране, ексфолиация, липосукция, фотоепилация*.

Неологизми от други области: музика – *мастеринг, ремастеринг, миксинг, семплинг, скречинг, фийчъринг*; кулинария – *дресинг, топинг, карвинг, кетъринг*.

Изследвайки семантиката на неологизмите на *-инг* установяваме, че много малко от тях означават субстанции: *дресинг, топинг, слинг.* Повечето неологизми на *-инг* са имена за действия (Nomina actionis). Дефинициите им в речниците обикновено започват с други имена за действия, напр. *дауншифтинг* – преместване, *блогинг* – публикуване, *тунинг* – внасяне на подобрения, *тайминг* – синхронизиране, *парасейлинг* – летене, *сноубординг* – каране, *миксинг* – звукозаписна обработка, *лифтинг* – пластична операция, *фючъринг* – търговска дейност, *брандинг* – комплексна дейност, *тиймбилдинг* – съвкупност от прояви и дейности.

Неологизмите на *-инг* се конкурират с имена за действия със суфикс *-не*, напр. в Българския национален корпус (http://search.dcl.bas.bg/) намираме 4947 примера за *мониторинг,* а за *мониториране* – 1013 примера; *хостинг* 360 примера – *хостване* 6 примера, *банкиране* 1381 примера – *банкинг* 48 примера*, спонсоринг* 2 примера – *спонсориране* 141 примера, *хеджинг* 6 примера –*хеджиране* 539 примера.

При лексикографското представяне на много от неологизмите на *-инг* е посочена с бележката за тяхната нежелателна употреба в българския език, а тълкуването е чрез синонимна дефиниция: *банкинг* Банк. Нежел. Банкиране; *шопинг* Нежел. Пазаруване, пазар; *трейнинг* Нежел. Подготовка, обучение; *туринг* Нежел. Пътуване, екскурзия; *бодигардинг* Нежел. Охранителна дейност.

Неологизмите обаче имат агресивно поведение и се стремят да изместят познати или вече утвърдени думи. Например *шопинг* се среща само 531 пъти в Българския национален корпус, а *пазаруване* 1498 пъти, но в разговорната реч фреквентността му е много голяма (за сравнение търсачката Google дава 13 400 000 резултата за *шопинг*). Неологизмът се използва и като неизменяемо прилагателно: *шопинг център* (което измества съчетанието *търговски център*), *шопинг терапията*, *шопинг манията*, *шопинг обиколка, шопинг тур*; има няколко примера за прилагателно със суфикс *-ов – шопингова зависимост, шопингова депресия, шопингова терапия*. Въпреки че в речниците не са регистрирани, в интернет има доста примери за мотивирани от този неологизъм глаголи – със суфикси *-ува* и *-ира*: *Шопингуват мацките, пазаруват лелките. Хайде, до скоро, отивам да шопингувам. Обичам и в нет-а да шопингувам. Ще ходим до мола, моите деца много обичат и те да шопингуват. Ох, как обичам, обичам, обичам да шопингирам. Като шопингирам, бързо ми минава ядосването*; има и примери за съответните отглаголни имена: *Ти от домакинстване и гледане на дете едва ли имаш време за шопингуване. Шопингирането вече се смята за изкуство.* Чрез тези словообразователни и семантични връзки неологизмът се утвърждава в българския език.

Тъй като процесът на заемане продължава, неологизми се появяват и биват коментирани в различни изследвания. Например Светла Стоичкова и Мирослава Чернодринска посочват и няколко лексеми, които не са включени в речници: *контролинг, сайдинг, факторинг, фитинг, граплинг, трапинг*.

Неологизмите на *-инг* са резултат от процесите на интернационализация и налагането на английския език като основен език за комуникация. Те навлизат в българския език като носители на ново, модерно мислене и са предпочитани именно като маркери на интелектуализация на речта.

Изследването е проведено с финансовата подкрепа на Фонд «Научни изследвания» на Република България, договор ДТК 02/52 от 2009 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стаменов Хр. Има ли наставка -инг в българския език? / Хр. Стаменов // Български език. – 2012. – № 1. – С. 51–59.
2. Стоичкова Св. Англицизми със суфикс -ing в съвременния български език / Св. Стоичкова, М. Чернодринска // Проблеми на социолингвистиката. – Т. 8. – София: Делфи, 2005. – С. 145–149.

И. Г. Кошелева (г. Архангельск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В КНИГЕ С. В. МАКСИМОВА «ГОД НА СЕВЕРЕ»

Ценностно-смысловая оппозиция «свой – чужой» относится к базовым оппозициям национальной культуры, проявляющим реальность национального самосознания в языке и дискурсе. Поэтому изучение таких оппозиций представляет собой важнейшую задачу современной этнолингвокультурологии. И в этом аспекте книга С. В. Максимова «Год на Севере» (1859), в которой впервые в русской литературе «был по-писательски осмыслен феномен целостной культуры приполярной «украйны» [3, с. 16], является ценным источником сведений о культуре этносов Европейского севера России, о их языковой и ценностной картинах мира, о их «неискоренимой инаковости» (Г. А. Тиме) и, в частности, об отношении русского человека к другим – народам и народностям, другим русским и, соответственно, об отношении «других» к русским людям и России.

Цель статьи – показать, как в книге Максимова в авторском и персонажных дискурсах выражаются ценностные представления об иных этносах и создается образ каждого такого этноса.

В тексте книги отношение к другим этносам находит выражение через противопоставления «Север – Россия», «поморы – русские», «русские – инородцы»: *у вас там, В Расее, лучше, красивее, бают, наших песни эти* [2, с. 355], через антитезу одного этноса другому. Помимо русских северян, Максимов наиболее разнообразно характеризует этносы **саамов** (в книге их представляют этнонимы *лопари, терская лопь, лопин, лопарка*), карелов (*карел, кареляк, карелка*), ненцев (*самоед, самоедин, самоедушко; самоедка, инька*) и коми (*зырянин, ижемец (*мн. число *ижемцá)*, *борщееды, печорец*. В рамках данного сообщения мы уделим внимание только тем признакам оценочно языковой рефлексии автора «Года на Севере» и персонажей его книги, которые сопряжены с внешним обликом, языковыми особенностями, вероисповеданием, а также с некоторыми культурными традициями и практиками представителей названных северных народов.

Портретные характеристики представителей северных этносов обнаруживаются в тексте книги преимущественно в авторской речи. Обращаем внимание, что при описании особенностей внешнего облика лопарей, самоедов, Максимов не чуждается пристрастности, использует пейоративные лексические компоненты, которые свидетельствуют о существующей в авторском сознании идиологеме – «информативном инварианте морально-ценностного суждения» [1, с. 257], которое при восприятии чужого, внешне отличного человека актуализируется как оценочный стереотип (стандартное мнение). Так, размер, движения и выражения глаз лопаря оценивается следующим образом: ***тупо*** *и* ***лениво*** *глядят маленькие глаза, большею частию карие* [2, с. 221]. Сопоставление стати лопарей и русских поморов также проводится Максимовым не в пользу первых: *…Лопарь* <…> *далеко не дошел до русских, между которыми попадаются истинные богатыри и красавцы* [2, с. 222]. Присутствуют пейоративы и в описании портретных деталей самоеда: ***жалкая*** *фигура;* ***обезображенное*** *лицо,* ***плохо*** *выросшая бородка* [2, с. 425]. Нейтральными языковыми средствами создаются портреты представителей коми (от русских они отличаются более смуглой кожей), карел.

Стереотипные морально-ценностные суждения о представителях северных этносов с пейоративной и мелиоративной оценками, как правило, содержат «квантор всеобщности *всякий* / *любой*» (Т. М. Николаева), который выделяет ту или иную этническую группу. Такие идиологемы широко представлены в речи собеседников Максимова – русских поморов. Так, о лопарях поморы говорят следующее: *Лопарь, из-*

© Кошелева И. Г., 2013

вестно, не умный человек; ему Господь такого разума не дал. Лопаря обидеть легко, потому он добр; придешь к нему в вежу – всем потчует. Вчерашней рыбы не подает, а живую тащит, сегодняшнюю. А и выпьет – драться не лезет: не то, что наш помор; а ты его поцелуй, ты его сам зазови в гости, ты с ним крестом поменяйся, крестовым братом назови. Так он за тебя тогда душу свою заложит и выкупать не станет. Вот они каковы человеки есть – добрый народ [2, с. 187]. Подобные субъективные оценочные суждения довольно часто встречаются и в авторском нарративе: *О простоте и даже некоторой тупости лопарей поморы <…> рассказывают следующее* [2, с. 222]. Отметим, что во многих экспрессивных речевых стереотипах и паремиях, включенных в текст «Года на Севере», запечатлено уничижительное отношение поморов к самоедам: *И в самоедах не без людей, глупый, как тот самоед, что я тебе, самоед тупой* [2, с. 434]. По словам одного из персонажей книги, самоеды хотя и все *крестивые*, но у них *веры нет*, они не посещают церковь, детей крестят не сразу после рождения, не совершают таинство бракосочетания, признают языческих богов, обращаются к *тадибеям-колдунам*, способным заклинать злых *духов-тадебциев*. В таких суждениях содержится имплицитная отрицательная оценка, мотивированная естественным дистанцированием от ценностей чужой культуры.

Для русских людей маркерами чужести представителей северных этносов является нечистая, плохо освоенная ими русская речь, которую они используют в общении с русскими. Так, речь лопарей изобилует элементами родного языка, например, слоговыми эпентезами *ба, ото*. А идентичность карелов ярко проявляется в их характерном «*цыганском*» произношении, например, таких слов, как *отнако, у городи, Кристос, свой лошадь*, в усвоенном ими северном цоканье: *Прицокивая уже попоморски, она <…> бестолково коверкала на свой карельский лад все русские слова* [2, с. 175]. Обращает внимание Максимов на то, что реплики самоедов, как правило, короткие и косноязычные: *Чум ехать, ну!..* (пора ехать в чум); *Сожру, хорош… порато* (лучше съем, очень вкусно) [2, с. 425]. В отличие от представителей других этносов, зыряне (коми) свободно общаются как на родном зырянском языке, так и на русском, но и их речь сохраняет особенности родного языка. Зыряне, по наблюдениям автора книги, неверно ставят ударения в словах, нарушают грамматические и лексические нормы. Речь зырян, как и речь лопарей, Максимов сравнивает с цыганским говором дальней России, при этом в авторской оценке превалируют более негативные коннотации, нежели положительные: язык зырян *бьет ухо богатством неприятно-гортанных и шипящих звуков* [2, с. 415].

Лопари, как и иные северные народности, приняли христианство, однако не отказались от языческих обрядов. В случаях болезни, опасности они обращаются к своим колдунам. Обращает внимание Максимов и на то, что лопари придерживаются христианского религиозного культа не строго: они не соблюдают постов, не читают молитв, а крест носят как украшение.

При описании языческого обряда самоедов «биения в кудеса», Максимов использует для их характеристики такие пейоративы, как *полудикарь, полуизувер, полуплут* [2, с. 436], которые вполне однозначно определяют авторскую модальность. Снижают образ самоедов описания их кочевого образа жизни, сопровождаемые суждениями с отрицательной оценкой, выдвижение через повтор таких характеристических черт, как пристрастие к алкоголю: *эти, по страсти вину, пьяными готовы продать за кубок (полштоф) водки целого оленя, пожалуй, чернобурую лисицу и даже весь свой годовой промысел*, склонность к воровству, половую распущенность: самоеды *почти все поголовно от колыбели заражены болезнью сифилической* [2, с. 363]. Об актуализации негативного стереотипа в описаниях самоедов говорит, например, их сравнение с *разбойниками*, использование «статусного» эпитета *покровительственно* в изображении сцен невербального общения русского хозяина с самоедом: хозяин *покровительственно хлопает самоеда по голове*, отвечает вместо него *покровительственным тоном* [2, с. 425-426]. В книге «Год на Севере» из всех

северных этносов самоеды изображаются как наиболее отстающие от русских в ценностном плане.

Не отказались от языческих обрядов после принятия христианства карелы и коми (зыряне). За карелами среди русских слывет слава *колдунов*, при этом к магическим услугам карелов прибегают не только сами карелы, но и поморы. По словам Максимова, карелы *заменяют для поморов ту роль, которую поддерживают еще до сих пор* ***плуты-цыгане*** *в дальних от Архангельской губерниях России*» [2, с. 177], поэтому карелов зовут на свадьбы для проведения обрядов и для организации развлечений, их же обвиняют во всех внезапных бедах, предписывая им способность *сверхъестественного* влияния. Надо думать, что использование этнонима *цыгане*, особенно в сочетание с пейоративом *плуты* при характеристике карелов также свидетельствует об актуальной для русского самосознания ситуации ценностного дистанцирования от них и в определенной степени уничижительного к ним отношения. Что касается коми (зырян), то они, судя по описаниям Максимова, располагают богато обставленными и отделанными церквями, в которых проводятся многолюдные службы. По мнению автора, роскошное убранство церквей у зырян носит светский характер и говорит об их желании продемонстрировать богатство волости.

Особым уважением среди поморов пользуются карельские мастера – оружейники и судостроители, что свидетельствует о высоком уровне развития культуры карелов и высокой оценки ее со стороны русских. Важно отметить, что положительная оценка тех или иных представителей карелов распространяется на весь этнос в целом, создавая и закрепляя в сознании поморов представление о мастеровитом, *простосердечном, гостеприимном и хлебосольном* карельском народе [2, с. 177]. В целом материал книги дает основание полагать, что по отношению к карелам оппозиция «свой – чужой» проявляет свое оценочное содержание менее остро, чем по отношению к лопарям и самоедам.

Далеко не всегда оценка Максимовым тех или иных культурных особенностей северных народов совпадает с их оценкой местными жителями – поморами. Так, например, писатель, основываясь на личном опыте, заключает, что зыряне – народ гостеприимный и хлебосольный, но скрытный, и причину их скрытности усматривает в истории зырянского народа, претерпевшего многие гонения, и в традиции соблюдать уединённый, обособленный семейный образ жизни, а также в их привычке сторониться новых и незнакомых людей [2, с. 415]. А вот жители Пустозёрска считают зырян хитрыми и нечестными: *плут-народ!..*; *Станут они тебе сказывать, что в Бога веруют, не слушай – врут!*; *Хитрый народ вся эта «ижемца»!»* [2, с. 413, 414, 416]. Между зырянами внутри сообщества преобладают очень тесные родоплеменные отношения, что проявляется и в их поведении, и в их рассказах о своём быте.

Итак, концептуальная оппозиция «свой – чужой», присутствие которой в книге Максимова «Год на Севере» обусловлено прагматическими установками жанра путешествия, наиболее ярко проявляет себя на субъектном уровне текста, в ситуациях общения автора с представителями разных этносов. Она обнаруживается в идиологемах – ценностно-моральных суждениях, разного рода пейоративных и мелиоративных оценках, реализуемых как в авторской речи, так и в речи персонажей. Соотношение данных оценок разное в зависимости от предмета. Оценка может содержаться уже в самих этнонимах, прозвищах. Пейоративные оценки служат цели снижения образа представителей чужой культуры. Так, в характеристиках самоедов и лопарей, по нашим наблюдениям, преобладает более пейоративный модус, нежели мелиоративный. Это обусловлено тем, что автор в данных описаниях эмпатизирует своим информантам. Более объективны в оценочном плане характеристики образов зырян и карелов, в этих описаниях авторская точка зрения не всегда совпадает с мнением информантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.

2. Максимов С. В. Год на Севере / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. Плеханова // С. В. Максимов – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 607 с.
3. Плеханов С. Литературная экспедиция: вступительная статья / С. Плеханов // С. В. Максимов – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – С. 5–19.

И. Н. Кошман (г. Луганск)

О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (на примере русских медиатекстов Украины)

1. Языковая игра как определенный тип речевого поведения «связана с активностью языковой личности и способностью творчески использовать языковые знания» [4, с. 657]. В ситуации естественного двуязычия возникают предпосылки для специфической реализации лингвокреативной функции. Языковая личность порождает контексты на культурно-языковых стыках – контексты, в которых реализуется установка на игровой эффект и при этом используются языковые средства нескольких языков, обыгрываются специфические номинации.

Использование иноязычных элементов в игровых целях – прием, который неоднократно отмечается в лингвистических работах [1; 2; 3].

2. Исследователи отмечают некоторую традицию использования украинских элементов в русских текстах метрополии. Необходимой предпосылкой для включения украинизмов в русские тексты в этом случае является узнаваемость – ‘чужое’ должно быть хорошо известно типичной языковой личности [1; 2; 5]. Такая характеристика позволяет предположить, что список украинских элементов, используемых в игровых целях в текстах метрополии, невелик.

3. Включение украинских элементов в русские медиатексты Украины в целях языковой игры опирается на совершенно иные предпосылки. Принадлежность языковой личности к украинскому социуму, ее украиноцентризм, опора на культурно-историческое знание и знание современной социо-политико-культурной ситуации формируют основу для оригинальных комических ассоциаций, противопоставлений и сближений. Свобода в использовании ресурсов русского и украинского языков открывает неограниченные возможности для вербализации средствами двух языков. И как следствие в картине мира языковой личности возникают оригинальные виды языковой игры. Обыгрывание такого рода не представляется соединением «своего и чужого» – это естественный результат существования языковой личности в ситуации естественного двуязычия, игра «своего и своего».

4. В современных русских публицистических текстах Украины представлены несколько разновидностей оригинальной игры слов.

Выделяются приемы, основанные на использовании фонетических свойств лексических единиц:

А) ***Кайдан*** *незалежности* (Б 2009, № 31)

Игровой эффект в заголовке возникает как результат замены фонемы в базовой номинации – собственном имени *Майдан незалежности*. Окказиональное образование *кайдан* ассоциируется с нормативной лексемой украинского языка *кайдани* (рус. *кандалы*). Возникшая оксюморонная конструкция используется не только для выражения негативной оценки, но и указывает на изменение ситуативных характеристик – возникновение некоторых ограничений и преград;

Б) *Это уже не столько* ***Мавка*** *Лісова, сколько «****Мавпа*** *Лісова», такая она резвая, непосидющая, игривая и вертлявая – очень симпатичная. Является, зевая, проспавшись, на коврик сцены – с пят до головы укутанная теплым одеялом. Продирает глазоньки, удивленно смотрит на любимое дикое логово – о, все свои!* (ЗНУ 2011, № 29)

© Кошман И. Н., 2013

Безэквивалентный украинизм *мавка* – номинация мифологического персонажа, лесная или водяная нимфа. Кроме того, *Мавка* – антропоним, имя одной из самых известных героинь украинской классической литературы. Сближение этого украинизма с лексемой украинского языка *мавпа* (рус. *обезьяна*) в данном контексте несет чрезвычайно важную функциональную нагрузку: служит отправной точкой для формирования развернутой характеристики персонажа.

Разнообразны приемы специфической игры слов, в основе которой лежат лексико-семантические свойства русских и украинских единиц:

А) *Иначе под аккомпанемент разговоров о том, как нам лучше «**увімкнути** Україну», сиятельные прощелыги легко **умыкнут** ее у нас* (ЗНУ 2010, № 4)

В данном случае эксплуатируется сходство русской и украинской лексем, обыгрывается своеобразная межъязыковая паронимия. Ироническое звучание приобретает сопоставление в одном контексте названия проекта украинского правительства *«Увімкнути Україну»* (рус. *включить Украину*) и сниженной, просторечной единицы *умыкнуть*;

Представляют интерес некоторые специфические приемы игры слов, эксплуатирующие синтаксические свойства языковых единиц:

А) *Не могу удержаться от риторических вопросов. Так будут у нас **бандиты сидеть в тюрьмах** или **получится как всегда**? И будет ли, наконец, у нас системный подход в государственном управлении?* (ЗН 2005, № 6)

В основе игры слов в данном случае лежит взаимодействие в пределах одной синтаксической конструкции русского и украинского прецедентных феноменов. Комический эффект возникает как результат контаминации восходящего к политической рекламе украинского текста *«Бандитам – тюрми!»*» и русского высказывания *«хотели как лучше, а вышло – как всегда»*, автором которого является В. Черномырдин.

5. Таким образом, оригинальные разновидности языковой игры в русских публицистических текстах Украины порождаются на украинско-русских языковых и культурных стыках и основываются как на знании фонетических, лексико-семантических, словообразовательных, синтаксических свойств взаимодействующих языков, так и на знании украинских и русских культурных артефактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест / отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Наука, 1983. – С. 172–214.
2. Крысин Л. П. Об украинизмах в современном русском языке / Л. П. Крысин // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР / отв. ред. Ю. Д. Дешериев. – М.: Наука, 1987. – С. 167–174.
3. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки рус. культуры, 1999. – 541 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 694 с.
5. Хмелевский М. С. «Здаравеньки булы!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели) / М. С. Хмелевский, А. В. Савченко // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 20–22 марта 2008 / редкол.: В. М. Мокиенко. – М.; Кострома: Элпис, 2008. – С. 177–181.

О. А. Крижко (м. Бердянськ)

СТАНОВЛЕННЯ ТЕОРІЇ ДИСКУРСУ У СУЧАСНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

У лінгвістиці в процесі становлення нової наукової парадигми відбувається створення як нового категоріального апарату, так і переосмислення існуючих понять і термінів. Комунікативний підхід до вивчення мовних явищ, що затвердився наприкінці

© Крижко О. А., 2013

XX ст., не став виключенням. З одного боку, він сприяв уточненню термінів, пов'язаних із стилістичною системою мови, з іншого – розвитку теорії дискурсу.

Так, разом із комунікативістикою в науковий обіг увійшли поняття мовної особистості, мовця, мовленнєвої ситуації [2], комунікативних регістрів [7], а також – на сьогодні надзвичайно популярного поняття дискурсу, що трактується передусім як мова, «занурена в життя» [5, с. 525]. При такому підході до вивчення мови до уваги беруться не лише мовні факти, але й гетерогенні екстралінгвальні фактори, навіть паралінгвальні.

Розвиваючись у надрах комунікативістики, дискурсивний підхід породив ряд напрямків, що поглибили й видозмінили поняття дискурсу, не тільки в аспекті когнітивної лінгвістики (передусім ментальна сфера мовної особистості в контексті сукупності розумових операцій з обробки мовних даних та екстралінгвістичної ситуації в процесі породження мови), але й у плані самої дискурсології (коли виникає уявлення про дискурс як про одиницю аналізу) [13; 14].

Останнє призвело до того, що багато вчених почали виділяти дискурс як одиницю аналізу тексту, що, у свою чергу, викликає необхідність у розмежуванні понять «дискурс» і «зв'язний текст». Як відомо, на сьогодні зв'язний текст розуміють як один з виявів дискурсу, як його проміжний результат, оскільки кінцевою метою дискурсу є не створення тексту як такого, а досягнення перлокутивного ефекту. У цьому аспекті під дискурсом розуміють сукупність мовленнєворозумових дій комунікантів, зв'язану з пізнанням, осмисленням і презентацією світу мовця та осмисленням мовної картини світу мовця адресатом [10, с. 188–190]. Таким чином, поняття дискурсу включає одночасно два компоненти: і динамічний процес мовної діяльності, що вписана в її соціальний контекст, і її результат у вигляді тексту.

Дискурс, як і будь-який комунікативний акт, припускає наявність двох фундаментальних ролей – мовця (автора) і адресата. При цьому актори можуть у процесі мовленнєвого акту мінятися ролями.

Унаслідок цього структура дискурсу припускає наявність двох докорінно протиставлених ролей – відповідно мовця та адресата, а сам процес мовного спілкування розглядається в цих двох перспективах, тому в дискурсології виділяються такі напрямки дослідження: 1) побудова дискурсу (наприклад, вибір лексичних засобів у процесі первинного та вторинного семіозису); 2) розуміння дискурсу адресатом (наприклад, співвідношення займенників та інших дейктичних слів з тими чи іншими об'єктами); 3) розгляд процесу мовного спілкування з позицій самого тексту, що виникає в процесі дискурсу.

Незважаючи на наявність такого розмаїття підходів до структури дискурсу, воно залишається до кінця не розв'язаним [13]. Традиційно розрізняють: 1) макроструктуру / глобальну структуру (членування на великі складники; узагальнений опис основного змісту дискурс**у**, що адресат будує в процесі розуміння; послідовність макропропозицій, тобто пропозицій, виведених із пропозицій вихідного дискурсу за визначеними правилами) як один із різновидів так званих стратегій розуміння дискурсу; 2) мікроструктуру / локальну структуру – це членування дискурсу на мінімальні складники, котрі має сенс відносити до дискурсивного рівня (наприклад, предикації, чи клаузи).

Слід також пам'ятати, що вихідною, фундаментальною формою існування дискурсу є усне мовлення, а письмовий дискурс є похідним від усного. Це розмежування пов'язане з каналом передачі інформації: в усному дискурсі канал – акустичний, у письмовому – візуальний.

Відповідно до каналів інформації в сучасних дослідженнях наводиться більш широка типологія, яка будується на основі різних типів семіотичних знаків. Це літературний, фольклорний, міфологічний, тоталітарний, ритуальний, театральний, неофіційний (позацензурний), неправдивий, лайливий, етикетний тощо дискурси. Усі інші розходження між різновидами дискурсу, як правило, описуються за допомогою поняття жанру.

Дискурс, як і інші мовні сутності (морфеми, слова, речення), будується за певними правилами, що властиві конкретній мові. Якщо такі правила порушуються – виникає непорозуміння (або комічний ефект – у художніх творах). Виявлення цих правил є основою дискурсивного аналізу. До того ж дискурсивний аналіз дозволяє не тільки визначити структуру дискурсу, але й встановити вплив дискурсивних факторів на більш дрібні мовні складники – граматичні, лексичні та фонетичні.

У мовознавчій науці таке переосмислення відбувається в напрямку аналізу дискурсивних практик людини як члена національно-культурного співтовариства. Поведінка людини, як зазначає В. В. Красних, несе на собі національно-культурний відбиток [9, с. 244], оскільки дискурс, крім власне лінгвістичного, має ще й лінгвокогнітивний план. У цьому аспекті дискурс пов'язаний із свідомістю, знаннями та уявленнями мовця, яких він набуває в процесі соціалізації і які є основою того культурного масиву, що транслюється від покоління до покоління в межах одного етносу. На думку В. В. Красних, саме це визначає національну специфіку дискурсу. Отже, найважливіший складник дискурсу – культурний складник [9, с. 245].

У наукових працях останніх років, присвячених прецедентним феноменам, усе частіше звертається увага на їх вербалізований характер. До прецедентних феноменів відносять передусім прецедентний текст, прецедентну ситуацію, прецедентний вислів та прецедентне ім'я [6, с. 251]. Усі ці явища Д. Б. Гудков відносить до національного рівня прецедентності.

Як бачимо, позиції В. В. Красних та Д. Б. Гудкова щодо рівня прецедентності (універсальність або тільки ідіоетнічність) зазначених одиниць значно відрізняються. Розв'язати це питання, на нашу думку, допоможе звертання до поняття національного менталітету та мовних картин світу як похідних від нього.

Поняття «менталітет» є порівняно новим в українській науковій парадигмі, але тривалий час перебуває в центрі уваги зарубіжних учених.

У вузькому розумінні *менталітет* тлумачиться як стійкий склад розуму, як поняття, наближене до витоків «світобачення» [11, с. 51]. У кожного народу є свій тип мислення, який і визначає картину світу [4, с. 21]. Менталітет також розглядають як сукупність думок і уявлень, властивих тій чи іншій мовній групі. Ця позиція ототожнює поняття «менталітету» з «картиною світу». Віддаючи перевагу терміну «ментальність», В. В. Колесов визначає її як світогляд у категоріях рідної мови, в якому поєднуються інтелектуальні, духовні й вольові якості національного характеру в його типових проявах [8, с. 14].

Як відомо, поява в лінгвістиці поняття *мовна картина світу* пов'язано з проблемою представлення та тлумачення результатів практичної роботи із структурування семантичних полів, а також проблемами складання ідеографічних словників, тобто в лінгвістиці *картина світу* традиційно розглядається як специфічно оформлена систематизація плану змісту мови, у процесі якої відбувається фіксація і збереження всього комплексу знань і уявлень конкретного мовного суспільства про світ, що зафіксовано, передусім, у лексичному та фразеологічному складі.

Теоретичним наслідком цього було формулювання положення про те, що кожна мова має унікальний єдиний та неперервний семантичний простір, тому мовну картину світу тлумачать у принципі однаково, передусім як 1) зафіксовану в мові схему сприйняття дійсності, яка є специфічною для певного мовного колективу; 2) як відображення в мові уявлень про світ, здійснюване людським менталітетом даного мовного соціуму [3]. При цьому дослідники переконують у тому [12, с. 107], що мовна картина світу бідніша за концептуальну, оскільки в мовній системі виражається лише незначна частина уявлень про світ якогось мовного соціуму. Ймовірно, тому мовну картину світу часом називають наївною [1, с. 39]. Однак, як підкреслює Ю. Д. Апресян, наївна – не означає примітивна, за «наївністю» мовної картини світу криється досвід багатьох поколінь [1, с. 39]. Це свідчить про те, що «наївність» пов'язана з відображенням побутового, повсякденного сприйняття речей на противагу науковому їх розумінню й поясненню. При дослідженні і реконструкції мовної кар-

тини світу основним фактором є врахування національної специфіки сприйняття світу і закріплення в мові знання про неї. Мовна картина світу як особлива когнітивна структура є більшою, аніж просто структура знань про світ, у ній одне знання сприймається через інше (значення мовної одиниці розуміється через її внутрішню форму), перевага віддається конкретній сфері знання (великим синонімічним рядам, об'ємним тематичним групам, прототиповим моделям, функціонально-семантичним полям тощо).

ЛІТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Блумфильд Л. Язык / Л. Блумфильд. – М. : Наука, 1968. – 292 с.
3. Волоцкая З. М. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок / З. М. Волоцкая, А. В. Головачева // Малые тексты фольклора: сб. ст. – М. : Наука, 1995. – С. 218–244.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. – М. : Прогресс-Культра, 1995. – 480 с.
5. Греймас А. Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С. 525–550.
6. Гудков Д. Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов / Д. Б. Гудков // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 251–259.
7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 367 с.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2004. – 240 с.
9. Красных В. В. Анализ дискурса / В. В. Красных // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 242–250.
10. Милевская Т. В. О понятии "дискурс" в русле коммуникативного подхода / Т. В. Милевская // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах "Коммуникация-2002" ("Communication Across Differences"): матер. междунар. научно-практ. конф. – Ч. 1. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2002. – С.188–190.
11. Ревель Ж. История ментальностей: Опыт обзора / Ж. Ревель // Споры о главном: сб. ст. – М. : Наука, 1993. – С. 51–58.
12. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира/ Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
13. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова – К. : Брама, Изд-во Вовчок О.Ю., 2004. – 336 с.
14. Семиотика: Антология / Ю. С. Степанов (сост. и общ. ред.). – М. : Академический Проект, 2001. – 702 с.
15. Серажим К. С. Дискурс: як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність [на матеріалах сучасної газетної публіцистики] / К. С. Серажим. – К. : Наука, 2002. – 392 с.
16. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе / Д. Филд // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М. : Наука, 1996. – С.7–22.
17. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Яковлева Е. С. // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.

В. О. Кріпак, Л. В. Поліщук (м. Дніпропетровськ)

АДГЕРЕНТНІ ЕКСПРЕСЕМИ В МОВОТВОРЧОСТІ І. БАГРЯНОГО

Експресією живописання позначена лексика, яка протиставляється узвичаєному, нормативному в літературному мовленні, що сама є носієм емоцій, почуттів, а отже, вдало введена у відповідний контекст, і є потужною стилістемою авторського ідіолекту. Тут слід вказати, що багато суперечок виникає щодо питання тотожності експресивного й емоційного. Одні вчені-лінгвісти розглядають експресивність та емоційність як тотожні (В. В. Виноградов, П. С. Дудик), інші вказують на те, що поняття експресивного ширше від поняття емоційного й друге включається в поняття першого (О. І. Єфімов, В. А. Чабаненко, О. О. Селіванова, Л. І. Мацько), деякі мовознавці (Л. М. Васильєв) емоційне виключають із поняття експресивного. Ми ж спираємося на теорію Є. М. Галкіної-Федорук, яка значною мірою відображає всі суперечності: «емоційні засоби мови завжди експресивні, але експресивні можуть і не бути емоційними» [2, с. 27].

© Кріпак, Л. В. Поліщук В. О., 2013

Явище експресії, хоч і розглядається як потенційно закладене вже в самій системі мови, однак, головним чином воно виявляється в мовленнєвій сфері, тому розрізняємо експресивність інгерентну та адгерентну. Інгерентна експресивність – «це така виразність слова, яка є його постійною ознакою в будь-яких ситуативно-контекстуальних умовах» [3, с. 12]. У романі І. Багряного інгерентно експресивними є слова: ***милосердя, хвилювання, печаль, мука, зрада, груба, хтива, шарпнути*** та інші.

Адгерентна експресивність «набувається або виявляється лише в певному лінгвістичному контексті» [3, с. 12]. У канві роману «Сад Гетсиманський» адгерентно експресується, наприклад, стилістичний синонім *летів* до нейтральної номінації *ішов*: «Він не *йшов*, а *летів*» [1, с. 201].

Саме мовні елементи, у яких виразова сила збільшується шляхом накладання вторинної, адгерентної, експресивності на базову, інгерентну – традиційно усталену виразність, – в результаті чого з'являється певне структурно-семантичне оновлення мовного засобу, і є об'єктом нашої уваги в цій статті.

Експресивно-художня лексика в романі І. Багряного «Сад Гетсиманський» несподівано версифікується автором і виконує функцію більше емоційну, аніж естетичну. Тому інгерентні експресеми *кохання, надія, мрія, симфонія, фортеп'яно*, наявність яких у творі певною мірою естетизує його, автор використовує рідко, оскільки словесно-художній лад роману цієї тематики, художньо-образна система його не потребують функціонування таких слів, що б протирічило цілісності даного тексту.

Стилістично вагома емоційна лексика, уведена в незвичайний із логіко-семантичної точки зору, некодифікований контекст, у романі «Сад Гетсиманський» увиразнює, деталізує мовлення, робить його яскравішим, динамізує художні образи. Завдяки вмілому введенню бібліонімів автор інтонує конкретно-чуттєву, емоційно-оцінну інформацію. Наприклад, лексеми старослов'янського походження використовуються ним як стилістичний засіб для надання висловлюванню експресивного забарвлення: «***Благословенна*** *махорка! І* ***благословенний*** *Мельник! Він має великий привілей – безкарно роздавати «ворогам народу» махорку*» [1, с. 131]. Уведенням архаїчного компонента в канву художнього тексту І. Багряний надає розповіді експресивності – створює урочисто-монументальні, подекуди іронічні образи: «*А все ж то були "****благословенні****" вагони*» [1, с. 42]. Експресивно маркованими є й емоційно забарвлені антропоніми, які мають узагальнено-абстрактне значення й уживаються як загальні назви: «*Це був завгосподарством ХТЗ – Охріменко, справжній* ***Голіат***» [1, с. 69].

У романі І. Багряного метафоричність підсилюється використанням автором урочистої лексики в невластивому для неї контексті, а тому відзначається іронічною тональністю або навіть зневагою: «*Це цілком в дусі цієї* ***епохи****, в дусі цієї країни, в дусі цієї філософії, моралі й світогляду її* ***вождів*** *та ідеологів. В дусі нової, уніфікаційної* ***ери***» [1, с. 45]; «*В цілому цей тряский вагон, торохкітливий вагон справив враження надзвичайне – враження якоїсь символіки, образ чогось комічного, парадоксального, образ якоїсь* ***епохальної*** *аварії*» [1, с. 42].

В умовах табірної дійсності письменнику доводилося спостерігати, як наповнюються новим соціальним змістом слова в устах різних людей, тому лексичні штрихи тюремного жаргону, обігрування розмовних висловів, нейтральна літературна характеристика – все це формує авторський стиль. Наприклад: «*"Заключонниє" сиділи, а* ***альбінос*** *походжав по камері, наступаючи на ноги, зазирав у всі кутки. Сам. Такий герой. Вдирався межи 340 страшних «ворогів народу», як в клітку з левами, і не боявся. Часом знаходив заборонену річ – скажімо, люльку – й тоді була біда. Взагалі ж, йому подобалося, що от таке юрбище здоровенних людей, а всі його,* ***маленького альбіноса****, бояться… 340 чоловік в цій камері і безліч у всій тюрмі сидить жахливих «ворогів народу», а ще не було випадку, щоб його ці "****ублюдки****" й "агенти фашизму", "****бандити*** *й* ***душогуби****" хоч раз роздерли навіки*» [1, с. 335]; «*Ти,* ***сволоч****, будеш говорити?*» [1, с. 180]; «***Кровавая піща***» [1, с. 323].

Досить своєрідно І. Багряний трактує діалектну лексику в романі «Сад Гетсиманський»: «*Що ж до методів, то виходило, що тут, як ніде, з найбільш оголеним*

*цинізмом, брутальною послідовністю застосовано гасло "Мета виправдовує всі засоби", а діалектичну істину "**Буття визначає свідомість**" змодернізовано й пристосовано до філософії, світогляду та моралі сучасних інквізиторів і тепер вона звучить – "**Биття визначає зізнання**"… Було – "**Битіє определяєт сознаніє**", а стало – "**Бітіє опредєляєт сознаніє**". Уявіть собі,.. як геніально той перифраз відобразив епоху й її модерну філософію та внутрішню суть "**Бітіє**". Цебто биття. У всьому. Нещадне, тотальне, безперервне биття*» [1, с. 126]. За допомогою діалектної лексики І. Багряний також влучно передає і мову чиновників: «*Не тронь! Ето соціалістическая собственность!*» [1, с. 234].

Певного експресивного значення в контексті набувають також назви кольорів, переосмислення семантики яких розширює понятійну, аксіологічну й естетичну місткість художнього тексту І. Багряного. Так, у романі різко протиставляються два кольори – ***чорний*** і ***білий***. Часто в контексті прикметник ***чорний*** виступає синонімом до понять «тривожний», «незбагненний», «урочистий», «величний», тобто, метафоризуючись, втрачає пряме об'єктивне значення та набуває інших, додаткових, супровідних, а то й зовсім нових значень. Наприклад: «*Він очима дивиться на сильвету собору, що заставив перед ним тьмяне небо, понурий, **чорний**, мертвий, але вже не бачить його; лише на хвилинку той собор ожив був у мареві великодньої ночі та знову погас і стоїть мертвий, як велетенський **чорний** саркофаг*…» [1, с. 23].

Досить часто І. Багряний використовує прикметник ***червоний***, який у тексті вживається на позначення «тривожності», «чогось гнітючого», «страшного», що оточує героя з усіх боків, наприклад: «*…і влетіли в Харківську вулицю, а **червоний** колір гнав назустріч*» [1, с. 39].

Поетичний епітет *золотий* в авторській версифікації має дві грані розвитку образності: то «узгоджується з уявленням» про реальний предмет (цінний предмет), то «береться з нового спостереження над явищем і не має нічого спільного з етимологією визначуваного слова» [3, с. 127], наприклад: «*Надходив **рожевий** вечір, і бігли **золоті** вужі по воді*» [1, с. 115]. Кольороніми ***рожевий*** та ***золотий*** мають найновішу парадигму, уживаючись не лише із семантикою кольору, а й із метафоричним значенням вартісності, позитивної емоційної оцінки, чистоти, довершеності, вишуканості вияву певних ознак, які ми помічаємо в романі «Сад Гетсиманський».

Інакомовна зображальність авторського слова в романі «Сад Гетсиманський» репрезентована й іншими метафоричними значеннями, які, будучи давно усталеними, загальновідомими, вживаються в особливому, індивідуальному контексті: «*Сонячний Київ і бульвар Шевченка… **Буйні каштани стоять безкінечною шпалерою й тримають на сонці чудесні свічі – свічі своїх квіток… Вони стоять і тріумфально кадять в небо золотим пилом, пахощами, буйним пафосом цвітіння, а на листах і на свічах квіток мерехкотять дощинки, діаманти краплин, випромінюючи веселки***» [1, с. 217].

Стилістично насичені метафори у творі І. Багряного «Сад Гетсиманський» є специфічно-індивідуальними і завдяки влучно дібраному словесному оточенню передають задум та настрої автора, наприклад: «*Швидко біжать поїзди степами, швидко пливуть кораблі морями, ще швидше летять літаки попід небесами, та найшвидше **летить материне серце***» [1, с. 7]; «*Каштани… Вони ж стояли і в парку його рідного міста – **свідки його дитинства, свідки його юнацтва, свідки його любові, мрій, зітхань і поцілунків ночами травневими, вечорами липневими**… Розпростерши віти густими шатрами, **вони оберігали його щастя, його тайну… І вони мовчали, як змовники… прихиляючи небо, скорочуючи до нього шлях… Каштани***» [1, с. 217]; «*Пізно (перед північчю) десь за мурами в тісному тюремному подвір'ї **загула** машина, **залопотіла** відкритим глушителем, **застогнала***» [1, с. 114]. Інтонована повторами різноструктурних елементів, зіткненням в одному контексті прямого та переносного значення слів, ампліфікаційними рядами їх авторська версифікація тексту поєднує всі три види інформації – предметно-понятійну, актантну та емоційно-експресивну, виділивши останню.

За допомогою метонімії та синекдохи І. Багряний створює яскраві, виразні художні образи: «*А по вулиці* ***йде, пританцьовує, сміхом заливається*** молодість. ***Їхня молодість, його молодість – по Києву, по столиці його землі, по бульвару Шевченка, – безжурна, відважна, горда, закохана молодість! І їй присвічує сяйво фантастичних зелено-рожевих паникадил***» [1, с. 217]; «***Камера мріяла***» [1, с. 205]; «…***реве орган на всі голоси***» [1, с. 227]; «*Перед ним був зовсім* ***зелений*** *юнак, досить симпатичний і добродушний з вигляду. Сірі втомлені* ***очі його трохи глузливо посміхалися, а обличчя було досить наївне і бліде***» [1, с. 150]; «…*дощ січе по групах листу, ударяє по різних площинах, поставлених під різними кутами, по листочках великих і маленьких, і все це відрізняє* ***чуйне арештантське вухо***» [1, с. 217].

Завдяки виділенню найсуттєвішої ознаки описуваного через пошук іншого, для якого ця ознака є виразнішою, та несподіваному зіставленню, порівнянню з ним чи контрастному протиставленню І. Багряний моделює потужні адгерентні експресеми; чим несподіваніший, незвичайніший актуалізований зв'язок між зіставлюваними, порівнюваними чи контрастуючими одиницями, тим вищий ступінь мовленнєвої експресії. Наприклад: «*Каштани,* ***наче великі паникадила****, парадно розставлені на вулиці, встромлені в чорну зволожену майським дощем землю*» [1, с. 217]; «*Андрій* ***падав****, а наглядач знову його* ***ставив***» [1, с. 140].

Крім повнозначних слів, виразну стилетворчу функцію в романі «Сад Гетсиманський» виконують вигуки, так звані інтер'єктиви, які хоч і не через смислові, а через формальні показники виражають емоції та волю людини. Дуже часто зустрічаючись на сторінках роману, вони є органічною частиною лексикону деспотичних слідчих, наприклад: «*–* ***Ну****? – знову промовив слідчий до Андрія*» [1, с. 108].

Вживаючись разом із наказовою формою дієслів, вигуки надають мовленню емоційної інтенсивності, передаючи наказ або засторогу, оскільки дієслівні форми втрачають своє «категоріальне лексичне значення й набувають емоційно-виражального» [2, с. 184], тобто десемантизуються, в результаті чого з'являються інтер'єктиви. Наприклад: «***Встати!***» [1, с. 93], «***Ну! Говори!***» [1, с. 132] та інші.

Отже, художнє слово І. Багряного семантично багатопланове, містке, водночас є і засобом прямої номінації, і засобом творення експресії живописання, художніх образів, які передають авторське бачення світу, допомагають йому реалізувати приховане, глибинне в слові, збільшити виражальні можливості мови.

ЛІТЕРАТУРА

1. Багряний І. Сад Гетсиманський / І. Багряний. – К.: Час, 1991. – 510 с.
2. Мойсієнко А. К. До питання про експресивність / А. К. Мойсієнко // Стилістика української мови. – К., 1990. – С. 25–28.
3. Чабаненко В. А. Теоретичні засади дослідження експресивних засобів української мови / В. А. Чабаненко // Мовознавство. – 1984. – № 2. – С. 11–18.

Е. К. Куварова (г. Днепропетровск)

ПОЛИВОКАТИВ В ТЕКСТЕ ПИСЬМА

Письмо как документ и речевое произведение, как правило, представляет собой текст, реализующий дистантное общение, адресованный конкретному лицу (или лицам) и пересылаемый или передаваемый через посредников, чей статус институционально закреплён. Письмо характеризуется наличием ряда конструктивных параметров, которые, собственно, и оформляют тексты, различные по своей тематике и стилистическим признакам, как тексты эпистолярные. Отмечая стандартность структуры в качестве одного из категориальных параметров письма, исследователи обычно называют в числе типичных эпистолярных элементов указание адреса, места написания, даты, обращения, подписи. Пожалуй, наиболее регулярно в письме присутству-

© Куварова Е. К., 2013

ет вокатив, или обращение, формирующее направленность текста на адресата и выполняющее коммуникативно-прагматическую и квалифицирующе-оценочную функции [1, с. 113]. Неоднократно отмечалось особое значение для эпистолярной коммуникации начального вокатива, который, будучи расположен в сильной позиции, является «синтаксическим детерминантом» текста и определяет стилистическую тональность общения [3, с. 15]. Именно начальный вокатив письма в первую очередь привлекал внимание исследователей.

Однако существует и опубликовано большое количество писем, где вокатив расположен не в начале, а в середине или даже в концовке письма, в составе этикетной формулы прощания. Во многих случаях текст письма содержит не одно, а два или несколько обращений к адресату. При этом часто наблюдается варьирование и всей вокативной конструкции, и только отдельных её компонентов. Такого рода вокатив представляет собой комплекс адресующих номинаций, пронизывающий текст письма, и может быть охарактеризован как рассеянный вокатив или поливокатив, который мы определяем как многократное, от трёх и более раз, обращение автора письма к своему адресату, вызванное, как правило, особой значимостью письма, его объёмом, эмоциональным состоянием адресанта, требующим непрерывного контакта с адресатом, особенно если это близкий ему человек. Так, в письме к П. И. Чайковскому Н. Ф. фон Мекк неоднократно обращается к своему адресату, каждый раз по-новому называя его: *мой милый, бесценный друг – дорогой мой – друг мой – мой милый друг – дорогой друг – мой дорогой – мой несравненный, дорогой Пётр Ильич – милый друг мой – дорогой мой – мой дорогой, милый мой – милый мой – милый друг мой* [2, с. 274–279].

Характер рассеянного вокатива определяется не столько количеством входящих в него номинаций адресата, сколько их разнообразием и доминирующим компонентом, в качестве которого выступает антропоним, апеллятив, субстантивированный адъектив или клише – статусное обращение типа *Милостивый государь, господин, товарищ* и т. п. Доминирующий компонент при этом воспроизводится, как минимум, дважды.

В зависимости от степени разнообразия номинаций адресата поливокатив может быть однокомпонентным, то есть включающим однотипные номинации: только антропонимы или только апеллятивы и т. д. – и многокомпонентным, сочетающим номинации разного типа.

Поливокатив с одним компонентом – антропонимом – включает в свой состав только антропонимы в той или иной форме или антропонимы в сопровождении детерминантов: *Natalie – Наташа – Наташа* (Герцен), *Дорогой Пастернак – милый Пастернак – Пастернак – Пастернак* (Цветаева). Поливокатив с одним компонентом – апеллятивом – содержит повторяющуюся лексему (возможно, с разными детерминантами: *мой дорогой* ***друг*** *– мой милый* ***друг*** *–* ***друг*** *мой – милый* ***друг*** *мой* (Мекк) – или разные лексемы: *царица моя – моя прелесть – мой друг* (Пушкин). Субстантивированные адъективы и статусные обращения в качестве единственного компонента поливокатива встречаются редко. Соответствующий тип номинации в составе однокомпонентного поливокатива и можно считать его доминантой.

Двухкомпонентный поливокатив чаще всего сочетает антропоним и апеллятив (каждый из компонентов может сопровождаться детерминантами): *дорогая Надежда Филаретовна – Надежда Филаретовна – мой бесценный друг – мой дорогой и лучший друг* (Чайковский); антропоним и адъектив: *дорогой мой Борис – дорогой мой Борис – дорогой Борис – мой бесконечно родной* (Эфрон); апеллятив и адъектив: *моя прелесть – милый мой – милый – друг мой* (Пушкин); детерминированный антропоним и статусное обращение: *Милостивый Государь мой Пётр Иванович – Милостивый Государь мой – Милостивый Государь мой* (Суворов).

Трёхкомпонентный поливокатив объединяет антропоним, адъектив и апеллятив: *Шура – дорогой – дорогой мой – брат – брат* (Есенин); антропоним, апеллятив и статусное обращение: *Милостивый Государь мой Пётр Иванович – почтенный*

друг – голубчик Пётр Иванович – Милостивый Государь мой (Суворов). Поливокатив, сочетающий номинации разного типа, обычно имеет доминанту – повторяющийся и количественно преобладающий в составе поливокатива компонент. Доминантой может быть любой из компонентов. Однако двух- или трёхкомпонентный поливокатив может и не иметь доминанты, если номинации разного характера распределены в нём примерно поровну.

В пределах каждого из структурных типов поливокатива выделяются подтипы с учётом соотнесённости начального обращения и интратекстовых номинаций адресата. Способы комбинирования и размещения компонентов поливокатива и его прагматика требуют дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белунова Н. И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Жанр и текст писем) / Н. И. Белунова. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 140 с.
2. Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк: в 3 кн. Кн. 1. 1876–1878 годы / П. И. Чайковский, Н. Ф. Мекк. – М.: Захаров, 2004. – 624 с.
3. Черняева А. Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Б. Черняева. – СПб, 2008.– 16 с.

И. В. Кузенкова (г. Северодвинск, Россия)

СЛЕНГИЗМЫ В СИСТЕМЕ НАРЕЧНЫХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Система интенсификаторов в современном русском языке объединяет значительное количество разных по своей природе единиц и имеет сложное устройство. Важное место в этой системе принадлежит именно наречным единицам, поскольку способность выражать семантику усиления, указывать на высокую или возрастающую степень проявления признака сообразна их категориальному значению.

На сегодняшний день наречные интенсификаторы получили научное описание в различных аспектах, в частности в диахроническом [10; 9], семантическом [1; 11, с. 287–299], лингвостилистическом [6] и некоторых других. В настоящее время актуальной является проблема комплексного лингвистического описания наречных интенсификаторов как системы во всей совокупности ее вариантов. Следует при этом принять во внимание, что состав наречных интенсификаторов весьма разнороден с точки зрения функционально-социальной и территориальной дифференциации языка.

Наименее изученными в русистике являются наречия-интенсификаторы нелитературных форм существования языка, в том числе сленговые единицы, которые составляют объект нашего анализа в рамках данной статьи.

Специфика сленговых наречий-интенсификаторов определяется тем, что они, выражая категориальное значение интенсивности и объединяясь по этому признаку с единицами общерусского характера, существенно отличаются от них по своему функционально-семантическому потенциалу. Одним из показательных результатов этого расхождения является заметная количественная диспропорциональность между интенсификаторами общерусского распространения и сленговыми единицами. Так, опираясь на данные лексикографических источников, мы можем ориентироваться на следующие показатели. В электронной версии «Словаря русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» [8] зафиксировано 314 наречий и наречных выражений со значением ‘очень’, которые мы можем считать единицами общерусского распространения. Из словарей сленга [2; 5 и др.] нами извлечено в общей сложности 59 наречных единиц со значением высокой степени проявления признака (в том числе многозначные слова, в одном из своих значений способные выражать семантику интенсивности, например, *нереально умный*).

© Кузенкова И. В, 2013

В несловарных источниках (живая звучащая речь, интернет-коммуникация, тексты СМИ) отмечается большее разнообразие сленговых интенсификаторов. Словарями, например, не описываются такие лексемы со значением ‘очень’ или ‘очень сильно’, как *мега*, *офигенно*, *по полной* и др. Ср.: *офигенно смешные статусы*, *мега клёвые подарки*, *отдохни по полной*. Однако даже учет этих единиц не делает количественные данные по общерусской и сленговой речи соизмеримыми. Примечательно в связи с этим то, что, как показывают результаты других исследований, наречный состав сленга в целом уступает по количеству единиц наречному составу общерусской разновидности языка: в словарях сленга содержится около 500 наречий, тогда как общерусские наречия исчисляются несколькими тысячами единиц (по разным источникам – от 6 до 10 тыс.) [7, с. 70].

Дадим общее представление о лексемном составе класса наречий-интенсификаторов в русском сленге.

В конструктивном аспекте они могут быть описаны в рамках нескольких моделей словопроизводства: 1) отадъективные: *…-о*, *на-…-о*, *по-…-ому/-ой*; 2) отсубстантивные, соотносительные с формами существительных: ***в*** **+** N_4, ***до*** **+** N_2, N_1.

Среди наречий отадъективного образования преобладают суффиксальные производные на *-о* (*дико, жестоко, немеряно, мощно* и др.): *и* ***жестоко*** *рубятся друг с другом / только мы имеем право называть Бога так / как мы хотим* (Пресс-конференция Б. Гребенщикова) [4]; *полезных ископаемых* ***немеряно****, природные кладовые, их нужно только найти* (Авиация противоборствующих сторон в Баргузинском конфликте) [4]. Эти наречия образуются от сленговых прилагательных, совпадающих с общерусскими, но имеющих особое значение в сленге.

Единичны образования по префиксально-суффиксальным моделям (*на-…-о*, *по-…-ому/-ой*): *если он исключительно / прям* ***наглухо*** *разряженный / тогда нужно будет питание какое-нибудь сетевое подводить / там два разъёма / один USB / второй / сетевой / а у меня короче / только сама вот эта вот станция* (Разговор с менеджером о покупке электронной техники // Из коллекции НКРЯ, 2008) [4]; *иные так устроятся, что с них и взять нечего, тогда как другим достается* ***по полной*** (Евгений Шкловский. Кладезь // «Звезда», 2003) [4]; *уже там внуки маленькие копошатся. Пьют все* ***по-черному****, страшно пьют. Никто не работает, чем живут – непонятно* (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010) [4]. Данные модели имеют общерусский характер, однако литературный язык не допускает наречную транспозицию форм прилагательных женского рода, соответственно, суффиксальная часть форманта не имеет варианта *-ой*. В сленге использование данного суффикса не является продуктивным, но не ограничивается только областью интенсификаторов, ср. сленгизм *по новой* ‘снова, еще раз’, не выражающий степенного значения.

Отдельного комментария требуют наречия *вчерняк*, *оченно*: *он удумал контур колебаний и заколебал его* ***вчерняк****!* (forum.uazbuka.ru); ***оченно*** *рекомендую для расслабления нервной системы! Сеанс гипноза on-line* (Запись LiveJournal, 2004); *сбежала с аськи на джаббер два года назад, чему* ***оченно*** *рада* (ICQ+QIP+Miranda, 2006). Наречие *вчерняк* образовано приставочно-суффиксальным способом от прилагательного *черный* путем присоединения приставки *в-* и суффикса *-як-* (эта модель действует в образовании не только интенсификаторов, но и других семантических классов сленговых наречий, ср. *внагляк*). Наречие *оченно* представляет собой результат чересступенчатого словообразования от наречия *очень* с моделируемой ступенью **оченный* (прилагательное не употребляется, но словообразовательная структура наречия сориентирована на отадъективное производство), имеет в своем составе два суффикса *-н-, -о-*.

Значительную часть наречий-интенсификаторов в сленге составляют отсубстантивные производные.

Модель ***в*** **+** N_4 имеет грамматические варианты реализации. Адвербиализуются имена существительные мужского и женского рода в форме единственного и множе-

ственного числа с предлогом *в* (*в доску, в дрова, в хлам, в пыль, в дупель, в щепу* и др.): *для нее был найден лидер – **в доску** свой и, как тогда казалось, без больших политических амбиций и способностей* (Виктор Дятликович. Нет Такой Партии, 2011) [4]; *мы попросили убрать елку в сторону, но **в дупель** пьяный электрик заявил, что у него не хватает шнура и двигать елку нельзя и вообще пошли вы… и ушел!* (Роман Карцев. Малой, Сухой и Писатель, 2000–2001) [4]; *он же был пьяный **в дрова**, целовал, плакал – на все соглашался!* (Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс, 1998) [4].

И. Н. Ивановский квалифицирует такого рода единицы как «фразеологизмы наречного типа», которые, по его мнению, «более всего подвержены преобразованию значения» [3, с. 249]. Для того чтобы иметь наиболее полное представление о значениях наречных фразеологизмов с широкими сочетаемостными возможностями, необходимо: «во-первых, определить круг слов-сопроводителей, с которыми он устойчиво сочетается, а во-вторых на основании полученных данных решить вопрос о многозначности фразеологической единицы» [3, с. 249]. Так, например, самостоятельность выражения *в щепу* ослаблена, и для раскрытия его значения требуется контекст. По сведениям словарей таким контекстом считается слово *пьяный.* Однако сочетаемостные возможности данной адвербиальной единицы шире. Это показала сплошная выборка контекстов, выданных на запрос *в щепу* в поисковой системе [4]. Мы выяснили, что *в щепу* устойчиво сочетается со следующими словами-сопроводителями: *расколоть, разнести, высохнуть.* Примеры: *смысл тех вольностей был таков: разрушить навеки данное, **расколоть в щепу** старинные правила, разорвать неукоснительную подчиненность!* (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010) [4]; ***разнесем же в щепу** во имя бога нашего Бэл-Мардука этот пограничный пост и всю обслугу его!* (Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона, 1997) [4].

Модель ***до + N_2*** также имеет грамматические варианты реализации, обусловленные вариативностью флексии родительного падежа имени существительного (*до дури, до хохоту, до хрена, до фига, до посинения* и др.): *там народу опять буит **до фига** и мы опять не сядем!* (Телефонные разговоры московских студенток, 2007) [4]; *штатный бардачек у шнив **до хохоту** мал. Для бумаг А4 да и только* (drive2.ru).

Одной лексемой представлено образование по модели ***N_1*** (*край*). Пример употребления: *а нам **край** надо бы возле кухни затишку постановить, как у кумы Таисы* (Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996) [4].

Непроизводное наречие *мега* также можно отнести к интенсификаторам, оно является заимствованием из английского языка. Примеры употребления: *так только хуже делаешь для ся. Жизнь – это **мега** крутят. Надо радоваться всему / что есть* (Разговор двух девушек о личной жизни, 2007) [4].

Итак, как показывают наблюдения, подсистема сленговых интенсификаторов, несмотря на относительно небольшое количество единиц, обнаруживает заметные структурные отличия от общерусской подсистемы. В то же время выявляются некоторые универсальные тенденции в производстве наречных единиц, которые подкрепляются их семантической и функциональной общностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева С. А. Очень / С. А. Григорьева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: в 3 вып. / под общ. руков. Ю. Д. Апресяна. – Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 256–261.
2. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов / научн. ред. Н. Б. Троепольская. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 672 с.
3. Ивановский И. Н. Наречные фразеологизмы: развитие значения и проблемы толкования (на примере ФЕ в доску) / И. Н. Ивановский // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Элпис, 2006. – С. 248–250.
4. Национальный корпус русского языка: Информационно-справочная система. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru.
5. Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь / Т. Г. Никитина. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – 912 с.

6. Радченко Г. И. Языковые средства выражения категории интенсивности и их стилистическая роль в произведениях писателей XVII века: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. И. Радченко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 22 с.
7. Савелова Л. А. Богат ли сленг наречиями? / Л. А. Савелова // Рус. язык в школе. – 2012. – № 2. – С. 69–74.
8. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка / Институт им. В. В. Виноградова РАН 2008; А.В. Санников. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=list&list=Наречие.
9. Хмелевский М. С. Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.03 / М. С. Хмелевский. – СПб., 2003.– 18 с.
10. Чурмаева Н. В. Усилительные наречия в языке русской письменности XI–XVIII вв. / Н. В. Чурмаева // Исследования по исторической грамматике и лексикологии / отв. ред. И.С. Улуханов; Академия наук СССР. Институт русского языка. – М., 1990. – С. 43–58.
11. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

М. Л. Кулешова (г. Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭТНОФОЛИЗМОВ В СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей работе рассматриваются тенденции употребления отдельных пейоративных названий этносов (этнофолизмов) в словенском и сербском языках. В центре нашего внимания находится изменение сферы употребления и семантики данных единиц, в особенности, определенного аспекта их лексического значения, называемого эмоциональной коннотацией, которую мы, вслед за В. И. Шаховским, рассматриваем как «эмоциональную окраску логико-предметного ядра» [1, с. 82].

Наиболее ярко подобные преобразования прослеживаются на примере уничижительных наименований национальностей, переселившихся на исконно занимаемую словенцами/сербами территорию. Например, для живущих в Словении эмигрантов из иных стран бывшей Югославии в разное время появилось несколько этнофолизмов, ни один из которых не был включен в последнее издание SSKJ [2]: *bosanec*, *čefur, južnjak* и *čarec (čapac)*. Слово *bosanec*, судя по всему, еще во времена СФРЮ стало употребляться не только по отношению к эмигрантам из Боснии и Герцеговины, но и ко всем приезжим, говорящим по-сербски, и таким образом приобрело пейоративную коннотацию [3, с. 199]. На данный момент вопрос о ярко выраженной негативной окраске данного псевдоэтнонима остается открытым. С одной стороны, слово продолжает использоваться в СМИ как исконное название этноса, что способствует его общей нейтрализации: «*Sodni proces proti 54-letnemu Kranjčanu Bukovcu in 27-letnemu Bosancu Suljanoviću <…> se je nadaljeval z zaslišanjem…*» («*Судебный процесс против 54-летнего жителя Краня Буковца и 27-летнего боснийца Сульяновича продолжился слушанием…*») (Delo, 2008). С другой стороны, оно по-прежнему повсеместно употребляется в негативном контексте в значении «гастарбайтер»: «*Uf takih "bosancev" imamo v Sloveniji kar veliko. Država jim je bila kar dana. Prav tako stanovanja, službe itd*» («*О, да таких «боснийцев» у нас в Словении полно. Взяли и отдали им страну. Как и квартиры, работу и т. д.*») (Интернет, 2011).

Иным путем развивалась семантика лексемы *južnjak*, первоначально подразумевавшей под собой любого человека южных кровей и до сих пор употребляющейся в данном значении: «*Grki <…> so južnjaki pa znajo po mizi udarit*» («*Греки <…> – южане, умеют и по столу ударить*») (Интернет, 2010). Однако, в связи с актуальными событиями девяностых годов, слово все чаще используется для обозначения приезжих из вышеупомянутых стран и приобретает пренебрежительный оттенок, сохраняющийся до сих пор [4, с. 114]. См. следующие примеры: «*Južnjake v Sloveniji vse moti! V službah kjerkoli so južnjaki največji lenuhi, a vendar se najbolj bunijo vedno!*» (*«“Южан” в Словении все раздражает! На работе они везде самые большие хал-*

© Кулешова М. Л., 2013

турщики, а возмущаются всегда больше всех») (Интернет, 2011); «*Seveda hočemo južnjake, ker mi, Slovenci, pametni, izobraženi in pridni, ne bomo opravljali umazanih del*» («*Конечно, нам нужны "южане", ведь мы, образованные и послушные словенцы, не будем выполнять грязную работу*») (Finance, 2010).

Судьба слова *čefur* представляется нам наиболее интересной. Этимология данной лексемы доподлинно неизвестна [3, с. 199], однако, в отличие от предыдущих этнофолизмов, она изначально появилась на уровне сленга и имела ярко выраженный пейоративный характер. Вероятно, в связи с этим понятие *čefur* стало своего рода символом поколений эмигрантов, живущих в Словении, и «обросло» рядом негативных стереотипов: плохое знание словенского языка, неуважение к культуре страны, преступные склонности и т. п. Тем не менее, в настоящее время слово вышло из периферийной языковой зоны, и его пейоративность постепенно ослабевает [5]. О снятии «табу» свидетельствует например, его появление в заглавии романа Г. Войновича «*Čefurji* raus!» (2008 г.). Но все же об абсолютной утрате эмоциональной коннотации в данном случае речь не идет, что подтверждается возможностью употребления лексемы как общеоценочного пейоратива: «*Tito kot zločinec, je tudi tipičen čefur. Kardelj, ki je svoj narod prodal balkancem in ga še sproti moril, bi lahko tudi spadal pod kategorijo "čefur"*» («*Тито, как преступник, тоже типичный "чефур". И Кардель*[*]*, продавший свой народ балканцам и тут же убивавший его, может относиться к категории "чефур"*») (Интернет, 2010). Кроме того, само слово *čefur* попрежнему может расцениваться как оскорбление (см., например, описанную в сетевом дневнике историю о том, как папа-словенец возмутился, когда его сына, рожденного в браке с боснийкой, назвали маленьким «чефурчиком» *volkec.blog.siol.net* и т. п.).

Отсутствие единого варианта написания лексемы *čарес (čарас)*, видимо, связано с тем, что она по-прежнему остается в рамках ненормированного молодежного жаргона и функционирует в качестве обозначения представителя субкультуры балканских эмигрантов, наделенного определенными атрибутами: носит спортивный костюм, слушает музыку в стиле «турбофолк» и т. п. Об этом свидетельствуют контексты ее употребления, встречающиеся в корпусе словенского языка GigaFida значительно реже, нежели примеры использования трех предыдущих лексем: «*Ti pa si recimo čарас, ker nosiš trenirko?*» («*А ты, значит, "чапац", если носишь спортивный костюм?*») (Интернет, 2010); «…gibanje, ki edino v Ljubljani združuje tako skinheade kot "*čарсе*"» («*…единственное движение в Любляне, которое объединяет как скинхедов, так и "чапцев"*») (Delo, 2011). Однако вариант в сербской огласовке также говорит о том, что данное слово употребляется как самоназвание, что ставит под вопрос его пейоративную коннотацию.

В свою очередь, для современной культурной и политической ситуации в Сербии наиболее актуален давно возникший этнофолизм *шиптар*, являющийся искаженным самоназванием албанцев (*Shqiptarët*) [6]. Неизбежность появления пейоративного наименования для данной нации, особенно в свете Косовского конфликта, очевидна, и слово *шиптар* заняло эту нишу, хотя, например, в словаре РМС [8] оно не обозначено какими-либо пометами эмоциональной оценки. На данный момент лексема находится на грани между этнофолизмом и нейтральным этнонимом. Об этом свидетельствует ее распространенность и возможность употребления даже в официальных СМИ, причем не только в статьях националистической направленности («***Шиптар*** *се попео на зграду Генералштаба*» («*Албанец взобрался на здание Генерального штаба*» (srbin.info, 2012). Вполне вероятно, что негативные ассоциации, связанные с данным словом, в дальнейшем будут проявляться в большей степени на экстралингвистическом уровне.

Таким образом, несмотря на характерное для европейской (особенно западной) культуры стремление к толерантности и политической корректности, большая часть

[*] Эдвард Кардель — югославский политический деятель, по национальности словенец.

рассмотренных этнофолизмов постепенно приближается к литературной норме, хотя их пейоративная коннотация при этом, безусловно, ослабевает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – М., 2009.
2. SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Spletna izdaja. Ljubljana, 2000.
3. Špela Kalčič. «To je tko, kt en Johan, recimo en Johan, ampak je musliman»: bošnjaški diskurzi o islamu v Sloveniji. – Режим доступа: http://www2.arnes.si/~ljinv16/RIG/RIG%2047/rig47_sk_11s.pdf
4. Ksenija Šabec. Kdo je čefur za kranjskega Janeza: stereotipi in kulturne razlike v sodobnem evropskem kontekstu. // Stereotipi v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi / 43. seminar slovenskega jezika, literature in culture. – Ljubljana, 2007. –С. 102–117.
5. Jure Aleksić. Kdo je čefur? – Режим доступа: http://www.mladina.si/46643/kdo-je-cefur/
6. Dimitrije Bogdanović. Knjiga o Kosovu. – Режим доступа: http://www.kosovo.net/sk/rastko-kosovo/istorija/knjiga_o_kosovu/index.html
7. РМС – Речник спрскохрватского књижевног језика. Нови Сад –Загреб, 1967.

Н. П. Курмакаева (г. Донецк)

ОБ ОСНОВНЫХ СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЯ БЕЗЛИЧНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Современное поле безличности представляет собой явление сложно организованное, многослойное, неоднородное как по лексико-грамматической природе предикатного компонента, так и по динамике развития различных его зон. В числе спорных объектов синтаксических исследований – репрезентанты грамматического ядра безличных предложений (БП), функционально-синтаксический статус и/или частеречная принадлежность которых продолжают активно обсуждаться [1; 2; 3; 6]. Уточнение этого статуса позволит более четко представить картину путей и способов развития БП.

Цель исследования – в русле идей теории функциональной эквивалентности (В. В. Лущай [6; 7]) вскрыть основные способы развития категории безличности и виды взаимоотношений личных и безличных предложений в языке.

Предмет нашего исследования делает необходимым обращение к одной из самых сложных проблем теории языка – объяснению различных форм проявления «асимметричного дуализма» [4] языкового знака, обнаруживаемого на уровне функционирования определенных форм определенных частей речи (ЧР) в позиционном составе БП. Нарушения диалектического равновесия между знаком и значением, открытые Ш. Балли и Э. Бенвенистом и обоснованные С. Карцевским, нашли неоднозначные толкования в многочисленных исследованиях по теории процессов переходности (см. их обзор в [1]) в системе ЧР и членов предложения (ЧП).

В соответствии с одним из законов внутренней структуры языка ЧР как динамическая система способны не только находиться в диалектическом соответствии с ЧП, но и нарушать это равновесие, что можно понимать в том числе и как употребление в не свойственных им функциях и позициях. Подобного рода явления языка квалифицированы Е. Куриловичем как относящиеся к вторичным синтаксическим функциям и подведены под понятие синтаксической деривации [5, с. 61].

Если признать безличность категорией синтаксиса и рассматривать БП в корреляции с ЛП, а статус категории личности / безличности квалифицировать как функционально-грамматической, реализующейся в том числе и в системе глагольного словоизменения, т. е. в двух параллельных подпарадигмах – подпарадигме личных форм (ЛФГ) и малокомплектной подпарадигме безличных форм (БФГ), то можно не выводить БФГ за пределы глагольной парадигмы, закрепив за БФГ статус вторичного, периферийного образования в ней. Соответственно, подтверждается производность структурной схемы V_{f3s}от базовой *N1 – Vf*. Характер соотношения коррелятов

© Курмакаева Н. П., 2013

БФГ и ЛФГ для пар с тождественным грамматическим оформлением (*дождь льет – льет как из ведра*) возможно истолковать в двух версиях: 1) как внутричастеречную транспозицию (омоформы) и 2) как функциональную деривацию: функциональные омонимы, или омосинтаксемы [6, с. 42] одного глагольного слова, объединенные общим лексическим и грамматическим значением и дифференцируемые в дистрибуции.

БФГ относительно ЛФГ характеризуются связью функционально-грамматической деривации (морфолого-синтаксические дериваты) при различной морфемной организации пар: *Я грущу – Мне грустится*.

Суть концепции функциональной эквивалентности (ФЭ-сти) – в строгом разграничении специализированных для позиции главного члена БП словоформ (V_{f3s}) и их функциональных эквивалентов (ФЭ) в сфере глагольных форм ($V_f \approx V_{f3s}$) и в обнаружении внутричастеречной ФЭ-сти, в основе которой лежит «полифункциональность большей части словоформ в позиционном составе предложения» [6, с. 133]. В соответствии с принципом ФЭ-сти можно утверждать, что ЛФГ, употребленные в функции БФГ ($V_f \approx V_{f3s}$), соотносятся с исходными не как формы с формами, а как две функции одной формы, т. е. ЛФГ в предложениях типа ***Он** и в беде **смеется*** и БФГ в предложениях типа *Ой, кому-то нынче плачется, а кому **смеется*** (примеры В. В. Лущай) коррелируют как омосинтаксемы, т. е. «члены оппозиций в ряду противопоставленных синтаксических функций данной полифункциональной словоформы» [7, с. 42]. Функциональную парадигму такой полифункциональной словоформы предложено именовать омосинтаксемным рядом [там же].

Категориальное значение словоформы в позиции V_{f3s} не меняется, а лишь частично нейтрализуется, консервируется под влиянием дистрибуции (закрытость позиции N_1) и семантики синтаксической позиции ‘стихийность, инволюнтивность, самопроизвольность’.

Таким образом, один из наиболее заметных путей образования БФГ – это функциональная деривация, результат которой – появление функциональных омонимов ЛФГ и БФГ, или омосинтаксем V_f и $V_f \approx V_{f3s}$.

Представленные две версии не являются взаимоисключающими. Принимая в качестве исходной вторую из них, мы убеждаемся, что она вовсе не противоречит возможности существования в языке внутричастеречных глагольных омоформ. Первая версия корректна, если речь идет об одинаковых формах этимологически родственных, но семантически различающихся глаголов, выступающих в контекстах, синтаксически не обусловливающих один другой, например: *Сначала **делается** основание* (П. Бажов) (страдательное употребление акционального глагола *делать*) – ***Делается** прохладно* (безличное употребление вспомогательного глагола *делаться*).

В то же время внутри страдательной модели обнаруживаются узуальные модификации, позволяющие говорить о функциональной деривации, когда одна из коррелятивных пар соотносится с подлежащим, а другая не предполагает такой позиции: *В тот вечер **говорилось** всякое* (Л. Дуров) – *О продовольствии **говорилось** с дрожью в голосе* (А. Солженицын).

Подтвержденная таким образом функциональная непервичность ЛФГ в позиции главного члена БП позволяет предположить, что в результате заполнения этой позиции нефинитными словоформами (по аналогии с финитными) мы имеем дело также с функционально-синтаксической деривацией исходной словоформы, т. е. не переходностью в иную ЧР, а выдвижением ее в иную синтаксическую позицию без изменения частеречной принадлежности. При этом словоформы-репрезентанты образуют функциональную парадигму, а между собой соотносятся как омосинтаксемы внутри соответствующей части речи:

1) имени существительного: *В пакетиках оказался **не сахар**, а сахарин; Жизнь в партизанах была **не сахар**; В партизанах было **не сахар**;*

2) имени прилагательного: *Кругом все **тихо** / Кругом **тихо**;*

3) причастия: *Помещение **натоплено** / В помещении **натоплено**;*

4) наречия: *Посидели* ***по-домашнему*** / *Угощение было* ***по-домашнему*** / *За столом было* ***по-домашнему****.*

Выделенные словоформы организуют в соответствующих рядах функциональную парадигму, а между собой соотносятся как субстантивные, адъективные, причастные или адвербиальные омосинтаксемы (функциональные омонимы).

Наиболее спорными с точки зрения частеречной принадлежности следует признать словоформы на *-о*, активнее всего используемые для замещения субпозиции присвязочного компонента БП с общим значением «состояния», либо оценочного предиката в инфинитивно-оценочных предложениях. Совершенно объективную характеристику им дает А. А. Камынина: «Предикативное употребление таких словоформ больше соответствует краткому прилагательному, чем наречию, тем более что безлично употребляется и краткая форма среднего рода страдательных причастий (*В избе сильно натоплено и накурено*), да и в спрягаемом глаголе средний род втянут в выражение безличности» [3, с. 123]. Критично подходит к проблеме КС и В. Б. Евтюхин: «…слова КС рассматриваются как монофункциональный класс. Это не соответствует принципам выделения самостоятельных частей речи (все они полифункциональны)» [2, с. 77]. А. А. Камынина предлагает «понятия предикатива (КС) соотносить с синтаксической функцией неглагольных словоформ», что, по существу, совпадает с точкой зрения РГ-80 видеть в данных словах явление синтаксической деривации.

Если в теории транспозиции соотношение между нефинитными репрезентантами предикатной позиции личных и безличных коррелятивных пар трактуется как межчастеречная омонимия, то в концепции ФЭ-сти цепь зависимостей обосновывается как функциональная деривация. Анализ многочисленных узуальных корреляций ЛП и БП со словом на *-о* свидетельствует, что функционирует одно и то же слово в родственных позициях – с валентностью на подлежащее и без нее. Сравним: 1) *Как* ***грустно*** *мне твое* ***явленье****…* (А. Пушкин), где *грустно* – оценочный предикат, противочлен подлежащего *явленье*; 2) *Но как же* ***это грустно*** (А. Чехов), где *грустно* – оценочный предикат при неморфологизованном подлежащем *это;* 3) *Мне* ***грустно*** *и легко…*(А. Пушкин), где *грустно* – предикат непроизвольного состояния. Налицо расчленение словоформы *грустно* на омосинтаксемы, стянувшие на категориальное значение прилагательного в краткой форме среднего рода семантику соответствующей позиции, т. е. различие ровно на объем семантики позиции. Случаи отсутствия у БП коррелята ЛП объясняются принципом свободного заполнения модели, когда по аналогии создается адъектив-окказионализм специально для позиции главного члена БП: *Было в городе* ***строго*** *и* ***лыжно*** (Е. Евтушенко); *Мне тихо и* ***осеннее*** (Р. Казакова); *Еще* ***водно, рыбно*** *и* ***лесно*** *на Руси* (Л. Леонов); *Было тихо,* ***месячно*** (В. Шишков); ***Птично, вечно, человечно*** (О. Тарутин).

Таким образом, формирование поля безличности продолжается в русле следующих грамматических процессов: функциональная деривация (омосинтаксемия), внутричастеречная транспозиция (омонимия на уровне словоформ) и функционально-грамматическая деривация (постфиксальное формообразование). Случаи же, не вписывающиеся в коррелятивную связь, можно квалифицировать как свободное заполнение сформировавшейся модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Евтюхин В. Б. Введение в морфологию // Современный русский язык : Морфология / С. И. Богданов, М. Д. Воейкова, В. Б. Евтюхин и др. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – С. 7–90.
3. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология : учеб. пособие / А. А. Камынина. – М.: МГУ, 1999. – 240 с.
4. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 85–90.

5. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории частей речи / Е. Курилович // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
6. Лущай В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики / В. В. Лущай. – Донецк: ДонНУ, 2010. – 255 с.
7. Лущай В. В. Позиционный состав предложения и типология синтаксической связи / В. В. Лущай. – Донецк: Изд-во «Ноулидж», 2012. – 126 с.

Т. В. Лановая (г. Симферополь)

СТЕПЕНЬ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение проблемы языковых контактов и, как следствие этого процесса, заимствований, является одним из традиционных направлений лингвистики (работы Й. Айдуковича, У. Вайнраха, Ю. А. Жлуктенко, Л. П. Крысина, В. Ю. Розенцвейга, Э. Хаугена, Г. Шухардта, Л. В. Щербы и др.).

Чтобы определить степень освоения заимствований в речи, нами было проведено анкетирование 300 респондентов. Анкета состояла из 50 заимствований разных тематических групп, разной частоты употребления и из разных языков-источников. Для нас релевантными данными стали возраст (от 17 до 25; от 26 до 40 и от 41) и образование (профессия) респондентов. Результаты исследования изложены в публикации автора [7].

Для всестороннего исследования степени освоения заимствований в системе языка необходимо проследить их фиксацию в словарях русского языка.

Существует несколько подходов к определению степени освоения иноязычных заимствований. Л. П. Крысин разделяет процесс адаптации на пять этапов. М. Г. Дакохова делит процесс освоения на четыре этапа: 1) употребление иноязычного слова в его исконной орфографической (а в устной речи фонетической) и грамматической форме, без транслитерации и транскрипции (вкрапления); 2) приспособление иноязычного слова к системе заимствующего языка (транслитерация или транскрипция), отнесение к определенной части речи, с соответствующим морфологическим оформлением; 3) вхождение иноязычных слов в русскую грамматическую систему; 4) фиксация иноязычного слова в словарях) [4].

Существует множество других классификаций (см. работы В. М. Аристовой С. А. Беляевой, Г. Ю. Князевой, Г. В. Павленко и др.), в которых в той или иной степени перекликаются основные параметры (появление инновации, максимальная утрата признаков языка-источника, закрепление в словарях).

Взяв за основу пятиуровневую классификацию, предложенную О. Э. Бондарец, мы, вслед за А. Н. Рудяковым, производим деления на язык и речь как формы существования языка [9]. В своей работе под «языком» мы подразумеваем кодифицированный русский язык, зафиксированный словарями; под «речью» – его узуальное употребление.

Несмотря на то, что большинство из рассматриваемых нами заимствований кодифицированы, они в разной мере отражают потребность для носителей русского языка. Перечислим признаки, ставшие для нас основополагающими при определении степени освоения заимствований в русском языке: 1) закрепление иноязычного элемента в словарях (с учетом количества словарей, включивших в свои словники данное заимствование, и тип этих словарей); 2) семантическое и стилистическое освоение иноязычного слова (количество значений многозначного слова; характер толкования значений (расширение или сужение значения); наличие или отсутствие переносных значений; наличие или отсутствие стилистических помет).

Нулевая степень освоения – слово не зафиксировано в словарях, хотя употребляется в речи (устной и / или письменной).

© Лановая Т. В., 2013

Низкая степень освоения – слово зафиксировано в 1–2 словарях; дано чаще всего с одним значением; толкование сопровождается стилистическими пометами; в словарях не отмечены переносные значения.

Средняя степень освоения – слово зафиксировано в 3–4 словарях русского языка; процесс изменения семантики слова (появление новых значений) отражен в словарных статьях; толкование слова сопровождается стилистическими пометами; в словарях не отмечены переносные значения.

Высокая степень освоения – слово зафиксировано в 5–6 словарях; процесс изменения семантики лексемы отражен в словарных статьях; толкование может не сопровождаться стилистическими пометами; у слова могут появляться переносные значения, которые фиксируются в словарях.

Наивысшая степень освоения – слово зафиксировано в 7–9 анализируемых словарях русского языка; значение слова стабилизируется; толкование слова не сопровождается стилистическими пометами; переносное значение, появившееся ранее, закреплено в словарях.

В соответствии с нашей задачей в исследовании были использованы следующие группы словарей:

1. Словари, зафиксировавшие изменения словарного состава языка: Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 764 с. (далее – СРЗС), Крысин Л. П. Учебный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 709 с. (далее – УСИС).

2. Словари русского языка, отражающие современную общеупотребительную русскую литературную лексику: Ожегов С. И Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Изд-во ООО «А ТЕМП», 2007. – 944 с. (далее – ТСРЯ), Большой толковый словарь русского языка / [сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. (далее – БТСРЯ), Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – Режим доступа: http://www.efremova.info. Проверено 28.02.12. (далее – НСРЯ), Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 960 с. (далее – РОС).

Заимствованную лексику можно разделить на следующие группы по степени их освоения в языке:

1) заимствования с нулевой степенью освоения: *адвертайзинг*, *фэшн*; Слова этой группы появились в речи в течение последних 10–15 лет.

2) заимствования, имеющие низкую степень освоения: *блендер*, *геймер*, *девелопер*, *жокрис*, *заппер*, *мейкап*, *мейнстрим*, *миттельшнауцер*, *сиквел*, *сейл*, *цитрон*, *цуфуски*, *юзер*; Вторую группу составляют заимствования, которые, как правило, вошли в словарь иностранных слов; появились в русском языке в конце XIX – нач. XX вв.

3) заимствования, имеющие среднюю степень освоения: *абшид*, *брифинг*, *куафер*, *файл*, *фурор*, *хайвей*, *хеппи-энд*, *хит*, *шейкер*, *эпистола*;

4) заимствования, имеющие высокую степень освоения: *актер*, *аптека*, *грамота*, *изюм*, *кекс*, *марьяж*, *огурец*, *престиж*, *пуф*, *рандеву*, *рейтинг*, *сатисфакция*, *тетрадь*, *халат*, *эрзац*; В эту группу входят слова разного времени заимствования, мы расположили их по времени заимствования, начиная с заимствований конца XX в. и заканчивая лексемами, заимствованными в XVIII в.

5) заимствования, имеющие наивысшую степень освоения (самые «старые» элементы): *багаж*, *бомонд*, *дискуссия*, *караван*, *компания*, *конгресс*, *оказия*, *рецидив*, *туман* и *характер*.

Продемонстрируем наиболее показательные примеры. Слово *адвертайзинг* (англ. *advertising* – реклама) начинает появляться в речи в конце XX в. и ни в одном из словарей не зафиксировано, поэтому в языке оно имеет нулевую степень освоения.

Заимствование из английского языка, лексема *хит* (англ. *hit* – гвоздь сезона) зафиксировано в четырех словарях из анализируемых девяти. В русском языке слово функционирует без переносных значений, а только с единственным прямым: «музыкальное произведение (главным образом эстрадное), имеющее наибольшую популярность в течение какого-л. промежутка времени» [УСИС]. Данное слово стало словообразовательной базой для некоторых новых слов, например, *хитовый* и т. д. но большинство новообразований построены по модели сложение основ, что уже зафиксировано словарем: *хит-группа, хит-оркестр, хит-парад, хит-песня, хит-пластинка*. Совокупность признаков дает возможность говорить о средней степени освоения слова в языке.

В семи различных словарях русского языка мы находим слово *дискуссия* (нем. *discussion*, фран. *discussion* – лат. *discussio* – рассмотрение, исследование) с единственным значением «публичное обсуждение какого-либо спорного вопроса, проблемы; спор» [БСЭ]. БСЭ снабжает толкование слова пометой книжное, в других словарях отсутствуют какие-либо дополнения. За годы функционирования слова в русском языке оно ‘обросло’ словообразовательным гнездом.

Проведенное исследование позволило не просто констатировать факт функционирования или нефункционирования лексемы в языке, а зафиксировать механизм его адаптации, ассимиляции и степени употребления, соотнести узус и словарь.

Представленные результаты доказывают наличие в языке механизмов «самоочищения» (т. к. слова, переставшие отображать актуальные для современных носителей русского языка реалии, зафиксированы только в словарях конкретных эпох).

Степень освоения заимствования непосредственно зависит от времени заимствования. Проведенный анализ позволил зафиксировать как тенденцию к устареванию слов, так и сделать прогноз относительно новых слов. Полученные данные могут быть использованы в целях коррекции лексикографических изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонова Д. Н. Узуальные иноязычные вкрапления в современном русском языке / Д. Н. Агафонова. – Ростов-н/Д. : Изд. РГУ, 1995. – 198 с.
2. Архипенко Л. М. Іншомовні лексичні запозичення в українській мові: етапи і ступені адаптації (на матеріалі англіцизмів у пресі кінця XX - початку XXI ст.): автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / Л. М. Архипенко. – Харків, 2005. – 20 с.
3. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / О. Э. Бондарец; под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд.-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2008. – 144 с.
4. Дакохова М. Г. Англоязычные заимствования в русском языке (XIX–XX век): автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 «Общее языкознание» / М. Г. Дакохова. – Краснодар, 1998. – 26 с.
5. Дорофеев Ю. В. Взаимодействие языков в функционально-прагматическом аспекте / Ю. В. Дорофеев // Наук. записки. – Вип. 81 (1). – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 4 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – С. 299–303.
6. Князева Г. Ю. Понятие ассимиляции заимствований и методика ее исследования / Г. Ю. Князева // Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1970. – Вып. 5. – С. 126.
7. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. –1996. – С. 147–154.
8. Лановая Т. В. Взаимодействие языковых миров (на материале русского языка) / Т. В. Лановая // Наук. записки. – Вип. 104 (2). – Серія: Філологічні науки (мовознавство) : У 2 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. – С. 52–57.
9. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят / А. Н. Рудяков. – М.: Наука, Флинта, 2012. – 160 с.

Н. В. Левун (м. Дніпропетровськ)

ІННОВАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ У ТВОРЕННІ ВІДСУБСТАНТИВНИХ ДІЄСЛІВ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Відіменні словотвірні типи дієслів, як свідчать словникові матеріали української мови двох останніх десятиліть, становлять собою досить продуктивні моделі індиві-

© Левун Н. В., 2013

дуально-авторських новотворів, зафіксованих у мові ЗМІ та в художніх творах. За нашими підрахунками, у словнику «Словотворчість незалежної України. 1991 – 2011», укладеному Анатолієм Нелюбою, фіксується 230 відіменних неологічних дієслів. Звичайно, пише автор цієї лексикографічної праці, «не всі фіксовані одиниці стануть надбанням узусу, однак у сукупності вони відображають ще й *приховані ресурси, можливості* словотвірної номінації української мови» [1, с. 3]. Така значна кількість відіменних вербативів, що з'явилися в мові за два останніх десятиліття, може стати об'єктом спеціального аналізу. Наше завдання – показати в загальних рисах продуктивність цього класу похідних лексем.

Суфіксальне творення відіменникових дієслів-неологізмів. Найбільш продуктивним, за нашими спостереженнями, виявився словотвірний тип відіменникових похідних вербативів із суфіксом **-ува-** та його варіантами **-изува-, -ізува-, -ствува-**, наприклад:

*автограф**ува**ти, азі**юва**ти, акці**юва**ти, арбітр**ува**ти, атриб**ува**ти, балувати, банкінг**ува**ти, барвінк**ува**ти, блешн**юва**ти, бомж**ува**ти, дайджест**ува**ти, дах**ува**ти, дизайн**ува**ти, дощ**ува**ти, зверхник**ува**ти, зірк**ува**ти, камен**ува**ти, кандидат**ува**ти, лист**ува**ти, лобі**юва**ти, лоцман**ува**ти, маланчук**ува**ти, парад**ува**ти, політик**ува**ти, самб**ува**ти, свінг**ува**ти, стаціон**ува**ти, тартак**ува**ти* (від «*Тартак*»), *фермер**ува**ти, флюгер**ува**ти, хакер**ува**ти, ширм**ува**ти, юнак**ува**ти*;

*абсурд**изува**ти, африкан**ізува**ти, голограф**ізува**ти, диявол**ізува**ти, ікон**ізува**ти, колорит**изува**ти, мемуар**изува**ти, постмодерн**ізува**ти, хаот**изува**ти;*

*аспірант**ствува**ти, депутат**ствува**ти, дисидент**ствува**ти, прокурор**ствува**ти.*

У словнику А. Нелюби неологічні дієслова подано в такий спосіб:

Арбітрувати ← **арбітр.** Бути арбітром, виконувати функції арбітра. *У наступному сезоні він вже не буде **арбітрувати** матчі серії А (Мілан – Ювентус)* (СТБ, 08.05.05) [1, с. 36].

Африканізувати ← **африканський** або ← **Африка.** Дія (процес), спрямована на поширення, розповсюдження всього африканського або такого, як в Африці (як правило, упослідженого, недорозвинутого тощо). *Велика кількість телерадіоорганізацій годує українських громадян спримітизованими витворами різних сурогатів, … денаціоналізує, зросійщує, американізує і навіть **африканізує** дітей, підлітків…* (ЛУ, 35/04, с. 3) [1, с. 40].

Бомжувати ← **бомж**. Дія (процес), пов'язана з бомжем (бути бомжем, жити так, як бомб). *Бо я **бомжую** і ходжу в лахмітті, Ти ж усього збираєшся надбать. Як чарку піднесеш, тієї ж миті Відчую чоловічу твою стать* (В. Луценко. Благання злиденного поета) [1, с. 59].

Дисидентствувати ← **дисидент**. Дія (процес) – бути дисидентом., поводитися, як дисидент. *Виник ще один скандал: справа в тім, що за літак «Руслан» Антонов мав одержати Ленінську премію, але ж!.. «**Дисидентствує**... Як можна!»* (ПіК, 13/03, с. 26) [1, с. 127].

У ролі твірних основ для наведених дериватів виступають як загальні назви з конкретним або абстрактним значенням, так і власні назви. Залучення власних назв до деривaційних процесів у сфері дієслівного словотвору слід вважати інноваційним явищем.

Аналогічні процеси спостерігаємо при творенні відсубстантивних дієслів із суфіксом **-и-,** який порівняно з суфіксом **-ува-** має значно меншу деривaційну спроможність. За моделлю «іменна твірна основа + суфікс **-и-**» утворено такі слова*: акордео**ни**ти, армагеддон**и**ти, байбач**и**ти, велосипед**и**ти, вулкан**и**ти, гепатит**и**ти, громадян**и**ти, гумор**и**ти, депутат**и**ти, дзеркал**и**ти, довгонос**и**ти, епіграм**и**ти, єфрат**и**ти, землетрус**и**ти, істер**и**ти, колорад**и**ти, контрабас**и**ти, кошмар**и**ти, креатив**и**ти, куйбід**и**ти, куркул**и**ти, мзд**и**ти, миротвор**и**ти, монітор**и**ти, орган**и**ти, піар**и**ти, пісуар**и**ти* (від *ПІСУАР* – Південно-Східна Українська Автономна Республіка)*, плющ**и**ти* (від *Плющ*), *правд**и**ти, сердюч**и**ти, словоблуд**и**ти, страдівар**и**ти,*

*трембіт**и**ти, умовиводи**т**и, фаетон**и**ти, форум**и**ти, фуршет**и**ти, химер**и**ти, цицерон**и**ти, шершел**и**ти* (від *шерше* ля фам).

Акордеонити ← **акордеон.** Дія (процес) гри на акордеоні. *Віскі та бренді п'ють Перебенді, **Акордеонять** сто юнаків Замість парадного кроку полків* (Д. Кремінь Літо в Чорноморці)) [1, с. 19].

Армагеддонити ← **армагеддон.** Дія (процес), пов'язана з армагеддоном. *А вісь потоншала – хитається, мов пальма,вдихаєш запахи настурцій і напалму – на паралелі, де чекає мага донна, **армагеддонить*** (Ю.-В. Мусаковська. Армагеддонить) [1, с. 36].

Байбачити ← **байбак.** Ставати, бути байбаком. *Дичію, вовчію, темнію, бю байдики, себто **байбачу*** (А. Жикол. Дичію) [1, с. 42].

Велосипедити ← **велосипед**. Дія (процес) пересування на велосипеді. *На всіх просторах, мов шалені, **Велосипедили** «зелені». Сказали виборці: «Гуд бай! Ні, Україна – не Китай* (В. Баран. Вибори-2007) [1, с. 67].

Суфікс **-і-** у сфері відіменного дієслівного словотвору належить до малопродуктивних. За його допомогою утворено лише сім лексем: *вовч**і**ти, героїти, дрібнолист**і**ти, ідіот**і**ти, лакеїти, футбол**і**ти, яворіти* (від *Яворівський*). Словотвірне значення окремих новотворів та контексти з їх уживанням наводимо нижче:

Вовчіти ← **вовк.** Дія (процес) – ставати вовком. *Дичію, вовчію, темнію, бю байдики, себто **байбачу*** (А. Жикол. Дичію) [1, с. 42].

Героїти ← **герой.** Дія (процес), пов'язана з героєм (бути героєм, виявляти ознаки героя, діяти, як герой). *Кожен сам задля себе **героїть**, кожен сам собі звітзаповіт. Коло клубу – ти бачиш, ти чуєш – весь народ – сорок, тридцять усіх?* (О. Шарварок. Висока брама) [1, с. 97].

Непродуктивними словотвірними типами виявилися відіменні типи з суфіксом **-ну-** та **-а-** (**-ка-, -нича-**). У названому словнику зафіксовано два дієслова (*есемес**ну**ти, консенс**ну**ти*) з першим суфіксом та п'ять дієслів (*крил**я**ти, перехрес**нича**ти, святковіш**а**ти, серк**а**ти, хак**а**ти*) – з другим. Наприклад:

Консенснути ← **консенсус**. Разова, миттєва дія (процес), пов'язана з консенсусом. *…зібралися, побалакали, **консенснули** та й – гей, згуртувалися довкола...президента й армії…* (Ч-Т, 10/96, с. 8) [1, с. 230–231].

Серкати ← **сер.** Дія (процес), пов'язана з шанобливим звертанням *сер* (звертатися, називатися цим словом). – *Сер! Я приймаю Вас у лицарі. – Не треба мені **серкати*** (м/ф «Тачки 2», переклад, 2011) [1, с. 488].

Хакати ← **хакер.** Дія (процес), пов'язана з хакером (виконувати, здійснювати операції хакера, бути хакером). *Адже майже щомісяця «**хакають**» кредитку когось із великих цього світу* (ПіК,10/01, с. 40) [1, с. 565].

Комбіновані способи творення неологічних вербативів. Серед комбінованих способів творення відіменних дієслів найбільшою продуктивністю відзначається **конфіскація**. Префіксально-суфіксальні дієслівні утворення мають різні моделі:

1) суфікс **-ува-** у сполученні з префіксами **ви-, від-, за-, о-, пере-, роз-, у-: *ви**вінков**ува**ти, **від**термін**ува**ти, **за**дебіл**юва**ти, **за**москал**юва**ти, **за**серіал**юва**ти, **з**бомж**ува**ти, **о**дебіл**юва**ти, **о**маркс**юва**ти, **пере**позиціонов**ува**ти, **роз**дрот**ува**ти, **роз**рубрик**ува**ти, **у**менталь**юва**ти, **у**приватн**юва**ти, **у**яскравл**юва**ти;*

2) суфікс **-и-** у сполученні з префіксами **ви-, в-/у-, за-, з-/с-, на-, о-, по-**, **роз-**: ***ви**гніздити, **ви**толочити, **ви**тужити, **в**союзити, **в**тюремити, **за**клаксонити, **за**кунфучити, **за**карнавалити, **за**хостити, **з'**яскравити, **на**карантинити, **на**фолити, **о**гламурити, **о**глинити, **о**західнити, **о**лауреатити, **о**німити, **пере**бугрити, **пере**лісабонити, **пере**мадридити, **по**бромити, **по**вертепити, **по**ґуґлити (Google), **по**кордонити, **роз**мінотаврити, **роз**чорнити, **с**турчити, **у**календарити, **у**лікарнити, **у**несмертельнити, **у**потужнити;*

3) суфікс **-і-** у сполученні з префіксами **за-, з-/с-, о-, пере-, при-, роз-, по-**: ***за**мозаїти, **о**героїти, **пере**вагітніти, **по**нашіти, **по**нікчемніти, **при**мерзотіти, **роз**блакитніти, **с**прозоріти;*

4) суфікс **-а-** у сполучені з префіксом **о-:** ***о****мудря****ти.***

Наведемо приклади лексикографічної подачі неологічних дієслів названих словотвірних типів:

Витолочити ← **Толочко**. Завершена дія (процес) пошкодження (сплюндрування, знищення) за допомогою П. Толочка. *Тільки тому, що її не помічає П. Толочко і толочківці? «Толочківці». Нарешті дане визначення цьому збірному христопродавчому явищу, цьому сонму українських учених (антиукраїнських по суті!) …Шість тисячоліть української історії* ***витолочили*** *на догоду Москві* (ЛУ, 2/08, с. 3) [1, с. 74–75].

Відтермінувати ← **термін**. Дія (процес) відтягування (перенесення, зміна) терміну виконання чогось. *Представниця Верховної Ради… просила* ***відтермінувати*** *цей розгляд справи через нові факти…* (СТБ Вікна-Спорт, 17.03.05) [1, с. 78–79].

Всоюзити ← **союз.** Завершена дія (процес) утягнення когось/чогось до союзу. *Україну не* ***всоюзите****!* (ЛУ, 17/10, с. 1) [1, с. 89].

Суфіксально-постфіксальні дієслова становлять незначну частку (10 лексем) серед новотворів останніх двох десятиліть. Вони утворюються за двома моделями: **-изува- (-ізува-)…-ся:** *бартер****изува****ти****ся****, графоман****ізува****ти****ся****, пустел****ізува****ти****ся****, респектал****ізува****ти****ся*** та **-и-…-ся:** *благород****и****ти****ся****, вершин****и****ти****ся****, катарс****и****ти****ся****, мураш****и****ти****ся****, чорнобрив****и****ти****ся****, шанген****и****ти****ся****.*

Наведемо приклади словникових статей із лексикографічного джерела:

Бартеризуватися ← **бартер.** Дія (процес), пов'язана з бартером (здійснювати бартер, продаватися через бартер, поява бартеру). *Цупив, клянчив, заробляв,одним словом – виживав. Все на ринку купувалось, часто* ***бартеризувалось****, щось продать велів усяк* (В. Дацюк. Блазенія) [1, с. 45].

Благородитися ← **благородний**. Дія (процес), спрямована на набуття благородних ознак. *Сиджу, пишу, чи ніби жабка кумкаю, А переспати хочу лише з думкою. Бо в наших мислях вічність* ***благородиться****, Без дурості і мудрість не народиться* (С. Стриженюк. Коротко) [1, с. 55].

Префіксально-суфіксально-постфіксальні дієслова серед новотворів української мови являють собою досить продуктивні словотвірні типи, порівняно із загальнонародною лексикою. У словнику А. Нелюби зафіксовано більше тридцяти лексем, утворених цим способом: ***ви****глуп****и****ти****ся****, ***ви****зерн****ювати****ся****, ***ви****кадр****ювати****ся****, ***ви****хохлу****ї****ти****ся****, ***до****тузл****и****ти****ся****, ***до****шевченк****ювати****ся****, ***за****ворон****и****ти****ся****, ***за****європ****и****ти****сь****, ***з****американ****и****ти****сь****, ***за****пафосн****ювати****ся****, ***з****детектив****ізува****ти****ся****, ***зне****см****і****т****и****ти****ся****, ***на****патріо****т****и****ти****ся****, ***об****боделан****и****ти****ся****, ***об****гаразд****и****ти****ся****, ***об****прем****ію****ва****ти****ся****, ***о****бюрократ****и****ти****ся****, ***о****бідн****и****ти****ся****, ***о****зим****и****ти****ся****, ***о****злодюж****и****ти****ся****, ***о****квітч****и****ти****ся****, ***о****парканити****ся****, ***роз****відом****и****ти****сь****, ***роз****елітити****сь****, ***роз****комісію****ва****тит****ся****, ***роз****луни****ти****ся****, ***с****повії****ти****сь****, ***у****даремн****и****ти****ся****, ***у****столичнити****ся****.*

Виглупитися ← **глупий**. Дія (процес) – виставити себе глупим. *Українські чиновники знову* ***виглупилися*** (ЛУ, 22/11, с. 8) [1, с. 71].

Викадруватися ← **кадр.** Дія (процес) – зринати, як на кадрі, постаючи один за одним. *І тепер у Леонідовій пам'яті, ніби на екрані,* ***викадрувалось*** *проводжання Батька до поїзда* (А. Німенко. Зупинка за вимогою) [1, с. 72].

Дотузлитися ← **Тузла**. Дія (процес), пов'язана з о. Тузла (домовитися, ухвалити рішення щодо острова Тузли – за аналогією до *домовитися*; або завершити сперечатися щодо Тузли – за аналогією до *дочубитися*). *…після виникнення ідеї про ЄЕПівський шлюб такі велети народили немічну Тузлу. …Тепер можна трохи заспокоїтись та почекати, до чого «****дотузляться****» на внутрішньому нашому фронті у Верховній Раді* (ЛУ, 36/04, с. 4) [1, с. 136].

Аналіз способів творення новітніх дієслів української мови дозволяє виділити деякі специфічні риси відсубстантивних похідних лексем.

По-перше, для творення відіменних вербативів у ролі твірних основ широко залучаються власні назви: *Азія → азіювати, Африка → африканізувати, «Барвінок» → барвінкувати, Європа → заєвропитись, Єфрат → єфратити, Куйбіда → куйбідити, Лісабон → перелісабонити, Мадрид → перемадридити, Маланчук → маланчукува-*

ти, Боделан → обободеланити, Сердючка → сердючити, Страдіварі → страдіварити, «Тартак» → тартакувати, Тузла → дотузлитися, Цицерон → цицеронити, Шевченко → дошевченкуватися, Яворівський → яворіти.

По-друге, зростає продуктивність тих способів словотворення або моделей, які в загальнонародній мові традиційно є непродуктивними. Йдеться про префіксально-суфіксально-постфіксальний спосіб творення неологічних дієслів та одну з моделей конфіксального способу (суфікс **-и-** у поєднанні з різними префіксами).

ЛІТЕРАТУРА

1. Словотворчість незалежної України. 1991–2011: словник / укладач А. Нелюба. – Х.: Харків. історико-філол. товариство, 2012. – 608 с.

С. Я. Литвак (м. Запоріжжя)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ СТАТУСУ, СТАНУ І СПОСОБУ АНГЛІЙСЬКОГО ДІЄСЛОВА

Незважаючи на те, що наприкінці XX ст. з'явилася ціла низка фундаментальних досліджень з теоретичної граматики англійської мови [3; 11; 14; 17; 18; 19], деякі її питання все ще залишаються невирішеними. Метою нашої статті є розгляд статусу категорій стану і способу з точки зору загальної теорії граматики. Поставлена мета зумовила необхідність розв'язання таких завдань: а) схарактеризувати граматичні і функціональні особливості категорії стану і визначити її статус; б) схарактеризувати граматичні і функціональні особливості категорії способу і визначити її статус.

Складність аналізу категорії стану, зокрема, пояснюється тим, що ця категорія, будучи вираженою морфологічними формами дієслова, тісно пов'язана із синтаксичним рівнем мови, на що вказують багато дослідників. Наприклад, О. А. Жаборюк відзначає, що «категорія стану знаходиться в епіцентрі синтаксису» [8, с. 90].

У зв'язку з цим, на наш погляд, потребує уточнення одне з поширених визначень стану як граматичної категорії, що виражає різні відношення між суб'єктом і об'єктом дії.

По-перше, необхідно підкреслити, що йдеться про граматичний суб'єкт і граматичний об'єкт, а не про семантичний суб'єкт і семантичний об'єкт. За справедливим зауваженням С. О. Шубіка, «ніякої зміни напрямку процесу з переходом від активної форми дієслова до пасивної не відбувається: процес завжди спрямований від агенса до пацієнта» [15, с. 46]. По-друге, вищевказане визначення може бути застосовано лише до трьохчленних конструкцій, бо у двочленних пасивних конструкціях суб'єкт дії не згадується.

Сутність категорії стану чітко сформульована у визначенні О. А. Холодовича, згідно з яким активний стан виражає відношення, при якому підмет речення збігається з семантичним суб'єктом; пасивний стан виражає відношення, при якому підмет речення не збігається з семантичним суб'єктом (цит. за: [10, с. 75]).

Необхідно відзначити, що при аналізі категорії стану недостатньою мірою враховується принципова відмінність між двочленними і трьохчленними пасивними конструкціями.

Двочленна активна конструкція ($N + V_{active}$) і двочленна пасивна конструкція ($N + V_{passive}$) позначають різні реальні ситуації: *John loves; John is loved*. Трьохчленна активна конструкція ($N + V_{active} + N_1$) і трьохчленна пасивна конструкція ($N_1 + V_{passive} + by + N$) позначають одну й ту саму реальну ситуацію, виражають одне й те саме відношення між суб'єктом і об'єктом дії: дія завжди спрямована від суб'єкта до об'єкта: *John loves Mary; Mary is loved by John*. Однак зміна форми стану спричиняє зміну синтаксичної структури речення.

У результаті заміни активної форми стану пасивною в двочленній конструкції підмет стає об'єктом дії; у трьохчленній конструкції підмет стає об'єктом, а додаток –

© Литвак С. Я., 2013

суб'єктом дії. Відповідна перебудова синтаксичної конструкції спричиняє зміну темарематичного членування речення [1, с. 112].

Таким чином, категорію стану англійського дієслова можна кваліфікувати як морфолого-синтаксичну.

Ще більш дискусійною є категорія дієслівного способу. Згідно з традиційним визначенням, категорія способу – це категорія дієслова, що виражає відношення дії до дійсності з точки зору мовця [4, с. 321].

Існуючі теорії у більшості випадків розглядають спосіб як категорію морфологічну [2, с. 226; 6, с. 54; 10, с. 68; 13, с. 46]. Категорія способу дієслова є морфологічним (ширше – граматичним) ядром функціонально-семантичної категорії модальності [9, с. 86].

Оскільки модальність є одним з компонентів найважливішої властивості речення – предикативності, – категорія способу пов'язана з синтаксичним рівнем мови. Тому деякі граматисти поряд з морфологічним способом виділяють синтаксичний спосіб. Так, В. М. Ярцева поділяє думку авторів «Грамматики современного русского литературного язика» (1970 р.) про те, що морфологічний спосіб слід відрізняти від синтаксичного способу, який використовує морфологічні форми дієслова для вираження об'єктивно-модальних значень речення [16, с. 55].

І. Р. Вихованець відзначає, що дієслівні категорії способу і часу можна кваліфікувати як загальносинтаксичні категорії, оскільки вони закріплені у сфері синтаксису, характеризуючи основну синтаксичну одиницю (речення) з боку модальності та часу [5, с. 44].

Д. А. Штелінг взагалі не вважає спосіб категорією дієслова. На його думку, це «категорія всього предикативного ядра в цілому, ширше – повідомлення комусь про щось» [14, с. 48].

Інша причина синтаксичного трактування категорії способу полягає в тому, що, як указує В. О. Плунгян, в романських і германських мовах морфологічні форми способів з часом зазнали сильної десемантизації та правила їхнього вживання в підрядних реченнях почали набувати все більш формального характеру, тобто синтаксична функція грамем способу стала домінуючою [12, с. 320].

Так, Є. А. Реферовська відзначає, що в німецькій мові форми непрямих способів (кон'юнктив і кондиціоналіс) уживаються у передачі «чужої» мови, але можуть і не містити в собі сумніву в істинності повідомлення: *man sagt, er sei hier* (кажуть, він тут), *er sagt, sie wurde singen* (він каже, вона буде співати) [4, с. 321].

М. К. Сабанєєва говорить про модальні й амодальні способи у французькій та італійській мовах і наводить приклади підрядних речень, в яких треба обов'язково вжити кон'юнктив незалежно від реальності/нереальності дії [13, с. 47]

На наш погляд, прикладом домінуючої синтаксичної функції грамем суб'юнктива є його вживання в порівняльних реченнях, що приєднуються до головного речення за допомогою сполучників as if, as though: *She is looking at me as if she saw me for the first time*. – Вона дивиться на мене так, наче бачить мене вперше; *You speak as though nothing had happened*. – Ви говорите так, наче нічого не трапилось.

Слід підкреслити, що в сучасній англійській мові існує тенденція вживати замість непрямих способів дійсний спосіб. Як відзначає Дж. Каплан, безфлексійний суб'юнктив, що вживається для вираження побажання, виходить з ужитку. Він наводить такий приклад з американської газети: *It is crucial that each student brings his or her registration permit to the registration site* [18, с. 186].

За нашими спостереженнями, це явище характерне і для британського варіанта англійської мови. Ось приклади з британської газети «The Daily Telegraph»: *Mintel suggests that this generation has traditionally had high expectation* (August 23, 1995); *I feel as though someone has hit me though the heart* (March 25, 1994).

У зв'язку з розглядом статусу способу в англійській мові заслуговує на особливу увагу думка П. С. Єрмолаєвої про необхідність розрізнення власне морфології та синтоморфології як різних розділів граматики [7, с. 31].

Якщо виходити з критерію форми і зважити на те, що: 1) в сучасній англійській мові немає морфологічно виражених форм імператива; 2) форми непрямих способів у більшості випадків омонімічні або формам індикатива або сполученням модальних дієслів з інфінітивом; 3) вживання непрямих способів, як правило, синтаксично зумовлено, то категорію способу можна зарахувати до синтоморфології, бо «морфологічну парадигму виведено у цьому разі із синтагматики, синтаксичні засоби виявляються на службі у морфології» [7, с. 29].

Таким чином, категорія дієслівного способу в сучасній англійській мові є синтоморфологічною.

На підставі вищевикладеного можна зробити такий висновок: у сучасній англійській мові категорія стану є морфолого-ситаксичною, а категорія способу – синтоморфологічною.

На основі загальнотеоретичних положень, використаних у цій статті, можна визначити статус й інших категорій англійського дієслова.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высш. шк., 1975. – 156 с.
2. Безпоязко О. К. Граматика української мови / О. К. Безпоязко, К. Г. Городенська, В. М. Русанівский. – К. : Либідь, 1993. – 336 с.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М. : Высш. шк., 2000. – 150 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 658 с.
5. Вихованець І. Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І. Р. Вихованець. – К. : Наук. думка, 1988. – 256 с.
6. Гусарова Н. В. О сослагательном наклонении в английском языке / Н. В. Гусарова // Спорные вопросы английской грамматики. – Л. : ЛГУ, 1987. – С. 53–63.
7. Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков / Л. С. Ермолаева. – М. : Высш. шк., 1987. – 128 с.
8. Жаборюк О. А. Категорія стану в сучасній англійській мові та індоєвропейський синтаксичний процес / О. А. Жаборюк. – Одесса : Маяк, 1998. – 204 с.
9. Загнітко А. П. Дієслівні категорії в синтагматиці і парадигматиці / А. П. Загнітко. – К. : НМК ВО, 1990. – 132 с.
10. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с.
11. Мілих Н. Г. Морфологія англійського дієслова / Н. Г. Мілих, В. С. Перебийніс, Е. П. Рукіна. – К. : Либідь, 1995. – 129 с.
12. Плунгян В. А. Общая морфология / В. А. Плунгян. – М. : УРСС, 2000. – 383 с.
13. Сабанеева М. К. О сущности наклонения / М. К. Сабанеева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 46–55.
14. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке / Д. А. Штелинг. – М. : МГИМО: ЧеРо, 1996. – 254 с.
15. Шубик С. А. Категория залога в немецком языке / С. А. Шубик // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л. : Наука, 1979. – С. 43–51.
16. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1981. – 111 с.
17. Biber D. and Others. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber and Others. – Essex : Longman, 1999. – 1204 p.
18. Kaplan Jeffrey P. English Grammar: Principles and Facts / P. Jeffrey Kaplan. – N. Y., 1995. – 438 p.
19. Quirk R. and Others A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk and Others. – Essex : Longman, 1999. – 1779 p.

В. М. Ліпич (м. Бердянськ)

СЛОВОТВІРНА СТРУКТУРА ТА СЕМАНТИКА ЗООКОМПОЗИТІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Зоологічна лексика як мовне явище привертає увагу дослідників передусім тим, що становить специфічну підсистему, у якій виникають свої закономірності, котрі потребують спеціального вивчення. Зоолексика складається із загальнонародних слів і

© Ліпич В. М., 2013

спеціальних термінів, що позначають тварин. У слов'янському мовознавстві досліджуваній групі слів присвячені праці О. Б. Абакумової, С. Л. Акопова, Н. В. Бухтій, О. А. Косілицук, І. Ю. Пуйо, О. М. Трубачова, Л. А. Хачатурової, О. В. Балабанової, О. І. Блинової, Н. С. Котової, Р. Д. Сетарової тощо. Актуальність порушеної проблеми визначається активним проникненням складних зоологічних слів у загальнонародну мову, активізацією деривaційних процесів у сучасній українській мові. Значний теоретичний інтерес становить виявлення загальних законів і словотвірних моделей у сфері зоологічних номінацій, яка, за матеріалами тлумачних словників, публіцистики, спеціальної літератури, має як спільні ознаки з номінаціями інших галузей знань, так і відмінні. Попри наявність достатньої кількості досліджень, присвячених зоолексиці, структурі й семантиці складної зоолексики не приділялося належної уваги: не вивчені способи утворення зоокомпозитів, не описана семантика компонентів, що входять до їх складу. Дослідження компонентів зоолексем дозволяє виявити різні мотиваційні відношення не лише між твірними й похідними основами, а й усередині структурних «міжморфемних», оскільки для зоолексики характерні семантичне багатство твірної основи, різні структурні закономірності, обмежений характер цієї лексики. Вивчення словотвірної ролі морфем, що містять зоологічну сему, розкриває їх вплив не лише на розряди зоолексики, але й на фразеологізми, що містять зоосему, оскільки як одиниця, що має компонент-зоонім, фразеологізм завжди заснований на метафорі, тому ЗФО потребує багатоетапного дослідження. Складні зоолексеми утворюються різними способами словотворення, основним механізмом яких є інтеграція в один звуковий комплекс двох і більше коренів.

Зоокомпозити мають складну словотвірну структуру, формально-семантичну співвіднесеність твірних основ з похідними. При цьому важлива роль належить словотвірній і внутрішньоструктурній мотивації у визначенні структури похідного слова і способу словотворення, реальній чи можливій співвіднесеності похідного слова і двох мотивувальних баз. Аналіз словотвірної структури складних зоологізмів свідчить, що при утворенні цієї лексики використовуються власні ресурси української мови. Найбільш продуктивними способами словотворення серед досліджуваних одиниць є осново- та словоскладання, складносуфіксальний, морфолого-синтаксичний способи. Мотивувальними основами найчастіше виступають іменники, прикметники й дієслова; участь інших частин мови обмежена. Основним словотвірним типом при утворенні складних зоологізмів є складання, інтеграція двох кореневих морфем. При поєднанні двох іменників використовується сполучний голосний, наприклад: ***вівцебик, тигроkіт, оленебик*** тощо. Компоненти таких складень інтегруються сурядними чи підрядними відношеннями відповідних словосполучень. Деривaційне значення цього типу визначається через відображення семантики твірних основ у похідних, які характеризуються еквіполентними чи взаємодоповнювальними відношеннями, тобто обидва члени або логічно рівноправні (***вівця + бик – вівцебик***; ***олень + бик – оленебик*** тощо), або семантично віддалені (***вісник бурі – буревісник***).

Численну групу й продуктивний словотвірний тип являють складні спеціальні назви – білексеми, утворені за моделлю «слово + слово», для яких характерні відношення інтеграції, засновані на аглютинації, наприклад: ***папуга-риба, жаба-бик, жук-носоріг, орел-довгохвіст, лебідь-шипун, лебідь-кликун, жук-олень*** тощо. Досить продуктивну групу зоологізмів становлять одиниці, утворені від складних прикметників за допомогою нульових чи матеріально виражених суфіксів: ***мавпа з довгою п'ятою – довгоп'ята (мавпа) – довгоп'ят; жук з довгим носом – довгоносий (жук) – довгоносик***. Окрему групу становлять субстантивовані зоологічні складні прикметники, що перейшли до розряду іменників шляхом синтаксичної трансформації. Здебільшого це назви не конкретних тварин, а їхніх класів чи сімейств, наприклад: ***земноводні, рукокрилі*** тощо.

Отже, розряд зоолексики, представлений зооморфними складними словами, є досить різноманітним за способом творення й семантикою мотивувальної бази. Він

має тенденцію до збільшення номінацій, оскільки вплив людини на тваринний світ стає багатогранним.

ЛІТЕРАТУРА

1. Городенська К. Г. Структура складних іменників у контексті семантичного синтаксису / К. Г. Городенська // Мовознавство. – 1988. – № 3. – С. 27–34.
2. Клименко Н. Ф. Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові / Н. Ф. Клименко. – К.: Наук. думка, 1984. – 251 с.

Лошаков А. Г. (г. Северодвинск, Россия)

ЛОМОНОСОВСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ КООДИНАТ

В русской истории и культуре имя и личность М. В. Ломоносова являются прецедентными феноменами. Уже только это обстоятельство побуждает рассматривать многочисленные литературно-биографические тексты о Ломоносове в качестве Ломоносовского сверхтекста, а сам этот сверхтекст относить к разновидности именных, или иначе – персонических сверхтекстов, отправной точкой для создания которых является «текст жизни» (З. Г. Минц) прецедентной личности или созданные ею тексты.

Под **сверхтекстом** нами понимается представленный в текстовой концептосфере национальной культуры словесно-концептуальный феномен, который создается на основе открытого ряда автономных текстов (цельностей), характеризующихся общностью в сферах авторства и адресатности (коммуникативно-прагматическое единство), референта и языкового кода (прагмасемантическое единство).

Возникает сверхтекст как реакция на некую особо значимое культурное событие, «место памяти» (Ю. Н. Караулов), а возникнув, длит данное явление во времени и пространстве, сохраняя и культивируя приписываемый ему высокий ценностный статус. Так, Н. Е. Меднис указывала, что именно «пульсация сильных точек памяти культуры», к которым относятся, например, такие локусы, как Петербург, Москва, Венеция, Рим, обусловливает не только появление соответствующих локальных сверхтекстов, но и потребность их изучения, осмысления их значимости в национальном и мировом культурно-духовном пространстве [4]. Как моделируемая словесно-концептуальная реальность, сверхтекст не только чрезвычайно объёмен, суммативно-интегративен, многоаспектен и многомерен, но и субъективно-объективен, полиинтенционален, он обладает сложной, не во всем прояснённой типологией. Под воздействием максимальной смысловой установки и центрирующей концептуальной доминанты внутри сверхтекста происходит актуализация направленных транстекстуальных связей (Ж. Женетт), выдвижение тех или иных освящённых культурной традицией смыслов-ценностей (образов, символов, архетипов, мифов), возникновение диалогических отношений между текстами, субтекстами, написанными разными авторами в разное время и в разных жанрах (сверхтекст «внутри себя времени не различает» [5, с. 117]).

Базовыми категориями сверхтекста являются, с одной стороны, его информативность, интегративность и целостность, с другой – тематическое единство и прагматическая направленность на адресат. Сверхтексту как целостному текстовому образованию свойственны такие конститутивные признаки, как предсказуемостный, воспроизводимый состав предикатов и словарно-понятийного словаря, стабильный состав тематических доминант и лейтмотивов, плотная цитатность и создаваемое на этой основе эстетическая общность плана выражения [5, с. 25–28]. Что касается «внутренней жизни» сверхтекста, происходящих в нем процессов смыслопорождения, то они «регулируются общими законами интертекста» [3, с. 21]. Сверхтекст, таким образом, предъявляет сознанию некий устоявшийся, исполненный определенно-

© Лошаков А. Г. , 2013

го смысла образ реальности, фрагмент мира, при этом не статичный и не одномерный, а динамичный, пребывающий в движении, развитии относительно своего смыслового инварианта (семантического ядра), многомерный. Ценностная реальность, заключенная в сверхтексте, служит ориентиром и опорой для конструирования бытия, поэтому сверхтекст влияет на умонастроения, идеологию, ценностную систему социума, определяет горизонт его культурного, нравственного развития.

Ломоносовский текст русской литературы, с одной стороны, фундирован концептом «Ломоносов» – ключевым концептом той части русской концептосферы, которую вслед Г. Г. Хазагеровым можно назвать персоносферой, или сферой персоналий, – литературных, исторических, фольклорных и религиозных персонажей. Именно персоносфера, по мысли ученого, определяет национальное видение мира и систему ценностей народа, дает конкретные образцы речи и поступков, более того, она утверждает в коллективном сознании идеалы, представляя ему образцовые биографии, «жития» [6]. С другой стороны, объективированные в Ломоносовском тексте смыслы-ценности служат системной основой для развития и обогащения ценностно-содержательной стороны национально-культурного концепта «Ломоносов», а также для обособления и профилирования его художественного аспекта.

Феноменальность Ломоносовского текста проявляется в его целенаправленности на утверждение и сохранение в общественном, массовом сознании образа Ломоносова как идеала, образца подлинного гражданского деятеля, страстного, полного неиссякаемой энергии ученого, поэта, патриота, на мифологизацию его текста жизни. По словам Л. М. Гаврилиной, «ничто лучше мифа не может сформулировать для массового сознания некое цельное знание-чувствование, облечь его в яркую и доступную для восприятия форму» [1, с. 79]. Названная особенность находит яркое воплощение в системе номинаций Ломоносова, в числе которых значительное место занимают поэтические перифразы, актуализирующие мифопоэтические, культурно-исторические, историко-литературные, историко-биографические пресуппозиции, относящиеся к жизни и деятельности «северного гения», подчеркивающие такие ценностно-значимые черты в его характере, судьбе, жизни, как богоизбранность, мессианизм; подвижничество; универсальная гениальность; живой патриотизм и народность, целеустремленность, самоотверженность, упорство; нравственная и физическая сила: *избра́нный богатырь, желанный по́сланец с Небес* (А. Майков); *ума народного атлет* (Б. Алмазов); *труженик России* (П. Вяземский); *народный человек* (М. Розенгейм); *исполин мысли* (В. Розанов) и др. При этом многие перифразы в своем ценностном содержании восходят к древней оппозиции «свой / чужой»: *певец Российского Парнаса* (Н. Некрасов), *российский Прометей* (С. Марков), *Самсон земли родной* (Э. Саприцкий) и др. Именуя, характеризуя и оценивая Ломоносова, такие перифразы не только создают и закрепляют его образ в сознании, но и выполняют моделирующую функцию, предопределяя модус его осмысления. Благодаря поэтическим формулам, образ Ломоносова оказывается «преднайденным», своего рода «готовым предметом» (А. К. Жолковский), обладающим и собственной эстетической формой, и ценностно маркированной реальностью. Квинтэссенцией характеристических черт Ломоносова является архетипическая в своей сущности поэтическая формула *духовная жажда*. Сказанное, собственно, и составляет содержание максимальной прагмаэстетической установки Ломоносовского текста, который вербализует, поэтизирует коллективный духовный опыт осмысления жизни великого помора, имплицирует многообразный спектр смыслов, ассоциаций и представлений, связанных с ним и передаваемых из поколения к поколению. Этим обстоятельством обусловливается и его ориентация на систему традиционных ценностей и на традиционные же поэтические способы, средства их выражения. Кроме того, если рассматривать сверхтекст в ситуациях реального общения, т. е. в рамках дискурса, то следует говорить о таких его свойствах, как ангажированность, императивность и проективность. Отметим, что последний признак («проективность») в теории дискурса рассматривается как его жанрово-стилистическая категория, проявляемая в про-

тивопоставлении двух типов дискурса – базового (типизированного) и проективного (неканонического), функционирующего на основе базового [2, с. 245]. Ломоносовский текст, являясь частью художественно-ориентированной речевой коммуникации, несомненно выступает в качестве весомой составляющей проективного педагогического дискурса, целью которого является социализация нового члена общества, в частности, приобщение его к социально значимым ценностям и нормам поведения [2, с. 254]. Что касается ангажированной телеологии Ломоносовского текста, то, надо полагать, данное свойство не только препятствует его динамическому развитию, но проявляется в тенденции к консервации и амортизации его поэтической системы, что, впрочем, не отменяет ни востребованности самого сверхтекста в культурной и идеологической жизни общества, ни его способности эволюционировать, обогащаться новыми и новыми смыслами, интертекстуальными параллелями, сообразными духу времени. Поскольку свертекст содержит в себе явления, между которыми устанавливаются не жесткие, логически заданные связи, а образные, направленно ассоциативные, транстекстуальные, постольку эти связи могут проявляться с различной глубиной и в разных аспектах. В этом кроется одна из объективных причин креативной потенциональности и сверхтекста как такового, и каждой его текстовой составляющей, в которой он проявляет себя pars pro toto.

Кросс-жанровость, кросс-темпоральность и кросс-персональность Ломоносовского текста обусловливают его стилевую полифонию, в которой тем не менее довольно отчетливы явления, реализующие по крайней мере две поэтические традиции – книжно-поэтическую и фольклорную.

В качестве прототекстов Ломоносовского текста, обладающих относительной автономностью, должны рассматриваться, во-первых, совокупность текстов самого Ломоносова, прежде всего – художественных и эпистолярных, во-вторых, его «текст жизни» (З. Г. Минц). В сверхтексте каждая из таких протоструктур находит выражение через обильную цитатность, в стабильном наборе биографических фактов, а также через посредство ключевых морально-ценностных суждений, которые направленно ассоциируются с теми или иными фактами из биографии Ломоносова и вместе с тем дают им нравственно-ценностную оценку.

Анализ показывает, что прототипические («анекдотические») структуры, используемые в сверхтексте, вполне исчисляемы, однако в каждом конкретном тексте они могут интерпретироваться по-разному, создавая полемическое поле. Такие протокомпоненты находят выражение на всех уровнях организации структуры сверхтекста, но более всего, на его событийном, субъектном и лексико-семантическом. Повторяясь из текста в текст, протокомпоненты, уже в силу своей избыточности, обеспечивают связность и целостность сверхтекста, его диалогичность и суггестивность. Кроме того, в качестве особого прототекстового материала выступают произведения невербального искусства (картины, гравюры и пр.), изображающие Ломоносова.

В сверхтексте фактографическая канва жизни Ломоносова определяет параметры хронотопа, набор ситуаций, сюжетных схем, персонажей, лейтмотивов и мотивов, а также задаёт контуры для распределения мелиоративной и пейоративной модальности. Показательно также и то, что в каждом звене фактуальной цепи с той или иной степенью отчетливости обнаруживается мифологический субстрат, что обусловлено общей для сверхтекста установкой на мифологизацию и идеализацию жизни его героя. Ломоносовский текст аккумулирует в себе значительные пласты мифологической и исторической памяти. В историко-биографической событийной цепи сверхтекста оказываются выдвинутыми те звенья, которые в наибольшей мере отражают архетипические ситуации испытания героя, совершения им подвигов, борьбы с врагами.

Итак, наличие в текстах разных авторов о Ломоносове единой модально-смысловой установки, сквозного героического пафоса, общего репертуара художественных словесных средств, лейтмотивных микрообразов, повторяющихся индивидуализирующих деталей, единого четко прочерченного вектора ассоциирования в

область концептов русских былин, патриотической литературы – все это доказывает актуальное существование в русской текстовой концептосфере национально значимого персонического концепта «Ломоносов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры / Л. М. Гаврилина // Вестник Балтийск. федеральн. ун-та им. И. Канта. – 2011. – Вып. 6. – С. 75–83.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
3. Кузьмина Н. А. Книга стихов как сверхтекст / Н. А. Кузьмина // Respectus philologicus. – Kaunas, 2011. – № 19 (24). – С. 19–30. – Режим доступа: filologija.vukhf.lt/images/Respectus_2011.../19-30.pdf.
4. Меднис Н. Е. Сверхтексты русской литературы / Н. Е. Меднис. – Новосибирск, 2003. – Режим доступа: http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1280.
5. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб.: Искусство–СПБ, 2003. – 616 с.
6. Хазагеров Г. Г. Два свойства персоносферы / Г. Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002 – № 1. – С. 133–145. – Режим доступа: magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/1/hazag.html.

Е. Л. Ляпичева (г. Днепропетровск)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ЗООНИМОВ В РОК-ПОЭЗИИ Б. ГРЕБЕНЩИКОВА

Исследуя концепты животных в текстах современных авторов, нельзя не использовать в качестве материала рок-поэзию Б. Гребенщикова, лидера группы «Аквариум». Исследователи его стихов неоднократно отмечали изобилие в ней зоонимов. Так, О. Э. Никитина изучала образы птиц в его поэзии [7]. Она отмечает, что для поэзии Б. Гребенщикова не характерно постоянство значений птичьих образов. В ряде случаев значение восходит непосредственно к мифологическим традициям; часто оно переосмыслено. Т. Малькова составила электронный «Поэтический словарь» Б. Гребенщикова [6], состоящий из строчек-цитат поэта, объединённых в тематические группы, одна из которых посвящена животным и называется «И всякая божия тварь поёт ему и радует взгляд». Пользуясь таким словарём, можно найти нужное стихотворение с зоонимами.

Целью нашего исследования является изучение семантической динамики зоонимов в рок-поэзии Б. Гребенщикова. Эта цель предполагает решение следующих задач: 1) изучить названия животных по отношению их значений к действительности; 2) по виду тропов, в форме которых наименование животного зафиксировано в тексте; 3) по степени новизны.

Использование зоонимов в текстах Б. Гребенщикова связано с особенностями его мировоззрения (интерес к восточным религиям, христианству, вообще к синтезу духовных школ современности и прошлого), с влиянием постмодернизма (использование цитат из других текстов) и со спецификой рок-поэзии в целом. Специфическая черта русских рок-текстов 70-х г.г., как отмечают И. Кормильцев и О. Сурова, – эскепистская установка – стремление уйти от реальностей повседневной жизни, бытовых проблем в разного рода духовную, интеллектуальную деятельность [4]. По словам И. Кормильцева и О. Суровой, символика названия группы «Аквариум» поистине говорящая – в ней отражена сама суть отечественной рок-культуры, являющейся субкультурой, – создание своего мира, отделенного от окружающего невидимой, но непереходимой гранью. Пафос творчества Гребенщикова конструктивно бунтарский, потому что вместо изменения или разрушения существующего социума он создаёт свой, иной мир. Доступ в этот таинственный мир открыт только посвященным. Это универсум, в основе которого – своя мифология, эстетика, свой быт, уклад и язык [5].

Тексты Гребенщикова, как и вообще постмодернистскую поэзию, сложно интерпретировать: они допускают различную глубину и даже свободу понимания. Их отли-

© Ляпичева Е. Л., 2013

чает информационная насыщенность, кодированность. От читателя требуется недюжинная образованность и ориентация в символах культуры.

В результате анализа 32 стихотворений Б. Гребенщикова, в которых использовано 50 зоонимов, мы пришли к выводу, что в текстах Б. Гребенщикова доминируют наименования животных с переносным значением (44 примера из 50). Среди последних преобладают и уравновешивают друг друга символические (15) и метафорические (14). Далее идут переносные ассоциативные значения (6 примеров); за ними следуют комбинированные значения зоонимов (4 примера), совмещающие какие-либо два значения: прямое и символическое, прямое и метафорическое, метафорическое и символическое; далее идут аллегорические (2 слова) и затем сравнительные значения, в которых зооним выступает в роли объекта сопоставления (2 примера).

Рассмотрим семантическую динамику названий животных, использованных в стихотворениях Б. Гребенщикова, на примере символов. Символы животных в мировой культуре чаще всего мотивированы метафорически. Поэтому становится актуальным вопрос об отграничении символического и метафорического значений зоонимов и близких к ним слов в текстах Гребенщикова. Символическими мы будем считать те из них, которые имеют в своей основе более или менее известное символическое значение, играющее важную роль в культуре человечества или отдельного народа (*Сирин, Алконост, Гамаюн, змея, единорог; Орёл, Телец и Лев; журавль, птица, пташка, коршун, голубь, белый волк, белый гриф, белый тигр, синий дракон, рыба, рыбаки, лебедь* – эти примеры из стихов «О лебеде», «Рыба», «Мозговые рыбаки», «Десять стрел», «Иван Бодхидхарма», «Я – змея», «Охота на единорогов», «Сирин, Алконост, Гамаюн», «Змея», «Орёл, Телец и Лев», «Господин одинокий журавль», «Кони беспредела»). В символических значениях семантика сопоставляемого и сопоставляющего относятся к удалённым друг от друга сферам, в метафорах такого разрыва не наблюдается. На основное культурное символическое значение в этих словах может наслаиваться контекстуальная семантика. Поэтому возможно выделение среди символов животных 1) таких, которые употреблены в традиционном значении и 2) таких, значение которых содержит потенциальные семы, ассоциативно связанные с основным символическим значением. Выделение нетрадиционных символов маловероятно, так как сама природа символа аккумулятивна: в нём можно выделить различные исторические и культурные пласты, связанные друг с другом.

К традиционному использованию символов животных мы относим такие: *единорог, белый гриф, белый тигр, синий дракон, птица, пташка, голубь, коршун.*

В стихотворении «Охота на единорогов» [1] создан символический образ единорогов, которых *«никто не сможет поставить … в упряжь, никто не сможет смирить … пулей»*, потому что *«они глядят вслед движущейся звезде».* Охота на них бесполезна, они не смогут вести себя иначе, как только следовать за звездой. Такая информация позволяет считать единорогов символическим обозначением сущностей Божественной природы, проводниками в Божественный мир. В основе данного образа лежит европейский культурный символ: единорог – мифическое существо, символизирует целомудрие. В средневековых легендах и сказках на нём ездили волшебники и волшебницы; он убивал всякого человека, который ему попадался навстречу; только девственница могла его укротить, и тогда он делался ручным, ложился на землю и засыпал. В сочинениях христианских писателей это легендарное существо упоминалось как символ Благовещенья и Боговоплощения. В средние века единорог выступал эмблемой Девы Марии. Рог единорога воплощал силу и единство Отца и Сына, а небольшие размеры животного символизировали смирение Христа [3]. Б. Гребенщиков в своём стихотворении использует только один из смыслов в списке символических значений единорога – символ Боговоплощения. Это символ с традиционной семантикой.

К потенциальным символам животных в поэзии Гребенщикова мы относим слова: *змея, рыба, лебедь, Сирин, Алконост, Гамаюн, журавль, Орёл, Телец* и *Лев.*

В стихотворении «Рыба» [2] повтор фразы «*Я хочу знать, … какая рыба плавает быстрее всех»* в различных строфах, а также упоминание океана; опытов, позволяющих узнать, какая рыба плавает быстрее всех; упоминание о том, что кто-то не задумывается об этом, а кто-то хочет искать ответ на этот вопрос вместе, наводит на мысль о существовании Божественного потока сознания, в котором можно мгновенно передвигаться, если ты его чувствуешь. Рыба Гребенщикова – символ, допускающий многозначность. Один из возможных смыслов – творческий, духовно ищущий человек, человек познающий. Другой смысл – идея, мысль:

*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех?*
*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех?*
Я хочу знать, я хочу знать я всегда хотел знать,
*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех*

Я долго был занят чужими делами, я пел за не накрытым столом,
Кто сказал вам что я пел с вами, что мы пели одно об одном?
Вы слышали шаги по ступеням, но кто сказал вам что я шел наверх
*Я просто ставил опыты о том какая **рыба** быстрее всех*

Я не хочу говорить вам «нет», но поймете ли вы мое «да»
Двери открыты, ограда тю-тю, но войдете ли вы сюда
Я спросил у соседа, почему ты так глуп, он принял мои слезы за смех,
*Он ни разу не раздумывал о том какая **рыба** быстрее всех*

Вавилон, город как город, печалится о нем не след,
Если мы идем, то мы идем в одну сторону, другой стороны просто нет!
Ты выбежал на угол купить вина, ты вернулся но вместо дома стена,
*Зайди ко мне и мы подумаем вместе **о рыбе**, что быстрее всех,*

*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех?*
*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех?*
Я хочу знать, я хочу знать, я всегда хотел знать,
*Какая **рыба** в океане плавает быстрее всех*

В основе этого символа лежит христианский символ рыбы как носителя Божественной информации, связанный с Евангелиями, в которых говорится об учениках Христа, бывших рыбаками, но предназначение которых – стать ловцами душ человеческих. Ассоциативно этот образ связан и с образом, который рассматривали мы. В другом месте Евангелия говорится о том, что Иисус накормил небольшим количеством рыбы огромное число людей, шедшим за ним. Символический смысл этого образа хорошо известен – это пища духовная, а не только материальная. В раннем христианстве рыба была принята как символ Христа многими Отцами церкви. Знак рыбы был первой монограммой Христа. Таинственное греческое имя Иисуса означает «рыба». Верующие, ученики Христа, как и он сам, часто уподоблялись рыбам, пребывающим в безопасности только в «воде учения». Крестильная купель довольно рано стала уподобляться рыбному садку. Три переплетенных рыбы или три рыбы с одной головой символизируют Троицу [8].

В тексте Гребенщикова символ *рыба* употребляется в потенциальном значении: семы «творческий, духовно ищущий, познающий человек»; а также «идея, мысль» очень близки таким традиционным смыслам, как «Христос и его ученики».

Таким образом, символические значения животных в текстах Гребенщикова имеют в большей степени потенциальную (11 примеров) и в меньшей степени – традиционную семантику (8 примеров). Мы не встретили у рок-поэта зоонимов с нестандартным символическим значением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребенщиков Б. Охота на единорогов / Аквариум. Альбомы. История «Аквариума». Архив, т. 3 (1991) / Б. Гребенщиков. – Режим доступа: http://www.aquarium.ru/ discography/istoriya_a222.html.

2. Гребенщиков Б. Рыба / Аквариум. Альбомы. Ихтиология (1984) / Б. Гребенщиков. – Режим доступа: http://www.aquarium.ru/ discography/ihtiologiy215.html.
3. Единорог / Википедия. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org.
4. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2006. – 672 с.
5. Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Сурова. – Режим доступа: http://www.nautilus.ru/news/rock-poetry.htm.
6. Малькова Т. Поэтический словарь. Москва 1990–1993 / Т. Малькова. – Режим доступа: http://handbook/severov.net/ handbook. nsfMain?OpenFrameSe&Frame=Body&Src.
7. Никитина О. Э. Образы птиц в рок-поэзии Б. Гребенщикова: комментированный указатель / О. Э. Никитина. – Режим доступа: http://japson.ru/gold/books-r/poeza.htm.
8. Рыба / Новый Акрополь. Философская школа. – Режим доступа: http://www. ne-wacropol.ru/Alexandria/symbols/fish/

Л. В. Мальцева (г. Горловка)

АНАЛИЗ СУБТЕКСТОВ УЧЕБНОГО И НАУЧНОГО ТЕКСТА

Учебный текст (УТ) является сложно организованной политекстуальной системой, которая обеспечивается совокупностью признаков, среди которых важнейшее значение имеют смысловая и формальная целостность, членимость, иерархичность, а также связь со средой.

Несмотря на то, что учебный текст является разновидностью научного текста, он функционирует в особой учебно-научной сфере и, наряду с общими характеристиками, которые присущи научному тексту, обладает специфическими особенностями и особым языковым оформлением, которые присущи только данной сфере общения.

А. Баженова подразделила субтексты на восемь типов: 1) субтекст нового знания (представление нового научного знания); 2) методологический субтекст (представление способов получения, обоснования и развития нового знания); 3) субтекст старого знания (представление старого знания, связанного с новым знанием); 4) прецедентный субтекст (представление старого знания как культурного знака); 5) субтекст оценки (выражение оценочного отношения автора); 6) субтекст авторизации (выражение психологического отношения автора к старому знанию, новому знанию и способам его получения); 7) субтекст адресации (управление вниманием адресата, членение научной информации); 8) периферийный субтекст (обобщенное представление содержания основного текста в целях удовлетворения информационных запросов адресата). Эти же субтексты можно выделить и в учебном тексте, с тем только отличием, что субтексты в учебном и в научном тексте будут выполнять разные функции.

Для учебного текста субтекст нового знания является обязательным для изучения и запоминания, а знание универсально и неоспоримо. «В учебнике содержится установка на воспроизводство точно определенной автором, не подлежащей критическому осмыслению со стороны учащегося информации. Знание преподносится как универсальное и неизменное, всестороннее и определенное» [4, с. 150]. Например, в учебнике по современному русскому языку (Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов), мы находит следующий субтекст нового знания: «*Имена существительные обозначают предмет и выражают это значение в формах рода, числа и падежа, выступают чаще всего в функции подлежащего или дополнения способны также выполнять роль определения и обстоятельства, употребляются в составе именного сказуемого*» [7, с. 90]. Чаще всего в учебном тексте субтекст нового знания представляет собой введение новых понятий и терминов, а также их определений в тезаурус учащегося. Субтекст нового знания в научном тексте отражает научную картину автора на фоне картины мира данной науки, также в этот субтекст включена формулировка проблемы исследования и первичная констатация вывода.

© Мальцева Л. В., 2013

Методологический субтекст служит для предоставления способов получения, обоснования и развития нового знания. По сути, и в учебном, и в научном тексте методологический субтекст выполняет одинаковую функцию, т. е. идентифицирует форму получаемого знания. Чаще всего выражается в виде общенаучных понятий и модальных глаголов необходимости, а также безличными инфинитивными конструкциями: *нетрудно заметить, можно увидеть, необходимо обратить внимание.*

Субтекст старого знания – это предоставление уже известной информации, которая непосредственно связана с новым знанием. Функции, которые выполняет субтекст старого знания в учебном и научном тексте, прямо противоположны. В учебном тексте субтекст старого знания необходим для актуализации опорных знаний и для повторения уже изученного материала, который подводит реципиента к изучению новой информации. Субтекст старого знания в научном тексте связан с диалогичностью и интертекстуальностью, так как каждый научный текст входит в метанаучную коммуникацию и становится субъектом интертекстуального взаимодействия. В данном случае субтекст старого знания возникает на пересечении «своего» и «чужого» текста.

Прецедентный субтекст – это обязательный компонент знаний, который присутствует как в научном, так и в учебном тексте. Но, если в научном тексте ПС не является основным субтекстом, а относится к первому дополнительному уровню, то в учебном тексте ПС является основным и выступает как один из способов выражения субтекста нового знания. В основе прецедентного субтекста лежит прецедентный феномен, вслед за Е.А. Селивановой, к ПФ мы будем относить прецедентный текст и прецедентное имя.

Субтекст оценки – это выражение оценочного отношения автора к изложенной информации. Субтекст оценки проявляется в тексте в виде маркеров, которые дают понять читателю, какую информацию автор считает более важной, и свое отношение к ней. Например: *сложнейший вопрос, основная проблема, первоочередная задача, наибольшее значение, глобальный процесс, ошибочный вывод.* В научном тексте субтекст оценки проявляется в большей мере, чем в учебном. Это связано с тем, что в научном тексте автор может выказать свое отношение к проблеме с позиции хорошо/плохо, в учебном же тексте автор описывает устоявшуюся и общеизвестную информацию, которая не требует оценки ни адресата, ни адресанта.

Субтекст авторизации, или рефлексивный субтекст, выражает психологическое отношение автора к познавательной деятельности. Смысловым центром рефлексивного субтекста оказывается авторское «Я», индивид как творческая мыслящая личность с его неповторимым набором личностных качеств, с собственным категориальным профилем и познавательным стилем. Субтекст авторизации, как и субтекст оценки, проявляется больше в научном тексте, чем в учебном. Это связано с безликостью автора, который описывает общеизвестную информацию.

Субтекст адресации – это управление вниманием адресата и членение научной информации. Субтекст адресации маркирует наиболее значимые фрагменты излагаемого знания, поэтому он так важен как в научном, так и в учебном тексте. Метатекстовые маркеры этого субтекста: *прежде всего, во-первых, во-вторых, в-третьих, наконец, с одной стороны, с другой стороны, обобщая вышесказанное, подводя итоги.*

Периферийный субтекст – это обобщенное представление содержания основного текста в целях удовлетворения основных информационных запросов адресата. В обязательном порядке присутствует как в учебном, так и в научном тексте. Периферийный субтекст обычно составляют заглавие, оглавление, предисловие, введение, заключение, выводы, примечания, библиографический список.

Таким образом, рассмотрев систему субтекстов в учебном и научном тексте, мы можем сделать вывод о том, что, взаимодействуя на общетекстовом пространстве, субтексты интегрируются в единую политекстуальную систему, обеспечивая смысловую целостность и композиционную упорядоченность произведения. Они выполняют текстообразующую функцию и формируют политекстуальную смысловую

структуру целого учебного произведения, придавая его содержанию полифоничность и многомерность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е. А. Научный текст как система субтекстов : автореф. дисс. … д. филол. наук : спец. 10.02.01. «Русский язык» / Е. А. Баженова. – Екатеринбург, 2001. – 42 с.
2. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 272 с.
3. Виноградов В. В. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 616 с.
4. Габидуллина А. Р. Учебно–педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие (на примере школьного предмета «Русский язык»): дисс. … доктора филол. наук : 10.02.02 / А. Р. Габидуллина. – Донецк, 2010. – 417 с.
5. Данилевская Н. В. Место оценки в чередовании старого и нового знания (на материале научного текста) / Н. В. Данилевская // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С. 60–69.
6. Торсуева И. Г. Текст как система, структурно - семантические единицы текста (на сопоставительной основе французского и русского языков) / И. Г. Торсуева. – М. : МГПИИЯ, 1986. – 289 с.
7. Шанский Н. М. Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М. : Просвещение, 1987. – 256 с.

Е. В. Маринова (г. Нижний Новгород, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИСЕМИИ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА НА ЕГО ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ (на материале русского языка новейшего периода)

В процессе семантического освоения нового иноязычного слова может происходить развитие его семантики: слово вовлекается в процесс семантической деривации, в результате чего его семантическая структура пополняется новым значением (или значениями), расширяется сфера употребления слова, его сочетаемость. Полисемия новых иноязычий отражается и на других участках языковой системы, в том числе на грамматике.

Одно и то же слово (существительное) может **в разных значениях** а) принадлежать к разным лексико-грамматическим разрядам; б) по-разному относиться к категории числа; в) по-разному относиться к категории одушевлённости/неодушевлённости.

Так, ряд иноязычных существительных в одном значении (первичном) относятся к разряду **абстрактной** лексики, а в другом (новом, приобретённом) – к разряду **собирательных** существительных. В качестве примеров назовём сначала слова, полисемия которых отражена новейшими словарями: *бизнес* ‘предпринимательские структуры, бизнесмены’ [5], *менеджмент* ‘менеджеры’ [5], *олигархия* ‘наиболее влиятельные представители крупного монополизированного капитала’ [3; 5], *от-кутюр* ‘художники-модельеры, представители Домов моды, творцы образцов высокой моды, дающие направление мировой моде’ [2], *рэкет* ‘рэкетиры’ [5], *попса* ‘о людях с примитивным художественным вкусом’ [1]. По нашим наблюдениям, в собирательном значении употребляется в современных текстах СМИ существительное *гламур,* которое заимствовалось в русский язык как отвлечённое существительное, обозначающее качество (см. *гламур* ‘магическое обаяние, внешний блеск, лоск’ [5]). Новое значение (на момент исследования) не зафиксировано словарями, однако примеры употребления слова *гламур* свидетельствуют, что идёт формирование собирательного значения (его можно сформулировать так: ‘люди, придерживающиеся модного гламурного стиля; ценящие внешний блеск, лоск и т.п.’). См.: *На презентацию новой косметической линии приглашён и столичный* ***гламур***; *Собрался весь московский* ***гламур*** и т. п. (здесь и далее цитаты даются по материалам ЭКГ: «Электронного корпуса русских газет конца XX – начала XXI в.» ЛОКЛЛ МГУ).

© Маринова Е. В., 2013

Некоторые иноязычные слова, относящиеся к разряду **абстрактных** существительных, в новом значении пополняют разряд **конкретных** существительных. Например, слова, именующие тот или иной стиль (моды, музыки и т. п.), переносно могут обозначать предмет или лицо, характеризующиеся чертами этого стиля, ср.: *рейв* (от англ. rave ‘бред, оргия’ [2]) ‘техномузыка’ и *рейв* ‘сборище, вечеринка под такую музыку’ [5]; ориентализмы *оригами, икебана, бонсай* обозначают виды декоративного японского искусства (отвлечённое значение) и метонимически конкретные предметы – поделку из бумаги (*оригами*), букет (*икебана*), карликовое деревце или кустарник (*бонсай*); слово *унисекс* обозначает стиль, «нивелирующий» различия полов, а также имеет конкретное значение – *унисекс* ‘о том, кто неразличим с точки зрения пола по стилю одежды, внешнему виду’ [2].

Конкретные значения развили и некоторые другие отвлечённые существительные. Так, существительное *сервис* ‘обслуживание’ в современной речи частотно в другом своём значении – ‘салон, мастерская по ремонту автомобилей’ (*поставить машину в **сервис**, заехать на **сервис*** и т. п.); слово *секьюрити* ‘служба безопасности, охрана’ также может обозначать лицо – ср.: *Как пояснил представитель президентской **секьюрити**, самолетики пытались уйти от непогоды и таким образом оказались над ранчо* и *Мордатые **секьюрити**, прохаживаясь, хозяйски похлопывают по стойке администратора*; слово *эксклюзив* ‘то, что наиболее предпочтительно; что характеризуется исключительностью, неординарностью’ [5] употребляется и в конкретном значении – для называния предметов, обладающих этим качеством (*Посмотреть в бутике **эксклюзивы***, т. е. эксклюзивные товары; *В нашем издании печатаются только **эксклюзивы***, т. е. эксклюзивные материалы). Отвлечённое качество может «переходить» и на лицо: так развилось конкретное значение слова *авторитет* (о наиболее влиятельном, авторитетном члене преступной группы). Несмотря на жаргонное происхождение этого лексико-семантического варианта (ЛСВ), в публицистической речи слово *авторитет* часто употребляется именно в нём (по данным ЭКГ). Отметим также, что некоторые иноязычные слова становятся известны широкому кругу говорящих именно в конкретных значениях. Например, слово *караоке* (япон., букв. ‘пустая бочка’) как отвлечённое существительное имеет следующее значение: *караоке* ‘способ исполнения известных песен под аккомпанемент, воспроизведённый в записи’ и ‘функция некоторых звуковоспроизводящих устройств, позволяющая убрать голос исполнителя, оставив только музыкальное сопровождение’ [2]. В повседневной речи, в сфере развлечений слово *караоке* часто употребляется в конкретном значении – ‘вид шоу или развлекательной программы, построенной на исполнении участниками песен под аккомпанемент, воспроизведённый в записи’ [2].

Конкретные иноязычные существительные могут развивать ЛСВ с **отвлечённым** значением. Так, слово *панк*, более известно как обозначение лица, принадлежащего к одной из молодёжных группировок, может обозначать и стиль (например, в музыке), характеризующийся резкой манерой исполнения, вызывающей внешностью исполнителей – см.: *В японском роке очень много всяких ответвлений. И акустический рок, и **панк**, хард-рок, хип-хоп опять же*... (МК 01.09.2002). Слово *граффити* (от итал. graffiti < graffitio ‘нацарапанный, начерченный’) обозначает ‘цветные или чёрно-белые рисунки и надписи на стенах домов, часто символического характера, выполненные пульверизатором’ (конкретное значение), а также стиль в одежде, украшенной рисунками, надписями [2]. См. также слово *джинса* (с грамматической трансформацией конкретного существительного *джинсы*), которое в современных текстах употребляется в значении ‘заказные, тайно оплаченные журнальные материалы; скрытая, завуалированная реклама; заказная тематика’ [1].

Наконец, возможно ещё одно изменение «на стыке» семантики и грамматики. Оно происходит, если новое, переносное значение развивают имена **собственные**. В русском языке новейшего периода, а также в других славянских языках (см. [6, с. 167]), можно отметить частотность такого типа переноса, при которой название торговой марки, фирмы, компании, т.е. имя собственное, переносится на предмет,

ими производимый. Так, в качестве **нарицательных** употребляются в русских текстах слова: *ксерокс* – первоначально в значении ‘аппарат ксерографического электрофотографирования фирмы «Ксерокс» (Xerox)’, затем – для обозначения подобного аппарата любой фирмы, а также в значении ‘ксерокопия’ (например: *Сделать **ксерокс***) в разговорной речи [2]; *ауди/Ауди* [4]*, вольво/волво* [4] – для обозначения автомобилей, выпущенных фирмами с тем же названием; *боинг/Боинг* (англ. Boing) – для обозначения самолёта компании «Боинг»; *адидасы* [4]*, найки* [1] – о кроссовках фирм «Адидас» («Adidas») и «Найк» («Nike»); *джакузи* – для обозначения ванны с гидромассажем (по названию фирмы братьев Р. К. Джакузи) [2; 5]; *лего* – для обозначения игрушек из конструктора фирмы «Lego»; *панасоник/панас* [1] – об аудио- или видеотехнике английской компании «Panasonic»; *соник* – о телевизоре фирмы «Sony». Распространены в современном дискурсе метонимические обозначения сотовых телефонов, см., например: *Купил новую **моторолу*** (< Motorola); *Пришёл выбирать **пантек*** (< Pantesh) *или **флай*** (< Fly)*, а купил в конце концов **нокиа*** (< Nokia)*; **Самсунг*** (< Samsung) *бэушный, глючит постоянно; Я свой **сименс*** (< Siemens) *продал*; *Где мой **сименс**?; – Какой у тебя телефон? – **Элджишник*** (< LG) *. – А у меня **эрикссон*** (из устной речи) и т. д.

«Смена» лексико-грамматического разряда при появлении нового ЛСВ имеет свои грамматические последствия, а именно: меняется отношение иноязычного слова к **категории числа.** Если же происходит переход «из абстрактного в конкретное» и наоборот – «из конкретного в абстрактное» или из разряда имён собственных в нарицательные (конкретные), – разные ЛСВ различаются наличием/отсутствием противопоставления по числу: *сервис – сервис* (абстр.) и *сервисы* (мн. ч., конкр.)*; панк* (конкр.) и *панки – стиль панк* (только единственное число); «*Ксерокс*» – *ксерокс* (конкр.) и *ксероксы*. Изменение отношения к категории числа проявляется иногда и так: новый ЛСВ приобретает (в качестве постоянной) ту или иную числовую форму: *адидасы*, *найки, тренинги*/*тренинга* ‘спортивная обувь’ (только мн. ч.) или меняет числовую форму: *джинсы* (только мн. ч.) – *джинса* ‘заказные материалы в СМИ’ (только ед.ч.).

В области **неодушевлённых** имён существительных полисемия может привести к тому, что новый ЛСВ слова становится **одушевлённым**. На морфологическом уровне это проявляется в том, в определённых контекстах формы винительного падежа разных ЛСВ существительного не совпадают : *подчинить себе предприятия-**аутсайдеры*** и *недооценить кандидатов-**аутсайдеров***; *подкрепить **авторитет*** и *задержать **авторитета***; *конструировать **модели*** и *пригласить на подиум **моделей*** и т. п. То же происходит, если полисемию развивает **одушевлённое существительное** и новый ЛСВ представляет собой неодушевлённое имя, ср.: *встретить **детектива*** и *читать **детектив***; *видеть **боксёров*** и *носить **боксёры*** (о мужском нижнем белье); *назвать актёров-**номинантов*** и *назвать произведения-**номинанты*** (*номинант* ‘лицо или произведение, входящие в номинацию’ [3]); *ждать **пилота*** и *ждать **пилот*** (о выходе новой передачи); *слушать **президентов*** и *считать **президенты*** (в молодёжном жаргон – ‘доллары’ [1]).

Таким образом, взаимовлияние семантических и грамматических изменений, происходящих с иноязычным словом, представляет собой живой процесс, который свидетельствует о том, что иноязычное слово гармонично встраивается в функционирующую по своим законам языковую систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальтер Х. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы / Х. Вальтер, О. Вовк, А. Зумп и др. – М., 2004.
2. Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – М., 2003.
3. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – 3-е изд. – М., 2006.
4. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб, 1998.

5. Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской – М., 2006.
6. Rangelová A. Neosěmantizmy a neosěmantizační pricesy / A. Rangelová // Neologizmy v dnešní češtiné. – Praha, 2005. – S. 159–179.

Н. В. Масальська (м. Донецьк)

КВАНТИТАТИВНІ МЕТОДИ АНАЛІЗУ КАТЕГОРІЇ ПРИПУЩЕННЯ В АНГЛІЙСЬКІЙ, НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

1. Статтю присвячено вивченню квантитативних методів аналізу категорії припущення в англійській, німецькій та українській мовах.

Припущення – модальна категорія, специфіка якої полягає у суб'єктивній оцінці фактів реальної дійсності, заснованій на знанні або гіпотезі мовця [2; 3; 6; 7; 12–16 та ін.].

Сукупності засобів вираження припущення як елементів мови характеризуються повторюваністю і тому можуть розглядатися як математичні множини. С цієї точки зору, для їх вивчення доречно використовувати квантитативні методи аналізу, такі як кількісний підрахунок і формули математичної статистики.

2. Головна мета квантитативної лінгвістики – розробка кількісних і статистичних методів вивчення мовних феноменів. Квантитативні лінгвістичні методи дозволяють, з одного богу, кількісно та якісно описати ядро і периферію категорії припущення у кожній із досліджуваних мов, з іншого – створити основи для проведення зіставного аналізу цих мов, сформованого на єдності методик і принципів.

2.1. Метод кількісного підрахунку використовується в статті для встановлення і порівняння кількісних характеристик засобів вираження припущення в англійській, німецькій та українській мовах; результати заносяться у спеціально створені для цього таблиці кількісної таксономії даних.

Кількісний метод часто визнається лінгвістами як спірний в силу відсутності чітких критеріїв проведення кількісного аналізу, а також нестачі спеціальних математичних знань у самих мовознавців, тим не менш, цей метод є перспективним і доречнім, якщо встановити прозорі алгоритми аналізу значень мовних одиниць та їх ознак.

Безсумнівно, порівняння покажчиків кількісного підрахунку є досить поширеним у практиці лінгвістичних досліджень і створює певну уяву про ті явища, що вивчаються, але одних таких розрахунків недостатньо. В. І. Перебийніс підкреслює, що дуже часто в лінгвістичних дослідженнях використовуються проценти: дослідник визначає, що таке-то явище складає стільки-то процентів в одній сукупності і стільки-то – у другій. Потім або цим використання процентних покажчиків і завершується, або дослідник «на око» визначає, чи можна вважати значимим таке співвідношення процентних покажчиків у різних вибірках. І, на жаль, у більшості випадків помиляється, приймаючи навіть незначні розходження за свідчення чогось значимого [10, с. 82].

Запобігти помилок в оцінці даних кількісного підрахунку допомагають інші підходи до обробки даних, а саме – статистичні методи [4, с. 16–17].

2.2. Математико-статистичний метод тісно пов'язаний із імовірнісним (стохастичним) підходом, що базується на математичній теорії ймовірностей, яка досліджує закономірності випадкових явищ. Статистичні методи набувають все більшого поширення у лінгвістиці. Питання, пов'язані з необхідністю залучання таких методів, вивчалися ще на початку XX сторіччя В. А. Богородицьким, В. В. Виноградовим та ін. [1, с. 52–54; 3, с. 155–156]. Їх доробки отримують постійний розвиток у працях таких сучасних лінгвістів, як, наприклад, Б. Н. Головін, М. І. Грабарь, В. В. Левицький, В. І. Перебийніс та інші [4; 5; 9; 10].

Статистичні процедури є дуже важливими, тому що вони доповнюють квантитативні, не замінюючи їх. Статистичний аналіз допомагає встановити, які з лінгвістичних феноменів є типовими та найбільш частотними у зіставному вивченні мов. Статисти-

© Масальська Н. В., 2013

чні методи не тільки додають більшої ваги, авторитетності та доказовості мовознавчим висновкам, вони здатні висвітлити закономірності будови мови та мовлення, які без них розкрити неможливо [11, с. 12].

Мета статистичного вивчення – це визначення істотності чи неістотності розходжень між вибірками, що створює тверду доказову базу [10, с. 11, 14]. Одиниці дослідження, які обираються для статистичного аналізу, повинні мати спільні ознаки і належати до генеральної сукупності однорідного масиву одиниць. Методика статистичного методу полягає у контрольній перевірці даних кількісного підрахунку застосуванням формул математичної статистики, в результаті чого уможливлюється більш підставне визначення якісних характеристик мовних одиниць.

Застосування видозміненої формули обчислення критерію Стьюдента дозволяє вирахувати істотність розходження частот процентних покажчиків і уникнути, тим самим, помилок в оцінці даних кількісного підрахунку:

$$t = \frac{\left| p_1 - p_2 \right|}{Sed\%},$$

де крітерій *t* – це табличний теоретичний коефіцієнт, величина якого залежить від ступенів свободи (кількості вибірок). Істотність розходження оцінюється за таблицею критичних значень *t*. Чим вищий коефіцієнт, тим надійніший результат обчислення. За таблицею можна визначити, чи слід прийняти нульову гіпотезу, яка висувається на основі покажчиків кількісного підрахунку. Нульова гіпотеза відкидається, якщо обчислене значення перебільшує табличний рівень довірчої ймовірності, і приймається, коли воно нижче табличного значення. У випадку, якщо *t < 1,96*, можна не визначати число ступенів свободи і не використовувати таблицю, тому що таке розходження не може бути значимим при будь-якій кількості ступенів свободи [4, с. 52–53; 10, с. 75–84];

p1 – процентний покажчик для першої вибірки, *p2* – для другої;

Sed% – це стандартна похибка різностей середніх арифметичних і обчислюється наступним чином:

$$Sed\% = \sqrt{PQ\left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2}\right)},$$

де *n1* – обсяг першої вибірки, *n2* – другої;

$$Q=100\%-P,$$

де *P* – середній для двох вибірок процентний покажчик, який обчислюється за формулою:

$$P = \frac{p_1 n_1 + p_2 n_2}{n_1 + n_2}.$$

2.3. Для встановлення істотності розходжень процентних покажчиків, отриманих методом кількісного підрахунку в англійських, німецьких і українських мовах на матеріалі 9 тисяч афоризмів (дані представлені у табл. 1), було проведене їх зіставлення і статистичне обчислення за наведеними вище формулами. В результаті встановлено, що всі нульові гіпотези отримали підтвердження – це означає, що відсоткові результати кількісного підрахунку пройшли перевірку.

Отже, статистичні обчислення підтверджують дані кількісного підрахунку, наведені в табл. 1, чим формують тверду доказову базу для якісного зіставного аналізу східних рис і розбіжностей засобів вираження припущення в англійських, німецьких та українських мовах.

Таблиця 1.

Частота вживання граматичних, лексичних і лексико-граматичних засобів передачі припущення в англійській, німецькій і українській мовах

Мова	К-сть афоризмів (%)	Засоби передачі припущення		
		граматичні	лексичні	лексико-граматичні
Англійська	3000 од. (100%)	33,9% (1017 од.)	24,3% (729 од.)	41,8% (1254 од.)
Німецька	3000 од. (100%)	24% (720 од.)	56% (1680 од.)	20% (600 од.)
Українська	3000 од. (100%)	56,1% (1683 од.)	24,7% (741 од.)	19,2% (576 од.)

3. Таким чином, дані, отримані застосуванням методів квантитативної лінгвістики, висвітлюють взаємодію мовних одиниць різних рівнів. Покажчики, здобуті за допомогою статистичних методів, використовуються для підтвердження або спростування результатів, набутих методом кількісного підрахунку; виявляють вірогідності вживання тих чи інших засобів у конкретній мові; дозволяють зробити висновки не лише стосовно конкретних елементів, а й відносно їх генеральної сукупності в цілому; також, встановлюють ступінь близькості мов.

ЛІТЕРАТУРА

1. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков: пособие по сравнительному языкознанию / В. А. Богородицкий. – М.: Лабиринт, 2003. – 191 с.
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1975. – 216 с.
3. Виноградов В. В. Современный русский язык / В. В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1938. – Вып. 1. – С. 155–156.
4. Головин Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1970. – 190 с.
5. Грабарь М. И. Применение математической статистики в педагогических исследованиях. Непараметрические методы / М. И. Грабарь, К. А. Краснянская. – М.: Педагогика, 1977. – С. 57–59.
6. Драгомирецкий А. А. Семантические типы и структура референции высказываний гипотетической модальности (на материале французского, английского и украинского языков): дис. ... канд. филол. наук / Драгомирецкий Алексей Александрович. – Одесса, 2004. – 223 с.
7. Загнітко А. П. Основи українського теоретичного синтаксису / А. П. Загнітко. – Горлівка: ГДППІІМ, 2004. – Ч. 1. – 227 с.
8. Кобзарь А. И. Прикладная математическая статистика / А. И. Кобзарь. – М. : Физматлит, 2006. – 816 с.
9. Левицкий В. В. Семасиология : монография для молодых исследователей / В. В. Левицкий. – [2-е изд., испр. и доп.] – Винница : Нова кн., 2012. – 680 с.
10. Перебийніс В. І. Статистичні методи для лінгвістів: посібник / В. І. Перебийніс. – Вінниця : Нова кн., 2002. – 169 с.
11. Перебейнос В. И. Методы и уровни моделирования нулевого стиля / В. И. Перебейнос // Вопросы стилистической стилистики. – К., 1974. – С. 16–35.
12. Школина К. В. Синонимия способов выражения модальности в современном немецком языке / К. В. Школина. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1971. – С. 29–75.
13. Fritz, T. A. Wahr-Sagen. Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen / T. A. Fritz // Beiträge zur germanistischen Sprachwissenschaft. – Hamburg, 2000. – Band 16. – S. 3–90.
14. Kratzer, A. The notional category of modality. Words, worlds, and contexts : New approaches in word semantics / A. Kratzer. – Berlin : Walter de Gruyter, 1981. – S. 38–74.
15. Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen / [Hgg. H. Jachnow, N. Mečkovskaja u.a.]. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1994. – Band 4. – 413 S.
16. Palmer, F. R. Mood and modality / F.R. Palmer. – Cambridge : Cambridge University press, 1986. – 243 p.

О. В. Масло, І. Г. Сосюк (м. Харків)

СПЕЦИФІКА АНТРОПОНІМІВ ЯК ВИЯВ АВТОРСЬКОЇ ТОЧКИ ЗОРУ В РОМАНІ ВАСИЛЯ ШКЛЯРА «ЧОРНИЙ ВОРОН»

Дослідження функціонально-стилістичних особливостей антропонімії в художньому тексті – одна з найважливіших проблем не лише сучасної української ономастики, а й один із аспектів вивчення авторської точки зору в художньому тексті, де номінації персонажа «виконують функції, що виходять за межі категоріального граматичного значення цих класів слів і, таким чином, беруть участь у формуванні смислового аспекту тексту» [4, с. 56]. На відміну від імені в реальному житті, оніми в художньому творі семантично наповнені, оскільки, окрім номінативної, доповнені характеристичною функцією. Так, О. Суперанська зазначає, що письменник паралельно створює ім'я і образ, які взаємно уточнюють і доповнюють одне одного [4, с. 57].

В. Кухаренко продовжує цю думку і вважає, що «власні імена – локальна семантична структура, що закріплюється за іменем у конкретному тексті; цю властивість вона називає індивідуально-художнім значенням власного імені» [2, с. 56].

Проте антропонімія в художньому тексті не лише містить смислову інформацію, а й виражає позатекстові параметри образу автора, оскільки «добір антропонімів для митця – це прояв його літературної індивідуальності та художньої майстерності на фоні реальної суспільно-історичної дійсності» [1, с. 116].

Матеріалом для дослідження ми обрали роман Василя Шкляра «Чорний Ворон». Антропоніми, уживані в романі, неоднакові за семантикою, структурою та емоційним насиченням. Усі імена та прізвища автор старанно добирав, так чи так допасовуючи їх до створюваних образів, аби допомогти краще уявити й зрозуміти персонажів твору. Деякі з них, особливо серед прізвиськ, можливо, створені на базі апелятивної лексики самим автором.

Василь Шкляр обирає імена, прізвища та прізвиська, зважаючи на зовнішні особливості персонажів. Прикладом може бути прізвисько учасника загону отамана Чорного Ворона **Вовкулаки**, адже його зовнішність порівнюється з рисами вовка: «широко ошкірений рот, з якого визирали ікла», його мова має більш звірине походження ніж людське. Начальник ревкому **Долбоносов** теж отримав своє прізвище завдяки зовнішності, адже «у нього й справді був *ніс-долото*, плескатий і довгий, як у качура» [4, с. 57]. **Скирта** ж, втікаючи від переслідувачів, висадив вікно, але застряг у ньому – недарма ж Скиртою звався (скирта – це великий стіг сіна, соломи або необмолочених снопів хліба). Слід також звернути увагу на прізвисько **Дядюра,** яке походить від слова *«дід»*. Можливо, прізвисько *Дядюра* (первісно – *Дедюра*) отримала похила людина. Проте так могли називати і дуже серйозного, а також сиву чи буркотливу, як дід, людину. Крім того, таке прізвисько могло стати іменем для дитини, яку виховував не батько, а дід. На жаль, нам не відомо, хто виховув *Дядюру*, але, можливо, він отримав це прізвисько, бо мав бороду, як у діда.

В. Шкляр обирає омоніми, зважаючи на національну ознаку персонажів. Так у загоні Чорного Ворона був ненажерливий маленький китаєць на прізвисько **Ходя** (ходя – це зневажлива назва китайця).

У тексті наявні антропоніми, що влучно описують характер героїв: **Невіруючий Хома** завжди не вірить, підозрює та сумнівається у всьому. Прокоп Пономаренко, на прізвисько **Квочка**, мав цілу купу дітей, дуже любив, піклувався про них як справжня *квочка*.

Причинами для вибору того чи іншого оніма у романі часто служать історія сімей та звичок персонажів. Наприклад, родина **Чучупак** отримала своє прізвище від діда, який мав звичку цвенькати до свиней: «*Чу-чу, пакосна*!» [5, с. 76]. А ось наймолодший з братів Момотів**, Біжу** дуже любив говорити слово «*біжу*»: «*біжу*, каже, до дівчини, а

© Масло О. В., Сосюк І. Г., 2013

вона *біжить* мені назустріч, тоді *забігли* в кущі, а вони *вибігли*, то й ніч *збігла*; ну, добре, хлопці, я вже *біжу*, бо *тре' бігти*, а тоді *прибіжу* й розкажу, куди ми ще *бігали*. Ось такий був цей *Біжу* – щира душа, прудкий, безвідмовний, а що вже легкий на ногу, то міг цілий день іти пішака врівень з кіннотою» [4, с. 180].

Отже, у художніх текстах Василя Шкляра антропоніми – це ефективний прийом вираження авторської точки зору, що є одним із компонентів структурно-текстових параметрів образу. Вони дають змогу образніше відтворити розмаїття людських характерів, учинків героїв, передати авторське ставлення до них. Особливості творення, семантичного наповнення, етимології власних імен не лише виражають текстову та підтекстову інформацію, а й розкривають життєву позицію самого письменника, вказують на індивідуальні особливості його художнього мислення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Крупа М. Лінгвістичний аналіз художнього тексту / М. Крупа. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2005. – 416 с.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. - М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 367 с.
4. Шкляр В. С. Залишенець. Чорний Ворон / В. С. Шкляр. – Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2010. – 384 с.

И. Л. Мацегора (г. Запорожье)

ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЖАРГОННЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX ст.

Исследование аффиксальной структуры глагола с различных точек зрения не раз становилось предметом специальных научных исследований [5; 7]. Однако лишь в работах некоторых отечественных языковедов находим реальное отображение современного состояния исследуемой проблемы [2]. Аспекты изучения аффиксальной структуры жаргонных глаголов [3] на сегодня описаны недостаточно. Это предопределяет актуальность темы исследования

Учение о молодёжном жаргоне в лингвистике складывалось в соответствии с логикой развития идеи о социальной стратификации языка. Молодёжный жаргон, наряду с другими формами «вертикального членения языка» (цит. по: [2, с. 14]), изначально рассматривался как разновидность общенародного языка, существование которой обусловлено объективными (прежде всего – социально-культурными) факторами.

В середине XX столетия на молодёжный жаргон смотрели как на «испорченный» язык, рассматривали как объективный, но нежелательный для общества феномен [8, с. 46]. Однако на рубеже веков начинает не только признаваться право молодёжного жаргона на существование, но и отмечается его значимость для различных сфер речевой коммуникации [4, с. 10]. При этом в отмеченных работах преимущественное внимание уделяется особенностям семантики, метафоризации и концептуализации молодёжного сленга. Грамматические особенности, в том числе и особенности морфемного состава таких лексем, предметом специального изучения не становились.

Целью статьи является анализ способов словообразования жаргонных глаголов, а также выявление наиболее частотных моделей образования подобных лексем, зафиксированных в словаре молодёжного сленга «Так говорит молодёжь» [6].

Под термином «сленг» в современной лингвистической литературе понимается следующее: 1) то же, что *жаргон* (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам) [10, с. 145]; 2) Совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Употребляется преимущественно в условиях непринуждённого общения: «*блат*», «*мура*». Сленг состоит из слов и фра-

© Мацегора И. Л., 2013

зеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах и отражает ценностную ориентацию этих групп. Став общеупотребительными, эти слова часто сохраняют эмоционально-оценочный характер, хотя «знак» оценки может измениться (например, первоначально среди артистов «*халтура*» – *«приработок»*). Элементы сленга либо быстро исчезают из употребления, либо входят в литературный, язык, приводя к возникновению тонких стилистических и семантических различий: «*диск*» (в отличие от «*пластинки*») содержит запись преимущественно лёгкой музыки [10, с. 146].

В другом понимании, сленг часто рассматривается как составная часть жаргонной лексики. «Жаргон − социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств» (цит. по: [3, с. 5]). Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединённых общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т. п. (например жаргон моряков, лётчиков, спортсменов, музыкантов, учащихся, актёров) [3, с. 6]. В нестрого терминологическом смысле слово «жаргон» употребляется для обозначения искажённой, вульгарной, неправильной речи.

Морфемный состав, в том числе и способ словообразования глагола в ряде случаев может усиливать сему «жаргонности». На материале словаря молодёжного сленга [6] была проведена статистическая обработка продуктивных и непродуктивных способов образования таких лексем.

Продуктивным способом, при помощи которого образованы глаголы, зафиксированные в словаре, является суффиксальный (почти 60 %), это такие глаголы как*: апгрейдить, аскать, аскнуть, бородоваться, ботать, бычить и* др. Например: **ботать** *шк., студ.* в значении «Прилежно учить уроки, зубрить». *Кончай* ***ботать****, тебя ж сегодня спросили*. 2. Говорить на жаргоне, близком к уголовному*. Гопники − они* ***ботают****, а мы нормальным языком сникаем*. 3. Идти, двигаться куда-л*. Куда* ***ботаете****, метёлки?*

На долю других способов приходится примерно 9 %.

Глаголы, образованные при помощи префиксально-суффиксального способа составляют 32 %. Среди них можно отметить такие, как *влупить*, *вмазаться, вдолбиться, встебужить, взлабнуть, вдевать, выхильнуть* и пр. Например: ***В-луп-и-ть*** – Включить (музыку). *Ну-ка,* ***влупи*** *вчерашний хиток.* **В-стебуж-и-ть** – Выпить (чаще − об алкогольных напитках)*. Карел, ты долю* ***встебужил****? Возьмём пару бутылочек персиковой* (шутл. название «Пепси-колы»)*, на Дворцовой её* ***встебужим.***

Аффиксальная структура жаргонных глаголов имеет свои особенности*.* Наивысший процент продуктивности имеют суффиксы:

-а(-я-) 27 % – *аскать, базлать, башлять, берлять, бухать, воркать,* например: **Аск-а-ть**, что. 1. Просить у кого-л. что-л. (обычно – деньги у своих друзей, знакомых, прохожих). *Иногда по пьянке ночевал у Светки. У метро, как водится,* ***аскал*** *монетки. С прайсом глухо, не на что и чаю попить.* ***Аскать*** *идти стрёмно, кругом менты*. 2. Спрашивать у кого-л. о чём-л. *Лихачев сам говорил, что был невыездной, эстонцу этому (телеведущему У. Отту), который по ящику у всех всё* ***аскает***. **Базл-а-ть**, Разговаривать*.* ***Базлали*** *с Витей с час, а потом разошлись* [6, с. 98]

-и-, 14 % – отмечен в таких лексемах как *базарить, барагозить, бартыжить, бодяжить, бомбить, бомжить, букварить.* Например*:* **Бомж-и-ть,** Не иметь дома, бродяжничать; **Буквар-и-ть**, *неодобр., шутл.-ирон., шк., студ*. Усердно изучать что-л., зубрить. *Как ты можешь столько букварить?!* [6, с. 101].

-ну- 9 % – *бухнуть, боднуть, аскнуть, вертануть.* Например*:* **Бух-ну-ть**,. Сов. к бухать. *А потом* ***бухнули*** *круто: по-простому, без проблем*. **Борт-а-ну-ть,** ну, нет, сов., кого. Прогнать кого-л. откуда-л.; отказать кому-л. в чём-л. *Я его с деньгами* ***бортанул*** *– не дал ему денег. Зайди ты, меня уже* ***бортанули****, кафедра у них, видите ли* [6, с. 110].

Также высокую степень продуктивности при образовании суффиксальным способом имеют аффиксы -***Е-;*** -***ОВА***-; Например, *ботанеть, шизеть, бундэсовать, буреть, быковать*. Ср.: **Бык-ова-ть,** Возражать кому-л., выступать против кого-л. *Что ты быкуешь, всё равно по-моему будет. Она любит* ***быковать****, а что толку?* [6, с. 124].

Малопродуктивными оказались суффиксы -***ИВА-(-ЫВА***) (около 2,5 %).

Префиксально-суффиксальная модель образования жаргонных глаголов имеет следующую статистику. Чаше всего представлены модели:

в- + -и-: *вкурить, влупить, вмочить, впарить, втопить,*

в- + -а-: *втюхать, въезжать, въехать, выстебать*

вы- + -а-: *выгибаться, выгонять, выписать,*

вы- + -и-: *выдурить, вырубить, выспичить*

Малопродуктивной оказалась модель ***вы- + -ну***-: *выстебнуться, выхильнуть, выщипнуть.*

Полученные результаты исследования показывают, что применение традиционных принципов морфемного членения слов при анализе сленговых слов (в данном случае глаголов) оказывается весьма проблематичным в силу «нелитературности» рассматриваемых лексем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балаян Э. В. Организация лексики семантической сферы социальных отношений в современном молодёжном жаргоне (на материале глагольной метафоры) / Э. В. Балаян // Известия Саратов. ун-та. – Т. 7. Серия филология и журналистика. − 2007. − Вып. 2. – С. 29–32.
2. Балаян Э. В. Роль метафоры в формирования языковой картины мира: на материале современного молодёжного жаргона: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Э. В. Балаян. – Саратов, 2008. – 221 с.
3. Бахтина М. Б. Эмоционально-оценочная картина мира современной молодежи (на материале жаргонной лексики конца XX – начала XXI ст.): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / М. Б. Бахтина. – Абакан, 2011 – 20 с.
4. Ермакова О. П. Источники пополнения и семантические группы жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина // Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. − М.: Азбуковник, 1999 – С. 9–18.
5. Никитевич В. М. Семантика производного слова. Словообразовательный тип и номинативный ряд / В. М. Никитевич // Словообразовательные типы и гнезда в индоевропейских языках. – Владивосток: ВДУ, 1986. – С. 5–14.
6. Никитина Т. Г. Так говорит молодёжь: Словарь сленга. По материалам 70–90-хх гг. / Т. Г. Никитина. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 592 с.
7. Олійник І. С. Іменники з суфіксом -ець на позначення назв осіб / І. С. Олійник // Дослідження з словотвору та лексикології. – К.: Знання, 1985. – С. 12–20.
8. Скворцов Л. И. Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) / Л. И. Скворцов // Вопросы культуры речи. – Вып. 5. – М.: Наука, 1964. – С. 45–70.
9. Скворцов Л. И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи / Л. И. Скворцов // Русская речь. – 1972. − № 1. − С. 48–59.
10. Сленг // Русский язык: Энциклопедия / отв.ред. Ю. Н. Караулов. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – С. 145.

И. И. Меньшиков (г. Днепропетровск)

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ В СИСТЕМУ ОПИСАНИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА ПО КОМБИНАТОРНОЙ МЕТОДИКЕ Т. П. ЛОМТЕВА

Предложенная Т. П. Ломтевым ещё в шестидесятых годах прошлого столетия комбинаторная методика как своего рода модель построения смыслов имён [1] не только имеет существенную научную значимость, но и нашла с теми или иными её модификациями довольно широкое применение в самых разных сферах профессиональной деятельности лингвистов: в их лексикографических разработках [4], диссертационных исследованиях [3], в лекционных вузовских курсах [2] и т. д. Есть, тем не менее, необходимость, на наш взгляд, внести некоторые дополнения в комбинаторику векторных компонентов, описывающих термины родства.

© Меньшиков И. И., 2013

Т. П. Ломтев разбивает термины родства на пять множеств: I. По свойству пола, II. По свойству родителя и рождённого, III. По свойству прямого или косвенного родства, IV. По характеру связи родителя и рождённого, V. По поколению. Собственно дифференциальных признаков как подмножеств конструктов первого разбиения четырнадцать: I – 1. Мужской пол. 2. Женский пол. II – 1. Родитель. 2. Рождённый. III – 1. Родитель или рождённый по линии прямого родства. 2. Родитель или рождённый по линии косвенного родства. IV – 1. Родитель или рождённый по крови. 2. Юридический родитель или рождённый. 3. Родитель или рождённый по брачной связи родителя. 4. Родитель или рождённый по брачной связи рождённого мужского пола. 5. Родитель или рождённый по брачной связи рождённого женского пола. V – 1. Родитель или рождённый в 1-м поколении. 2. Родитель или рождённый во 2-м поколении. 3. Родитель или рождённый в 3-м поколении. Таким образом, любому из родственников может быть поставлен вектор из пяти позиций, указывающих на тот или иной его дифференциальный признак.

Несколько примеров: 11111 – *отец*, 22111 – *дочь*, 12131 – *пасынок*, 21112 – *бабушк*а и т. п.

Система Т. П. Ломтева вполне адекватна во всём, по крайней мере, что касается вертикальных, условно говоря, отношений в родственных связях, но она не указывает на параметры таких родственников, как *брат* и *сестра*, включая, естественно, и все производные от соответствующих слов.

Отмеченный пробел этой системы легко устраним без сколько-нибудь существенных коррективов существа самой методики описанного разбиения, а также сформированных при этом дифференциальных признаков. Нужно лишь добавить к ним ещё один такой признак, причём только в последнее, пятое разбиение, указывающее на последовательность поколений. Дело в том, что, говоря о поколениях родственников, нужно иметь в виду не только их последовательное формирование: *прадед – дед – отец – сын – внук – правнук*, – но и параллельное типа, скажем, *старший брат – средний брат – младший брат.* Нужно, следовательно, в пятое разбиение добавить четвёртый дифференциальный признак и сформулировать его так: «Родитель или рождённый в одном и том же поколении». Тогда слову *брат* ставится в соответствие вектор (12114), слову *сестра* вектор (22114), а такому, скажем, родственнику, как *двоюродная сестра,* – вектор (22214).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имён с помощью комбинаторной методики (Термины родства в русском языке) / Т. П. Ломтев // Филологические науки. – 1964. – № 2. – С. 108–120.
2. Меньшиков И. И. Курс лекций по основам информатики и прикладной лингвистики / И. И. Меньшиков. – Д.: РВВ ДНУ, 2007. – С. 92–94.
3. Панченко Е. И. Русская телеграфная речь и её специфика: автореф. дисс. … канд. филол. наук / 10.02.01 – русский язык / Е. И. Панченко. – Д., 1983. – С. 9–10.
4. Шиловский А. Н. Общие принципы и организация составления словарей металлургических терминов / А. Н. Шиловский // Вопросы прикладной лингвистики. – Днепропетровск, 1974. – Вып. 5. – С. 3–6.

И. Н. Мозовая (г. Днепропетровск)

К ПРОБЛЕМЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Заимствование иноязычной единицы – сложный многосторонний процесс, в котором выделяется несколько аспектов. Л. П. Крысин обозначает следующие актуальные вопросы в исследовании заимствования: какое явление считать заимствованием; причины заимствования; виды или типы мигрирующих элементов; виды или типы иноязычных слов как наиболее часто и регулярно заимствуемых языковых единиц; освое-

© Мозовая И. Н., 2013

ние слова в заимствующем языке и разные стороны этого заимствования; признаки освоения иноязычного слова, позволяющие считать его заимствованным [4, с. 10].

В настоящей статье предпринимается попытка систематизировать существующие подходы к пониманию заимствования, использованию наиболее употребительных терминов, обозначающих разные типы заимствованной лексики, и выработать более или менее надежные критерии для отграничения применяемых номинаций. В качестве иллюстративного материала привлекаются контексты, репрезентирующие язык современной коммерческой рекламы, размещенной на страницах так называемых «глянцевых» журналов.

Из всех перечисленных выше проблем наиболее важными для данного исследования являются вопросы о том, что считать заимствованием, и терминологическом аппарате, обозначающем это явление. В научной литературе термин *заимствование* используется для обозначения процесса и результата этого процесса. Двувидовая природа глагола *заимствовать*, на которую накладывается фактор индивидуального и общего в языке, определяет различное употребление термина «заимствование»: 1) факт имплантации, т. е. собственно попадания иноязычной единицы в язык, как на индивидуальном, так и на общеязыковом уровне: «Каждое заимствование, по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими, и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова» [9, с. 344–345]; 2) процесс адаптации или усвоения в языке; 3) результат процесса усвоения; 4) комплекс всех стадий: «Заимствование является процессом, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора с присвоением характеристик, свойственных исконным единицам соответствующих классов» [1, с. 60].

Термином *заимствование* обозначается как процесс перехода единиц из одного языка в другой, так и заимствованные слова (в принципе, единицы языка любого уровня). Вопрос о терминологическом разграничении понятий «заимствование» и «заимствованное слово» (см. об этом: [4, с. 18]) до сих пор остается нерешенным. Разнобой существует и в наименовании неисконных слов: *иноязычная лексика*, *заимствованная лексика*, *иноязычные слова*, *заимствованные слова*, *иноязычные заимствования*, – при этом в каждый из терминов нередко вкладывается различный смысл. В частности, Л. П. Крысин относит к термину *заимствование* все слова, которые перешли из какого-либо языка, то есть ставит знак равенства между терминами *заимствование* и *иноязычное слово* [5; 4]. Другие же ученые предпочитают разграничивать эти понятия, исходя из того, что «заимствования полностью подвергаются изменениям в системе принимающего языка, в то время как иноязычная лексика сохраняет признаки своего иноязычного происхождения» [3, с. 8]. В связи с таким подходом существует узкое понимание заимствования как иноязычного слова, отвечающего критериям освоенности. Так, Ю. С. Сорокин отмечает, что заимствованными словами принято считать те слова, которые в достаточной степени освоены заимствующим языком [8].

В то же время некоторые ученые предлагают опосредованное решение: когда терминологически или логически важно разграничить процесс и единицу языка, логичнее использовать словосочетания *процесс заимствования* и *заимствованные слова*, *заимствованная лексика* (также конкретные наименования, например, *иноязычное слово*, *варваризм*, *экзотизм* и т. д.) [7, с. 67].

В отличие от полностью освоенных заимствований, в кругу заимствованной лексики выделяются слова, которые сохраняют следы своего иноязычного происхождения в виде звуковых, орфографических, грамматических и семантических особенностей, чуждых исконным словам. Такие слова вслед за многими исследователями мы называем иностранными, или иноязычными. Отметим, что полностью освоенные заимствования вполне органично сосуществуют рядом с новыми в текстах

русскоязычной рекламы, например: «*III Ежегодная конференция «Управление персоналом в Сибири 2005:* ***Корпоративная культура*** *и* ***мотивация****» … Конференция адресована:* ***топ-менеджерам****, руководителям структурных подразделений, специалистам и консультантам в области управления персоналом…*» (СФ, №40/2005, с. 54); «*Хочешь ориентироваться в модных молодежных* ***брендах****? Обрати внимание на* ***Broadway****. Это немецкая марка, которая выпускает актуальную* ***casual****-одежду. … Коллекции обновляются каждый сезон:* ***дизайнеры*** *марки, разрабатывая ту или иную линию, учитывают все международные тенденции* ***фэшн****-индустрии, при этом создают индивидуальный стиль марки…*» (Cosmo, 08/2006, с. 16) (подчеркиванием выделены освоенные, полужирным – новые заимствования. – *И. М.*).

К спорным вопросам современной теории заимствований относится и вопрос о *типах лексических заимствований*.

Существующие классификации заимствований исходят из разных оснований. Наиболее распространенными являются типологии, построенные на характере заимствуемого материала. Так, Э. Хауген выделяет собственно заимствования (когда заимствуется и значение и звуковая оболочка слова) и гибридные заимствования (производные от заимствованного слова). Этот тип заимствованных слов состоит частично из родного, частично из иностранного материала. К гибридным заимствованиям относятся слова, имеющие в своем составе иноязычные и греко-латинские морфемы [9, с. 210]. Д. С. Лотте выделяет буквальные и трансформированные заимствования. Под буквальными заимствованиями понимается «слово, перенесенное в данный язык из какого-либо языка в том виде (в той форме), в котором оно в нем существует в момент заимствования» [6, с. 10–11]. Трансформированные заимствования − это слова, подвергшиеся языковой трансформации принимающего языка и в процессе заимствования трансформированные (по типу суффиксации). В трансформируемых заимствованиях присутствует элемент словотворчества, который обусловлен не только фонетическими законами принимающего языка.

По наблюдению Э. Ф. Володарской, посвятившей ряд работ англо-русским языковым контактам, «лингвистический материал, подвергшийся заимствованию, может иметь различную природу: звуки, буквы, фонетические правила, слова, морфологические единицы, стилистические элементы, междометия и т. д. Как и любые другие иностранные слова, английские заимствования входят в русский язык как в форме собственно заимствований, так и в форме калек и полукалек» [2, с. 100].

Большинством исследователей принимается классификация калек Н. М. Шанского (лексические кальки – словообразовательные и семантические – и фразеологические) [10].

Словообразовательные кальки бывают полными, когда калькируется вся словообразовательная структура иноязычного слова и частичными (полукальками), когда замене подвергается лишь часть словообразовательной структуры иноязычного образца (напр.: в слове *телевидение* калькирована в английском *television* только вторая часть (-*vision* — видение), а первая часть *tele*- сохраняется в иноязычной форме, восходит к греческому *tele* ‘вдаль, далеко’ и является интернациональным словообразующим элементом).

Отметим, что гибриды, образованные путем соединения аббревиатуры или лексемы, написанной латиницей, и слова в кириллической графике, являются яркой приметой терминологии сферы высоких технологий (компьютерная техника, радио-, видеотехника, мобильные телефоны и т. п.) и совершенно закономерно присутствуют в рекламе соответствующей техники, например: *3G-мобильник, TFT-дисплей, TV-выход, TransFlash-карта, Qwerty-клавиатура, VGA-камера* и др. Ср.: «*Smart Wireless Devices представляет новую оригинальную* ***Bluetooth****-гарнитуру SBH-770*» (*Тз*, 08/2006, с. 36); «*Мистер Тончунг Samsung 2540. Это самый тонкий в мире* ***3G****-телефон, оснащенный внутренним 2,3-дюймовым экраном* ***QVGA****-разрешения…*» (*Тз*, 08/2006, с. 46); «*…Вам удобно использовать холодильник как доску объявлений*

и галерею семейных фотографий? Через ***USB-порт*** *можно загрузить в него оцифрованную информацию…*» (Нат., 08/2006, с. 14).

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение и описание явления заимствования из других языков в настоящее время характеризуется отставанием теоретической базы исследования, что практически выражается в отсутствии единого подхода к систематизации иноязычной лексики и терминоупотреблению при ее описании. В то же время реальная практика показывает, что безусловной приметой языка русскоязычной коммерческой рекламы является засилье в нем иноязычных элементов, вызванное разными причинами. Мы полагаем, что проведенное исследование в определенной степени поможет систематизировать и в какой-то мере упорядочить применяемую в данной области терминологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейтер М. А. Процесс языкового заимствования как способ реализации коммуникативных потребностей в рамках межкультурного взаимодействия / М. А. Брейтер // Лингвокогнитивные проблемы коммуникации. – М., 1997. – С. 49–65.
2. Володарская Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
3. Кошкарова Н. Н. Структурно-семантические особенности и степень адаптации англоязычной частично ассимилированной лексики в русском компьютерном подъязыке : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н. Н. Кошкарова. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
4. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
5. Крысин Л. П. О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Вопросы культуры речи. – Вып. 5. – М., 1964. – С. 71–90.
6. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 148 с.
7. Новикова Т. В. Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы : дисс. ... канд. филол. наук / Т. В. Новикова. – СПб., 2003. – 182 с.
8. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX в. / Ю. С. Сорокин. – М. : Наука, 1965. – 565 с.
9. Хауген Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 344–382.
10. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Нат. – Натали (журнал)
СФ – Секрет фирмы (журнал)
$Т_3$ – $Т_3$ [Технологии третьего тысячелетия] (журнал)
Cosmo – COSMOPOLITAN (журнал)

В. И. Мордань, Б. А. Мордань (г. Днепропетровск)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИКОНОФОНИКИ

Вряд ли кто-либо станет сегодня возражать относительно того, что основными каналами восприятия окружающей среды являются аудио и визуальный каналы. Впрочем, доля одного и другого в актах коммуникации – категория не только спорная, но и зависящая от множества факторов, главным из которых есть, пожалуй, фактор уровня развития артефактной составляющей процесса общения. Все дело в том, что проблемы взаимодействия с окружающей средой и все возрастающая социализация общества заставляла человека все чаще прибегать, говоря сегодняшним языком, к виртуализации коммуникативного поведения, т. е. дополнять, а то и заменять, для этих целей свои собственные органы (глаза, уши, рот, руки, все тело и т. д.) посторонними естественными предметами. Когда подходящих естественных предметов не находилось – артефактами, уже имеющимися или специально для это-

© Мордань В. И., Мордань Б. А., 2013

го созданными. Таким образом, складывалась модель развития средств коммуникации в виде циклического триединства множеств: «…**социалема** <=> **лингвема (**или **иконема)** <=> **технема** <=> [**социалема**]…» [2]. **Социалема** (люди) постоянно порождает некие новые средства общения, т. е. **лингвемы** (или **иконемы**), затем совершенствует их за счет применения различных артефактов, т. е. **технем**. В свою очередь технемы требуют определенных умений, навыков, это значит, они влияют на социалему, т. е. меняют ее. И круг замкнулся, но уже на новом, более высоком, уровне.

Самыми заметными событиями на этой спирали были: появление письменности, а затем возникновение компьютерных технологий. Последнее настолько существенно повлияло на характер коммуникации, что общение, в данном случае **общение артефактное**, обрело совершенно новые формы, где виртуальность стала обычным явлением. Коммуникация такого рода получила название **опосредованная коммуникация** [4]. Применение здесь артефактных средств, их развитие и совершенствование служило, в основном, целям улучшения условий реализации коммуникативных функций (делало их эффективнее, производительнее, качественнее и т. д.). Например, оно способствовало совершенствованию интерфейсов взаимодействия человека с различными системами, предназначенными для интеграции его в природную среду, а самим системам позволило проникать в эту среду. Однако существуют приложения куда более значимые и востребованные. Это приложения для обеспечения возможности включения в коммуникативную среду людей с ограничениями по зрению, слуху, с другими физическими недостатками, препятствующими полноценному общению. В ходе включения в коммуникативную среду указанной общественной категории, как подчеркивалось выше, главными по-прежнему являются каналы визуальный и аудиальный. Важным здесь есть то обстоятельство, что эти каналы наиболее приспособлены для применения артефактов. Внешние (невстраиваемые в живой организм) средства, обеспечивающие большую их функциональность, способны расширять эту самую функциональность других, важных для таких людей каналов восприятия окружения.

«У зрячего контрольный аппарат лежит вне работающей руки, а у слепого – в ней самой», – слова физиолога И. М. Сеченова приводит в своей статье М. А. Рощина, – а это может существенно осложнить и замедлить выполнение некоторых действий, так как рукам приходится совершать дополнительную работу, связанную с контролем и ориентацией в пространстве и, таким образом, один из главных для незрячего канал осязательный не может в большинстве случаев работать полноценно. Вообще, «характеризуя осязание как источник информации для обеспечения жизнедеятельности человека, – отмечает М. А. Рощина, – важно говорить не столько о принципиальной доступности того или иного объекта для осязательного восприятия, сколько о возможности такого доступа, который отвечает потребностям конкретной деятельности индивида. Так, например, при передвижении по улице окружающие предметы (по крайней мере неподвижные): деревья, здания и т. п. – принципиально доступны для непосредственного осязательного восприятия незрячего, однако это не может обеспечить эффективное решение задачи целенаправленного перемещения в пространстве» [5].

Для осязательного восприятия объекта его, прежде всего, необходимо обнаружить. При отсутствии точной информации о расположении объекта задача его обнаружения с помощью осязания (опять-таки по причине его контактности) в общем случае решается значительно более сложно, чем с помощью зрения. Кроме того, осязательное восприятие некоторых объектов может быть неприемлемо в силу социальных и культурных традиций, и в первую очередь это относится к окружающим людям. Поэтому в структуре образов объектов внешнего мира при слепоте значительное и важное место отводится слуху и слуховым характеристикам, позволяющим дистантно получать информацию об объекте. При помощи слуха человек отражает такие параметры звука, как громкость, высота, тембр, устанавливает длительность звучания, локализует источник звука в пространстве. Кроме того, слуховое восприятие речи

является важнейшим компенсаторным фактором, обеспечивая незрячему возможность общения с людьми и получения разнообразной вербальной информации (как в процессе непосредственного общения, так и при использовании специальных звуковых источников информации: радио, телевидение и др.) [5].

Таким образом, появляется возможность представить незрячему внешнее окружение в виде общезвуковой и вербально-звуковой картины. Причем как у зрячего двумерная, картина окружающего благодаря стереозрению представляется объемной, где предметы расставлены слева и справа, вверху и внизу, спереди и сзади, так и незрячему возможно представить ту же картину, но только в стереозвучании. Здесь при определении направления и расстояния до источника звука используются: амплитуда, время, тембр звука, а также отражения от ближайших поверхностей или реверберация.

Концептуально и то и другое находится в русле возможностей и наработок **иконофоники** – области, где теоретически и практически в прикладном плане рассматриваются проблемы распознавания образов, будь то рисунок, текст, их вербальное описание и вербальное или натуральное звучание. И, наоборот, вербальное, текстовое или звуковое представление может быть реализовано в виде иконических образов. Таким образом, здесь представлены во взаимодействии как единое целое математические, изобразительные, прежде всего дизайнерские, и лингвистические теоретические и практические наработки.

В данном случае речь пойдет о проблемных аспектах лингвистической составляющей иконофоники. Назовем некоторые из них, выбранные не столько в порядке важности, сколько в плане первоочередности их решения.

1. Что касается теоретических аспектов восприятия незрячим окружающей среды, нам представляется целесообразной ориентация на т. н. экологическую теорию восприятия Гибсона, разработанную для визуального восприятия. «Принципиальная новизна подхода Дж. Гибсона заключается в том, что он не считал необходимым привлекать для объяснения интеграции в перцептивный образ разрозненных сенсорных элементов каких-либо промежуточных ментальных механизмов, будь то бессознательное умозаключение (Г. Гельмгольц), ассоциация (Э. Титченер), процесс перцептивной категоризации (Дж. Брунер, Р. Грегори) или механизмы перцептивной организации у гештальт-психологов. Он полагал, что оптическая информация, попадающая на сетчатку, сама по себе достаточно богата и структурирована для того, чтобы нести **адекватную и исчерпывающую информацию о внешнем мире**» [6]. Вот здесь важен тот факт, что незрячему картина окружающего представляется не глазами, которым приписывается множество свойств самодостаточности в обработке информации, а специальными датчиками (например, WEB-камерами), и в связи с этим мы в указанной теории находим вполне реально реализуемые подсказки в части представления «звуковой картины окружения».

2. Единственно, и это существенно, что резко отличает ситуацию в случае отображения действительности, – это то, что у зрячего благодаря определенному образу, присущему тому или иному объекту, каждый из них как бы «поименован». С каждым «именем» связана определенная информация, а это позволяет в памяти вычленять объект из окружения и принимать в каждом конкретном случае относительно его соответствующее решение. В части «именования», да и, вообще, формирования артефактного «звукового пространства», огромное значение имеет лингвистическая составляющая иконофоники. Одним из реальных решений может быть модулирование фонограммы естественного звучания объекта (если он им обладает) виртуальным «звуковым именем» (например, узнаваемым вербальным элементом). Так что в звуках работающего двигателя автомобиля будет прослушиваться, скажем, название его марки. В качестве «имени» беззвучных объектов могут быть использованы различного рода вокализаторы («хм-м», «да-а», «э-э» и т. п.) или другие средства текстовой паралингвистики.

3. Возьмем такую относительно решенную проблему иконофоники как распознавание и озвучивания текста как письменного, так и звучащего. Причем, «озвучивание звучащего текста» – не оговорка. Если, например, речь идет о межнациональном языковом переводе, то здесь все понятно. Мы же имеем в виду проблематику, связанную с явлениями **текстовой паралингвистики**, проблематику важную, ждущую своего решения. Не зря в беседах с незрячими выясняется, что, если есть возможность выбора, то чтению книги специальными приспособлениями для озвучивания, предпочитают уже озвученную книгу. При озвучивании, – ссылается А. Ю. Мосцевенко в своем обзоре на диссертацию Н. Н. Большаковой, – глубина возможных импликаций «растет по мере того, как уменьшается визуальная насыщенность паралингвистического элемента и степень эксплицитности скрываемого в нем авторского замысла. При этом наименьшей имплицитностью обладают такие средства иконического языка, как иллюстрации. Далее по возрастающей следуют архитектоника текста, топографемные средства (плоскостное варьирование текста), супраграфемные средства (шрифтовое варьирование) и, наконец, синграфемные средства (художественно-стилистическое варьирование пунктуационных знаков)» [1; 3].

Но это касается паралингвистических объектов письменных, а вот такое явление как **акцент** говорящего – это уже элемент текста звучащего. Имплицитно акцент – указание на то, что перед нами человек иного языкового ареала. Но прибор, распознающий лицо, а мы можем распознать и выражение лица, сообщает, что это наш знакомый, которого мы знаем как говорящего совершенно нормально. Об этой ложной импликации должно быть незрячему каким-то образом сообщено, например «NN дурачится…». Кстати, в базе данных нами предполагается область для включения параграфемных объектов типа приведенного с соответствующими фонограммными представлениями и вариантами комментариев.

В настоящее время разрабатывается программное обеспечение для решения первоочередных задач распознавания основных объектов препятствования передвижению незрячего (бровки, ступени вверх/вниз и т. п.), и формируется универсальная база данных с первоочередным контентом, учитывающая не только затронутые аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большакова Н. Н. Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде / Н. Н. Большакова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Смоленск, 2007. – 222 с.
2. Мордань В. И. Артефактное общение в системах специальной коммуникации / В. И. Мордань // Системы специальной коммуникации в современном русском языке: сб. науч. тр. – Д.: ДГУ, 1990. – С. 43–47.
3. Мосцевенко А. Ю. Паралингвистические средства письменной коммуникации: к проблеме классификации / А. Ю. Мосцевенко. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/2_ANR_2010/Philologia/4_56833.doc.htm
4. Розина И. Н. Теория и практика компьютерно-опосредованной коммуникации в России: состояние и перспективы / И. Н. Розина. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/r/ rozina03.shtml
5. Рощина М. А. Незрячий как субъект информационного обмена / М. А. Рощина. – Режим доступа: http://www.kamerata.org/roshinama-statya.htm
6. Экологическая теория восприятия Гибсона. – Режим доступа: http://ucheba-legko.ru/lections/ viewletion/psihologiya/psihologiya_vospriyatiya_ioschuscheniy/lec_ekologicheskaya_teoriya_vospriyatiya_gibsona

С. А. Москвичева (г. Москва, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Для естественного языка характерно двукратное означивание единиц, первое из которых происходит в системе языка, а вторичное – в речи. Способность двукрат-

© Москвичева С. А., 2013

но репрезентировать внеязыковой мир, «присущая только естественному языку, превращает последний в уникальную по своей структурной организации и универсальную по значению семиотическую систему, способную интерпретировать любую деятельность человека, любую систему знаков, в том числе и самое себя» [1, с. 3]. Таким образом, языковой знак выступает в двух ипостасях: первичные знаки (слова и словосочетания) и вторичные (фразы и предложения). При этом основной тип языкового знака −слово − представляет собой потенциальный минимум предложения-высказывания. Знаки двух типов означивания противостоят друг другу как актуальные и виртуальные. Сосуществование актуального и виртуального в языковом знаке, причем как на лексическом, так и на грамматическом уровнях, порождает его асимметрию (категории полисемии/омонимии и синонимии), которая снимается в контексте за счет актуализации и взаимодействия лексической и грамматической семантик.

Поскольку основной функцией языка является, по-видимому, коммуникативная, постольку функционирование и репрезентации той или иной категории целесообразно рассматривать на уровне предложения как основной коммуникативной единицы. Это тем более необходимо в целях адекватности анализа при сопоставлении синтетического русского языка и аналитического французского. Если в русском языке грамматические значения в своем большинстве выражаются в слове, то во французском, при значительно более слабой развитости морфологии, – в синтагме. Онтологическая категория определенности / неопределенности вообще тяготеет к выражению в рамках целого предложения, а не одного слова / словоформы.

Русский и французский языки относятся к языкам с событийной внутренней детерминантой[2, с. 116–120], следовательно, предложение в них построено по вербоцентрической модели и содержит указание на событие как таковое и его участников-актантов. И первое и вторые, равно как и все событие в целом, могут восприниматься и быть представлены и как определенные, и как неопределенные. При этом нужно помнить, что в русском языке ведущая роль в предложении принадлежит глаголу, а во французском есть тяготение к имени, что является следствием его большей аналитичности и что должно учитываться при переходе с одного языка на другой.

Носителем событийности в предложении является предикат (глагол), а участники события в норме выражены именами, следовательно, в синтагме при взаимодействии друг с другом большинство грамматических и синтаксических категорий имени и глагола теоретически могут быть средствами репрезентации функционально-семантического поля определенности / неопределенности. На представление ситуации в целом и ее актантов как определенных / неопределенных воздействует также степень ее расчлененности / нерасчлененности.

Анализ текстов показывает, что наибольшая нагрузка в представлении ситуации как определенной или неопределенной ложится на порядок слов, во французском языке, естественно, на артикль (причем артикль относится отнюдь не к существительному, а к именной группе в целом, следовательно, определяется не имя, а синтагма [3, с. 152–167]), большую роль играет число имени существительного и вид глагола. Репрезентация расчлененности / нерасчлененности ситуации связана преимущественно с категорией падежа и личными / безличными глаголами. Прежде чем перейти непосредственно к примерам, хотелось бы подчеркнуть, что все вышеперечисленные категории связаны, как правило, не с лексемой в целом, а с лексико-семантическим вариантом, что в свою очередь приводит к формальной дифференциации ЛСВ слова и отчасти снимает асимметрию языкового знака.

Ниже приводятся несколько примеров на русском и французском языках, которые, как представляется, иллюстрируют взаимодействие различных способов репрезентации категории определенности / неопределенности в одном языке и возможные варианты ее перевода на другой язык.

Категория числа имени существительного работает на выражение определенности / неопределенности объекта во фразах типа *Старик ловил неводом рыбу – Le vieillard péchait du poisson au fillet*. В русском языке неопределенность и нерасчле-

ненность объекта, восприятие его как неактивной массы обусловливает выбор единственного числа (ср. *бить зверя, собирать ягоду, ловить на червя*), чем выше степень инактивности объекта, тем больше вероятности появления закрепленных форм единственного числа. Во французском языке данному типу репрезентации действительности соответствуют формы частичного артикля.

Выражением неопределенности ситуации могут быть формы глагола. Так французскую фразу *Unpoissonmord* мы скорее переведем как *Клюет*, где безличный глагол будет выразителем нерасчлененного видения ситуации и, как следствие, ее неопределенности. Нужно сказать, что в данной ситуации по-французски возможно более естественной фразой была бы *Ça y est , ça mord*, однако вариант *Ça mord/ ça mord pas (aujourd'hui)* означает наличие / отсутствие клева вообще. В русском языке безличные конструкции играют весьма заметную роль. Они разнообразны, сама безличность глагола – явление градуальное и варьируется от возможности наличия мыслимого, но скрытого или неизвестного субъекта, до абсолютно безличных глаголов, в принципе не предполагающих наличие субъекта. В современном русском языке наблюдается тенденция распространения безличного употребления личных глаголов. Одновременно в русском языке существует возможность морфологически показать степень реальной активности подлежащего, для чего можно использовать именительный (подлежащие реальный субъект действия), дательный (пассивный субъект) и творительный (активный субъект, но сила ему придана извне) падеж. Во французском языке такого рода конструкции принципиально невозможны в силу неразвитости флективной морфологии. Однако и там безличные конструкции естественно существуют, хотя структурно они более однотипны: *Il en a marre , ça me gonfle, ça me casse les pieds, ça ne va pas (bien)*.

Иную ситуацию представляют фразы типа *Крапива жжется*, *Она пишет детективы* – Elle écrit des romans policiers (обязательно мн. ч.), репрезентирующие неактуальные значения и требующие употребления строго глаголов несовершенного вида, в данном значении не соотносимых по виду в русском языке, и настоящего времени и неопределенного артикля во французском.

Таким образом, категория определенности / неопределенности, понимаемая в узком смысле, связана с именем и категорией артикля, в широком – с ситуацией в целом, и тогда ее репрезентацией в двух языках могут быть грамматические и синтаксические категории имени и глагола. С представлением расчлененности / нерасчлененности ситуации связаны прежде всего категория падежа и личности / безличности, определенности / неопределенности – числа имени и вида глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – С. 3–117.
2. Мельников Г. П. Типы словестных знаков: Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
3. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J-Ch. Pellat, R. Rioul. – Presse Universitaires de France, 1994.

И. А. Нагорный (г. Белгород, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В современной лингвистике не остывает интерес к фактору антропоцентризма, прагматическим и концептологическим составляющим ментальных операций субъекта, выявляющим специфику адаптивного функционирования разнообразных лексических и грамматических инноваций в дискурсах различных коммуникационных сфер, в частности сфере разговорной речи.

© Нагорный И. А., 2013

Одним из ярких репрезентаторов предположения на речевом уровне являются предположительные частицы. Попытка определить функциональный статус структурно служебного, но прагматически значимого элемента в концептуальном пространстве речевого высказывания при актуализации данным элементом комплекса модально-квалификативных смыслов обусловили возможность размышлений на тему о функциональной семантике предположительных частиц в сфере живой разговорной речи.

Предположительные частицы (*как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли, едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, вроде*, *разве, неужели, мол, дескать, якобы, де*) включаются в группу модальных и служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Яркая функционально-речевая семантика, широкая гамма эксплицируемых частицами в высказывании субъективно-авторских смыслов обусловили закономерный интерес к предположительным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого и типичным репрезентаторам точки зрения говорящего. Интерес к подобного рода служебным элементам обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом предположительной частицы в речевой и языковой сферах.

Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом частицы, грамматикализованность значения отнюдь не мешает служебному слову быть синтаксически и прагматически емким, выполнять в речевом высказывании целый комплекс разноаспектных функций. Частицы – это востребованный в коммуникационном процессе класс слов. Будучи грамматически служебными, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в обыденном языке общения. Разговорная речь насыщена частицами. Немаловажная роль в этом отводится прагматической составляющей в значении частиц, позволяющей служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически облигаторных смыслов.

Предположительные частицы включаются в группу знаков, основная функция которых заключается в номинации особого, модального типа отношений. Данные элементы – инструментарий квалификации авторского отношения к сообщаемому, фиксаторы точки зрения говорящего. Предположительные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к коммуникативно-прагматической ситуации в координатах «я – здесь – сейчас». Рассматриваемые частицы являются знаками речемыслительного процесса. Они указывают на отражение в высказывании результата произведенной мыслительной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Предположительные частицы в данном аспекте – языковые «орудия мысли».

Исследование ментальных процессов подводит к пониманию того, что при помощи предположительной частицы логическое суждение соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Одна и та же частица в различных высказываниях может фиксировать разную степень вероятности, возможности, сомнения или предположения. Цель автора при введении в высказывание модального квалификатора заключается, в первую очередь, не в обозначении конкретной степени, а в обозначении самого факта вероятности.

В связи с этим отметим, что предположительные частицы способны образовывать так называемые нечленимые модально-ответные высказывания: *–Ты уверена? –* ***Как будто****...* (В. Шукшин); *– Как ты думаешь, он вернется? –* ***Вряд ли*** (В. Шишков); *Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину?* ***Едва ли*** (газет. текст); *– А ты уверена, что она ничего не понимает?* ***Вряд ли*** (В. Иванов). Эта логико-речевая функция является очень важной для частиц. Данная функция – отличительное речевое свойство частиц, позволяющее адресату использовать частицу как продуктивный инструментарий для моментальной речевой прагматически обусловленной реакции на слова говорящего. При помощи час-

тицы адресат способен в максимально лаконичной, компрессированной форме (однословное модально-ответное высказывание) высказать свое собственное мнение с опорой на предшествующий речевой контекст, отразить категоричность или толерантность собственной точки зрения и донести собственный взгляд на событие до оппонента, заострить неясность, спорность проблемы.

Предложения с предположительными частицами интересны и в том плане, что в них зафиксирован в действии речевой процесс, который может быть условно назван снятием четкой противопоставленности диктума и модуса. Объективный и субъективный слои смысла в речевых высказываниях приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи частицы как бы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективно-авторские смыслы внедряются в диктум, усложняя его структуру. В речевой сфере нередко происходит трансформация семантических полей пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов. Субъективно-авторские смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая переориентация события в сфере разговорной речи: – *А здесь может быть разумная жизнь?..* – ***Вряд ли*** (К. Булычев); – *Трава жива?* – ***Едва ли*** (В. Бережков); *Вдруг снова* ***словно*** *послышалось что-то* (А. Волков); ***Как будто бы*** *только что здесь был* (В. Шукшин). Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что имеются некие причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины побуждают говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Функциональный анализ семантики предположительных частиц с опорой на речевой фактор заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению предположительных частиц. Ведь частицы как функционально и прагматически сориентированные элементы проявляют себя исключительно на уровне предложения-высказывания, что позволяет говорить о наличии у них особой, коммуникативно-прагматической семантики.

В речевом аспекте и аспекте антропоцентризма сказанное позволяет выделить две основные цели, которые преследуются говорящим при предположительной квалификации события в речевой сфере: а) высказать собственное видение ситуации, эксплицировать «личностный» взгляд на ситуацию; б) донести свою «точку зрения» до адресата, добиться того, чтобы адресат понял говорящего правильно, адекватно тому, что заложено в основу предположительной квалификации самим говорящим. И в первом, и во втором случае модально-предположительные частицы – это «сигнал речевой важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое небезразличие к происходящему, инструмент силы речевого воздействия на адресата. Употребляя данные средства, говорящий страхуется от недопонимания его позиции, ориентирует адресата на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на ситуацию.

Заявленные проблемы, как представляется, могут иметь широкие перспективы своего развития в векторах конкретизации функциональной семантики служебных элементов языка, исследования иллокутивной силы высказывания, систематизации коммуникативно-прагматических функций модальных частиц.

І. О. Назаренко (м. Запоріжжя)

ПЕРВИННІ ТА ВТОРИННІ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧНІ ФУНКЦІЇ КЛИЧНОГО ВІДМІНКА В СИСТЕМІ ТРАНСПОЗИЦІЙНИХ ЗМІН

Статус кличного відмінка в українській мові специфічний. Вокатив виконує роль звертання, за змістом і синтаксичними функціями близький із називним відмінком [5,6]. Ознаками периферійності кличного відмінка є його семантико-синтаксичний синкретизм [3, с.78].

Первинною семантико-синтаксичною функцією розгляданої грамеми є функція адресата й потенційного суб'єкта дії: – *Я піду,* ***мамо****, мушу йти…* (О. Кобилянська); [Мартоха]. ***Дарусю****, витягни там з печі товкмача…* (Леся Українка).

У багатьох випадках, зазнаючи зовнішнього тиску процесів «конденсації тексту» [2, с. 141], семи адресатності й суб'єктності транспонуються й накладаються одна на одну: ***Ферапонте****, зараз мені перекидати гній поза стайню!* (М. Коцюбинський); *Обніміться,* ***брати мої****, молю вас, благаю* (Т. Шевченко). Як видно з прикладів, виділені словоформи можуть супроводжуватися дієсловами наказового стану або інфінітивом, транспонованим у наказову форму.

Ядерні значення грамеми кличного відмінка стають базовими для утворення вторинних сем: ідеться насамперед про транспозиційну функцію семантично-акцентованого адресата й нереалізованого потенційного суб'єкта дії [3, с. 78]: *…ми стояли перед тими дверима вдвох, ми ж дихали водно,* ***Ленцю****, що ж ти захряснула їх переді мною?..* (О. Забужко); *…все було смішним і мізерним, наче кинутий пух, і вона* [Дарка] *випручувалася з того новою, темною і могутньою, як гроза: зразу з цілий світ завбільшки, – ох* ***Ленцю****,* ***Ленюсю****, дві дівчинки з розхристаними пазушками в глибині дзеркала…* (О. Забужко). У подібних контекстах вокатив виступає «семантично знебарвленою супровідною функцією потенційного суб'єкта дії» [2, с. 141].

Кличний відмінок може вживатися з метою ідентифікації, дублюючи особові займенники, при цьому сема активності вокатива залишається акцентованою: *…вона* [Маринка] *каже, що* ***ти****,* ***Ленцю****, тепер важиш вісімдесят шість кілограмів…* (О. Забужко); [Максим]. *Ну, чого стоїш? Ти, тонконога!* – [Дарка]. *А* ***ви-те, дядьку****, проте стоїте* (Леся Українка). Особовий займенник здатний певною мірою нейтралізувати наказову спрямованість висловлювання [1, с. 233; 5, с. 112]: *З руїни підводиться мати – в годину свою грозову: – Найшли, налетіли, зом'яли, спалили, побрали з собою в чужину весь тонкоголосий ясир, бодай* ***ви*** *пропали,* ***синочки****, бодай ви пропали, бо так не карав нас і лях, бусурмен, бузувір* (В. Стус); *…дівчинонька одинока долю зневажає: «Бодай* ***тобі****,* ***доле****, у морі втопитись, що не даєш мені й досі ні з ким полюбитись»* (Т. Шевченко).

Кличний ідентифікаційний впливає на зміщення модальних акцентів наказовості, вимоги у площину значень прохання, поради, заклику [4, с. 112]: [Дарка]. *А* ***ви****-те,* ***дядьку****, ліпше тачку притягніть та поможіть…* (Леся Українка); – ***Ти****,* ***брате****, подивись тільки: чайка черкнула крилом об хвилю… штука, а?* (Г. Косинка); [Священик]. ***Ти****,* ***Карпе****, заплати Лаврінові одчіпного три карбованці, і нехай груша буде навіки твоя* (І. Нечуй-Левицький).

Кличний відмінок досить обмежений у своїх функціонально-семантичних можливостях, оскільки не пов'язаний із семантикою та валентністю предиката, а залежить лише від його способу. Первинне значення вокатива – адресат мовлення / потенційний суб'єкт дії, – не нівелюється в будь-якому контекстуальному оточенні, а навпаки, саме формує вторинні функції: значення семантично-акцентованого адресата, нереалізованого потенційного суб'єкта дії та кличного ідентифікації.

© Назаренко І. О., 2013

ЛІТЕРАТУРА

1. Арполенко Г. П. Історія української мови. Синтаксис / [Г. П. Арполенко, В. В. Німчук, А. П. Грищенко та ін.]. – К.: Наук. думка, 1983. – 504 с.
2. Вихованець І. Р. Система відмінків української мови / І. Р.Вихованець. – К.: Наук. думка, 1987. – 231 с.
3. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови: Академ. граматика укр. мови / І. Вихованець, К. Городенська. – К.: Пульсари, 2004. – 400 с.
4. Прохоренков В. Особенности функционирования звательного падежа в конструкциях с именительным падежом личных местоимений в старорусском языке / Василий Прохоренков // Науковий вісник Херсон. держ. ун-ту. Сер. «Лінгвістика». – Вип. VII – Херсон: Вид-во ХДУ, 2008. – С. 110–114.
5. Скаб М. С. Семантико-синтаксичні функції українського вокатива / М. С. Скаб // Мовознавство. – 1987. – № 5. – С. 62–65.
6. Скаб М. Ще раз про семантико-синтаксичну варіативність вокатива в українській мові / Мар'ян Скаб // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Вип. 15. – Донецьк: ДонНУ, 2007. – С. 325–330.

И. Е. Намакштанская (г. Макеевка),
Е. В. Романова (г. Москва)

ВВОДНЫЕ СЛОВА, СЛОВОСОЧЕТАНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО

Функции вводных единиц, обуславливающие их лексико-грамматическую форму, характеризуются в устной речи интонационным многообразием с соответствующим ему порядком слов, а на письме – знаками пунктуации. На уровне предложения вводные слова, словосочетания и более сложные синтаксические конструкции могут соотноситься как с отдельными членами предложения (раскрывая значения называемых ими действий, предметов, лиц и т. д. – с точки зрения говорящего, или передавая его отношение к ним, оценку и позитивную/негативную характеристику), так и с семантикой вводной конструкции в целом. Именно этим смыслоорганизующим, лексико-грамматическим и интонационным богатством вводных единиц воспользовался В. С. Высоцкий, передавая характеры, эмоциональные состояния, отношения персонажей с окружающими (и в целом – с обществом) своих персонажей.

В нашем анализе этой стороны авторского стиля поэта мы обращаем внимание на семантику и ситуативное функционирование, вопросительных и восклицательных вводных конструкций.

Вводные конструкции с вопросительной и восклицательной общей семантикой в поэтических произведениях В.С. Высоцкого характеризуются самыми разными ситуативными значениями. Среди них:

▪ обращение главного героя с вопросом к другим персонажам: «*Я* потопаю под утро – / Мол, пошел, – / А ты прими его как будто, / *Хорошо?*» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатье»);

▪ риторический вопрос авторского героя: «*На чем проверяются люди,* / *Если войны уже нет?*» («Давно смолкли залпы орудий»); «Все бегут, *а он что – рыжий?*» («Отчего сияют лица»);

▪ вопрос в общеупотребительной фразе, которая цитируется: «*Ты бы пошел с ним в разведку?* / *Нет или да?*» («Давно смолкли залпы орудий»); «Однажды выпиваю – *да кто сейчас не пьет!* – / Нейдет она: как рюмка – так в отрыжку […]» («Невидимка»);

▪ выражение удивления или восхищения: «Сами будете не рады / Утром вставши, – *вот те раз!* – / Все мосты через преграды / Переброшены без нас» («Проложите, проложите…»); «*Вот тебе раз!* Иностранный глава – / Прямо глаз в глаз, к голове голова […]» («Жертва телевиденья»); «Дворы полны – *ну надо же!* – / Тангó хватает зá ду́ши […]» («Из детства»); «[…] Он вдруг взял и сбавил темп / перед финишем, / Майку сбросил – *вот те на!* – / не противно ли?» («Кто за чем бежит»);

© Намакштанская И. Е., Романова Е. В., 2013

▪ выражение зависти: «И сдается мне, что люди врут, – / Он нарочно ничего не ищет: / Для чего! – ведь денежки идут – / *Ох, какие крупные деньжищи!*», «*Ему, значит, – рупь, а мне – пятак?!* / Пусть теперь мне платит неустойку!» («Песня завистника»);

▪ выражение второстепенности, «неглавности» какого-либо факта, признака, явления и т. д.: «[…] А в 37 – не кровь, *да что там кровь!* – и седина / Испачкала виски не так обильно» («О фатальных датах и цифрах»); «Вы вдумайтесь в простые эти строки, – / *Что нам романы всех времен и стран!* – / В них есть бараки, длинные, как сроки, / Скандалы, драки, карты и обман…» («Песня про Уголовный кодекс»);

▪ обращение к слушателям или адресату

– с желанием успокоить: «Но стоит ли и жизнь такой цены?! / Дорога не окончена – *спокойно!* / И в стороне от той, большой войны, / Еще возможно умереть достойно» («Песня Солодова»);

– с вызовом: «До мая пропотели – / Всё расколоть хотели, – / Но – *нате вам* – темню я сорок дней» («Весна еще в начале»); «Катерина, хватит сомневаться, – / Разорву рубаху на груди! / *Вот им всем!* Поехали кататься! / Панихида будет впереди…» («Катерина, Катя, Катерина!»);

– с предложением совершить какое-либо действие: «[…] Я орал в то же время кастратом / В уши людям. / Саван сдернули – как я обужен, – / *Нате смерьте!*» («Памятник»);

– с предложением почтить кого-либо за его поступок: «Мой друг уедет в Магадан – / *Снимите шляпу, снимите шляпу!* / Уедет сам, уедет сам – / Не по этапу, не по этапу» («Мой друг уедет в Магадан»);

– с приказанием замолчать, не мешать, не шуметь, остановиться и т. д.: «*Оставить разговоры!* / Вперед и вверх, а там…» («Военная песня»); «И пошла у нас с утра / неудачная игра, – / *Не мешайте и не хлопайте дверями!* / И шерстят они нас в пух – / им успех, а нам испуг […]» («У нас вчера с позавчера…»);

– с подтверждением осведомленности в каком-либо вопросе: «Покой только снится, *я знаю,* – / Готовься, держись и дерись! […]» («Давно смолкли залпы орудий»);

– с извинениями: «[…] Мореплаватель, *простите*, одиночка […]», «Это утка, это бред – все до строчки! – / *И простите, если резок и груб,* – / Я там плавал, *извините,* в одиночку: / Он совсем не треугольник, а – куб!» («Мореплаватель-одиночка»);

– с вызовом (отказ от какого-либо действия): «[…] А не то я тёлок крыть – не подумаю: / Рекордсмена портить мне – *на-кось, выкуси!*» («II. Не пиши мне про любовь – не поверю я»);

– с приказанием сосредоточить внимание: «Отвесные стены… *А ну – не зевай!* / Ты здесь на везение не уповай […]» («Здесь вам не равнина»);

– с приказанием не отступать: «Мы рубим ступени… *Ни шагу назад!* / И от напряженья колени дрожат […]» («Здесь вам не равнина»);

– с пожеланьем успеха: «Мы вас ждем – торопите коней! / *В добрый час, в добрый час, в добрый час!*» («Так случилось – мужчины ушли»);

– с риторическим вопросом: «У него на двадцать дней командировка – / *правда, ловко?*» («Что сегодня мне суды и заседанья»);

▪ выражение клятвы: «И я клянусь – *последний буду гад!* – / Не ври, не пей – и я прощу измену […]» («О нашей встрече»); «*Полным баком клянусь,* если он не пробит, – / Тех, кто сядет на нашу галеру, / Приведем мы и в божеский вид, / И, конечно, в шоферскую веру» («Мы без этих машин – словно птицы без крыл»);

▪ выражение раскаивания или покаяния – «Парус! Порвали, парус! / *Каюсь! Каюсь! Каюсь!*» («Парус»);

▪ подтверждение правдивости слов: «С тех пор все шалавы боятся меня – / И это мне больно, *ей-богу!*» («Я женщин не бил до семнадцати лет»); «[…] Пусть надеется и ждет – / Помощь Марьина придет / Скоро-скоро, *верно слово*» («Иван да Марья»); «Может, кто-нибудь обидится, / Но я, *право,* не шучу […]» («Солдат и при-

видение»); «Говорят, что не помог ему заступник, / *честно слово,* – / Мишка Ларин как опаснейший преступник / аттестован» («Говорят, арестован»).

При обращении авторского героя или других персонажей песен и стихотворений к воображаемым слушателям поэт также использует вводные конструкции с самой разнообразной семантикой. Приведем несколько примеров:

- вопрос – «Профессионалы / в своем Монреале / Пускай разбивают друг другу носы, – / Но их представитель / (*хотите – спросите!*) / Недавно заклеен был в две полосы» («Профессионалы»);
- наставление – «*Запоминайте!* […] // *Не забывайте!* […] // *И не дрожите!* […] // *Не убежите!* […] // *Остерегитесь!* […] // *Поберегитесь!* […] // *Не доверяйте!* […] // *Не подставляйте!* […]» («Вооружен и очень опасен»);
- характеристика собственного поступка – «Я взмахнул своим оружьем… / *Смейся, смейся, Сатана!*» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатье»);
- предложение оценить последствия событий, поступков и т. д. – «Значит, личность может даже / Заподозрить в шпионаже!.. / *Вы прикиньте – что тогда?*» («Перед выездом в загранку»).

Особую группу, интересную семантически и яркую стилистически (для создания ситуаций бытового общения), составляют вводные конструкции (которые частично упоминались нами ранее) со значением степени признака, характеристики отношения говорящего к чему-либо, интенсивности действия, самоидентификации и т. д. Например:

- самоидентификация – «Я – к Марии с предложеньем, – / *Я на выдумки мастак!* – / Мол, в другое воскресенье / Ты, Мария, сделай так […]» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатье»);
- характеристика отношения (досады, укоризны, опасения, разочарования, осуждения, возмущения, восторга и т. д.) говорящего к объекту или предмету его сообщения – «А повешенным сам дьявол-сатана / Голы пятки лижет. / *Смех, досада, мать честна!* – / *Ни пожить ни выжить!*» («Разбойничья»); «К тому ж он мне вредит, – да вот не дале как вчера – / *Поймаю, так убью его на месте!* – / Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера́» […]» («Невидимка»); «Двум белым ангелам сродни, / К земле направились они – / *Опасная повадка!*» («Песня о двух погибших лебедях»);
- выражение степени проявления действия, поведения кого-нибудь – «Дежурный по предбаннику / Все бьёт – *хоть землю с мелом ешь,* – / И я сказал охраннику: / "Ну что ж ты, сука, делаешь?!"» («В тюрьме Таганской нас стало мало»);
- выражение собственной решительности или степени решительности – «Я так решил – он мой, текущий век, / *Хоть режьте меня, ешьте и вяжите,* – / Я Гогер-Могер, вольный человек, – / И вы меня, ребята, поддержите!» («Песня Гогера-Могера»);
- выражение высшей степени невозможности или собственной неспособности совершения какого-либо действия – «И проснулся я в городе Вологде, / Но – *убей меня* – не припомню где» («Попутчик»); «Ой, где был я вчера – не найду, *хоть убей!*» («Ой, где был я вчера»);
- выражение собственного психологического состояния – реакции на кого-либо или что-нибудь – «Эта самая блондинка… / *У меня весь лоб горит!* / Я спросил: "Зачем ты, Нинка?" / "Чтоб женился", – говорит» («Невидимка»);
- сравнение двух ситуаций пребывания, проживания, действия кого-либо и т. д. – «Жил я с матерью и батей / На Арбате – *здесь бы так!* – / А теперь я в медсанбате – / На кровати, весь в бинтах…» («Песня о госпитале»);
- выражение собственного бессилия перед чем-либо – «[…] Всё норовят меня лизнуть, – *ей-богу, нету сил!*» («Песня о сумасшедшем доме»).

Таким образом, воспользовавшись многообразием значений и лексико-грамматических конструкций вводных слов, словосочетаний и предложений, а также их интонационным богатством, Владимир Семенович Высоцкий не только «оживил»

образы своих героев и наделил их богатством характеров и яркостью речи, но и объединил всех персонажей в один историко-этнический феномен – советский народ, неоднородный как по национальному признаку и способу мышления, так и по оцениванию окружающей действительности, разноликой по поведению и поступкам, уровню культуры и индивидуальным характерам, по отношению к человеческим идеалам и ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высоцкий В. С. Сочинения в двух томах. – Т. 1. Песни (предисл. С. Высоцкого, подг. текста и коммент. А. Крылова) / В. С. Высоцкий. – Екатеринбург: Изд-во «КРОК-Центр», 1995. – 544 с.
2. Высоцкий В. С. Сочинения в двух томах. – Т. 2. Стихотворения. Песни театра и кино. Поэмы. Проза и драматургия (подг. текста и коммент. А. Крылова) / В. С. Высоцкий. – Екатеринбург: Изд-во «КРОК-Центр», 1995. – 544 с.

А. К. Нестеренко (м. Харків)

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРИКМЕТНИКІВ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ КІЛЬКІСНОГО ВИЯВУ ОЗНАКИ

Якісні прикметники мають властивість передавати ознаку, яка виявляється неоднаковою мірою, унаслідок чого в мові виокремилась категорія кількісної градації ознаки (або безвідносної міри якості). У її в основу покладено протиставлення надмірного та недостатнього виявів ознаки нормальному. Зважаючи на цю опозицію, говоримо про семантику градації ознаки, яку мають, зокрема, ад'єктиви безвідносного ступенювання.

Як зазначено в Енциклопедії української мови, ***градація*** – це розташування послідовно нагромаджуваних семантично близьких і/або синтаксично однотипних компонентів конструкції в напрямі поступового наростання, посилення або послаблення інтенсивності їх значення [10, с. 757].

Вивченням явища градації ознаки в різні часи займалися В. В. Виноградов, Л. П. Дідківська, Л. О. Дорошенко, Л. М. Марчук, С. Є. Олійник та інші. Науковці зазначають, що ад'єктиви безвідносної міри якості можуть функціонувати в більшості стилів, зокрема в розмовному й художньому. Поширеними є випадки впливу контексту на втрату градаційної семантики ад'єктивами безвідносного ступенювання, а також на набуття її лексемами, які не мають формальних показників кількісного вияву ознаки.

Отже, **мета статті** – установити роль контексту в процесі втрати та набуття семантики кількісного вияву ознаки ад'єктивами української мови.

Утрата градаційної семантики ад'єктивами безвідносного ступенювання відбувається в основному в науковому та офіційно-діловому стилях, де згадані лексеми набувають статусу терміносполук. Наукове й офіційно-ділове мовлення здебільшого уникає вживання слів із семантикою кількісного вияву ознаки, які можуть уносити небажане емоційно-експресивне забарвлення. Офіційний тон наукової мови позбавляє емоційно-експресивних відтінків ад'єктиви безвідносного ступенювання, коли вони все-таки вживаються в такому стилі. Фіксуємо низку випадків утрати семантики градації такими прикметниками, якщо вони входять до складу терміносполук (пор. ***напівсухий*** – *не зовсім сухий* і ***напівсухе вино*** – *вино, яке містить до 3–4% цукру;* ***надновий*** – *надзвичайно новий* і ***наднові зорі*** – *змінні зорі, блиск яких за кілька днів зростає у сотні мільйонів разів, а потім повільно спадає*). Подекуди лексеми із суфіксами ***-ист-*** та ***-аст-*** можуть позначати хімічні терміни, які не мають семантики градації ознаки, функціонуючи лише в науковому стилі (***йодистий*** – *який містить йод;* ***фтористий*** – *який містить фтор*).

В окремих сталих словосполученнях термінологічного походження, зокрема ***плакуча верба***, кількісний вияв ознаки стосується не ад'єктива ***плакучий*** (*«який часто*

© Нестеренко А. К., 2013

плаче, схильний до плачу»), а всього синтаксичного номена (*«Який має звислі довгі стебла, гілки»*). У цьому випадку градаційне значення пов'язане не з кількістю суму, а з довжиною стебел верби. Окремі одиничні лексеми-терміни також можуть указувати на кількісний вияв ознаки (***праслов'янський*** *– належний до найдавнішого, спільного для всіх слов'ян періоду їхньої історії;* ***крохмалистий*** *– багатий на крохмаль*).

Прикметники у формі безвідносного ступенювання можуть уживатися в науковому мовленні не втрачаючи градаційної семантики: *«У центрі рогівки виникає* ***круглуватий*** *сіро-жовтий інфільтрат, який невдовзі розпадається, утворюючи прогресуючу виразку»* (з сайту spravochnik.vse-zabolevaniya.ru).

Утрата прикметниками безвідносного ступенювання градаційного значення можлива в розмовному та художньому стилях. Зокрема, йдеться про багатозначні слова, які втрачають таку семантику в одному зі значень. Так, ад'єктив ***кістлявий*** може тлумачитися як *«який має багато дрібних кісток»*. Таке значення збільшеного вияву ознаки лексема *кістлявий* має переважно тоді, коли йдеться про страву з риби (*кістлява риба, кістлявий оселедець*). Інше значення вказівки на зовнішні особливості виявляється в словосполученнях на зразок *кістлявий собака*. У контексті на кшталт *«Біля зупинки стояв* ***кістлявий*** *парубок і смалив цигарку» (з порталу znanija.com)* наявний відтінок іронії. Крім того, прикметник *кістлява*, набуваючи незалежних ознак роду, числа, відмінка, може субстантивуватися, утрачаючи семантику кількісного вияву ознаки й стаючи синонімічним до слова *смерть*.

Однією з причин утрати семантики градації ознаки є перехід прикметника безвідносного ступенювання в розряд іменника. Субстантивуючись, прикметники безвідносного ступенювання можуть ставати власною назвою: *Фермерське господарство* ***М'якенького*** *П. О.* (з сайту b2btoday.com.ua) або ж назвою вулиці: *провулок* ***Колосистий,*** *м. Харків* (з сайту ua-zip.net). Інколи саме субстантив виражає градаційне значення. Так, лексема ***молоденький*** має оцінну семантику *«пестл. до молодий»*, але субстантив ***молоденькі*** вказує на кількісний вияв ознаки (*«Ті, хто має небагато років»*).

Частими є випадки збереження градаційної семантики лексемами, ужитими в переносному значенні. Так, ад'єктив ***тупуватий*** позначає *«дещо тупий»*. У сполученні зі словами на позначення предметів побуту (*ніж, ножиці, сокира*) він є стилістично нейтральним, але, уживаючись із такими словами, як *людина, хлопець, чоловік, жінка*, набуває відтінку згрубілості і має семантику «*не дуже розумний»*. В обох випадках прикметник *тупуватий* указує на кількісний вияв ознаки.

У прикметниках із градаційним значенням можуть функціонувати полісемічні афікси. Так, суфікс ***-ист-*** указує не тільки на збільшений вияв ознаки (*дупл**ист**ий – з великим дуплом або дуплами*), а й на подібність (*крейд**ист**ий – схожий на крейду*) та схильність до певної дії (*напор**ист**ий – який виражає, має настирливість, рішучість, завзяття*).

Процес утрати ад'єктивами безвідносного ступенювання семантики кількісного вияву ознаки має особливості, пов'язані з творенням цих лексем. Так, прикметник ***незліченний*** має семантику збільшеного вияву ознаки, підсилену препозиційною частиною форманта ***не***-, і позначає *«який складається з великої кількості чого-небудь».* Натомість ад'єктив ***зліченний*** такого значення немає й тлумачиться як *«який можна полічити, порахувати»*.

У поодиноких випадках з'ясувати, чи має прикметник із формальними показниками безвідносного ступенювання градаційну семантику, допомагає наголос, що бере на себе розрізнювальну функцію в омографах. Так, значення лексеми ***знаменний*** важко зрозуміти поза контекстом. Показником наявності семантики градації є наголос: ***знаме́нний*** *– надзвичайний, дуже важливий у якому-небудь аспекті* (наявна семантика кількісного вияву ознаки), але ***зна́менний*** *– стос. до знамен* (лексема не передає кількісного вияву ознаки). Деякі форманти, зокрема суфікс -***ист***-, перебувають у наголошеній позиції лише тоді, коли вказують на кількісний вияв ознаки (***плечи́стий*** *– який має широкі плечі*). Якщо такої семантики немає, суфікс має ненаголошену позицію (***вана́дистий*** *– який містить ванадій*).

Лексикографічне закріплення тлумачень окремих прикметників є неусталеним. Джерела по-різному подають семантику деяких лексем, у складі яких є формант безвідносного ступенювання. Так, ад'єктив ***крейдуватий***, за Академічним тлумачним словником в 11 томах та за Великим тлумачним словником за редакцією В. Т. Бусела, не має градаційної семантики (*«Який містить крейду»* [2]), а за навчальним посібником зі словотвору В. О. Горпинича, – указує на неповноту вияву ознаки: «суфікс -***уват***- [уживається] у прикметниках зі значенням наявності певної ознаки в зниженій кількості, у зменшеній мірі: *... сизуватий, **крейдуватий***» [3, с. 54].

Фіксуємо поодинокі випадки набуття семантики градації, яка наявна лише в переносному значенні. Так, для ад'єктивів ***білявий***, ***чорнявий*** основним є значення вказівки на зовнішність людини: ***білявий –*** *який має світле волосся*, ***чорнявий –*** *який має темне волосся*. Проте в контексті *«За тобою завше будуть мандрувати Очі материнські і **білява** хата»* (В. Симоненко, «Лебеді материнства») лексема ***білявий*** має значення *«який має білувате забарвлення»*, передаючи недостатність вияву ознаки

Набуття семантики кількісного вияву ознаки притаманне також лексемам, які не мають градаційних афіксів. Так відносний прикметник ***бісерний***, крім значення *«оздоблений бісером»*, може вказувати на кількісний вияв ознаки в поєднанні зі словом *почерк* (словосполучення ***бісерний почерк*** має дефініцію *«дуже дрібний, рівний почерк»*) [2, с. 85]. Це стосується й лексеми ***гіпохлоритний***, яка, маючи формальний показник градаційної семантики (префікс ***гіпо***-), не вказує на кількісний вияв ознаки. Словники тлумачать цю лексему як *«Прикм. до гіпохлорит»* (іменник *гіпохлорит*, до речі, також не вказує на кількісний вияв ознаки, позначаючи *«сіль із однозарядним гіпохлорит-аніоном»*). Проте в поєднанні з іменником *кислота* ад'єктив *гіпохлоритний* утворює терміносполуку ***гіпохлоритна кислота***, яка позначає *«дуже слабку одноосновну кислоту, яка існує в дуже розведених розчинах»*, передаючи кількісний вияв ознаки.

Отже, контекст має вплив на втрату прикметниками безвідносного ступенювання семантики градації ознаки. Функціонуючи в офіційно-діловому або науковому текстах, такі лексеми майже завжди перестають указувати на кількісний вияв ознаки, набуваючи статусу терміносполук. Семантику градації ознаки лексеми можуть утрачати і в інших стилях, набуваючи переносного значення й поєднуючись із іншими словами (***напівсухе вино, зерниста ікра***) або в субстантивованих ад'єктивах (***пречиста, преве-лебний, престарілий***). У прикметниках із градаційним значенням можуть функціонувати полісемічні афікси, що також спричиняє втрату цими лексемами кількісного вияву ознаки. Процес утрати семантики градації може мати особливості, пов'язані з творенням ад'єктивів безвідносного ступенювання, а також із явищем омонімії цих лексем. Лексикографічні джерела можуть по-різному тлумачити деякі лексеми. Аналіз мовного матеріалу засвідчив, що контекст може впливати не лише на втрату, але й на набуття лексемами, зокрема відносними ад'єктивами, семантики кількісного вияву ознаки. Обидва ці процеси є досить частими, але відбуваються непослідовно, хоча й стосуються значної частини прикметників безвідносного ступенювання.

ЛІТЕРАТУРА

1. Безпояско О. К. Граматика української мови. Морфологія : підручник / О. К. Безпояско, К. Г. Городенська, В. М. Русанівський. – К. : Либідь, 1993. – 336 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і гол. ред. В. Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : Перун, 2005. – 1728 с.
3. Горпинич В. О. Сучасна українська літературна мова. Морфеміка. Словотвір. Морфонологія : навч. посібник / В. О. Горпинич. – К. : Вища шк., 1999. – 207 с.
4. Дорошенко Л. О. Семантична характерологія прикметників і прислівників безвідносного ступенювання / Л. Дорошенко // Вісник Львів. ун-ту. Сер. : Філологія. – 2004. – Вип. 34. – Ч. 1. – С. 188–193.
5. Марчук Л. М. Категорія градації в сучасній українській літературній мові : автореф. дис. … д-ра філол. наук : спец. 10.02.01 «Укр. мова» / Марчук Людмила Миколаївна. – Київ, 2008. – 32 с.
6. Матвіяс І. Г. Курс сучасної української літературної мови. Морфологія : посіб. для студентів-заочників пед. інститутів / І. Г. Матвіяс. – К. : Рад. шк., 1962. – 164 с.

7. Олійник С. Є. Парадигматика категорії безвідносної міри ознаки в українській мові : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Укр. мова» / С. В. Олійник. – Дніпропетровськ, 2001. – 13 с.
8. Сучасний словник іншомовних слів. Бл. 20 тис. слів і словосполучень / [О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк]. – К. : Довіра, 2006. – 789 с.
9. Сучасний тлумачний словник української мови. 65 000 слів / за заг. ред. д-ра філол. наук проф. В. В. Дубічинського. – Х. : Школа, 2006. – 1008 с.
10. Українська мова : Енциклопедія / [Русанівський В. М., Тараненко О. О., М. П. Зяблюк та ін.]. – 2-ге вид., випр. і доп. – К. : Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. — 824 с., іл.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1239 с.

К. Ю. Нетёсова, С. А. Смирнова
(г. Северодвинск, Россия)

ПРОСТЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В последние годы в современной русистике на первое место в изучении любого явления выходит антропоцентрический подход. В этом свете любые антропоцентрические работы, в том числе связанные с анализом детской речи, приобретают особую значимость. В научных изысканиях Т. Г. Аркадьевой, Т. А. Гридиной, Ю. Н. Кононовой, Е. С. Кубряковой, В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин и др. отмечается, что ребёнок активно осваивает нормативный язык, создаёт свою «наивнейшую» картину мира, в которой особое место занимают словообразовательные инновации. В предлагаемой статье рассматриваются особенности деривации детских инноваций, которые представляют собой простые (однокорневые) имена существительные, отсутствующие в языковой традиции, самостоятельно сконструированные детьми в соответствии с правилами русского языка или с нарушением этих правил. В качестве источника материала привлекаются словари С. Н. Цейтлин и В. К. Харченко – известных специалистов в области онтолингвистики.

Анализируя дериваты-имена существительные, мы опираемся на понятие «словообразовательный тип», т. е. каждую инновацию описываем с точки зрения, во-первых, производящей основы, во-вторых, вида форманта (словообразовательного средства) и, в-третьих, деривационного значения. Приведем несколько примеров словообразовательных типов (далее СТ): лексемы *геройница, поварница* образуются от основы с предметным значением при помощи суффикса *-ниц-* со значением ‘лицо женского пола‘; слова *высокость, жарость, ползость, солость, старшесть* и др. производятся от основ с признаковым значением с помощью суффикса *-ость-,* выражающего значение ’обобщенность, абстрактность’; субстантивы *крадун, щипун, кусун, храпун* и под. создаются от основ с процессуальным значением при помощи суффикса *-ун-*, имеющего значение ’лицо по действию‘ и т. д. Такой подход к описанию материала позволяет установить в Словаре С. Н. Цейтлин 119 СТ, в Словаре В. К. Харченко – 114 СТ (при этом 54 из них совпадают). Представляется, что рассмотрение инноваций двух лексикографических источников с точки зрения словообразовательного типа дает возможность выявлять востребованные детьми аффиксы и способы словообразования, устанавливать типы лакун, которые в своей речи заполняет ребёнок, придумывая номинацию, а также более объективно говорить о продуктивности моделей, характерных для детского словосочинительства. Последнее нам кажется особенно важным, поскольку в современной русистике до сих пор не существует единого мнения относительно того, сколько лексем должно входить в состав СТ, чтобы он мог квалифицироваться как продуктивный.

Отвечая на этот вопрос в своей работе, мы исходим из словообразовательных потенций ребёнка, т. е. рассматриваем детскую языковую систему как автономный объект изучения. Анализ выявленных инноваций показывает, что продуктивность/непродуктивность СТ зависит от производящей основы и типа форманта лек-

© Нетёсова К. Ю., Смирнова С. А., 2013

семы. Так, значительными в количественном отношении следует признать группы, в качестве производящих основ которых выступают глаголы и существительные, при этом спад словообразовательной активности для предметных производящих основ приходится на группы до 10 единиц, для процессуальных основ – до 12, для признаковых – до 7. Учитывая это, к числу продуктивных типов можно отнести следующие группы простых дериватов.

I. Имена существительные, образованные от предметных основ при помощи

1) суффикса *-ник-* со значением «лицо по отношению к объекту, орудию деятельности»: *аварийник, аптечник, базарник, билетник, волейбольник, гаражник, досочник, лопатник, квасник, киосник, кладовник, насосник, огонник, нарульник, садник, сюрпризник, чердачник* и под.;

2) суффикса *-онок-* со значением «невзрослость, ласкательность»: *апельсинёнок, ворёнок, господёнок, дитёнок, малышонок, мячонок, корзинёнок, кранёнок, кролёнок, коровёнок, осёнок, птенчонок, садистёнок, слепушонок, ракушонок, роботёнок, улитёнок, юпитерёнок* и др.;

3) суффикса *-ец-* со значением «лицо по месту жительства, нахождения»: *армянец, болгарец, венец, деревенец, германец, еврец, молдавец, турец* и др.;

4) суффикса *-ик-* со значением «уменьшительно-ласкательность по отношению к неодушевленному предмету»: *метрик, механизмик, патиссоник, салютик, светик, танчик, шурупик, ходик* и под.;

5) суффикса *-инк-* со значением «единичный предмет в ряду однотипных»: *бровинка, костринка, лучинка, песочинка, сластинка, снегинка, солинка* и под.;

6) суффикса *-их-* со значением «существо женского пола, самка»: *бармалиха, бычиха, госпожиха, гусиха, королиха, лампиха, продавчиха* и др.;

7) флексии *-а* со значением «лицо женского пола, самка»: *енота, монаха, пингвина, поросенка, тигра, хомка, червяка* и т.д.;

8) усечения (десуффиксации), значение «лицо мужского пола, самец»: *болд, горб, жадин, жин, лягух, кокет, коров, королев, крыс, куриц, нерях, обезьян, овчар, сов, старух, рыб, хозяй* и под.;

9) усечения (десуффиксации), значение «большой»: *бана, бела, вета, ела, игола, кабак, коша, кузнец, мульт, нита,одуван, пала, перс ,сума, тетрада, треугол, шиха, юба* и др.

II. Имена существительные, образованные от признаковых основ при помощи

1) суффикса *-ость-* со значением «предметность»: *быстрость, высокость, доброст, жарость, кислость, липкость, ползость, солость, старшесть, тихость, тяжеленность, умность* и др.;

2) суффикса *-от-* со значением «предметность»: *близкота, голубота, горькота, мягкота, ровнота, светлота, скользкота, страхота* и под.;

3) суффикса *-инк-* со значением «интенсивность цвета»: *бежевинка, бледнинка, светлинка, серинка, темнинка, фиолетинка* и др.

III. Имена существительные, образованные от процессуальных основ при помощи

1) нулевого суффикса со значением «предметность»: *восклик, всплыв, вспух, гавк, жуж, лепь, обним, плак, стрель, тик, черп* и под.;

2) суффикса *-енij-* со значением «действие или состояние»: *береженье, буждение, влюбление, ловление, переменение, саженье, утопление* и др.;

3) суффикса *-нij-* со значением «действие или состояние»: *бежание, боление*, *вставание, грение, ение, меняние, подышание, смеяние, убивание* и т. д.;

4) суффикса *-лк-*, выражающего значение «предмет, предназначенный для совершения действия или производящий действие»: *бурилка, брилка, включалка, пикалка, сверлилка, шилка, шлёпалка, шипелка* и под.;

5) суффикса *-тель-* со значением «лицо по действию»: *говоритель, загребатель, опоздатель, пожалователь, пошутитель, пугатель* и др.;

6) суффикса *-тель-* со значением «предмет, предназначенный для совершения действия»: *затыкатель, выигрыватель, отгонятель, углубитель, убитель, исчезатель* и др.;

7) суффикса *-(ль)щик-* со значением «лицо по действию»: *асфальтильщик, купальщик, подметальщик, пугальщик, срывальщик, топтальщик* и под.

В детской речи, как видно из приведённых примеров, при деривации субстантивов активно используются суффиксы со значением «ласкательность», «невзрослость», «лицо женского пола», «лицо по месту», «предметность» и под. Выявленные аффиксы входят в число продуктивных и в узуальном (=взрослом) языке. Кроме того, дети охотно создают существительные со значением «лицо мужского пола, самец» при помощи усечения флексии, или обратной деривации: *корова → коров, курица → куриц, неряха→ нерях, пьяница → пьяниц* и др. В узуальном языке такие слова либо являются именами общего рода (*неряха, проказа, пьяница* и др.), либо образуются при помощи супплетивного корня (*корова → бык, петух → курица, баран → овца* и под.). Отметим, что образование слов при помощи усечения наблюдается, прежде всего, в социальных диалектах (ср. *Афганистан → Афган*, *бакенбарды → баки* и др.). Активным способом создания детских инноваций является флексийный, например, *енот → енота, монах → монаха, пингвин → пингвина, поросёнок → поросёнка* (ср. узуальн. *кум → кума, лис → лиса, супруг → супруга*). Некоторые СТ, которые во взрослой речи являются продуктивными, в детском языке пополняются мало. Так, всего 2 субстантива *биологист, лошадист* представляют СТ со значением ‘лицо по отношению к объекту, орудию деятельности’ (ср: узуальн. *баянист, гитарист, медалист, связист, таксист, танкист, тракторист* и т. д.).

Примечательно, что почти 96% инноваций создается на основе прямой мотивации, когда значение мотивирующего слова входит в значение мотивированного, например: *докторство ← доктор*, *загоральник ← загорать*, *ремонтёр ← ремонтировать, убитель ← убивать, фиолетинка ← фиолетовый, чёска ← чесать* и др. Частичная мотивация наблюдается при образовании единиц *искось* («косая линия») *← наискось*, *сластинка* («частичка сахара») *← сладость* и под. Экспрессивная мотивация для детей не является характерной.

Конструируя слова, ребёнок, как отмечают С. Н. Цейтлин, Т. А. Гридина и др., заполняет абсолютные и относительные лакуны, объективно существующие в современном русском (=взрослом) языке. За неимением возможности подробного описания приведем далее несколько примеров, иллюстрирующих это положение.

Инновация *роботёнок* репрезентирует смысл «маленький робот», имя *качательница* вербализирует значение «женщина, качающая, баюкающая детей», субстантив *казняк* – «палач». Во взрослом языке такие единицы не встречаются, следовательно, ребенок замещает «пустую клетку» (лакуну), самостоятельно конструируя лексемы. Абсолютные лакуны заполняют имена *апельсинёнок* («нарост на апельсине, его детёныш»), *бычица* («корова»), *гладильник* («то, чем гладят»), *космич* («житель космоса»), *курятница* («посуда для приготовления курицы»), *лампиха* («о лампе как матери семейства»), *мяточка* («складочка, измятое место на одежде»), *недоестки* («то, что недоедено»), *ногав* («штанина»), *пальтовник* («тот, кто шьет пальто»), *предмизинец* («то, что находится перед мизинцем») и под.

В детской речи имя *покупатчик* реализует смысл «тот, кто покупает», оно образуется при помощи присоединения суффикса *-чик-* со значением «лицо по действию» к процессуальной производящей основе. В нормативном языке функционирует существительное *покупатель*, которое создается от той же производящей основы при помощи суффикса *-тель-* с аналогичным значением, т. е. ребёнок бессознательно заменяет суффикс и выдает модификацию слова, заполняя относительную лакуну. Примерами параллельных инноваций можно признать такие лексемы, как *евреец* (узуальн. *еврей*), *гребение* (узуальн. *гребля*), *деревяха* (узуальн. *деревяшка*), *королиха* (узуальн. *королева*), *крантёр* (узуальн. *крановщик*), *куритель* (узуальн. *курильщик*), *молдавец* (узуальн. *молдаванин*), *мытня* (узуальн. *мытьё*), *ногтик* (узу-

альн. *ноготок*), *парижец* (узуальн. *парижанин*), *сольница* (узуальн. *солонка*), *массажирка* (узуальн. *массажистка*), *читание* (узуальн. *чтение*) и др.

Изучение значительного в количественном отношении материала позволяет заключить, что в сфере детского словосочинительства преобладают абсолютные лакуны. Полагаем, что в понятия «абсолютная лакуна» и «относительная лакуна» следует включить конкретизатор «словообразовательная», указав тем самым, что устанавливать тип такой лакуны нужно не просто по соотношению с любым узуальным словом (даже с непроизводным), а только лишь с мотивированным. Соответственно, абсолютной словообразовательной лакуной является дериват, у которого в узуальном языке нет однокоренного производного аналога-модификации, относительной – дериват, имеющий во «взрослом» языке однокоренную модификацию, образующуюся при помощи иных аффиксов или способов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харченко В. К. Словарь современного детского языка / В. К. Харченко. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 637 с.
2. Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций // Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: Знак, 2009. – С. 283–350.

Є. Б. Новікова (м. Харків)

НАЙПРОДУКТИВНІШІ ІННОВАЦІЙНІ ЗАСОБИ ТВОРЕННЯ ПОХІДНИХ АД'ЄКТИВІВ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Мова будь-якого народу, як і його життя, постійно змінюється. Словниковий склад безперервно поповнюється через необхідність називання нових реалій та явищ. Процеси оновлення словникового складу української мови зацікавили таких дослідників, як Д. Баранник, Є. Карпіловська, Ж. Колоїз, Т. Коць, С. Лук'яненко, Д. Мазурик, Л. Мацько, А. Нелюба, О. Стишов, Л. Струганець, О. Тараненко та ін. Аналіз процесів оновлення української мови передбачає вивчення словотвірних граматичних та семантичних особливостей новотворів, запозичень, різновидів їхньої адаптації до граматичної системи української мови, змін у складі певних граматичних категорій. Більшість інноваційних процесів було досліджено на матеріалі іменників, інноваційні похідні ад'єктиви не були предметом окремого вивчення, що визначає актуальність нашої роботи.

Будь-яка мова не може не змінюватися, тому що вона відображає дійсність, яка постійно перебуває у русі. Саме цей тісний зв'язок і демонструють зовнішні чинники, які впливають на розвиток мови. Нові слова, що з'являються внаслідок дії зовнішніх чинників мовного розвитку, називають різноманітні нові реалії, пов'язані зі змінами у політичному устрої країни, економічними перетвореннями, соціальними умовами та ін. Крім зовнішніх чинників, які здебільшого є визначальними, внутрішні також спричиняють появу нових слів. В останні роки, за термінологією А. Нелюби [3], С. Єсперсена, активно виявляє себе закон мовної економії, тобто мовець відбирає у певній ситуації найраціональніші, на його думку, мовні засоби для досягнення своєї мети.

Прикметник – це такий лексико-граматичний розряд слів, що виражає ознаку предмета безпосередньо або через його відношення до чогось. Дослідники звертають увагу на той факт, що категоріальне значення прикметника української мови полягає у вираженні ознаки без участі таких граматичних категорій, як час і вид, оскільки слова цього лексико-граматичного розряду позначають статичну ознаку, позбавлену процесуально-часових характеристик. Завжди вживаючись з іменниками, ад'єктиви узгоджуються з ними, тобто мають форми роду (в однині), відмінка і числа співвідносних іменників. Це, безперечно, свідчить про те, що значення кожного прикметника розкривається через його зв'язок з іменником, а іноді навіть у реченні.

© Новікова Є. Б., 2013

Предмет може мати різні ознаки, результатом чого є розширення поняття ознаки, яке передає прикметник, і залучення найрізноманітніших значень: кольору, розміру, смаку, матеріалу, відношення до простору, часу, належності і т. ін.

Поповнення класу прикметників відбувається за рахунок утворення нових слів від іменників, прикметників, дієслів, прислівників за допомогою суфіксації, префіксації та складання основ.

Аналіз фактичного матеріалу дає змогу виділити такі словотворчі типи нових прикметників: із суфіксом *-н-* та його похідними (*-ичн-/-ічн-, -альн-, -арн-/-ярн-, -ивн*, *-альн-*, *-уальн-*, *іальн-*). Здебільшого твірною основою для прикметників із формантом *-н-* слугують як абстрактні, так і конкретні іменники, чому сприяють широкі морфологічні умови сполучуваності цього суфікса [1, с. 145]. Значною є група ад'єктивів із суфіксом *-н-* зі значенням відносної ознаки, мотивувальною основою для яких виступають іншомовні іменники (напр.: *анімаційний ← анімація, геополітичний ← геополітика, дефляційний ← дефляція, дивідендний ← дивіденди, ексклюзивний ← ексклюзив, бартерний ← бартер, інноваційний ← інновація, менеджментний ← менеджмент, дискетний ← дискета, дисплейний ← дисплей, ваучерний ← ваучер, моніторний ← монітор, культурологічний ← культурологія, партократичний ← партократія, плюралістичний ← плюралізм, концептуальний ← концепт*).

Крім суфікса *-н-*, активність виявляє і формант ***-ов-(-ев-)****: байтовий, бізнесовий, відеокліповий, демпінговий, іміджевий, інофірмовий, кітчевий, кліповий, лізинговий, маркетинговий, пейджинговий, попсовий, процесинговий, рейтинговий, трастовий, файловий, факсовий.* Зауважимо, що більшість неологізмів, утворених за допомогою цього форманта, також є похідними від запозичених субстантивів. Активне творення прикметників від запозичених твірних основ за допомогою продуктивних словотворчих засобів є закономірним явищем, ця тенденція зберігається при появі нових слів, тому що як тільки запозичена лексема починає пристосовуватися до лексико-граматичної системи української мови, вона вступає в словотвірні стосунки з іншими словами, породжуючи похідні одиниці, насамперед це прикметники, бо здебільшого саме субстантивна твірна база визначає ад'єктивну семантику.

Від іменників на позначення власних назв утворюється велика кількість прикметників за допомогою форманта ***-ськ-*** (*Анґельський ← Анґела* (Анґела Меркель), *верховнорадівський ← Верховна Рада, вітренківський ← Вітренко, ківаловський ← Ківалов*). Більшість таких прикметників мають емоційно-експресивне забарвлення. За допомогою зазначеного суфікса утворюються ад'єктиви-неологізми від іменників на позначення професій (*аудиторський ← аудитор, дистрибуторський ← дистрибутор, брокерський ← брокер, букмекерський ← букмекер, продюсерський ← продюсер, ріелтерський ← ріелтер*); соціальних і політичних груп, партій (*Аупівський ← АУП* (Асоціація українських письменників)*, лобістський ← лобіст, монетаристський ← монетарист, нудистський ← нудист, тінейджерський ← тінейджер*).

Прикметники цієї групи можуть мати подвійну словотвірну мотивацію, вони одночасно мотивуються іменником зі значенням особи та співвіднесеним іменником, що називає властивість, сферу діяльності, суспільну та ідеологічну течію. Твірною основою для прикметників з цим формантом слугують як українські, так і запозичені основи.

Суфіксальний спосіб словотворення прикметників у сучасній українській мові має високий ступінь продуктивності. Найбільш плідним є взаємодія ад'єктивних суфіксів із класом іменників. Творення прикметників від основ інших частин мови, зокрема дієслів, числівників, прикметників, менш продуктивне явище.

Префіксальний спосіб словотворення властивий для невеликої групи прикметників-неологізмів. Завдяки семантичній своєрідності префікси здебільшого поєднуються з дієсловами, рідше з прикметниками та іменниками. Виділяємо такі типи префіксальних прикметникових дериватів: ***анти-*** (*антиелітний, антиінтелектуальний, антиностальгійний, антиукраїнський, антимонопольний, антиконституційний)*, ***ультра-*** *(ультраактуальний, ультрабезпечний, ультраінформаційний, ультрася-*

ючий), ***супер-*** *(супергероїчний, супервіковий, супервідповідальний, супермодний, суперсучасний, супербагатий)*, ***квазі-*** (*квазідокументальний, квазіінформаційний, квазілегітимний, квазінезалежний, квазіпатріотичний, квазірелігійний*), ***пост-*** (*постбійцівський, постбілоблакитний, поствиборчий, посткомуністичний, постнульовий*), ***екс-*** (*ексмайданівський, експомаранчевий*). Зауважимо, що більшість префіксальних формантів є запозиченими.

Фіксуємо й одиниці, творення яких відбувається за допомогою власне українських препозиційних елементів, хоча їх значно менше: ***без-*** *(безмажорний, без'ядерний, безмандатний, безментальний),* ***не-*** (*неемісійний неавторитетний, небезполум'яний*), ***під-***: *(підрадянський, підтоталітарний*, *підешелонний, під'європеїзований)*.

Префіксально-суфіксальне словотворення є більш продуктивним способом порівняно з останнім. Більшість прикметників-неологізмів утворено від іменників з прийменниками за допомогою таких конфіксів: *анти-...-н-, (антикорупційний*), *анти-…-ов-* (*антидемпінговий)*, *анти-…-івськ-(антикультівський, антирухівський), без-...-н-* (*бездоменційний*, *безнуклідний*), *між-...-н- (міждержавний*, *міжконфесійний*), *між-...-івськ-* (*міжбанківський*), *перед-...-н- (передгривневий), під-... -н-* (*підакцизний*), *поза-...-н-*(*-ичн-*) (*позакультурний, позаконституційний*, *позаісторичний*), *поза-...-ов-* (*позаблоковий*), *пост-...-ськ-* (*постчорнобильський), пост-…-ов (поствідлиговий)*. Зауважимо, що всі названі вище конфіксальні прикметникові деривати мотивуються іменниковими або прикметниковими твірними основами, лише окремі ад'єктиви можуть мотивуватися дієслівною твірною базою.

Основоскладання – це найменш продуктивний спосіб утворення прикметників в українській мові.

ЛІТЕРАТУРА

1. Грищенко А. П. Суфіксальний словотвір прикметників в українській мові / А. П. Грищенко // Словотвір сучасної української літературної мови. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 119–170.
2. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М., 1973.
3. Нелюба А. Явища економії в словотвірній номінації української мові / А. Нелюба. – Х.: Майдан, 2007. – 276 с.

Е. В. Олійник (м. Бердянськ)

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ З'ЯСУВАЛЬНИХ СКЛАДНОПІДРЯДНИХ РЕЧЕНЬ ЗІ СПОЛУЧНИКОМ *ЯК*

Речення з підрядною з'ясувальною частиною, як і будь-яке складнопідрядне речення, являє собою структурну й семантичну єдність. Важливим засобом зв'язку його структурних компонентів є сполучники підрядності та сполучні слова. Вони окреслюють семантико-граматичну залежність підрядної частини від головної та зумовлюють специфіку підпорядкування однієї з частин складного речення іншій.

У структурі складнопідрядних з'ясувальних речень наявні такі формальні засоби зв'язку – сполучники *що, як, чи, щоб (аби, хай, нехай), наче, неначе, ніби, мов, немов, начебто, нібито* та сполучні займенникові слова *хто, що*; *який, яка, яке, які*, *чий, чия, чиє, чиї*; *коли, відколи, як, де, куди, звідки, доки, поки, навіщо, чому*; *скільки*. Ці засоби формують у з'ясувальних складнопідрядних реченнях прислівний зв'язок і виражають з'ясувальні відношення між їх частинами.

Оскільки межі статті не дозволяють у повному обсязі розглянути всі сполучні засоби, що наявні у структурі з'ясувальних конструкцій, ми зупинимося на детальній характеристиці одного з найпоширеніших сполучників – *як*.

Переважна більшість дослідників поділяють сполучники підрядності за їх значенням на два різновиди: асемантичні (синтаксичні) та семантичні (функціональні) [1, с. 319; 6, с. 438; 7, с. 525]. Єдиної думки щодо ролі сполучників у з'ясувальних складнопідрядних реченнях на сьогодні не існує. Превалює думка, що всі ці сполуч-

© Олійник Е. В., 2013

ники є асемантичними, тобто повністю позбавленими лексичного значення, і їх роль у з'ясувальному складнопідрядному реченні полягає в приєднанні підрядної частини до головної. Так, В. А. Бєлошапкова сполучники та сполучні слова, що виконують з'ясувальну функцію, відносить до групи асемантичних чи функціонально-синтаксичних сполучних засобів [7, с. 525]. Такої ж думки дотримуються І І. Слинько, Н. В. Гуйванюк, М. Ф. Кобилянська [6, с. 439] та М. У. Каранська [3, с. 240]. Проте дехто з дослідників чітко вказує на асемантичність лише деяких сполучників. Наприклад, К. Г. Городенська, аналізуючи підрядні сполучники, чітко визначає, що асемантичним є лише сполучник *що*, інші ж сполучники служать засобом поєднання підрядної частини з опорним словом у головній частині, але щодо їх семантики дослідниця ніяких подальших зауважень не робить [2, с. 351]. І. Р. Вихованець асемантичними називає тільки сполучники *що* та *щоб* [1, с. 320].

Проаналізувавши фактичний матеріал, ми дійшли висновку, що все ж таки не всі сполучники є асемантичними, тобто не всі вони повністю втратили своє значення. Варто погодитися з думкою А. Л. Савченко про те, що всі сполучні засоби, крім власне з'ясувального сполучника *що*, які вживаються в складнопідрядних з'ясувальних реченнях, уносять відповідні їхній семантиці відтінки, а також зміни в структурну характеристику вказаних речень, тобто в з'ясувальних реченнях вони *асемантизуються*, але свого первинного значення повністю не втрачають [5, с. 61]. До речі, і в «Русской грамматике» 1980 р., хоча й не говориться про це прямо, але з опису зрозуміло, що сполучники не повністю вважаються асемантичними, оскільки розподіляються за сферами вживання: сполучники, що належать до розповіді, сполучники, що належать до волевиявлення та сполучники, що належать до питання [4, с. 473]. Отже, таким поділом підкреслено певні семантичні відмінності між цими сполучниками, що дає нам підстави припустити можливість унесення сполучниками певних відтінків у з'ясувальні складнопідрядні речення.

Поширеним у з'ясувальних складнопідрядних реченнях є сполучник *як*. Ним приєднується з'ясувальна підрядна частина, зміст якої мислиться як дійсний у певний відрізок часу. Ця особливість наближує значення сполучника *як* до сполучника *що*, але водночас, на наш погляд, він зберігає ледве помітний відтінок значення способу дії, пор.: *Під лісом побачив, як вогняний стовп свічкою підіймається у небо* (М. Стельмах) – *Під лісом побачив, що вогняний стовп свічкою підіймається у небо*.

У з'ясувальних реченнях використовується й омонімічне сполучне слово прислівник *як*. У синтаксичних працях, хоча й зазначається, що *як* може бути і сполучником, і сполучним словом, проте чіткого розмежування цих сполучних засобів не подано. Тому твердження в окремих працях про те, що в з'ясувальних реченнях виступає тільки сполучник *як*, є дискусійним. Зокрема, у прикладах з'ясувальних речень зі сполучником *як*, поданих М. У. Каранською, на нашу думку, не завжди виступає саме сполучник *як* [3, с. 240].

Зібраний мовний матеріал дає підстави припустити, що сполучник маємо тоді, коли *як* не є членом речення, на нього не падає логічний наголос, він не вказує на спосіб виконання дії, а має лише певний відтінок такого значення. Розмежування сполучника й сполучного слова може здійснюватися на основі трансформації речень, зокрема, сполучника *як* на сполучник *що*. Якщо така заміна можлива, то *як* уважатимемо сполучником, хоча вона не буде абсолютно адекватною, оскільки, на нашу думку, *як* навіть у ролі сполучника зберігає певний відтінок значення способу дії. Пор.: *Іслам бачить, як він насилу стримує лють* (Р. Іваничук) – *Іслам бачить, що він насилу стримує лють*. У першому реченні *як* – сполучник, оскільки не є членом речення й позбавлений логічного наголосу, але зберігає частковий відтінок способу дії.

Якщо ж заміна сполучника *як* не можлива або дуже спотворює зміст речення, то треба говорити про сполучне слово *як*, пор.: *[Вуйко подався у село.] Та ще в Мукачеві казав, як дати ради з каменем* (В. Басараб) – *[Вуйко подався у село.] Та ще в Мукачеві казав, що дати ради з каменем*. У цьому випадку *як* – сполучне слово, оскільки виступає обставиною способу дії й на нього падає логічний наголос.

Проаналізований фактичний матеріал, дозволяє твердити, що сполучник *як* використовується в складнопідрядних з'ясувальних реченнях при словах таких семантичних груп:

1) психічної діяльності: *Наступного дня він побачив, як розвідники виїхали в поле на конях* (О. Гончар); *Стало чутно, як в арику спроквола дзюркоче вода і десь в іншому кінці кишлака риплять колеса дерев'яної арби* (П. Загребельний); *Відчував, як витягнулося від подиву моє обличчя* (Ю. Збанацький);

2) інтелектуальної діяльності: *Зоя пригадує, як зустрілась їм на шляху якась велика залізнична станція* (О. Гончар); *Пам'ятаєте, як ви приносили мені цукру в хусточці?* (І. Микитенко);

3) мовленнєвої діяльності: *Скоробагатий розповідав, як він, ще хлопчиськом, був статистом у довженківському фільмі* (Р. Іваничук).

Отже, проведені спостереження показують, що сполучник *як* близький за значенням до сполучника *що*. Але про те, що це не два абсолютно рівнозначні сполучники, свідчить зміна семантики підрядної частини, яка виникає при заміні сполучника *як* сполучником *що*. Ця особливість дає підстави вважати сполучник *як* не асемантичним, а асемантизованим.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник / І. Р. Вихованець. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
2. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська. – К.: Університ. вид-во «Пульсари», 2004. – 398 с.
3. Карапська М. У. Синтаксис сучасної української літературної мови: навч. посібник / М. У. Карапська. – К.: НМК ВО, 1992. – 400 с.
4. Русская грамматика : в 2 т. / сост. Брызгунова А, Бабучан К., Ицкович В. и др. – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис – 1980. – 709 с.
5. Савченко А. Л. Конструктивні особливості прислівних складнопідрядних речень з'ясувального типу: автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.02.01 / А. Л. Савченко. – Дніпропетровськ, 1999. – 14 с.
6. Слинько І. І. Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання / І. І. Слинько, Н. В. Гуйванюк, М. Ф. Кобилянська. – К.: Вища шк., 1994. – 670 с.
7. Современный русский язык. Синтаксис / под ред. В. А. Белошапковой. – М.: Высш. шк., 1989. – 799 с.

В. А. Омельяненко (г. Днепропетровск)

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ЗАГОЛОВКАХ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТ УКРАИНЫ)

Объектом данной статьи являются парцеллированные конструкции (ПК) как особая коммуникативно-конструктивная единица экспрессивного синтаксиса. Предметом – функционирование ПК в многообразии их типов в структуре газетных заголовков. Материалом для исследования послужили заголовки русскоязычных газет Украины: «Днепр вечерний» (ДН), «Зеркало Недели» (ЗН), «Комсомольская правда» (КП), «Литературная газета» (ЛГ), «Новая газета» (НГ), «Совершенно секретно» (СС), «Украина криминальная» (УК). Общий объём анализируемой выборки составил более 100 единиц.

Актуальность избранной темы обусловливается, с одной стороны, интенсивностью использования парцеллированных конструкций в заголовках русскоязычных газет Украины, а с другой – их недостаточной изученностью в аспекте структурных, функциональных и семантических особенностей. По-прежнему актуальным, по мнению учёных, остаётся и необходимость разработки критериев разграничения парцелляции и смежных с ней конструкций.

Термин *парцелляция* ввёл в лингвистику Ю. В. Ванников в 1960-е годы и тем самым заложил основы теории парцелляции. Учёные по-разному определяют это явление. Вслед за А. Э. Цумаревым, мы будем под парцелляцией понимать интона-

© Омельяненко В. А., 2013

ционное расчленение единой синтаксической конструкции – предложения, в результате которого это предложение предстаёт в виде двух или более фраз [5, с. 6]. Фраза, в которой реализуется структурно господствующая часть предложения, называется базовой; фраза, в которой реализуется структурно зависимая часть предложения (отчленяемая часть) называется *парцеллятом*. Базовая часть и парцеллят (парцелляты) образуют ПК [3, с. 3].

Заголовки, являя собой первый этап восприятия текста, задавая его тему, одновременно в сконцентрированном, обобщённом виде передают основную содержательную идею осуществляемой публикации. Характерно, что в заголовках, структурированных парцелляцией, эти функции строго закреплены за разными структурными частями. Тема публикации передаётся базовой частью, а то, на чём делается акцент, рема, – парцеллятом [1, с. 477]. Например, в статье *«Всё закатали в асфальт. Кроме дорог»* (НГ, 19.07.11) (подчёркнуто мной – В. О.) акцент делается на том, что дороги не асфальтированы.

В современной лингвистике актуален вопрос о разграничении парцеллированной и присоединительной конструкций. Мнения учёных совпадают в том, что в отличие от присоединительных конструкций, выделяемых в рамках одной коммуникативной единицы, парцеллированные конструкции представляют собой два высказывания в рамках единого синтаксического целого. Н. Ю. Шведова отмечает, что при парцелляции происходит «такое вычленение словоформы или словосочетания, при котором этот отчленённый и вынесенный в конец элемент приобретает интонационный контур и самостоятельную нагрузку самостоятельного высказывания» [2, с. 621].

В структурно-грамматическом отношении парцеллят, отчленяемый от базовой части, может являться любой частью речи, например, существительным: «*Собаки тоже считают ворон.* ***Ворами****»* (ДВ, 20.01.12); прилагательным: *«Прославляем Русь.* ***Пересопницкую****»* (ЗН, 16–22.06.12); глаголом: *«Авторитет власти.* ***Пошатнулся****»* (НГ, 14.01.11) и др. Парцеллят может представлять собой **имя собственное**: *«Год кота.* ***Эвелины Бекетовой****»* (ЗН, 29.12 – 14.01. 11).

В контексте общего синтаксического целого парцеллированная часть может быть истолкована как дополнение, выраженное существительным или предложно-падежной группой: *«Цены замерли.* ***Перед очередным прыжком****?»* (ГУ, 24.01.13); определение: «Русский протест. ***Осмысленный!***» (НГ, 10.07.12); обстоятельство: *«Всё у нас будет как у россиян.* ***Только лучше!****»* (КП, 11.01.13). Она может быть функционально равной сказуемому или предикативной группе: *«Тупик мировой экономики.* ***Уже скоро «начнётся»****…»* (УК, 10.07.12), *«Не сидит дома.* ***Ещё и ищет приключений****»* (ГУ, 31.01.13); простому предложению: «*Список открыт. И будет дополнен»* (НГ, 10.12.12), *«Хорошая детская» в России разрушена.* ***И это – угроза общей безопасности****»* (НГ, 10.12.12); придаточному предложению: *«Выйти из социализма.* ***Чтобы вернуться****?»* (ЛГ, 28.11.13.), *«Ежегодно в России исчезают 12 тысяч детей.* ***Которых не найдут никогда****»* (УК, 3.04.12) и т. д.

В современных газетных заголовках парцелляция активно взаимодействует с другими стилистическими приёмами при выполнении единой с ними стилистической функции, т. е. участвует в **стилистической конвергенции** [5, с. 10].

Проанализированный нами материал позволил отметить наиболее частотные случаи совмещения парцелляции с другими стилистическими приёмами, придающими всему газетному заголовку дополнительную экспрессивность. По нашим наблюдениям, с ПК взаимодействуют:

– **присоединительные конструкции**: *«Врач-убийца получил год.* ***А отнял жизнь****. Он вас ещё полечит!»* (УК, 20.02.12);

– инверсия в базовой части заголовка: *«Шанс разобраться был.* ***Но его затоптали****»* (НГ, 24.12.12);

– метонимия, жаргонизм: *«Власть «мочить» не будет.* ***Но и диалог с ней не получится****»* (НГ, 04.04.12). В базовой части заголовка использован прием перене-

сения «по смежности» (представление всего класса вместо его представителя) и жаргонное слово ***мочить*** в значении «жестоко избивать или убивать»;

– риторический вопрос: *«Путешествие домой. **И обратно?»*** (НГ, 15.10. 12);

– риторическое восклицание: *«Русский протест. **Осмысленный!»*** (НГ, 10.07.12);

– каламбур: *«Хамас. **Шалит**. И хочет нового Шалита, но Израиль не откажется от практики обмена одного на тысячу»* (НГ, 20.20.11); Использование каламбура основано на смысловом объединении в одном контексте разных слов, тождественных по звучанию: глагола ***шалить*** в форме 3 лица, ед. ч., наст. в. и фамилии солдата Гилада Шалита, похищенного террористическими организациями, одной из которых была ХАМАС;

– перифраз, риторический вопрос: *«Вторая после «Курска». **И не последняя?»*** (НГ, 23.07.12). В данном заголовке прямое название предмета – подводная лодка «Нерпа», о которой и будет идти речь в статье, заменяется описательным оборотом «вторая после «Курска»;

– антитеза: *«Страна ещё есть. **А Родины уже нет»*** (НГ, 11.07.11), *«Раньше собирались на кухнях. **Сейчас в Сети»*** (НГ, 29.03.11);

– гипербола: *«Ярослав Голованов. **В шаге от космоса»*** (НГ ,13.07.12)

– эллипсис: *«Кости в супе. **А здесь – останки»*** (НГ ,17.05.11);

– анафора: *«Александр СОКУРОВ: Политика вранья – это прошлое. **Это яма. Это грех»*** (НГ, 15.06.12) (подчёркнуто мной – В.О.);

– синтаксический параллелизм: *«Медведица ушла. **Беда осталась»*** (НГ, 20.06.12), с эллиптированным сказуемым – *«Тимошенко попала в СИЗО. **Янукович – в ловушку»*** (НГ, 6.09.11).

Нередко парцеллированные конструкции предваряются **приёмом обманутого ожидания**: *«У Полонского есть миллиард! **Долгов»*** (НГ, 15.11.11), *«Защита детей. **От людей»*** (НГ, 2.06.11).

Часто ПК меняет смысл фразы: *«Мария Примаченко. **В мире животных»*** (ЗН, 21-27.12.12). В парцеллят выносится тема картин художницы М. Примаченко. Без использования парцелляции смысл заголовка был бы иным: «Мария Примаченко в мире животных».

К инновационным приёмам создания парцеллированных структур можно отнести приём, который мы предлагаем назвать ***внутрисловной***, или ***графической***, ***парцелляцией***. Его суть заключается в том, что графически отсекается с помощью точки часть слова, например: *«Проф. **Непригодность»*** (НГ, 19.11.12).

Усиливает экспрессию ***многоточие***. Если оно стоит между базовой частью и парцеллятом, то указывает на неожиданный переход ко второй части заголовка: *«Партия регионов начинает… **і отримує»*** (ЗН, 25.05-1.06.12). Если стоит в конце, то обозначает незаконченность речи или намеренное интригующее умолчание (апосиопеза): *«Наталья Васильевна вышла на работу. **И затем взяла больничный…»*** (НГ, 18.03.11).

Излюбленным приёмом журналистов, к которому они обращаются при создании заголовка, является прием аллюзии, или прецедентности, заключающийся в отсылке к общеизвестным фактам, историческим событиям, литературным произведениям и т. д. Например, в основу заголовка *«Какие люди! **И из охраны…»*** (НГ, 27.03.12) положена трансформированная цитата из фильма «Москва слезам не верит»: «Какие люди, и без охраны!»; *«Казнить. **Нельзя помиловать»*** (НГ, 15.05.12) – благодаря парцелляции разрушается амфиболия известного крылатого выражения «Казнить нельзя помиловать».

В пределах парцеллированного заголовка прецедентность может совмещаться с разными стилистическими приёмами, например:

– метафора, инверсия, прецедентность: *«Вас можно спасти. **Но бюджет этого не вынесет»*** (НГ, 30.06.12), для создания метафоры «бюджет не вынесет» использован приём перенесения действия, свойственного живому предмету, на не-

живой. В аспекте прецедентности заголовок апеллирует к названию кинофильма «Боливар не вынесет двоих»;

– **прецедентность, риторический вопрос**: *«Подскользнулся. **Упал**. Очнулся – производственная травма?»* (КП, 25.01.13). Данный заголовок – лексически и синтаксически трансформированная цитата из фильма «Бриллиантовая рука».

Как видим, ПК в газетном заголовке используется как стилистический приём и представляет собой средство выделения, усиления наиболее важных моментов предложения, то есть является средством создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра. В заголовках с парцелляцией представлен весь текст, но как бы в свёрнутом виде, что значительно облегчает понимание этого текста. Стоит согласиться с мыслью Г. Н. Рыбниковой о том, что «парцелляция – только один из многих приёмов в системе средств речевой экспрессии, но при умелом её использовании она может окрашивать речь такими оттенками, которые невозможно передать никакими другими средствами» [4, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашина В. М. Газетный заголовок и когнитивная обработка текста (современные газетные публикации) / В. М. Абашина // Rossica Olomucensia XXXУШ (Za rok 1999). 2 cast – Olomouc, 2000. – С. 473–481.
2. Грамматика современного русского языка / отв. ред Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
3. Копнина Г. А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 569 с.
4. Рыбакова Г. Н. Об использовании парцелляции в комических и сатирических текстах. – Краснодар, 1986. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, № 26059.
5. Цумарев А. Э. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. дисс. … канд. филол.наук. – М., 2003. – 25 с.

А. В. Онанченко (г. Днепропетровск)

НЕОЛОГИЗМЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Развитие общества, укрепление международных отношений, а также научно-технический прогресс свидетельствуют о необходимости детального изучения терминологии такой научной дисциплины, как переводоведение. Ввиду того, что переводоведение относительно новая наука, но уже прошедшая, согласно С. В. Гринёву-Гриневичу, 4 этапа развития [3, с. 256], отечественные лингвисты и переводоведы не оставляют попыток изобрести новые термины для точного обозначения и дифференциации понятий переводоведения в русском языке.

В нашем докладе мы рассмотрим переводоведческие термины-неологизмы с точки зрения диахронического развития.

В «Большом энциклопедическом словаре» В. Н. Ярцевой неологизмы (от греч. neos – новый и logos – слово) характеризуются как «слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз («окказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [1, с. 331].

Термин **«единица перевода»** (unite de traduction) впервые появился в книге «Сравнительная стилистика французского и английского языков» (1958 г.) лингвистов Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне и определялся как отрезок высказывания (текста), не поддающийся дальнейшему дроблению при переводе.

Вскоре после выхода книги термин был заимствован языковедами других стран, но при более глубоком изучении отрасли возникали новые варианты термина. Например, в пособии З. Е. Рогановой единица перевода называется **«транслемой»** (единица исходного текста) [6, с. 30]. Однако уже в то время единицей перевода было принято считать сверхфразовое единство, поэтому неологизм «трансема» неточно передавал теоретические основы перевода, возможно, поэтому и не был принят в широком кругу переводоведов.

© Онанченко А. В., 2013

Попытки ввести термин «транслема» в терминологическую среду переводоведения продолжаются до сих пор. Так, например, в своей статье М. В. Рябова утверждает, что «транслема – это единица оригинального текста» [7], следуя позиции З. Е. Рогановой.

В «Теории перевода» В. В. Сдобников не разграничивает понятия единица перевода, транслема и переводема. Он отмечает, что «в целях адекватного описания процесса перевода необходимо уяснить, какие именно единицы выступают в качестве тех сегментов, которыми оперирует переводчик, то есть что именно является «единицей перевода» (терминируемой также как **«переводема»** или **«транслема»**)» [8, с.191].

Впервые термин **«переводема»** использует В. Н. Комиссаров, который утверждает, что переводемой может быть какая-либо уже выделяемая в языкознании единица или совершенно особая, «собственно переводческая единица» [4, с. 186]

В словаре Нелюбина «переводема» также определяется как единица перевода, но без дальнейших пояснений и комментариев.

Обратившись к переводоведческому словарю Нелюбина, мы обнаружили закономерность образования неологизмов, обозначающих единицу чего-либо, в терминах **графема, морфема, лексема, фонема, поэтема, кинема**, **переводема, проксема, семема, рема** [9]. Эти типичные для лингвистической терминологии слова имеют элемент «-ема», полученный намеренным переразложением. Общим для этих терминов является то, что все они представляют собой единицу, минимальную часть какой-то системы: **графема –** основная единица, входящая в систему письма того или иного языка; **кинема** – эмическая единица кинесики: выразительное, законченное и самостоятельное (отличное от другого) мимическое, жестовое или фиксированное (поза) телодвижение; **поэтема** – слово или словосочетание, характерное для поэтического произведения и малоупотребительное в обыденной речи; **проксема** – эмическая единица проксемики, т. е. единица пространства, это пространственный фон реализации вербального и невербального коммуникативного поведения.

Исследуя неологизмы в терминосистеме переводоведения, и в частности термины с компонентом «-ема», можно заметить, что в теории перевода соотношения элементов оригинала и перевода изучается с точки зрения проблемы выделения единиц перевода. В современном переводоведении мнения по данной проблеме лишь частично совпадают. Поскольку термины «переводема» и «транслема» не так широко используются как понятие «единица перевода», можно считать их неологизмами. В связи с частым обращением к этим терминам в работах лингвистов существует высокая вероятность того, что термины выйдут за рамки неологизмов и станут общепринятыми терминами в профессиональной среде переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
2. Витренко А. Г. Что же всё-таки такое единица перевода / А. Г. Витренко. – Режим доступа : http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-16
3. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
4. Комиссаров В. Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе) / В. Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
5. Нуриев В. А. Единица перевода, единица ориентирования, переводема: различные подходы к определению одной категории / В. А. Нуриев. – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/edinitsa-perevoda-edinitsa-orientirovaniya-perevodema-razlichnye-podhody-k-opredeleniyu-odnoy-kategorii
6. Роганова З. Е. Перевод с русского языка на немецкий / З. Е. Роганова. – М.: Высш. шк., 1971. – 208 с.
7. Рябова М. В. Художественный перевод в свете идеи делакунизации / М. В. Рябова. – Режим доступа : http://elibrary.ru/
8. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 445 с.
9. Толковый переводоведческий словарь / гл. ред. Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

Т. Ф. Осіпова (м. Харків)

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ «НЕВЕРБАЛИКИ»: ІННОВАЦІЙНІ СЛОВОТВІРНІ ТЕНДЕНЦІЇ В СИСТЕМІ МОВОЗНАВЧОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Процеси організації нових знань, як відомо, загострюють термінологічну проблематику в мовній системі. Витоки української термінології від онтологічних студій Києво-Могилянської академії, філософії мови О. О. Потебні, І. Я. Франка та лабораторій І. Г. Верхратського, національної мовної концепції І. І. Огієнка спрямовують термінологічні пошуки в напрямках, зумовлених розвитком сучасної мови, підпорядковуючи їх загальним законам і правилам цього розвитку. «Термінологія – категорія змінна. Вона «генетично» залежна від відповідної науки, її розвитку, через те постійно повинна переглядатися для того, щоб термін найточніше передавав суть понять, їх місце у системі, а водночас щоб новостворені чи запозичені терміни органічно пов'язувалися з наявними, не порушуючи «оригінальності та стрункості» кожної конкретно взятої терміносистеми (див. про це: [7, с. 98; 1, с. 247]). Виникнення нових термінів і терміносполучень супроводжується, як правило, критичним до них ставленням, оскільки привертає увагу не тільки фахівців, але й філологів: «Перші слідкують за тим, щоби новий термін відповідав своєму призначенню, другі пильнують знову, щоби нововведений термін відповідав своїми вимовою й формою правилам нашої народної мови» (див. про це: [7, с. 124; 8, с. 1]).

Питання унормування української термінології досліджують сьогодні І. Вихованець, К. Городенська, Н. Іваницька, М. Мірченко, В. Ожоган, М. Скаб, В. Шинкарук та ін., охоплюючи «розмаїття опрацьовуваних проблем, і за їхньою актуальністю, особливістю розкриття, послідовністю репрезентованих ідей» [2, с. 15]. У зв'язку з цим А. Загнітко наголошує на необхідності застосування різнобічних методів і методик їх осмислення, оскільки «їхнє розуміння вимагає від адресата не тільки знання загальної теорії, але й належного власне-авторського підходу до тлумачення того чи іншого поняття. У цьому розрізі очевидним є і застосування усталених дефініцій для тлумачення певного поняття, і підведення під відповідний вимір тих чи інших мовних явищ» [2, с. 15].

Комунікативна лінгвістика – наука досить молода, але на сьогодні має розгалужений термінологічний арсенал. Комунікативна термінологія закріплена в наукових розробках, усталена в ґрунтовних наукових працях, натомість розпорошена в різноманітних галузевих словниках, зокрема навчально-популярних; відсутність лексикографічних джерел відповідним чином негативно впливає на розвиток фахової термінології.

Актуальність цієї наукової розвідки вмотивована необхідністю уточнення термінологічної мікросистеми невербальної комунікації, зокрема номінації *невербаліка*, активної на сьогодні і такої, що претендує на роль гіпероніма відносно гіпонімів – конкретних параметрів невербальної комунікації.

Різноаспектність дефініцій та стилістичних характеристик зазначеної номінації потребує її детального аналізу. Номінацію *невербаліка* ототожнюють із поняттям «невербальне спілкування» – це передусім рухи, міміка, жести та інші немовні знаки, які людина свідомо використовує для передачі інформації; водночас вчені наголошують, що в такому разі поза межею залишаються підсвідомі вияви невербальної комунікації (див.: [5]), зокрема *фізіогноміка* (симптоматичні знаки зовнішності), *параметри паралінгвістики* (вокальні властивості голосу), *проксеміки* (простір та дистанціювання), *одорики* (запахи) тощо. У контексті психологічних та комунікативних практикумів *невербаліка* набуває таких дефініцій, як: «мова жестів, поглядів», «мова тіла», «мова зваби», «мова розпізнавання намірів» і т. ін., що більшою мірою пов'язане зі свідомим використанням невербальних, переважно кінетичних, засобів.

© Осіпова Т. Ф., 2013

Поза увагою – інші, як уже зазначалося, не менш інформативні невербальні параметри. Отже, змістове наповнення номінації не є довершеним.

Поряд із *невербалікою* функціонує термін *паралінгвістика*, який у фокусі поглядів деяких учених набуває ознак родового (гіперонімічного) плану: «У вітчизняній традиції поняття й термін *паралінгвістика* набуло зразу кількох інтерпретацій, від дуже вузької до занадто широкої (…) під цим словом розуміють широку сферу знань, що увібрала в себе майже все, що сьогодні залучають до невербальної семіотики загалом» (див. про це: [4, с. 26]). Однак, підтримуємо позицію Г. Крейдліна стосовно розуміння паралінгвістики як науки про додаткові до мовлення звукові коди, що є складниками комунікації, спроможними передавати певну смислову інформацію [4, с. 27]. Уважаємо, що термін *невербаліка* виражає ширше за смислом поняттям, ніж *паралінгвістика*, оскільки узагальнює видові змістовні ознаки, а отже, може претендувати на роль гіпероніма в мікросистемі параметрів невербальної комунікації.

Невербаліка як термін привертає увагу філологів і своїм стилістичним забарвленням. На одному з лінгвістичних форумів авторові цієї статті було висловлено зауваження щодо некоректного використання термінології і кваліфіковано зазначену вище номінацію як *жаргонізм*.

Виходячи зі стилістичного визначення жаргонізму, констатуємо відсутність яскраво вираженого соціального чинника в характері номінації, низький ступінь метафоричності назви, оскільки вона зберігає основний зміст складного терміна і є достатньо прозорою. Беручи до уваги існування такого поняття, як *професійний жаргонізм*, під яким розуміємо набір спрощених, скорочених або образних слів на позначення понять, що використовуються особами, об'єднаними певним видом занять, і служать для спрощення спілкування та взаєморозуміння, зазначимо, що за своєю специфікою термін як лексична одиниця також має обмежену (наукову) сферу вживання і так само використовується особами певного (наукового) кола з такою самою метою [6, с. 21].

Щодо наявності деякого «усно-розмовного» забарвлення, то його мотивує власне узагальнювальна функція номінації, що сформувалась відповідно до *законів мовної логіки*, *універсального закону аналогії.* Як зазначає Т. Космеда, «одним із основних постулатів теоретичної лінгвістики традиційно залишається вчення про те, що мова „живе", а „жити" – значить змінюватися, не залишаючись у попередньому стані. Мова, як і будь-який інший живий організм, постійно розвивається, збагачується, удосконалюється. Представники Празького лінгвістичного гуртка назвали цей процес «гнучкою стабільністю» [3, с. 79–80].

Зіставлення номінації *невербаліка* (невербальні параметри комунікації) із такими професіональними жаргонізмами, як *машина* (комп'ютер)*, баранка* (кермо)*, пушка* (мікрофон, вбудований у відеокамеру)*, скетч* (наметки, графічне зображення малюнка)*, колл* (дзвінок у скайпі) за ступенем образності, експресивності, кодованості, дає змогу висновкувати про її суттєве стилістичне дистанціювання від зазначеного типу мовних одиниць і спрямовує цю наукову розвідку в площину лексико-граматичних інновацій.

Характерною для української мови тенденцією розвитку є регулярний і продуктивний спосіб словотворення шляхом згортання словоформ з метою економії мовних засобів, порівн.: *гречана, манна крупа – гречка, манка; готівкові кошти – готівка, кредитна картка – кредитка* і т. ін.

Якщо розмірковуати про термінологічний апарат невербальної комунікації, то подібні словотвірні моделі спостерігаємо й тут, порівн.: *кінетичні параметри – кінесика, проксемічні параметри – проксеміка,* за аналогією – *хронеміка, одорика, гастика, такесика, просодика, екстралінгвістика.* Зазначені видові терміни презентують розгалужену систему невербальних засобів спілкування, що узагальнюються родовим поняттям: параметри невербальної комунікації – *невербаліка*.

Усічення терміносполучення «невербальні засоби (параметри) комунікації» до однослівної форми *невербаліка* відбувається за законами аналогії як одного з природних законів розвитку мови. Зазначену тенденцію теоретично описують О. С. Ахманова, Є. А. Карпіловська, Н. Ф. Клименко, А. М. Нелюба та ін.

Існує ще один аргумент на користь номінації *невербаліка* – це контекст її наукового використання. Сучасна лінгвістика спрямовує наукові пошуки в прагматичне річище; дискурсивний аналіз мовних одиниць виявляє нові філіграні форми і смислу, окреслює самобутність мовної особистості. Невербальні засоби комунікації репрезентуються в мовленні як відповідні коди, що потребують належного ступеня комунікативної компетенції для адекватного декодування інформації. Саме комунікативна компетенція розмежовує лінгвістику й комунікацію, оскільки є ключем декодування задуму мовця, вкладеного в повідомлення. Комунікативні смисли, утворені внаслідок «омовлення» *невербаліки* (*«вербалізації невербаліки»*) поглиблюють комунікативну й мовну компетенцію учасників спілкування, розширюють мовний і комунікативний досвід. Зазначена дискурсивна методика перебуває на шляху становлення і потребує відповідного термінологічного забезпечення, зокрема терміносполуки **«вербалізація невербаліки»** як базової.

ЛІТЕРАТУРА

1. Вікул М. Зауваження до Вернерової термінології комплексних сполук / М. Вікул // Зб. математ.-природописно-лікарської секції НТШ. – 1930. – Т. 28–29. – С. 247.
2. Загнітко А. П. Доцентрово-відцентрові тенденції в сучасній термінології синтаксису / А. П. Загнітко // Українська термінологія і сучасність : зб. наук. праць. Вип. VII / [відп. ред. Л. О. Симоненко]. – К.: КНЕУ, 2007. – С. 12–18.
3. Космеда Т. А. Риторика українців: порушення норми як мовна гра / Т. А. Космеда. // Studia Ukrainica Posnaniensia / red. Tetiana Kosmeda. – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2013. – С. 79–80.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная симиотика : Язык тела и естественный язык. / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
5. Психологос. Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс] / гл. ред. Н. И. Козлов. – Режим доступа: http://www.psychologos.ru/articles/view/neverbalika
6. Симоненко Л. О. Лінгвістичні проблеми унормування наукової термінології / Л. О. Симоненко // Українська термінологія і сучасність : зб. наук. праць. Вип. VII / [відп. ред. Л. О. Симоненко]. – К.: КНЕУ, 2007. – С. 21–25.
7. Українське термінознавство : підручник / І. М. Кочан, Г. П. Мацюк Т. І. Панько. – Львів : Світ, 1994. – 216 с.
8. Чайковський А. В справі нашої письменницької мови / А. Чайковський // Рідна мова. – 1933. – Ч. 1. – С. 1.

Н. В. Павлик (м. Бердянськ)

ПОРТРЕТНИЙ ОПИС В ІДІОСТИЛІ ВАЛЕР'ЯНА ПІДМОГИЛЬНОГО

У сучасній лінгвістиці спостерігається зацікавлення функційним підходом до вивчення тексту, що використовується для аналізу мови та ідейно-тематичного змісту художніх творів. Увага дослідників зосереджується на семантиці та формальному вираженні мовної одиниці як структурного компонента тексту. При цьому актуалізується те її функціональне значення, яке найбільше відповідає певному різновиду мовлення. Тому наукова робота, присвячена вивченню мовностилістичних ресурсів портретних описів у прозі одного з видатних прозаїків українського «розстріляного відродження» Валер'яна Підмогильного, мовотворчість якого, на жаль, довгий час лишалася поза увагою вітчизняної лінгвістичної науки, видається нам досить актуальною і своєчасною. Мета статті – розглянути композиційно-мовленнєві особливості створення портретного опису в оповіданнях обраного нами письменника.

© Павлик Н. В., 2013

У лінгвістичній літературі опис визначається як композиційно-мовленнєва форма, що характеризується послідовністю відтворення логічних зв'язків між явищами, поняттями, фіксацією зорових спостережень, об'єктивністю викладу тощо [3, с. 115]. Завдання опису полягає у зображенні низки ознак осіб, явищ, предметів, подій, місцевості та ін., відібраних автором відповідно до задуму та прагматичної настанови [6, с. 137]. Традиційно виділяють такі види опису: *антропоморфні* (портрет), пов'язані з характеристикою людини (як зовнішнього вигляду, так і психологічних, якісних, індивідуальних рис особи, її душевного стану, дій, звичок, міміки, жестів тощо), *предметні*, *просторово-часові* (пейзаж, інтер'єр тощо) (Т. Насалевич); *подієві,* пов'язані з описом подій (Г. Солганик). Деякі вчені (М. Брандес [2, с. 83]; Т. Насалевич [4, с. 5] та ін.) до описів зараховують так звані характеристики, які розкривають не лише зовнішні риси, а й внутрішні якості людини.

Що стосується літературного портрета, то його витлумачують як опис зовнішнього вигляду персонажа, характеристику його індивідуальних рис, моральних якостей, внутрішнього психологічного стану, поведінки, міміки, жестів тощо, що є одним із засобів створення художнього образу.

Аналіз лінгвістичної літератури (Г. Солганик [6], М. Брандес [2], Г. Старикова [7], Т. Насалевич [4], Н. Бохун [1] та ін.) і результати комплексного дослідження композиційно-мовленнєвої структури портретних описів, виявлених в оповіданнях Валер'яна Підмогильного, дозволили класифікувати портрети за такими ознаками:

1) за об'єктом портретного опису:

– опис зовнішності персонажа твору, наприклад: *«Її очі заглибились, повіки здовжились, бліде обличчя під пасмами виткого волосся набуло дивної гострої краси. Риси її мовчали, і вона любила, їй насолодно було оповити голову тонкими пальцями, схилитися, слухати раптового треммтіння свого тіла й навколишньої тиші»* [5, с. 222];

– опис кінетичних характеристик (жестів, міміки, постави, манер), наприклад: *«Вона випросталась і стала страшна. Безсила злоба й ненависть засмикали її обличчя»* [5, с. 174];

– опис мовлення, тембру голосу, манери говоріння тощо, наприклад: *«Обличчя її перекосилось, і з реготу вона почала вити, не стримуючи себе, на повний голос»* [5, с. 175];

– внутрішній портрет, тобто опис рис характеру, інтелекту, почуттів, вчинків та переживань героя, наприклад: *«Він був, як людина, що підняла надмірну вагу; в йому не було ні сили, ні думки живої – все те покошене, потоптане і вітром рознесене»* [5, с. 154];

– опис соціального стану, наприклад: *«Проти уявлення Олеся комісар був інтелігентна на вигляд людина, не обірваний і обшарпаний, а вдягнений в захисного кольору вбрання, з револьвером і шаблею»* [5, с. 52];

2) за будовою та обсягом описового матеріалу виокремлено:

– цілісний, або автономний портрет, який містить докладний, розгорнутий опис персонажа, наприклад: *«Він несподівано з'являвся в степу чи на шляху, чи вийшовши з-за могили, чи випроставшися з яру, високий, кремезний, без покриття, в лахмітмтях, що окривали його загрубіле тіло і груди, порослі густим волоссям, босоніж, рудий, із настовбурченою бородою й патлами, що падали йому на плечі і спину. А в руках у нього був коструватий кийок, що він його стискував і торсав»* [5, с. 131];

– фрагментарний неповний портрет, у якому актуалізується значуща, з погляду автора, ознака, наприклад: *«Даремно отаман загону,* ***вродливий і кремезний осавул Дудник****, переконував їх озброїтись і сполучитись з ними…»* [5, с. 46]; *«– Вставай! – гукнув на Олеся один з них,* ***молодий, зі злими очима й маленькими вусами****…»* [5, с. 49];

– включений до структури неописового тексту елемент портретного опису, на який припадає особливе символічне навантаження, наприклад: *«Тітка тискала його руку, але її слова були Сергієві чужі:* ***тітка була така сама руїна, як і місто****»* [5, с.159];

3) за кількістю персонажів, включених у портретний опис, розрізняють моно- та групові портрети. Обстежений текстовий матеріал засвідчив, що письменник надає перевагу монопортретам: *«Тиміш бачив, що стара істота схилилась на край столу й пильно дивиться на нього; на ній накинута була лише одна сорочка, змокріла від поту; сорочка прилипла бабі до тіла і немов навмисно на показ виставляла гострі маслаки її костистого тіла…»* [5, с. 76];

– зрідка зафіксовано групові портрети двох осіб одночасно чи більше, наприклад: *«Обличчя в них стали довгасті й поблідли; іноді на їх проблискувало шаленство, а в широко розплющених очах світилось щось тупе й дике… Ваня вже харчав від притоми, задихувався й ледве стояв на ногах; Митька тільки одсапував і раз по раз ковтав слину»* [5, с. 63]; *«Це була сіра юрба подертих пальт, засмальцьованих кашкетів, шапок, нечищених черевиків і військових гетр. Люди були різні на зріст і віком, а разюча печатка одномасності лежала на них, робила їх однаковими, як голих у лазні»* [5, с. 218];

4) за динамікою і характером викладу в оповіданнях спостерігаються:

– статичні портретні описи, у яких увага зосереджена на обличчях героїв, їх зовнішньому вигляді, що здебільшого є постійними, незмінними, наприклад: *«На його глянули байдужі загусклі очі з жовтого, аж синього обличчя; над очима, ковтуном збившись, звисало нечесане сиве волосся, а посередині безладною діркою чорнів розтулений рот»* [5, с. 146];

– динамічні портретні описи, які разом із розвитком сюжетних ліній фіксують трансформацію у зовнішніх рисах чи внутрішньому психологічному стані персонажів або ж пов'язані з відтворенням кінетичних характеристик, наприклад: *«Галька здивовано слухала його, коли Тиміш проказав останні слова, вона аж здригнулась і відсахнулась від вікна. Тому-то обличчя її вмент потемніло, згасли блискучі очі, губи й щоки змарніли, а місячний промінь без найменшого згуку сковзнув у повітрі, впав додолу й завмер»* [5, с. 80].

Серед мовноструктурних ресурсів, що беруть участь у створенні портретних описів персонажів в оповіданнях Валер'яна Підмогильного, особливе смислове навантаження припадає на лексичні засоби, зокрема традиційні для аналізованого функційного типу мовлення тематичні групи лексики: соматичну – позначає тіло людини та його частини, вестиальну – включає назви одягу, взуття тощо і кінетичну – передає міміку, жести, поставу героїв (Г. Старикова, Н. Бохун), наприклад: 1) *«Жага розпекла його хінське обличчя, витягнула довгі руки й подвоїла горб на спині. Літун був зігнутий, голова його одхилилася назад, і очі безтямно дивились»* [5, с. 188] – у цьому уривку увага акцентована на соматемах ***обличчя, руки, горб на спині, голова, очі***; 2) *«Павлусь був у білій сорочці з розстебнутим коміром. Виступала дужа, засмагла шия, рукава сорочки закасано по лікті – і руки так само засмаглі»* [5, с. 198] – у виділеному контексті візуальний портрет героя створюється за допомогою соматем ***шия, руки, лікті*** та вестем ***біла сорочка з розстебнутим коміром, рукава сорочки***; 3) *«Всі дивились пильно на Босого, що його постать, затьмарена присмерком, виросла в велетенську скибу, побільшена розпеченою уявою та величним рухом, що ним він підніс догори свої руки»* [5, с. 134] – тут для опису постави та жестів героя слугують кінетеми ***постать, рух*** тощо.

Оскільки завдання літературного опису полягає в яскравому й образному змалюванні персонажів твору, то цілком логічним є використання в обстеженому текстовому матеріалі художньо-виражальних засобів мови. Зокрема, при створенні прокоментованих портретних описів актуалізуються:

– дескриптивні (описові) та кваліфікативні (оцінні) прикметники, які увиразнюють зовнішній вигляд персонажа та поглиблюють характеристику його індивідуальних рис: *«Він був **не дурний**, але й **не дуже розумний**; **розумний**, власне, остільки, щоб розуміти, що він **поганий**, **нецікавий** і нікому **не потрібний**»* [5, с. 44]; *«Вона була **товста**, **неохайно вбрана**, з **грубими** рисами обличчя. Тільки очі були **тужні** й*

*здавалися **гарними**»* [5, с. 128]; *«Вона **білява**, **заквітчані** коси, **мовчазна** з краси, **довірлива**, **гнучка й задумана**»* [5, с. 178];

– порівняльні конструкції, компонентами яких часто виступають емоційно-забарвлені або оцінні лексеми: *«…**блідість, як у мертвяка**, покрила його обличчя»* [5, с. 59]; *«…**черстві груди, сухі й зморщені, як старі черевики**»* [5, с. 76]. Прикметною особливістю порівнянь є контрастне зображення зовнішніх рис персонажів, як, наприклад, в оповіданні «Військовий літун»: *«Він був **низький на зріст, з горбом на спині й мав надміру довгі, як у мавпи, руки**… А Галочка була така **ясна**, така **повна життя**! Сергій почував себе **пусткою** перед нею…»* [5, с. 160]. Також у функції порівняння виступають зооніми переважно з негативною семантичною оцінкою портретної характеристики персонажів: *«людей, схожих на **волів**»* [5, с. 46] та елементи природи чи навколишнього світу: *«…і знову він був мов **лист осінній, в'ялий, жовтий і безпорадний**»* [5, с. 154]; *«він був, як **високе дерево**…»* [5, с. 164];

– ампліфікація дієслів, які вказують на стан предмета чи явища в момент спостереження за ним; у такому випадку спостерігаємо нанизування однотипних присудків, що виступають маркерами психологічного настрою та внутрішнього стану людини: *«Обличчя його, поросле густим чорним волоссям, **кривилось**, очі **починали бігати**, немов шукаючи, куди можна сховатись, а злість **підлазила** до горлянки і якось раптом **стискувала** її»* [5, с. 74];

– метафори, метою яких є посилення образного сприйняття портретного опису або вияв авторського ставлення до персонажа, наприклад: *«…а обличчя, де в густих зморшках зачаївся звір, мовчало про усміхи та вроду»* [5, с. 158].

Отже, портрет у літературному творі – це опис зовнішнього вигляду персонажа та характеристика його індивідуальних рис, моральних якостей, внутрішнього психологічного стану, поведінки, міміки, жестів, що є одним із засобів створення художнього образу. Серед найбільш значущих вербальних одиниць, виділених у проаналізованих творах Валер'яна Підмогильного, укажемо на дескриптивні (описові) та кваліфікативні (оцінні) прикметники, порівняння, метафори, ампліфікацію однотипних лексем тощо.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бохун Н. В. Мовностилістичні особливості створення портрета персонажа в іспанській художній літературі XIX–XX століть : автореф. дис. … канд. філол. наук : 10.02.05 «Романські мови» / Н. В. Бохун. – К., 2007. – 20 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс : [учебник] / М. П. Брандес. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
3. Єрмоленко С. Я. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / С. Я. Єрмоленко, С. П. Бибик, О. Г. Тодор. – К.: Либідь, 2001. – 224 с.
4. Насалевич Т. В. Портретний опис у різних типах тексту : автореф. дис. … канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Т. В. Насалевич. – Одеса, 2003. – 16 с.
5. Підмогильний В. П. Оповідання. Повість. Романи / Валер'ян Підмогильний. – К.: Наук. думка, 1991. – 800 с.
6. Солганик Г. Я. Стилистика текста : [учеб. пособ.] / Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 1997. – 256 с.
7. Старикова Г. В. Лексика портретных описаний : автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Г. В. Старикова. – Ленинград, 1984. – 16 с.

С. Ю. Пампура (г. Славянск)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНТИЧНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Для успешного овладения любой наукой необходимо знание ее истории. Наука о языке не сформировалась сама по себе, ее становлению предшествовал ряд предыдущих научных традиций. Любая попытка выдвижения новой этимологии предполагает обращение к языковому материалу, естественно, прежде всего к примерам, засвидетельствованным в наиболее ранних текстах, и не только к самому рассматриваемому слову, но и к его контекстам, из которых, как правило, всегда можно из-

© Пампура С. Ю., 2013

влечь дополнительную информацию о семантике этого слова, во всяком случае, о его смысловых предрасположенностях [6, с. 184]. Поэтому изучение проблем этимологического толкования слов в самые давние времена является актуальным и необходимым для успешного развития современных этимологических исследований.

Тайна происхождения языка и разнообразия языков, вопрос о возникновении названий предметов в разных языках интересовали человечество испокон веков. Многочисленные свидетельства этого найдены в мифологии народов древнего Близкого Востока, в которых находила свое выражение вера в сотворение языка богами. Конечно, эти попытки нельзя отнести к научным исследованиям языка, но первые шаги к решению вопроса о том, откуда и как возникли слова, были сделаны еще в самые давние часы.

Попытки осмысления значений слов наблюдаются, начиная с Гомера и Гесиода. Этот вопрос интересовал уже Гераклита и Демокрита. В этимологическом анализе слова ученые искали объяснение природы предмета. Первой работой, в которой рассматривается эта проблема, является диалог Платона «Кратил», который, независимо от того, какие намерения были у его автора, кладет начало языкознанию, в первую очередь этимологии. Дискуссии давних греков о природе имен (*physei* ‘по природе’ или *thesei* ‘по договору’) стали источником для формирования древнейшей в Европе философии языка [3, с. 10].

Весомый вклад в формирование основ лингвистической теории внесли философы эллинистического периода (III – I вв. до н. э.), особенно представители стоической школы (Зенон, Хрисипп, Диоген Вавилонский). Придерживаясь мнения, что слова «изначально истинны», то есть отвечают действительной сути обозначаемых ими вещей, и что, анализируя слово, можно проникнуть в саму суть вещи, стоики поставили задачу найти истинную сущность слов – этимон. Это способствовало появлению новой области в языкознании – этимологии (этимологики) или науки об «истинном значении» слов (ετυμολογίας είσάγουσιν). Необходимо помнить, что исследование истории слов, как его понимает современное языкознание, не было целью древних философов, ведь для этого у них не было никаких средств. Они еще не замечали закономерностей в сфере звуковых изменений, не имели понятия об аналитическом методе, основное их внимание было приковано к семантической стороне языковых явлений. Они занимались лишь поиском определенных ассоциаций, которые соответствовали их представлениям, вложенным в определенные слова, и таким образом доказывали их «истинность». Их невнимание и равнодушие к изменениям языка во времени и к отличиям между конкретными языками принесли этимологии дурную славу, которая была развеяна только с возникновением сравнительно-исторического языкознания. Однако, они положили начало этимологии; в отличие от своих предшественников стоики внесли определенную системность в проблему изменения значения слова, пытались выявить правила, на основе которых происходит перенос названия с одного предмета на другой [5, с. 19; 7, с. 55].

Под значительным влиянием греческой науки формируется римское языкознание, особого места в котором заслуживает Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.). В своих этимологических исследованиях Варрон придерживается взглядов стоиков. Для него этимология – это часть грамматики, изучающей cur et unde sint verba («почему и откуда появились слова»). Варрон утверждает, что «тот, кто обращает внимание на то, как произошло изменение звуков, легче может проследить происхождение слов». Выделяя три типа слов, а именно «наши», «чужие» и «устаревшие», Варрон указывает, что «про наши я скажу, почему они (образованы), про чужие – откуда они (появились), устаревшие оставлю (промолчу)», указывая, таким образом, на отличия между словами исконными и заимствованными, правильно утверждая, что для первых важно установить, как они появились, а для вторых – откуда они происходят [5, с. 27–28].

Слабыми моментами учения о языке греков и римлян были, с одной стороны, зависимость от философов, что мешало развитию эмпирического направления ис-

следования языка, с другой – тот факт, что интересы того времени ограничивались лишь двумя языками – греческим и латинским. Особенно страдало от такого отношения историческое познание развития языка.

Этимологических методов античных авторов придерживались и в средневековье, когда этимологическая практика мало чем отличалась от практики стоиков. Научная этимология, в основе которой лежит четкое понимание исторического становления языков и исторических отношений между ними, раскрывает в их изменениях закономерности и понимает возможности словообразования в каждой лингвистической системе, появится лишь в XIX в. А до того времени справедливыми кажутся слова Вольтера, согласно которому этимология – это наука, в которой гласные ничего не стоят, а согласные стоят ненамного больше.

Приведенные примеры достаточно демонстрируют ту пропасть, которая разделяет современное языкознание от этимологических поисков древности. Отсутствие сравнения с другими языками, в которых культурные народы видели лишь «варваров», недостаточность данных о других языках, которые замолчали навсегда и забрали с собой разгадки к многим тайнам, значительно повлияли на результаты лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений : учеб. пособие / В. М. Алпатов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
2. Лоя Я. В. История лингвистических учений : матер. к курсу лекций / Я. В. Лоя. – М. : Высш. шк., 1968. – 308 с.
3. Пизани В. Этимология / В. Пизани; [пер. с итальянск. Д. Э. Розенталя]. – М. : Изд-во иностр. литры, 1956. – 188 с.
4. Сусов И. П. История языкознания : учеб. пособие для ст-в старших курсов и аспирантов / И. П. Сусов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – 292 с.
5. Томсен В. История языковедения до конца XIX века (краткий обзор основных моментов) / В. Томсен. – М., 1938. – 160 с.
6. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике / В. Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. 3 : Индийские и иранские языки. Кн. 1. – 2009. – 376 с.
7. Швед Е. В. Історія лінгвістичної думки давнього світу : Індія, Китай, Греція / Е. В. Швед. – Ужгород : Ліра, 2005. – 100 с.

Е. И. Панченко (г. Днепропетровск)

SMS И ТЕЛЕГРАММА: НОВЫЙ ФОРМАТ СЖАТОГО ТЕКСТА

СМС-коммуникация является принципиально новым видом общения, к основным характеристикам которого относятся опосредованность сотовым телефоном; дистантность (разделение коммуникантов в пространстве и отсутствие зрительного контакта между ними); особый способ кодирования информации, связанный с техническими ограничениями канала сообщения (не более 160 символов на латинице и не более 70 символов на кириллице); «устно-письменный» характер речи; личный характер общения; диалогичность (возможность моментального обмена репликами); преимущественно неофициальный характер общения и т. п.

Как отмечает Ю. Венедиктова, «реализуя стремление современных людей к возможности экономически выгодного общения в любое время суток и из любой точки планеты вне зависимости от местонахождения «собеседника», научно-технический прогресс вызвал к жизни абсолютно новое уникальное средство коммуникации, объединяющее в себе функции телефона с его возможностью общения в режиме реального времени и телеграммы с ее письменной краткой формой изложения» [1, с. 20].

Как СМС, так и телеграмма являются сжатым текстом. СМС-текст характеризуется определенным уникальным набором лексических, грамматических и семиотиче-

© Панченко Е. И., 2013

ских характеристик. На формирование этих характеристик СМС-подъязыка решающее влияние оказывает «принцип экономии». Компрессия достигается за счет использования как специфических средств, так и за счет традиционных приемов сокращения. К категории специфических способов сокращения относится применение фонетического принципа орфографии; техники консонантного письма; логограмм; элиминации знаков препинания и пробелов; транслита (в русскоязычных коротких текстовых сообщениях).

К одной из самых ярких особенностей СМС-коммуникации относится включение в текст логографических символов – цифр, букв, буквенно-цифровых сочетаний и типографских знаков, призванных замещать буквы, слоги и даже целые слова. В большинстве случаев логограммы используются для замещения слов или части слов благодаря омонимичности звучания – по принципу фонологической аппроксимации. К наиболее частотным цифрам, характерным для русского СМС-подъязыка, относятся *1 (**1**аковый – **один**аковый), 2 (**2**жды – **два**жды), 3 (смо**3** – смо**три**), 5 (**5**но – **пят**но)* и *7 (**7**естр – **сем**естр)*.

Среди всех типов компрессивов, используемых в СМС-переписке, самую обширную группу представляют инициальные аббревиатуры. Их количество постоянно увеличивается в силу, во-первых, появления все новых и новых сокращений; во-вторых, стремительного пополнения языка аббревиатурами, образованными по механизму аналогии. Во время СМС-общения коммуниканты используют как общепринятые усечения, так и создают новые компрессивы. Инициальному сокращению подвергаются как наиболее частотные слова *(п/П – Привет)* и словосочетания (*со/СО – Стечение Обстоятельств)*, так и целые предложения *(мббил/МББИЛ – Могло Бы Быть И Лучше, ЕМНИП – Если Мне Не Изменяет Память)* – явление, ранее не свойственное русскому языку).

Телеграммы, которые в прошлом представляли собой достаточно распространенный тип общения, в значительной мере утратили свою роль, однако по-прежнему существуют жесткие стандарты их построения. Так, текст телеграммы и подпись отправителя должны быть написаны буквами русского или латинского алфавита. Текст телеграммы излагается кратко, без союзов и предлогов (если при этом не искажается содержание: в частности, отрицание «не» опускать нельзя), с сокращенными обозначениями знаков препинания.

Числа в подаваемой телеграмме могут быть написаны либо цифрами, либо словами. Содержащиеся в тексте телеграммы числовые значения, точность передачи которых важна для пользователя, должны быть написаны отправителем полными словами. Знаки «точка», «запятая» и «кавычки», а также «скобка» могут быть написаны в телеграмме либо полными словами, либо сокращенными словами («тчк», «зпт», «квч» и «скб» соответственно), либо соответствующими символьными знаками.

Знаки «вопросительный знак», «тире» («минус»), «плюс» и «дробная черта» могут быть написаны либо полными словами, либо соответствующими символьными знаками. Знаки «номер», «двоеточие» и «восклицательный знак» могут быть написаны либо полными словами, либо сокращенно («нр», «двтч» и «вскл» соответственно). Другие знаки могут быть написаны только полными словами.

Знаки препинания в виде соответствующих символьных знаков, кроме символьного знака «-», должны быть написаны в телеграммах после предыдущего слова (группы цифр) без интервала. Символьный знак «+» (плюс) между словами, цифрами, группами букв, группами цифр и смешанными группами должен быть написан с интервалом между предшествующим и последующим словом и считаться за отдельное слово.

Все знаки, написанные полным или сокращенным словом, должны быть написаны с интервалом между предшествующими и последующими словами, цифрами и знаками. Так, типичный текст телеграммы выглядит следующим образом:

ПРОСИМ ВЫСЛАТЬ ТЕКСТ ИЗМЕНЕНИЯ НР ОДИН ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ СЕРТИФИКАЦИИ ПРОДУКЦИИ РФ ТЧК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ОАО ТЮМЕНЬГАЗ ЧИГИН.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что сжатые тексты с течением времени и с ускорением темпа современной жизни приобретают все большее значение во всех сферах языка. Исследования в этой области особенно перспективны, как перспективно всё, что связано с новыми технологиями. Очевидно также, что новые средства коммуникации будут и дальше развиваться и совершенствоваться, подгоняемые прогрессом и главным требованием, предъявляемым сегодня к передаче информации (в том числе и вербальной): быстрее, проще, короче.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова Ю. Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук / Ю. Е. Венедиктова. – М., 2011. – 22 с.

С. А. Панченко (Йонг Канг, Китайская Народная Республика)

СРАВНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КОННОТАЦИИ (на материале русского, украинского, китайского и английского языков)

Сравнение является не только лингвистической единицей, но и своеобразной основой познавательной деятельности человека (все познается в сравнении). Сравнение как один из способов осмысления действительности, одна из форм художественного мышления привлекает к себе пристальное внимание языковедов. Без сравнений не может обойтись ни один язык.

По мнению Б. В. Томашевского, действенность сравнения определяет его новизна и распространенность. Относительно распространенности сравнений ученый отмечает два типа: сильно распространенный образ сравнения может становиться законченным и самостоятельным. Такое сравнение в античности называлось «гиперболой»; неполные сравнения, в которых вообще опущен признак [1].

Использование сравнений имеет свои особенности у разных народов, что связано с отличиями в языковой картине мира. С изменением окружающей действительности меняется картина мира, научная картина мира и затем в определенной мере эти изменения отражаются в языковой картине мира, в первую очередь на лексическом уровне, что обусловлено рядом его особенностей в сравнении с другими языковыми уровнями, в частности, более высокой степенью экстралингвистической детерминированности.

Под коннотацией имеются в виду те дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. Слова с одним и тем же референциальным значением нередко имеют неодинаковую коннотацию в разных языках, то есть вызывают у членов разных языковых коллективе различные ассоциации (или не вызывают никаких ассоциаций). Часто она выражается в «причислении» одного и того же понятия к разным классам явлений в силу неодинаковой функции, которую данные понятия выполняют в жизни и быту разных народов, то есть лежит в основе сравнения.

В языке коннотация проникает на все уровни: в ее выражении участвуют лексемы и морфемы, словосочетания и предложения, элементы контекста, способные передать ценностное отношение. Входя в структуру значения вместе с денотативным значением, коннотативное значение качественно отличается от последнего, выражая отношение к обозначаемому путем выбора вполне определенного знака оценки. Конструкции с выраженным оценочным компонентом обнаруживают, таким образом, более сложную структуру, чем неоценочные конструкции. Одна часть этой структуры

© Панченко С. А., 2013

– выражение коннотативного отношения, знака оценки, другая – дескриптивного, констативного содержания. Характерным для коннотации, в том числе и в сравнении, являются фамильярно-сниженные стилистические окраски – иронические, насмешливые, шутливые, выражающие симпатию и нежность. Для усиления эмоционального воздействия высказывания в разговорной речи используются восклицания, ругательства, язвительные сравнения, устойчивые словосочетания.

С точки зрения коннотации сравнений в разных языках, можно наблюдать нейтральные конструкции, которые очень немногочисленны:

(as) different as chalk and (or from) cheese – різні як небо і земля; разные как небо и земля.

В ряде случаев сравнения положительно окрашены, например:

as bold as a lion = as brave as a lion – хоробрий як лев, храбрый как лев;

(as) patient as Job – терплячий як Іов; терпеливый как Иов.

Однако, как показывают наши исследования, в большинстве случаев во всех анализируемых нами языках сравнения оказываются носителями негативной коннотации, например:

as blind as a bat – сліпий мов кажан, слепой как крот.

В китайском языке сравнительный оборот приближается по форме к метафоре, то есть отсутствуют специальные сравнительные союзы. Так, для характеристики прожорливого человека используется конструкция bàn tong, которую можно перевести как *бочка для риса*; девушка с плоской фигурой может быть охарактеризована как *feiji chang (аэропорт)*; человек, который оставляет открытой дверь, входя в комнату, характеризуется сравнительным оборотом *ni you weiba*, что можно перевести как *иметь хвост* (ср. русское *в лифте родился*). Для китайского языка характерны еще две особенности построения сравнений. Во-первых, это развернутое сравнение, большая часть которого утрачена и осталась лишь осколочная часть, понятная всем носителям языка, например *châo yóu yú – жарить рыбу* в значении «увольнять» (уволенный человек, собирающий свои бумаги и другие вещи, то есть сворачивающий их, сопоставляется с жарящейся рыбой, хвост которой поднимается к голове и рыба как будто сворачивается). Бюрократия в учреждении сравнивается с игрой в футбол: выражение *tí píqiú*, которое можно перевести, как *гонять кожаный мяч,* означает бессмысленное хождение по инстанциям. Во-вторых, произношение иероглифов по тонам позволяет обыграть устойчивое выражение и, произнеся его с другими тонами, изменить смысл. Так, подкаблучник сравнивается с человеком, имеющим заболевание легких: *qi guân yán*.

Таким образом, можно отметить, что большинство сравнений в различных языках имеют негативную, критическую коннотацию. Лингвистические способы построения русских, украинских и английских сравнений более разнообразны, Китайские сравнения носят устойчивый, отточенный характер и связаны как с историей, так и с литературными традициями страны. Русские сравнения служат распространенным средством создания произведений разговорных стиля, иронических, стебных. Семантико-синтаксические особенности фигуры сравнения имеют значительный потенциал для создания новых образов и новых стилистически коннотированных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томашевский Б. В. Сравнение / Б. В. Томашевский // Стилистика. – Л.: Наука, 1983. – С. 204–216.

А. В. Петров (г. Симферополь)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ ЗАИМСТВОВАННОЙ ОСНОВЫ *ДЕКОР-*

Осново- и словосложение являются продуктивными способами словообразования в славянских языках, с помощью которых пополняется словарный состав [1]. На современном этапе развития языка увеличиваются производные с заимствованными основами. Например, в русском и украинском языках возрастает продуктивность заимствованных основ-классификаторов, прежде всего греко-латинских (Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, Л. П. Кислюк, И. Кочан, Г. С. Онуфриенко, Ю. В. Романюк). Интенсивно протекает процесс перерождения композитных основ в абброоснoвы и в основы смешанного типа [1]: **асбесто**- → **асбо**-, **алюминиево**- → **алюмино**- и -**алюмин** → **алюмо**- и **алюм-** → -**ал** (*алюминиево-хромовый*, *дюралюмин, алюмель, алюминотермия, алюмотермия, дюраль*) и др. В то же время наблюдается обратная тенденция, ведущая к затуханию ранее активных основ [2]. Освоение заимствований способствует расширению их словообразовательного потенциала, а также приводит к выделению новых основ.

В словосложении русского и украинского языков активны слова, которые конкретизируют специальность; наибольшая частотность характерна для лексических единиц *инженер, техник, механик, менеджер, экономист* [1], в том числе и для русских лексем *виртуоз, мастер, профессионал, универсал*. Словообразовательную продуктивность проявляют группы слов, например, в ряду «названий инструментов» активны субстантивы *автомат, аппарат* и *машина*; «названий места производства» – *комбинат, цех, фабрика*, *ферма* и *фирма*; «места обслуживания» – *бар, кафе*, *ресторан, магазин*; «места культурного обслуживания» – *клуб, музей, театр* [3].

Словообразовательная продуктивность основ прослеживается в границах гнезд. Так, исследование сложных слов позволяет уточнить отдельные положения дериватологии. Например, лингвисты отмечают, что основы непроизводных слов обладают бóльшим деривационным потенциалом, чем основы производных слов. Однако влияние производности / непроизводности на словообразовательную продуктивность слов определяется частеречной принадлежностью: в именах прилагательных деривационную активность проявляют производные различных словообразовательных ступеней. Более того, в гнезде продуктивность той или иной основы зависит от ее морфемной структуры. Продемонстрируем это на примере гнезда с вершиной *декор*.

Основы *декор*-, *декоративно*-, *декорационно*- восходят к фр. décor «архитектурная система, совокупность декоративных элементов». В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой лексическая единица *декор* подается с пометой *спец.* (специальное). Лексема употребляется в составе следующих конструкций: «***декор* + сущ. в р. п.»** (*декор потолка, декор стен*), «**сущ. в и. п. / в. п.+ предлог *с* + *декор* в тв. п**.» (*платье с декором, ваза с декором*), «**прил. + *декор*»** (*резной декор, лепной декор*), «***декор* + предлог *для* + сущ. в р. п**.» (*декор для дома*), «***декор* + предлог *из* + сущ. в р. п**.» (*декор из пенопласта*). Отыменный глагол сочетается с префиксами **за**- (*задекорировать потолок*), **про**- (*продекорировать комод*), **пере**- (*передекорировать комнату*). Активизируются и причастные образования: *декорированный* (потолок, воротнички), «***Декорирующая** машина предназначена для декорирования различных кондитерских изделий: конфет, пастилы, зефира, вафель...*». – Режим доступа: http://ekma.ru.

В современном русском языке основа *декор*- проявляет активность в составе сложных субстантивов, называющих различные компании: «Автодекор», «Декор-

© Петров А. В., 2013

студия», «ПромДекор», студия «Фотодекор». Основа располагается преимущественно в постпозиции: *видеодекор*, *фитодекор*.

В Словообразовательном словаре А. Н. Тихонова в гнезде с вершиной *декор* зафиксировано незначительное количество сложных слов: существительное *кинодекорация*, 6 композитов с основой *декоративно-* и один композит с основой *декорационно-* (*декорационно-постановочный*). В словаре-справочнике Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой зарегистрировано 33 производных с основой *декоративно-* в препозиции и соответственно 10 сложений в постпозиции. В последующие годы лексикографические источники отмечают появление новых композитов с этой основой: *декоративно-новаторский* (НРЛ-86), *декоративно-гримировочный* (НРЛ-91), *декоративно-пейзажный* (живопись), *декоративно-бутафорский* (цех), *декоративно-малярный* (отделка) и др.; *архитектурно-декоративный* (фасадные элементы), *театрально-декоративный* (искусство), *художественно-декоративный (паркет)* и др.

Продуктивность проявляет также адъективная основа **декорационно**-. Так, в словаре-справочнике Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой было отмечено одно производное с этой основой в препозиции (*декорационно-постановочный*) и три – в постпозиции (*кинодекорационный, театрально-декорационный и художественно-декорационный*). С течением времени количество сложений с этой основой увеличивается: *декорационно-живописный* (работы), *декорационно-изобразительный* (материалы), *декорационно-монтировочный* (цех), *декорационно-художественный* (оформление), а также примеры с постпозицией основы: *бутафорско-декорационный* (цех), *изобразительно-декорационный* (оформление), *театрально-декорационный* (живопись), *художественно-декорационный* (цех), *машинно-декорационный* (цех театра).

На базе лексемы *декоративный* сформировалась абброоснова **декор**-: *декор-стекло*, *декоркраски*, *декорпанели*, *декорсостав*, *облицовочный декоркамень*: «*Рабочие поверхности изделий из нержавеющей стали подвергают специальной обработке в виде микронасечек – так называемое* ***декорпокрытие***». – Режим доступа: http://www.helpmaste.ru. Активно используется основа и в названиях различных компаний: «*Декорсад*», «*Декорбетон*», «*Декормебель*» и др. Основа отмечена и в составе аббревиатуры *декорлит* «изделия из искусственного мрамора». – Режим доступа: http://katalog.rokoko.ru.

Начинают активизироваться в составе сложных слов субстантивы *декоратор* и *декорация*. Необходимо обратить внимание на то, что деривационно активными являются два значения лексемы *декоратор*: 1. Художник, пишущий декорации (*декоратор-живописец, декоратор-оформитель*, *декоратор-бутафор, живописец-декоратор*, *мастер-декоратор*, *художник-декоратор*, *бутафор-декоратор, менеджер-декоратор*). 2. Специалист по убранству, украшению зданий, помещений и т. п. (*декоратор-дизайнер, декоратор-флорист, цветовод-декоратор*, *артист-декоратор*, *программист-декоратор*, *садовод-декоратор, дизайнер-декоратор, флорист-декоратор*). Лексема развила новое значение «латексные шары, используемые для оформления»: «*По свойствам латекса шары можно разделить на три вида: 1. Пастель. 2.* ***Декоратор.*** *3. Металлик*». – Режим доступа: http://lm66.ru. Субстантив *декорация* «живописное или архитектурное изображение места и обстановки действия, устанавливаемое на сцене» употребляется в составе сложных слов преимущественно в постпозиции: «*До сих пор в нашем театре* ***декорации-панно*** *были чисто плоскостными, как бы отъединенными от пространственно-объемных элементов, которых при таком решении либо не было совсем, либо они давались лишь на фоне панно (например, реквизит)*». – Режим доступа: http://lafa.ru›history/ara72.html. В композитах наблюдается варьирование семантики опорного компонента: нейтрализуются семы ‘устанавливаемое на сцене’ (*автодекорация*, *аквадекорация*, *видеодекорация*, *кинодекорации, светодекорация* и др.: «*Производство керамических* ***аквадекораций*** *для аквариума*». – Режим доступа: http://staffstyle.ru) или семы ‘живописное или архитектурное (изображение)’: *стерео-*

декорация, фотодекорации. Ср.: «***Видеодекорации** – это специализированный видеоконтент, который в процессе спектакля или шоу выводится на экраны*». – Режим доступа: http://www.frontpictures.com; «*Оригинальность композиционного построения, прекрасный светодизайн, сказочные **стереодекорации** – все это делает финал спектакля еще более прекрасным, полным спокойствия и гармонии жизни*». – Режим доступа: http://www.kitairu.net.

Таким образом, широкая комбинаторика основ **декор**-, **декоративно**-, **декорационно**- свидетельствует об их продуктивности, способности участвовать в образовании новых композитов и аббревиатур. Параллельно с этим процессом мощность гнезда увеличивают производные с компонентами *декоратор* и *декорация*, образованные в результате осново- и словосложения.

ЛИТЕРАТУРА

2. Клименко Н. Ф. Осново- і словоскладання у процесах номінації сучасної української мови / Н. Ф. Клименко // Українська мова, 2003. – № 3–4. – С. 83–105.
3. Петров А. В. Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка / А. В. Петров // Стил. – № 9. – Београд, 2010. – С. 409–421.
4. Петров А. В. Деривационная активность общеупотребительных заимствованных слов в русском и украинском языках / А. В. Петров, Л. А. Петрова // Przejavi internacjonalizacji w językach slowiańskich / pod redakcją naukową Eleny Koriakowcewej. – Siedlce : Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. – С. 141–158.
5. Романюк Ю. В. Словотворчий потенціал нових засобів номінації у сучасній українській мові / Ю. В. Романюк // Мови та культури у новій Європі: контакти і самобутність. – К., 2009. – С. 226–233.

Л. А. Петрова (г. Одесса)

РЕЛЯЦИОННАЯ СТРУКТУРА СЛОВА В АВТОРСКОМ ТЕЗАУРУСЕ

В современных исследованиях большое внимание уделяется вопросам соотношения между концептом и языковыми средствами его объективации. Однако до сих пор нет четкого объяснения, каким образом существование ментальной структуры в сознании говорящего обусловливает, с одной стороны, единство различных способов ее репрезентации, и с другой, предопределяет выбор тех, а не иных языковых средств в процессе коммуникации. Особое внимание этому соотношению уделяется в художественном тексте. В. П. Тимофеев отмечал: «Воздействие языка писателя через художественное произведение основывается не столько на том, в какой степени он сумел усвоить язык общества и как воплотил его в художественной ткани произведения, но, главным образом, на том, насколько он поднялся над общим языком, преодолел его привычку, вышел за его пределы и создал свое. Именно в этом случае наглядно может быть замечено опредмечивание, объективирование речевых усилий пишущей творческой личности и передача их поколениям» [3, с. 77].

Понимание слова в художественном тексте не всегда детерминировано только его значением. Важную роль в определении денотативного содержания лексической единицы играет ее реляционная структура, соответствующая языковому воплощению автором того или иного образа. Рассмотрим некоторые особенности реляционной структуры лексемы *глаза* в произведениях И. А. Бунина.

Сочетаемостные возможности существительного *глаза* заданы его пропозициональной структурой и имеют фиксированные рамки, в которых оно занимает интерпозитивную или постпозитивную позиции: (*какие) **глаза** видят (смотрят, глядят) – видеть (смотреть, глядеть) (какими) **глазами***: *…Это вам не Москва, – сказала она* <Алёнка>*, **засмеявшимися глазами глядя** на него снизу…* [Митина любовь].

Компоненты пропозициональной структуры в художественном пространстве бунинского текста нередко меняют формально заданную позицию, передавая драматическое напряжение авторской интерпретации. Контекстуальная реализация слова в таком случае передает эмоционально-психологическую характеристику персонажа,

© Петрова Л. А., 2013

расширяя границы внешней сочетаемости, ср.: *Весь облитый, весь насквозь промокший, без единой кровинки в лице,* ***с заплаканными, безумными глазами,*** *он был страшен* [Митина любовь]; *Одну минуту у него* <доктора> ***помутились сонно отяжелевшие глаза*** *и задрожали от приступа зевоты сжатые челюсти, но он одолел себя, зевнул и только через ноздри сказал: – Да, я вас слушаю…* [Лика]; *Он* <муж> *долго смотрел на большой портрет какого-то* ***военного*** *в густых эполетах, с* ***выпуклыми глазами****, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами…* [Солнечный удар]; *Я порой не мог спокойно смотреть на неё – особенно в те вечера, когда она вся алая, возвращалась из бани и долго пила чай, сидела с ещё тёмными, влажными волосами,* ***с тихим и томным блеском глаз,*** *в белой ночной кофточке…* [Лика].

Существенной является передача авторских коннотаций, выводимых на уровне контекста. Самыми распространенными из них являются следующие:

1. Авторские коннотации, имеющие стандартный характер ассоциаций.

В реляционную структуру существительного входят качественные прилагательные со значением цвета, которые синтезируют авторское восприятие на уровне зрительно-эмоционального эффекта. Для И. А. Бунина частотной является сочетаемость колоративов *темный, черный* с глаголами или отглагольными прилагательными, акцентирующими динамичность или статичность глаз, что наделяет персонажа либо положительной, либо отрицательной оценочностью: *– в ту ночь, когда она в первый раз одна была на яхт-клубском балу и вернулась под утро, точно поблекшая роза, бледная от усталости и ещё не улегшегося возбуждения,* ***с глазами сплошь тёмными, расширенными и такими далёкими от меня****!* [Сны Чанга]; *… он* <Митя> *был из той породы людей* ***с чёрными, как бы постоянно расширенными глазами****, у которых почти не растут даже в зрелые годы ни усы, ни борода…* [Митина любовь]; *И головка у неё* <Алёнки> *была невелика, и* ***темные глаза стояли и сияли*** *почти так же. Как у Кати…* [Митина любовь]; *… Алёнка вдруг легко соскочила с вала, подбежала и на корточках присела в двух шагах от лежавшего на пиджаке Мити, весело и любовно смотря в лицо ему* ***тёмными расширенными глазами*** [Митина любовь]; *… это* ***был человек, с неподвижными чёрными глазами****, в узких панталонах со штрипками* [Лика]; *Все любовались, когда она* <Авилова> *танцевала с Турчаниновым, – тем противоестественно высоким офицером в чёрных полубачках, с продолговатым матово-смуглым лицом, с* ***неподвижными тёмными глазами*** [Лика].

Следует отметить, что такие коннотации могут иметь имплицитный характер, ср.: *И художник,* ***с красными глазами*** *вышедший в эту минуту из костела, в изумлении останавливается* [Сны Чанга].

2. Авторские коннотации субъективного свойства, обусловленные коллективным опытом, но трансформированные в соответствии с эмотивным планом текста: *И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому и с удивлением и с радостью, какими-то* ***новыми глазами*** *смотрю кругом, остро вижу, слышу, обоняю* [Книга]; *Он* <Митя> *несколько успокоился и бодрее, как бы* ***новыми глазами*** *стал глядеть вокруг* [Митина любовь]; *…Не обижайся, за эту-то улыбку я и люблю тебя. Да вот ещё за твои* ***византийские глаза****…* [Митина любовь]; *Все в ней <в Кате> было прелестно, – её милое, хорошенькое личико, её небольшая фигурка, её свежесть, молодость, где женственность ещё мешалась с детскостью, её вверх поднятые* ***сияющие глаза****…*

3. Авторские коннотации субъективного свойства, связанные с индивидуальным опытом. Художник создает окказиональные лексемы, опираясь на нормативные закономерности контекстуальных связей: *Я очнулся – передо мной стояли молодые хозяева, брат и сестра, оба чёрные,* ***огнеглазые****, по-татарски красивые… Я тотчас вспомнил глаза Кузьмина, –* ***бойкие, дерзкие, какие-то пестрые, цвета пчелы****…* [Лика]; *Сусанин,* ***гробно и блаженно закатывающий глаза к небу*** *и выводящий с перекатами: «Ты взойдёшь, моя заря»* [Лика].

Контекстуальное окружение раскрывает систему стилистических деталей созданного образа, «внутренний, имплицитный, план его насыщен лингвистическими сигналами авторской субъективной оценки происходящего» [1, с. 149]. Выявление глубинных смыслов отражается, в частности, на репрезентации причинно-следственных отношений, ср.: – *Но, допустим, вы правы, – кричит она* <Авилова>*, уже* ***бледная, с потемневшими глазами и потому особенно прелестная****…* [Лика]; *Ей <Кате> дружно и горячо хлопали, и директор, и самодовольный актёр* ***с бесстрастными и печальными глазами,*** *сидевший в первом ряду, только ради пущей гордости делал ей иногда замечания* [Митина любовь].

Таким образом, реляционная структура слова в авторском тезаурусе выявляет лингвистические ресурсы текста, направленные на декодирование имплицитных смыслов авторского замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кайда Л. Г. Стилистика текста: от теории композиции – к декодированию: учеб. пособие / Л. Г. Кайда. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 208 с.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 148 с.
3. Тимофеев В. П. Личность и языковая среда / В. П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 121 с.

А. Н. Пикалова (г. Днепропетровск)

ЛЕКЦИЯ КАК ЖАНР НАУЧНОГО СТИЛЯ И ЕЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В процессе научной деятельности человек не только открывает новое научное знание, но и сообщает свое открытие окружающим, чтобы оно стало достоянием общественности. При этом средством общения в области науки и учебно-научной деятельности является научный стиль речи, который и будет использован для сообщения нового знания обществу. В то же время формы организации речевого материала, которые выберет ученый, могут быть различны: научная информация может быть передана, например, в монографии, в статье или в докладе. Таким образом, в зависимости от способа изложения научной информации выделяются различные жанры научного стиля речи.

Основными жанрами научного стиля являются: научная монография и научная статья, диссертационные работы, научно-учебная проза (учебники, учебные и методические пособия и т. п.), научно-технические произведения (разного рода инструкции, правила техники безопасности и проч.), аннотации, рефераты, научные доклады, лекции, научные дискуссии. При этом в текстах жанров, служащих для обучения, важен не только материал (результаты исследования), но и форма его подачи. Одним из таких жанров является лекция.

Жанр лекции относится к устным научным жанрам. Следует отметить, что не все лингвисты выделяют самостоятельность устных жанров. Так, например, Е. С. Троянская в своей классификации научных жанров указывает на то, что устность – это добавочная коммуникативная задача, возникающая при зачтении письменного текста и проявляющаяся в стремлении установить контакт [2, с. 21]. Другие исследователи, напротив, говорят о высокой значимости устности. В частности, Н. А. Александрова отмечает, что «в ряде научных произведений устное изложение материала – это не просто дополнительный коммуникативный оттенок, оно приобретает характер, который становится определяющей чертой в данном жанре» [1, с. 50–51].

Среди характерных признаков жанра лекции можно выделить цель научного общения, официальность обстановки, ситуативную схожесть – устный характер общения с большой аудиторией, типовое содержание, композицию, регламентированность во времени. Рассмотрим, как проявляются эти признаки в публичных лекциях,

© Пикалова А. Н., 2013

транслируемых на телеканале «Культура» в рамках цикла телевизионных программ «Академия» [3].

Данные лекции читаются крупнейшими учеными современности и молодыми учеными, которые обращаются к широкой аудитории с целью привлечения внимания к отечественной науке и расширению круга людей, заинтересованных в знаниях. Перед каждым лектором стоит определенная коммуникативная задача, успешное выполнение которой зависит от построения лекции и отбора речевого материала, что в свою очередь должно быть ориентировано на характер и уровень аудитории для адекватной передачи ей научной информации.

Для того чтобы установить контакт с аудиторией, лектор может использовать местоимение *мы*, которое вовлекает слушателей в акт коммуникации: *Это видимый свет: вот мы видим звёзды, вот мы видим в очень узком диапазоне длин волн. … До нее уже были звезды, которые успели родиться, умереть, и из их останков, из их, так сказать, останков взорвавшихся этих звезд сформировалось и наше Солнце, наша Солнечная система и планета Земля, и мы с вами* (Л. М. Зеленый. Солнечная империя). Здесь местоимение *мы* не только объединяет автора и адресата, но и выполняет функцию приближения к себе аудитории, чтобы ей легче было следить за ходом рассуждений лектора.

Публичная научная лекция в некоторых случаях может протекать как «беседа» со слушателями. При этом такое сближение с аудиторией чаще продиктовано не целью активизировать восприятие, а тем, что рассказывается о собственной научной работе. В таких случаях вместо контактоустанавливающего *мы* появляется авторское *я: Я стою у доски 60 лет, примерно. … Я сужу по факультету* (С. Э. Шноль. Космофизические факторы в случайных процессах). При этом употребление личного местоимения *я* в публичной научной лекции достаточно оправдано, в отличие от других жанров научной речи как письменных, так и устных. Также в жанре лекции может быть оправдано и использование некоторых разговорных средств. Например, разговорные синтаксические конструкции, такие как синтаксический повтор или именительный темы, облегчают восприятие информации: *Диапазон принимаемого излучения, диапазон длин волн увеличился от 2-х раз до 10 в 16-й степени раз, 10 в 16-й степени раз. … И эта тёмная материя, она состоит из каких-то дискретных носителей* (А. М. Черепащук. Новые формы материи во Вселенной. Оптические исследования рентгеновских двойных звездных систем).

При изложении материала могут быть использованы фразы, помогающие руководить аудиторией благодаря тому, что они определенным образом структурируют высказывание и направляют внимание аудитории, настраивают ее: *Мне хотелось бы начать с того, что всякая война, всякая война – это великая тайна. … И вот сегодня мы об этом поговорим, об этой тайне, покажем, как все это происходило, почему, чем закончилось, и почему это тайна* (А. Н. Сахаров. Дипломатия 1939–1945 годов).

Для активизации восприятия аудитории лектор может использовать такие приемы, как например, постановку вопроса или сопоставление двух разных мнений: *Очень много в художественной литературе, в художественной культуре, в живописи, в кино проступает Западноевропейское Средневековье. Почему оно так интересно и чем оно интересно? … Эта школа называлась романистическая <…> и была противоположная школа – германистов <…>* (Н. И. Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы). Задача заинтересовать аудиторию является одной из наиболее важных для публичной лекции, поэтому лектор часто ориентируется на обратную связь и адресует свою речь слушателям: *Его официальные рамки: 1337 год, принятый в науке, 1337-ой – 1453-ий. И вы уже видите – не 100. … Проблему я поставила перед вами, да? Вы ее почувствовали, что тут есть о чем поговорить* (Н. И. Басовская. Столетняя война).

Оценочные высказывания в лекциях воздействуют на аудиторию и ориентируют ее, создают общее отношение к излагаемым фактам: *Для этого времени очень ин-*

тересная особенность – это создание словарей. … Следующий этап в развитии многоязычных городов мне кажется очень интересным (В. В. Иванов. Языки большого города в истории человечества). Таким образом, оценочные высказывания стимулируют интерес к изучению данных явлений.

Следует также отметить, что в публичных научных лекциях большое влияние на отбор тех или иных языковых средств имеет непосредственно личность лектора. Ведение диалога с аудиторией, употребление собственных оценочных характеристик, количество и разнообразие разговорных структур и образных средств (метафоры, юмор, сравнения, обыгрывание фразеологизмов) – все это зависит от индивидуальной манеры подачи материала лектором. Все эти языковые средства как бы сопровождают научную информацию, комментируя ее и акцентируя важные моменты. При этом вне зависимости от тематики лекций и личности лектора, наиболее характерной чертой жанра лекции можно назвать диалогичность. Обращаясь к аудитории, лектор делает ее сопричастной к созданию мысли и, показывая логику научной мысли, воспроизводит процесс исследования. Лектор приближает слушателей к научному творчеству. В этом проявляется дидактическая роль лекций, а также выявляется роль устной речи в процессе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н.А. Разновидности научных лекций и их лингвостилистические особенности / Н. А. Александрова // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. – М.: Наука, 1989. – С. 49 – 58.
2. Троянская Е. С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей / Е. С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М.: Наука, 1984. – С. 16–27.
3. Электронный ресурс http://tvkultura.ru/

Е. А. Половинко (г. Днепропетровск)

ВОЗМОЖНОСТИ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Эксперимент в лингвистике понимается как «способ верификации лингвистических моделей, метод изучения фактов языка и речевого поведения человека» [3, с. 163]. Ономасиология в одном из своих значений – «раздел семасиологии, изучающий принципы и закономерности обозначения предметов и выражения понятий лексическими и лексико-фразеологическими средствами языка» [1, с. 96]. Возможности выявить принципы и закономерности обозначения предметов предоставляют ономасиологические эксперименты. Разработке их были посвящены исследования Н. Д. Голева, Т. А. Гридиной, М. В. Голомидовой, М. Э. Рут и др. Рассмотрим основные типы такого рода экспериментов и возможности каждого из них в сфере существующих и потенциальных названий современных блюд.

Традиционная образная ономастическая модель, отражающая русскую народную картину мира, в настоящее время, по утверждению М. Э. Рут, испытывает разрушающее влияние образных номинативных моделей, сложившихся в современном обществе [2, с. 134]. Путем проведения ономасиологических экспериментов можно собрать материал для изучения современного типа образной номинации. Безусловно, создавая и используя те или иные номинации, носители языка опираются прежде всего на сложившиеся до настоящего момента языковые критерии. Однако в образе мысли и выборе способов номинации тех или иных явлений действительности (в нашем случае – блюд) отражены общественные вкусы, особенности современного образа жизни основной массы населения страны, специфика ведения ресторанного бизнеса, популярность и популяризация той или иной кухни и пр.

В настоящее время разработаны три типа ономасиологических экспериментов: собственно ономасиологический, лексико-ономасиологический и ассоциативно-

© Половинко Е. А., 2013

ономасиологический. Все они могут быть полезными при изучении современных наименований блюд, для выявления более или менее удачных в зависимости от выполняемых данными номинациями функций (номинативной, идентифицирующей, рекламной, аттрактивной, эстетической и др.), для создания новых номинаций.

Собственно ономасиологический эксперимент предполагает создание испытуемыми номинаций для предложенных объектов. Общей целью такого эксперимента М. Э. Рут видит получение массива номинаций, которые затем подвергаются классификации и служат материалом для различных исследований ономасиологического процесса [2, с. 138]. В качестве объекта номинации мы предложили участникам эксперимента фото и состав блюд, не имеющих общепринятого названия. Как показало исследование, во многих случаях срабатывала не столько или не только установка на создание классифицирующей номинации, сколько установка на поиск неординарной, выделяющейся номинации: использовались слова заимствованные, не так давно вошедшие в обиход, экзотизмы, имена (часто известных личностей). Некоторые испытуемые ориентировались на ингредиенты, и тогда блюдам, содержащим, например, рыбу и / или морепродукты, давались наименования из семантического поля «Водный мир». Номинации блюд, выделяющихся своим внешним видом, составили отдельную группу, так как абсолютное большинство участников эксперимента мотивировали образованные ими наименования особенностями оформления кушанья. В целом можно сказать, что эксперимент позволил набрать большой массив номинативного материала, созданного по самым разным моделям, а также выявить черты, оказавшиеся значимыми для предложенных объектов номинации. Такие эксперименты могли бы быть полезными и интересными при составлении меню.

Для ресторанов определенной направленности (спортивной, вегетарианской, той или иной кухни и т. д.) более эффективным может стать лексико-ономасиологический эксперимент, при котором производится изучение номинативных возможностей слов определенной лексико-семантической группы, семантического поля, тематической группы. В общем случае цель данного типа экспериментов – также создание новых номинаций, однако при этом задается производящий лексический материал, т. е. номинация осуществляется в рамках определенной общей модели [2, с. 146]. Испытуемым не только предлагается назвать то или иное блюдо, но и устанавливаются определенные ограничения. Кроме того, задание такого эксперимента может звучать следующим образом: «Какое блюдо Вы могли бы так назвать?» – с предъявлением списка предполагаемых номинаций. Лексико-ономасиологические эксперименты направлены на выявление всех потенциальных возможностей использования слов данной лексической группировки в качестве производящих для образной номинации.

Задачи первых двух типов экспериментов могут быть дополнены исследованием ассоциативного поля производящего слова. Ассоциативно-ономасиологический эксперимент ориентирован на выявление взаимодействия имени и бытийного, психологического образа предмета номинации, с одной стороны, и предмета, служащего психологическим мотивом образной номинации, с другой [2, с. 147–148]. Вопрос здесь может звучать так: Какие ассоциации вызывает у Вас блюдо с такой номинацией?

Безусловно, данные описанных экспериментов не могут являться единственным источником изучения номинативного процесса. Однако такие данные в большом объеме и при удачном моделировании номинативной ситуации могут быть весьма полезны и в теоретическом плане, и в практической деятельности для подбора наиболее удачных названий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 200 с.
2. Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 192 с.
3. Столярова Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов / Л. П. Столярова, Т. С. Пристайко, Л. П. Попко. – К.: Изд-во ГАРККИ, 2003. – 192 с.

Л. П. Попко (г. Киев)

ИНГ-ИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ

Проблема освоения иноязычной лексики русскоязычными индивидами всегда важна и актуальна и имеет достаточно материала для рассмотрения и исследования, так как живой язык – явление динамичное, постоянно развивающееся. Для начала 21-го века характерно расширение сфер международных контактов, где английский язык является языком международного общения. Важная политико-экономическая роль англоязычных стран в мире, их превосходство в некоторых сферах деятельности в значительной степени активизируют появление и использование англицизмов в русском языке. Тенденция к употреблению слов, пришедших из английского языка, вместо русских со схожей, а порой и идентичной семантикой, начала проявляться с 50-х годов XX века и была названа В. В. Виноградовым «американобесием». Особенно она усилилась в 1980-90-х годах и продолжается до сегодняшнего дня.

Как отмечается в лингвистической литературе, суффикс «инг» становится настолько привычным, что скоро шутки по его поводу перестанут смешить. В подобном заимствовании ничего исключительного нет. Трудно и просто невозможно представить себе русский язык без иноязычных суффиксов «ер», «ор», «изм» и многих других (*интервьюер, редактор, позитивизм*). В русских словарях уже лет двадцать-тридцать назад можно было найти несколько десятков слов с «инг», а сейчас в текстах их просто огромное количество.

Английский по происхождению суффикс -ИНГ- привносит значение деятельности, процесса в абстрактные существительные, вошедшие в русский язык в последнее время в большом количестве: *контроллинг* (ср.: контроль), *листинг* (ср.: лист) ‘распечатка’, *маркетинг* (ср.: маркет)*, кикбоксинг* [*кик-боксинг*] (ср.: бокс), *мастеринг* (ср.: мастер) ‘монтаж видеопродукции’, *мониторинг* (ср.: монитор) ‘наблюдение, оценка и прогнозирование состояния окружающей среды’, *прессинг* (ср.: пресс) – *перен.* ‘давление, нажим в области политики, экономики и т.п.’*, рекрутинг* (ре́крутер, рекрутёр; рекрут) ‘найм рабочей силы (преимущественно за рубежом) через специальные агентства’, *чартинг* (ср.: чарты) *эк.* ‘составление чартов – диаграмм и графиков при анализе рынка с целью определения его состояния и для прогнозирования движения цен или средней цены’, *шокинг* (ср.: шок), *шопинг* (ср.: шоп) и др.

К множеству иноязычных слов, то и дело попадающихся сейчас в СМИ, добавился термин «канвассинг», связанный с предвыборной агитацией. Этим термином описывается ситуация, когда кандидат появляется на пороге обычного жилища избирателей. В Великобритании (государстве, которое справедливо считают основоположником современной европейской демократии) такая практика – норма. Для подобной агитации в английском существует специфический термин канвассинг, который на другие языки не переводится. Возник термин «канвассинг» еще в шекспировские времена и означал именно борьбу за голоса избирателей. Так, в 1714 г. приписываемая Квинту Туллию Цицерону книга Commentariolum Petitionis (в современном переводе на русский – «Краткое наставление по соисканию консульства») была издана в Лондоне под заглавием The art of canvassing at elections, т. е. «Искусство канвассинга на выборах».

В то же время термин *канвассинг* имеет и другое значение: международная купля-продажа товаров (с перевозкой, страхованием, банковской сделкой) *Канвассинг грузов* (Canvassing) – операции по привлечению грузов к перевозке агентской или экспедиторской фирмой или самим перевозчиком.

Звукобуквосочетание -ИНГ прочно освоено русским языком и является распространённым средством создания неологизмов. Занятия по преодолению водопадов

© Попко Л. П., 2013

на каяках уже получили свой неологизм *водопадинг*. В рекламно-парикмахерском деле растет ряд процедур типа *пилинг, лифтинг, райтинг*. Существует «бомбинг» в граффити, и рекламный «ПРАЗДНИНГ», и компрессия «аюрведческого массажа» в аюрвединг.

«Фотошопинг» (photoshopping)– это слово относится к появившейся недавно и уже распространенной практике подправлять электронные изображения или делать коллажи по собственному усмотрению.

Сферы, которые освоены словами на -инг, – это экономика и политика, бизнес, массмедиа, искусство, хай-тек, быт, спорт.

В современном русском языке наличествует также большое количество псевдоинговых слов, создаваемых в стилистических целях: *айтишинг, (амПутинг, Анти-Жиринг, аршининг, базаринг, балаболинг, балдеинг, басманинг, беспутинг, блининг, брединг, буминг, воринг, всхлипинг, гадинг, глуминг, головозадинг, дреминг, дрёминг, дремлинг, думинг, засекретинг, засекречинг, излишинг, изыскинг, имитинг, иронинг, Ленинг, логопоэйинг, любинг, любоначалинг, многоглаголинг, намеринг, обеспечинг, оболванинг, оболживинг, обрыдлинг, объегоринг, отпадинг, подсыпинг, поливинг, приколинг, пудринг, путчинг, раздербанинг, раздолба(й)инг, распутинг, скептинг, смех-и-горетворинг, спросонинг, Сталинг, столпотворинг, стрессинг, тащинг, умапалатинг, чистописинг, шоуинг, штопинг, ЭлДэПэЭринг, элитинг, ЭфЭсБэшинг, ЮрМихинг, Якобсонинг* и др.

Стилистический потенциал -инг форманта может быть проиллюстрирован стихотворением «Пудинг» Андрея Усачева: *Англичане любят / Есть на ужин ПУДИНГ. / Потому что ПУДИНГ– /Очень вкусный БЛЮДИНГ. / Тот, кто любит ПУДИНГ /И часто ходит в ГОСТИНГ, /Не бывает ХУДИНГ, /А бывает ТОЛСТИНГ.*

Таким образом, изучение новейшей заимствованной лексики в словообразовательную систему принимающего языка актуально в различных отношениях.

О. І. Попова (м. Бердянськ)

КОГНІТИВНО-ДИСКУРСИВНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНИХ ІННОВАЦІЙ

Система мови, як відомо, є впорядкованим об'єктом, дискретні системи якого взаємоповязані й характеризуються співвідносною значимістю. Інновації – це одна з таких підсистем, оскільки є результатом (продуктом) взаємозвязку елементів мови, які беруть участь у процесі неологізації. Необхідність збирання, вивчення й опису нових фактів у словниковому складі мови досить давно усвідомлена у вітчизняному мовознавстві і ніколи не втрачала своєї актуальності.

У розвитку словникового складу сучасної української мови за останні кілька років помітні такі тенденції: 1) засвоєння іншомовних запозичень; 2) поява лексико-семантичних варіантів; 3) утворення слів за допомогою способів деривації.

Інноваційні процеси в словниковому складі є постійним об’єктом аналізу в наукових працях дослідників. Зокрема, теоретичні питання розвитку та вдосконалення української мови вивчали О. С. Мельничук та О. О. Тараненко; діахронні дослідження лексико-семантичної системи були предметом вивчення Л. А. Лисиченко та О. Г. Муромцевої; до аналізу динаміки мови засобів масової інформації зверталися Т. А. Коць, Д. В. Мазурик, О. А. Стишов та інші. Зрозуміло, що це питання актуальне і в сучасний період мовної еволюції. У цьому дослідженні ми зосередимося на вивченні нових дериватів, що є найбільш активним шляхом поповнення лексики. Завдяки деривaційним процесам мова постійно реалізує свої можливості: спираючись на власний словотвірний матеріал, а також запозичений з інших мов, українська словотвірна система має великий потенціал для утворення нових лексичних одиниць.

© Попова О. І., 2013

Утворення нових слів, поява нових значень зумовлена постійною креативною діяльністю людської свідомості, пізнавальним процесом, який детермінується предметно-практичною та інтелектуальною роботою особистості. Поява неологізмів — це важливий етап усвідомлення об'єктивної реальності, вершина процесу оновлення конгітивно-дискурсивного потенціалу сучасної української мови. Крім того, це важливий етап дискурсивного освоєння номінованих предметів і явищ дійсності, їх ознак, важливих для життєдіяльності людини. Виникнення інновацій є своєрідною відповіддю на соціальний запит, результатом когнітивно-дискурсивного освоєння та інтерпретації дійсності.

Процес поповнення лексичного складу мови невичерпний, оскільки, на думку більшості його дослідників, конкретні зміни спостерігаються не лише у зв'язку з експліцитним, але й імпліцитним вираженням смислового змісту позначуваних неологізмами концептів. Це переконливо доводить безкінечність і багатогранність форм людського пізнання.

Нове значення завжди виникає в результаті поглибленого осмислення або ж переосмислення дійсності, відкриття раніше не відомих властивостей і ознак об'єктів, які пізнаються особистістю. Тому великого значення набуває проблема виявлення нових знань, властивих неологізмові, специфіки інформації, яка в ньому міститься.

Оскільки комунікативна функція мови найбільш повно репрезентована в процесах його мовленнєвого функціонування, в основі цього дослідження покладено когнітивно-дискурсивний підхід, згідно з яким вивчення процесів пізнання світу відбувається за даними їх вербалізації, що здійснюється в дискурсивній діяльності людини. В основі такої вербалізації лежать лексико-семантичні процеси. Когнітивно-дискурсивне дослідження лексико-семантичних інновацій передбачає, що має бути з'ясовано, як обробляється людиною нова інформація, яка поступає із зовнішнього світу, і механізми її вербалізації. У зв'язку з цим під час аналізу процесів оновлення мовної картини світу за значущістю актуалізуються проблеми визначення тих нових факторів, які обумовлюють сучасне бачення світу тими людьми, які спілкуються українською мовою і зумовлюють характер здійснюваних актів номінації. Дослідження нових слів у руслі когнітивної лінгвістики дозволяє аналізувати процеси, що відбуваються у сфері лексичного складу мови, визначити механізми співвіднесення мовних і когнітивних структур у неології, а також вказати, дією яких когнітивних факторів зумовлено утворення нових слів.

Інновації у лексиці, зафіксовані в конкретному часовому зрізі, найбільш переконливо відображають іманентні процеси динамічного розвитку мовної системи, унаслідок чому потребують детального вивчення і лінгвістичної інтерпретації. Усебічне осмислення цієї проблеми пов'язане з детальним вивченням таємниць когнітивно-дискурсивної діяльності людини. Це в свою чергу свідчить про те, що проблема є актуальною і досі малодослідженою, оскільки не можна передбачити усі подальші відкриття світу, удосконалення мовно-мислительних механізмів номінації, разом з якими оновлюється мовна картина світу.

Отже, словниковий склад сучасної української літературної мови розширився в основному внаслідок появи нових лексем та значень, стійких словосполучень – переважно загальновживаної лексики, як питомої, так і запозиченої, а також лексики на позначення термінів та понять різних галузей науки, особливо економіки, політології, медицини, соціології, інформатики тощо, які активно досліджуються і потребують нових номінації.

ЛІТЕРАТУРА

1. Коць Т. А. Мова відкриває нові можливості / Т. А. Коць // Культура слова. – 2002. – Вип.60. – С. 39–43.
2. Лисиченко Л. А. Лексикологія сучасної української мови. Семантична структура слова / А. Л. Лисиченко. – Х.: Харк. ун-т, 1977. – 114 с.
3. Мазурик Д. В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і роки XX ст.): автореф. дис. … канд. філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / Д. В. Мазурик. – Л., 2002. – 19 с.

Т. С. Пристайко (г. Днепропетровск)

О СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ *КАНТРИ* И *ФЬЮЖН* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке последних десятилетий появилось немало новых заимствований, характеризующихся в плане семантики широкозначностью, а в плане грамматики – полифункциональностью. Это лексемы *кантри, техно, милитари, фэнтези, ретро* и др., с одной стороны, и *винтаж, фьюжн, вестерн, модерн* и пр. – с другой.

В задачи нашей статьи входит анализ двух показательных для этой группы заимствований *кантри* и *фьюжн* с точки зрения их а) семантического и б) грамматического поведения в современном русском языке.

Особенностью семантики отмеченных лексем является их широкозначность, или эврисемия. Понятие «широкозначность» следует отличать от понятия полисемии. Как известно, многозначное слово обладает в языке несколькими значениями. В условиях речевого использования выбору одного из значений способствует контекст. Широкозначное слово, напротив, вне контекста однозначно, но это единственное значение соотносится с несколькими разными объектами мысли. Слово, таким образом, имеет широкую семантическую референцию, его понятийный объем велик, а конкретное содержание уточняется (но не меняется!) в условиях речи, т. е. в контексте [3].

Характеризуя явление эврисемии терминов, В. А. Татаринов констатирует, что способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов – *эврисемия* – отмечается в тех случаях, когда обозначаемые денотаты (предметы, понятия, явления) не находятся между собой в иерархических, классификационных отношениях, между ними не существует логико-понятийной связи. Термины-эврисеманты не являются согипонимами по отношению к родовому обозначению. По мнению В. А. Татаринова, эврисемии подвержены обычно общенаучные и общетехнические термины, семный состав которых, включающий чаще всего одну сему обобщенного характера, позволяет термину быть бесконечнозначным [7, с. 175], эврисемант характеризуется бесконечным экстенсионалом при весьма узком интенсионале, а функционирование эврисемичных терминов приводит к постоянному расширению объема понятия при сохранении его содержания [7, с. 240].

Аналогичное явление наблюдается и в кругу рассматриваемых нами заимствований, которые могут обозначать музыкальное или литературное направления, стиль в дизайне, интерьере, ткань, направление в кулинарии и др. Рассмотрим на примере лексем *кантри* и *фьюжн*, какие же семы в семантической структуре отмеченных лексем являются обобщающими и как именно конкретизируется их значение в зависимости от контекстов (см. также анализ лексемы *техно* в [5]).

Лексема ***кантри*** (< англ. *country* – букв. сельский, деревенский) фиксируется в СИСВ в трех значениях: «1. традиционная песенно-инструментальная культура белого населения сельских районов юго-восточных и западных штатов США, выросшая из фольклорных истоков и представленная множеством местных школ, стилей и направлений; 2) одна из разновидностей современной эстрадной и рок-музыки, характеризующаяся близостью к стилевому направлению этой культуры; 3) характеризующийся таким стилем, принадлежащий к этой разновидности музыки» [6, с. 261].

Фьюжн (англ. *fusion* букв. сплав, слияние) определяется как «современное стилевое направление, возникшее в 1970-е гг. на основе джаз-рока, синтеза элементов европейской академической музыки и неевропейского фольклора» [6, с. 684].

Как видим, словарь приводит только «музыкальные» толкования обеих лексем. Однако в русском языке оба слова используются и в других значениях. Так, обращение к Национальному корпусу русского языка показало, что оба слова могут обозначать стиль одежды (…*одежда в стиле* ***кантри*** *из великолепной шерсти и кашемира*

© Пристайко Т. С, 2013

[«Домовой», 2002.12.04]; ***Фьюжн*** *– отличное решение для уличных, прогулочных нарядов. …Чтобы создать интересный образ в стиле* ***фьюжн*** *постарайтесь не смешивать много стилей… Отлично «микшируются» между собой такие стили, как* ***кантри*** *и этнический, деним и гранж, милитари и кантри…* [http://www.justlady.ru]); стиль архитектуры, дизайна, интерьера (*…строения в стиле модерн или в стиле* ***кантри*** … [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]; *…ресторан «Грабли» в стиле фьюжн на тему* ***кантри*** *и Прованса архитектора А. Табаковой* [«Мир & Дом. City», 2004.06.15]; *…я проектирую квартиру, в которой хочу сделать* ***фьюжн*** *без использования этнических мотивов* [«Мир & Дом. City», 2003.09.15]; *…европейские шкафчики в стиле* ***фьюжн****, сервантики и столики гармонично дополняли китайские безделушки, вазы и мебель конца XIX–начала XX вв.* [«Мир & Дом. City», 2004.01.15]); ткани (*Ткань* ***Кантри*** *является воплощением основных тенденций моды в мебельных тканях. … Кантри, или «деревенский» стиль, – это полная противоположность урбанизированному хай-теку… Интерьер в стиле кантри многоцветный…* [http://www.profi-design.com.ua/stili/kantri]; ***Fusion*** *коллекция тканей различных фактур, объединенных по цветовой гамме в неожиданных цветовых комбинациях, что определяет стиль коллекции –* ***фьюжн*** [http://www.shtorsalon.ru]).

Помимо отмеченных значений лексема *фьюжн* может обозначать направление в кулинарии, технике ресторанного обслуживания (*Теперь в «Аэрокафе» обслуживают по технике* ***фьюжн*** *– все происходит одновременно: в почти полной темноте, но при этом под ослепительные разноцветные сполохи, посетители кушают блюда европейской, японской, китайской и бог знает какой еще кухни…* [«Русский репортер», № 1–2, 22–29 января 2009]; *И уж точно не обнаружите стола, накрытого блюдами русской кухни, пропущенными через горнило французской haute cuisine (по-модному это называется «****фьюжн****»)* [«Домовой», 2002.12.04]) и литературе (*«Любью» Юрия Малецкого – это даже не роман, так, фуга в стиле* ***фьюжн*** [«Известия», 2001.08.08]).

Эврисемичность анализируемых лексем обусловливается, на наш взгляд, тем, что в реальном словоупотреблении изначально «эксплуатируется» лишь одна сема, содержащаяся в семантике исходного заимствования – ‘деревенский’ для слова *кантри* и ‘смешанный’ для слова *фьюжн*.

Однако в процессе реального функционирования в рекламных, например, проспектах эти «этимологические» семы подвергаются трансформации, видоизменяются, отходят на второй план и вместо них актуализируются другие семы. Так, в речевых значениях лексемы ***кантри*** сема ‘деревенский’ может вытесняться семой ‘простой, непритязательный’, Ср. следующие контексты: *Основные черты кантри, как стиля интерьера, – это простота, отсутствии вычурной декорации и, как следствие, высокая функциональность* (http://www.supershtori.ru); *В переводе с английского языка слово country – это деревня. А это означает, что и стиль кантри в Вашей новой или отремонтированной квартире будет прост, тих и уютен, а также он будет максимально приближен в комплексе к быту загородному, а поэтому в этом стиле не будет никакой вычурности и разной надуманности* (http://www.daav.com.ua). В других контекстах могут актуализироваться семы ‘экологический’, ‘уютный’ и т. д.

Сема ‘смешанный’ в значении заимствования *фьюжн* все чаще замещается семами ‘неожиданный’, ‘необычный’, ‘новый’. Ср.: *Фьюжн – это новое мироощущение без деления на черное и белое, Запад и Восток. Это отношения крайностей, сводимые в терпимость, которые дают нам свободу и радость. Этот стиль предал забвению консерватизм. Это как надеть джинсы со смокингом, коктейльное платье с кедами или заказать в японском ресторане суши, смазывая их домашним маминым вареньем вместо васаби. Фьюжн позволил себе дерзкую выходку – смешать стили и направления в хаотичный сумбур. Фьюжн, бесцеремонно ворвавшись в новое тысячелетие, произвел фурор и вызвал восторг, и теперь множе-*

ство творческих людей – музыкантов, кулинаров, дизайнеров, архитекторов, кутюрье и ювелиров – борются за право называться «королями фьюжн» (http://d-art.com.ua/design-styles).

В некоторых контекстах преднамеренно сталкиваются несколько денотативных значений рассматриваемых лексем, как, например, в следующем: *Самый любимый жанр Жана-Мишеля – «фьюжн»: это и наиболее интересная современная музыка, и наиболее «вкусный» интерьер* [«Мир & Дом. City», 2004.02.15]

В целом же актуализация сем в процессе реализации денотативных значений эврисемантов может стать предметом отдельного рассмотрения и описания. Мы же переходим к вопросу о грамматической полифункциональности описываемых лексем.

Под грамматической полифункциональностью подразумевается способность лексемы реализоваться как определенная часть речи лишь в конкретном высказывании [1; 2; 4].

В толковых словарях русского языка лексема *кантри* фиксируется как неизменяемое имя существительное среднего рода, для лексемы *фьюжн* СИСВ грамматической характеристики не дает, но внешний облик слова способствовал его ассимиляции в русском языка как слова мужского рода (см. примеры выше). Проанализированные контексты свидетельствуют о том, это слово остается грамматически не освоенным, оно не склоняется.

Оба слова могут, как и многие неизменяемые заимствования, выполнять в русском языке не только функции существительного, но и функции прилагательного. Как существительные ведут себя эти слова в следующих контекстах: *американский кантри, французская разновидность кантри*; *фьюжн быстро и безболезненно завоевал все континенты, фьюжн в интерьере, легкий и элегантный фьюжн, классический фьюжн* и др.; как прилагательные – в контекстах: *стиль кантри, кантри-домик, кантри-дизайн*; *стиль фьюжн, короли фьюжн, понятие фьюжн, кухня фьюжн* и пр.

В функции аналитического прилагательного обе лексемы могут находиться в постпозиции и в препозиции к определяемому слову, писаться раздельно и через дефис: *кантри-стиль* и *стиль кантри*, *блюдо-фьюжн, фьюжн-кухня* и *фьюжн кухня, рецепты фьюжн кулинарии* и *кулинария фьюжн*; могут предъявляться в кавычках, сохранять графику языка-источника: *country-style пространство, стиль «кантри»*; *кухня «фьюжн», меню в стиле «фьюжн», направление fusion, блюдо-fusion, кухня fusion* и др.

Таким образом, проведенное исследование показало, что заимствования *кантри* и *фьюжн* с точки зрения семантики относятся к лексемам с широким значением, или эврисемантам, конкретное значение которых устанавливается по контексту; в грамматическом отношении обе лексемы характеризуется полифункциональностью, выступая чаще всего в функции аналитического прилагательного, реже существительного.

Рассмотренные лексемы относятся к множеству неизменяемых заимствований, активно распространяющихся в русском языке конца XX – начала XXI ст. и наглядно отражающих тенденцию к проявлению аналитизма в системе частей речи современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астен Т. Б. Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.
2. Ким Л. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 148 с.
3. Елисеева В. В. Лексикология английского языка / В. В. Елисеева. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/24.leksikologiya_angliyskogo_yazyka/3.1.1.htm
4. Рощина Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии : на материале предметных и признаковых слов : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Рощина. – М., 2005. – 333 с.
5. Пристайко Т. С. Полифункциональная лексема техно в современном русском языке // Вісник Дніпропетровського ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2012. – Вип. 18. – С. 191–199.

6. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : ООО «Агентство «ГРПА «Олимп»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.
7. Татаринов В. А. Теория терминоведения: В 3 т. – Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. – М.: Московский лицей, 1996. – 311 с.

А. Н. Приходько (г. Днепропетровск)

КОНЦЕПТ VS АНТИКОНЦЕПТ: ЦЕННОСТИ И АНТИЦЕННОСТИ В ЛОНЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Для современной лингвистики актуальным является вопрос о соотношении понятий «концепт» и «ценность». Эти категории взаимообусловлены, поскольку определяют когнитивные структуры и сценарии лингвокультурного поведения представителей определенного лингвосоциума. Дискретизация концептов под углом зрения аксиологической семантики допускает их противопоставление по принципу позитива и негатива, поскольку концептуальный корпус формируется не только ценностными ориентирами со знаком плюс, но и со знаком минус.

Антиконцепт представляет собой лингво-психо-социо-культурный феномен, объективированный языковыми средствами и отражающий определенную антиценность наднационального, национального или идиолектного порядка. Типологически оба феномена могут быть универсальными, этноспецифическими и индивидуальными (идиоконцепт). Концепт и антиконцепт чаще всего находятся в отношениях антипода, позиционируясь на аксиологической шкале на противоположных векторах, а потому выступают по отношению друг к другу как «противовес», «противочлен», «контрагент», «коррелят».

В зависимости от наличия / отсутствия, эксплицитности / имплицитности, включенности / невключенности в метаконцепт (обобщающую идею), а также от степени выраженности положительного противочлена антиконцепты могут быть партонимическими, стигматическими и эссенциальными.

Партонимический антиконцепт отражает идею единобытия с другим концептом, с которым он образует некую дуальную монаду, вписываясь вместе с ним в фундаментальный принцип мироустройства, предполагающий соединение противоположностей (доброго и злого, темного и светлого, возвышенного и низменного, мужского и женского и пр.). При этом концепт и антиконцепт – это не всегда антонимическая пара, а некий тесно сопряженный ментальный конструкт, восходящий к обобщающей идее – метаконцепту, в котором наличествуют оба начала, в силу чего он задает разнонаправленные векторы ценностных ориентиров. Метаконцепт – это некоторая вышестоящая идея, некая надсистема-контролер, включающая в себя ценность и ее антипод (ср. герой и трус, любовь и ненависть).

Стигматические антиконцепты (концепт-клеймо, концепт-ярлык) связаны с антропофактором, с бытованием в лингвокультуре ментальных единиц, не имеющих видимой привязки к какому-либо положительно заряженному концепту-корреляту. Они также отражают двойственный характер окружающей действительности – реальной или вымышленной. Речь идет, прежде всего, об этнокультурной антропономинации или просто об обсценных единицах, в которых актуализируются такие далеко не лучшие качества, как невежество, хамство, корыстолюбие, аморальность, слабоумие, пьянство, лень, криминал и др.

Эссенциальные антиконцепты бытуют не в антропосфере, а в «фактосфере», не теряя при этом своей значимости для жизненного мира человека. К ним относятся как абстракции (тоска, печаль, авось, аврал, досада, хамство, подлость, *нем*. chaos, unpünktlichkeit, mißhandlung), так и сущности, сфокусированные на некоторой конкретике (откат, дерибан, взятка, коррупция). Однозначно отрицательными в большинстве лингвокультур являются депрессия, стресс, нетерпимость, а также разного рода

© Приходько А. Н., 2013

фобии. Эссенциальные антиконцепты не имеют своего прямого противочлена с положительной оценкой.

В зависимости от наличия или отсутствия положительного противочлена целесообразно говорить об антиконцептах с эксплицитным, имплицитным и лакунарным контрагентом. Так, партономические антиконцепты имеют эксплицированный положительный коррелят, стигматические чаще всего такого коррелята не имеют, тогда как эссенциальные могут частично соотносится с имплицитным положительным противовочленом, а частично не иметь его вообще. Степень отрицательной интерпретации антиконцепта может быть индивидуальной и коллективной, этноспецифической и наднациональной, однозначной и неоднозначной, высокой и низкой.

И ценность, и антиценность изменчивы в пространстве и во времени, а потому способны варьироваться в зависимости от типа оценки. По этой причине ценность и антиценность способны меняться местами или менять свою полюсность (от эпохи к эпохе, от культуры к культуре или от одной социальной страты к другой), но при этом в дискурсивной деятельности антиценности и, соответственно, антиконцепты оказываются особо акцентированными.

И концепт, и антиконцепт отражают диалектику единства и борьбы противоположностей, а именно: мысль о том, что позитив и негатив сосуществуют, отражая череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым как бы самоорганизуются.

Л. Н. Проскурина (г. Киев)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В НАУЧНОЙ И ОБЫДЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Языковая картина мира – одно из ключевых понятий в когнитивной лингвистике, это «вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых разговорных языков» [1, с. 108]. Исследования показывают, что языковая картина мира – сложное и многослойное образование. В зависимости от смыслового ядра выделяют религиозную языковую картину мира, философскую, фольклорную и др. Наиболее распространенным и активно используемым лингвистами считается разграничение научной и «наивной» картин мира (Ю. Д. Апресян, В. А. Маслова, Е. В. Урысон, Е. С. Яковлева и др.).

Научная картина мира – это «система знаний, полученных в различных науках, это обобщенный образ мира, включающий представление о природе, обществе и человеке» [3, с. 8]. Под профессиональной языковой картиной мира мы понимаем совокупность знаний и представлений о мире в отдельной науке. Несмотря на некоторые специфические особенности, обусловленные углом зрения, под которым данная наука описывает мир, профессиональную картину мира мы считаем органичной составляющей, частью общей научной языковой картины мира. Научная картина мира представлена в терминах, составляющих терминологию науки.

В обыденной (наивной) картине мира отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на данном языке, специфический способ мышления и категоризации мира. Языковой репрезентацией семантики концептов обыденной картины мира могут служить разные языковые факты, сопровождающие концепт: определения, предикаты, сравнения, метафоры, афоризмы, пословицы и поговорки. Все концепты включают в свои структуры комплекс образных признаков, которые можно раскрыть с помощью подбора и анализа этих языковых фактов. Научная и обыденная классификации объектов мира весьма отличаются друг от друга, что мы и хотели бы продемонстрировать на примере технических концептов.

© Проскурина Л. Н., 2013

В своих работах ученые-когнитологи (А. Вежбицкая, М. В. Пименова, В. А. Маслова) среди различных видов концептов выделяют культурные константы (М. В. Пименова) или универсалии – концепты, обладающие общечеловеческой значимостью, например, *Душа, Жизнь, Любовь*. Можно согласиться, что существуют и технические универсалии – концепты, обладающие общетехнической значимостью. К таким универсалиям относятся, например, концепты *Машина, Конструкция, Устройство, Деталь* и др. Как и в научной, так и в наивной картине мира за определенными концептами стоит некая концептуальная структура. В научной картине мира она точная, конкретная и известна всем (или многим) специалистам. Этот факт подтверждается тем, что в настоящее время новые виды техники появляются в результате работы теоретической инженерной мысли.

Одним из важных универсальных технических концептов можно считать концепт *Дефект*. Используя метод фреймовой семантики, устанавливаем фрейм концепта *Дефект* (любого объекта), который состоит из следующих концептуальных признаков (субконцептов): *Причины появления дефектов, Разрушающие факторы, приводящие к дефектам, Процессы разрушения, Диагностика дефектов, Виды дефектов, Меры предупреждения дефектов.* Эти концептуальные характеристики универсальны для дефектов всех объектов, созданных в материальном мире. Именно эти концептуальные характеристики позволяют концепту *Дефект* занимать свое определенное место в научной (профессиональной) картине мира.

Так, одним из основных концептов в терминологии ремонта летательных аппаратов можно назвать концепт *Дефект летательного аппарата* (в дальнейшем *Дефект ЛА*). Важность этого концепта для ремонта летательных аппаратов подтверждается образованием таких автономных научных дисциплин, как физика дефектов, физика отказов и фрактография (наука о видах изломов), а также организация специальных учебных курсов «Надежность и долговечность авиационной техники», «Технологические процессы технического обслуживания летательных аппаратов и авиационных двигателей». Эти дисциплины изучаются на факультете летательных аппаратов в авиационных вузах.

Концепт *Дефект ЛА* является базовым концептом в концептосфере *Ремонт ЛА*. Его значимость заключается в том, что производственный процесс ремонта ЛА (организация ремонтных работ, все возможные операции и связанные с ними технологические процессы), использование определенных методов, инструментов и материалов зависят, прежде всего, от возможных дефектов вследствие влияния определенных условий эксплуатации. А виды дефектов зависят от конструктивных характеристик объекта и особенностей его эксплуатации.

Термин «дефект» используется при контроле качества продукции на стадии изготовления, а также при ремонте, когда части и детали ЛА подвергаются проверке для выявления отклонений от требований нормативно-технической документации. Таким образом, в процессе ремонта (на определенных его этапах) выявляются дефекты, и для каждого дефекта устанавливается способ его устранения [1, с. 10].

Актуальность понятия «дефект» в терминологии ремонта ЛА проявляется в дифференциации терминов ***дефект, отказ, неисправность, брак, поломка***. Являясь синонимами в обыденной картине мира, в общеупотребительном значении, они обладают разной концептуальной величиной в терминологии ремонта ЛА. Научная мысль дробно членит актуальные фрагменты действительности, поэтому в научной картине мира объекты и понятия дифференцированы строже и четче.

Термин «дефект» утвержден ГОСТом и имеет следующую дефиницию: «Каждое отдельное несоответствие продукции требованиям, установленным технической документацией, называется дефектом. Находясь в состоянии неисправности, объект имеет один или несколько дефектов» [2, с. 10].

Под ***неисправностью*** понимается «состояние изделия, при котором оно не соответствует хотя бы одному из требований нормативно-технической документации» [2, с. 10]. При всей близости значений терминов «дефект» и «неисправность»

они номинируют разные понятия. Дефект фиксирует конкретное несоответствие норме (*наклеп на шаровой поверхности плунжеров*), неисправность – это состояние объекта при различных несоответствиях нормам. ***Отказ*** является одним из видов неисправности (*отказ лампочки ночного освещения*). ***Поломкой*** называется «потеря объемной или поверхностной прочности» [2, с. 75], поломка также является видом неисправности, который может привести к отказу (*скол зуба* является *поломкой шестерни*).

Термин *дефект* в терминологии ремонта ЛА является гнездообразующим для 45 номинаций. Корень «*дефект*» прослеживается в названиях процессов (*дефектация*), устройств (*дефектоскоп*), характеристик (*продефектированная деталь*) и параметров устройств (*бездефектная продукция, брак-дефектная единица продукции*), в названиях людей по специальности (*дефектовщик*).

В обыденных ситуациях люди также используют технические концепты, обычно в упрощенном смысле и с некоторой интерпретацией. В бытовом общении под *дефектом* понимается изъян, порок, неполноценность или недостаток любого рода (физический, психический, умственный), что отразилось на особенностях словообразования производных слов. Например, прилагательные, образуемые в обыденной и научной картине мира от слова *дефект*, будут следующими: *дефективный – дефектный,* соответственно. Прилагательное *дефективный* стало популярным в разговорной речи благодаря дефектологии, науке, которая изучает закономерности и особенности развития детей с физическими и психическими недостатками. Отсюда, *дефективный* – имеющий физические или психические недостатки (*дефективный ребенок*). В настоящее время в разговорной речи «*дефективным*» называют недалекого, неадекватно или плохо поступившего человека, иногда плохо работающую технику.

В словарях [4; 5] фиксируется, что прилагательное *дефектный* распространено, главным образом, в речи производственников и административных работников. Данное прилагательное сочетается с неодушевлёнными конкретными существительными (книги, детали, плёнки), а также собирательными существительными (изделие, вещь, продукция и т. п.). Например, термин *дефектная деталь* обозначает деталь, имеющую недостаток. Если технические слова используются неспециалистами, они, как правило, содержат эмоциональные коннотации (как в ироническом названии сериала «Дефектный детектив»), в то время как термины их лишены.

Таким образом, если в наивной картине мира концептуальная структура условная, «размытая», подвижная, гипотетическая, то в научной картине мира она представляет упорядоченное объединение концептов – систему знаний о мире, отражающая научный опыт человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Науч. докл. высшей школы. Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
2. Голего Н. Л. Ремонт летательных аппаратов / Н. Л. Голего. – М., Транспорт, 1984. – 422 с.
3. Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие / М. В. Пименова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – 106 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд. доп. – М.: Азбуковник. – 1999. – 944 с.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. А-Й. – 698 с.

А. В. Пугачёва (г. Днепропетровск)

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА НОМИНАЦИЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЭЗИИ БОРИСА ГРЕБЕНЩИКОВА

Поэзии Бориса Гребенщикова (далее – БГ) с середины 1990-х годов уделяют завидное внимание филологи и литературные критики. Г. Н. Малышева целую главу монографического исследования русской поэзии 1980-х годов посвятила именно ему как «выдающемуся представителю» «одной из самых сильных и ранее всех развившихся ветвей рок-поэзии» – «поэзии философского размышления о бытии» [10, с. 112–113]. А. Ю. Волхов отмечает «насыщенность его поэзии глубинной символикой и глубоким подтекстом» [2, с. 127], И. И. Докучаев – «поэтический синтез реального и фантастического, характерный для его стихов» [4, с. 148]. Склонность БГ к поэтическому выражению «мировой идеи о будущем синтезе разных религий» [10, с. 113] и к «лирическому открытию мистических сторон жизни» [10, с. 117] неизбежно обусловливает его обращение к символисткой поэтике, отмеченное многими исследователями, в частности Г. Н. Малышевой [10, с. 130], Т. Логачевой [9, с. 122], О. Р. Темиршиной [11, с. 32]. Причем символизм БГ непосредственно связан с символизмом А. Блока и его женскими образами, восходящими к представлениям о Вечной Женственности, которые развивались В. Соловьевым. Поэтому изучение семантики женских образов является особенно актуальным при исследовании поэзии БГ, его языковой картины мира. Особенно интересны в этом аспекте именно окказиональные номинации женщины, ведь они показывают, в какой именно области значений и знаний о мире творческий поиск особенно активен, где поэту оказывается недостаточно общеязыковых лексических единиц с их системными значениями для выражения значимых для него смыслов.

Нужно заметить, что добрая половина всех встречаемых у БГ номинаций женщины (как, наверное, и вообще всех полнозначных слов) параллельно с общеязыковым значением реализует также дополнительные иносказательные (метафорические или символические) смыслы. В данной статье рассмотрим лишь несколько таких номинаций, окказиональность семантики (а часто и внешней формы) которых особенно заметна, даже с первых прочтений.

Субстантивированное прилагательное ***Другая*** озаглавливает песню из альбома «Притчи Графа Диффузора» (1974), текст которой при первом же прочтении вызывает ассоциацию с блоковским образом Прекрасной Дамы. При обращении к текстам А. Блока, действительно, обнаружим много пересечений (первыми привожу фрагменты текста БГ [3], через тире – стихотворений А. Блока из цикла «Стихи о прекрасной даме» [1]):

1) *Другая* ***– Ты*** *– другая****, немая, безликая*****;**

2) ***Она*** *придет ко мне по тысяче* ***ветров*** *– Теряясь в мгле,* ***ты ветром*** *управляла*;

3) ***Алмазы звезд*** *в ее руках – Она течет в ряду иных* ***светил***; *В них горишь* ***алмазом*** *ты*; *Солнце, месяц и* ***звезды*** *в косе*;

4) ***Она ведет*** *меня сквозь* ***каменные тени*** *– Бегут неверные дневные* ***тени*** *<…> Их* ***камень*** *жив — и ждет* ***твоих шагов***;

5) ***Она*** *хранит* ***меня***, ***любовь ее*** *священна – Но* ***Владычицей вселенной***, */ Красотой неизреченной, /* ***Я***, *случайный, бедный, тленный, / Может быть,* ***любим***;

6) *В чугунном мире вашем, как* ***рассвет / Ее дыханье****... – Тебя венчала корона / Еще* ***рассветных*** *причуд*; *И близится* ***рассвет****. И убегают тени. / И,* ***Ясная****, Ты с* ***солнцем*** *потекла; В чьем-то* ***женственном дыханьи****, / Видно, вечно радость мне!*

© Пугачёва А. В., 2013

7) *Как **я люблю ее**; **слова ее – как свечи** – Тайно тревожна и тайно **любима**, / Дева, Заря, Купина*; *Ты замедляешь быстрый шаг, / Но через сомкнутые вежды / **Горят слова***;

8) ***Она** всегда **со мной** / В печали наших **песен**... – Безвестный раб, исполнен вдохновенья, / **Тебя поет***.

Таким образом, можно предположить, что семантика слова-образа *Другая* приблизительно равна семантике образов Вечной Женственности у А. Блока.

Иначе обстоит дело с номинацией ***Джульетта*** в песне «Не стой на пути у высоких чувств» из альбома «Феодализм» (1989). Отсылка к У. Шекспиру очевидна, так как номинация *Джульетта* функционирует в тексте в паре с *Ромео*. Однако из всех шекспировских значений этих образов у БГ остается только одно – «высокие, чистые чувства», – причем с иронией подчеркивается оторванность в массовом сознании этих образов от текста-источника, их предельно обобщенный смысл и применимость к любой ситуации, где есть «чувства»: *Джульетта оказалась пиратом, / Ромео был морской змеей. / Их чувства были чисты; Потом они поженились / И все, что это повлекло за собой*. Образ Ромео и Джульетты как символ любви снижается у БГ до тривиального: *Не стой на пути у высоких чувств, / А если ты встал – отойди. / **Это сказано в классике, / Это сказано в календарях. / Об этом знает любая собака: / Не плюй против ветра, не стой на пути***. Поэтому контекстуальное значение слова *Джульетта* в данном тексте можно приблизительно сформулировать так: ‘иронично о женщине, испытывающей высокую, чистую любовь’.

Святая София в песне «Никита Рязанский» из «Русского альбома» (1992) – многослойный образ. Во-первых, в православии действительно есть несколько канонизированных святых с этим именем, но ни с одной из них этот образ не находит соответствия. Зато он функционирует в паре с образом *Никиты Рязанского*, который также не имеет соответствий среди исторических личностей святых, хотя имя его образовано по аналогии с именами многих святых (ср.: Сергий Радонежский, Серафим Саровский). Поэтому на одном из уровней прочтения это собирательные образы святых – женщин и мужчин соответственно, и шире – воплощение идеи братьев и сестер во Христе, людей как детей Божьих: *Она крестила его / Соленым хлебом и горьким вином, / И они смеялись и молились вдвоем: / Смотри, Господи: / Крепость, и от крепости – страх, / И мы, дети, у Тебя в руках*... На другом уровне *Никита Рязанский* прочитывается как образ Христа: *Никита Рязанский / Строил город, и ему не хватило гвоздя. / Никита Рязанский / Протянул ладони и увидел в них капли дождя; / Никита Рязанский / Оставил город и вышел в сад. / Никита Рязанский / Оставль старца и учаше кто млад*... (*город* – Небесный Иерусалим; *не хватило гвоздя*, *протянул ладони* – иронично-трагичный намек на распятие; *вышел в сад* – молитва Иисуса в Гефсиманском саду). И тогда *Святая София* – это Премудрость Божия, что-то вроде женского начала в Боге, а также Церковь как Невеста Христова. Причем БГ, по-видимому, противопоставляет вещественную церковь (культовую постройку, не всегда достигающую своей цели: *Девять тысяч церквей / Ищут Его, и не могут Его найти*) мистической Церкви (соборному человечеству, порой обретающему Бога в местах, кажущихся для этого не подходящими: *Святая София / Искала его и нашла его под кустом*).

Сирень да не та в песне «Иван и Данило» из альбома «Письма капитана Воронина» (1993), по-видимому, означает птицу Сирин, поющую песни печали, предвещающую беды: *Эй, лихие люди, отворяйте ворота, / Вот идет Сирень да не та*. Ассоциируется с пословицей *Пришла беда – отворяй ворота*. Сирин заменяется Сиренью по созвучию.

Татьяна в песне «Юрьев день», входящей в альбомы «Визит в Москву» (1993) и «Пески Петербурга» (1994), появляется в таком контексте: *Незнакомка с Татьяной торгуют собой / В тени твоего креста, / Благодаря за право на труд*. Т. Г. Ивлева распознала в этих женских образах «героинь Пушкина и Блока, традиционно несущих в себе идеальное женское начало, воплощающих собой Вечную Женствен-

ность», которые у БГ «наделены откровенно сниженной характеристикой» [6, с. 89]. Ю. В. Доманский дополняет этот тезис: «Но так ли важна инверсия представлений об этих персонажах? Да и инверсия ли это в полном смысле? Вспомним хотя бы столичную ярмарку невест из романа Пушкина, где Татьяна и была продана, или ее письмо к Онегину… Гораздо важнее, что обе героини оказываются в одном ряду с Христом» [5, с. 112]. И мы согласимся с тем, что здесь пушкинский женский идеал *Татьяна* также ассимилирован символистским образом некоего сакрального женского начала.

Г. Н. Малышева отметила, что БГ «открыто следует блоковской теме женственного образа России» [10, с. 130]. Похоже, именно такой образ стоит за номинацией ***Гертруда*** в песне «Не пей вина, Гертруда» из альбома «Кострома mon amour» (1994). Л. Г. Кихней и О. Р. Темиршина считают, что шекспировская цитата в этом тексте «иронически переосмысляется…, проецируясь на христианские и буддийские религиозные контексты. <…> «Вино» воспринимается Гребенщиковым в христианском аспекте как знак подмены религиозного содержания религиозной формой, и образу «вина» в этом плане противопоставляется образ «воды», который является символом истинной веры» [7, с. 254]. Не отрицая такого толкования, хочу отметить здесь еще и другой, более прямой и приземленный смысл. Гамлет у Шекспира рассуждает о пьянстве в датском королевстве: *К несчастью, да – обычай, и такой, / Который лучше было б уничтожить, / Чем сохранять. Такие кутежи, / Расславленные на восток и запад, / Покрыли нас стыдом в чужих краях. / Там наша кличка – пьяницы и свиньи* [12]. Любой носитель русской культуры (да и не только русской) признает актуальность данного фрагмента для современной России. А отсылка к российским реалиям содержится в первых же словах песни: *В Ипатьевской слободе по улицам водят коня. / На улицах пьяный бардак; / На улицах полный привет. / А на нем узда изо льда; / На нем – венец из огня; / Он мог бы спалить этот город – / Но города, в сущности, нет*. С Ипатьевской слободой – частью русского города Костромы – может ассоциироваться расположенная там Церковь Иоанна Богослова, что особенно важно в связи с образом коня, видимо, апокалиптическим. Город Кострома, скорее всего, является метонимическим обозначением всей России, которой оказывается не страшен смертоносный конь, потому что она уже «в сущности» мертва – отравлена вином. Метонимический перенос возможен и в паре «королева – страна» («Гертруда – Дания»). *А когда-то он был другим;/ Он был женщиной с узким лицом; / На нем был черный корсаж, / А в корсаже спрятан кинжал. / И когда вокруг лилась кровь – / К нему в окно пришел гость; / И когда этот гость был внутри, / Он тихо-спокойно сказал: / Не пей вина, Гертруда; / Пьянство не красит дам. / Нажрешься в хлам – и станет противно / Соратникам и друзьям*. Так шекспировская королева Дании *Гертруда* вместе с русским городом Костромой становится знаком России.

Сестры Долгой Жизни в «Новой песне о Родине» из альбома «Территория» (2000) упоминаются в весьма загадочном контексте: *Начальник Кладбища, Сестры Долгой Жизни, / Трое Братьев Бритвы да Водитель Коня –/ Примите в дар мою Песню об Отчизне / И пощадите Ее, / И всех нас / И меня*. Здесь будет уместно процитировать О. Р. Темиршину: «Б. Гребенщиков … помещает образ в семантический класс сходных образов (изотопию), за счет чего возникает сложное семантическое образование, целостный смысл которого можно реконструировать, зная по возможности все элементы класса» [11, с. 43]. В приведенных строках поэт, видимо, предлагает свою песню в жертву за пощаду своей Отчизны. Но в жертву кому? Возможно, это Аид (*Начальник Кладбища*), тибетские богини долголетия Дролма, Цепаме и Намгьялма (*Сестры Долгой Жизни*), вещие птицы – Алконост, Сирин и Гамаюн (*Трое Братьев Бритвы*) – и Всадник из Откровения Иоанна Богослова (*Водитель Коня*). Почему Братья Бритвы – это вещие птицы? БГ часто обращается к образам, которые сам же использовал ранее. И Сирин, Алконост и Гамаюн уже были у него в «Русском альбоме» (1992) в одноименной песне, а Сирин – еще и в песне «Кони беспредела»: *Один брат – Сирин, а другой брат – Спас*. Видимо, в мужском образе

(вопреки традиционно-мифологическому женскому) эти существа предстают у БГ в связи с формой их имен – основа на твердый согласный с нулевым окончанием в начальной форме – как у существительных мужского рода. Тогда понятно, почему *Братья*, но почему *Бритвы*? Тут помогут библейские ассоциации: *Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого* (Евр. 4:12). Христос (названный у БГ братом Сирина) есть воплощенное Слово Божье, и он же есть Истина. Поэтому ассоциативно-метафорически можно сказать, что Он – Меч Истины (у БГ – сниженно – Бритва). Таким образом все элементы данного образного ряда относятся к мифологии – античной, восточной, славянской и христианской. А Сестры Долгой Жизни в этом ряду – это тибетские богини долголетия.

Сестра Хаос – название альбома 2002 года, а также встречается в песне «Уткина Заводь» из альбома «Песни Рыбака» (2003): *Приходила сестра Хаос, оставила после себя бардак*. Здесь мы снова сталкиваемся с метафизическим, если можно так выразиться, женским образом. Сестра Хаос – это собственно Хаос (первичное состояние Вселенной, разверзшаяся бездна), осмысляемый как женская по своей природе стихия. Причем в приведенном контексте подчеркнуто, что это сущность (написание с заглавной буквы), противопоставленная явлению (сниженному и обыденному *бардак*).

Зимняя Роза в одноименном тексте из альбома «Песни Рыбака» (2003) – еще один образ Вечной Жены, Софии, души мира. Снова удобно будет сопоставить со стихами А. Блока о прекрасной даме (и частично – с поэмой «Двенадцать»):

У БГ: *Если б мир был старше на тысячу лет, / Он не смог бы тебя прочесть; / **Ты Зимняя Роза**, я просто люблю тебя / Такой, как ты есть*; ***ты ушла в Антарктиду, / Растаяв среди вечных льдов***; *Они до сих пор **пьют твою кровь / И называют ее вином***.

У А. Блока: *Не знаешь Ты, какие цели / Таишь в глубинах **Роз Твоих***; ***Тебе, как роза**, безответной, / Пою я, серый соловей*; ***Деву в снежном инее /** Встречу наяву*; ***Ты** песнью без конца **растаяла в снегах***; Голубая царица земли / <…> / **Обрученная с холодом зим**...; *Нежной поступью **надвьюжной**, / **Снежной** россыплю жемчужной, / В белом венчике из **роз** – / Впереди – **Исус Христос***.

Обнаженная Маха в песне «Голова Альфредо Гарсии» из альбома «Беспечный Русский Бродяга» (2006) – ассоциативная (по ассоциации с картиной Ф. Гойи «Маха Обнаженная») метафора женщин-фотомоделей, снимающихся в обнаженном виде: *Новости украшают наш быт / Пожары, катастрофы, еще один убит / И всенародная запись на курсы / Как учиться бодаться; / На каждой странице – Обнаженная Маха*.

Императрицей с Венеры в песне «Неизвестные Факты Из Биографии Элвиса Пресли» из альбома «Беспечный Русский Бродяга» (2006) названа мать короля рок-н-ролла: *Элвис Пресли был сыном Императрицы с Венеры / И одного контрабандиста из Таганрога*. На поверхности лежит обыгрывание «монаршего» прозвища Элвиса Пресли (сын – король, мать – императрица). Но написание с заглавной буквы и сочетание с мифологемой *Венера* заставляет думать, что здесь снова имеет место сакрализация женщины. Ю. Королькова приводит такие биографические сведения о родителях музыканта: мать «была красива», «была глубоко верующим человеком и трудолюбивой, тихой, робкой и уступчивой женщиной», «ее любовь и преданность Элвису была просто фанатичной»; отец «был легкомысленным парнем с мозгами чуть набекрень, и ему претила любая работа», «рождение ребенка ничуть его не изменило», однажды подделал чек за проданного соседу поросенка и попал в тюрьму [8]. БГ показывает нам сниженный образ отца – *контрабандиста из Таганрога* (преступника из провинциального города) – и возвышенный образ матери – *Императрицы с Венеры* (женского идеала, богини любви).

Таким образом, создавая женские образы, БГ «активно использует культурные реминисценции и предельно свернутые знаки текстов – мифологемы» [9, с. 122], и движется обычно от конкретного к абстрактному, от частного к общему, даже пре-

дельно обобщенному, часто – сакральному, иногда можно сказать – от явления к сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. Стихи о прекрасной даме [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slova.org.ru /blok/div3/.
2. Волхов А. Ю. Герой рок-н-ролла в изображении Б. Гребенщикова / А. Ю. Волхов // Научные труды молодых ученых филологов. – М., 2006. – С. 127–131.
3. Гребенщиков Б. Книга песен [Электронный ресурс] / Б. Гребенщиков. – Режим доступа : http://www.aquarium.ru/discography/songs_of_bg_book.txt.
4. Докучаев И. И. Проза поэта: эволюция в истории литературного процесса (о философской сказке Бориса Гребенщикова «Иван и Данило») / И. И. Докучаев // Семиотическое пространство Дальнего Востока. – Комсомольск-на-Амуре, 2009. – С. 140–154.
5. Доманский Ю. В. Имя Пушкина у рок-поэтов / Ю. В. Доманский // Филологические записки. – Воронеж, 1999. – Вып. 12. – С. 104–117.
6. Ивлева Т. Г. Анализ одного рок-стихотворения. Борис Гребенщиков «Аделаида» (альбом «Равноденствие», 1987) / Т. Г. Ивлева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. – Тверь, 1998. – 4. – С. 126–131.
7. Кихней Л. Г. Пародическая семантика «Аквариума» [Текст] / Л. Г. Кихней, О. Р. Темиршина // Проблемы славянской культуры и цивилизации: матер. междунар. науч. конф. – Уссурийск, 2001. – С. 253–256.
8. Королькова Ю. Элвис Пресли [Электронный ресурс] / Ю. Королькова. – Режим доступа: http://fond-on.narod.ru/musika/presley.htm.
9. Логачева Т. Суггестивная лирика Бориса Гребенщикова. Неомифологизм и интертекстуальность / Т. Логачева // XX век: Проза. Поэзия. Критика. А. Белый, И. Бунин, В. Набоков, Е. Замятин… и Б. Гребенщиков. – М., 1996. – С. 119–137.
10. Малышева Г. Н. Рок-поэзия Бориса Гребенщикова / Г. Н. Малышева // Малышева Г. Н. Очерки русской поэзии 1980-х годов: (Специфика жанров и стилей). – М.: Наследие, 1996. – С. 111–131.
11. Темиршина О. Р. Поэтика загадки (семантические изотопии в творчестве Б. Гребенщикова) / О. Р. Темиршина // Восемь с половиной: статьи о русской рок-песенности: сб. науч. ст. / Рос. гос. ун-т им. И. Канта; Под ред. Свиридова С. В. – Калининград, 2007. – С. 32–44.
12. Шекспир У. Гамлет, принц датский (пер. Б. Пастернака) [Электронный ресурс] / У. Шекспир. – Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/files/sh/shakespeare/shakespeare_20.html.

В. І. Пустовалова (м. Харків)

ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ ДЕЯКИХ НОМІНАТЕМ НА ПОЗНАЧЕННЯ КОМП'ЮТЕРНИХ ІГОР

Комп'ютерні ігри – одна з технічних інновацій, найбільш обговорюваних нині як у середовищі вчених, так і в суспільстві взагалі. Серед популярних напрямів вивчення середовища комп'ютерних ігор – проблеми взаємодії гравця і простору гри, комунікація всередині гри та між гравцями [3; 4]. У лінгвістичному аспекті актуальною є проблема функціонування лексем з ігрової сфери як одиниць вторинної номінації (найчастіше в ролі вербалізаторів концептуальних метафор) у різних типах дискурсу. Ми розглядаємо такі одиниці в контексті метафоричних структур медіадискурсу та політичної мови (див. [1; 2]), але метафори з донорської сфери комп'ютерних ігор мають свою функціональну специфіку (ще не досліджену на сьогодні), на яку й звертаємо увагу.

Серед лексем, котрі актуалізують віртуальний простір комп'ютерної гри, окрему групу становлять одиниці на позначення жанрових назв ігор. Із погляду потенціалу для вторинного слововживання вони вельми різняться, і якщо одні рідко виходять за межі первинної сфери, то інші мають значні експресивні можливості. Репрезентантами останньої групи є такі іменники, як запозичення *квест* і питомий колоквіалізм *стрілялка* (абсолютний синонім останнього, англізм *шутер*, через меншу прозорість внутрішньої форми має значно слабшу метафоричну експресію). Концептуальні ознаки відповідних ігор відомі значній частині мовців, що робить досліджувані лексеми плідним ґрунтом для різного роду перенесень. Наприклад: *«Президент Янукович вступив у політичну гру із Заходом, маючи, як у комп'ютерній "стрілялці", великий*

© Пустовалова В. І., 2013

запас "життів"» (Дзеркало тижня, 05.11.2010). Часто автор медіатексту не обмежується назвою гри в ролі одиниці вторинної номінації або частини порівняння, а творить образний контекст у межах загальної концептуальної метафоричної моделі «життя – комп'ютерна гра». Так, авторка цитованого вище вислову продовжує: «*Таким чином, глава Української держави спалив фактично ні за що майже всі свої "життя". Але ж гра вся попереду.* […] *Реформи не йдуть. Демократія тане. А гроші МВФ потрібні – без них аж ніяк. Але купувати нові "життя" нема за що»*. Метафора в таких контекстах функціонує як образний засіб, введений з експресивною метою.

Оцінне значення таких одиниць формується контекстуально, причому як апеляцією до загального когнітивного образу гри чи окремих його елементів, так і за допомогою слів, що характеризують гру, про яку йдеться: *«19 років гри в* ***однорівневий квест****. Тунель дедалі глибший. Світло в його кінці дедалі тьмяніше. Блукання* ***темними лабіринтами*** *власних помилок, схоже, остаточно захопило наших поводирів.* […] *Україна продовжує шукати гідне місце під сонцем»* (Дзеркало тижня, 20.08.2010). Порівняймо фрагмент рецензії на художню книжку: *«Перед нами не повість, а* ***квест із кількома рівнями****. Структура полягає в проходженні читачем (ґеймером) лабіринтів потойбічного світу»* (День, 05.10.2007). В обох випадках образність створюється перенесенням ігрового сценарію в іншу, неігрову сферу. Проте розгортанням сценарію гри в реальному житті імплікується невідповідність між грою і тим, що має бути насправді; натомість для художньої літератури, що певними ознаками споріднена зі сферою віртуальних ігор [4], таке перенесення є більш органічним. Таким чином формується відповідно негативна та позитивна оцінка, що додатково увиразнюється деталями характеристики (*однорівневий, із кількома рівнями*).

Наведені вище уточнення щодо образу комп'ютерної гри апелюють до опозиції простоти / складності, і це дуже суттєва риса в метафоричному використанні назв комп'ютерних ігор із прагматичною метою. Концептуальна ознака, яка виявляється вагомою підставою для творення негативної оцінки з застосуванням досліджуваних одиниць, – це спрощеність образу гри порівняно з реальністю. Якщо *квест* у навколомистецькому дискурсі виявляє здатність бути носієм позитивної оцінки, то прототипно проста гра *стрілялка* має потужний метафоричний потенціал для задавання протилежного аксіологічного вектора, порівняймо з висловом знов-таки з рецензії, цього разу на кінофільм: *«Назагал же маємо не подорож у сплутані підсвідомі глибини, а щось на кшталт комп'ютерної* ***гри-стрілялки****, в якій головне – пройти на наступний рівень, подолавши якнайбільше перешкод і заробивши якнайбільше очок»* (День, 03.08.2010). *Стрілялку* мовець сприймає як вид гри з мінімальною інтелектуальною складовою, що відповідає оцінюваній реалії, але не відповідає ідеальним уявленням мовця. На цьому й ґрунтується негативна оцінка.

Номінативні одиниці на позначення комп'ютерних ігор вводяться в текст як із суто експресивною, так і з аксіологічною метою. Прикметним є те, що такі жанрові назви в контексті рідко вживаються в ролі одиничних засобів вторинної номінації – тенденцією є їх використання як ключових, але все ж далеко не єдиних компонентів у складі розгорнутої концептуальної метафори, яка вербалізується на певному відрізку тексту.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дацишин Х. П. Метафора в сучасному українському політичному дискурсі (за матеріалами сучасної періодики): автореф. дис. … канд. філол. наук : 10.01.08 – журналістика / Х. П. Дацишин. – Львів, 2005. – 20 с.
2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) [Электронный ресурс] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm
3. Manninen T. Interaction Forms and Communicative Actions in Multiplayer Games [Електронний ресурс] / T. Manninen // Game Studies. – 2003. – Vol. 3, issue 1. – Режим доступу: http://www.gamestudies.org/0301/manninen/
4. Myers D. Computer game semiotics [Електронний ресурс] / D. Myers // Play & Culture. – 1991. – № 4. – P. 334–345. – Режим доступу: http://dmyers.us/F99%20classes/Myers1991_ComputerGame Semiotics/Page1.htm

Т. В. Радзієвська (м. Київ)

СОЦІОЛІНГВІСТИКА І ДИСКУРСОЛОГІЯ: СУЧАСНІ ТОЧКИ ПЕРЕТИНУ

1. Звертаючись до сучасного стану соціолінгвістики як галузі лінгвістичної науки, ми можемо констатувати, що в ньому представлені як синхронічний, так і діахронічний напрями досліджень. Перший можна вважати домінуючим, оскільки саме становлення соціолінгвістики було зумовлене необхідністю вивчення мовних станів та мовних ситуацій в світі, розв'язанням актуальних для суспільства соціолінгвістичних проблем, у тому числі конфліктних. Другий напрям, пов'язаний з проблематикою мовних контактів та мовного варіювання в історичній ретроспективі, з проблемами стандартизації та кодифікації в історії мови, вважається таким, що перебуває в процесі становлення. Реконструкція мовної ситуації або її фрагментів залишається одним з векторів досліджень діахронічної соціолінгвістики і передбачає вироблення відповідних методик аналізу [7].

Разом з тим в останній період, який прийнято називати періодом глобалізації, спостерігається посилений інтерес до активних процесів стосовно функціонування різних ідіомів, до тих чи інших коливань у показниках мовної ситуації. Саме динамічні процеси в соціумі і його мовному житті стають, як правило, стимулом для інтенсивних соціолінгвістичних досліджень мовних змін, де перетинаються інтереси синхронії і діахронії. Це створює передумови для студій, які «впроваджують» бісинхронний підхід до вивчення мовної динаміки [3, с. 3]. Цей підхід передбачає аналіз синхронного стану мови з урахуванням динамічних процесів, які спостерігаються в певний, зазвичай, короткий проміжок часу.

2. Як відомо, центральним теоретичним поняттям у соціолінгвістиці виступає поняття мовної ситуації, а одним з основних завдань цієї галузі лінгвістичної науки є вивчення і опис мовних ситуацій в світі. Однак, змістовий обсяг цього поняття і разом з ним самого терміна зазнав еволюційних змін. Якщо в середині 70-х рр. під мовною ситуацією прийнято було розуміти сукупність мов, підмов, функціональних стилів, які обслуговують спілкування в адміністративно-територіальному об'єднанні та етнічної спільноти [5, с. 79–80], то згодом змістовий обсяг поняття збагатився і розширився. У сучасному науковому контексті мовна ситуація характеризується через два складники – дефініцій ний (сукупність форм існування мови/мов у межах адміністративно-політичних утворень) та операційно-дескриптивний, який заслуговує на окрему увагу. Операційно-дескриптивний складник «відповідає» за опис мовної ситуації за певними параметрами чи критеріями. Згідно з сучасним розумінням опису мовної ситуації, він має здійснюватися шляхом виявлення кількісних, якісних та оцінних ознак [2, с. 616–617]. До перших належать кількість ідіомів, представлених у мовній ситуації, їх демографічна потужність, комунікативна потужність, кількість домінуючих ідіомів. Кількісні ознаки дають можливість чітко окреслювати мовну ситуацію як моно- або полікомпонентну, однополюсну або багатополюсну тощо. Якісні ознаки мовної ситуації стосуються визначення статусних характеристик ідіомів (мова, субмова, діалект однієї чи різних мов), структурної чи генетичної спорідненості/неспорідненості мов, які функціонують у межах певної території, функціональної рівнозначності або нерівнозначності, визначення домінуючого ідіому, його походження та співвідношення з іншими.

До цих об'єктивних параметрів мовної ситуації додаються суб'єктивні, зумовлені тими соціальними установками та преференціями, які властиві носіям мов у певний період часу і які здатні швидко змінюватися. Це різноманітні кваліфікативні смисли, які приписуються носіями мови певному ідіому – оцінки ступеня престижності, естетичності, зручності тощо.

© Радзієвська Т. В., 2013

3. Водночас глобалізаційний контекст останніх двох десятиліть сприяв істотним змінам у характері функціонування мов, які пов'язані з формуванням дискурсивних практик і дискурсивних середовищ, що мало наслідком збільшення питомої ваги комунікації із застосуванням коду писемної мови, а також текстової комунікації [11]. Неологіяне може оминути такі репрезентативні явища сучасного мовного життя, як панування рекламного дискурсу (та рекламної ідеології), комп'ютерного дискурсу, які фактично отримали статус соціально значущих комунікативних сфер, що дає підстави для аналогії з домінуючим ідіомом. Подібні дискурси та їх мовленнєвий «формат» сприяють створенню нових механізмів породження й рецепції повідомлення, що в свою чергу зумовлює формування певної субмови як атрибуту дискурсу. Тому постає питання, як співвідносяться поняття дискурсу і поняття ідіому, чи може код певного дискурсу ототожнюватися з ідіомом.

З іншого боку, дослідження, які проводяться в рамках дискурсологіїі пов'язані з вивченням нових явищ у мовленні, мають безпосереднє відношення до соціолінгвістики. Так, Л. О. Кудрявцевою в межах студій, присвячених мові ЗМІ, живому мовленню, доведено формування в останнє десятиліття т. зв. загального сленгу, який став інноваційною ознакою не лише сучасного розмовного мовлення, а й офіційного та напівофіційного дискурсів, в чому виявляється тенденція до зближення ідіому літературної мови зі зниженими (проте не просторічними) формами мовлення, тобто іншим ідіомом. Ці конвергентні тенденції спостерігаються і стосовно багатьох інших форм існування мови. Значний вплив на мовленнєву діяльність впродовж двох десятиліть здійснює рекламний дискурс, агресивний вплив якого давно опинився у фокусі уваги лінгвістів. Так, ще в середині 90-х рр. дослідниками відзначалася виняткова роль рекламного дискурсу для розвитку мови та мовної ситуації, було звернено увагу на явище рекламізації. Воно виявилося в абсолютизації функції впливу та нівелюванні інших функцій. «Яскравим прикладом цього процесу є той факт, що джерелами крилатих фраз стали рекламні кліпи, а не літературні твори чи популярні кінофільми» [1, с. 97], ця обставина діагностувала провідну на той час роль рекламного дискурсу у формуванні мовної свідомості і мовної поведінки і фактично нового змісту якісних характеристик мовної ситуації, яка почала еволюціонувати.

У дослідженнях мовних процесів у комп'ютерному дискурсі відзначалося створення нових текстових типів і жанрів, номінативних механізмів та моделей текстотворення, напр. [6, 10]. Відзначалися процеси конвенціоналізації засобів комунікації, яка здійснюється електронними журналами, виникнення нових жанрових форм та риторичних стратегій, ознаками яких є використання гібридних комунікативних форм, зокрема аудіо-візуальних, виражена діалогічність, інтерактивність, персоналізація, опора на живе мовлення в побудові висловлення [8; 9]. Отримані в цій області результати також демонструють активний характер формування нових субмов і ставлять питання про ідіоми, які обслуговують потреби нових дискурсивних спільнот. Ці явища мають знайти своє місце при описі сучасних мовних ситуацій в ареалі функціонування слов'янських мов та отримати адекватну інтерпретацію, що стосується і самого поняття мовної ситуації, яке, з огляду на сучасні мовні реалії, потребує уточнення і доповнення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Буданова Т. А. Современные тенденции в системе функциональных стилів руського языка / Т. А. Буданова // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: матер. междунар. конф. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 95–98.
2. Виноградов В. А. Языковая ситуация/ В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия., 1990. – С. 616–617.
3. Изменения в языке и в коммуникации: XXI век: сб. ст. / под. ред. Кронгауза М. А. – М.: РГГУ, 2006. – 276 с.
4. Кудрявцева Л. А. Язык города: общий сленг / Л. А. Кудрявцева // Филология. Русский язык. Образование: сб. ст., посвященных проф. Л. А. Вербицкой / под. ред. В. Б. Касевича, И. В. Мурина, В. Н. Трояна. – Спб.: Изд-во Спб. гос. ун-та, 2006. – С. 158–166.
5. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы / Л. Б. Никольский. – М.: Наука 1976. – 168 с.

6. Barron A. Understanding spam: A macro-textual analysis / A. Barron // Journal of Pragmatics. – 2006. – V. 38. – № 6. – P. 880–904.
7. Romaine S. Socio-historical Linguistics: Its Status and Methodology / S. Romaine. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 326 p.
8. Tereszkiewicz A. The genre of e-zines – in the search for conventions / A. Tereszkiewicz //Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. – № 127. – 2010. – S.195–210.
9. Tereszkiewicz A. Rhetorical strategies on www.iReport.com / A. Tereszkiewicz // Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis. – № 128. – 2011. – S. 179–194.
10. Upton T. Understanding direct mail letters as a genre / T. Upton // International Journal of Corpus Linguistics. – 2002. –№ 7.– P. 65–85.
11. Wspolczesne analyzy dyskursu. Kognitywna analiza dyskursu ain ne metody badawcze / M. Krauz, St. Gajda (red.). – Rzeszów: Wyd-wo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2005. – 411 s.

Л. В. Рацибурская (г. Нижний Новгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СИНТАГМАТИКИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ОСНОВ И АФФИКСОВ В НОВООБРАЗОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Демократические процессы в языке, явившиеся своеобразным откликом на либерализацию общественных отношений в современной России, в сфере окказионального словообразования привели к разного рода расширению синтагматических возможностей аффиксов, к преодолению ограничений в сочетаемости морфем, что нашло отражение в новообразованиях, представленных в текстах СМИ.

В новообразованиях масс-медиа деривационные аффиксы способны сочетаться с основами иной семантики, иных лексико-грамматических разрядов, чем это принято в узусе. Так, новый заимствованный префикс ***мега-***размерно-оценочной семантики сочетается с основами не только неодушевленных, но и одушевленных существительных, а также прилагательных и причастий: *Наш* ***мегаветеран*** (Россия 1, 12.08.2012); *Они все такие* ***мегасерьезные*** (RENTV, 07.01.2012); *Только вот государство у нас хоть и* ***мегазабюрократизированное,*** *но уж точно совсем-совсем не формальное* (Новая газета в Нижнем Новгороде, 24.08.2012). Активизировавшийся в последние десятилетия префикс ***экс-***с семой ‘бывший’ сочетается с основами не только одушевленных существительных титульной, статусной семантики, но и с основами существительных, называющих лиц по профессии, занятию, музыкальной группе (*Сложно сказать, кто из них более знаменит: отец (****экс-разведчик*** *Михаил Любимов) или сын (****экс-телеведущий*** *Александр Любимов) //* Комсомольская правда, 13 – 20.12.2012; ***Экс-татушка*** *обещает порадовать мемуарами* // НТВ, 23.12.2012), а также с основами прилагательных и числительных в составе устойчивых словосочетаний: ***Экс-кремлевский*** *мечтатель* (Собеседник, 28.11-04.12.2012); *Перебежчик Сергей Третьяков,* ***экс-первый секретарь*** *постпредства России при ООН, обосновавшийся в Майами, два года назад благополучно умер в День России, подавившись мясом* (Комсомольская правда, 13-20.12.2012).

В последнее время в сложных словах активизировался препозитивный компонент ***свеже-***, который сочетается с основами слов, несовместимой со словом свежий лексической семантики: *Как Вам, Анатолий, этот* ***свежеизбранный*** *список?* (НТВ, 27.10.2012); *Телеведущий Малахов пытается выселить пенсионерку из* ***свежеприобретенных*** *апартаментов на Остоженке* (радио «Бизнес FM», 07.11.2012).

Суффикс *–ость,* который в узусе обычно сочетается с основами качественных прилагательных, в новообразованиях представлен в сочетании с отрицательными местоимениями: *архитектурная* ***никакаесть*** *Женевы* (1-й канал, 23.12.2012). В ряде случаев в окказиональных деривационных процессах преодолеваются словообразовательные ограничения в сочетаемости морфем. Так, основы на *-ск(ий)* могут

© Рацибурская Л. В., 2013

сочетаться с суффиксом *-ость*: *Вас не пугает легкая **фашистскость** этого закона?* (радио «Вести FM», 14.12.2012).

О расширении синтагматических возможностей ряда аффиксов свидетельствуют процессы чересступенчатого словообразования, когда совокупность аффиксов выступает как единый формант, окказионально присоединяясь к мотивирующей, производящей основе, минуя узуальную ступень словообразования. Так, с пропуском глагольной ступени создан окказионализм ***егэизированные***, в котором суффиксальный компонент ***-изированн(ый)*** сочетается с основой аббревиатуры *ЕГЭ*, а также глагол ***пореволюционерить***: *…«**егэизированные**» студенты – это демонстрация культурно-образовательной варваризации и информационной бедности* (Завтра, 2011, № 50); *Оставим в стороне нестыковки между очевидным уже для всех спадом протестов даже в Москве и якобы нарастанием желания народа **«пореволюционерить»**…* (Комсомольская правда, 25.10.2012).

В современной медийной речи наблюдается также расширение стилистической синтагматики: преодолеваются стилистические ограничения в сочетаемости морфем. Так, основы заимствованных слов сочетаются с исконными аффиксами, и наоборот: *С Сокуровым трудно работать **актерищам**, которые привыкли выпячивать свой богатый внутренний мир* (Московский комсомолец. PPE, 05-12.12.2012); *На деревню **президентушке**…* (МК в Нижнем Новгороде, 25.01-01.02.2012); *…опять из него **индусинка** поперла* (Радио «Маяк», 09.12.2012); ***Крокодильщина** пошла на спад после принятия решения, по которому кодеиносодержащие препараты должны продаваться только по рецепту* (ННТВ, 02.12.2012); *Но когда он пересыпает свою речь разными драйвами, трендами и прочей **англичатиной**, мне, признаться, иногда кое-что непонятно* (Завтра, 2011, № 45); *Дождь из серы и прочая **апокалипсятина*** (1-й канал, 22.12.2012); *Сначала завоевать вот эту **брендность*** (Радио «Бизнес FM» 29.10.2012); *…слишком много денег власти тратят на антураж и «**фасадность**»…* (Огонек, 01.08.2011); *Аллее не хватает **аллейности*** (Литературная газета, 12-18.09.2012, №36); *А можете вы объяснить, какой смысл в эпоху пиратства, **интернетства** и постепенного исчезновения диска как носителя выпускать музыкальный альбом?* (Собеседник, 2012, № 45); *Вопиющее **фанство*** (Огонек, 01.10.2012, № 39). В данных случаях размерно-оценочные суффиксы ***-ищ(е), -инк(а), -ушк(а)*** сочетаются соответственно с основами заимствованных существительных *актер, президент*, *индус,* а суффиксы ***-щин(а), -(ч)атин(а)*** отвлеченной семантики с оттенком неодобрения – соответственно с основой заимствованного *крокодил,* обозначающего в жаргоне наркоманов вид наркотика, иноязычного топонима *Англия* и заимствованного *апокалипсис*. Суффикс ***-(ч)атин(а)*** выступает в собирательном значении. Суффиксы ***-(н)ость, -ств(о)*** отвлеченной семантики сочетаются с основами заимствованных *бренд, фасад, аллея, Интернет, фан(ат).*

С другой стороны, иноязычные аффиксы, в частности префиксы (***анти-, псевдо-, экс-*** и др.), проявляя продуктивность, сочетаются с основами исконных слов: ***античудо*** (1-й канал, 01.07.2012*); Хрущев – **антисталинец**, хотя и был сталинский человек* (Радио «Вести FM», 15.12.2012); ***Антисердюковская** интрига продолжается* (радио «Бизнес FM», 07.11.2012); *Закончить можно по-французски: принять **антипростудную** ванну* (1-й канал, 14.02.2012); ***Псевдоограбление** без цели наживы* (1-й канал, 03.01.2012); *покончить с **псевдообразованием*** (Россия-1, 02.06.2012); Может быть, это остановит американских ***псевдоусыновителей, псевдородителей*** (1-й канал, 30.01.2013); *Очень много **псевдоучащихся**, псевдофилиалов вузов* (радио «Вести FM», 20.12.2012); ***экс-разведчица** Анна Чапмен* (НТВ, 07.07.2012); *другой **экс-динамовец*** (радио «Бизнес FM», 06.11.2012).

Заимствованные префиксы в составе новообразования способны сочетаться и друг с другом: *Когда Прохоров объявил, что хочет возглавить партию «Правое дело», это вызвало эманацию восхищения известной **архи-экстра-суперзвезды** Пугачевой на страницах «Комсомольской правды»* (Завтра, октябрь 2011). В подоб-

ных случаях нанизывание префиксов используется как средство экспрессии, как правило, негативной.

Заимствованные суффиксы ***-изм, -изаци(я), -ист*** активно сочетаются с основами исконных слов: *Это просто деловые отношения. Тот же* ***деловизм*** *и в Бильчире* (Комсомольская правда, 17.07.2012); *Из искусства телевидение постепенно превращается в самодеятельность.* ***Кавээнизация*** *сегодняшнего ТВ уже никого не удивляет* (Собеседник, 2012, № 27); *Студенты же, в свою очередь, заранее заготовили для гостя плакатики и вопросики <….> самых активных* ***вопросистов*** *задержали и препроводили в отделение внутренних дел «Арбат»* (Завтра, 2011, № 48).

Проявлением демократических тенденций в деривационных процессах становится расширение сочетаемости стилистически сниженных аффиксов с книжными основами исконного и заимствованного характера: *Кадышева и Бабкина, опытные* ***эксплуататорши*** *этномотивов, выясняют, кто из них псевдо (мой неологизм – «псевдатее»)* (Собеседник, 2012, № 23); *Судя по мемуарам перестройщиков и обслуживавшей их «****интеллектухи****», именно в середине 1970-х сформировалась та команда, которая, вступив в тесный контакт с Западом с корпоратократией и ее структурами, начала демонтаж советской системы, ее сдачу* (Завтра, 2012, № 19); *Главное, не попасть в лапы откровенного* ***аферюги****, который уговорит наивную дурочку продать квартиру и отдать все курортному кавалеру* (Комсомольская правда, 19-26.07.2012) – модификационные, оценочно-разговорные суффиксы ***-ш(а), -ух(а), -уг(а)*** присоединяются к основам книжных заимствованных *эксплуататор, интеллект, афера*.

В деривационные процессы активно вовлекаются стилистически сниженные слова жаргонного характера: *Кроме того, зарабатывает* ***«сиськографией»*** *(ее термин): мажет грудь краской и бросается на холст* (Комсомольская правда, 06.09.2012); *…все виды государственных институтов целенаправленно и последовательно разрушаются до такой степени, что политическую систему России называют* ***«паханатом»*** (Завтра, 2011, № 46); *Очень хочется <…> пожелать нашим* ***кирдышникам*** *и* ***баблоидам****: «Счастливого вам онкоглотания!»* (Завтра, 2012).

Подобные стилистически противоречивые новообразования обычно отличаются высокой степенью экспрессивности и могут служить ярким оценочным средством, как правило, негативного характера. Оценочным характером обладают сложные новообразования на базе других стилистически сниженных слов: *Все роются в* ***интернет-помойке*** (Россия-1, 01.12.2012); *Предновогодние события и непомерно длинная* ***телепьянка*** *столкнулись в непримиримом противоречии* (Литературная газета, 18-24.01.2012); программа *«****Авторазборки****»* (радио «Вести FM»); ***Быдломанифест*** (Собеседник, 2012, № 24).

Новообразования гибридного характера, в которых сочетаются исконные и заимствованные книжные и стилистически сниженные основы, выступают в качестве средства языковой игры: ***МинОборотеньСервис*** (НТВ, 17.11.2012) < *Минобороны + оборотень + сервис*; *Герои у нас реальные … если бы мы были таким «****воображариумом****», то вряд ли они бы нас читали* (Русский репортер, 04-11.2010) < *воображать + аквариум;* ***Шопокалипсис*** *сегодня* (Культура, 23-29.11.2012) < *шоп + апокалипсис; Маленькие* ***райдерсти***; *Какие причуды возникают у звезд во время гастролей* (Наша Версия, 02-08.07.2012, № 25) < *райдер + радости;* ***ЖКХрень*** (Собеседник, 2012, № 42) < *ЖКХ +хрень*; ***ДогоВОРняк*** *в законе* (Собеседник, 2012, №35) < *договорняк + вор (в законе)*.

Особенно интересны в этом плане графодериваты (Т. В. Попова), в которых сочетаются кириллический и латинский алфавиты: ***TALKОВОЕ*** *РАДИО* (Огонек, 21.05.2012); *«****ПсевдоDoors****» и «****полуQueen****». В рамках одной недели нашу страну посетят группы с довольно странными названиями…* (Культура, 29.06–05.07.2012); ***PRавославный*** *актив* (Собеседник, 2012, №33); *Тихой* ***SAPой*** (Нижегородская правда, 03.11.2012). В графодериватах латиницей могут передаваться иноязычные слова: *Русские* ***speech-ки*** (Российская газета, 30.08-05.09.2012).

Расширение синтагматических возможностей аффиксов в аспекте преодоления последними семантико-стилистических ограничений в сочетаемости морфем может квалифицироваться как проявление демократизации в речи, допускающей различные отклонения от узуальных словообразовательных норм.

И. П. Ромашова (г. Омск, РФ)

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Процессы, происходящие в социальной, экономической жизни, информатизация и глобализация приводят к появлению все новых типов дискурса и дискурсивных практик, благодаря чему исследователи имеют возможность наблюдать разворачивающуюся на их глазах «жизнь» и «смерть» дискурсов, а также те эволюционные и революционные процессы, которые совершаются в рамках функционирующих дискурсивных форм. Названые явления привели к появлению в дискурсологии термина «дискурсивная практика» (здесь и далее ДП. – *И. Р.*]), отражающего динамический аспект исследования коммуникации. Лингвистика только открывает для себя понятие «дискурсивные практики» (см. работы Т. А. ван Дейка, Ю. Хабермаса, Н. Феркло, А. Н. Баранова, М. Л. Макарова, С. Б. Белецкого, Ю. Н. Синицыной и др.), в то время как оно давно и успешно используется в философии (М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Пешё и др.), социологии (И. Гоффман, П. Бурдье, Н. А. Ипатова, А. Р. Тузиков), политологии (Л. Н. Ульмаева) и др. гуманитарных науках, ввиду того что ДП, как и дискурс, является междисциплинарным объектом исследования.

Термин «дискурсивные практики» (франц. pratiques discoursives, англ. discoursive practics) предложил в своих работах М. Фуко [1]. Большинство исследователей, вслед за Фуко, стали обозначать этим термином любую речевую деятельность людей, использование имеющихся дискурсивных форм или создание новых, а также «совокупность анонимных исторических правил, … которые устанавливают условия выполнения функций высказывания в данную эпоху»: «Эти правила, или дискурсивные практики, всегда являются определёнными во времени и пространстве» [1, с. 98]. В процитированном определении М. Фуко обращает на себя внимание мысль об исторически изменчивом характере ДП и об их нормотворческой сути.

В триаде «язык – речь (дискурс) – дискурсивные практики» ДП отвечают за воспроизведение, модификацию или мутацию имеющихся дискурсивных форм или связаны с появлением новых дискурсов.

Что придает языковым и речевым феноменам статус дискурсивной практики? М. Фуко считал, что статус ДП речевая деятельность приобретает в процессе нормотворческой, кодифицирующей деятельности какого-либо языкового коллектива или в результате сторонней метаязыковой рефлексии, отодвинутой во времени. Именно с такими феноменами сталкивается исследователь, изучающий отечественный корпоративный дискурс (здесь и далее КД. – *И. Р.*). КД проходит в настоящий момент этап институционализации, то есть закрепления его в качестве легитимной речевой практики. Институционализация осуществляется с помощью специальных текстов, которые мы назвали «текстами институционализации». Речь идет о «Миссиях» и «Корпоративных кодексах», «Фирменных стандартах на общение» и «Положениях о единой коммуникационной политике» компаний – они выступают в роли «гипотез о главном содержании деятельности группы» и одновременно являются «сводом цеховых уложений», там же отражены «базовые понятия дискурса» (концепты). Именно так определял сущность процесса институционализации М. Фуко*.

© Ромашова И. П., 2013

* См. определение дискурса, данное М. Фуко, которым ученый представлял как «совокупность гипотез о главном содержании деятельности группы, о базовых понятиях дискурса (базовых концептах – в терминологии со-

В настоящей статье речь пойдет о языковой политике российских организаций по отношению к такому феномену русской корпоративной речи, как сквернословие.

Сквернословие всегда считалось лексикой запретной, табуированной для публичной сферы, особенно в официально-деловой среде. Однако опросы, проведенные в июле 2010 г. на сайте группы компаний HeadHunter [2] – крупнейшего представителя интернет-рекрутмента, – и на портале ub.ru [3], показали, что ненормативная лексика используется в 85 % российских компаний, причем около 44 % опрошенных признались, что нецензурная лексика в офисе употребляется часто. Это означает, что мат стал практически офисным разговорным языком. В опросах приняли участие 3387 человек, работающих в различных направлениях бизнеса во всех в регионах нашей страны.

Аналогичное исследование было проведено автором даннй статьи в период с 2009 по 2012 гг. в 12 коммерческих структурах г. Омска, в Центре делового образования, Учебно-методическом центре, на Факультете международного бизнеса Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, где проходят повышение квалификации и получают второе высшее образование сотрудники и руководители государственных и коммерческих структур г. Омска. Всего было опрошено около 1,5 тысяч респондентов. Данные были получены посредством анкетирования, в котором слушателей и участников семинаров и тренингов просили написать ответ на следующий вопрос: «Употребляют ли в речи сотрудники вашего офиса (организации) ненормативную лексику?». Из демографических параметров, ввиду деликатного характера предмета исследования, респонденты отмечали только пол и тип организации (государственная или коммерческая структура). Всего было получено 1 348 ответов. Отказ от анкетирования участники объясняли «нерелевантностью темы» для их организации или нежеланием говорить «на эту тему». В настоящей работе приводятся примеры собственного исследования автора и данные опроса, опубликованные на портале ub.ru.

Анкетирование показало результаты, сопоставимые с приведенными выше данными интернет-опроса: 73 % опрошенных сотрудников омских коммерческих организаций ответили, что ненормативная лексика используется в их организациях при решении рабочих проблем; в госструктурах показатель положительных ответов значительно ниже, но тоже значим – 47 %. Вот некоторые ответы на вопрос «Употребляют ли в речи сотрудники вашего офиса (организации) ненормативную лексику?»: «*Да! Иногда достаточно одного нецензурного слова, чтобы поняли сотрудники друг друга! Краткость, сестра таланта. Великий и могучий русский язык!»; «ещё как используют! и 5 минут не проходит без слов б**, с***, какого х**, е**** того в рот!»; «Когда я начинал работать в ХХХ в 1995 г., русский матерный был одни из рабочих языков компании, наряду с С++»; «В связи с наличием обильного колличества «косяков» со стороны отдела логистики, в региональном отделе мат, густым туманом, висит в воздухе постоянно»; «Только когда отсутствуют дамы»; «только коммерческий директор»* и т. д. (здесь и далее ответы респондентов даются в оригинале, без орфографической, пунктуационной и стилистической правки. – *И. Р.*).

В целом картина корпоративного сквернословия и корпоративная языковая политика по отношению к этому явлению выглядят следующим образом. Отношение к матерной лексике амбивалентно: «*Ненормативная лексика, это такая зараза, что в одном случае помогает разрядить обстановку в офисе, и в какой то степени повышает производительность коллектива, но с другой стороны она заразна и превращает офис в дешовый кабак, вывод она должна присутсвовать, но в меру*». Но большинство участников форума и анкетирования констатируют тот факт, что нецензурная лексика на работе – это «*просто формат общения*» («*В техническом отделе это норма неформального общения*»).

временной когнитивной лингвистики), об этических предпочтениях, «сводах цеховых уложений», с одной стороны, и совокупности описаний этого дискурса – с другой» [1, с. 131].

Исследование показало, что использование бранной лексики зависит от сферы деятельности организации или ее подразделения: «*Работаю на железной дороге и считаю что без этого никуда***»**, «*я же работаю в метрострое)))))))))))*», «*Я ПРОРАБ!!!*», «*только внутри IT-отдела*»; «*можно спокойно отнестись к подобным словам исходящих из уст сотрудников рабочих специальностей*»; «*Я работаю на радио Эрмитаж, видимо поэтому здесь люди себя сдерживают или перевоспитываются*». На основании этих и многих других ответов можно утверждать, что использование бранной лексики или запрет на ее употребление нередко становится отличительной чертой корпоративной культуры организации и ее языковой политики.

При этом сотрудники и руководители компаний, понимая неуместность подобной лексики в публичных коммуникациях, пытаются различными способами регламентировать сквернословие в организации: «*мат употребляется редко, только по делу, и только мной как хозяйкой фирмы. Остальным не разрешается*». В каждой компании данная проблема речевой этики решается по-своему. Спектр мер – самый широкий. От директивного запрета («*Употребление ненормативной лексики запрещено приказом по предприятию. Если такое происходит, немедленно применяется дисциплинарное взыскание в форме выговора. Повторно – увольнение*») до полушутливых санкций, из которых самый распространенный вариант в российских компаниях – штраф: «*У нас «баночка». Сказал, положил 10 рублей. Иногда за фразу кладут по 50 рублей сразу :»;* «*Соорудили подобие большой копилки из коробки и сделали прорезь. С тех пор каждый, кто ругнется, должен кинуть в копилку 1, 5, 10 в зависимости от степени. Желающих сразу поубавилось*».

Во многих ответах респондентов говорится об эвфемизации ненормативной лексики: «*Существуют фразы типа «полный бизнес» или «иди на ЙУХ» которые передают всю сущьность момента,но не являются бранью*»; «*очень часто используют заимствованные из иностранного языка слова: пропушить, факап, челендж, тудус, майлстоун, форварднуть, и т.п.*»; «*Употребляют слова заменяющие мат. Всем сотрудникам офиса было направлено письмо с определенным набором слов, заменяющих мат. Например: вм. «ПИ...ЕЦ» - Упс, небольшой коллапс вышел. Всем понравилось и прижилось в компании*». Среди приемов эвфемизации встречаются и совершенно экзотические: «*Руководитель одного из направлений в место ненормативной лексики, кричит осликом. Делает он это очень громко (ИА_ИА) . Уверяю, что звучит это похлеще , чем ИДИ НА,,,,,,,,,,,,*».

Осознавая сквернословие как этическую проблему делового общения, наносящую урон имиджу организации, передовые руководители проводят просветительские мероприятия: «*В нашем офисе проводятся семинары по сакральному значению мата для взрослых*».

Таким образом, дискурсивные практики российских корпораций активно осмысляются их участниками. Фактически в каждой организации идут процессы осознанного нормотворчества, которые отражают языковые проблемы, характерные для всего русского языка. Это и проблема активизации процессов заимствования, и вопросы вульгаризации речи, и сквернословие, которые характеризуют языковую ситуацию в русском языке в целом, а не только в отдельных корпоративных его разновидностях. Анализ высказываний, регламентирующих языковую практику в отношении сквернословия, позволяет констатировать и иной факт – существует некое противостояние народной и официальной языковой политики. Если народное нормотворчество в отношении нецензурной лексики основывается на постулате о ее полифункциональности в практике деловых отношений, то языковая политика со стороны руководства, как правило, заключается в запрете сквернословия в ситуациях официального общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – К.: Наука-Центр, 1996. – 208 с.
2. Сайт группы компаний HeadHunter. – Режим доступа: http://www. hh.ru
3. Портал ub.ru. – Режим доступа: http:// www.rb.ru/inform/112917.html

Т. И. Русенко (г. Донецк)

СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ С КОРНЕМ -ВОНЬ- КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА «ЗАПАХ» (на материале произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина)

Несмотря на то, что активное изучение концептов и их сущности началось еще в 80-х годах XX века, ученые единогласно констатируют отсутствие единого определения данного термина и в своих работах конкретизируют значение этого понятия с позиции собственного исследования.

В нашей работе мы пользуемся определением концепта, предложенным В. И. Карасиком: «Культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [8].

Каждый признак концепта обладает специфической комбинаторикой, обусловленной различными практиками освоения действительности. Таким образом, рассмотрение сочетаемости составляющих позволяет нам расширить представление о концепте в целом и, как следствие, о его месте в языковой картине мира.

Слова с корнем -вон'- для описания были выбраны нами не случайно. Как известно, лексема *вонь,* понимаемая на данном этапе как «отвратительный запах, зловоние» [9, с. 89], ранее не несла в себе отрицательной оценки запаха. Об этом свидетельствуют данные этимологического словаря Фасмера [10, с.349], значение этого слова в родственных языках и образования от него: *благовоние* и *зловоние*.

Помимо того, что значение данной лексемы конкретизировалось со временем, некоторые нюансы в значении можно найти и в синхронном срезе. Для этого мы обращаемся к синтагматике слов с корнем -вон'-. В качестве материала мы выбрали сборник рассказов И. А. Бунина [4] и рассказы А. П. Чехова, собранные во втором томе ПСС этого автора [11].

Так, с помощью сплошной выборки из указанных рассказов А. П. Чехова контекстов интересующего нас типа мы обнаружили 57 случаев употребления запаховых номинаций, из которых 9 – это слова с корнем -вон'-: *вонючий* (2), *благовонный* (1), *вонять* (2), *навонять* (1), *зловоние* (1), *вонь* (2).

Проанализировав употребление данных лексем, мы пришли к выводу, что в произведениях А. П. Чехова неприятные запахи, описанные с помощью лексем с корнем -вон'-, обозначают некачественность, низкий сорт – как в прямом смысле: по отношению к продуктам питания (*вонючий квас, чай*), табачным изделиям (*сигара, распространяющая зловоние*) и корму для птиц (*кислятина, от которой воняет*), так и в переносном: к местности (*уличная вонь, вонючий Червянск*), а также самим людям (необходимость денщика изгонять свой запах курением *благовонной бумажки*, низкий социальный статус того, кому принадлежат продукты с неприятным запахом). Одним словом, вонь появляется там, где ситуация является не такой, как ей надлежит быть. Все, что у Чехова обладает неприятным запахом, в нормальном состоянии не воняет.

В сборнике рассказов и повестей И. А. Бунина мы обнаружили 18 случаев употребления слов с корнем -вон'-, что гораздо больше, нежели у Чехова. Это такие лексемы*:* *вонь* (3), *зловоние* (1), *вонючий* (8), *вонять* (5), *воняющий*(1).

В большинстве случаев запахи у И. А. Бунина – это часть быта, а одоративные номинации, в связи с этим, возможно, не в такой степени выверены и осмыслены, как у А. П. Чехова. Лексемы с корнем *-вон'-* у И. А. Бунина скорее отражают авторское восприятие реальности, чем свидетельствуют о нарушении нормы. Автор «Антоновских яблок» воспринимает мир таким, как он есть, всеми органами чувств, о чем сам неоднократно пишет как в художественных произведениях [2], так и в Дневниках [3].

© Русенко Т. И., 2013

Неприятные запахи у И. А. Бунина не так явно связываются с социальным статусом персонажей, как у А. П. Чехова. Они могут присутствовать как в деревенском, так и в городском быту. При этом следует отметить большое разнообразие источников запаха в рассмотренных нами примерах. Это всевозможные предметы быта (*инструменты, сбруя, хомутина*), табачные изделия (*махорка, окурки*), помещения и территории (*коридор, навозный двор*), люди (*людишки*) и т. д.

Широкие границы сочетаемости слов с корнем -вон'- в произведениях И. А. Бунина свидетельствует о том, что автор придает большое значение сенсорным деталям в отображении действительности. Его герои чувствуют запахи, помнят их, довольны или недовольны ими.

Сопоставление особенностей синтагматике слов с корнем -вон'- в произведениях интересующих нас авторов несомненно пересекается с особенностями их творческой манеры. Так, известное чеховское стремление к лаконизму рассказов приводит к четкому подбору деталей, а значит, ограничивает, в какой-то степени круг сочетаемости одоративных номинаций. Стремление И. А. Бунина охватит мир во всех его красках, напротив, этот круг расширяет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В. П. Семантические поля художественного текста в идиостиле И. А. Бунина / В. П. Абрамов, С. В. Бревнова // Филология как средоточие знаний о мире: юбилейный сб. – М.; Краснодар : АПСН; КубГУ, 2008. – С. 432–436.
2. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева: роман. / И. А. Бунин. – СПб.: Изд. группа «Азбука–классика», 2010. – 448 с.
3. Бунин И. А. Окаянные дни / И. А. Бунин – СПб.: Изд. группа «Азбука–классика», 2009. – 320 с.
4. Бунин И. А. Повести и рассказы / И. А. Бунин [сост. А. А. Девель] – Л.: Лениздат, 1985. – 639 с.
5. Варданян Л. В. Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковой картинах мира: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. В. Варданян. – М., 2007. – 18 с.
6. Воркачев С. Г. Концепт *счастье* в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2012. – 142 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А–З. / В. И. Даль – М.: Рус. яз., 1978. – 699 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1975. – 847 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер, перевод с немец. и дополнения О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – Т. 1 (А–Д). – М.: Прогресс, 1964. – 564 с.
11. Чехов А. П. Собрание сочинений: Т. 2 / А. П. Чехов. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954. – 504 с.

Л. А. Савелова (г. Северодвинск, Россия)

О ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ НАРЕЧИЙ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Употребление многих языковых единиц в различных сферах современной речевой коммуникации демонстрирует наличие в их содержательной структуре семантических сдвигов, которые проявляются в изменении их валентностных свойств и фразовых функций.

Наречная лексика в силу своих прагмасемантических особенностей обладает диагностической значимостью для идентификации языковой личности в ее социолингвистическом представлении. Употребление наречий (его характер и точность) показательно, в частности, для различия упрощенного и интеллектуального языковых кодов: «для упрощенного языка употребление прилагательных и наречий очень ограниченно и набор их исчислим» [6, с. 388]. Для такого рода дифференциации, соответственно, релевантны, с одной стороны, индивидуальный наречный запас носителей языка (см. также [1, с. 474; 3, с. 217 и др.]); с другой стороны – речевые пред-

© Савелова Л. А., 2013

почтения в употреблении наречных единиц, включающие и элементы стереотипного, в том числе лингвистически некорректного, их использования.

Предмет нашего обсуждения составляют некоторые специфические фразовые свойства адвербиальной лексики, которые проявляются в том, что употребление отдельных наречных лексем носителями русского языка является дисфункциональным. Речевые дисфункции основаны на нарушении, часто неосознанном, системно-семантических связей между различными компонентами речи, они «мешают пониманию речи, снижают или сводят к нулю ее эффективность» [2, с 128].

Частным случаем дисфункционального употребления наречий является такое их включение в состав высказывания, которое регулируется сугубо прагматическими факторами и, в принципе, не имеет отношения к формированию семантической структуры самого высказывания. Например: *Я вижу, что это* ***совершенно*** *не мой ребёнок. Он говорит* ***абсолютно*** *заученными фразами* (К. Орбакайте, из выступления в телепрограмме). Нулевой референтный потенциал наречных единиц в подобных высказываниях, на наш взгляд, не компенсируется их экспрессивной, модально-оценочной нагрузкой. Употребление выделенных наречий здесь излишне, они делают высказывание «псевдоэкспрессивным», что может расцениваться как коммуникативная неудача. Едва ли в таких конструкциях следует усматривать вариант конденсации смысла, свертывания пропозиции.

По словам А. А. Мурашова, «большинство речевых ошибок не просто игнорирование нормы или результат ее незнания, а прежде всего – индикатор состояния общества и личности, проблем, стоящих перед ними, аттракторов, императивно воздействующих на бессознательно-индивидуальное и коллективное» [5, с. 72].

В области употребления адвербиальной лексики к дисфункциям макросоциального уровня относится информативное опустошение наречий в составе высказывания. Очень часто в этот процесс вовлекаются наречия со значением градуируемости (интенсификаторы – усилители, максимизаторы, усреднители; деинтенсификаторы): *абсолютно*, *совершенно*, *крайне*, *практически*, *достаточно*, например: *спасибо за* ***крайне*** *существенное замечание*; *это* ***абсолютно*** *официальный метод* (из выступления диссертанта на защите). Значение интенсивности может быть контекстным, например, у таких наречий, как *однозначно*, *реально*: *Это платье тебе* ***однозначно*** *не идёт*; *Не, ну я* ***реально*** *устала* (из устной речи).

Прагматика употребления тех наречий, которые не утратили «налета» книжности, состоит в придании высказыванию значительности, которая на деле может оказаться мнимой: ***совершенно*** *замечательная вещь*; ***Практически*** *полчаса ждём уже* (из устной речи); ***императивно*** *велит* (из выступления политического аналитика); *Лучше поливать лужайку редко, но* ***достаточно*** *обильно* («Сад своими руками», ruscorpora.ru).

Примечательно, что Л. П. Крысин, моделируя речевой портрет современного русского интеллигента, среди наиболее ярких лексических особенностей приводит примеры типичных «интеллигентских» наречий – *волнительно*, *несомненно*, *весьма*, *непременно* [4, с. 95–96]. Эти единицы обладают когнитивной значимостью, эксплицируют пропозитивный и модальный компонент семантики высказывания; совмещая данные функции, они способствуют его смысловой конденсации. А в примерах, приведенных нами выше, употребление наречий сигнализирует, вероятно, о претензии на интеллигентность и интеллектуальность. Следует заметить, что от ошибочного употребления отличается игровое использование интенсификаторов с нарушением типовой для них сочетаемости, например: *Я* ***категорически*** *за* [речь идет о браке, о семье] (О. Погодина, телепрограмма «Культурная революция»).

Дисфункциональное употребление наречных лексем свидетельствует о возникновении сдвигов в их семантической структуре и закрепляет эти сдвиги, что проявляется в изменении синтагматических связей слова, их расширении.

Так, в современном русском языке наречие *достаточно* относится к высокочастотным [7]. Оно различными толковыми словарями лексикографируется в двух

адвербиальных значениях: ‘столько, сколько нужно’ и ‘в значительной степени’, причем степенное значение, несмотря на свою хронологическую вторичность по отношению к первому, в [7] выводится на основное место. Тем не менее, сочетаемость *достаточно* ‘в значительной степени’ ограничена. Оно, как правило, присоединяется к именам прилагательным и наречиям, обозначающим признак, который ситуативно оценивается как приемлемый, ср.: *это* ***достаточно дорогой*** *костюм* (пресуппозиционно выражается оценка статуса лица, степени респектабельности его внешнего вида) и *это для меня* ***достаточно дорого****, я не могу себе позволить его купить* (*достаточно* начинает выражать не усредненное степенное значение, а заметно выраженное усилительное, формируется семантический сдвиг).

Дисфункциональным является такое употребление наречия *достаточно* ‘в значительной степени’, при котором та часть его семантики, которая коррелирует с внутренней формой, вступает в противоречие с денотативно-сигнификативным компонентом значения соположенного слова: *Все очень чисто и ухоженно. Сами люди живут* ***достаточно бедно****. Местное население зарабатывает тем, что продает морепродукты местным ресторанам* (Комсомольская правда, 2011.04.28, ruscorpora.ru); *Посмотрите, если мы уберем все наречия, что у нас получится?* ***Достаточно сухие*** *предложения* (из объяснения учителя на уроке русского языка).

Другими формами дисфункционального использования данного наречия является дублирование компонентов семантики присоединяющего слова: *За работу друг Степана получил* ***достаточно неплохую*** *сумму*, *– перебирает дело Погосов* (Комсомольская правда, 2011.05.03, ruscorpora.ru), а также реализация глагольной валентности: *и студентам это* ***достаточно нравилось****. А я подумал / ведь в русской истории столько замечательных личностей и / конечно / интересно / когда о них кто-то рассказывает* (Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина», ruscorpora.ru).

Расширение лексико-семантической и грамматической дистрибуции наречий, воспринимаемое как дисфункция знака, может приводить к формированию устойчивого типа употребления, закреплению новых речевых формул в практике неофициального общения. Примером может служить наречие *дико*, выступающее в функции интенсификатора. Специфика этого наречия при передаче им значения ‘очень’ заключается в том, что существуют отличающиеся друг от друга варианты его употребления для выражения значения интенсивности: (а) *дико бояться*, *дико устать*, *дико кричать*, *дико замерзнуть*, *дико хлестать* и т. п.; (б) *дико красивый*, *дико уважать*, *дико извиняться* и т. п.

Оба указанные выше типа употребления наречия *дико* функционально ограничены, но если первый не нарушает литературную норму в разговорной речи, то второй находится за пределами общего употребления. Соответственно, данные типы употребления отличаются по месту в полевой структуре категории интенсивности: одно входит в подсистему общеупотребительных средств ее объективации, другое – в подсистему социально маркированных средств.

Сочетания типа (а) имеют отчасти фразеологизированный характер: в значении стержневых слов есть идея интенсивности (они обозначают состояния не нейтральные, так или иначе «превышающие» норму), кроме того, они соотносятся с понятиями, явлениями, вызывающими отрицательную оценку. Наречие *дико* усиливает эти компоненты значения (интенсивность и отрицательность) и тем самым семантически согласуется с распространяемыми словами. В сочетаниях же типа (б) такого рода согласования не наблюдается, в чем и проявляется их дисфункциональность, которая ведет к расширению дистрибуции интенсификатора *дико*. Он наделяется функцией усилителя не только отрицательно, но и положительно оцениваемого признака; не закрепляется за определенным типом оценки: *дико вкусно* / *невкусно*; *дико модный / немодный*; *дико умный / глупый*; *дико богатый / бедный*; *дико интересуюсь*, *извиняюсь*, *опаздываю*, *спешу* и т. д.).

Другое прагмасемантическое размежевание сформировалось внутри одного из значений наречия *благополучно* (‘успешно, с положительным исходом’). Ср. разные типы его употреблений – неосложненное и осложненное иронической модальностью, обыгрываемые в фельетоне С. Сперанского «Благополучно»: *Я благополучно учусь, **благополучно** гуляю или **не гуляю** с собакой, а она **благополучно не** или же **гадит***; *За всю жизнь не видел ни одного нового троллейбуса у нас в городе. Сегодня увидел. Обрадовался. Поинтересовался. Мне объяснили, что некто поджёг стоянку, и **благополучно сгорела** часть троллейбусов. Пришлось **благополучно покупать** новые* (proza.ru).

Таким образом, рассмотренный нами материал свидетельствует об активности различных прагмасемантических процессов в сфере наречий и актуализирует проблему уточнения толкования значений, предполагающего бóльшую строгость их семантизации и более детальное лексикографическое представление наречной лексики. Это требует учета дистрибутивных характеристик, связанных с неоднородностью семантики, коммуникативного статуса, модальной отмеченности наречных лексем и валентностными свойствами стержневых слов. Разные типы употребления наречий отражают действие различных механизмов структурирования смысла высказывания, базовые компоненты значения во многих случаях осложняются оценочными коннотациями социокультурного характера либо нивелируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
2. Золотова Г. А. Функции и дисфункции современной русской речи / Г. А. Золотова // Русский язык сегодня: сб. ст. – Вып. 1 / отв.ред. Л. П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 122–136.
3. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. – 240 с.
4. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 90–106.
5. Мурашов А. А. Психологические предпосылки речевых ошибок / А. А. Мурашов // Русский язык в школе. – 2006. – С. 72–76.
6. Николаева Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: АСТ, 2003.

Ю. Ю. Саплін (м. Запоріжжя)

ІГРОВА СВІДОМІСТЬ ЕПОХИ ПОСТМОДЕРНУ Й СУЧАСНА НЕОЛОГІЯ

Становлення інформаційного суспільства епохи постмодерну супроводжується змінами в соціально санкціонованих формах поведінки і культурі праці. [2, с. 36]. В узагальненому вигляді це констатує Д. Янкелович: «За останні декілька десятиріч норми соціального життя США змінилися, перетворивши суспільство з однаковим поглядом на сім’ю, секс та трудове життя на суспільство з максимально зростаючим плюралізмом думок з приводу зазначених питань. Практично усі нещодавні трансформації цінностей американців схилялися у бік більшої терпимості, відкритості, більш ширшого набору моделей прийнятної поведінки» [7, с. 87]. Англійський соціолог Ф. Г. Фрідман цілком правомірно намагався пов’язати зміни в етичних установках студентської молоді зі змінами у системі виробництва, яке все більше потребує від людини самостійності, ініціативи, відповідальності. «Під час швидких соціальних і технологічних змін здібність до навчання цінується набагато вище, ніж досвід, набутий у процесі життя» [6, с. 31], – пише він.

Відомий теоретик інформаційного суспільства М. Кастельс теж намагається визначити те морально-етичне підґрунтя нової економічної системи, яке дає їй змогу функціонувати в якості інформаційно-комунікативної парадигми. У загальновизнаній трилогії «Інформаційна доба: економіка, суспільство і культура» (1996–1998) Кастельс зазначає, що «насправді існує спільний культурний код у різноманітних облаш-

© Саплін Ю. Ю., 2013

туваннях мережевого підприємства. Він складається з багатьох культур, багатьох цінностей, багатьох проектів, які приходять на думку і надають дані для вироблення стратегій різних учасників мереж, змінюючись з таким же темпом, що й учасники мереж... Це справді культура, але культура ефемерного, культура кожного стратегічного рішення, радше клаптикова ковдра, зшита з досвіду й інтересів, аніж хартія прав і обов'язків» [3, с. 197].

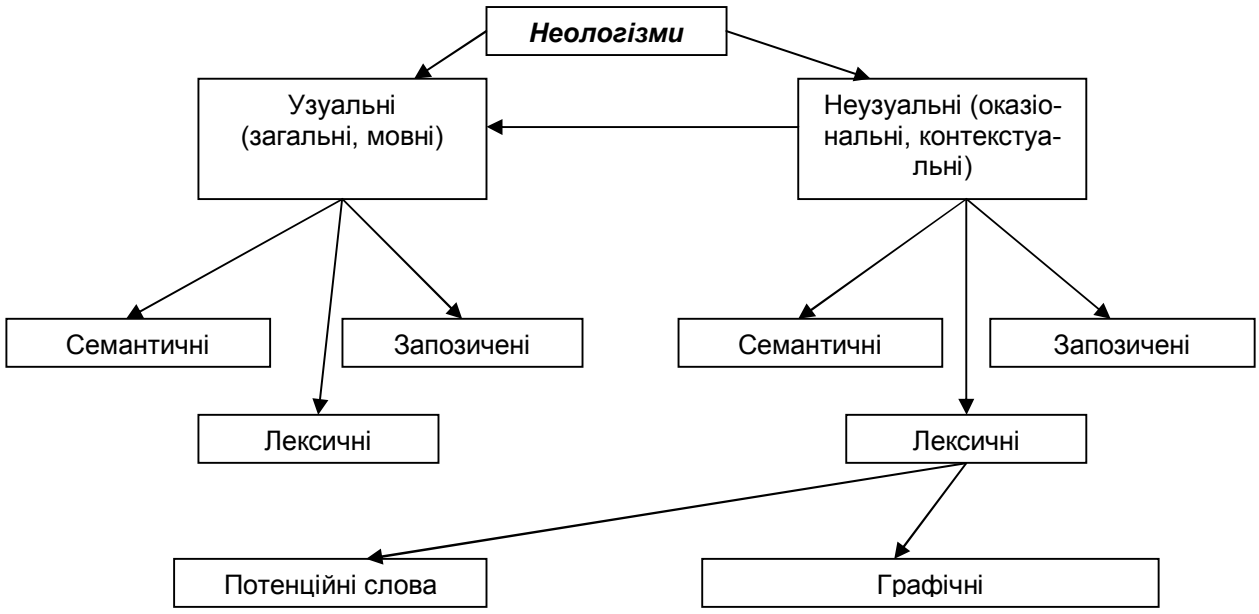
Сучасна соціокультурна ситуація характеризується також зміною антропологічного виміру буття. Постіндустріальний тип соціальності базується на інтелектуальних взаємодіях з принципово творчим характером праці. Поліфонічність знань особистості забезпечує її професійну мобільність на сучасному динамічному ринку праці. Інтелектуальне виробництво стає основою цивілізації високих інформаційних технологій також завдяки зміні епістемологічної парадигми. Створення теорії відносності та квантової теорії позбавило науку якісних характеристик наочності, зруйнувало класичні уявлення про раціональну впорядкованість дійсності, викликало оформлення некласичної та постнекласичної наукових картин світу з принциповою неможливістю єдиного філософсько-методологічного підходу. Сутнісними рисами новітньої поліцентричної науки стають розповсюдження міждисциплінарних форм пізнання, відмова від сцієнтизму, поліконцептуальність, гіпотетичність, неоднозначність інтерпретацій, зближення наукових і позанаукових методів пізнання, актуалізація гуманістично-рефлексивних його методів.

Як теоретична модель популярності набула уперше введена в обіг Й. Хайзінгою категорія «homo ludens» [5]. Суголосними у певних аспектах до роздумів Хайзінги виявилася категорія «мовних ігор», про які говорить у «Логіко-філософському трактаті» Л. Вітгенштейн [1]. Хоча цей філософ говорить про мовні ігри стосовно різних значень мовних полісемантів, серед лінгвістів є поширеною також думка, що самий термін «мовна гра» правомірно вживати не тільки по відношенню до індивідуальної та групової мовної особистості, але й стосовно типу етнічної МО, представленої у своєму зразковому, хоча і знеособленому вигляді, передусім, в граматиках і словниках [4, с. 205]. Мовні ігри homo ludens (як панівного соціокультурного типу сучасної особистості) яскраво віддзеркалюються у системі сучасної неології, яка наочно демонструє онтологічні та гносеологічні протиріччя такої категорії, як слово.

Сумарно уявлення про структуру неології можна подати у вигляді табл. 1.

Таблиця 1

Загальна структура неології



Сучасна поха, яку, підкреслюючи різні рівні та підвалини її існування, іменують постіндустріальним, інформаційним або постмодерним суспільством, парадоксально поєднує зліпок минулого знання та імідж його відносності й нестійкості. Так, з одного боку, залишається уявлення про магічну силу слова (згадаймо, що, наприклад у шумерів бог Енкі творив світ надаванням імен речам та істотам, а один з основоположних принципів римського права проголошує: «Uti lingua nuncupassit, ita jus esto» (Як мова іменувала, так хай і буде), а з іншого – «мысль изреченная есть ложь». Це формує своєрідну діалектику свободи й необхідності, тобто породжує химерну взаємодію між обмеженістю ресурсів і безмежністю комунікативних потреб.

Серед найбільш поширених форм люденичної неології ми розглядаємо – паронімічну атракцію (*Україна почала процес «гармонізації» з Митним союзом*), телескопічні утворення (газета *«Компьтерра»*), внутрішньомовна (пельмені *«Сам Самыч»*, плавлений сир *«Плавыч»*) та міжмовна (магазин *«100 пудоff»*) гібридизація.

ЛІТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн; пер. с англ. Л. Добросельского. – М.: Астрель, 2010. – 177 с.
1. Лях В. В. Цінності «соціальної етики» і становлення «духу інформаційного суспільства» / В. В. Лях // Наукові записки КУТЕП. – 2010. – Серія: Філософські науки. – Вип 8. – С. 36–56.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Сулименко Н. Е. Языковая игра в системе имён прилагательных: к характеристике креативных возможностей языковой личности / Н. Е. Сулименко // Уральский филол. вестник. – 2012. – № 2. – С. 205–209.
4. Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер. с гол. Д. В. Сильвестрова. – М.: Прогресс–Традиция, 1997. – 416 с.
5. Friedmann F. G. Youth and society / F. G. Friedmann. – L.: Macmillan, 1971. – 268 p.
6. Yankelovich D. New rules: Searching for self-fulfilment in a world turned upside down / D. Yankelovich. – N. Y.: Random House, 1981. – 278 p.

Р. И. Сегол (г. Киев)

РЕДАКТИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДОВ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире межкультурная коммуникация играет одну из ключевых ролей для постоянного и всестороннего процесса развития обмена информацией между нациями. Налаживание коммуникации между мультикультурными коммуникатами способствует продуцированию научных, культурных, экономических, социальных и пр. достижений в современном обществе, пониманию аспектов популярной культуры, улучшению обмена информационными потоками и полной абсорбции конечного продукта коммуникации – собственно сообщения.

Создание и оптимизация сообщений для межкультурного коммуникативного процесса требует детализации знаний, эффективных методов изучения и продуцирования фундаментальных методологических принципов для специалистов, работающих в сфере обмена информацией между разными культурами и языковыми группами. Развитие нации и культуры невозможно без постоянного обмена данными и их обработки совместно с другими участниками информационного процесса в мире, ровно как и без передачи новейших научных, технических, экономических, гуманитарных и других достижений, адаптации их для мировой ноосферы.

Данное исследование направленно на создание практических рекомендаций для участников межкультурного коммуникативного акта, среди которых главная роль отведена переводчику и редактору переводов. Отдельно рассмотрен аспект работы редактора переводов над элементами популярной культуры в переводном тексте и способами их адаптации переводчиком. Цель исследования предполагает решение

© Сегол Р. И., 2013

следующих задач – определение места перевода и редактирования переводов в системе межкультурной коммуникации, выделение аспектов работы редактора перевода над текстами, определение элементов популярной культуры в текстах и связи таких элементов с массовой культурой в целом, анализ работы переводчика и редактора переводов над текстами аудиовизуальной межкультурной коммуникации.

Перевод – одна из разновидностей межкультурной коммуникации, рецептивно-продуктивная речевая деятельность. В процессе текст на языке-донаторе воспринимается (рецептивный акт) и передается (продуктивный акт) на языке перевода. Собственно перевод рассматривается К. Чуковским, Н. Зарицким, С. Влаховым, С. Флориным и др. как процесс и результат этого процесса. Исследователи определяют, что перевод возможен с любого вербального и невербального языка на любой другой вербальный и невербальный язык. В основе этого принципа лежит единство законов мышления, логических и психологических структур, которые свойственным любому этносу, народу, какой язык он бы не использовал для обмена информацией.

Перевод как коммуникативный актер базируется на постепенном и параллельном общении автора, переводчика и редактора перевода как продуцентов и потенциального читателя / зрителя как реципиента готового продукта – текста перевода. Все переводческие и редакторские процедуры в свою очередь проводятся согласно принципам асимметрического дуализма языкового знака, согласно которому любой языковой знак может принимать другое значение, а значение – получать новую форму [1].

Редактор переводов в контексте переводческой деятельности – ключевое звено в процессе адекватного обмена информацией. Именно от редактора переводов зависит, насколько качественным будет конечный результат и в каком виде сообщение достигнет своего адресата. Любые ошибки переводчика, будучи выявленными на этапе обработки редактором, при правильном их анализе, обсуждении между участниками процесса могут быть устранены для создания максимально адекватного текста перевода. Редактор переводов не только критик, но и непосредственный участник процесса, он объединяет в своей деятельности функции исследователя, лингвиста, специалиста в той области, к которой относится текст оригинала, и, безусловно, писателя и стилистика, который даст переводчику правильный вектор в процессе создания готового продукта. Редактор переводов становится своего рода каналом связи между переводчиком и реципиентом текста перевода, максимально упрощает процесс коммуникации в целом и способствует устранению шумов, мешающих восприятию текста. В процессе анализа редактор переводов изначально выступает как реципиент – он анализирует текст оригинала, выявляет моменты, которые усложняют процесс перевода (ключевые слова, безэквивалентная лексика и пр.), затем анализирует текст перевода на основе уже проведенной обработки текста оригинала. После первичного анализа начинает глубинная работа над текстом совместно с переводчиком, поиск способов улучшения готового текста перевода, приведения его в максимальное соответствие с текстом оригинала, если таковое представляет возможным, по форме и по содержанию.

Среди ключевых проблем современной адаптации текстов в процессе перевода для переводчика и редактора переводов следует выделить проблематику перевода таких лексических единиц, которые можно отнести к сегменту популярной культуры. Популярная культура в контексте данного исследования рассматривается как часть культуры, понятная для всех представителей социальных групп и широко распространенная в обществе. К этому сегменту специалисты (М. Пахтер, А. Костина, Т. Кузнецова и др.) относят элементы, касающиеся спорта, быта, музыки, литературы, СМИ, произведений искусства и т. д. Редактору переводов также необходимо понимать разницу между «популярной культурой» и «массовой культурой». Эти термины в практике современных американских и европейских ученых, среди которых Г. Гэнс, К. Маккейб, используются как синонимы, хотя массовая культура зародилась намного раньше и в современном культурном сообществе два этих пласта существуют параллельно. Массовая культура предполагает наличие коммерческого эле-

мента, синтезированность популярности, а популярная культура не ориентируется на коммерческую составляющую и находится куда ближе, чем массовая, к образам, языку, идеалам народной культуры, народному самопознанию и самоидентификации [2]. Редактор переводов должен уметь четко разграничивать элементы популярной и элементы массовой культуры для дальнейшей обработки текста, при выборе соответствующей языковой единицы в тексте перевода и адаптации без потери содержательного элемента текста оригинала.

Таким образом, перевод и редактирование переводов выходит на лидирующие позиции в системе межкультурной коммуникации в современном обществе. Именно от переводчика и редактора переводов зависит адекватность восприятия переводного текста реципиентом, особенно когда речь идет об использовании элементов популярной культуры в аудиовизуальных текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарицький М. С. Переклад: створення та редагування / М. С. Зарицький. – К. : Парлам. вид-во, 2004. – 120 с.
2. Костина А. В. Массовая культура: аспекты понимания / А. В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 28–35
3. Brogan D. W. The Problem of High Culture and Mass Culture / D. W. Brogan // Literary taste, culture and mass communication. Culture and mass culture. – Vol. I. – Cambridge, 1983. – P. 194.

А. В. Сергієва (м. Харків)

ЛЕКСИКА НАНОНАУКИ: ТЕРМІНОЛОГІЧНІ ІННОВАЦІЇ (до постановки питання)

За останні десятиліття найбільшим науковим досягненням у сферах техніки, електроніки, матеріалознавства, фізики, хімії (фактично в усіх технічних галузях) стало відкриття нанотехнології та розробка наноматеріалів, наноструктур тощо. З 2007 року в НАН України реалізується державна програма розвитку нанотехнології. Досягнення українських учених у цій галузі значущі – створено низку нових матеріалів із наперед заданими властивостями, визнано ряд серйозних досягнень українських учених у галузі медицини, фізики, матеріалознавства, хімії.

У світі проводиться робота щодо стандартизації термінології нанонауки. Активно у цьому напрямі працює Британський інститут стандартизації, який ще 2005 року видав перший словник з нанотехнологій, а 2007 року ще 6 тематичних термінологічних словників цієї галузі. США видали «Стандарт на термінологію для нанотехнологій» («Standard Terminology Relating to Nanotechnology»), у Китаї діє словник «Термінологія для наноматеріалів». Компанія РОСНАНО (RUSNANO – Росія, Канада, Ізраїль, США), яка була створена для реалізації державної політики щодо розвитку нанотехнологій, 2009 року розпочала проект відкритого електронного словника «Словник нанотехнологічних та пов'язаних з нанотехнологіями термінів» (900 термінів). 2009 року в Росії видано Проект національного стандарту «Нанотехнології. Терміни та визначення». «Словник нанотехнологічних та пов'язаних з нанотехнологіями термінів» під редакцією С. Калюжного було видано 2010 року (близько 500 термінів). В Україні діє проект чернівецьких науковців «БукНаноТех», що впроваджує нанотехнології та представляє україномовну термінологію. На жаль, у цьому проекті немає академічного словника галузі нанотехнології. Актуальність нашої роботи обумовлена тим, що в українському мовознавстві номени нанотехнології залишаються не дослідженими.

Українська науково-технічна термінологія – порівняно молода галузь науки, проте є високорозвиненою системою номінацій, що відповідає сучасному розвитку науки та техніки. Зі збільшенням обсягів науково-технічної інформації зростає кількість термінів, номенклатурних одиниць. З'являються нові наукові галузі – з'являється нова термінологія. Саме такою є термінологія нанонауки (нанотехнології). Мета нашої ро-

© Сергієва А. В., 2013

боти – з'ясувати рівень опрацьованості термінології нанонауки, окреслити основні напрямки подальшого дослідження. Аналіз та опис термінології будь-якої наукової галузі є найважливішою частиною її розвитку та становлення. Недарма відомі науковці (К. Ленней, Дж. Лотте, В. Гумбольдт, Ф. де Сосюр, А. Шлейхер, О. Потебня) працювали як над загальними питаннями мовознавства, так і над питаннями термінознавства. В українському термінознавстві відбуваються зрушення лексичної системи як на рівні семантики, так і на рівні способів найменування, бо термінологічна номінація невід'ємна від процесу наукового пізнання (А. Крижанівська, О. Кубрякова, О. Реформатський, О. Суперанська та ін.). Як зазначає Г. Солоіденко, «Вивчення еволюції української термінології дає змогу поглиблено осмислити її національну специфіку, виявити основні тенденції та закономірності становлення…, врахувати міжнародний досвід термінологічної діяльності, сформувати методологічні засади її унормування на сучасному етапі…» [7, с. 3]. Розглядаючи термін як особливий об'єкт пізнання, ми звертаємося і до сучасного стану термінологічної системи, і до історії термінотворчості, бо без історії науки не може бути і самої науки. «Не може бути науки, раз на вислів її не достає термінів», а «виробленість наукової термінології свідчить собою про культурний зріст народу, про його культурне становище», – говорив І. Огієнко [5, с. 417]. Науково-технічна термінологія давно стала предметом ґрунтовного вивчення й наукових пошуків в українській лінгвістиці. Згадаймо низку праць, у яких розглядаються різні аспекти розвитку терміносистем, зокрема О. Гурко досліджувала термінологію графічного дизайну, С. Дзюба – прикладної лінгвістики, Л. Філюк – інформатики, І. Процик – фізики, А. Ніколаєва – програмування, комп'ютерних мереж та захисту інформації, Л. Козак – електротехніки, Д. Драч – медійних текстів та ін. Сьогодні можемо говорити вже про розширення наявних напрямів дослідження та появу нових. Об'єктом стає термін як мовна одиниця, дефініція, структура, семантичні та синтаксичні зв'язки, походження та рівень функціонування в мові тощо. Ось чому вивчення мови як сукупності номінацій стає пріоритетним у наукових працях мовознавців, завойовує все нові й нові позиції. Аналіз будь-якої термінології передбачає з'ясування системи понять, що властиві цій мовній одиниці. Тому аналізуючи терміни, спочатку необхідно звертатися до їхнього визначення (дефініції), уточнювати значення кожної лексичної одиниці, вилучати ті, що не відповідають вимогам. Особливо дане питання важливе для термінології тієї галузі, що тільки з'явилася та проходить період становлення, зокрема такою є галузь нанотехнології.

На сьогодні відчувається необхідність аналізу цієї терміносистеми з огляду на той факт, що термінологія нанонауки формується в унікальних умовах – на перетині багатьох науково-технічних напрямків. Як зазначають Ч. Пулл і Ф. Оуенс: «Міжгалузева природа нанонауки дещо ускладнює розуміння й використання науковцями однієї галузі нанонауки результатів, отриманих дослідниками іншої галузі нанонауки» [6, с. 21]. Наукова й лінгвістична проблема полягає у тому, що фахівці різних галузей (фізика, хімія, інформатика, матеріалознавство тощо), які звикли працювати у межах своєї галузі й з науковцями своєї галузі, раптом стали змушені співпрацювати один з одним, разом вирішувати певні питання. Загальновідомо, що деякі терміни мають різне лексичне значення в різних наукових галузях, кожна терміносистема має свій термінологічний апарат, професіональну лексику, навіть жаргонну, тому для розвитку термінології нанонауки проблемою є розробка загальноприйнятої термінології. У даному разі не можна говорити про створення абсолютно нової термінології. Нанонаука є результатом поєднання великої кількості фундаментальних наук – це синтетична наука, що використовує теорії та термінологію різних наук, зокрема фізики, хімії, термодинаміки, електротехніки, електроніки, біології, медицини тощо.

У подальшому дослідженні ми будемо звертати увагу на виявлення сучасних тенденцій щодо розвитку термінології нанонауки, з'ясування способів номінації, джерел поповнення терміносистеми, структурних і семантичних особливостей номенів. Задля цього необхідно виконати такі завдання: сформувати термінологічний корпус нанонауки; з'ясувати, з якими терміносистемами взаємодіє термінологія нанонауки;

проаналізувати типи та способи номінацій, що задіяні у формуванні цієї терміносистеми, а також дослідити ступінь продуктивності кожного типу й способу номінації; дослідити семантичні особливості термінів, зокрема з'ясувати наявність омонімій, синонімії, антонімії, паронімії. Для вирішення вказаних завдань будемо використовувати структурно-семантичний аналіз, аналітично-описовий метод для опису та аналізу кожної термінологічної одиниці в структурному та семантичному аспектах, для узагальнення та класифікації мовних фактів; а також зіставний метод (для уточнення семантичної структури термінологічних одиниць), порівняльний та стилістичний аналіз. Наукова новизна очікуваних результатів полягає в тому, що вперше буде зібрано та проаналізовано термінологічні одиниці нанонауки, уточнено лексичне значення окремих термінів, схарактеризовано номени у структурно-семантичному аспекті, покласифіковано терміни за типами номінативного значення. Практичне значення очікуваних результатів: зібраний та проаналізований матеріал можна буде використовувати під час викладання курсів української мови у технічних ВНЗ та курсів термінознавства, ономасіології, термінознавства, теорії номінації та лінгвістики; матеріал можна використовувати для укладання термінологічних словників.

У цій публікації викладено загальне бачення підвалин, суті й перспектив дослідження номінативних інновацій у термінології нанонауки, проте безпосередні системні дослідження можуть поставити й інші питання, вивести на нові перспективи.

ЛІТЕРАТУРА

1. Нелюба А. М. Експліцитна й імпліцитна економія в словотвірній номінації української мови: автореф. дис.. … д-ра філол. наук: 10.02.01 «Українська мова» / А. М. Нелюба. – К., 2008. – 33 с.
2. Огієнко І. І. Правопис і граматична термінологія / І. Огієнко // Рідна мова. – 1937. – Ч. II – С. 417.
3. Пул Ч. Нанотехнологии / Ч. Пул, Ф. Оуенс – М. : Техносфера, 2004. – 328 с.
4. Солоіденко Г. І. Українська бібліотечна термінологія: становлення та основні етапи розвитку / Г
5. Г. І. Солоіденко. — К.: Вид-во НАН України. – 2010. – 204 с.

А. А. Силка (м. Суми)

НОВІ ТА ОНОВЛЕНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ В СУЧАСНІЙ ПУБЛІЦИСТИЦІ

Динаміка фразеологічної системи на сучасному етапі виявляється у двох її провідних тенденціях: власне новотвореннях, що пов'язано з необхідністю номінації нових реалій, та актуалізацією вже наявних мовних засобів з їхнім подальшим переосмисленням та семантичною переорієнтацією [1, с. 218].

Виникнення великої кількості нових понять у змінених соціально-політичних умовах викликає потребу номінації та образної оцінки явищ, характерних для сучасної епохи, та появу власне нових фразеологічних одиниць. Джерелами фразеологічних інновацій стають термінологічні словосполучення, що метафоризуються і набувають образності (*шокова терапія, верхівка айсберга, психологічний бар'єр*, *чорна діра*, *фінансова піраміда*), політичні події та електоральні технології (*оксамитова революція, арабська весна, податковий майдан, тіньовий уряд, день тиші),* влучні вислови відомих людей (*маємо те, що маємо; Україна – не Росія; маленький українець*), актуальні поняття, що увійшли в обіг через рекламу, телебачення, спорт (*рекламна пауза, гаряча лінія, прямий ефір, фол останньої надії, увійти в клінч, бій з тінню*). Пор.: *Завдяки* ***«чорним дірам»*** *державного бюджету він отримав пряму фінансову допомогу з бюджету на розвиток сімейного бізнесу* (УМ, 2012, № 157); *«Шмат Європи» без* ***рекламної паузи*** (ГУ, 2013, № 6); *Ю і Ю* ***увійшли в клінч****. Тимошенко публічно звинуватила Ющенка в корупції, а той – уряд у зростанні інфляції* (Т, 2008, № 40).

Продуктивним способом появи нових ідіом залишається «кольорова» метафоризація, коли атрибутивний компонент-колоратив виступає у фразеологічно зв'язаному значенні, а номінативний є конкретизатором: *червоні директори, черво-*

© Силка А. А., 2013

ний реванш, *жовта зборка, сіра зарплата, зелений туризм, зелений коридор, зелена енергія, голубі каски, помаранчева революція, чорний піар, чорні археологи, коричнева загроза* тощо: *Звичайно, майже десять років загравання з «**червоними директорами**» обернулися значно глибшим спадом, ніж у Росії, де процес ішов швидше* (ДТ, 2013, № 6). За вже усталеною моделлю *білі комірці* (калька з англ. white-collar worker – співробітники, зайняті нефізичною працею, службовці), *сині комірці* (від англ. blue-collar worker – представники робітничого класу) в українських реаліях з'явився вираз *чорні комірці*, пор.: *Безперешкодну роботу нелегалів забезпечують чиновники не тільки на місцевому, а й на найвищому рівні. Їх називають «вугільна мафія» або «**чорні комірці**»* (ДТ, 2013, № 6).

Тенденція до демократизації літературної мови, відміна цензури призвели до розхитування літературних норм, проявом чого є активне функціонування на сторінках сучасної періодики різноманітних маргінальних лексичних елементів, у тому числі розмовно-просторічних фразеологізмів. Первинною сферою їхнього використання були різноманітні жаргони: кримінальний, молодіжний, жаргон наркоманів тощо, пор.: *увімкнути лічильник* (нарахувати проценти за своєчасно не виплачений борг), *забити стрілку* (призначити зустріч), *розрулити ситуацію* (знайти вихід зі складної ситуації), *сісти на голку* (почати вживати наркотики). У сучасному медійному дискурсі відбувається нейтралізація, стилістичне вирівнювання таких конотативно забарвлених елементів. Пор.: *Кажуть, Леонід Макарович надто пізно зрозумів, що його **використали втемну**, розгнівався, проте шляху назад не бачить* (ДТ, 2012, № 35); *Це, безумовно, чудові люди, але на даному етапі настільки відтерті від центрів ухвалення рішень, що їхня спроможність **говорити «за всю Одесу»** надто вже сумнівна* (ДТ, 2012, № 39); *Як тепер з юридичної точки зору **«розрулити»** цю **ситуацію** і за які гроші, музейники уявлення не мають* (УМ, 2010, № 189).

Деякі нові сталі вирази виникли як відповідь на мовну тенденцію до політкоректності, тобто намагання знайти евфемістичні способи мовного вираження тих понять, які можуть зачіпати почуття або обмежувати права людини: *люди з особливими потребами* (інваліди)*, діти з затримкою розумового розвитку* (розумово відсталі діти), *третій вік* (похилий), *нетрадиційна орієнтація* (сексуальні збочення). У мові ЗМІ подібні евфемізми використовують і як засіб мовної маніпуляції: *оптимізація системи освітніх закладів* (фактично – закриття малокомплектних шкіл), *зачистка території* (знищення сил, що чинять опір), *упорядкування системи пільг* (зменшення кількості пільговиків) тощо.

Поповнюють банк нових стійких виразів української мови і запозичення з інших мов. У медійному дискурсі функціонують безпосередні запозичення, що відтворюються без перекладу із збереженням оригінального графічного оформлення або транслітеруються: ***Show must go on*** (заголовок статті в УП за 19 січня 2010 р., де йдеться про підготовку до другого туру президентських виборів); ***«Шоу маст гоон»**, як заповідав великий Фредді* (УМ, 2012, № 178) – про перспективи подальшого існування гурту «ВІА Гра»; *«**Фейр плей**» по-донецькому* (СВ, 2012, № 137); *За жанром «Тіні незабутих предків» – містичний молодіжний трилер з **хепі ендом**»* (УМ, 2012, № 168). Проте набагато частіше іншомовні фразеологізми входять в нашу мову шляхом калькування сталого виразу: *перша леді, відмивання грошей, третій світ, споживацький кошик, товари першої необхідності, групи підвищеного ризику* та ін. Наприклад, вислів *дорожня карта* став широко відомим, коли в 2003 році так назвали план урегулювання палестино-ізраїльського конфлікту. А своїм походженням він пов'язаний з американською культурою, де має таке переносне значення: «плани на майбутнє, на перспективу, сценарій розвитку чого-небудь». У сучасних публікаціях стійкий вислів *дорожня карта* використовують у значенні «спланована послідовність дій»: *Але й цього разу жодного пункту **дорожньої карти** не виконано* (ДТ, 2012, № 36). Отже, словотвірні і семантичні кальки, що формують потужнє поле інтернаціоналізмів у багатьох мовах світу, є наслідком глобалізації, влив якої на мову стає все відчутнішим.

У публіцистичному мовленні традиційним прийомом оновлення відомого фразеологічного звороту, наповнення його новим актуальним змістом виступають різноманітні трансформації. Це питання неодноразово привертало увагу лінгвістів (І. Арнольд, Н. Бойченко, В. Вакуров, Ж. Колоїз, М. Шанський, О. Сербенська, Л. Давиденко, Л. Потенко та ін.). Проте в мові ЗМІ з'являються все нові приклади вдалого обігрування відомих фразеологізмів, мотивовані авторськими інтенціями, комунікативними і прагматичними факторами.

Розширення лексичного складу фразеологізмів найчастіше відбувається за рахунок залучення ад'єктивів. У більшості випадків структура вихідного фразеологічного звороту поширюється одним атрибутивним компонентом, пор.: *Можливо, чергове «споживацьке» прохання …* ***переповнить чашу*** *чийогось* ***терпіння*** (ДТ, 2012, № 35); …*влада намагається* ***зробити хорошу міну при брудній*** *виборчій* ***грі*** (ДТ, 2012, № 39). Проте трапляються й більш суттєві перетворення, наприклад, додавання одночасно кількох ад'єктивів: *Коли Україна* ***влазила у*** *цю бездонну футбольно-фінансову* ***халепу****, влада обіцяла завалити економіку приватними інвестиціями* (УМ, 2012, № 4). А ось приклад дуже сучасної трансформації, коли до складу споконвічного фразеологізму введено графічно не адаптований запозичений компонент: *Це вже третій стереофільм у вітчизняному кіно. Першою була мелодрама «Люблю, і крапка», 3D в якій створювалося практично в домашніх умовах, тож навіть недосвідчений глядач міг помітити його недосконалість* (*так би мовити,* ***«перший млинець – 3D-грудкою»***) (ДТ, 2012, № 35).

У типових випадках той чи інший компонент фразеологізму замінюють синонімічним за значенням словом вільного вжитку: *Одні* ***рвуть вишиванки на грудях****, доводячи переваги співпраці з ЄС, другі з таким же завзяттям обстоюють Митний союз із країнами СНД* (СВ, 2011, № 125) – вихідний фразеологізм *рвати сорочку на грудях,* тобто «палко відстоювати свої погляди». Лексична субституція у даному прикладі допомагає підкреслити глибину конфлікту між «свідомими» українцями, атрибутом яких виступає вишиванка, і прихильниками інтеграції з країнами СНД. Інколи структурна трансформація фразеологізму буває настільки суттєвою, що від нього залишається лише один компонент, який разом з порядком розташування слів забезпечує зв'язок із вихідною ідіомою, пор. : *Таким новим лідером колись міг стати Кушнарьов, а сьогодні може бути Тігіпко (****на безриб'ї й Тігіпко – демократ****)* (ДТ, 2012, № 39) – вихідний вислів *на безриб'ї і рак риба.*

Різновидом структурної модифікації фразеологічного звороту є контамінація, коли поєднуються два фразеологізми, що мають спільний компонент: *Тоді частина авторів, чиї вірші надрукували в антології без їхньої згоди,* ***підняла хвилю обурення*** (УМ, 2011, № 221). Тут об'єднано в один два сталі вирази: *підняти хвилю* і *хвиля обурення*. Прикладом більш складної контамінації, що супроводжується ще й структурними модифікаціями вихідних фразеологічних зворотів, може бути такий: *Правда, до беркутівського* ***батога*** *час від часу самодержці України* ***підвішували*** *не звичного* ***пряника****, а* ***локшину*** *«Made in Кабмін"* (УМ, 2012, № 4). Сталі вислови *батогом і пряником* та *вішати локшину* доповнюються ад'єктивами і об'єднуються в оказіональну контаміновану фразеологізовану одиницю, що значно посилює експресію. Для сучасного публіцистичного дискурсу взагалі дуже характерним є використання кількох різних за походженням і стилістичним забарвленням фразеологізмів у межах одного речення. Наприклад: *Утім народ, здивований такою сміливою винахідливістю соціального віце-прем'єра, аж* ***рота роззявив*** *в очікуванні, коли* ***сильна рука*** *«сильного українця»* ***розрубає*** *пільговий* ***гордіїв вузол*** (УМ, 2012, № 4). Подібні поєднання книжних і розмовних фразеологізмів не лише підсилюють загальну експресію, а й свідчать про «зменшення стильової відстані між усно-розмовною і книжно-писемною сферами її [літературної мови] функціонування» [2, с. 33].

«Буквалізація» фразеологічного значення, або подвійна актуалізація, полягає у двоплановому трактуванні сталого вислову, коли автор з певною метою зводить і поєднує в одному контексті пряме значення компонентів фразеологізму з перенос-

ним, метафоризованим. Пор.: *Українці у своїй більшості перетворюються на **людей з обмеженими можливостями**, навіть якщо не прикуті до інвалідного візка* (УМ, 2012, № 4).

Оригінальним та яскравим прийомом створення певного стилістичного ефекту є повторне вживання після фразеологізму одного або кількох його компонентів у прямому значенні, що спричинює актуалізацію мотивовано-образного значення фразеологізму, посилює експресивність висловлювання: *Небожителі, котрі мешкають на різних поверхах, не соромлячись **плюють у криницю**, оскільки перебувають у нахабній впевненості, що вона порожня. Але раз на кілька років вони **дружно поспішають до неї з коромислом у надії зачерпнути повні відра електоральної підтримки*** (ДТ, 2012, № 38). Той чи інший компонент фразеологізму може реалізувати своє первинне лексичне значення також за допомогою уточнювальних слів, які перебувають у межах одного мікротексту, пор.: *…проект Податкового кодексу передбачає, зокрема, збереження схеми відмивання грошей через офшори (а це дасть змогу уникати сплати податків цілій **касті недоторканих** власників)* (ВВ, 2010, № 64). Додавання до сталого виразу *каста недоторканих* компонента «власників» кардинально змінює його семантику: «каста недоторканих власників» – це обмежена група людей, що користуються особливими привілеями.

Отже, трансформовані фразеологізми в публіцистиці залишаються потужним засобом посилення експресії, досягнення певного прагматичного ефекту. Фіксуючи та відтворюючи фразеологічні інновації, друковані та електронні ЗМІ сприяють оновленню фразеологічного фонду сучасної української літературної мови, формуванню банку нових сталих виразів, який потребує подальшого вивчення та лексикографічного опрацювання.

СПИСОК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

ВВ – «Вечірні вісті»; ГУ – «Голос України»; ДТ – «Дзеркало тижня»; СВ – «Сільські вісті»; Т – «Товариш»; УМ – «Україна молода»; УП – «Українська правда».

ЛІТЕРАТУРА

1. Архангельська А. Фонові знання носіїв мови та фразеологічна неологіка пострадянської доби (на матеріалі української преси останнього десятиліття) / А. Архангельська // Słowo. Tekst. Chas. – VI: Nowa fraseologia w nowej Europe. – Szczecin; Greifswald, 2002. – С. 217–225.
2. Тараненко О. О. Колоквіалізація, субстандартизація та вульгаризація як характерні явища стилістики сучасної української мови (з кінця 1980-х р.р.) / О. О. Тараненко // Мовознавство. – 2002. – № 4–5. – С. 33–39.

В. В. Слабоуз (м. Донецьк)

ПРО ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ОНІМОГРАФІЇ

Імена власні являють собою один з найбільш стабільних лексичних шарів, що дозволяє дослідникам «заглянути» в історію, звернутися до «колиски» формування сучасного тезауруса. У той же час власні імена є унікальним матеріалом, що зафіксував усне мовлення людей минулого.

Про те, що без словників мови не вивчають, знали всі і завжди. Чим досконалішим є словник, тим природнішими та зрозумілішими є його формулювання, тим простішим він є для сприйняття. Аналіз словникових формулювань, характеру відношення словникових висловлювань до описуваного, тип повідомлення, властивий словникові, показують, що словник належить до унікального жанру. Словник – це специфічне співвідношення між мовцем, тим, хто сприймає мовлення, і предметом мовлення. Лексикограф, на нашу думку, як автор, говорить не зовсім від свого імені. Він виступає як посередник між суспільством – колективним носієм мови – та індивідуумом, який звертаючись за довідкою до словника, ніби задає питання лексикографові. Відповіді лексикографа (носія колективного знання) сприймаються як більш або менш

© Слабоуз В. В., 2013

обов'язкові вказівки для читача словника, оскільки словник призначений для того, щоб усунути розходження між індивідуальним знанням та знанням всього колективу [3, с. 10]. Не можна не зважати й на те, що за умовами свого положення у суспільстві і плинного життя людина може цілком задовольнятися надто обмеженим словниковим запасом і не підозрювати про те, яких багатств вона позбавлена тільки через те, що ніхто і ніколи не показував їй цих багатств. Цю ситуацію можна позначити як ситуацію обмеження прав мовної особистості через замовчування. Обмеження тут можуть накладатися тільки мовними здібностями людини та її вільною волею, тобто усвідомленим бажанням або небажанням засвоїти певний фрагмент мовної, у першу чергу лексичної, системи. Для того, щоб людина могла реалізувати це своє право, суспільство повинне пред'явити їй у зручній формі всі необхідні відомості про мову. Цей хід міркувань природно підводить нас до обговорення словникової проблематики, оскільки саме словникова форма, як показує історія людської цивілізації, може найбільшою мірою вважатися такою, що відповідає заявленим вище вимогам. У літературі часто зустрічається думка, згідно якої про рівень культурного розвитку суспільства можна судити за кількістю, якістю та жанровій своєрідності словників, які воно пропонує своїм громадянам. До числа словників, що дозволяють носієві мови здійснити своє право на рідну мову, безсумнівно, належить і словники онімів. Все вище згадане обумовлює актуальність статті.

Мета дослідження – дати короткий аналіз проблем, що мають місце на даному етапі розвитку онімографії [10].

Ономастичні словники надзвичайно поширені у наш час – багато словників антропонімів (власних імен, прізвищ, а також прізвиськ) [14; 19; 21; 22; 24; 25; 29; 30], дуже розвинутою є топонімічна лексикографія (словники видатних топономастів [5; 6; 11; 12; 13; 17; 18; 20; 23; 27; 31], а також практично кожна дисертація супроводжується словником топонімів, що розглядаються), в останні роки з'явились словники етнонімів [1; 2], хрононімів [26], поетонімів [8; 9; 10], конотонімів [15], у розробці є словники інших класів онімів. Всі ці словники без сумніву своєрідні, але можна виокремити деякі загальні проблеми стосовно онімографії в цілому.

Перша проблема є зовнішньою й найзагальнішою – щодо повноти лексикографічної обробки ономастичного простору, тобто необхідно чи ні складати словники для кожного окремого класу онімів.

До наступного часу не існує повних словників астронімів, зоонімів, теонімів, ергонімів, прагмонімів тощо. Цей факт можна пояснити тим, що ономастична лексика вважається периферійною, а також наявністю великої кількості довідкового матеріалу, який має несловниковий характер. Наприклад, для зоонімів існує так звана паспортизація худоби, для ергонімів – телефонні довідники тощо. Але на питання про необхідність укладання словників зазначених класів онімів треба відповісти позитивно, тому що грамотна й кваліфікована лінгвістична характеристика подібних онімів може служити систематизуванню важливої лінгвокультурної інформації та розвитку ономастичної номінації нових об'єктів.

Друга важлива проблема стосується вже існуючих словників й пов'язана із спрямованістю лексикографічних установок/цілей, тобто з якою метою укладається словник, і чи всі можливості лексикографічного опису використовуються під час його укладання. Що стосується сучасних словників пріоритетним напрямом утворення ономастичних словників є ономасіолого-етимологічний, тому що головною задачею лексикографа завжди вважалось пояснення та тлумачення назви, водночас вирішуються словотворчі задачі (гіпокристичні утворення для повних власних імен), задачі нормалізації вживання онімів (акцентологічні та стилістичні позначки), топонімічні словники намагаються вирішити проблеми виявлення внутрішніх системних зв'язків для топонімів.

Але, на нашу думку, існують ще декілька лексикографічних питань, які потребують уваги та рішення. Перше питання – показник частотності власного імені. Про частотність власних імен згадується у цілій низці праць учених-ономатологів, є індекси

частотності прізвищ Б. Унбегауна [28], О. Ф. Журавльова [7], М. Д. Голева [4], але в словниках онімів частотність не вказується. Проте цей показник є цікавим і для ономастики, і для практики присвоєння імені. Природно, цей параметр є дуже складним для обліку, оскільки детермінований як у часі, так і по відношенню до різних територій, тим не менше він піддається обліку, і можливо як створення спеціалізованих частотних словників (наприклад, словника власних імен для РАГСів), так і включення цього параметра у традиційні ономастичні словники.

Друге питання – відомості про варіанти оніму, які можуть бути обумовлені різними причинами: стилістичної диференціацією (повні імена і гіпокористикі в антропонімії), потребою у лаконічній формі (так, в сучасних офіційних документах потрібно вказати повну та скорочену назву установи; пор. також численні розмовні скорочення типу *Дніпро – Дніпропетровськ, Ріг/Кривий – Кривий Ріг, Крамаха – Краматорськ* тощо, які можуть бути навантажені різного роду конотаціями, але це зовсім не обов'язково), історичними змінами у мові (*Луческъ – Луцк, Чернъговъ – Чернігів*) тощо. Повного і систематичного обліку всіх варіантів не ведеться (виняток – словники власних імен; стосовно топонімії, другого за словниковою забезпеченістю розряду онімів, більш розроблено питання про співвіднесення номінативних дублетів типу *Юзівка – Сталіно – Донецьк*).

Нарешті, ще одне питання: словники яких онімів складаються – тих, що існують у мовній системі у вигляді того чи іншого підрозділу ономастикону або імен реальних, що функціонують в певних конкретних соціумах. Досвід показує, що антропоніми описуються «взагалі» (виняток – прізвиська), в той час як топонімічні словники тяжіють до опису імен реальних об'єктів. Очевидно, має сенс іноді міняти підходи місцями.

Зазначені проблеми аж ніяк не вичерпують коло невирішених питань онімографії, проте саме вони здаються найбільш нагальними у даний час. Усе вищезазначене дозволяє зробити наступний висновок – сучасні ономасти відчувають незадоволення деякими положеннями ономастичної теорії, особливо у сфері онімографії. Укладання культурно орієнтованого ономастичного словника – одна з найбільш цікавих перспектив розвитку ономастичної науки.

ЛІТЕРАТУРА

1. Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник / Р. А. Агеева. – М.: Academia, 2000. – 424 с.
2. Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий / Р. А. Агеева; отв. ред. Э. М. Мурзаев; Акад. наук СССР. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 262 с.
4. Голев М. Д. Имена собственные как мотивирующие (к вопросу о взаимодействии лексического и словообразовательного уровней) / М. Д. Голев // Языки и топонимия Алтая: межвуз. сб. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1981. – С. 17–28.
5. Горпинич В. О. Словник географічних назв України / В. О. Горпинич. – К.: Довіра, 2001. – 528 с.
6. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / відп. ред. О. С. Стрижак. – К.: Наук. думка, 1985. – 256 с.
7. Журавльов А. Ф. После Унбегауна: о частотности русских фамилий в конце XX в. (К статистике русских фамилий. II) / А. Ф. Журавльов // Ономастика в кругу гуманитарных наук: матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2005. – С. 43–46.
8. Ковалев Г. Ф. Писатель. Имя. Текст / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 340 с.
9. Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. – 218 с.
10. Калинкин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина) / В. М. Калинкин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 246 с.
11. Матвеев А. К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь / А. К. Матвеев. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. – 318 с.
12. Матвеев А. К. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения [Текст] / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.
13. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М., 1966. – 509 с.
14. Никонов В. А. География фамилий / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1988. – 189 с.
15. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – 412 с.

16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
17. Полякова Е. Н. Принципы составления словаря географических терминов Пермской области / Е. Н. Полякова // Уральский лексикографический сборник. – Свердловск, 1983. – С. 33–43.
18. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2002. – 512 с.
19. Редько Ю. К. Довідник українських прізвищ / Ю. К. Редько. – К.: Рад. шк., 1968. – 556 с.
20. Словник мікрогідронімів України. Волинь, Житомирщина, Запоріжжя, Київщина, Кіровоградщина, Полтавщина, Черкащина / укл. І. М. Железняк та ін.; під ред. О. П. Карпенко. – К.: Обереги, 2004. – 448 с.
21. Словник прізвищ: практичний словозмінно-орфографічний (на матеріалі Чернівеччини). – Чернівці: «Букрек», 2002. – 424 с.
22. Словник прізвиськ північно-західної України: у 3-х т. / упоряд. Г. Л. Аркушин. – Луцьк: РВВ «Вежа», Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2009. – 412 с.
23. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России / Г. П. Смолицкая // Русская речь, 1994. – №№ 4–6; 1995. – №№ 1–6; 1996. – №№ 1–6; 1997. – №№ 1–6; 1998. – №№ 1–6; 1999. – №№ 1–6; 2000. – №№ 1–6; 2001. – №№ 1, 2.
24. Скрипник Л. Власні імена людей: словник-довідник / Л. Скрипник, Н. Дзятківська. – К.: Наук. думка, 2005. – 334 с.
25. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён / А. В. Суперанская. – М., 1998. – 528 с.
26. Толстая С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.
27. Словник гідронімів України / ред. кол. А. П. Непокупний, К. К. Цілуйко, О. С. Стрижак. – К.: Наук. думка, 1979. – 222 с.
28. Унбегаун Б. О. Русские фамилии / Б. О. Унбегаун. – М.: Прогресс, 1989. – 444с.
29. Чучка П. П. Прізвища закарпатських українців: історико-етимологічний словник / П. П. Чучка. – Львів: Світ, 2005. – 705 с.
30. Чучка П. П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник / П. П. Чучка. – Ужгород: Ліра, 2011. – 428 с.
31. Янко М. Т. Топонімічний словник України: словник-довідник / М. Т. Янко. – К.: Знання, 1998. – 432 с.

Н. В. Слобода (м. Дніпропетровськ)

ОСОБЛИВОСТІ ГРАМАТИЧНОЇ НЕАДАПТОВАНОСТІ АНГЛІЦИЗМІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Сучасна українська лексика внаслідок процесів глобалізації активно поповнюється запозиченими одиницями, переважно англіцизмами. Серед них, у першу чергу, назви нових соціальних, політичних, економічних і технічних реалій, а також нові номінації вже відомих для української культури явищ. Найбільш продуктивно такі запозичення можна спостерігати в мові соціально орієнтованих сфер спілкування – ЗМІ та реклами, які поширюють моду на вживання англіцизмів. У результаті нові лексеми закріплюються у мовній свідомості значної кількості реципієнтів і з часом входять до активного словникового складу. У зв’язку з цим виникає потреба адаптації таких запозичень до норм графічної та морфологічної системи української мови, оскільки їх написання не уніфіковане, а форми в багатьох контекстах не набувають характеристик відповідних частин мови.

В останні роки значна кількість досліджень присвячена англіцизмам в українській мові, зокрема чинникам таких запозичень (О. Лапінська та ін.), їх етимології (Н. В. Волошина, М. Ярошенко, Л. Ґудзь), особливостям фонетичної та семантичної асиміляції англіцизмів (Т. О. Лелека, Л. Ф. Чернікова, Т. І. Смілик), лексико-семантичним групам (О. Дьолог, І. О. Коробова, О. Лапінська, В. П. Сніцар) тощо. Розглядається функціонування англіцизмів у молодіжному жаргоні (Л. Ф. Чернікова, Т. І. Смілик), сленгу (К. Левченко). У переважній більшості названих публікацій увагу зосереджено на лексичних запозиченнях, одиниці інших мовних рівнів майже не виокремлюються, не відмежовуються від загального масиву англіцизмів.

Проте можна спостерігати активне входження в українську мову не лише окремих лексем, а й цілих словосполучень на позначення певних соціальних, економічних і культурних явищ. Вони зберігають англомовне граматичне оформлення, тому є не-

© Слобода Н. В., 2013

типовим явищем для української мови. Такі утворення потребують окремого аналізу з точки зору їх відповідності українській граматичній системі. Отже, метою цієї розвідки є аналіз особливостей морфологічної неадаптованості англіцизмів до норм української мови.

У сучасній українській мові, особливо в мові ЗМІ, рекламі, назвах торговельно-розважальних організацій тощо, значного розповсюдження набули мовні одиниці англійського походження на зразок *бізнес-центр, онлайн трансляція, фітнес клуб* і подібні. На сьогодні вони ще не мають єдиної норми графічного оформлення, переважно не фіксуються словниками, тобто поки що такі утворення не кодифіковані.

Запозичення такого характеру, суворо кажучи, не можна відносити до власне лексичних, оскільки в англійській мові вони є словосполученнями, перше слово яких відображає продуктивне явище міжчастиномовної омонімії (напр., іменник top – прикметник top [1]). В українській мові їм переважно відповідають аналогічні за звучанням словосполучення – поєднання двох іменників, перший з яких функціонує в називному відмінку. Такий зв'язок в українських словосполученнях можливий для прикладок. Однак у процесі словозміни можемо помітити, що (на відміну від прикладок, які узгоджуються з опорним словом у відмінку [3, с. 403], тобто обидва слова набувають однакових відмінкових форм) перша частина аналізованих словосполучень є незмінною: *сервіс центру, сервіс центром* тощо. Отже, кваліфікувати такі словосполучення як прикладкові неможливо.

Незмінні слова, як відомо, приєднуються зв'язком прилягання [3, с. 37]. Однак, словники фіксують такі англіцизми (дизайн, офіс, фітнес та ін.) як звичайні іменники чоловічого роду, які повинні набувати відповідних відмінкових форм (див. *дизайн, -у* [2, с. 66-67], *офіс, -у* [2, с. 175], *фітнес, -у* [2, с. 259] тощо), а отже, приєднуватись до головного слова зв'язком прилягання вони також не можуть. Тобто можна стверджувати, що аналізовані словосполучення завдяки наявному в них типу зв'язку не відповідають граматичним нормам української мови. Очевидно, саме цим зумовлене часткове витіснення таких мовних одиниць більш типовими для української мови словосполученнями або поступовий перехід їх у цілісні лексеми, де основи стають частинами складного слова.

Коректним перекладом англомовних зворотів на зразок *office manager* в українській мові були б відповідні атрибутивні словосполучення, напр., *офісний менеджер*, тобто перший компонент таких словосполучень – прикметник – повинен у процесі морфологічної адаптації набувати граматичних характеристик цієї частини мови. Тим паче, сучасні словники української мови фіксують такі прикметники: «Офісний. Який пов'язаний з офісом» [2, 175]. Отже, утворення *ламінат-підлога, онлайн трансляція* відповідно до норм української мови повинні були б звучати як *ламінатна підлога* й *онлайнова трансляція* («Ламінатний. 2. Виготовлений із використанням ламінату, призначений для покриття підлоги» [2, с. 131]; «Онлайновий. Який забезпечує безперервне спілкування в реальному часі через Інтернет» [2, с. 171]), але такі форми зафіксувати не вдалося. Однак деякі з подібних конструкцій все ж переходять до атрибутивних словосполучень: *service center → сервіс центр → сервісний центр*. Саме у такій формі вони активно входять у вжиток як назви установ і організацій (*«Сервісний центр ІНТЕРТЕЛЕКОМ», «Сервісний центр MITSUBISHI»* тощо). Подібні атрибутивні словосполучення є, очевидно, найбільш коректним способом передавати англійські мовні одиниці. Щоправда, така трансформація не завжди може бути здійснена із збереженням лексичного складу, оскільки від частини англіцизмів-іменників в українській мові не утворюються похідні прикметники. У таких випадках, на нашу думку, їх доречно замінювати українськими відповідниками: *обслуговування топ класу – обслуговування [?топового] найвищого класу.*

Деякі з часто вживаних одиниць подібного характеру логічно трансформувати в генітивні словосполучення: *«Дизайн студія» → студія дизайну, «SPORT LIFE фітнес клуб» → клуб фітнесу*, оскільки у словнику зафіксовано лише іменники (без похідних прикметників), що входять до складу таких словосполучень: «Дизайн, -у, мист.

1. Художньо-конструкторська діяльність, спрямована на створення нових видів і типів виробів, які відповідали б вимогам суспільства (корисності, зручності в експлуатації, краси тощо). 2. Відповідна галузь мистецтва й наукового знання; технічна естетика» [2, с. 66-67]; «Фітнес, -у, спорт. Комплекс вправ для підтримання духовної і фізичної форми» [2, с. 259]. Частина подібних назв поки не входить до словникового складу української мови навіть у формі іменників (*«СТОК центр»*), тому не мотивується жодними нормативними формами.

Внаслідок високої частоти вживання аналізовані запозичення активно впливають на граматичну систему української мови. Цей вплив найбільш яскраво позначається на формуванні словосполучень за такою моделлю із власне українських або загальнослов'янських слів. Так, кафе на залізничному вокзалі м. Львів має назву *Міжнародний водка бар*, один із заходів в афіші «Мистецького об'єднання Дзиґа» на лютий 2013 р. називається *Юрій Середін Проект*, хоча типовими для української мови були б генітивні словосполучення (Міжнародний бар водки, Проект Юрія Середіна). У зв'язку з цим явищем результатом запозичень можна вважати не лише поповнення мови новими одиницями, але і потенційне розхитування її граматичної системи. Поширення досліджуваного типу сполучення слів з англіцизмів на власне українську лексику дає підстави прогнозувати подальше розповсюдження таких словосполучень, оскільки вони позбавляють мовців необхідності утворювати відіменникові прикметники і відмінкові форми іменників, нівелюючи саму потребу в таких мовних знаннях.

Отже, останнім часом в українській мові значного поширення набули англомовні атрибутивні словосполучення, вживані у зв'язку з мовною модою, частковою неможливістю точного відображення за допомогою українських еквівалентів та з метою мовної економії. Такі одиниці не відповідають граматичним нормам української мови, тому бажаною є їх заміна атрибутивними або генітивними словосполученнями. Активне використання таких англіцизмів впливає на граматичну структуру власне українських словосполучень, які в окремих випадках починають уподібнюватися до запозичених одиниць.

Подальші дослідження у цьому напрямку допоможуть в уніфікації нових елементів сучасної української мови.

ЛІТЕРАТУРА

1. Top // Oxford Dictionaries [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://oxforddictionaries.com/ definition/english/top?q=top
2. Нові слова та значення: словник / Ін-т укр. мови НАН України; уклали: Л. В. Туровська, Л. М. Василькова. – К.: Довіра, 2009. – 271 с.
3. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови: підручник / К. Ф. Шульжук. – К.: Академія, 2004. – 408 с.

Г. В. Соболева (г. Донецк)

НАЗВАНИЯ ДЕНЕГ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ НАИМЕНОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Названия монет, других денежных знаков, операций с деньгами, а также лиц и предметов, непосредственно связанных с денежными единицами, – весь этот пласт лексики имеет отношение к различным историческим периодам, сферам деятельности современного человека, научным областям знания и стилям речи. В соответствии с этим интерес к подобного рода наименованиям проявляется у исследователей истории экономической науки и находит отражение в современных экономических терминологических словарях, у лингвистов, интересующихся художественной картиной мира и изучающих специальные подъязыки науки. Анализируя лексический материал, мы заинтересовались, с одной стороны, историческими изменениями в упот-

© Соболева Г. В., 2013

реблении таких наименований, а с другой – их проявлениями, главным образом, в разговорной речи.

Так, во взятых нами источниках, как уже отмечалось нами в предыдущих публикациях, находим наименование денежных единиц, имевших хождение на Руси в разные ее периоды: *куна́* (денежная единица в Древней Руси, равная одной двадцать пятой части гривны [2, с. 206]), *асс*, *дублон*, *дукат*, *талант*, *фунт* и *ефи́мок* (иностранная монета в Московской Руси в XVI–XVII вв. [1, с. 103]). Взятый нами экономический словарь дает несколько иное толкование лексемы *куна́*: «збірна назва грошей домонгольської Русі, у числі яких були і хутра коштовних порід звірів – одиниця давньоруської кунної грошової системи. Існувала до XIV ст. і зникла з ужитку у зв'язку з появою нової грошової одиниці – грошей» [4, с. 169]. Наряду с вышедшими из употребления наименованиями встречаем и такие: *гривенник*/*гривна*, *грош*. Данный экономический словарь толкует их как историзмы с указанием того, что гривна является и денежной единицей Украины с 1996 года [4, с. 72].

И если наименования, связанные с деятельностью исторических личностей, их изображением на денежных знаках *(*например*: катери́нка* – «сторублевый кредитный билет с изображением Екатерины II» [2, с. 161]), в современном употреблении нам не встретились, то традицию наименования денег по изображению на них какого-либо предмета (например, *кора́бленник* – «в допетровской Руси: название золотых монет иностранной чеканки с изображением на некоторых из них корабля» [2, с. 187]) можем встретить, например, в разговорном наименовании белорусских денег: *зайчики*. Такое название впервые фиксируется словарем в конце XX века: денежная единица Белоруссии достоинством в 1 рубль от изображения зайца на купюре такого достоинства [3, с. 237].

Сохраняется также традиционный принцип наименований денег с учетом их характерной окраски. Так, золотую монету в допетровской Руси называли *червонный*, а *червонцами* вообще монеты, золото, деньги (от червоный, ярко-красный) [1, с. 343]. В наименованиях дореволюционных денег также выделяется группа лексики, внутренняя форма которых связывалась с цветовой гаммой: *красненькая*/*красная* (10 рублей), *серенькая*/*серенькая бумажка* (200 рублей), *желтенькая* (рубль), *синенькая*/*сини́ца* (5 рублей), *беленькая* (25 рублей), *зелененькая* (3 рубля), *радужная бумажка/радужная* (100 рублей). При этом сочетания *беленькая ассигнация*, *красненькая ассигнация*, *синяя ассигнация* словарь дает с пометой «устойчивое сочетание» [1, с. 32–33].

Среди современных наименований денег также встречаются «цветовые» названия: *гри́ны* или *грины́* (доллары США с пометой жарг.) [3, с. 183], *зеленые*, *червонец* (десять рублей; банкнота такого достоинства [3, с. 671]).

Появляется также наименования с явной негативной семантической окраской: *черная валюта* («доходы в валюте, скрытые от налогообложения или полученные в результате незаконных операций») [3, с. 119], *черные деньги*, *черный нал*. Для современных наименований денег характерны также прилагательные: (деньги) *быстрые*, *горячие*, *деревянные*, *живые*, *пластиковые*.

Ушли в прошлое прежние наименования кошелька, как предмета бытового хранения расходных денег: *гама́н* (кожаный мешочек для денег, табака и т. п. [2, с. 78]), *ко́шка* (кошель, который носили на поясе [2, с. 196]), *мошна́* (мешок для хранения денег, кошелек, от др.слав. *моха* – кошелек [1, с. 177]), *пе́хтерь* (кошель [2, с. 318]), *черено́к* (кошелек [2, с. 541]). Для хранения же бумажных денег использовали *кни́жник* (бумажник [2, с. 173]). И раньше и сегодня связано с деньгами слово *биржа*. Его устаревшее значение – «торговая площадь; место стоянки извозчиков», хотя в языках-источниках, немецком и французском, оно обозначало кошелек (от фамилии купеческой семьи Burse в г. Брюгге, XII в.) [1, с. 41].

Как известно, на Руси торговали, то есть имели дело с деньгами, прежде всего купцы. А вот называли их тогда по-разному: *аршинник*, *гость* (иностранный купец), *городо́вый* (провинциальный купец, приезжий из других городов [2, с. 90]), *мануфак-*

ту́р («почетное звание, которое присваивали купцам, если они 12 лет подряд состояли в первой гильдии, или за особые заслуги в области торговли и промышленности» [2, с. 237]), *рядско́й* («купец, торгующий в рядах, имеющий лавку» [2, с. 399]). Синонимический ряд продолжают наименования торговца: *ходебщик* («странствующий торговец, коробейник» [2, с. 525]), *гостинодворец* (с прилагательным *гостиный* (торговый) связаны и *гостиный двор*, *гостиный ряд*), *чумак* (название было распространено только на юге России и Украине), *лабазник*. Продавца в лавке называли *сиделец*. Однокоренными словами именовали и сам процесс добычи, то есть промысел: *ловитва*, *ходебство*, *чумаковать*.

Таким образом, большинство наименований, которые, видимо, давались простым народом и были ему понятны, имело ярко выраженную внутреннюю форму. Для современных наименований, связанных с деньгами, характерна метафорическая мотивация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров В. И. Словарь лексических трудностей художественной литературы / В. И. Макаров, Н. П. Матвеева. – К., 1989. – 367 с.
2. Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. – М., 2002. – 605 с.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб, 1998.

Н. С. Собченко (г. Одесса)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Общеязыковая тенденция способствует появлению новых слов в языке в целом, и в рекламе в частности. Е. В. Сенько отмечает, что новые слова являются следствием динамической природы языковой системы. В середине XX столетия появилась даже специальная дисциплина – неология, которая занимается «историей дифференциации разных типов новых слов» [2, с. 17]. Неология призвана решать, какие слова следует считать новыми. Лингвисты выдвигают разные признаки выделения новых слов из лексической системы. В целом же главным критерием их является признак объективной новизны слова, то есть «отсутствие ранее этого слова в системе языка и восприятия носителями его как нового» [2, с. 19]. М. И. Фомина, классифицируя лексику русского языка, учитывает соотношение новых слов с пассивной и активной лексикой. Общенародные неологизмы переходят в активную лексику, а окказиональные неологизмы – в пассивную. Е. В. Розен, исследователь немецкого языка, выделяет несколько стадий перехода нового слова в обычное. Так, он подразделяет типы инноваций с завершённым циклом перехода (эфемерические, однарозовые в акте речи, неполноциклические, не принятые вокабуляром, полноциклические, принятые и ставшие архаизмами) и с открытым циклом перехода (воспринятые как новые, дальнейшее развитие которых может протекать по завершённому циклу, принятые вокабуляром на неопределённо-долгое время, то есть ставшие обычными словами). В качестве родового для понятия неологизм выступает понятие инновация, то есть «недифференцированное обозначение всех новых элементов языка: узуальных, окказиональных; лексем, семолексов, морфем, фразем и т. д.» [5, с. 34].

Создание языковых инноваций является одной из самых распространённых разновидностей словообразовательной игры в рекламе. В целом же учёные-лингвисты выделяют разные виды такой игры. Например, В. З. Санников выделяет следующие разновидности: 1) переосмысление словообразовательной структуры слов, уже существующих; 2) создание новых слов [4, с. 145–150]. Н. А. Николина все словообразовательные приёмы подразделяет на: 1) создание новообразований – окказиональных или потенциальных слов; 2) концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов; 3) актуализацию контраста меж-

© Собченко Н. С., 2013

ду морфемами или моделью и её наполнением; 4) изолированное употребление аффикса; 5) псевдовосстановление производящей основы; 6) субституцию и вставки [3, с. 338]. Что касается рекламы, то из всех разновидностей словообразовательной игры здесь чаще всего используется словообразование в собственном смысле этого слова, то есть создание новых слов. Однако новые слова, созданные в рекламе, сложно назвать собственно неологизмами. Мы придерживаемся термина окказионализмы, так как новые слова, появляющиеся в рекламе, создаются по случаю, являются единичными и не теряют своей новизны с течением времени.

Сегодня в рекламе создаётся большое количество окказионализмов. Цель их – привлечь внимание реципиента, придать тексту развлекательность, а также служить так называемым ай-стопером (элементом, который останавливает взгляд). Чаще всего рекламисты играют с глаголами, так как наличие глагола в слогане значительно увеличивает его эффективность. Динамика, движение, скрытые в глаголе, наделяют его огромной побудительной силой, делают текст сильнее и красочнее, не удлиняя его. Доказано, что наибольшей эффективностью отличаются те рекламные тексты, в которых даётся не описание рекламируемого продукта, а сам продукт действует в описании.

Следует отметить, что наибольшей популярностью пользуется использование в рекламном тексте императива. Императив – это ирреальное глагольное наклонение, которое выражает различные волеизъявления: приказ, просьбу, мольбу, пожелание, побуждение к совместному действию. Такая популярность использования императива обусловлена тем, что с его помощью рекламист вовлекает потенциального покупателя в созданную им игру. Таким образом происходит большее психологическое воздействие на реципиента. Например: *Frustyle. Миксуй по жизни* (торговая марка «Frustyle»). Повелительная форма глагола образована чересступенчатым способом словообразования. Рекламисты использование глагола в форме императива относят к средствам драматизации. «Средства драматизации – это богатейший языковой арсенал для улучшения рекламных текстов. Использование даже одного из них может «заставить» потребителя более внимательно прислушаться к рекламному тексту и продолжить его чтение» [6, с. 230].

Фанта! Вливайся! (реклама безалкогольного напитка «Фанта»). Глагол *вливайся* использован в новом значении – «присоединяйся». Первоначально реализуется значение глагола «присоединяйся», т. е. вливайся в наши ряды, а затем уже *вливай в себя* (значение возвратного глагола). Так создаётся неоднозначность фразы: пей Фанту – будешь частью некого сообщества, тусовки.

заСУШИсь! (реклама японского ресторана «Суши»). За счёт графического выделения слова *суши* происходит псевдочленение слова *засушись*. В данном примере мы имеем дело с инновацией, созданной по образцу глагола – «засушись», но производной от названия продукта японской кухни – *суши*. Такое слово является формой глагола в повелительном наклонении – «*засушись*». Следовательно, в рекламе данного текста использовано не узуальное слово, а абсолютно новое, специально для этого созданное.

Может использоваться и описательная форма выражения императива:

Джинсуют все! (реклама мобильной связи «Джинс»). В данном примере прослеживается связь с рекламируемым товаром. При помощи такого приёма создаётся новое слово, где сам рекламируемый товар показан в действии, что является очень важным для программирования потенциального покупателя, таким способом товар показан как выгодный и действенный.

Итак, глагол является самой частотной частью речи при создании окказионализмов в рекламном дискурсе, что вполне объяснимо, т. к. «только глагол является соединительным звеном, которое включает в себя жизнь и распространяет её» [1, с. 25]. Следует отметить в целом большую популярность использования словообразовательной игры в рекламе. Эти игры формируют в рекламном материале поле свободных интерпретаций, смещая текст в художественную сферу. Также они помогают

создателю текста ещё раз выделить рекламируемый товар оригинальной трактовкой, направить внимания читателя на запоминание слогана. Количество рекламных текстов с использованием словообразовательной игры растёт с каждым годом, что, несомненно, свидетельствует о поисках новых средств выражения экспрессивности и оценочности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Намитокова Р. Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект / Р. Ю. Намитокова. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. – 160 с.
3. Николина Н. А. «Словообразовательная игра» в художественном тексте / Н. А. Николина // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. – М., 1999. – С. 337–346.
4. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: Языки рус. культуры,1999. – 541 с.
5. Сенько Е. В. Теоретические основы неологии / Е. В. Сенько. – Владикавказ, 2001. – 107 с.
6. Чиркова О. А. Поэтика комического в современном народном анекдоте / О. А. Чиркова // Филол. науки. – 1998. – № 5. – С. 30–37.

Ю. Г. Стежко (м. Київ)

ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ ЛЕКСИКИ ТЕХНІЧНОЇ ТА ГУМАНІТАРНОЇ СФЕР

Культура інформаційного суспільства та міжнародне наукове співробітництво збагатили лексику інтернаціоналізмами – найпоширенішою формою термінів. Термінологічний переклад як особливий вид діяльності є одним із основних засобів міжнаціональної комунікації, за якої перекладач стає посередником в обміні не лише науковою інформацією, а й духовним надбанням націй і народів. Назріла гостра потреба фахової підготовки перекладачів, які б зналися на культурі англомовних народів. В освітньому вимірі формування навичок полілінгвістичної особистості розв'язує завдання спрямування світоглядних орієнтацій на цінності мультикультурного соціуму, задовольняє його запити на особистість номадичного мислення. Як зазначає В. фон Гумбольдт, «через многообразие языков для нас открывается багатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [2, с. 349].

Проблема перекладу термінології завжди була на вістрі лінгвістичних розвідок. Наразі маємо фундаментальні розробки А. Вежбицької, В. Карабана, В. Комісарова, В. Манакіна, О. Суперанської та інших видатних лінгвістів, здобутки яких потребують свого прикладного осмислення. Тож маємо за мету розглянути номінативне фукціонування інтернаціоналізмів в різних мовах.

Переклад термінів-інтернаціоналізмів (слів, які виражають поняття міжнародного значення і існують у багатьох мовах світу, зберігаючи близьке або спільне значення й фонетико-морфологічну будову) становить чи не найскладнішу галузь перекладознавства, позаяк наукова мова, на відміну від літературної, жорстко детермінована логікою денотата, онтологічним статусом терміну. Утім на додаток до уже зазначеного накладаються ще й труднощі, обумовлені лінгвокультурними відмінностями мов. Поняття почасти є відбитком національної культури, ментальності і в різних мовах значимо і смислово різняться. Наразі постає проблема еквівалентних відповідників різних мов як відбиття об'єктивної картини світу. Питання в тому, наскільки це можливо за різних лінгвокультурних умов.

Практика перекладу інтернаціоналізмів засвідчила ефективність таких відпрацьованих методів, як транскодування (транслітерація), калькування та описовий пе-

© Стежко Ю. Г., 2013

реклад. Прийом транскодування полягає в тому, що передача звукової чи графічної форми слова мови оригіналу відбувається засобами абетки мови перекладу. Наприклад: megabyte – мегабайт, electrode – електрод, emitter – емітер. Калькування – це переклад лексичного елементу мови оригіналу шляхом заміни складових частин їх відповідниками мови перекладу. Наприклад: disk storage – дискова пам'ять, current drive – поточний дисковод. Коли немає відповідника терміну мови оригіналу в мові перекладу, то вдаються до описового перекладу. Описовий переклад (експлікація) – це спосіб перекладу, який полягає у заміні оригінальних слів у мові перекладу з адекватним збереженням їхнього змісту. Наприклад, термін *impedance* в описовому перекладі може бути описаний як повний опір у ланцюзі змінного струму або *cache hit* – успішний пошук у кеш-памяті.

Зазначені методи є доволі ефективними в перекладі науково-технічної термінології на усі слов'янські мови, проте є вкрай неефективними в сфері гуманітаристики. Навіть глибоке розуміння логіки розвитку денотата в гуманітарній сфері не завжди забезпечує еквівалентний переклад. Постає потреба проникнення в культуру, ментальність нації – носія мови.

Ментальність пронизує усі сфери буття людини, утім найбільш виразно вона відбивається у мові. Особливо разюче ментальні відмінності проявляються в слов'янських та англосаксонських мовах. Тож щоб достеменно перекласти зміст оригіналу, перекладач має брати до уваги, окрім отнологічного статусу терміну, ще й внутрішню форму слова як зв'язок мислення й мовлення. Через виділення внутрішньої форми слова О. Потебня пояснював, чому в одній і тій же мові може бути кілька слів для позначення одного й того ж предмета і, навпаки, одним словом можна позначати різні предмети. Ця відмінність закономірно обумовлена єдністю мислення та мовлення, самим способом осягнення дійсності, притаманного, скажімо, північноєвропейським народам та південним – слов'янським. Для перших характерним є раціоналістичне осягнення дійсності, схильність до раціоналізму мислення, в той час як слов'янські народи відзначаються схильністю до ірраціоналізму, позалогічних форм осягнення дійсності, а звідси і багатство емоційно-чуттєвого світосприйняття, багатство насиченості мови лексичними одиницями для виразу почуттів, психоемоційного стану.

Яскравим прикладом є аналіз слова *свобода* та його аналогів в польській, англійській, російській, українській мовах. Англійські *freedom* та запозичене з латини *liberty*, польське *wolnosc*, російське *свобода* та українське *воля* відображають різні явища, почуття в культурах відповідних народів. Зокрема, *freedom* навіть набуває різного значення в англомовній номінації в залежності від контексту його застосування і на відміну від слова *liberty* в певних випадках може набувати навіть негативного забарвлення. *Свобода* в російській мові більше корелюється із онтологічним статусом об'єктивної необхідності, в той час як українське *воля* набуває суб'єктивного забарвлення, утримує в собі відбиток екзистенційності буття, внутрішнього світу емоцій, переживань, устремлінь. Але, окрім того, в обігу української мови є і слово *свобода* за значенням, близьким до відбиття об'єктивної дійсності. В польській мові слово *wolnosc* пов'язується передусім із національною незалежністю або ж характеристикою особистісної незалежності – так історично склалося. Більш близьким до російського та українського слова *свобода* в польській мові є слово *swoboda*. Наразі йдеться про різне концептуальне наповнення лексичних відповідників різних мов. В цьому вбачається суттєве й істинне смислове сприйняття слів, які не тільки позначають певні предмети, а і є знаками національної культури. Наприклад, в українській мові *калина*, *рушник*, в російській – *берёза*, *черемуха* є такими знаками національної культури, в той час як в англійській мові вони просто позначають ботанічні назви порід дерев: «birch tree», «bird cherry tree».

Різні смисли слів є феноменом психолінгвістичного механізму вияву семантики слова в мисленні. Різні смислові вживання слів породжують різні психосемантичні асоціації, які супроводжують семантичний рух слова в контекстуальному обігу. Погодьмося, що «можна спілкуватися з тим, хто говорить іншою мовою, але ж не з тим,

хто в ті самі слова вкладає зовсім інший смисл» [4, с. 4]. Чудово ілюструє емоційне багатство української мови, її відмінність від англосаксонських мов широкий спектр смислів слів *душа*, *доля* тощо. На думку В. Манакіна, смисли на відміну від значень мають тонший, а інколи навіть химерний спосіб матеріалізації, що фіксується й одночасно розводиться внаслідок перетину мовної семантики, поля свідомості, підвалин позасвідомого та сукупності інших моментів, що формують індивідуально неповторний зміст слова, який ми називаємо смислом [там само].

Різні мови мають різні лексичні можливості в передачі змісту понять в тій або іншій галузі знань, як і різний рівень розвитку науки може обумовити відсутність в тій чи іншій мові лексичних одиниць, які б адекватно передавали значення терміну. В спеціальній літературі навіть існує позначення «тимчасово безеквівалентних» термінів. Під безеквівалентною лексикою розуміються лексичні одиниці, в яких відбивається етнічно специфічна характеристика об'єктивної дійсності на понятійному та лінгвістичному рівнях

Одначе безеквівалентність жодним чином не означає принципової неможливості перекладу. Задля цього цілком виправдано перекладознавством пропонується застосування методу розчленування терміна шляхом лінгвістичного аналізу на семантичні компоненти з наступним синтезом в описовому перекладі, заміни англійського інтернаціоналізму відповідним українським неінтернаціональним загальнонауковим словом, яке краще забезпечує комунікативну функцію перекладу. Для слів, котрі позначають специфічні, маловідомі поняття та реалії, рекомендується створювати оказіональні еквіваленти, виходячи суто з логіки дійсності, яку вони позначають. «Переводчик вначале должен "освободить от языковой оболочки" обозначения, содержащиеся в исходном тексте, т. е. от значений исходного языка для того, чтобы затем "облечь их в языковую оболочку", т.е. заново оформить их с помощью значений языка перевода» [3]. Відтак переклад, як інтерпретація в її широкому розумінні, становить свого роду рефлексію, те, що М. Бахтін характеризує як «мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах… В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных …» [1, с. 337]. Тож в кожному окремому випадку має місце творчий пошук перекладача, вияв індивідуально-авторських особливостей.

Наостанок. Дослідження міжмовної термінологічної комунікації далеко не обмежується тими аспектами, яких ми побіжно торкнулися, на часі є більш глибокі дослідження лінгвокультурної обумовленості номінації.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М. Бахтин // Хрестоматия по философии. – М.: Проспект, 1998. – 576 с.
2. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
3. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение [Електронний ресурс] / Э. Косериу. – Режим доступу: http://www.classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25/source/worddocuments/_4.htm
4. Манакін В. Лексичне значення і смисл слова / В. Манакін // Наукові записки. – Вип. 53. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВ КДПУ, 2004. – С. 3–9.

Е. В. Столярская (г. Днепропетровск)

НЕОЛОГИКА СФЕРЫ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕКСТАХ ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: ЗА И ПРОТИВ

Переход человечества из XX века в XXI век ознаменован небывалым развитием науки, техники и электроники. Немаловажную роль в привлечении внимания к беспрецедентным достижениям вышеперечисленных сфер призвана сыграть реклама. Лексическая наполняемость русского языка безгранична, но и здесь возникают пробелы – лакуны в процессе номинации новых предметов и явлений. Реклама же, в

© Столярская Е. В., 2013

свою очередь, являясь средой благоприятного развития явлений окружающей действительности, обладая большой оперативностью и информационной способностью, мгновенно позиционирует нововведения и новообразования в лексике.

Цель статьи – определить преимущества и недостатки использования неологических вхождений в текстах рекламных журналов.

Язык рекламы, как активно развивающаяся система, инициирует не только появление новых слов – неологизмов, но и постоянное совершенствование, саморазвитие русского литературного языка и коммуникативной сферы. Именно в языке рекламы закрепляются и адаптируются разного рода языковые инновации. Этот процесс продиктован множеством факторов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Фактор информативности. С появлением в науке, технике или в окружающей нас действительности нового объекта иностранного происхождения, возникает необходимость его номинирования. Этот процесс также является потребностью в дифференцировании узкоспециальных понятий, продиктованной нормами общемировых стандартов. В мировой научной среде наметилась тенденция к созданию международной терминосистемы, единых наименований явлений современной науки и техники, предпосылкой чему является превосходство той или иной нации в какой-либо области науки или техники. В результате средства массовой информации начинают изобиловать заимствованной терминологией. «Очевидным образом это означало интенсификацию общения носителей русского языка с носителями иных языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приобщения носителей русского языка к интернациональным (а чаще созданным на базе английского языка) терминологическим системам…» [3, с. 3].

2. Фактор экономии языка. Неологизмы обладают большей смысловой вместимостью. А, как известно, принцип языковой экономии – один из самых популярных принципов публицистического жанра, а значит, журнальных рекламных текстов. Данное решение привнесло в лингвистический процесс как свои преимущества, так и недостатки. Среди преимуществ – то, что описательное, неоднословное наименование средствами своего языка заменяется однословным наименованием, но средствами чужого языка, т. е. использование одного термина-неологизма может заменить собой целую синтаксическую конструкцию. Например, с развитием науки и техники в обиходе появляется слово *компьютер* (от англ. *computer*) – вычислитель [poiskslov.com/], хотя в русском языке существовало свое наименование данного изобретения – синоним: *ЭВМ – электронно-вычислительная машина.* Но закон экономии предопределил действия метода унификации, и английское заимствование *компьютер* вытеснило из употребления номинацию *ЭВМ*. Ср. также, *сенсор* (от англ. *sensor*) вместо *датчик автоматической регулировки яркости подсветки* [http://ru.wikipedia.org/].

К недостаткам внедрения иноязычной неологики можно отнести явление терминологической дублетности: «…когда в языке употреблялось несколько неологизмов иноязычного происхождения из разных языков для одного и того же понятия; когда заимствованию сопутствовало в языке исконное слово…» [1, с. 54]. К примеру, *брандма́уэр* (от нем. *Brandmauer*) и *файрвол* (от англ. *firewall*) – *разновидность наружной рекламы* [http://ru.wikipedia.org/]. Или же параллельно происходят два процесса: заимствование и калькирование. Например, *вьювер* (от англ. *viewer*) и *просмотрщик* – компьютерная програ́мма [http://ru.wikipedia.org/]; *клиренс* (от англ. *ground clearance*) и *просве́т доро́жный* [http://ru.wikipedia.org/]. В дальнейшем употреблении калька может получить более широкое употребление, а заимствование – более узкое. Но в любом случае приоритетным будет то наименование, которое более точно и кратко выполняет функцию номинации. Следуя в своих высказываниях принципу языковой экономии, журналисты с особой тщательностью производят отбор лексических единиц, способных при своем минимальном объеме с наибольшей

точностью и лаконичностью создать необходимый образ объекта, чему служат и внешние вхождения.

3. Фактор прагматического воздействия. Прагматическая направленность иноязычных вхождений является средством манипулирования общественным сознанием. «Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка …» [4, с. 3]. Новые слова придают рекламному тексту новые черты – образность, яркость, экспрессивность, оригинальность, аттрактивность. Использование иноязычных элементов помогает сделать рекламный текст более привлекательным, престижным, что неизбежно приведет к выполнению задачи рекламной коммуникации: представить рекламируемый объект в предельно выгодном свете.

Прагматический аспект рекламного дискурса неизменно требует своеобразной организации журнальных текстов: выбор лексических единиц, стилистических приемов – всего, что имеет своим итоговым содержанием установку на конкретные действия со стороны партнера коммуникативного акта. Для достижения рекламодателем поставленной цели, язык – лучшее средство, так как язык – это не только средство общения, но и средство манипулирования. Важной особенностью проявления языковой игры в рекламном дискурсе является использование новых слов: чередование иноязычных элементов, словосочетаний с иноязычными словами, русских новообразований, построенных на основе иноязычного материала и др. «Функционирование заимствованных термина и слова общего языка, как и процесс их заимствования, имеет некоторые общие черты, определяемые прагматикой языкового знака, а именно возможностями заимствованного слова выполнять то или иное сверхзадание в речевой коммуникации» [2, с. 43–44].

Но интерактивное пополнение русской терминологии новыми лексическими образованиями английского, а чаще американского происхождения влечет за собой обильное проникновение англицизмов, американизмов и их производных в язык масс-медиа, что зачастую приводит к непонятности языка, ср., например: «*GPS-ресивер с поддержкой A-GPS, Bluetooth 2.0 (A2DP) и Wi-Fi 802.11 b/g»* («$Т_3$», № 2, 2010; с. 53) или *«3D, тачскрин, motion-управление – как скоро геймеры привыкнут?»* («$Т_3$», № 6, 2011; с. 14). Иностранная терминолексика, предназначенная для узких специалистов, начинает употребляться в прессе и таким образом становится препятствием для понимания научно-публицистического текста широкими массами русскоязычного населения. Случается, что некоторые рекламные тексты содержат более-менее доступное толкование заимствованного понятия, но степень терминологичности толкования бывает завышена и неологизм остается непонятным, иногда даже в силу своей недостаточной адаптированности в русском языке. Поэтому для успешной рекламно-информационной коммуникации следует учитывать определенные приемы, направленные на обеспечение понимания текста читателем. К подобным приемам, по мнению Е. В. Гусевой, можно отнести лексический повтор, описательный перевод, интерпретирующий контекст. «Новейшие заимствования, не нашедшие отражения в словарях, требуют пояснения, нуждаются в определении в пределах данного текста» [2, с. 10].

Подводя итог, можно сказать, что роль неологизмов в текстах рекламно-информационных журналов чрезвычайно велика. Прежде всего, они делают язык богаче, ярче и разнообразнее, способствуют его развитию. Благодаря своей смысловой емкости, неологика дает возможность точно и кратко обозначить объект, а в целях успешной рекламно-информационной коммуникации выполняет прагматическую задачу. Но иногда иностранные слова не вполне понятны массовому читателю, поэтому они резко ухудшают качество процесса читательского восприятия. Этот факт необходимо учитывать, и применять приемы, направленные на обеспечение понимания текста читателем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: уч. пособие / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
2. Гусева Е. И. Динамика термина / Е. И. Гусева // Заимствование. Обновление метаязыка. Развитие лингвистической теории. – Мариуполь, Ультрамарин, 2012. – Режим доступа: http://uapryal.com.ua/.
3. Ким Л. А. К вопросу о дефисном и раздельном написании терминов типа *нетто-стоимость* / Л. А. Ким // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: матер. V Междунар. науч. конф. / сост. Т. С. Пристайко. – Д.: Нова ідеологія, 2011. – С. 167–170.
4. Крысин Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002. – Режим доступа: http://www.philology.ru/.

И. П. Суима (г. Днепропетровск)

ОБРАТИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Одним из специфических структурных параметров сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности является обратимость компонентов, т. е. возможность транспозиции их составляющих: *англо-русский* и *русско-английский; франко-советский* и *советско-французский, китайско-японский* и *японско-китайский* и т. п.

Сложные прилагательные типа *американо-японский, немецко-французский* представляют собой сочетание двух равноправных понятий в смысловом и грамматическом отношении (американский и японский; немецкий и французский), что предполагает возможность перестановки компонентов в составе сложного прилагательного (обратимость компонентов прилагательных): *немецко-французский* и *французско-немецкий; американо-японский* и *японско-американский*.

Обратимость компонентов сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, как и некоторые другие структурные параметры указанных лексических единиц, зависит, прежде всего, от экстралингвистических факторов. Среди них можно выделить такие, как сфера употребления, стержневое слово, установленная традиция комбинации компонентов в составе сложного прилагательного.

Если, скажем, стержневое слово связано с лингвистической сферой употребления, то чаще всего компоненты прилагательного, которое употребляется с этим словом, будут обратимыми, например, *англо-русский* и *русско-английский словарь, китайско-японский* и *японско-китайский разговорник* и т. д. Сложнее в случае с прилагательными, которые употребляются со стержневыми словами, связанными с общественно-политической, экономической сферами деятельности. Довольно часто, прилагательные с одним и тем же стержневым словом могут быть как обратимыми, так и необратимыми. Рассмотрим несколько таких примеров: «Австро-итальянская война», «Австро-турецкая война», «Англо-американская война», «Австро-прусская война». Если обратиться к лексикографическим изданиям и различным историческим справочникам, то можно заметить, что первые два примера из приведенных выше – необратимые (нигде не встречается вариант «Итальяно-австрийская война» или «Турецко-австрийская война»). А для двух следующих прилагательных с определяемым словом в БЭС, например, представлены оба варианта «Американо-английская война» и «Англо-американская война», «Прусско-австрийская война» и «Австро-прусская война» Проанализировав примеры сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, которые употребляются с определяемым словом «война», можно предположить, что в лексикографических изданиях, справочниках и т. д. фиксируются те варианты, которые чаще встречаются в исторических источниках, т. е. те, которые сложились традиционно. Так, в русской

© Суима И. П., 2013

историографии употребляется словосочетание *франко-прусская война,* следовательно, прилагательное *франко-прусский* было зафиксировано в БСЭ [1] (1978) в таком виде, компоненты данного прилагательного не комбинируются в другом порядке. Рассмотрим другой пример: война между Америкой и Англией 1812–14 гг. в одних источниках называется американо-английской, в других – англо-американской. В этом случае нет установившейся традиции комбинации компонентов сложного прилагательного, Советский энциклопедический словарь фиксирует оба варианта. Но, например, *англо-афганская война, англо-египетская война, австро-французская война* не могут быть названы *афганско-английской, египетско-английской* и *франко-австрийской* соответственно, сложные прилагательные *англо-афганский, англо-египетский* и *австро-французский* вместе с определяемым словом *война* вошли в БСЭ [1] и СЭС [5] в таком виде.

ПНТ, которые фиксируются в текстах официально-деловых документов, в частности договоров и соглашений, в основном являются обратимыми. Это, скорее всего, связано с попыткой следовать определенной коммуникативной цели, которая обычно ставится при создании такого рода документов. Например, в тексте политического соглашения между несколькими странами обычно не выделяется одно государство, нужно указать на значимость и равноправие всех сторон договора. В основном, это объясняется особенностями официально-делового стиля, требованиями к оформлению договоров, политическим этикетом, когда важно подчеркнуть тот факт, что обе стороны, заключающие договор, имеют одинаковые права и находятся в одинаковых условиях [3]. Поэтому, в качестве первого компонента ПНТ, указывающих на характер сторон, в тексте одного и того же соглашения выступают названия всех стран-участников по очереди: «*Польско-румынский договор 1949 о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи… Стороны, подписавшие румынско-польский договор, обязуются принимать все необходимые меры для устранения любой угрозы агрессии со стороны Германии или другого государства, объединившегося с ней… Стороны, заключившие польско-румынский договор обязуются участвовать во всех международных акциях по обеспечению мира и безопасности …* и т. д.» [2].

Кроме того, один и тот же договор в разных источниках может фиксироваться с разным порядком компонентов. Например, *германо-советский договор* и *советско-германский договор; австро-прусский договор* и *прусско-австрийский договор* – в официальных документах, в частности в договорах и соглашениях, зафиксированы оба варианта: «*Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении германо-советского договора о дружбе и границе, заявляют о своём согласии в следующем…*», «*21 мая Сталин затребовал в НКИД всю документацию по советско-германским договорам*» [4]; «*Австро-Прусский союзный договор 1792 года о совместной борьбе против Великой французской революции подписан 7 февр. в Берлине*», «*Пильницкая декларация – прусско-австрийское соглашение о совместной борьбе против революционной Франции…*» [1]. Возможно, это связано с тем, что указанные государства играли одинаково важную роль в мировой политике.

Прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, компоненты которых указывают на страны, разные по значимости в экономике и политике, в основном являются необратимыми: *советско-бурундийский, советско-камбоджийский, американо-конголезский* и т. д.

Некоторые сложные адъективы являются необратимыми независимо от экстралингвистических факторов, их структурные особенности, скорее всего, связаны с установленной традицией комбинации компонентов в составе данных сложных прилагательных и практикой их употребления. Например, *англо-голландский договор, англо-египетский договор, англо-франко-израильский договор* и т. д.

Таким образом, структурные особенности сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности связаны со многими факторами, в частности со сферой употребления, сложившимися традициями использования того или иного структурного типа ПНТ и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая советская энциклопедия /под ред. А. М. Прохорова. – 1 т. – М.: Сов. энцикл., 1970. – 608 с.
2. История дипломатии. – Изд. 5–е. – Том 1. – М., 1999, – С. 429–433.
3. Настольная книга секретаря–референта. Контракты, деловая корреспонденция, документация на английском и русском языках / сост. Н. А. Самуэльян. – М. : Менеджер, 2000. – 240 с.
4. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. – М.: Тера–Книжный клуб, 2004. – С. 119–123.
5. Советский энциклопедический словарь /под ред. А. М. Прохорова. – 2–е изд. – М.: Сов. энцикл., 1988. – 1600 с.

О. А. Тесленко (г. Запорожье)

СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ МОДУСНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СМС-ПЕРЕПИСКЕ

Данная статья является продолжением цикла статей, посвящённых комплексному лингвистическому исследованию русскоязычной смс-коммуникации.

Актуальность темы статьи обусловлена следующими факторами: 1) общение посредством смс-сообщений является относительно новой формой коммуникации, языковые особенности которой в научной литературе освещены ещё недостаточно; 2) в последние годы наблюдается быстрый рост участников смс-коммуникации, поэтому создать полную и адекватную картину речевого поведения современного общества без учёта особенностей смс-дискурса невозможно; 3) требует научного осмысления проблема наблюдающегося формирования на базе электронной коммуникации новой формы существования языка.

Теоретической базой данной работы послужило исследование Е. А. Земской [1]. Названное исследование посвящено устной форме русской разговорной речи. Согласно концепции Е. А. Земской, существуют две сферы коммуникации: сфера официального / полуофициального общения и сфера непринуждённого общения. Каждая из этих сфер обслуживается специфической подсистемой русского языка: сфера официального общения – кодифицированным русским языком, сфера неофициального общения – разговорным языком [1, с. 3]. Таким образом, условия протекания коммуникативного акта (официальная либо неофициальная обстановка общения) являются, согласно концепции Е. А. Земской, лингвистически релевантным фактором.

Исследователь отмечает, что экстралингвистические условия протекания коммуникативного акта, в основе которого лежит разговорный русский язык, позволяют участникам коммуникации активно использовать паравербальные (жестовые и мимические) средства общения. Данная особенность разговорного коммуникативного акта объясняется непринуждённостью обстановки общения. Е. А. Земская пишет: «Из всех вербальных типов общения разговорная речь наиболее тесно связана с внеязыковыми средствами человеческой коммуникации. Вот почему важность изучения разговорной речи на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами, становится всё более очевидной. Наблюдается функциональный параллелизм языковых и неязыковых средств в сфере коммуникации» [2, с.10].

Возвращаясь к предмету нашего исследования, отметим, что отличительной чертой русскоязычной смс-коммуникации является именно многоканальность коммуникативного акта, осуществляемого посредством смс. Проанализированные нами тексты смс-сообщений позволяют сделать предварительный вывод о том, что смс-коммуникация является сферой преимущественно непринуждённого, «раскованного» общения людей близких или людей, равных по общественному статусу. Этот экстралингвистический фактор определяет а) лингвистические особенности текстов смс-сообщений; б) использование коммуникантами нескольких семиотических систем. Условно говоря – для передачи диктумной информации в смс-сообщениях традици-

© Тесленко О. А., 2013

онно используются вербальные средства общения, для передачи модусной информации активно используются т. н. «эмограммы», или «смайлы» – графические знаки, употребляемые для выражения эмоций при письменном непринуждённом общении:

«С праздником ☺»

«Перезвоните мне пжл;)»

«Я тоже :'(»

«Удачи! Споки! 8-)»

«☺ привет всем от меня!:»*

«пасибочки;)»

«Пф…там на (от имени Настя – прим.) *тоже хз когда увидела) ладно, кафедра крутяцкая))»*

«Вот я о нём сейчас читаю, а народу много? Мне так хочется шото спать ШО я вообще щас тут захраплю … (»

«Хахаха)))) ну вообще молодец конечно! Поздравляю))»

«Нет, не многие ☺»

«Юленька, не могла никак не могла ответить☺ все защитились. Тебе 100, валику, некиту и т.д.асе 95, мне 90. Была И.Я. на защите.кузьмич говорил 3часа о Санам и рекомендовал на отлично.»

«Фу, ну ты порассмешивала меня)))) тайну не открыла)) но по присутствию единственного мужского имени в смске я поняла что Высоцкого сыграл билык)))) ого СПС до 20 надо вычухаться)) фу Юлька спасибо за весёлости, буду укладываться.»

«Впредь знай, не надо на меня капслоком писать)))))))» (Caps Lock – режим на компьютере, написание заглавными буквами – прим.)

«Я приеду к 10-ти. Ни пуха, ни пера ☺»

«Не могу. Принтер не сканир☹» (т. е. принтер не сканирует – прим.)

Следует отметить, что эмограммы являются достаточно прочно устоявшейся семиотической системой, так как их значение общепонятно. Приведём список наиболее употребляемых в смс-дискурсе эмограмм:

☺ улыбка
:))) смех
:D смех
;) хитрая улыбка с прищуром
☹ огорчение; недовольство
:'(слёзы
=* поцелуй
o.O удивление
o_O удивление
O «ух, ты!»
O_O сильное удивление
=_= плохо
=___= очень плохо
X_X «умер»

Как отмечает М. Ю. Сидорова, «смайлы» в текстах смс-сообщений выполняют функции знаков препинания: «… в смс нормативные знаки препинания зачастую уступают место смайликам» [3]. И всё же, основная функция эмограмм в смс-дискурсе – выражение эмоций. Данная особенность смс-дискурса позволяет сделать важный вывод о статусе речи, которая функционирует в электронном коммуникативном пространстве.

Как уже отмечалось в начале статьи, функциональный параллелизм нескольких семиотических систем в коммуникативном акте – признак непринуждённого, неофициального коммуникативного акта [2, с. 10]. Следовательно, смс-коммуникация – это сфера преимущественно непринуждённого межличностного общения, которое имеет письменную форму.

Таким образом, форму речи, функционирующую в электронном коммуникативном пространстве, можно определить как естественную русскую письменную речь. Предположение, сделанное нами в начале статьи, подтвердилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения / Е. А. Земская – М.: Рус. яз., 1979. – 240 с.
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
3. Сидорова М. Ю. «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча…» [Электронный ресурс] / М. Ю. Сидорова. – Режим доступа: marinadoma.narod.ru/inet/sms.html

Г. В. Токарев (г. Тула, Россия)

МЕРА В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Культура стремится к кодированию информации разными языками, отсюда её неоднородность, многоаспектность. Одним из средств репрезентации культурного знания является естественный язык. Его культурное маркирование осуществляется в двух аспектах. Во-первых, естественный язык может репродуктивно отражать культурную информацию. Это касается многочисленных слов, фразеологизмов, паремий, текстов, которые прямо воспроизводят особенности материальной и духовной культуры народа. Данные единицы выполняют фиксирующую функцию. Их объяснение требует простого описания явления. Например, валенки – это зимняя обувь, которая делалась валянием шерсти овцы. Семантика этих единиц может быть неактуальной и актуальной для лингвокультурной общности. В последнем случае она очевидна для каждого, кто пользуется языком как родным. Данные единицы не образуют особой семиотической системы.

Во-вторых, культура может использовать естественный язык как материал, из которого она созидает особые знаки. Они формируют отдельную, лингвокультурную систему.

Определим перечень данных знаков.

Базовые метафоры – знаки, отражающие древние фундаментальные представления об устройстве мира. Например, метафора дома, дерева как пространственная модель мира.

Квазисимволы – знаки, концентрированно отражающие наиболее важные, обобщённые аспекты в представлениях о мире. Например, ветер – символ перемен, туча – символ неприятности.

Квазиэталоны – знаки, отражающие представления о стандартах свойств и качеств человека. Например, лиса – хитрый человек, тумба – грузный человек, огонь – проворный, бойкий человек.

Квазимеры – знаки, указывающие на наивные эталоны меры различных явлений действительности. Например, до зелёного змея ‘до галлюцинаций, нервного расстройства’, за тридевять земель ‘очень далеко’.

Прецедентные имена – знаки, в основу которых положены имена общеизвестных персоналий, обозначающие типажи людей. Например, Ксюша Собчак – ‘светская львица’.

Безденотатные имена – знаки, которые называют реально не существующие явления действительности. Например, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, шапка-невидимка и др.

Очевидно, что приведённый список неполный, поскольку лингвокультурный уровень изучен фрагментарно. Особенность данной системы – невыделенность её границ. Содержанием единиц этого уровня является ментальное пространство куль-

© Токарев Г. В., 2013

туры, выражением – единицы естественного языка в совокупности их плана содержания и выражения.

Остановимся подробнее на квазимерах. Данный тип единиц наиболее ярко демонстрирует разницу между наивной и научной картиной мира. Окружающую действительность научно человек измеряет в метрах, литрах, килограммах, часах и др. Степень древних единиц измерения была более прагматичной: она позволяла человеку мерить тем, чем он располагал всегда: пядь, локоть, сажень.

Квазимеры также отражают высокую степень прагматизма. Образ человека является наиболее продуктивным для образования стереотипов меры явлений. Характерно, что для языкового сознания наиболее важным становится внешний облик человека, все его «этажи»: *с головы до пят, по самые уши, до корней волос, до ушей, до девятой пуговицы, по макушку, головой выше, до пят.* Образы, связанные с частями тела человека, помогают охарактеризовать многообразные внутренние, «не доступные взору» процессы: *до костей, за обе щеки, семь потов сошло, во весь дух, на бровях, ни в одном глазу, большого сердца, от пуза*. Ментальная рефлексия над элементами человеческой субстанции формирует стандарты меры усилия, пространства, времени и др.: *малой кровью, семимильными шагами, рукой подать, на волоску, под боком, на соплях, до седин, до зубов, в голос, как на ладони*.

Наивные меры, квазимеры, приблизительны. Ср: *в три дуги* ‘очень низко’. Указанное свойство этой единиц ярко проявляет себя в переосмыслении научных эталонов. Ср.: *за версту* означает ‘неблизко’, а не конкретное расстояние в 1066,8 м.

Процесс научного измерения происходит путём соотнесения с эталоном меры. Идентичен процесс измерения в наивной картине мира. Эталоном здесь выступают внутренние формы вербальных единиц. Так, эталоном быстроты протекания процесса является брожение дрожжей – *как на дрожжах*. Это означает, что для квазимер существенно обладать живой внутренней формой.

Семантика квазимер предполагает допустимость вопросов: сколько, в какой мере, степени. Очевидно, что для квазимеры характерен интенсивный компонент значения.

Материальная оболочка знака культуры определяет особенности его употребления, сочетаемости. Так, мера количества, объёма может быть обозначена следующим образом: *с хвостом, по макушку, под завязку.* Ясно, что приведённые меры могут характеризовать разные объекты, хотя имеют инвариантное значение ‘что-либо в избытке’.

Квазимера связана с понятием нормы. Так, квазимера *на булавки* ‘на мелкие расходы’ указывает, что данная сумма небольшая, меньше стандарта, нормы среднего. В то же время квазимера может выражать оценку: *на один зуб* – это не только указание на маленькую массу, несоответствие норме, но и отрицательная оценка данной меры.

Квазимеры используют образы всех культурных кодов:

биоморфного (*воробью по колено*);

фетишного (*ни в какие ворота*);

пространственного (*до дна*);

мифологического (*во дни царя гороха*);

временного (*дни и ночи*);

антропоморфного (*рукой достать*) и др.

Наиболее продуктивными вербализованными мерами стали: соринка, былочка, крошка, капля, иголка, копейка, грязь, волос, рука, глаз, золото.

Стандартизуются также представления о разнообразных процессах: *как вымело, под завязку, за семь вёрст киселя хлебать, пушечный выстрел, пруд пруди, на свалку, как в аптеке, хоть ножом режь, кашей не корми, из пушки не прошибёшь, ни в какие ворота не лезет, лучше в реку, хоть в петлю залезай.* Большинство из них связано с обыденными повседневными практиками человека. Скрипт той или иной ситуации закреплялся за определённой мерой положения дел.

Квазимеры образуют своеобразные линейки, ряды единиц, обозначающих различную степень чего-либо. Например, русская языковая картина мира отражает около 10 степеней пьянства. Образные основания единиц указывают на последствия опьянения: невозможность твёрдо держаться на ногах, чётко видеть что-либо, что-либо делать, чётко говорить. Семантика единиц не позволяет определить чёткую градацию усиления признака. Можно выделить низкую степень опьянения (*под шофе*), среднюю (*под балдой*), высокую (*как сапожник, как зюзя, лыка не вяжет, ни в одном глазу*), очень высокую (*как стелька, на бровях, до зелёного змея, до чёртиков*). Как видно из примеров, маркируется прежде всего высокая и очень высокая степень.

Мера проявления признака может представлять его со знаком плюс и минус. Причём симметрия относительно нулевой точки (нормы) может отсутствовать. Так, мера присутствия, существования чего-л. в большей степени представлена отрицательными значениями, указывающими на отсутствие чего-либо: *ни шиша, ни уха ни рыла, ни соринки, ни былочки ни поживочки, не бог весть сколько, ни лысого беса, ни рожна*. Номинаций со значением присутствия в достаточном количестве немного: *до хрена, бог не обидел*. Данный факт наглядно демонстрирует универсалию репрезентировать отступления от нормы.

Определим круг явлений, которые пытается измерить русское сознание.

1. Коммуникация и её особенности (*в три этажа, на два слова*).
2. Воздействие чего-либо на человека (*по самые уши, от головы до пят, до корней волос*).
3. Затрачиваемые усилия (*семь потов сошло, на полную железку, со дна моря, и хвост и в гриву*).
4. Мера присутствия / существования (*ни шиша, ни соринки, бог не обидел*).
5. Мера финансовых расходов (*на булавки, грести лопатой, за копейки*).
6. Мера алкогольного опьянения (*под шофе, на бровях, как зюзя*).
7. Пространственная характеристика (*под рукой, бок о бок, в трёх шагах*).
8. Мера перемещения (*семимильными шагами, как черепаха*).
9. Характеристика объёма, вместительности (*с хвостом, не резиновый*).
10. Мера восприятия (*одним глазом, на глаз, как на ладони, краем глаз*).
11. Мера силы голоса (*в голос, как резанный*).

Кроме этого, можно выделить большое количество аспектов, которые представлены 1–2 номинациями. Например, внешние качества (*как на выставку*), чистота (*как стёклышко*).

Квазимеры отражают особенности национального мироощущения: внимательность русского человека как внешнему, так и внутреннему миру. Безусловно, большинство квазимер сформировалось в обыденной среде: *дешевле пареной репы, как горькая редька, седьмая вода на киселе* – и отражает культурные сюжеты, связанные с национально маркированными артефактами. Однако некоторые из них вобрали в себя мифологические представления: *бог не обидел, ни лысого беса, с Адама и Евы, во дни царя Гороха, до чёртиков, как у Бога за пазухой, за тридевять земель, куда ворон костей не заносил.* В семантике квазимер находим отражение представлений об устройстве мира: Земля имеет края (*хоть на край Земли*), время трудовой человек измерял движение солнца (*от зари до зари, ни зимой ни летом*), регулирующего начало и окончание работы. Специфичной чертой характера является ироничное отношение к действительности: *не баран начихал, с хвостом, на воробьиный скок, кот наплакал, как на собаке, как корове седло, воробью по колено*.

Большинство наивных единиц измерения возможно соотнести с научными: километрами, минутами, кубами, промилле и др. Наивные единицы измерения отличаются от научных тем, что характеризуют приблизительную степень, формируя образ и давая оценочно-эмотивную интерпретацию.

ЛИТЕРАТУРА
1. Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры / Г. В. Токарев. – Тула, 2013.

Р. А. Трифонов (м. Харків)

«КАЖУЧИ ЛЮДСЬКОЮ МОВОЮ»: ПРО ДЕЯКІ ДИСКУРСИВНІ ОПОЗИЦІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВНОЇ СВІДОМОСТІ

У світлі сучасних концептологічних студій привертає увагу те, що мова не тільки є засобом об'єктивації концептів, полем їх утілення, але й також являє собою концепт [4, с. 166–169], будова якого на індивідуальному рівні безпосередньо визначає характеристики мовної особистості та її мовленнєві акти, а на соціальному – лінгвокультурну специфіку доби. Концептуалізацію мови досліджують на матеріалі художнього дискурсу [1], різних форм свідомості та картин світу – релігійної, наукової, повсякденної [2; 3; 4]. Крім розуміння мови як базового концепту лінгвістики в межах наукового пізнання, важливим є дослідження «наївної» концептуалізації мови у свідомості її носіїв. У цьому напрямі й скероване пропоноване дослідження.

Словосполучення *людська мова* може в конкретному дискурсі відсилати і до наукової, і до повсякденно-наївної картини світу. У першому випадку йдеться про особливий семіотичний феномен, який належить людині, вирізняє її і водночас сам вирізняється з-поміж інших знакових систем. Натомість *людська мова* як словосполучення, що функціонує в метамовних зауваженнях на тлі висловів стосовно найрізноманітніших аспектів дійсності, відображує індивідуальну концептуалізацію мови та її окремих одиниць. І, як показує аналіз, таке маркування експлікує певні аксіологічні дискурсивні опозиції, розкриває структури свідомості, значущі для позиціонування особистості в дискурсі. Розгляньмо такі випадки на матеріалі сучасного інтернет-мовлення, втілюваного переважно в публіцистичних і розмовних стильових формах (зберігаємо написання оригіналів).

Передусім слід окреслити формально-структурні аспекти досліджуваного феномену. Частіше маємо справу з випадками, коли фрагменти висловів побудовані за стандартною схемою 1: *«X, або (тобто), кажучи (говорячи, якщо говорити) людською мовою, Y»* (з незначними суто формальними варіаціями). Наприклад: *«Змагання являли собою так званий крос-кантрі, або, говорячи людською мовою, перегони на місцевості з ґрунтовою дорогою та природнім ландшафтом, що являв собою спуски, підйоми та штучно створені "вісімки"»* [http://sport.if.ua, 01.05.2012]; *«…Кабмін і Нацбанк вирішили провести рекапіталізацію найбільш постраждалих від кризи українських банків. Говорячи людською мовою, банкам просто дадуть грошей з держбюджету для банального затикання дірок у балансах»* [http://www.slovo-unp.com, 23.04.2009]. Матеріал показує, що приклади вельми різнорідні за формальною природою мовних одиниць X та Y (це можуть бути як одиничні лексеми, так і розгорнуті конструкції; як елементні, так і пропозитивні номінатеми), а також за їхньою семантикою, стилістикою та прагматикою. Рідше маємо схему 2, де є тільки Y, тобто йдеться не про заміну, а власне про маркування мовних засобів, які мовець уживає: *«…лише два наших нафтопереробних заводи – Лисичанський і Кременчуцький – можуть задовольнити всі потреби нашого ринку. Проте сьогодні один лише працює в тих об'ємах, які дозволяють йому наповнити власну мережу АЗС, – це я маю на увазі Кременчуцький завод, а другий працює, кажучи людською мовою, – нафта прийшла, переробилася, продукт вивезли в Росію, а нам залишили лише викиди»* [http://www.nrcu.gov.ua, 28.09.2011]. Тут *кажучи людською мовою* – упереджувальний маркер до наступного фрагмента, того самого Y.

Що ж таке *людська мова* в «наївній» (слід наголосити на науковій безоцінності терміна «наївний») концептуалізації? Звичайно, мовленнєві акти в дискурсі, фрагмен-

© Трифонов Р. А., 2013

ти висловів – словом, те, чого стосується метакоментар, – усе це перебуває в межах однієї семіотичної системи з мовленням самого суб'єкта-оцінювача. А отже, категорія *людської мови* переходить із загальносеміотичного рівня на стилістичний, і досліджуване словосполучення починає позначати стилістичні пріоритети. Їх можна простежити в певних дискурсивних опозиціях, з'ясовуючи, якого типу мовні знаки займають позицію X і якого типу знаки – позицію Y у вищенаведеній схемі.

На рівні звичайної лексичної стилістики, що визначається місцем слова в лексико-семантичній підсистемі і, відповідно, свідомості мовця, поширені випадки, коли X є запозиченим словом, причому відносно новим, а Y – традиційним для української лексики засобом: *«Донедавна ця молода ефектна пані була відома як успішний девелопер, або, кажучи людською мовою, забудовник»* [http://tyzhden.ua, 04.07.2011]. У такий спосіб мовець стилістично регулює вислів. Аналогічна ситуація – в процитованому вище прикладі про *крос-кантрі* з тією відмінністю, що там номінатема Y є складеною й довгою, тобто семи, закладені в слово *крос-кантрі* на поняттєвому рівні, мусять бути експліковані в окремих словах, із яких вибудовується велика конструкція. Однак здатність останньої створити у свідомості «картинку», у якій є всі необхідні деталі, переважує, а узуальність і національна природність номінатеми Y роблять її зразком *людської мови* стилістичного виміру. Отже, тут *людська мова* – це своя, питома, звичайна на противагу запозиченій і незвичній; утім протиставлення свого і запозиченого не найпринциповіше, адже матеріал показує, що загалом в опозиції книжного і нейтрального (або книжного і розмовного) саме другий полюс стандартно маркується як *людська мова* – власне, із семантикою 'повсякденно-звична': *«Хто бодай побічно цікавився творами Фрейда, Фрома та компанії, вже мав би здогадатися: там, де щезає Ерос, з'являється Танатос. Кажучи людською мовою, там, де щезає прагнення до Любові, обов'язково з'являється прагнення до Смерті»* [http://www.chasipodii.net, 04.09.2009]; *«А от як Росукренерго компенсуватиме різницю між 140 і 95 дол це ні Ющенко ні Любі друзі не говорять. Тому що це не входить до їхньої компетенції, людською мовою кажучи – це їх просто не гребе»* [http://www.ukrcenter.com, 04.01.2006].

Водночас стилістичні опозиції виявляють значну залежність від індивідуальної концептуалізації мови. І тому часом *людським* виявляється менш розмовний варіант: *«КрасавчЕги)))))) Ну, або кажучи людською мовою: "Просто молодці!!!))))"»* (реакція на фото закоханої пари) [http://loveis.1plus1.ua, 28.01.2010]. *«…такої кількості "наворотів", а говорячи людською мовою – технічних нововведень – не бачить жоден "конвеєрний" Porsche»* [http://alls.in.ua]. Надмірній або недоречній, на думку мовця, розмовності протиставляється *людська мова* нейтрального стильового регістру. Отже, стилістично *людська мова* – це та, яка містить прості й прототипні номінації, натомість *Ерос*, *Танатос* і *красавчЕги* мають свої нашарування. Мовець указує, що володіє певним стильовим діапазоном, – і на цьому тлі втілює нейтральність і міру як свої дискурсивні декларації.

Ще низка випадків використання зауважень про *людську мову* в суто стилістичному аспекті належить до конфесійного стилю, як-от: *«…Людство вкотре відірвалося від землі і втратило відчуття реальності, тож відмовляється прислухатися як до голосу власного розуму, так і до голосу Бога. А Він уже, напевно, кажучи людською мовою, – змучився застерігати та починає вже потрохи замахуватися палицею, сподіваючись, що ми, хоча би від цього опам'ятаємось»* [http://risu.org.ua, 06.03.2012]; *«…дорога мого монашого і священичого покликання розпочалася у ті часі, коли майбутнє нашої Церкви було, кажучи по-людськи, досить неясним та невідомим»* [http://www.kyiv.ugcc.org.ua, 2009]. Характерно, що в усіх таких випадках, які є в зібраному матеріалі, застосовану схему 2 – маємо маркування, а не «перейменування». Тут *людська мова* – це полюс дискурсивної опозиції, у якій вона протиставлена мові Божественній чи призначеній для говоріння про Бога.

Проте найчастіше вислів про *людську мову* слугує регулятором на рівні не тільки і не стільки чистої стилістики, скільки прагматики, бо є мікровтіленням не просто спі-

віснування і зіставлення, а зіткнення протилежних дискурсів. Ознаки цього можна простежити й у наведених вище прикладах, особливо тих, де залучено розмовні та сленгові засоби; але ще яскравіше прагматична специфіка реалізується в тих фрагментах, які розглянемо далі.

Здебільшого *людська мова* протиставляється мові офіційних документів (за сферою побутування) або мові чиновника-посадовця (за суб'єктом) – це найтиповіша її дискурсивна функція. При цьому простежується більш чи менш яскраво виражене, але завжди наявне самовідчуження мовця від офіційного дискурсу: *«…київська влада оголосила війну так званим МАФам (малим архітектурним формам, кажучи людською мовою, кіоскам)»* [http://tyzhden.ua, 18.04.2011]; *«Присутні на презентації почали відверто нудьгувати. Зрештою, їм було байдуже, наскільки активізуватимуться "контакти на міжвідомчому рівні", а кажучи людською мовою, скільки разів туристичні чиновники України та Росії з'їздять один до одного в гості й вип'ють горілки»* [http://www.politarena.org.ua, 20.12.2010]. Основним типом мовних засобів, які в таких випадках уживаються в ролі X, є кліше, див. вище або: *«Напередодні комітет влаштував показове покарання, обклавши штрафом у півмільйона гривень ЗАТ "Линік" з поважної російської нафтогрупи ТНК "за зловживання монопольним становищем" – кажучи людською мовою, за свавільне підняття цін на нафтопродукти наприкінці минулого року»* [http://www.slovo-unp.com, 03.07.2008]. Таким чином, у дискурсі присутній Інший або Чужий зі своєю мовою; його присутність важлива для мовця, бо Інший / Чужий існує в реальності і суттєво впливає на неї; тому його номінації не елімінуються, проте визнаються за незадовільні чи недостатні.

Загальною закономірністю в ситуації протиставлення дискурсів є те, що метамовні зауваження досліджуваного типу відіграють важливу роль у прагматичному регулюванні вислову на рівні оцінки та евфемістичності. Часто знак X є оцінно нейтральним, а знак Y містить негативну оцінку: *«…треба зазначити, що "цей тренд втрачає силу", тобто, кажучи людською мовою, ця афера доходить до свого логічного завершення»* (про валютні спекуляції, пов'язані з коливаннями курсу гривні) [http://konovchenko.blox.ua, 10.09.2009]. Можлива й переорієнтація оцінки з позитивної на негативну: *«В свої неповні 16 ти дивишся фільми, що вселяють віру у твоє серце. Говорячи людською мовою, підбадьорюють лузерів»* [http://polchyn.blogspot.com, 03.11.2012]. Зрештою, обидва знаки можуть бути негативнооцінними, але все одно потреба в метамовній корекції виникає: *«Я думаю, що не секрет для всіх, що всі державні закупівлі здійснюються з так званими відкатами, а якщо говорити людською мовою, то хабарами»* (політик Віктор Пинзеник) [http://rada.gov.ua, 16.04.2004]. В принципі, оцінка, закладена у словах *відкат* і *хабар*, ідентична, але перше є лексико-семантичною інновацією, а друге традиційне для української мовної картини світу, ніби «загальніше», соціально не марковане і тому у свідомості мовця ближче до прямого оцінного означника реалії. Усі наведені приклади містять ознаки розвінчування евфемізмів, «називання речей своїми іменами».

Металінгвальний коментар про *людську мову* пов'язаний із реалізацією у вислові номінативної варіантності, із вибором мовної одиниці з огляду на реальні номінативні практики і на внутрішній лексикон мовця. Сама концептуальна семантика слова *людський* робить досліджуваний засіб прагматично ефективним у дискурсі, він слугує експресивній маргіналізації інакших номінацій, акцентуванню їхньої незадовільності, декларуванню відмінних стилістичних пріоритетів. Рамки застосування цього засобу не вельми чіткі, сильно залежні від настанов мовної особистості і водночас когнітивно значущі.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дегтярьова І. О. Концепт «МОВА» у постмодерністському художньому стилі / І. О. Дегтярьова // Українська мова у XXI столітті: традиції і новаторство : тези доп. II Всеукр. лінгвіст. форуму молодих учених, Київ, 24−26 квітня 2012 р. – К. : ІУМ НАНУ, 2012. – С. 215–218.
2. Мех Н. О. Лінгвокультурологема ЛОГОС у науковій, релігійній та художній картинах світу : монографія / Н. Мех. – К., 2011. – 410 с.

3. Павлюк Л. В. Концепт язык в обыденном языковом сознании / Л. В. Павлюк // Вестник Воронежского гос. ун-та. – Сер. : Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 86–88.
4. Полиниченко Д. Ю. Естественный язык как лингвокультурный семиотический концепт / Д. Ю. Полиниченко // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования : моногр. / Волгогр. гос. ун-т ; под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – С. 166–239.

Т. В. Тукова (г. Донецк)

РАЗВИТИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В СВЯЗЯХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наблюдения за динамикой языковых преобразований на всех уровнях системы современного русского языка позволяет увидеть некоторые общие тенденции и направления эволюции [1; 3; 10; 13 и др.]. *Цель* данного изыскания – обозначить наметившуюся тенденцию к самостоятельности языковых единиц различных уровней иерархической системы русского языка.

В эволюции языка различают изменения, обусловленные развитием мышления, материальной и духовной жизни общества, и изменения, которые относятся к языковой технике [12]. Преобразования, связанные с изменением языковой техники, проявляются в фонетическом обустройстве языка в процессе усиления консонантной доминанты. Постепенная утрата ведущей роли вокальных звуков в истории русского языка на современном этапе связывается с расширением качественной редукции. В этот процесс постепенно вовлекаются не только гласные неверхнего подъёма [а], [о], [э], но и гласные верхнего подъёма [и], [ы]. В результате наблюдаем появление вариантов типа *оп[ы]т – оп[ъ]т, вым[ы]л – вым[ъ]л, в[ы]ходить – в[ъ]ходить, б[ы]товой – б[ъ]товой, м[и]ровой – м[ь]ровой*. Ведущей функцией гласных становится не смыслоразличительная, а ритмическая, эмоционально-выразительная [2, с. 223]. В пределах системы консонантизма уменьшается сфера распространения ассимиляции по палатальности. Словари последнего десятилетия фиксируют варианты произнесения предшествующего твёрдого перед мягким консонантным, т. е. ослабление позиционной зависимости согласных: [*д`в`]ерь* и *[дв`]ерь*. Твёрдый согласный в препозиции рекомендуется, например, в случаях *я[зв`]ительный*, [*см`]енить, о[тв`]ердеть,[зм`]еевик* и проч., а в качестве допустимого устаревшего варианта подаются контактирующие палатальные [з`в`], [с`м`], [т`в`], [з`м`]. Иногда акцентируется внимание на новизне факта утраты ассимиляции по палатальности. Так, в словах *а[н`ч`]оус, о[д`д`]елка* и под. в качестве нормативного подаётся два контактирующих палатальных, но приводится и дополнительное новое с первым твёрдым [нч`], [дд`] [6]. Косвенно эта тенденция проявилась в вытеснении диссимилятивных процессов ассимилятивными. Резко сократился список слов, в которых на месте [х] в современном произношении реализуется [к] перед глухими согласными *но[кт]и*, *ко[кт]и, дё[кт]я, [кт]о, ни[кт]о* и проч. В настоящее время диссимилятивное [х] допускается лишь в корнях -легк-/-легч- , -мягк-/-мягч-: *лё[хк]ий, ле[хч]е, лё[хк]ое; мя[хк]ий, мя[хч]е, мя[хк]ая*. Устаревает и произношение [шн] в ряде современных слов типа *сливочный, горничная, шапочник, юбочник* и под. Усиление «графического» произношения – свидетельство упрочения независимости консонантных в звукосочетании.

Словообразовательные процессы новейшего периода также дают многочисленные примеры направленности к независимости структурных элементов как простых, так и сложных слов. Уход от фузии к агглютинативному обустройству слова, отражающему стремление к соблюдению чётких границ между морфемами можно видеть на примере новых образований типа *тинейджер-н-ый, тинейджер-ов-ский* [9] и *тинейджер-ск-ий* [14], ср. также: *донбас-ск-ий* и *донбас-ов-ск-ий, интернат-ск-ий* и *интернат-ов-ск-ий* и под. Активизировавшаяся в последнее время интерфиксация

© Тукова Т. В., 2013

помогает избежать наложения и чередования звуков, возможной фузии, достичь прозрачности границ морфем: *омон-ов-ский*, *интернет-ов-ский, пентагон-ов-ский; яхтклуб-ов-ец, спартак-ов-ец, эсэнге-ш-ник-, эсбэу-ш-ник* и под.

Как показывает анализ словарей новейшего времени, современный корпус русского языка значительно пополняется композитными образованиями: *интернет-провайдер, бизнес-план, экс-лидер, мини-кризис, онлайн-конференция, рейтинг-лист, шоу-индустрия, поп-арт, рок-концерт, VIP-зал, Web-страница* и мн. др. Показательна неизменяемость обоих компонентов значительного количества новых в русский языке сложных образований: *фаер-шоу, байк-пати, рейв-пати, дайвинг-сафари, реалити-шоу, джип-сафари, слайд-шоу* и т. п. Несклоняемость первой части наблюдаем как среди нарицательных, так и среди собственных имён как русского, так и иноязычного происхождения [5, с. 245–262, 204, 215]: *прайс-лист, луна-парк, интернет-кафе, кварц-лампа, капитан-лейтенант, премьер-министр, сон-трава, Иван-чай, плащ-палатка, яхт-клуб, программа-максимум, идея-фикс, дизайн-проект, мастер-класс, компакт-диск, Горбачёв-фонд; в Камень-Каширском, под Буэнос-Айресом* и проч. Чистота морфемного шва манифестирует отступление от типичного явления фузии в обустройстве структуры слова в русском языке.

В современном речевом пространстве фиксируется активность процесса нарушения или утраты внутренней флексии в сложных числительных, имеющих в составе названия десятков и сотен*: к семьдесяти, о пятьдесяти, с шестьдесятью*. «Недосклоняемость» составных числительных обращает на себя внимание современных исследователей-русистов [8; 15; 11]. «Стремлением к единообразию форм и выравниванию основы вызваны к жизни варианты с общей основой для всех косвенных падежей, включая и творительный: *пятидесятью – пятистами, шестидесятью-шестистами, восьмидесятью – восьмистами* и т. п.»[5, с. 362]. В ряде случаев не склонятся сложения с *пол-* в косвенных падежах: *полкурицы, полжизни, полцены* и проч. [5, с.352–353].

Отсутствие формальных маркеров грамматических категорий неизменяемых заимствованных в последние десятилетия слов (типа *бэккантри, велькро, ди-ви-ди,*) *кумите / кумитэ, техно, фэнтези* и мн. др.) часто становится причиной развития у них билатеральных частеречных свойств, служит источником пополнения функциональной грамматической омонимии. Примерами такого рода изобилуют словари последних десятилетий. Достаточно частотна омонимия имён существительных и прилагательных, прилагательных и наречий: **вамп** – *…пародирует вамп из «Жара тела» Лоуренса Каздана; макияж вамп подходит далеко не всем* [17, с. 65–66]; **милитари** – *милитари создаёт образ соблазнительный и энергичный; другим важным трендом остаётся стиль милитари* [17, с. 18]; **нон-стоп** – *ещё полгода нон-стоп шла работа; в режиме нон-стоп крутили фестивальные фильмы* [17, с. 196–197]. Детерминатором частеречной принадлежности в подобных случаях становится грамматическая оформленность в виде синтаксической позиции, которая является системным признаком каждой части речи (подлежащего, определения или обстоятельства), и общеграмматического значения (именование субстанции, признака субстанции или признака признака).

Одним из наиболее распространённых типов грамматической связи в языке является согласование. Наряду с полным согласованием на отдельных участках системы русского языка развивается неполное, а также условно-грамматическое согласование, устанавливаемое правилами. Так, местоимение *кто* и производные от него вне зависимости от пола лица или количества требуют постановки зависимого компонента в форме единственного числа мужского рода: *некто щедрый, кто-то знающий, кто-нибудь успешный* и проч. В сложных существительных с первым элементом *пол* род определяется по опорному компоненту *(полчаса* – м. р., *полведра* – ср. р., *полквартиры* – ж. р.), но в линейном синтагматическом ряду согласуемые слова ставятся в форме множественного числа именительного или родительного падежа: это *были последние полстакана, прочитал целых полкниги* и т. п.

Усиливает позиции семантическое согласование во множественном числе при неизменяемых: неодушевлённых существительных *(интересные слайд-шоу, модные бандо, удобные велькро*); одушевлённых именах (*современные жиголо, эти мачо, устрашающие секьюрити*); сложносокращённых словах (*такие ди-ви-ди, радующие эсэмэс)* и под. При числительных *два, три, четыре* существительные всегда стоят в род. падеже ед. числа, а зависимые от него прилагательные имеют форму мн. числа имен. или род. падежа, семантически поддерживая плюральную семантику: *два интересные случая, три новых продавца, последние четыре месяца.*

Определительные отношения с зависимыми частями речи всё чаще строятся по типу примыкания. Зависимые неизменяемые единицы компенсируют свою формальную грамматическую недостаточность семантической составляющей и структурной закреплённостью местоположения в синтагме. В такие связи могут вступать как парадигматически неизменяемые слова, так и синтагматически неизменяемые: *книга в стиле фэнтези, поздравляем с Восьмым марта, в селе Клёново, в городе Москва* и проч. На именительный-самостоятельный исследователи обращали внимание ещё в середине XXв. [1, с. 33]. Сфера синтагматически закреплённой независимости постоянно расширяется: *маршрут Полтава-Донецк, матч «Шахтёр»-«Реал», линия Киев-Миргород, отношения профессор-студент, история Путин-Медведев, живёт по принципу есть-пить-спать* и т. п. В результате расширяющейся синтаксической компрессии происходит опрощение многочленных сочетаний, в результате которого глагольная зависимость изменяется на субстантивную: *картина маслом (*вм*. картина, выполненная маслом), сапоги из Финляндии (*вм*. сапоги, привезённые из Финляндии), операция на желудке (*вм*. операция, произведённая на желудке).* Расширяющийся круг несогласованных определителей пополняется рядом собственных наименований*: в селе Красные горки, в поселении Долгий Мост, к городу Санта-Нинфа* и проч. Исследователи отмечают: «Тенденция к несклоняемости географических названий в функции приложения усилилась» [5, с. 205]. Ряды синтагматически неизменяемых на переломе тысячелетий активно пополняются также именами числительными: *ЧМ-2010, Евро2012, топ-10, витамин В6, сезон 2012-2013, 2G-устройство, MP3-плейер* и проч. Аграмматичнось числительных становится предметом специальных изысканий [8; 11; 15].

Ослабевание формально манифестируемой связи между главными членами предложения проявляется в развитии соположения, при котором в роли сказуемого выступают неизменяемые слова и формы слов: *Царица – хохотать* (А. С. Пушкин); *И новые друзья – ну обниматься* (И. А. Крылов); *Выходит Павел: он немного выпивши* (М. Горький); *Моя сестра замужем* [16, с. 119–120]. Средством выражения связи при соположении главных членов предложения выступает порядок слов. На смену классическим синтаксическим конструкциям с чётко выраженными формальными средствами приходят актуализированные синтаксические построения. Расчленённость синтаксических цепочек сопровождается утратой эксплицированных средств формальной связи [1]. Присоединительные, парцеллированные и сегментированные конструкции манифестируют ослабление связей и стремление к предельной самостоятельности отдельных компонентов грамматической структуры: *Через несколько минут он шёл по той же аллее – один* (С. Довлатов*); С ней было легко, хорошо, весело. Как может она притягивать к себе людей. Особенно молодых* (А. Мень); *Путешествия – они обладают волшебным свойством. Они удивительно удлиняют жизнь* (М. Алигер) [3].

Показательны в стремлении к изоляции вставные конструкции, соединённые с остальными членами предложения связью включения [16, с.158–159], выражающейся интонацией, отчасти порядком слов. Демонстрацией синтаксической изолированности вставных конструкций в письменной речи служит расширение роли графических пунктуациооных знаков тире и скобок: *Сметливый американець – недаром его дедушка был родом из Одессы – быстро сориентировался, взял у Алика домашний телефон* (Л. Улицкая); *Если не позволить самостоятельности проявляться, то ма-*

*лышу будет трудно двигаться дальше, у него не сформируется вера в себя (ведь самые важные люди в его жизни сомневаются, что он может справиться сам), да и потребность в развитии чуть уменьшится (*Журнал «Хорошие родители»).

В сфере письменной речи актуализация синтаксиса приводит к подвижкам в функциональной нагруженности отдельных знаков препинания. В настоящее время исследователи отмечают процесс универсализации знака тире. Оно всё чаще занимает позицию и других знаков – запятой, двоеточия*: Я подумал – он ждёт слов* (К. Паустовский); *Может, для будущего это как раз важнее всего – чтобы мы вот здесь и сейчас научились творить мгновения, не откладывая* (В. Леви). «Сдержать наступательное движение тире уже нельзя», – утверждает Н. С. Валгина [4, с. 268].

Как показывают наблюдения, на всех ярусах системы современного русского языка явно прослеживается тенденция к ослаблению зависимости единиц. Синтетический строй языка на отдельных участках уступает позиции. Усиление независимости фонетических позиций, стремление к чёткости границ между морфемами, аморфизм в морфологии, приводящий к расширению примыкания, актуализированный синтаксис современного узуса с утратой формальных средств грамматической связи и возникновением соположения конструирующих текст единиц, приводящий к возрастанию роли порядка слов и усиливающий семантический компонент в генерировании и восприятии текста, – всё это позволяет говорить о зачатках глубинных процессов движения к изоляции в типологическом обустройстве системы современного русского языка. Для объективного описания типологических особенностей современного русского языка на переломе тысячелетий необходимо изучение означенного процесса на всех ярусах системы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие / Г. Н. Акимова. – М.: Высш. шк., 1990. – 168 с.
2. Богомазов Г. М. Современный русский литературный язык: Фонетика: учеб. пособие / Г. М. Богомазов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для ст-в вузов / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
4. Валгина Н. С. Современный русский язык. Пунктуация / Н. С. Валгина. – М.: Высш. шк., 1989.
5. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АТС», 2004. – 555 с.
6. Каленчук М. Л. Словарь трудностей русского произношения / М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. – М.: Астрель,АСТ, Транзиткнига, 2006. – 485 с.
7. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
8. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте / О. С. Лаптева. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 520 с.
9. Русский орфографический словарь: около 180000 слов / РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2007. – 960 с.
10. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 480 с.
11. Рябушкина С. В. «Экспансия номинатива» количественных числительных: путь к несклоняемости? / С. В. Рябушкина // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. 1.: сб. науч. ст. / сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова, Е. А. Красина и др. – М.: РУДН, 2011. – С. 490–496.
12. Серебренников Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников. – М., 1968. – 127 с.
13. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
14. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.– 704 с.
15. Тукова Т. В. Современные имена числительные: путь к аморфности? / Т. В. Тукова, С. О. Анисимова // Функциональная лингвистика. Язык и мир : сб. науч. работ / науч. ред. А. Рудяков. – № 2, т. 2. – Симферополь, 2011. – С. 247–250.
16. Чикина Л. К. Присловные и предложенческие связи в русском синтаксисе: учеб. пособие / Л. К. Чикина, В. В. Шигуров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 192 с.

17. Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XX1в.: ок.1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 413 с.

И. И. Турута (г. Днепропетровск)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОДА» В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

Как известно, человек на 60–65 % состоит из воды, вода для него – это источник жизни (по утверждению медиков, без воды он может просуществовать 3–5 дней), это средство утоления жажды, поэтому одним из значений слова «вода» является «напиток» [1, с. 139].

Неоспоримое значение воды для существования всего живого на Земле дает право утверждать, что в национально-языковых картинах мира всех народов концепт «вода» относится к основным. Не является исключением и русская национально-языковая картина мира, что подтверждается данными «Словаря русской культуры» Ю. С. Степанова [5].

Свойства воды, ее значимость в жизни человека подчеркиваются многочисленными примерами русской (шире – восточнославянской) паремиологии (*Вода дороже золота; Вода не мутит ума; Истина в вине, здоровье в воде; Кто опоздает, тот воду хлебает; Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой*) и фразеологии (*Буря в стакане воды; Варить воду; Выводить на чистую воду; На хлебе и воде; Носить воду в решете; Перебиваться с хлеба на воду; Толочь воду в ступе* и т. д.).

Среди множества известных высказываний о воде можно выделить слова А. де Сент-Экзюпери, подчеркивающие ее свойства и ценность для человека: «Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя невозможно описать, тобою наслаждаются, не ведая, что ты такое. Нельзя сказать, что ты необходима для жизни, ты – сама жизнь» («Планета людей»).

Слово «вода» в значении «напиток» входит в состав словосочетания «питьевая вода», а также в общие названия напитков, указывающие на определенный их вид: «*природная вода*», «*минеральная вода*», «*лечебная вода*», «*столовая вода*», «*лечебно-столовая вода*», «*газированная вода*», «*фруктовая вода*» и бытовое название «*сладкая вода*».

Для обозначения воды как напитка в русском языке широко используются метафорические и перифрастические выражения (например, *живительная влага*).

Образная характеристика воды, а главное – акцентирование внимания на основных «достоинствах» ее наблюдается в наименованиях сортов безалкогольных напитков, и в первую очередь минеральной воды, а также в рекламных текстах о воде и напитках.

Отличительной чертой современной торговли является борьба за своего покупателя, что заставляет производителей прибегать к различным способам привлечения внимания к товару, среди которых, помимо красочных, а часто и необычной формы, упаковок, немаловажную роль играют названия торговых марок, видов и сортов конкретной продукции, а также слоганы, используемые на этикетках, в рекламных роликах.

В ономастической литературе названия торговых марок, видов и сортов производимой продукции принято в соответствии с данными словаря Н. В. Подольской называть товарными знаками или словесными товарными знаками (СТЗ) [4, с. 127]. Но в виду того, что торговые марки – это результат практической деятельности человека, их относят и к прагматонимам [4, с. 110]. Как прагматонимы товарные знаки будут рассматриваться и в данной работе, хотя вопрос о сущности этого разряда онимов в ономастике является самым дискуссионным.

© Турута И. И., 2013

Среди целого набора функций, выполняемых прагматонимами, особо выделяется рекламная, что позволяет анализировать прагматонимы вместе с рекламными слоганами с целью установления сходств и различий в интерпретации концепта «вода» в их составе.

Итак, возвращаясь к указанному концепту, следует отметить, что его языковым выражением является многозначное слово «вода», первое из значений которого (‘прозрачная бесцветная жидкость’ [1, с. 139]) используется как в названиях торговых марок, прагматонимов, называющих минеральную воду, соки и фруктовые напитки, так и в рекламных слоганах.

В качестве материала данного исследования послужили сайты торговых предприятий России и Украины, производящих минеральную воду, безалкогольные напитки и сок, а также сайты, на которых размещены рекламные слоганы указанной продукции.

В названиях торговых марок или видов питьевой и минеральной воды в качестве компонента словосочетания (а именно эти структурные типы чаще всего используются в роли анализируемой группы прагматонимов) употребляется само слово «вода», являющееся ядром семантического поля исследуемого концепта. Например, «*Вода Байкала*», «*Воды Придонья*» и др.

Приведенные примеры указывают на то, что в состав данных прагматонимов в качестве зависимого компонента входят топонимы, выполняющие функцию ориентира в пространстве, т. е. выступающие показателем места нахождения минерального источника, хотя без четкой локализации.

Примером конкретной территориальной привязки являются прагматонимы, содержащие в своем составе топонимные адъективы («*Екатеринославская*», «*Карельская жемчужина*») или представляющие собой оттопонимные субстантивы («*Московия*»), в том числе и окказиональные («*Эльбрусия*»).

Под влиянием современных языковых процессов, одним из которых является экспансия заимствованных слов и выражений, в качестве прагматонимов используется и устойчивое латинское выражение «*Аква-Вита*», а также само латинское обозначение воды «аква» как структурный элемент составных («*Гранит-Аква*») или сложных наименований («*Аквалайф*»).

В следующую группу входят прагматонимы, включающие лексемы, которые характеризуют физические свойства воды, и здесь на первое место как самый главный показатель полезности воды для человека выходит ее прозрачность, а значит – чистота, например, «*Северная чистая вода*», «*Чистая вода Сибири*» или новообразование «*Чистовъ*». Показателем чистоты и прозрачности воды выступают и смежные понятия, находящиеся на периферии семантического поля концепта «вода» и репрезентируемые в первую очередь словами «кристалл», «кристальный» (сравн. выражение «кристально чистый») и «хрустальный»: «*Кристальная*», «*Вода-Кристальная*», «*Хрустальный колодец*». На чистоту воды указывает и место ее нахождения в природе, и в основном это место, где берет начало водный поток, т. е. родник (ключ), поэтому слова «родник», «ключ» и их производные включаются в состав исследуемой группы прагматонимов: «*Серебряный родник*», «*Родниковый край*», «*Ключевая*».

Еще одним показателем чистотой воды в природе является роса, отсюда и прагматоним «*Росинка*», «*Росы Буковины*».

Как известно, минимальная частица жидкости – это капля, что и отражается в названии минеральной воды «*Серебряная капля*», «*Краплина*», но в тоже время в данной группе прагматонимов используются и названия больших объемов воды («*Океан*»), а также различных водных пространств («*Лагуна*»).

Показателем полезности воды для человека являются ее лечебные свойства («*Цілюща*»), а в целом – благотворное влияние на здоровье человека: «*Здоровая жизнь*», «*Ключ здоровья*», «*Преображение*», что отражается в данной ей оценке «*Добра вода*».

Отличительной чертой всех прагматонимов, как и близких к ним эргонимов, является использование метафорических выражений, что, с одной стороны, отражает активизировавшийся на рубеже XX – XXI вв. процесс метафоризации и экспрессивности (а именно на это время приходится бурный рост прагматонимов в связи с новыми экономическими условиями), а с другой – ориентация номинаторов на реализацию в прагматонимах рекламной (аттрактивной) функции. Подтверждением данного тезиса являются примеры: «*Легенда гор*», «*Серебряная капля*», «*Серебряный родник*», «*Хрустальный колодец*» и др.

Представленная характеристика семантических моделей прагматонимов является далеко не исчерпывающей, но она позволяет выявить те признаки воды, наименования которых в первую очередь используются в смысловой структуре данной группы онимов.

Что же касается текстов, рекламирующих напитки, то в них также отражаются отличительные свойства воды – основы любого напитка. В первую очередь это наблюдается в слогане – основном структурном элементе рекламного текста, под которым понимается «краткая запоминающаяся фраза,.. своеобразный девиз, выражающий основную мысль коммерческого предложения, озвучивая которую рекламодатель рассчитывает привлечь потенциального потребителя» [3].

В рекламных слоганах питьевой и минеральной воды также подчеркивается различные ее свойства:

– чистота («*Чистота гарантирована*» – питьевая вода «Aquafina» бренд «Pepsi-Cola», «*Знак чистой воды*» – торговая марка ОПК, «*Сила чистой воды*», «*Достоинства чистой воды*» – минеральная вода «BonAqua»;

– вкусовые качества («*БонАква. Раскрывает истинный вкус*»);

– способность утолять жажду («*H_2O – и никакой жажды*» – торговая марка питьевой воды H_2O);

– значимость для жизни человека («*С нее начинается жизнь*» – питьевая вода «Aqua Minerale», «*Настоящая вода для жизни»* – минеральная вода «Боржоми», «*Вода наполняет жизнь*» – минеральная вода «BonAqua»);

– важность для его здоровья и красоты («*Источник здоровья*» – минеральная вода «Ессентукский источник», «*Живая сила воды*» – минеральная вода «BonAqua», «*Зарядись силой гор*» – лечебно-столовая вода «Нарзан», «*Вода, которая лечит усталость*» – минеральная вода «Меркурий», «*Aqua Minerale Beauty. Первая вода для красоты*»);

– в целом высокое качество природной воды («*Природное качество*», «*Натуральная вода из заповедных мест*» – минеральная вода «Заповедник», «*Всем хороша*» – питьевая вода «Гжелка»).

Если в рекламе различных видов воды само слово «вода» или наименования ее свойств вполне закономерны, то в рекламе различных напитков они могут и не использоваться. Поэтому интересно проследить, как в таких текстах репрезентируется концепт «вода», получает ли он эксплицитное выражение или только скрытое, имплицитное.

В качестве примера слоганов безалкогольных напитков были использованы слоганы всемирно известной марки «Кока-кола», и хотя это не оригинальные, а переводные слоганы, на их примере можно проследить развитие рекламы одного продукта на протяжении длительного периода его существования, выявить изменение приоритетов покупателей и, соответственно, корректировку задач, которые ставят перед собой рекламодатели.

Исследование всех слоганов в рекламной кампании «Кока-колы» более чем за сто лет [2] позволяет распределить их на несколько групп, в которых акцентируется внимание на конкретных свойствах данного напитка. В первую очередь, выделяются его физические параметры, а именно чистота, т. е. отсутствие каких-либо примесей, что является, как и для воды, показателем высокого качества (*«У нее очарование чистоты»* (1925), *«„Кока-кола”... чистый напиток с натуральным вкусом»* – 1928).

К физическим свойствам относится и текучесть воды, ее способность наполнять какие-то емкости, а также сильное колебание водной поверхности, называемое волнами. Эти два свойства отражены в следующих слоганах: *«Волна за волной, стакан за стаканом»* (1968), *«Захвати волну»* (1986).

В слогане «*У нас для вас есть вкусный глоток*» (1985) подчеркивается уже не свойство воды, а способность человека поглощать воду (шире – любую жидкость) за одно движение мускулатуры глотки – глоток.

Далее характеризуются свойства «Кока-колы» как напитка, ее функциональная направленность на утоление жажды. Например: «*Жажда не знает времени года*» (1922), *«Имея такой великолепный напиток, глупо испытывать жажду»*(1925), *«Лучший друг от жажды всех времен»* (1938), *«Поблизости от вашей жажды»* (1940), *«„Кока*" *преследует жажду везде»* (1952), *«Вашей жажде она повелевает сгинуть»* (1968) и другие, среди которых есть даже в какой-то степени алогичные («*Получите удовольствие от жажды*» –1923; *«Для жажды тоже необходимо качество»* – 1950).

На втором месте по акцентированию внимания на «полезных» свойствах «Кока-колы» стоят слоганы, в которых подчеркивается способность данного напитка в жаркое время года освежить, ‘восстановить в ком-л. физические силы…, вернуть кому-л. бодрость’ [1, с.727]): *«Вкусно и освежает»* (1904), *«Кто бы вы ни были, что бы вы ни делали, где бы вы ни были, если у вас возникнет мысль освежиться, вспомните о „Кока-коле!"»* (1939), *«Свежесть после трудов»* (1941), *«Живите, освежаясь лучше других»* (1963).

Следующая группа слоганов указывает на возможность анализируемого напитка укреплять жизненные силы, как бы возвращать к жизни, поэтому ключевыми словами в них являются «живительный» («*Прохладный, живительный вкус „Коки"»* – 1958), «оживлять» (*«„Кока-кола!" оживляет и придаст силы»* (1905), а также устойчивое выражение «живая вода», восходящее к мифологии («В *„Кока-коле" – напор, энергия, движение, это живая вода»* – 1907).

В рекламных слоганах используются различные стилистические приемы, усиливающие воздействие содержания слогана на потребителя, способствующие как бы концентрации его аттрактивности.

Это и олицетворение, метафорические и метонимические переносы (*«„Кока*" *преследует жажду везде», «Жажда больше ничего и не просит»,* «*У нас для вас есть вкусный глоток*», *«Захвати волну»*), и перифразы (*«Пей легенду»* (1998) – подчеркивается популярность напитка на протяжении 100 лет), и уже названные алогизмы. Много перифраз, характеризующих «Кока-колу» как средство создания хорошего настроения (*«Насладитесь стаканом сжиженного смеха»* (1911), *«Самый дружелюбный из напитков на Земле»* (1956), *«Выпей „Коки" и улыбнись*» (1980) и чудесный во всех отношениях напиток (*«Чудо среди лета»* (1953), *«Настоящая вещь»* – 1970).

Проведенный анализ прагматонимов, называющих напитки, и рекламных слоганов о данных напитках, которые в целом репрезентируют концепт «вода», позволяет выявить как общие характеристики, присущие и прагматонимам, и слоганам, так и отличительные. Но это отличие в основном касается не свойств воды, отраженных в анализируемых рекламных единицах, а набора языковых средств, с помощью которых эти свойства воспроизводятся. То, что рекламные слоганы предоставляют больше простора для подобной интерпретации, чем прагматонимы, обусловлено их структурными параметрами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2003. – 1536 с.
2. Все слоганы «Кока-колы» – Режим доступа: // http://slogans.ru/index.php?id=134
3. Новодержкина А. Слоган как центральный компонент рекламной коммуникации / А. Новодержкина. – Режим доступа: // http://www.advertology.ru/article57844.htm
4. Подольская А. В. Словарь русской ономастической терминологии / А. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проспект, 2001. – 990 с.

О. М. Турчак (м. Дніпропетровськ)

ОСОБЛИВОСТІ СЛОВОТВІРНОЇ СТРУКТУРИ СКЛАДНИХ ОКАЗІОНАЛІЗМІВ (на матеріалі україномовної преси кінця ХХ століття)

Наприкінці ХХ – на початку ХХІ століття в мові преси значно активізувалися оказіональні утворення, що зумовлено багатьма чинниками екстралінгвального та інтралінгвального характеру. Серед них слід виділити демократизацію усіх галузей суспільного життя, формування нових соціально-економічних відносин, прагнення знайти нові засоби передачі інформації, тенденцію до експресивності, економію знакових засобів вираження тощо.

Складних оказіональних одиниць на сторінках періодики значна кількість. Це пояснюється тим, що вони є найбільш економним засобом позначення різноманітних реалій і понять матеріального та духовного життя народу. За словами Б. Бєлової, «форма складного слова дозволяє досягти лаконічного, економного, сконцентрованого вираження» [1, с. 212]. Складні слова «орієнтовані на синтаксис». Це дає змогу сприймати їх «не стільки як засоби вираження нових реалій, скільки як засоби уявлення одного й того самого змісту за допомогою різноструктурних одиниць» [2, с. 123].

Мова преси кінця ХХ століття засвідчує, що досить активним способом творення оказіоналізмів є словоскладання. Як відомо, цей спосіб поділяється на зрощення та юкстапозицію.

Велику групу юкстапозитів становлять іменні сполучення, одна частина яких – прикладка, що поєднується з пояснюваним елементом: ***депутат-«багатоверстатник», напівобласть-напівдержава, преса-жебрак, пофігіст-рекетня, продюсерство-менеджеризм, птах-«поверненець», квітка-розвідник.*** Такі новотвори відзначаються змістовною цілісністю, їхні компоненти доповнюють один одного й у сполученні набувають нового значення, переважно зрозумілого й без контексту.

Оказіональні юкстапозити об'єднують в одному слові семантично далекі, логічно несумісні або протилежні поняття: ***гільйотина-референдум, гурман-еротоман, жебрак-мільйонер, напівпустеля-напівоаза, терорист-жартівник.*** Вони сприяють конденсованому вираженню думки внаслідок редукції плану вираження вихідної синтаксичної структури. Ці лексеми стилістично виразні, їхня експресивність досягається максимальною віддаленістю компонентів складного слова.

Характерно, що переважна більшість юкстапозитів має двоосновну структуру, але зрідка спостерігаються й оказіональні одиниці з трьох і більше компонентів: ***християнин-державник-унітарист-прибічник***, ***яничар-манкурт-хахол-перевертень***. Такі оказіоналізми виявляють неабияке мистецьке вміння передати в одному слові ціле речення або кілька речень.

Серед юкстапозитів у мові преси кінця ХХ століття помічено певну кількість оказіональних утворень із першим словом **шоу**: ***шоу-бій, шоу-видовище, шоу-покруч, шоу-соловейко, шоу-фан.*** Наведені юкстапозити відзначаються влучністю й дотепністю. Це дає підстави стверджувати, що журналісти постійно перебувають у пошуках нових слів, які реалізують їхнє чуття сучасної мовної стихії.

У зв'язку зі зниженням ціннісно-етичних орієнтирів та моралі в пресі з'явилася значна кількість оказіоналізмів із першим компонентом **секс: *секс-бізнес, секс-марафон, секс-скандал***. Семантика їхня чітка та прозора, а експресивність – беззаперечна, оскільки вони яскраві й виразні, чим і привертають увагу читачів

Численну групу юкстапозитів складають оказіональні прикметники, переважна більшість яких має двоосновну структуру. Оказіональні прикметники-юкстапозити від-

© Турчак О. М., 2013

значаються семантичною місткістю, емоційністю та авторським сприйняттям описуваного. Серед них можна виділити оказіональні прикметники, що характеризують особу, предмет або явище з різних боків, можна помітити поєднання близьких за значенням слів або несумісних чи протилежних. Наприклад: ***залізо-завісний*** *період*, ***куртуазно-казиношна*** *група орієнтації*, ***претензійно-фейлетонна*** *назва*, ***романтично-самовпевнена*** *молодість*, ***рубльово-незалежне*** *видання,* ***імпотентно-войовнича*** *більшість*, ***неспроможно-хилявий*** *інститут*, ***традиційно-шлюбний*** *вік*.

Зрощення є результатом універбації кількох синтаксично зв'язаних слів, які не втратили своєї граматичної структури. Особливістю таких оказіоналізмів є те, що закінчення та інші показники граматичного значення компонентів словосполучення не опускаються, а застигають і зберігаються в новотворі. Виникає граматично оформлене нове слово, так би мовити, сконденсований новотвір, що належить до певної частини мови. Слід зауважити, що зрощення може бути як чистим: ***«Пан-сам-склепав», свій-у-дошку-хлопець, теле-радіо-матусі***, так і в поєднанні із суфіксацією: ***комувнизівець, міжсобойчик, ніколиненападайник, щодеколишник.***

Отже, словотвірна структура складних оказіоналізмів досить прозора й переважно не виходить за межі традиційних утворень. Але особливість сполучуваності компонентів у мовленні дає можливість стверджувати їхню оказіональну природу. Складні оказіональні лексеми характеризуються різним ступенем оказіональності, який залежить від семантичної та структурної цілісності, лексико-синтаксичних рис компонентів та зв'язку новотвору з контекстом.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белова Б. А. Сложное окказиональное слово в поэтической речи / Б. А. Белова // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1977. – Вып. 7. – С. 212–216.
2. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – М., 1991. – 240 с.

Н. В. Устенко (м. Кіровоград)

ОСОБЛИВОСТІ ФУНКЦІОНУВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НА ПОЗНАЧЕННЯ ЗДІБНОСТЕЙ ДО ХИТРОЩІВ У МОВІ ХУДОЖНІХ ТВОРІВ В. К. ВИННИЧЕНКА

Здібності людини визначають індивідуально-психологічні особливості й властивості особистості, уособлюють її, вирізняючи з-поміж інших. Вони виявляються в діяльності та є умовою її успішного виконання. Здатною до певної діяльності вважають ту людину, яка за рівних умов швидше і легше за інших опановує її, виявляє ініціативу і творчий підхід [2, с.141]. Фразеологічна система української мови охоплює широку палітру одиниць на позначення здібностей людини, що засвідчують останні дослідження [1]. Яскравим прикладом набутих, тобто сформованих під впливом соціального середовища [с. 375–376], є здібності чинити неправдиво, хитрувати з певною метою (або ж і без неї).

Перебуваючи під впливом соціально-культурних умов і особливостей оточення, здібності до хитрощів зазнають суспільної оцінки, певних характеристик, що вповні знайшло відображення у фразеологічній системі української мови. Фразеологізми зазначеної семантики об'єднують різноманітні за відтінками значень, емоційними відтінками та стилістичним забарвленням одиниці. Таке розмаїття зокрема засвідчують і художні твори визначного митця слова першої половини XX століття В. К. Винниченка. Об'єктом вивчення стали українські вербіальні фразеологізми зазначеної семантики, які функціонують в узуальному або оказіональному вигляді у мові художніх творів письменника.

© Устенко Н. В., 2013

На добір мовних засобів беззаперечно вплинуло глибоке знання автором української фразеології, відчуття найтонших відтінків значень та оцінних характеристик, а відтак посилення вираження мовної експресії та впливу на читача. Так, наприклад, ФО зі значенням «перехитрити, обдурити когось» охоплюють одиниці різної наснаги*: «Ну якого вони біса воловодяться?!... Сама ж мучиться, бреше,* ***кривить душею****. Для чого?...»* (Історія Якимового будинку); «*Це не жарт: спочатку* ***обмотати круг пальця*** *старого Рибацького… Це, братуха, геній! Це голова»* (Божки); «*Так, значить, по домах, панове?... Гайда, хлопці!* ***Підвезем москаля*** *шпикам»* (Співочі товариства). Попри значення «хитрувати, лукавити, лицемірити» ФО у контексті можуть не набувати оцінки засудження, що безпосередньо залежить від того, став мовець суб'єктом дії чи був діяв сам.

Вираження мовної експресії підвищується, коли функціонують трансформовані (зокрема усічені) фразеологізми, наприклад: ***крутити хвостом*** – «хитрувати, лукавити, лицемірити»: «*Я дам таке питання, що ти почнеш* ***крутить****, або збрешеш. Тільки я тобі говорю, скажи правду, яка б вона не була»* (Брехня); «*Ївга раптом дратуючись. Е, Панасе, іди ти к чортам собачим! Знаєш? Хочеш діло робить, то роби. А чого* ***крутиш****? "Мало" … Панас. Та хто* ***крутить****? Сама ти* ***крутиш****, стерво! Диви!..»* (Молода кров); «*Сніжинка.* ***Не крутіть****. Полотно – чудесне…»* (Чорна Пантера і Білий Ведмідь). Здібності виявляються не лише у тому, щоб схитрувати, а й у здатності викрити неправду, наприклад ***спіймати на брехні, за хвіст та на сонце***: «*Сид. Марк. Та так, що й усе… А замічу, звиняйте,* ***за хвіст та на сонце****…»* (Щаблі життя).

Фразеологізми зі значенням «обманюючи, діючи нечесно, домагатися чогонебудь» широко функціонують у мові художніх творів письменника, виражаючи різне спрямування дій мовців: «*Петро. Це –* ***ніж*** *вона* ***йому всадила в саме серце****.* ***Здоровенний кухонний ніж****…»* (Натусь); «*Іван Страт. Знаєте що, Наталю Павлівно,* ***ви мене на цю вудочку не піймаєте****»* (Брехня); «…*американські капіталісти не хочуть миру,* ***вони хочуть спіймати нас****, пролетарське отечество****, у свої діряві сіті****»* (Слово за тобою, Сталіне!) – здатність діяти проти когось хитрістю, обманом, підступом. Одиниці зі значенням «дозволити себе ошукати, піддатися на обман» у контексті набувають ширшого звучання, додаткових конотацій, розгортання, наприклад у романі «Слово за тобою, Сталіне!»: «*Тут терміт повинен* ***ухопити принаду, а*** *з нею разом і* ***гачок,*** *гачок скасування більшовизму*»; «*Українські рибки* ***не хапали гачка-принади*** *й тільки "гмукали" на всі його підсування її*»; «*Бідні, бездумні терміти жадно, "бездумно"* ***хапали принаду й чіплялись на гачок****»*.

Вирізняються розмаїттям ФО зі значенням «обдурювати кого-небудь, затуманювати чиюсь свідомість»: ***увести в оману, наводити туман, збити спантелику, замазувати очі, грати в піжмурки:*** *«Мар. Андр. Я серйозно, дівчино, кажу, серйозно. Годі вже мовчки* ***в піжмурки грати****. Треба ж усе таки колись і сором мати»* (Закон); «*Чуй. Потім так:* ***для замазки очей*** *бабила треба, щоб ти взяв на себе ролю закоханого в Ольгу Устинівну»* (Натусь). Фразеологічні одиниці на позначення набутих здібностей людини, зокрема здібностей до хитрощів, у мові художніх творів В. Винниченка увиразнюють емоційність, динамічність, виявляють глибоке розуміння письменником складного світу людини, труднощів її буття у соціумі; підкреслюють яскраву національну визначеність особистості автора.

ЛІТЕРАТУРА

1. Картамишев О. О. Структурно-семантичне моделювання фразеологічних мікросистем (на прикладі фразеологічної мікросистеми «Здібності людини»): автореф. дис. … канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. О. Картамишев. – Дніпропетровськ, 2012. – 20 с.
2. Немов Р. С. Психология: в 3 кн. – Кн. 1. – Общие основы психологии / Р. С. Немов. – 3-е изд. – М.: Владос, 1997. – 688 с.
3. Психологічна енциклопедія / [авт.-упоряд. О.М. Степанов]. – К.: Академвидав, 2006. – 424 с.

Н. А. Хабарова (г. Днепропетровск)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОНЯТИЙ «НЕОЛОГИЗМ» И «ОККАЗИОНАЛИЗМ»

Исследование неологизмов – это перспективное направление в современной лингвистике. Процессы словообразования, создания лексикографических источников были изучены в работах известных отечественных и зарубежных ученых Ш. Балли (1955) [1], В. В. Виноградова (1991) [2], В. Г. Гака (1985) [4], А. И. Гальперина [5], Е. А. Земской (2005) [7], В. В. Зирки (2009) [8], А. А. Потебни (1991) [9], Т. С. Пристайко (2009) [10].

В современном языкознании существует несколько взглядов на природу определения неологизмов. Под термином «неологизмы» (греч. «neos» – новый и «logos» – слово) мы понимаем новые слова, возникающие в языке в связи с развитием общественной жизни и возникновением новых понятий, которые отображают в лексическом составе языка модные тенденции социума.

Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике отношение к неологическим процессам в языке всегда оставалось сложным и противоречивым. Не сформулировано однозначное определение понятия «неологизм», не выявлены причины возникновения неологизмов в различных языках, не существует их четкой классификации.

Предпринятые в отечественной и зарубежной лингвистике попытки определить понятие «новое слово» дали следующие результаты. Понятие «неологизм» квалифицируется как слово, относящееся к новым реалиям, хотя это не обязательно связано с появлением в языке новых слов. Новое слово отнесено нами к стилистической категории, в добавление к этому главным критерием считается «ощущение новизны» при восприятии слова, однако многие новые слова сразу усваиваются адресатами и ощущение новизны быстро исчезает. К неологизмам относят только те слова, которые не зафиксированы в словарях, либо определены в словарях как неологизмы без конкретизации параметров (время появления, сферы и жанра употребления).

Иногда к неологизмам относят слова, которые придают товару лоск и принадлежность к элитной группе. По определению В. В. Зирки, неологизмы, так называемые «новомодные слова», это доходчивый лексикон, один из самых ходовых способов придать рекламируемому товару яркость и энергичность [8].

Итак, «неологизмы» – это новые, модные слова общенародного языка. Они отличаются от слов индивидуально-авторских, которые принято называть «окказионализмами». Между неологизмами и окказионализмами имеются важные различия. С течением времени неологизмы перестают восприниматься как новые слова и переходят в разряд обычных слов. Так произошло со словами русского языка постсоветского пространства: *продюсер, менеджер, маркетолог, шоу, бестселлер, крокет, ламбрекен, корсар, корсет, консьерж, марля, маржа* и др.

В отличие от неологизмов, окказионализмы, даже образованные давно, не устаревают, сохраняя свою необычность и свежесть независимо от времени их рождения. Окказионализмы, или индивидуально-авторские новообразования, в свою очередь, делятся на лексические и семантические окказионализмы. *Семантические окказионализмы* представляют собой морфологически новые слова, не отмеченные ни в одном из лексикографических источников и образуемые чаще всего по непродуктивным моделям. *Лексические окказионализмы* образуются путём префиксации, суффиксации, словосложения, аббревиации и телескопии. Окказионализмы живут лишь в том контексте, в котором они родились, и сохраняют свою связь с автором, их создавшим. Они не входят в общенародный язык и играют иную роль – стилистическую, развлекательную.

С точки зрения канала восприятия к лексическим окказионализмам относят слова, для понимания смысла которых обязательно их зрительное восприятие; этот вид

© Хабарова Н. А., 2013

лексики называют *графическими неологизмами.* Графические вариации, выделения цветом приобретают определённые черты графемной окказиональной игры, тем самым овладевают вниманием потенциальных покупателей рекламируемого объекта, вызывают в большинстве случаев положительные эмоции: Аттрактивность графического окказионализма наиболее просто доказуема, так как визуальное восприятие выступает в качестве основополагающего фактора семантизации слова.

Контекстуальный комментарий является характерным признаком неологичности лексемы: очень часто, вводя в текст данную единицу, авторы раскрывают ее семантику путем дополнительного объяснения, которое может выражаться разными способами. Например, кратким или достаточно полным комментарием, включающим этимологию и дефиницию лексемы; характеристикой в виде примечания; разъяснением в скобках; для заимствований – переводом; указанием автора на отнесенность данной лексемы к классу неологизмов или объяснением в контексте необычной семантики лексемы; параллельным употреблением узуальной лексемы и ее неологического / окказионального синонима.

Суффиксация, префиксация, аббревиация и телескопия являются наиболее распространенными способами словообразования неологизмов. Необходимо отметить тот факт, что контекстуальное и функциональное значение «нанопристaвок» в русском языке обусловлено манипулятивными и воздействующим потенциалом.

Разновидностью лексических окказионализмов являются *потенциальные слова*, отсутствующие в лексикографических источниках, но, в отличие от семантических окказионализмов, легко образующиеся по продуктивным моделям и в большинстве случаев не имеющие стилистической окраски, новизны, но притягивающие взгляды необычностью написания.

Согласимся с выводом А.В. Страмного касательно разграничения неологизмов и окказионализмов: «Принципиальная особенность подхода, используемого для выявления общеязыковых неологизмов, заключается в том, что анализ материала строится на методике *от слова к тексту*», тогда как для всех остальных типов окказионализмов применялся принцип «*от текста к слову*» [11, с. 17]. Неологизмы воспринимаются и функционируют независимо от контекста и автора, даже если их создал определенный автор. Они играют номинативную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского: пер. с фр. Е. Вит, В. Венцель. – М.: Иностранная л-ра, 1955. – 416 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1986. – 639 с.
3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М.: Наука, 1991. – 356 с.
4. Гак В. Г. Французская орфография / В. Г. Гак. – М.: Просвещение, 1985. – 240 с.
5. Гальперин А. И. Очерки по стилистике английского языка [Электронный ресурс] / А. И. Гальперин. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/30.Ocherki_po_stilistike_angliyskogo_yazyka/html/unnamed_10.html
6. Єрмоленко Л. Ю. Піктографічні та ідеографічні знаки у сучасній французькій мові / Л. Ю. Єрмоленко. – К.: Карпенко В.М., 2005. – 220 с.
7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.
8. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. – изд 2-е, испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
9. О. О. Потебня і проблеми сучасної філології : зб. наук. праць – К. : Наук. думка, 1992. – 247 с.
10. Пристайко Т. С. О некоторых терминологических проблемах современной неологии / Т. С. Пристайко // Вісник Дніпропетров. ун-ту. Серія Мовознавство. – 2009. – Вип. 15. – Т. 1. – С. 253–260.
11. Страмной А. В. Газетный текст как источник неологизмов (на материале русской и французской прессы): автореф. дисс. … канд. филол. наук / А. В. Страмной. – Волгоград, 2007. – 24 с.

Т. А. Хейлик (Запорожье)

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ: НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ УРБАНОНИМЫ Г. ЗАПОРОЖЬЯ

Как известно, лингвисты приступили к изучению города «как особого лингвистического явления» [3, с. 72] в конце 80-х гг. XX века. Впрочем, язык современного города вызывает интерес не только у специалистов, но и у многих исследователей–энтузиастов. С несколько лингвистически некорректными названиями вышли изыскания В. П. Смирнова «Одесский язык» [4], «Словарь толкового бердянского языка» [1] бывшего мэра г. Бердянска В. Баранова, в которых зафиксированы региональные особенности речевой культуры (или «некультуры») горожан.

Если в свое время (применительно к 30-м годам XX века) С. И. Ожегов отмечал стремление к переходу от просторечия к литературной речи как признаку культурного роста [2], то «современный город проявляет противоположный вектор – нарочитый выход из литературной речи в некодируемые формы коммуникации, в том числе просторечие» [3, с. 76].

Это касается и такой составляющей городской коммуникативной среды, как урбанонимы, т. е. названий разного рода городских объектов: улиц, парков, памятников, торговых рядов, «зданий и интерьеров» (по А. В. Суперанской) [6, с. 187]. Для их наименования жители города используют обозначения, весьма отличные от официальных. Функция таких названий – не только пространственная ориентация, но и роль «маркера», выделяющего «своего» (кстати, первокурсники–запорожцы приводили в анкетах до 100 примеров обиходных урбанонимов при 2–3 общеизвестных у иногородних студентов).

В обиходной урбанонимии отмечены и общие закономерности. Так, в Запорожье, *Центр* жители микрорайонов называют *Городом («Опять всё воскресенье в Городе провела»*), что характерно, например, и для жителей Омска [5, с. 17].

Также во многих городах для обозначения городских объектов используются эллиптические формы, семантическая конденсация. Так, главный проспект Запорожья – проспект Ленина – называется просто *Проспектом («Пересечёмся где-нибудь на Проспекте»*), как и, например, в Челябинске; бульвар Т. Шевченко именуется *Бульваром* (хотя в городе несколько бульваров), *Порт* – это Порт им. Ленина (при наличии Речного порта).

Наблюдается онимизация нарицательных имен: *Плотина* – Днепрогэс им. Ленина (*«Я уже за Плотиной»*), *Дамба* – мост между остановками «Ул. Гагарина» и «Площадь Пушкина» (*«Видел аварию на Дамбе?»*).

К особенностям запорожской урбанонимии следует отнести названия некоторых микрорайонов. Они представляют собой семантические конденсаты, образованные усечением производящей основы и суффиксацией: *Шевченковский район – Шевчик, Осипенковский район – Осипок, Бородинский район – Бородок*. (Кстати, тенденция к использованию уменьшительных суффиксов с усечением основы отмечается и в фамильярно-ласкательных названиях городов области: *Мелитополь – Мелик, Таврическ – Таврик,* образованные по типу*: Владивосток – Владик*).

Усечением образованы названия микрорайонов: *Космический район – Космос, Орджоникидзевский район – Орджо.* Эта тенденция распространяется на названия рынков: *рынок на ул. Анголенко – Ангола,* Вознесеновский *рынок – Вознесеновка, Вознесенка, Возня*, проспектов: *проспект Маяковского – Маяк, проспект Металлургов – Металл,* с последующей фонетической трансформацией в *Метлу («Пересяду на Метле»)*; улиц: *ул. Малиновского – Малина, площадь Фестивальная – Фестивалка, Фест,* кафе*: «Макдональдс» – Мак.*

© Хейлик Т. А, 2013

Обращает на себя внимание тенденция к использованию аббревиатурных урбанонимов: *вокзалы Запорожье-1 и Запорожье-2 – ЗП-1 и ЗП-2, бульвар Т. Шевченко – БШ, Б/Ш, Быша, бульвар Центральный – БЦ, ул. Чекистов – ЧК.*

Широкое распространение получает номинация словом с разными типами сокращений официальных расчлененных наименований: *Инженерная академия – Инженерка, Запорожский национальный технический университет (бывший Машиностроительный институт) – Машинка.*

«В разных городах еще в советский период отмечались образные, игровые наименования городских объектов. Они никогда не выходили из городского неофициального обихода и свидетельствовали о жизненном потенциале балаганной городской культуры» [3, с. 78]. Есть такие примеры и в Запорожье: *Пьяный дом* – дом своеобразной архитектуры, хорошо видный с Днепра, *Гарлем* – студенческий городок Медицинского университета, где учится много студентов из Латинской Америки, Индии и Африки, *Памятник погибшим туалетам* – памятник Металлу (с образцами выплавляемого металла) на пересечении проспектов Металлургов и Ленина на месте бывших туалетов в горячей точке пересадки горожан сразу в четыре микрорайона.

Таковы лишь некоторые тенденции образования неофициальных урбанонимов, но и они показывают своеобразие запорожского ономастического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В. Словарь толкового бердянского языка / В. Баранов. – Донецк: ОАО «УкрНТЭК», 2002. – 221 с.
2. Ожегов С. И. О просторечии: (К вопросу о языке города) / С. И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 93–110.
3. Опарина Е. О. Современная городская коммуникация: Тенденции развития / Е. О. Опарина // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров / РАН ИНИОН; отв. ред.: Опарина Е. О., Казак Е. А. – М., 2005. – С. 72–85.
4. Смирнов В. П. Одесский язык / В. П.Смирнов. – Одесса: Полиграф, MMVIII, 2008. – 96 с.
5. Словарь современного русского города / под ред. д-ра филол. наук, проф. Б. И. Осипова. – М.: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 565 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366.

Н. В. Хруцкая (г. Киев)

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В настоящее время термины «языковая компетенция» и «языковая компетентность» в лингвистической литературе встречаются всё чаще и нередко употребляются без различения смысла между ними. Между тем, они существенно различаются между собой. Термин **«языковая компетентность»** имеет не лингводидактический, а сугубо лингвистический характер. Различие заключается, в первую очередь, и в значении самих слов-паронимов *компетенция* и *компетентность. Компетентность* в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» (2002) определяется как «обладание знаниями и опытом, позволяющими судить о чем-л., веское, авторитетное мнение» [1, с. 419], а *компетенция* как «2) круг вопросов, о которых данное лицо обладает познаниями, опытом» [там же]. Можно трактовать языковую компетентность как интегративный личностный ресурс, обеспечивающий успешность речевой деятельности. И этот ресурс включает в себя не только компоненты, измеряемые с помощью языкового тестирования (как это принято в методике), но и иные составляющие, которые обнаруживаются на более высоком, личностном уровне и включают интеллект, общий кругозор, систему межличностных отношений, специальные лингвистические знания, потенциал развития и роста личности во владении языком и коммуникативной деятельностью. Таким образом, языковая компетентность – более глобальное образование, выходящее за пределы методики обучения

© Хруцкая Н. В., 2013

языку и имеющее прямой выход в лингвистику. Знание правил при лингвистической компетентности не есть знание набора формулировок, а способность вести себя определенным образом в различных ситуациях. В этом случае правила существуют не в виде инструкций для конечной совокупности используемых образцов-эталонов, а как бесконечное множество вариантов применения правил, воспроизводимых в коммуникации. Это более высокий уровень знания языка, дающий возможность сознательного выбора языкового варианта (лексического, словообразовательного, синтаксического, стилистического) в зависимости от языковой ситуации, но и умение оценить его уместность в конкретном дискурсе. Иными словами, ***под языковой компетентностью*** в самом общем виде нами ***понимается такой уровень владения языком, который дает возможность определять и мотивировать выбор одного из нескольких возможных вариантов языковых единиц*** – фонем, морфем, графем, слов, синтаксических конструкций – ***и оценивать его уместность***. При этом необходимо подчеркнуть, что речь идет о выборе одного из возможных и стилистически уместных вариантов. Случаи, заведомо не укладывающиеся в систему данного языка, не рассматриваются при оценке лингвистической компентности.

В связи с этим возникает вопрос об уровне языковой компетентности личности в свете владения литературной нормой языка. Может ли считаться лингвистически компетентной языковая личность, нарушающая традиционную литературную норму? Насколько велика и реальна свобода действий говорящего или пишущего индивида применительно к тем языковым средствам, которые он использует? Очевидно, целесообразно различать две ситуации, две группы нарушений литературной нормы языка.

В одних случаях нормы литературного языка жестко диктуют выбор одного конкретного варианта. Это сфера грамматической нормы, (а в некоторых случаях и фонетической), и у компетентного индивида не должно возникать сомнений, какую форму выбрать: *хотят* или *хочут*, *умнее, более умный* или *более умнее, нет мест* или *нет местов, он машет* или *он махает, слаще* или *слаже, жалюзи́* или *жа́люзи* и др.

В других случаях носителю языка предоставляется некоторая, весьма ограниченная и зависящая от его конкретного уровня лингвистической компетентности свобода выбора. Зная и владея несколькими вариантами языковой единицы (нормативно-равноправными, допустимыми, разговорными, просторечными, устаревшими и т. п.), он имеет право и возможность сделать сознательный выбор, какой языковой вариант будет уместнее и органичней в зависимости от конкретной языковой ситуации: *ехать поездом* или *ехать на поезде*, *сбрасывание* или *сброс*, *браковка* или *бракование*, *выплата* или *выплачивание*, *соскучился по вам* или *соскучился по вас*, *дайте сыру* или *дайте сыра, анфас* или *в анфас, профессоры* или *профессора, слесарничать – слесарить, пойти вправо – пойти направо, двухвалентный – двувалентный, выгрести – выгресть, свежее – свежей, ноль – нуль, бриллиант – брильянт* и т. д. Во многих случаях – это уже сфера стилистики, многое здесь уже зависит от личности продуциента и условий общения, причем языковые варианты нередко отличаются друг от друга тонкими семантическими оттенками, что позволяет говорящему точнее выразит свою мысль, в остальном же используемые варианты выступают практически как равноправные. И рекомендации для выбора одного из них могут быть сформулированы в сознании индивида лишь в выражении «одно в данном случае предпочтительней, чем другое».

Общеизвестно, что существует по крайней мере две литературные нормы – «старшая» и «младшая». И, соответственно, можно предположить, что существует и два типа языковой компетентности – «старшая» и «младшая». Если для лингвистически компетентного представителя старшего поколения литературно-нормативным является использование таких вариантов, как *сохнул, приурочивать, растáможивать, обусловливать, учители, профессоры, [дэ]кан, п[о]эт, нормúрованный, до[ж'ж']и, закусо[шн]ая, ябло[шн]ый, кофе, виски (м. р.), тéфтели, пéтля, полячка,* то для лингвистически компетентного представителя младшего поколения литературно-нормативным является уже использование таких вариантов, как *сох, приура-*

чивать, растамаживать, обуславливать, учителя, профессора, [д'и]кан, п[^]эт, норми́рованный, до[жд]и, закусо[чн]ая, ябло[чн]ый, кофе, виски (с. р.), тефте́ли, петля́, полька, фиксирующихся в ортологических словарях и справочниках последних десятилетий как нормативные или допустимые. В этих условиях для филолога при определении уровня лингвистической компетенции личности становится очень важным установить тенденцию, предвидеть направление языкового развития на современном этапе динамики языковой системы.

В настоящее время наблюдается также использование лингвистически компетентными людьми ненормативных языковых вариантов в связи с их профессиональной принадлежностью, а именно употребление профессионализмов в рабочей обстановке: *компа́с* у моряков, *ката́лог* у библиотекарей, *апостро́ф* у учителей-словесников, *прио́говор* и *осу́жденный* в речи юристов, *обеспече́ние* в речи программистов, *пасо́в* вместо *па́сов* в спортивной среде, *нефтепро́вод* в нефтегазовой промышленности и подобные, хотя многие из говорящих знают нормативные варианты, а использование ненормативных вариантов обусловлено языковой средой (Все примеры взяты из [3]).

Колебания, наблюдаемые в рамках литературной нормы у лингвистически компетентных носителей языка, дают основания говорить о гетерогенности русского литературного языка, о его расщеплении по крайней мере на две основных разновидности: а) книжную и разговорную и б) младшую и старшую, каждой из которых свойственны свои стилистические особенности и свой свод нормативных правил. Причем эта «гетерогенность проявляется, с одной стороны, в неоднородности социальной характеристики носителей литературного языка, а с другой – в функциональной неоднородности речевых средств, используемых в зависимости от различных целей» [2, с. 104].

И в завершение хотелось бы подчеркнуть, что автор относит термин *лингвистическая компетенция* к области лингводидактики и методики обучения языкам, а термин *лингвистическая компетентность* – к области филологии в широком понимании этого слова. Также необходимо отметить, что лингвистическая компетентность – это способность и возможность коммуниканта выражать любой смысл различными вербальными и графическими способами, умение различать правильные и нормативные в языковом отношении предложения и тексты от неправильных, ненормативных и стилистически окрашенных, умение выбрать и оценить из многообразия средств выражения мысли именно те, которые в наибольшей степени соответствуют ситуации общения и с наибольшей полнотой выражают индивидуальные характеристики и психофизиологические особенности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. – 975 с.
2. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Академия, 2003. – 324 с.
3. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект): монография / Н. В. Хруцкая. – К.: Освита Украины, 2008. – 372 с.

Е. М. Шахова (г. Симферополь)

ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ С ПЕРВООБРАЗНЫМИ И ПРОИЗВОДНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СМЫСЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предлог – одна из древних знаменательных частей речи в русском языке. Семасиологический подход предполагает его изучение от формы к содержанию, поэтому в

© Шахова Е. М., 2013

лингвистике рассматривался вопрос о наличии или отсутствии у предлога лексического значения, о синонимии или антонимии его с другими предлогами, образовании производных предлогов путём перехода слов из знаменательных частей речи и т. д.

Ономасиологический подход направлен от содержания к средствам выражения, поэтому не изучает предлог отдельно, а рассматривает его как компонент предложно-падежной формы или – шире – конструкции, представляющей собой словосочетание, в котором имеют место главное слово (чаще глагольное) и зависимый компонент, выраженный предложно-падежной формой имени.

Предложно-падежная форма имени – это семантически и синтаксически слитное объединение предлога и имени существительного (местоимения или имени числительного), репрезентирующее определённый фрагмент действительности и выступающее в качестве единицы именования (ономасиологической единицы расчленённого типа), например: *слушать лекцию* ***в аудитории,*** *думать* ***о друге***.

В предложно-падежные формы имени могут входить первообразные и производные предлоги. В первообразные традиционно включают 25 наиболее древних предлогов: *без (безо), в (во), для, до, за, из, из-за, из-под, к (ко), кроме, на, над, о (об, обо), от (ото), по, под (подо), при, ради, с (со), у*. При этом пять из них относятся к дискуссионным: *кроме, между, ради, сквозь, через.* Производными называют предлоги, образованные путём перехода (путём диахронной трансформации – препозиционализации) из трёх классов слов: имён существительных (*в течение, в продолжение, ввиду, насчёт, по причине* и т. д.), наречий (*вблизи, вверху, вокруг, впереди, навстречу* и под.) и нескольких деепричастий (*благодаря, спустя* и др.). Производные предлоги могут быть однокомпонентными (*мимо, поперёк*), двукомпонентными (*во время, по поводу*) и трёхкомпонентными (*в связи с, по отношению к*). Их насчитывают более 200, но точное количество назвать нельзя по причине их недостаточной изученности и применения разных критериев к их выделению.

В современной лингвистике возникла необходимость определения места предлогов и предложно-падежных форм в системе единиц именования, в способе отображения мира. Одним из способов фиксации знаний о мире является их представление в языковых смыслах. Теорию языковых смыслов в её современном состоянии предложила около 20 лет назад Н. Ю. Шведова [1]. Это одно из важнейших направлений в ономасиологии. Эту теорию развивал в своих работах Ю. Л. Воротников (в том числе и в докторской дисертации), она получила поддержку в докладах на IV Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филолог. факультет, 20–23 марта 2010 г.), посвящённом Н. Ю. Шведовой, уточняли и дополняли отдельные её положения Е. Н. Сидоренко, О. Э. Руденко, Т. В. Калугина и др.

Теория языковых смыслов представляет особый интерес для ономасиологических исследований потому, что она опирается на такие важные категории, как единицы именования, синтаксические отношения разных типов, то есть учитывает особенности не только функционирования, но и коммуникативную нагрузку единицы именования. В этой системе предлог не изучается как самостоятельная ономасиологическая единица, он рассматривается как важный компонент расчленённой единицы именования – предложно-падежной формы имени.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать предложно-падежную форму как расчленённую единицу именования (ономасиологическую единицу) в современном русском языке.

Наши наблюдения над оснащением языковых смыслов предложно-падежными формами с первообразными предлогами дали следующие результаты.

Наиболее богатыми по выражению языковых смыслов предложно-падежными расчленёнными именованиями являются следующие языковые смыслы: «пространство», «время», «предметность», «признак предмета», «качественная характеристика процесса, способ и образ действия». Наименьшее количество предложно-падежных форм используется для выражения языковых смыслов «количество и число», «мера и степень».

Языковые смыслы «процесс», «состояние как безлично-предикативный признак», «уступка» и «условие» не выражаются предложно-падежными формами с первообразными предлогами.

Приведём несколько фактов, касающихся количества языковых смыслов, выражаемых формой имени с определённым падежом: падежная форма имени в В. падеже и предлог *в* обслуживают 5 языковых смыслов, того же предлога и имени в П. падеже – 5, имени с предлогом *до – 4, для – 3, за* и имени в В. п. – 4, в Т. падеже – 5, *из* – 5, *из-за* – 3, *из-под* – 3, *к* – 4, *на* и имя в В. п. – 9, *на* и имени в П. падеже – 5, *над* – 3, *от* – 5, *по* и имя в Д. п. – 9 и т. д. Количественные показатели подтверждены в диссертационном исследовании большим фактическим материалом, но и само перечисление их свидетельствует об активном участии предложно-падежных форм с отдельными предлогами, такими, как *в, на, по, с* и др., в выражении языковых смыслов. Эти данные допустимо рассматривать также как показатель широких возможностей русского языка дифференцированно отражать действительность, что, безусловно, важно для любого языка. С другой стороны, «потеря» специализации первообразных предлогов, возможно, привела к активизации перехода в предлоги большого потока слов из других частей речи.

Состав предложно-падежных форм имени в связи с активным пополнением предложных трансформантов значительно увеличился в последние десятилетия. Это связано прежде всего с экстралингвистическими факторами: с развитием общества, научно-техническим прогрессом, необходимостью передать новые понятия; иногда – с канцеляризацией языка и пополнением соответствующих функциональных стилей (например, предложно-падежные формы с производными предлогами, выражающие языковые смыслы «причина и следствие», «цель», чаще используются в научной, официально-деловой речи).

Предложно-падежные формы имени с производными предлогами используются в тех случаях, когда значения не могут быть выражены предложно-падежными формами имени с первообразными предлогами (см. предлоги *вместо, кроме*). Некоторые предложно-падежные формы имени с производными предлогами добавляют новые оттенки значений к тем, которые выражают предложно-падежные формы имени с первообразными предлогами (ср.: *за – вслед за*). Таким образом, появление трансформантов способствует дифференциации в выражении тончайших оттенков мысли.

По нашим наблюдениям, в наибольшей степени в сфере предложно-падежных конструкций с производными предлогами представлены следующие языковые смыслы: пространство, предметность, признак предмета, время, в наименьшей степени – условие, уступка. Языковой смысл «действие, состояние, отношение как процесс» на предложно-падежном уровне не выражен. Объясняется это прежде всего самой структурой того или иного языкового смысла, его возможностями иметь одно или несколько направлений пополнения новыми предлогами. Например, пространство трёхмерно, его репрезентация на уровне русского языка идёт по линии места (статическая локализация) и направления (динамическая локализация), что соответственно подтверждается местоименными вопросительными категоризаторами *где?, куда? и откуда?* Поэтому количество предложно-падежных форм с производными предлогами у него наибольшее (при наличии большого количества предложно-падежных форм с первообразными, непроизводными предлогами).

Выражение значений разных языковых смыслов с помощью предложно-падежных форм, то есть расчленённых единиц именования, свидетельствует о росте аналитизма в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шведова Н. Ю. Избранные работы / Н. Ю. Шведова / РАН; Отд. историко-филол. наук; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с.

Н. И. Шашкина, Л. А. Лазуренко, Л. В. Дружинина
(г. Днепропетровск)

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ИЗУЧЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Язык является инструментом исследования и средством изучения человеческого сознания, отражением когнитивных структур. Именно при помощи языка происходит наименование основных элементов концептуальной картины мира и раскрывается сущность других картин мира. Когнитивный подход к изучению терминологической концептосферы предполагает изучение языковых форм с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке [1].

В связи с этим моделирование терминосистемы с исследованием когнитивной методики дает возможность понять глубинные механизмы организации терминолексики определенной области знания.

Важность иностранного языка как учебного предмета в техническом вузе для понимания основных понятий концептосферы, соотношения семантических процессов с когнитивными несомненна. Изучая профилирующие дисциплины по своей специальности, студенты овладевают «базовыми концептами» и всей концептуальной системой данной области знания – «концептосферой» т. е областью знаний, которыми обладают все члены научного сообщества, совокупностью концептов, особым образом систематизированных и упорядоченных, часть из которых оказываются конститутивными для данной концептосферы и образуют ее ядро [2].

Концепты той или иной концептосферы обозначаются терминами. В термине реализуется результат познания специальной области науки или техники, в нем представлены структуры специального знания, которые определяют когнитивную суть термина. Структуры знания представляют собой интеграцию нескольких видов знания. Понимание этих структур на иностранном языке предполагает усвоение терминологии, чтение специальной литературы, говорение на заданную тематику.

Когнитивные свойства термина примечательны тем, что они находят непременное выражение в терминологических структурах. Способность термина выступать в качестве когнитивного языкового знака выявляется на уровне семантики, т. е. по характеру сем, эксплицируемых в словарном определении, можно судить о различных концептах, стоящих за конкретными языковыми единицами.

В способах номинации отражается структура знаний различных сфер деятельности человека. В задачи номинации входит решение вопроса о том, какая часть знаний о явлении действительности, переработанная сознанием в виде концепта, получает отдельное наименование. Любой номинативный акт имеет элементы когнитивного и прагматического характера. Выбор мотивирующей основы нового слова, отражающей определенное представление человека об окружающем мире, его субъективно-объективное восприятие действительности – это первичный акт; вторичное именование в языке науки формируется на основании тех признаков, которые человек выбирает при анализе внутренней формы слова. Терминологическая номинация осуществляется в соответствии с общеязыковыми принципами. Специфика же ее – в создании именований особого рода – терминов, поскольку термин имеет не лексическое значение, в основе которого лежит бытовое знание, за термином стоит концепт, в основе которого – знание научного плана.

Признаки, положенные в основу наименования, могут отличаться в разных терминосистемах, в пределах одной терминосистемы. Следует учитывать при изучении различных терминосфер на иностранном языке, что признаки могут быть неодинаковыми в разных языках.

© Шашкина Н. И., Лазуренко Л. А. , Дружинина Л. В., 2013

Русский термин *автобетоновоз* соответствует английскому *agitating truck.* Назначение автобетоновоза – перевозить бетон. Но при перевозке он выполняет функцию смесителя. В английском термине это свойство передано словом *agitating,* что означает «трясущий, взбалтывающий», в русском термине этот признак не находит своего отражения. В наименовании *end-bearing-pile* (свая, с несущей функцией на концах) выражен признак «назначение». Русский термин *свая-стойка* передает признак «внешний вид, форма». *Фундамент на естественном основании* переводится английским *direct foundation*, что означает «прямой, непосредственный фундамент». Русский термин более точно передает расположение фундамента «на почве, на земле». Разные мотивировочные признаки положены и в основу следующих наименований: *continuous concrete* (укладываемый без перерыва бетон) – *монолитный бетон; massif exploding* (взрыв массива) – *вызревание бетона; cast-in-place* (залитая на месте) *pile – набивная свая; antique brick – темно-красный кирпич с грубой шероховатой поверхностью* (применяется для придания постройке древнего вида) и т. д.

Чтение специальной литературы осложняется тем, что термин не идеален в сфере функционирования. Как и словам общелитературного языка, ему свойственны такие явления, как синонимия, полисемия. Термин может иметь несколько значений в пределах одной терминологической системы (внутрисистемная полисемия: ***борт*** *– edge, rim, border, skirting, flange, side;* ***волнистый*** *– corrugated, wavy, undulating, crimped; interest* ***rate*** *– «процентная ставка», exchange* ***rate*** *– «обменный курс» и т. д.*; категориальная: *framing* – «рама», «каркас» и «создание каркаса»), в нескольких терминологических системах (межсистемная полисемия: термин *mortar* в строительной терминологии означает «раствор», а в военной – «мортира», «миномет», *plot* в общелитературном языке означает «заговор», в литературной терминологии это «сюжет», а в терминосистеме землеустройства – «участок земли»). Термин также может иметь значения, принадлежащие к нетерминологической лексике: в общелитературном языке слово *concrete* означает «конкретный», а в строительной терминологии – «бетон», *beam* в строительной терминологии означает «балка», а в общелитературном языке – «луч», *solution* в химической терминологии имеет значение «раствор», в общелитературном языке слово имеет значение «решение», в экономической терминологии *interest* означает «процент», а в общелитературном языке – «интерес». В общелитературном языке слово *stroke* означает «удар», а в строительной терминологии – «ход поршня». Зная нетерминологические значения этих слов, студенты зачастую не проверяют в словаре их перевод и неправильно интерпретируют смысл переводимого текста.

При переводе специальной литературы очень важно учитывать семантическое значение термина, иерархию сем, входящих в его значение. В термине *несущая стена* слово ***несущая*** имеет главную сему «способность выдерживать нагрузку». Русскому слову ***нести*** соответствуют английские слова *carry, bear*. Зная семантическую структуру этих слов, следует выбрать слово *bea*r, так как главная сема слова *carry* передает значение «нести что-то в руках или на спине куда-то». Таким образом, термин *несущая стена* следует переводить *bearing wall.*

Разрабатывая тематические циклы на иностранном языке, особое внимание следует уделить изучению структурно-семантических особенностей термина, выделению лексического минимума по данной теме, а затем выполнению упражнений по словообразованию, определению интернациональных компонентов, сравнению иноязычных составляющих и компонетов родного языка в составе термина, сопоставлению термина и его дефиниции и т. д.

Составляя лексический минимум, необходимо учитывать вышеперечисленные особенности терминов. Отбор лексического минимума, на наш взгляд, следует производить, исходя из тематического критерия. Это способ определения важности слова в зависимости от того, в какой мере оно может быть полезным и необходимым в данном цикле учебной тематики. Наиболее важными считаются те термины, с помощью которых можно описать понятия данного тематического цикла. Предпочтение отдае-

тся терминам, выражающим наиболее важные, базовые понятия данной области знания: наименованиям строительных материалов и их свойств (*concrete, stone*, *brick, porosity, permeability, density)* – при изучении темы «Строительные материалы», наименованиям частей сооружений и процессов, применяемых при их монтаже (*beam, truss, bearing wall, mounting, construction)* – при изучении темы «Строительные элементы» и т. д. Поэтому следует рядом с термином указать его синонимы, сочетания с другими терминами, привести примеры их многозначности.

Терминология, являясь одним из инструментов научного познания, имеет наиболее тесную связь с мыслительными категориями, так как на формирование термина влияет языковое сознание людей, создающих информацию о концептуальной сфере специальных знаний, включающих познавательную и преобразующую деятельность. Неразрывное единство термина и обозначаемого им понятия создает базу для научного терминотворчества, понимание этого позволяет рассматривать термин как значащую единицу, которая отображает окружающий мир и одновременно является результатом и инструментом познавательной деятельности человека.

Процесс терминотворчества, таким образом, коммуникативно обусловлен и происходит в соответствии с потребностями развивающейся науки.

Коммуникативная функция языка тесно связана с когнитивной функцией – функцией передачи мыслительного содержания: использования языковой компетенции, знания о мире, умения извлекать хранящуюся в памяти информацию, передавать и воспринимать эту информацию. Практическое применение знаний терминологической концептосферы находит отражение в речевой деятельности – письменной (перевод, написание статей и т. д.) и устной (говорение на заданную тематику). Обучение иноязычному профессиональному общению проводится дифференцированно, с учетом специфики профессионального языка и особенностей данной профессиональной концептосферы.

Когнитивный подход к изучению терминологической концептосферы, как это прослеживается в нашей статье, предполагает проводить исследование в лингвометодическом аспекте и, следовательно, помогает решить две задачи: 1) определить особенности термина как основной единицы научного стиля речи, основываясь на когнитивных характеристиках; 2) сформулировать наиболее адекватные методические приемы для успешного обучения студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТТУ, 2001. – С. 123.
2. Новодранова В. Ф. Развитие методов когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей // В. Ф. Новодранова // Рос. гос. гуманит. ун-т: материалы круглого стола РГГУ 24 октября 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: e-library. www2.rsuh.ru

Е. Ю. Шевчик (г. Днепропетровск)

УРОВНИ СЖАТИЯ ТЕКСТА В УЧЕБНИКЕ

Предметом нашего исследования является учебник Н. Ф. Баландиной, И. Л. Гриценко, Е. В. Якубенко «Русский язык. Коммуникативный курс: Учебное пособие для 5 класса общеобразовательных школ (с украинским языком обучения»). Заметная часть жанров, представленных в данном учебнике, с полным правом может быть отнесена к сжатым текстам.

Особенности сжатых (компрессированных) текстов исследованы в работах [2, с. 37–38; 3, с. 1–24; 4, с. 103–122; 5, с. 234–244; 6, с. 85–89], однако функционирова-

© Шевчик Е. Ю., 2013

ние СТ в учебниках еще не получило полного освещения. Целью данной сообщения является анализ способов сжатия текста учебника на всех языковых уровнях.

На графемном уровне компрессия текста осуществляется с помощью следующих средств: широко используются буквенные сокращения: как общепринятые (и т. д. (и так далее), т. к. (так как), кг (килограмм), км (километр), в. (век), вв. (века), г. (год) и некоторые другие. *Например: В роли связок обычно бывают глаголы быть, являться, казаться, считаться, становиться, ... и сочетания вспомогательных глаголов хочу быть, был бы рад стать* и др. [1, с. 85], так и присущие отдельным жанрам, например, словарным дефинициям: *Отрочество (книжн.) – возраст между детством и юностью* [1, с. 142];

– специфическое использование знаков препинания, которые могут играть важную роль в процессе построения сжатого текста, заменяя и обозначая пропущенные части; следует отметить роль скобок, двоеточия, дефиса, многоточия, *например: относительные прилагательные (по-укр.: відносні прикметники) обозначают такие признаки, которые не могут в предметах проявляться в большей или меньшей степени: деревянный, стеклянный (обозначают материал, из которого сделан предмет), ... спортивный (признак по назначению)* [1, с. 225];

– система расположения материала. Целостное восприятие и возможность быстро ориентироваться в том или ином сжатом тексте во многом зависит от системы расположения материала, которая включает в себя такие компоненты, как наличие или отсутствие абзацев, сочетание различных шрифтов, нумерация, рубрикация и так далее, например:

отработать	*движение* *жест* *мимику* *произношение*
Выработать	*привычку* *навык* *способность* *силу воли*

[1, с. 110];

Специфика лингвистического построения различных видов текстов в значительной мере проявляется на их грамматическом уровне (морфологическом и синтаксическом). Анализ состава речевых единиц сжатых текстов, проведенный лингвистами с точки зрения принадлежности их к тем или иным частям речи, показывает, что практически во всех сжатых текстах, и в частности в текстах учебников, наиболее существенную роль играют имена существительные. Например*: Шукшин Василий Макарович (1929 – 1974) – русский писатель, кинорежиссер, актер. Автор сборников рассказов «Сельские жители», «Там, вдали», «Характеры», романа «Любавины»; режиссер фильмов «Живет такой парень», «Печки – лавочки», «Калина красная»* [1, с. 205]. Данный справочный текст состоит из 28 слов, из них 19 (67 %) – имена существительные.

Особенностью функционирования глагольной категории наклонения в большинстве СТ является сведение до минимума использования сослагательного наклонения, что вызвано формальной сложностью его построения, нетипичной для категоричности и лаконизма, характерных для большинства сжатых текстов. Повелительное наклонение глагола является наиболее типичной категорией для определенных жанров СТ, в частности, установок к упражнениям, которые преобладают в учебнике, например: *Составьте диалог по указанному выше образцу на тему... Расскажите своему соседу по парте, что интересное можно увидеть осенью в лесу* [1, с. 47]. *Обозначьте в словах префиксы и составьте с этими словами словосочетания. Выберите уместный по смыслу префикс* [1, с. 88]. *Озаглавьте текст и перескажите его. Объясните, чем занимаются люди, работающие конферансье. ... Выпи-*

шите по одному словосочетанию с разными типами подчинительной связи [1, с. 66–67].

Механизм сжатия текста наиболее ярко и многообразно проявляется на синтаксическом уровне. Исследуя сжатые тексты на этом уровне, следует обратить внимание на размер и основные типы предложений в сжатых текстах, степень их распространенности, особенности функционирования членов предложения и некоторые другие характеристики. Характерным признаком сжатых текстов, как указывалось выше, является их ограниченный объем, с чем тесно связано определенное количество предложений, используемых в СТ. По нашим наблюдениям, большинство сжатых текстов (до 60%) состоит из двух – трех предложений. Такое их количество характерно для словарных дефиниций, сносок, комментариев, аннотаций и других жанров учебника. Приведем несколько примеров: *Синонимы... – слова, различные по звучанию, но близкие или одинаковые по лексическому значению...Синонимичными могут быть не только пары слов, но и целые ряды* – 2 предложения [1, с. 131]. *Настоящий учебник составлен в соответствии с программой по русскому языку для 6 класса общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения. Занятия ... дают основы знаний о языке, обеспечивают достаточно высокий уровень общения и формирования навыков грамотного письма, приобщают к русской культуре. Материал по языку и развитию речи объединен в пределах каждого занятия ...* 3 предложения [1, с. 2].

Одним из наиболее эффективных приемов сжатия текста на лексическом уровне является использование графических сокращений, например: *Русский язык: 8 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений с укр. яз. обучения / Н. Ф. Баландина ... Под ред. Н. Ф. Баландиной. – К.: Мастер-класс, 2008. – 328 с.* [1, с. 2]. В данном тексте из 28 слов 9 подверглись графическому сокращению.

Семантическая сторона является чрезвычайно важным показателем любого сжатого текста. Эллипсис тематической части сообщения в сжатых текстах занимает значительно более заметное место в количественном плане по сравнению с развернутым вариантом. При сжатии исходного варианта полного текста имеет место обратный процесс, то есть прежде всего сокращение тематической части сообщения, что является необходимой предпосылкой создания рефератов, аннотаций, конспектов и многих других речевых произведений. Рассмотрим с этой точки зрения следующий текст: *I. Не называют предметов, признаков, действий, а вносят дополнительные оттенки значений. II. Не отвечают на вопросы. III. Не являются членами предложения* [1, с. 158].

Эллипсис темы может приводить к устранению из текста обязательных компонентов структуры предложения, то есть сжатие текста в семантическом плане может проявляться в сокращении ряда элементов информационной структуры краткого речевого сообщения.

Рассмотрев содержательную сторону языковых единиц, мы можем перейти далее к анализу еще одного важного аспекта построения СТ – особенностей форсированно сжатых текстов. С формальной точки зрения сжатые тексты можно разделить на нормированно сжатые и форсированно сжатые, т. е. составленные с нарушением каких-либо существующих норм современного литературного языка. Примером первого типа могут быть тезисы научного сообщения, второго – СМС или словарная статья. Соответствие или несоответствие всех элементов СТ принятым нормам литературного языка является основным критерием подразделения всего массива СТ на нормативно сжатые и форсированно сжатые. При этом в нормированно сжатых текстах все компоненты речевого произведения на всех уровнях соответствуют нормам, а в форсированно сжатых может наблюдаться нарушение одной, двух или нескольких существующих норм, например: *продолжите бессоюзные предложения со значением последовательности или одновременности действий между частями и постевьте нужные знаки препинания. 1. Контратака закончилась неудачно … . 2. В конце игры арбитр назначил пенальти … . 3. Забитый гол воодушевил коман-*

ду … . 4. В этом сезоне новый вратарь играет безупречно … . 5. Перерыв пошел футболистам на пользу … [1, с. 187]. Пропуск части предложения в данном случае четко функционально обусловлен – его заполнение является заданием к упражнению.

Наиболее распространенными нарушениями существующих языковых норм, по нашим наблюдениям, являются следующие:

– использование нестандартных графических сокращений;

– эллипсис служебных частей речи;

– нарушение общепринятого порядка слов, пунктуации и других норм построения предложения;

– нейтрализация некоторых грамматических категорий и другие направления.

Наиболее заметной после графических сокращений особенностью форсированно сжатых текстов является функционирование в них эллипсиса, характер которого во многом определяет специфику грамматической организации СТ. Явление эллипсиса, факультативное для ряда разновидностей языка, можно считать обязательным для форсированно сжатых текстов. Одной из форм его проявления можно считать, например, пропуск подлежащего: *Поработай еще (просьба, совет, приказ; безразличие, снисходительность, настойчивость, раздражительность). Пока не ответил (утверждение, возражение, одобрение, вопрос, сомнение; разочарование, осуждение, …)* [1, с. 76].

К форсированно сжатым текстам можно отнести некоторые речевые жанры, которые строятся не из обычных предложений, а из номинативных конструкций, что также нетипично для стандартного текста. Это, например, план, оглавление книги: *Русский язык 9 класс. Учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения* [1]. *Синтаксис. Пунктуация. Прямая и косвенная речь. Диалог* [1, с. 5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее распространёнными способами сжатия текста в учебнике является использование графических сокращений, различных видов аббревиатур, именных конструкций, эллипсиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина Н. Ф. Русский язык, 5–9 класс; учебник для общеобразовательных учебных заведений с украинским языком обучения / Н. Ф. Баландина, К. В. Дегтярёва, С. А. Лебеденко. – К.: Мастер-класс, 2007.
2. Василевский А. П. О компрессии речи на разных уровнях / А. П. Василевский, Ю. М. Эмдина // Уровни языка и их взаимодействие. – М., 1967. – С. 37–38.
3. Глухов Г. В. О когнитивной природе лингвистических компрессий / Г. В. Глухов // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках. – Самара, 2000. – С. 1–24.
4. Калашник Н. Г. Компресія тексту. Алгоритм реферату і анотації. Основи перекладацького реферування // Н. Г. Калашник, Н. О. Гетьман. Теорія та практика перекладу: навч. посібник. – Запоріжжя: ВАТ «Мотор-Січ», 2004. – С. 103–122.
5. Кобков В. П. Способы сжатия текста при переводе научно–технической литературы / В. П. Кобков // Язык научной литературы. – М.: Наука, 1975. – С. 234–244.
6. Косарева О. Г. Аббревиатура как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 85–89.
7. Панченко Е. И. Лингвистика сжатого текста (на материале современного русского языка): дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Е. И. Панченко. – Днепропетровск, 1998. – 370 с.

О. І. Шевчук, Х. С. Янушевська (м. Київ)

ФОНЕТИЧНА АДАПТАЦІЯ ПРИ ДУБЛЮВАННІ У КОНТЕКСТІ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Вивчення іноземних мов та використання їх як засобу для міжкультурного спілкування нині неможливе без глибокого та всебічного знання культури носіїв цих мов,

© Шевчук О. І., Янушевська Х. С., 2013

їхнього менталітету, національного характеру, способу життя, бачення світу, звичаїв, традицій і т. д. Тільки поєднання цих двох видів знання – мови та культури – забезпечує ефективне та плідне спілкування.

Міжкультурна комунікація – це особлива форма комунікації двох або більше представників різних культур, під час якої відбувається обмін інформацією та культурними цінностями [3, с. 95].

Об'єктом цього дослідження є тексти дубльованих американських аудіовізуальних творів українською мовою.

Предметом – робота редактора над фонетичною адаптацією (ліпсингом) українського варіанту дублювання американських телесеріалів.

Оскільки дана проблема в Україні собі не була об'єктом наукової уваги, новизною роботи є спроба вперше створити типову ідеалізовану модель фонетичної адаптації дубляжу українською мовою.

Мета роботи – дослідити явище фонетичної адаптації (ліпсингу) дубляжу американських аудіовізуальних творів і подати фахові настанови для редакторів перекладу аудіовізуальних творів.

Матеріалом дослідження виступають українські, дубльовані студією «LostFilm», аудіовізуальні твори «Декстер» та «Елементарно».

Основним призначенням тексту, що постає спершу в зафіксованій письмово формі, стає його подальше усне відтворення в специфічних умовах кінематографічного дискурсу, що відображає фундаментальне протиріччя між письмовим і усним, спостережуваним і почутим. Перед перекладачем та редактором, що працюють над конкретним аудіовізуальним твором, постає безліч непростих завдань з адаптації матеріалу: це, насамперед, стиль перекладу і укладання в цілому, мовні особливості (ідіоматичні вирази, контекст, який може бути незрозумілим україномовному глядачеві), стилістика та фонетичні особливості мови персонажів (локальний акцент, сленг), технічні особливості запису мови.

Фонетична адаптація полягає в максимальному наближенні звукової форми слова з мови-реципієнта до звукової форми слова мови оригіналу. Звуки і звукові поєднання, не властиві мові-реципієнту, замінюються іншими звуками або звуковими поєднаннями, з метою наблизити звучання слів до норм мови-реципієнта. У кожній мові існує ряд звуків, артикуляційно відповідних звукам іншої мови. Зазвичай підібрати відповідний еквівалент іншомовній фонемі дуже складно, оскільки фонологічні системи різних мов є досить специфічними, і їх звуки практично неможливо поставити у взаємно однозначні відповідності. Наприклад, англійська мова відрізняється короткими фразами. В українському ж перекладі ці ж фрази, як правило, набагато довші.

У дублюванні фонетична адаптація зазвичай називається «ліпсингом». Термін «ліпсинг» походить від англійського слова «lips», що перекладається як «губи», і англійського слова «synch» – «синхронізація», і позначає повну синхронізацію у фільмах звукового ряду з візуальним, відповідність дубляжу артикуляції акторів. На даному етапі у процесі дублювання дуже важливо звернутися до професіоналів-укладальників, оскільки розбіжність звукоряду з візуальним матеріалом справляє негативне враження на реципієнта від усього фільму [2].

Дублювання, дубльований переклад або дубляж (від фр. double «подвійний») – вид перекладу аудіовізуальних творів (фільмів, мультфільмів та серіалів), за якого відбувається повна заміна оригінального мовлення на іншу мову з метою транслювання фільму в країнах, у котрих не користуються мовою, якою говорять персонажі аудіовізуального твору [1].

Процес ліпсингу дубляжу складається з таких етапів:

1. Власне дублювання: аудіовізуальний продукт перекладають замінюючи оригінальні скрипти (текстові розшифровки з репліками героїв) на перекладені, а ряд звукових доріжок з музикою, шумами, звуковими ефектами і мовою героїв адаптують до країни виходу продукту.

2. Редакційна обробка: необхідно перевірити адекватність перекладу всіх складових тексту, відповідність та доцільність вживання тих чи інших лексем.

3. Локалізація під тематику твору, під країну, на мову якої перекладають аудіовізуальний продукт.

4. Кореляція тексту з картинкою: текст обробляють так, щоб фрази збігалися по довжині з оригінальними і відповідали артикуляції акторів.

Проаналізована теоретична база дає можливість створення типової ідеалізованої моделі фонетичної адаптації дубляжу редактором перекладу. Модель має включати такі етапи:

1. Рецептивно-аналітична обробка – перегляд аудіовізуального твору, виявлення несинхронізованого звукового ряду з візуальним або невідповідності дубляжу артикуляції акторів. Наприклад, слід виділити опорні (ударні або довгі за часом) голосні, змикання і закінчення фраз – це ключові моменти, при дотриманні яких буде створюватися відчуття синхронності.

2. Продуктивно-синтетична обробка – виявлення та зіставлення лексем у творі перекладу та оригіналу із залученням тлумачних словників, словників фразеологізмів, синонімічних словників мови оригіналу й перекладу, а також, якщо виникає така потреба, консультації з фахівцями. Наприклад, існує безліч букв, при вимові яких міміка акторів виглядає однаково, наприклад «і» та «и», або «у» і «ю», а англійській «р» можуть відповідати російські «б», «м», «в», «ф» або «п».

3. Репродуктивна обробка обраного перекладачем варіанту відтворення лексеми у текстах другтвору з огляду на мовлення, стилістику, локалізація під тематику твору, під країну, на мову якої перекладають аудіовізуальний продукт.

4. Виправлення виявлених помилок і остаточна редакція тексту відповідно до загальних вимог до аудіовізуальних перекладів.

Проаналізуємо фонетичну адаптацію дубляжу у телевізійному тексті за викладеною моделлю.

У телевізійному серіалі «Елементарно», за версією студії «LostFilm», автори дубляжу часто вживають на позначення англійського слова транскрибований варіант перекладу. Це пояснюється тим, що, за умови дослівного перекладу, слово не буде фонетично адаптованим до міміки актора та довжини його репліки. Наприклад: «drugdiller» – «драгдилер», а не «торговець наркотиками». Такий варіант перекладу є фонетично адаптованим з погляду ліпсингу дубляжу, але викликає у глядачів певний дисонанс, адже значення іншомовного слова розуміють не всі. Більш вдалим є варіант – «наркоторговець», який буде зрозумілим всім глядачам, зокрема тим, які не володіють іноземною мовою, а дубляж та артикуляція актора будуть відповідати звуковому та візуальному ряду оригіналу.

Іншим прикладом є вдале або не вдале вживання перекладу, адаптованого до аспектів культури народу, на мову якого перекладають. У серіалі «Декстер» творча група студії дубляжу «LostFilm» переклала лексему «fuck» не як «чорт візьми (побери, забирай)», а адаптуючи її до тематики фільму (локалізація) – «Франкенштейна мені під пахви!». Такий прийом дає змогу колоритно та повноцінно передати емоційне забарвлення фрази, але не відповідає довжині репліки актора в кадрі.

Таким чином, для створення якісного дубльованого аудіовізуального продукту редактору перекладу потрібно проаналізувати перекладний твір на рецептивно-аналітичному рівні, подати фахові поради на рецептивно-синтетичному рівні та разом із перекладачем створити продукт, відповідний за лексичним наповненням, стилістичною характеристикою та довжиною реплік текстові оригіналу. Лише за дотримання таких умов текст оригінального твору буде сприйняти реципієнтом другтвору максимально адекватно та зі збереженням потрібного змістового навантаження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дубляж [Електронний ресурс] // Вікіпедія. Вільна енциклопедія. – Режим доступу: http://uk.wikipedia.org/wiki/Дубляж

2. Липсинг [Електронний ресурс] // Energy Project Management Group. – Режим доступу: http://www.epmg.kz/ru/translations/lipsing.html
3. Садохін А. П. Введення в теорію міжкультурної комунікації / А. П. Садохін. – М.: Высш. шк., 2005.

К. А. Шелкова (м. Дніпропетровськ)

ОСОБЛИВОСТІ ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ ЯК СКЛАДНИКА СОЦІУМУ

Мовленнєвий процес – це один із основних показників людської мисленнєвої та соціальної діяльності. Немає сфери людського життя, яку не можна було б розглянути крізь призму спілкування.

Наразі цей процес досліджують як складний соціальний феномен, що потребує комплексного та міжрівневого вивчення. Це уможливило нове поняття, ширше за текст чи мовлення, тобто таке як дискурс. Воно охоплює і текст, і середовище, у якому цей текст виголошено та який сприйняв соціум.

Сучасний український мовознавець А. Кондрико витлумачує дискурс як «життя тексту в свідомості, як накладання інформації, яку реципієнт отримує з цього тексту, і знання про обставини, вплив його породження на ментально-чуттєве інформаційне поле індивідуального «Я» [3, с. 154].

Ф. Бацевич визначає це поняття як «синтез когнітивних, мовних і позамовних чинників, які визначаються конкретними формами життя залежно від тематики спілкування» [1, с. 43].

Наразі теорія дискурсу як лінгвістичного поняття вже вибудувана. Отже, дискурс – це складне міжрівневе поняття, що охоплює процес передання інформації від мовця до реципієнта, а також процес творення та сприйняття цієї інформації, що зумовлені різними чинниками, зокрема, соціально-культурними традиціями, досвідом, освітою, економічним становищем тощо.

Тепер на часі вивчення особливостей дискурсів, що охоплюють вивчення конкретних сфер. Сучасні лінгвістичні дослідження спрямовані на вивчення нових різновидів цього поняття, що перебувають у процесі становлення. Дослідники класифікують дискурс за різними ознаками та вивчають специфіку функціонування кожного з них. Т. Єщенко залежно від виду інформації, носієм якої є дискурс, виокремлює такі його види: об’єктивний і суб’єктивний, правди, істини і брехні, духовний, сакральний, релігійний, філософський, метафізичний, християнський, православний, міфологічний, міфічний, апокаліптичний, символічний. За соціальними, віковими і статевими характеристиками учасників комунікації дослідниця виділяє дитячий, молодіжний, феміністичний, політичний, радянський та радикальний типи дискурсів [2, с. 44].

Особливий науковий інтерес, на нашу думку, становить політичний дискурс. Цей інтерес зумовлений передусім посиленням ролі політики та політиків у світі, а також активною діяльністю політиків у засобах масової інформації.

Мовлення політиків не є тією системою, яка використовувала б якісь особливі мовні знаки та конструкції. Зокрема, А. Шевченко відзначає, що «відмінність політичної мови від буденної полягає не у використанні якихось особливих формальних засобів, а в такому співвіднесенні між знаком (словом) і значенням, за якого звичні одиниці мови набувають незвичної інтерпретації» [7, с. 20].

Така особливість політичного мовлення зумовлена тим, що основна функція промов політиків – переконати електорат та поширити політичну ідеологію серед населення. Те, як реципієнт сприйматиме текст, залежить як від мовних та ідеологічних засобів, так і від соціальних, історичних та політичних умов, що склалися в державі.

П. Паршин підкреслює: «Будь-який текст упливає на свідомість адресата на семіотичному рівні. Але для політичного тексту мовленнєвий вплив є основною метою комунікації, на досягнення якої зорієнтований вибір мовних засобів» [5, с. 403].

© Шелкова К. А., 2013

Тому важливою особливістю політичного дискурсу є те, що політики вживають лексичні, фразеологічні, морфологічні, синтаксичні та стилістичні засоби впливу та переконання, спрямовуючи їх на слухача.

Політична промова завжди має на меті передати реципієнту нову картину світу, створити нове уявлення аудиторії про хід подій, процеси, ключових особистостей.

Г. Почепцов визначає ще одну особливість політичного дискурсу – його «спрямованість на майбутній контекст» [6, с. 22]. На думку дослідника, такі контексти вигідні, оскільки «їх важко заперечити й неможливо на цей час перевірити» [6, с. 52].

Спрямування на майбутнє промов політиків також можна пояснювати перспективним мисленням політиків. Розробляючи плани, формуючи стратегію розвитку, політичні діячі передають цю інформацію електорату, у такий спосіб звіряючи з ним свої дії. Реакція, яку отримує публічна особа від соціуму через посередництво ЗМІ, громадські організації, соціальні процеси, і є відповіддю на діяльність публічної особи.

Ще однією особливістю політичного дискурсу є те, що на нього впливають обмеження, зумовлені територіальною специфікою – економічними, культурними, соціальними чинниками певного міста, регіону чи країни. Лексичні, фразеологічні, стилістичні конструкції, що використовує політик, чітко співвідносяться з економічними та соціокультурними показниками конкретної місцевості. Якщо говорити про політичний дискурс регіону з високими промисловими показниками та високим рівнем розвитку цієї галузі, то в мовленні політиків буде переважною специфічна промислова лексика, відповідні фразеологічні одиниці, стилістичні конструкції, якщо про регіон з аграрним спрямуванням – то сільськогосподарська лексика та ін.

Ці особливості політичного дискурсу ще недостатньо досліджені, проте активна публічна діяльність політиків, широке поширення політичних процесів у соціумі зумовлюють високий інтерес до вивчення цього питання. У центрі уваги наукової громадськості постають питання, пов'язані передусім із вивченням феномену політичного дискурсу, його функціонуванням у мовній та соціальній системі, дослідженням публічних виступів політиків у психологічному, соціокультурному та мовному аспектах.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К.: Академія, 2004. – 344 с.
2. Єщенко Т. А. Лінгвістичний аналіз тексту: навч. посібник / Т. А. Єщенко. – К.: Академія, 2009. – 264 с.
3. Кондрико А. А. Сучасні концепції поняттєвої інтерпретації «дискурсу» в соціальній комунікації / А. А. Кондрико // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – № 4. Ч. 1. – С. 152–156.
4. Онуфрів С. Т. Політичний дискурс ЗМІ України у світовому інформаційному просторі : дис. … канд. філол. наук : 10.01.08 / С. Т. Онуфрів. – Л., 2005. – 193 с.
5. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин // Scripta lingisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики: сб. ст. – М. : Азбуковник, 2001. – С. 181−208.
6. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації / Г. Г. Почепцов. – К. : Вид. центр КНУ, 1999. – 278 с.
7. Шевченко А. Ю. Дискурс-анализ политических медиа-текстов / А. Ю. Шевченко // Полис. – 2002. – № 6. – С. 18–23.

Ю. А. Шепель (г. Днепропетровск)

СЕМАНТИКА СЛОВА С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВИСТИКИ

Феномен значения интерпретируется, как известно, в трех аспектах: ЛЗ, СЗ и коннотативное значение. При этом ЛЗ рассматривается, с одной стороны, как понятие структурной лингвистики, а с другой, – как феномен когнитивной лингвистики. Так, структурная лингвистика опирается на теорию компонентного анализа, избирая в качестве наименьшей, далее неразложимой единицы семантический признак. Кон-

© Шепель Ю. А., 2013

цепция значения в когнитивной лингвистике базируется на признании существования двух видов знания: семантического, языкового энциклопедического, неязыкового.

Г. В. Колпакова [1] предлагает рассматривать значение, с одной стороны, как структурированную сущность, состоящую из семантических признаков, с другой – интерпретировать значение как целостность семантического, языкового и энциклопедического, внеязыкового значения. Несмотря на признание холистической (целостной) концепции значения многими представителями когнитивной лингвистики, вопрос разграничения семантического и энциклопедического знания остается дискуссионным, а трактовка семантической структуры многозначного слова как структуры значения, в которой все значения производны от одного основного значения, представляется спорной, поскольку в этом случае исчезает семантическая производность значений, нарушаются семантические связи (метафорические, метономические) между отдельными ЛСВ, утрачивает смысл этимологический анализ семантики слов.

Г. В. Колпакова убедительно обосновала необходимость объединения двух подходов к анализу значения: с позиции структурной семантики и как целостности семантического и энциклопедического знания – с позиции когнитивной лингвистики.

Нельзя не согласиться со справедливыми замечаниями Г. В. Колпаковой, утверждающей следующее: «В трактовке значения отражается генеральная линия исследования, лингвистическая концепция, определяющая подход ученого к исследуемому материалу. Сегодня теорию значения правомерно рассматривать как своего рода методологию, определяющую отнесение языковой работы к структурной или когнитивной лингвистике» [1, с. 5].

За ономасиологией остается план референции языковых знаков, т. е. она рассматривает проблемы отражения внелингвистических объектов в сознании индивида и соотношения понятия как единицы сознания с интралингвистической сущностью-значением.

В частности, ономасиологический подход к анализу словообразовательной деривации «позволяет расширить рамки дескриптивного описания словообразовательной системы, связать словообразовательные явления с номинативной, познавательно-классифицирующей и коммуникативной деятельностью человека» [1, с. 134]. Активный интерес исследователей к ономасиологическим процессам в последние годы обусловливается расширением спектра проблем, составляющих предмет изучения современной когнитологии и семантических теорий.

Ономасиологические процессы интерпретируются в трех аспектах: гносеологический, когнитивный – с позиции познающего мир субъекта – и лингвистический.

Подвергая критике ряд положений теории семантических признаков, ученые все же вынуждены признать отсутствие в современной лингвистике метода идентификации семантических признаков, осуществляемой независимо от языковых знаков. Отсутствует метод, позволяющий ограничить число сем по сравнению с количеством лексем исследуемого языка. Главное возражение, выдвигаемое К.-П. Конердингом против теории семантических признаков, сводится к тому, что скорость, с которой происходит референционная категоризация, опровергает утверждение о наличии семантически релевантных списков признаков [5; 6] . По-видимому, протопические свойства должны интегрироваться в целостное значение, в психологическом отношении менее сложное, чем сумма их составляющих. Подобные значения перерабатываются как единая когнитивная единица. Аналогичного мнения придерживаются Г. Фанзелов и П. Штаудахер [9]. Они указывают, что концепты не могут быть описаны на основе совокупности признаков, так как выбор сем обусловливается не социальными конвенциями, а свойствами процесса познания человека. Следовательно, «семы не заданы объективно изначально, а создаются в зависимости от специфики языка) [9, с. 50]. А. Бланк указывает на двойственный характер семантических признаков. Семы абстрагируются как аспекты знания из энциклопедического знания (отождествляемого в когнитивной лингвистике со значением), однако, они не отличаются от других аспектов знания. С другой стороны, семы являются различитель-

ными в рамках отдельного языка. Двойной статус сем свидетельствует о противоречии между семантическими и энциклопедическими моделями значения.

Х. Дюпуи-Энгельхардт [4] считает спорным статус сем. По его мнению, лингвистике необходимо ответить на вопрос о том, является ли сема дескриптором, межъязыковым конструктором для обозначения так называемой «различительной черты» или она относится к когнитивным единицам. Нет ответа и на вопрос о том, описываются ли посредством сем внутриязыковые или, точнее, внеязыковые факты.

Лишь отдельные исследователи, например, Д. Буссе [4], М. Бирвим (см.: [1]), заявляют о своей приверженности семантике признаков. Д. Буссе считает компонентный анализ семы разработанным в техническом отношении методом исследования. Э. Лайс (см.: [1]) описывает архилексемы как величины, состоящие из пучков семантических признаков, и называет их «копиями без грамматики».

В своей семантической теории М. Шварц [7; 8] значительное место отводит описанию ментального уровня значений слов, репрезентирующего субсистему познания, а также определению отношений значений и внеязыковых референтов при семантической интерпретации.

Значения в семантике имеет статус ментальных единиц, хранимых в лексиконе, активизируемых в процессе переработки языковой информации. В теории М. Шварца четко сформулировано отличие одноуровневой теории от многоуровневой семантической теории, способствующее размежеванию этих 2-х лингвистических направлений к семантике.

Если одноуровневая теория не предусматривает разделения знания о мире и языкового знания при репрезентации значений в ментальном лексиконе, то многоуровневая теория постулирует различие между семантическими и концептуальными репрезентациями. Определяющим для холистического направления в когнитивной лингвистике является невозможность разграничения языка и познания в целом, семантики и знания о мире. Язык при таком рассмотрении представляет собой, по мнению М. Шварц, не автономную систему внутри процесса познания, а открытую функциональную систему знания, составляющие которой соотносят разные типы информации из различных областей опыта.

Наличие двух уровней в семантических теориях находит выражение

(1) в разграничении значений, обусловленных языковой системой, и концептов, представленных системой знания о мире,

(2) двухуровневость выражается в различии значений, хранимых в лексиконе, и значений выражений, актуализированных в контексте.

Следствием двухуровневости в семантических теориях есть разграничение ЛЗ и ситуативно обусловленных референционных значений.

Семантические репрезентации регулируются языковыми принципами, концептуальные – внеязыковыми, всеобщими принципами концептуальной системы. Анализ концептуальных репрезентаций предполагает учет знания о мире и знание соответствующего контекста. В когнитивной лингвистике иную трактовку получает также проблема полисемии. В ее основе лежат концептуальные сдвиги, сопровождаемые дифференциацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колпакова Г. В. Семантика языковой единицы / Г. В. Колпакова. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 216 с.
2. Blank A. Kognitive Linguistik und Bedeutungswandel / Interdisziplinaritdt und Methodenpluralismus in der Semantikforschung : Sprache – System und Totigkeit. Bd.29 / A. Blank. – Frankfurt an Main : Peter Lang. Europischer Verlag der Wissenschaften, 1999. – S. 125–147.
3. Busse D. Semantisches Wissen und sprachliche Information : Zur Abgrenzung und Typologie von Faktoren des Sprachverstehens / Methodologische Aspekte der Semantikforschung: Sprache – System und Tдtigkeit. Bd. 22. / D. Bucce. – Frankfurt an Main : Peter Lang. Europlischer Verlag der Wissenschaften, 1997. – S. 13–4.

4. Dupuy-Engelhardt H. Lexikalische Dekomposition I: Strukturalistische Ansдtze / Lexikologie. Lexikology: Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wцrtern und Wortschдtzen. 1.Halbband/ volume 1/ H. Dupuy-Engelhardt. – Berlin – New Jork : Walter de Gruyter, 2002. – S. 245–256.
5. Konerding, K. Frames und lexikalisches Bedeutungswissen. Untersuchungen zur linguistischen Grundlegung einer Frametheorie und zu ihrer Anwendung in der Lexikographie Text. / K. Konerding. – Tubingen : Niemeyer, 1993. – 492 S.
6. Konerding K.-P. Grundlagen einer linguistischen Schematheory und ihr Einsatz in der Semantik // K.-P. Konerding / Methodologische Aspekte der Semantikforschung. I. Pohl (Hrsg). Sprache – System und Tдtigkeit. Frankfurt a.M.: Peter Lang. Europдischer Verlag der Wissenschaften, 1997. Bd. 22. – S. 57–84.
7. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realitat: representationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz / M.Schwarz . – Turingen: Niemeyer, 1992, Linguistische Arbeiten, 1.
8. Schwarz M. Konzeptuelle Ansдtze II: Einebenen – Ansatz vs. Mehrebenen – Ansatz // M.Schwarz / Lexikologie. Lexikology. Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wurtern und Wortschдtzen (hrsg/edited by D.Alan Cruse, Fr.Hundsnurscher, M.Job, P.R.Lutzeier) / M. Schwarz. – Berlin – New Jork: Walter de Gruyter, 2002. 1. Halbband/ Volume 1. – S. 277–284.
9. Fanselow G. / Staudacher P. Wortsemantik / Semantik. Semantics: Ein internationales Handbuch der zeitgenцssischen Forschung. An International Handbook of Contemporary Research // G. Fanselow / P. Staudacher. – Berlin, New Jork: Walter de Gruyter, 1991. – S. 53–70.

І. М. Шпітько (м. Дніпропетровськ)

СУЧАСНИЙ СЛОВАЦЬКИЙ МОЛОДІЖНИЙ СЛЕНГ

Лексичний склад сучасних мов активно поповнюється зокрема й завдяки словам, які вживаються певними соціальними та професійними групами людей, тобто сленговими утвореннями. Тому в останні десятиріччя проблематика сленгу є предметом наукових досліджень.

У слов'янському мовознавстві соціально маркована лексика певної суспільної групи тлумачиться по-різному. Так, «у російському мовознавстві надається перевага терміну жаргон (професійний жаргон, соціальний жаргон, жаргонно-розмовне мовлення); у польському – виділяється загальний жаргон (ogólny), який протиставляється спеціалізованим жаргонам; у чеському – сленгові професіоналізми, а також субстандарти в загальному використанні (subštandatde v bežnom úze)» [4, с. 21]. На думку Я. Босака, «ці терміни з неоднаковим змістовим наповненням і комунікативним діапазоном є результатом того, що дослідженню нелітературних засобів приділялася незначна увага, у центрі вивчення були літературність, стандартизація, нормалізація і проблеми кодифікації, субстандартні явища визначалися як негативні, як «опозиція» літературній, офіційній мові» [4, с. 21]. Проте в останні десятиліття минулого століття особливо актуальними стали соціолінгвістичні студії, об'єктом вивчення яких є соціальна диференціація мови. У словацькому мовознавстві, за твердженням З. Седлачкової, проблемою сленгу лінгвісти займаються із 40-х рр. XX століття [6, с. 12]. Цю групу лексики вивчали Я. Горецький, Я. Босак, П. Ондрус, Б. Гохел, Ю. Долник, Д. Сланчова, М. Соколова (див. [5; 6]). Результатом наукових досліджень сленгізмів став виданий у Словаччині в 1993 р. Б. Гохелом Slovník slovenského slangu.

Увагу слов'янських дослідників привертає в першу чергу молодіжний сленг, адже молодь гостріше, ніж інші соціально-демографічні групи, реагує на історичні зміни, швидше сприймає вимоги часу. У свідомості молоді дзеркально відображається нова соціальна парадигма функціонування мови. Молодь активніше відкидає те, що віджило або відживає, активніше шукає нове. Природно, що все це відбивається у молодіжному мовленні. Тож завдання нашого дослідження – проаналізувати молодіжний сленг сучасної словацької мови.

Молодіжний сленг має виразну тенденцію до експресивності, емоційності, ексклюзивності, тому молодь, прагнучи вирізнитися не лише як окрема суспільна група, але і як особистість, урізноманітнює своє мовлення власними новотворами. Молоді-

© Шпітько І. М., 2013

жний сленг стосується різних сторін життя молоді – моди, музики, комп'ютерних технологій, інтернет-комунікацій, дозвілля тощо.

Переважна більшість молодіжних сленгізмів, виявлених у мовленні словацької молоді, стосується комп'ютерної галузі. Так, словацька молодь уживає такі загальнослов'янські сленгові одиниці, що мають відповідники й в українській і російській мовах: слц. *komp* – укр. *комп* (комп'ютер), слц. *noťas* – укр. *ноут* (ноутбук), слц. *googliť* – укр. *гуглити* (використовувати програму google). Однак у їхньому мовленні зафіксовані номінації на зразок *skypovať* (комунікувати за допомогою комп'ютерної програми Skype)*, fejsbúkovať* (бути, спілкуватися в мережі Facebook)*,* яких не помічено в мовленні української та російської молоді.

За спостереженнями З. Седлачкової, новим трендом у процесі взаємної комунікації молодих людей Словаччини виступає комплекс абревіатур та акронімів переважно англо-американського походження: napr., *AFK* (з англ. *away from keyboard*) – *užívateľ nie je pri počítači / klávesnici* «користувач не знаходиться біля комп'ютера / клавіатури», *som s5 – som späť (pri počítači)* «я повернувся назад, я біля комп'ютера», *o5 – opäť «знову»*, де 5, тобто «päť», у поєднанні з різними початковими звуками утворює лексеми з відмінним значенням; *w8* (z angl. *wait*) – *počkať, čakať* «почекати, чекати». Подібні інноваційні одиниці характерні для Інтернет-комунікації. У розмовному спілкуванні функціонують акроніми на зразок *NJN – no samozrejme, no jasne, JJ* (з англ. *YES*) – *áno, áno* «так, так», *OMG* (з англ. *Oh my god!*) – *Ó bože!, BTW* (з англ. *by the way*) – *mimochodom* «між іншим», «до речі», *ROFL* (з англ*. rooling on the floor laughing*) – *váľať sa po zemi od smiechu* «валятися долі від сміху», *LOL* (з англ. *laugh out loud*) – *veľmi (hlasno) sa smiať* «дуже голосно сміятися», *BRB* (з англ. *be right back*) – *hneď sa vrátim* «скоро повернуся», GL (з англ. *Good luck!) – Veľa šťastia!* «Удачі!» [Sedláčková, c. 19].

Отже, у молодіжному середовищі словаків активно використовуються сленгові новотвори, що відображають різні сторони їхнього життя. Переважну частину сленгових номінацій формують новотвори з комп'ютерної галузі, з-поміж яких специфічну групу становлять абревіатури та акроніми англо-американського походження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Єрмоленко С. Я. Вивчення жаргонів / С. Я. Єрмоленко // Українська мова та література. – 2004. – № 38. – С. 11–13.
2. Мартос С. А. Молодіжний сленг: міф чи реальність? / С. А. Мартос // Культура слова. – Вип. 62. – К., 2003. – С. 39–44.
3. Ставицька Л. Арго, жаргон, сленг. Соціяльна диференціяція української мови / Л. Ставицька. – К.: Критика, 2005 – 464 с.
4. Bosák J. Dynamika subštandartov / J. Bosák // Studia Academica Slovaca. 34. Ed.: J. Mlacek. – Bratislava: Stimul, 2005. – S. 21–28.
5. Orgaňová O. Lexikológia slovenčiny / O. Orgaňová, A. Bohunická. – Praha: Columbus, 2012. – 282 s.
6. Sedláčková Z. Lingvokultúrne východiská k interpretácii súčasného slangu slovenskej mládeže. / Z. Sedláčková // Slovenská reč, 2012, 77. – Č. 1–2. – S. 12–30.
7. Slančová D. Variety hovorovej podoby slovenčiny / D. Slančová, M. Sokolová // Studia Academica Slovaca. 23. Ed.: J. Mlacek. – Bratislava: Stimul, 1994. – S. 225–240.

Л. Г. Шпортько (г. Киев)

ПРОДУКТИВНОСТЬ АФФИКСОВ В СФЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

В процессе пополнения словарного состава языка главное место принадлежит словообразованию. Язык располагает набором словообразовательных способов и средств. Выделение, изучение, активное овладение наиболее продуктивными из них, релевантными для определенных терминосистем, важно как в теоретическом, так и в практическом плане. Исследование доминирующих способов, средств словообразо-

© Шпортько Л. Г., 2013

вания отдельных подъязыков научной речи особенно важно, так как новые термины зарождаются именно в них. Важным условием для появления нового слова является наличие продуктивной словообразовательной модели. Каждой терминосистеме присущ набор определенных словообразовательных моделей, разнообразных по степени продуктивности и активности. Различаются более продуктивные и менее продуктивные словообразовательные модели. Наиболее продуктивные и активные модели представляют теоретико-практический интерес.

Продуктивной признается модель, которая участвует в образовании новых слов, т. е. служит образцом для построения новых лексических единиц в языке той или иной эпохи. Решению проблемы продуктивности в славянском языкознании много внимания уделял М. Докулил. Понятие продуктивности можно, по его мнению, применить как к словообразовательной модели, так и к составной части словообразовательной структуры слова, т. е. можно изучать продуктивность аффиксов. Главным критерием продуктивности морфемы он признает участие ее в создании новообразований в процессе конкуренции с другими словообразовательными морфемами.

Активный процесс новообразований наблюдается в научно-технической сфере общения, объясняемый потребностью в назывании новых явлений, что связано с совершенствованием технологии производства, появлением нового оборудования. Внутри лексико-семантической системы научного стиля существуют два взаимоисключающих и дополняющих друг друга элемента, а именно: элемент статический – это имена и динамический – глаголы, взаимопроникновение этих элементов реализуется в отглагольных существительных. Продуктивность и все возрастающая распространенность употребления отглагольных имен существительных в языке научно-технического профиля явились основанием для избрания их в качестве объекта исследования.

Для характеристики отглагольных производных в сфере функционирования проводилась сплошная выборка из текстов учебной научно-технической литературы, в результате которой была установлена значительная продуктивность формантов – ни (j), к (а), оформляющих дериватемы со значением процесса, действия состояния. Данные форманты, находящиеся в синонимических отношениях, представляют интерес для детального рассмотрения.

Словообразовательная модель Vp (основа глагола) + -ни(j) пополняющая категорию существительных среднего рода со значением процессуального признака, занимает наибольший удельный вес по частоте словоупотреблений. Среди 606 лексем 125 образованы по этой модели. Рассматриваемая модель характеризуется варьированием суффикса. В результате анализа выделилось два ее варианта: с суффиксом -ени(j) и с суффиксом -ани(j). Мотивирующие глагольные основы данной модели отличаются богатством значений, что и делает семантически разнообразной лексическую группу, в которую входят производные с рассматриваемым суффиксом. Эта модель, наряду с основным значением (процессуальным), обладает вторичным значением: значением орудия, средства осуществления действия (*крепление*, *зажигание*), единичного предмета или совокупности чего-либо как объекта или результата действия (*изображение*, *покрытие*) производителя действия – единичный предмет или их совокупность (*управление*, *явление*).

В текстах научно-технической литературы модель Vp + -к(а) в незначительной степени уступает модели Vp + -ни(j). Фактический материал дает 75 дериватов с суффиксом -к(а). Употребительность данной модели зависит от предметно-тематического содержания текста. Например, в текстах по машиностроению преобладают образования с суффиксом -к(а), но для научно-технической сферы общения в целом, имена с суффиксом -ни(j) – оказываются предпочтительнее имен с суффиксом -к(а). Данная модель, как и ранее рассматриваемая, наряду с основным значением (действие, состояние), имеет вторичные конкретные значения: орудия (*мойка*, *трамбовка*), материала (*смазка*), объекта или результата действия (*отливка, заточка, заготовка*).

Следует отметить то, что рассматриваемые модели очень богаты и разнообразны. Однако частотность лексем, образованных по данным моделям, различна. Одни лексемы обладают высокой частотой употребления: *движение* – 117, *управление* – 120, *решение* – 178, *ускорение* – 195, *сопротивление* – 429, *уравнение* – 303, *заготовка* – 66, *регулировка* – 96, *отработка* – 346, *обмотка* – 400, *нагрузка* – 480. Вместе с тем, что группа производных обладает низкой частотностью: *нивелировка* – 2, *отделка* – 3, *ковка* – 4, *выплавка* – 5, *обшивка* – 3, *закрепление* – 7, *обоснование* – 10, *формирование* – 11, *нарушение* – 6, *хранение* 20 и др.

Если средняя частотность словообразовательной модели на -ни(j) составила 5.745 словоупотреблений, а модели на -к(а) – 2.565 словоупотреблений, то индивидуальная частотность, входящих в ее состав лексем, совершенно иная. Именно это обстоятельство дает материал для целенаправленной работы по семантизации слов в учебных целях. Высокочастотные модели не представляют трудности при семантизации по сравнению с низкочастотными, которые требуют особого внимания при обучении русскому языку как неродному.

Т. Е. Щеглова (г. Днепропетровск)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПОДОБИЯ В СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ – КОМПОНЕНТАХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Сложные имена прилагательные составляют многочисленный класс слов в русском языке и занимают особое место в системе терминов. В любом научном тексте им отводится особая роль, так как акцентуация тех или иных фрагментов знания, по замечанию ученых, стимулирует употребление лексических и морфологических единиц с соответствующим значением – прилагательных и наречий.

Как известно, сложные слова создаются по определенным, установившимся в данном языке словообразовательным способам, которые не остаются неизменными – они развиваются и совершенствуются вместе с развитием языка в целом. Расширение круга словообразовательных средств является одной из важнейших причин пополнения и обогащения словарного состава языка. Так, одной из наиболее значимой для словообразования категорий является категория подобия. Анализу данной категории в лингвистике посвящен ряд работ (см., например: С. Ю. Адливанкин, И. И. Кобыш, И. Г. Милославский, А. В. Петров, О. А. Лапшина и др.), но комплексное изучение категории подобия в словообразовании до сих пор не проводилось, что и обусловило актуальность данного исследования.

Целью данной работы является рассмотрение словообразовательной семантики подобия сложных прилагательных. Исследование проводилось на базе терминологических словосочетаний подъязыка строительства.

Отметим, что сложные прилагательные со вторым компонентом -*видный* и -*бразный* имеют прозрачную внутреннюю форму. Производные с такими компонентами в словаре чаще всего не разграничены, но, несомненно, что это различие имеет место. Так С. Ю. Адливанкин провел анализ «интуитивного толкования» данных образований в словаре Д. Н. Ушакова, где указал, что прилагательные с компонентом -*видный* наиболее часто трактуются на основе семантического компонента «похожий по виду». Компонент -*образный*, в свою очередь, трактуется как «близкий по форме» [1, с. 92]. О. Денисенко считает, что слова с данными компонентами, несмотря на свою семантическую близость, представляют собой различные словообразовательные типы [3, с. 271].

Исследование подъязыка строительства показало, что в семантике сложного прилагательного с компонентом -*образный* заложено значение сопоставления, пер-

© Щеглова Т. Е., 2013

вый компонент прилагательного указывает на предмет, с которым производится сравнение по виду, объему, форме, какому-либо основному признаку, присущему предмету. Были выделены следующие семантические классы первых компонентов:

– сопоставление по общему внешнему виду, форме: *вилко-, долото-, дуго-, звездо-, колоколо-, кольце-, куполо-, ложко, пило-, шаро-* и др. *(вилообразная стойка, дугообразная трещина, долотообразный конец, лучеобразные трещины, шарообразный комок цемента)*;

– сопоставление по сходству с растениями и плодами: *листо-, чечевице- (грибообразное основание, листообразный орнамент, чечевицеобразная залежь)*;

– сопоставление по признаку прозрачности, перемещения, движения жидких и газообразных и твердых тел: *газо-, гелио-, круго-, скачко-, толчко- (гелиообразное состояние, кругообразное движение)*;

– сопоставление по консистенции или какому-либо другому признаку: *мазе-, порошко-, тесто- (крошкообразный торф, порошкообразная известь)*;

– сопоставление по сходству с птицами, животными в целом или частью их тела: *когте-, рого-, улитко- (когтеобразный орнамент, рогообразный громоотвод, улиткообразное сверло)*.

Результаты нашего исследования показывают, что наряду со словесными словообразовательными средствами существуют и символьные, отличительной чертой которых является их «полная условность, искусственная принятость и сознательная закрепленность» [2, с. 80]. В исследуемом нами материале символьные словообразовательные средства представлены буквенными обозначениями латинского алфавита и кириллицы, которые в составе сложного прилагательного указывают на форму, внешний вид предмета (*Г-образный столб, лопата с D-образной ручкой, Z-образная шпунтовая свая, ферма с двойной N-образной решеткой, П-образный пилон).*

Широкоупотребительны сложные прилагательные с опорным компонентом *-видный* и первой основой существительного со значением «подобный тому, что названо первым компонентом» *(грушевидная зона сжатия грунта под фундаментом, клиновидный камень, каплевидная оболочка, килевидная арка, мраморовидный известняк, ромбовидное стекло, сердцевидный шабер* и др). Подчеркнем, что сложные прилагательные с компонентом *-видный* могут быть распределены почти по тем же семантическим группам, что и с компонентом *-образный*, а именно:

– сопоставление по общему внешнему виду, форме: *гребне-, игло-, капле-, клино-, ковше-, кресто-, сото-, трапеции-, чаше-, щеле-, элипсо-, яйце- (гребневидная сталь, игловидные кристаллы, клиновидная шайба, каплевидная оболочка)*;

– сопоставление по сходству с растениями, плодами: *грибо-, груше-, древо-, лесо- (грибовидный фундамент, грушевидный барабан для перемешивания, древовидная схема, лесовидный сугленок)*;

– сопоставление по консистенции, цветовому или какому-либо другому признаку: *инее-, пыле-, хлопье- (инеевидное стекло (матовое), пылевидный материал/ заполнитель/ торф, хлопьевидный осадок)*;

– сопоставление с твердыми телами, минералами по одному из признаков, свойственных этим предметам: *камне-, мраморо-, стекло- (камневидная масса, мраморовидный известняк, стекловидный песок)*;

– сопоставление по сходству с птицами, животными в целом или частью их тела: *сердце-, рыбо- (сердцевидный шабер, рыбовидная ферма).*

Отметим также, что некоторая часть этих прилагательных имеет синонимические параллели: *опалубка плит грибовидной формы – грибообразное основание, игловидные кристаллы – иглообразный излом, клиновидный камень – клинообразный камень, крестовидный теплообменник – крестообразный столб, седловидная опора – седлообразная форма, серповидная стропильная ферма – серпообразный профиль, сотовидный картон – сотообразная структура, чашевидное коробление – чашеобразная осадка, шаровидная баба – шарообразный тройник.* Большая часть сложных прилагательных с компонентом *-видный* и *-образный* не имеют синоними-

ческих пар, отсутствие соответствий объясняется прежде всего употреблением этих адъективов в специально-терминологическом значении и спецификой терминологии строительства.

Широкое использование компонентов *-видный* и *-образный* обусловлено, на наш взгляд, их словообразовательными возможностями, которые практически структурно не ограничены – путем присоединения данных компонентов к основе существительного или символьному компоненту легко создаются новые наименования не только в подъязыке строительства, но и во многих других отраслевых терминологиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адливанкин С.Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке/ С. Ю. Адливанкин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании / В. П. Даниленко // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 76–85.
3. Денисенко О. Словообразовательная структура сложных имен прилагательных русской анатомической терминологии / О. Денисенко // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 272–276.
4. Щеглова Т. Е. Терминологические словосочетания со сложным адъективом: Структурно-семантический и когнитивный аспекты (на материале подъязыка строительства): дис. … канд. филол. наук: 10.02.02 / Щеглова Татьяна Евгеньевна. – Д., 2008. – 257 с.

Л. В. Эглит, Ю. В. Манина (г. Алматы, Казахстан)

О КРЕАТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СЛЕНГА

На современном этапе языкового развития на фоне общей демократизации русского литературного языка отмечается рост окказионального словотворчества, обусловленный рядом факторов и, прежде всего, тенденцией современного общества к лингвокреативности. Значительно раньше эта тенденция проявилась в социолектах, в частности, в сленге, что позволило ещё в прошлом веке Е. Д. Поливанову назвать арготическое словообразование коллективным, широко разнообразным по приемам своим языковым творчеством.

Итак, свои лингвокреативные способности молодёжь реализует в сленготворчестве, и креативность эта многоаспектна.

В сленге репрезентируются уже существующие в языке средства, но параллельно происходит их творческое переосмысление, трансформация привычных форм. Образование ряда сленгизмов идёт путём сознательного комбинирования известных русских и заимствованных морфем по имеющимся образцам (***безбабье, бациллярий, бабовщина, чатлане, антизнобин*** – ‘спиртное’, ***антипап(н)ик*** – ‘презерватив’, ***жабёныш*** – ‘гадёныш’). Другие же сленгизмы образуются по малопродуктивной словообразовательной модели, или той, которой нет в живом языковом сознании. При их образовании в экспрессивно-выразительных целях нарушаются законы словообразования и грамматики, и в результате языковой игры возникают окказиональные единицы: ***Кто девушку ужинает, тот её и танцует***; ***безвумен*** – ‘холостяк’, ***безандестэнд*** – ‘о тупом, недогадливом человеке’, причём в ряде случаев языковая игра строится на омонимии с узуальным словом, на игре с аффиксальными морфемами. Так, этикетные вопросы, адресованные знакомой женщине: Как живёшь? Как сын? Как муж? принимают в сленге такую шутливую форму: *Как **сама**? Как **самёнок**? Как **самец**?*

Контаминированные образования как креативные экспрессивные окказиональные единицы различной лексико-грамматической принадлежности являются неотъемлемой чертой социально детерминированных форм речи: ***послица*** (*посол* **+** *ослица*) – ‘жена посла’; ***ерундированный*** (*ерунда* + *эрудированный*); ***гриппелис*** *(грипп* + *сифилис*); ***вдребезнуться*** (*встрепенуться* **+** *дребезжать*) – ‘прийти в себя, встряхнуться; «тряхнуть стариной»’; ***с приплыздом*** (с приплытием + с приездом); ***драконат*** (*драка* **+** *(раз)дракон(ить)* **+** *деканат*) – ‘деканат’; ***апофигей*** (*апогей* **+** *апофеоз* **+** *по фигу*) –

© Эглит Л. В., Манина Ю. В., 2013

‘состояние равнодушия к окружающему; высокомерное отношение к бытовым и социальным проблемам’, причём, как видно из последних примеров, при образовании сленгизмов происходит тройное наложение, когда в одну единицу объединяются не два, что уже привычно, а три слова или два слова и устойчивое сочетание, исконные и заимствованные, характеризующиеся, к тому же, разной стилистической и стилевой маркированностью. Отметим и окказиональные случаи наложения русского слова на иноязычное словосочетание, предложение или оборот, например: сленгизм ***сесибон*** – ‘спасибо’ возник в результате наложения слова *спасибо* на французское *c’est si bon* – ‘это так хорошо’, Ср. селявуха – ‘жизнь’ от *c’est* la vie – ‘такова жизнь’.

Интерес представляют случаи, когда в результате контаминации двух известных пословиц возникает фразеологизм-сленгизм, например, для выражения какой-либо несуразности, несоответствия, абсурдности происходящего представители микросоциума иронически употребляют фразеологизм ***пуганая ворона на воду дует***. «Игрословие» (А. Т. Липатов) проявляется и в структурно-семантической трансформации фразеологических единиц, когда в результате объединения двух синонимичных единиц в одну образуется окказиональная фразема, наполненная более ёмким дискурсивным смыслом: ***куй железо, не отходя от кассы; не бери в голову, бери в плечи – шире будет***.

Заметное место в сленговом вокабуляре занимают фразеологические сочетания, в которых в корпус русского узуального ФЕ вводятся широко известные заимствования или сленгизмы-дериваты, например: ***взбредёт в хэд, такова селява***, однако сленготворцы предпочитают трансформировать известный фразеологизм (пословицу), расширяя, дополняя его или вводя в его состав созвучные слова, полностью меняющие смысл устойчивого оборота: ***Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет***; ***Бороться, искать, найти и перепрятать***; ***Мы с тобой два Беринга у одной реки***; ***лучше поздно, чем никому; Еврейская жена – это не роскошь, а средство передвижения***. Особый интерес представляют случаи, когда русский компонент ФЕ меняется на иноязычное слово, при этом происходит семантическая трансформация. Например, во фразеологизме-сленгизме ***Семь бэ(е)д один ответ*** обыгрываются русское слово *беда* и английское – ‘кровать’; на базе широко известного устойчивого выражения «Береги платье снову, а честь смолоду» в сленге возник фразеологизм ***Береги чест смолоду***, где в языковой игре задействованы русское слово *честь* и английское *chest* – ‘***грудь***’. В данном социолектном фразеологизме первая часть канонического ФЕ усечена, в других же сленговых фразеологизмах наблюдаем обратный процесс, когда общеизвестный фразеологизм конкретизируется, расширяясь за счёт добавления новых компонентов, и в результате субституции, а в отдельных случаях и травестирования крылатых выражений, появляются новые речевые единицы: *Какой русский не любит быстрой езды?* ***Тот, на котором ездят***; *С милым рай в шалаше,* ***если милый атташе***. Фразеологическая единица с новым смыслом может возникнуть в сленге как в результате омонимии русских слов, входящих в оборот, так русского и заимствованного слов: ***Счастье – есть, оно не может не есть***; ***Кто взял Измаил, положите его на место! Это есть наш последний и решительный бой*** (слово *бой* употреблено не в значении ‘сражение, битва’, как в «Интернационале», а в значении ‘мальчик’).

Как видим, экспрессивность сленгизмов-фразеологизмов создаётся за счёт разрушения старых и установления новых синтагматических отношений, что вызывает эффект окказиональности, сверхобразности, необычности.

Одним из ярких проявлений креативности сленга является голофразис – стяжение в цельнооформленную единицу предложения или его части, когда одно слово конденсирует описательную конструкцию: ***джаст-ин-тайм*** – ‘своевременно’, ***спешел-фор-ю*** – ‘специально для вас’. Голофрастические конструкции достаточно активно используются в сленге для имитации, травестирования нерусских фамилий: ***Тояма-то-канава*** (японская фамилия), ***Через-забор-ногу-задерищенко*** (украинская фамилия), ***абстулзадомбей*** (турок), ***атомулия-далато*** (грузин), ***взадстамеску***

(румын). Причина появления подобных новообразований – дискретность стиля мышления, клишированность восприятия действительности, выходящие за рамки собственно лингвистических причин словотворчества [1, с. 137].

Стремление к инновациям в любой сфере деятельности, в том числе и словотворчестве, желание создать оригинальную, одобренную другими сленгоносителями яркую маску для старой реалии приводит к появлению таких телескопических образований, как ***авто-мото-вело-фото-теле***(или)***баба-радио-любитель*** – ‘человек, имеющий слишком много разных увлечений, занимающийся всем сразу’, ***не переплюй-губа*** – ‘о непонятно говорящем, косноязычном человеке’, ***шлёп-нога*** – ‘о любом человеке’. Кстати, данный перл молодёжного словотворчества выступает и в роли иронического обращения, пополняя многочисленный ряд, в составе которого подобная нестандартная единица не является единственной: ***Рыбка-птичка-собачка! Муси-пуси! Муси-люси! Муси-лямпампуси! Музи-зюзи! Сахар-рафинадик-пупсик-лимонадик!***

Отметим, что среди дефисных комплексов заметно выделяются рифмованные повторы, объединяющиеся, в большинстве случаев, в поликомпонентные синонимические ряды, например: ***сникерсы-памперсы, нитки-иголки, ёжики-пыжики, тырли-мырли-залепырли –*** ‘то да сё’; ***пети-мети***, ***тити-мити –*** ‘деньги’; ***гуччи-мучи-пипл –*** ‘роскошествующий делец’, ***ёрики-маморики*** (междометие, выражающее любые эмоции).

Использование компрессивных единиц в словаре сленга не только подчёркивает взаимодействие смыслов объединяемых слов, служит сигналом развития нового, целостного значения, значимого для связанных общими фоновыми знаниями коммуникантов-социолектоносителей, но и эксплицирует стремление сленгирующей среды всеми возможными способами преодолеть языковой стандарт и автоматизм, основанный на регулярности между знаком и значением. Отсюда, сленгизмы – это единицы с искусственно завышенной экспрессией, слова-намёки, слова-маски, в основе которых лежит игра с графемой, буквой, словом и (или) смыслом: ***залооpиться*** – ‘запустить какую-либо операцию по непрерывному циклу’ (от англ. *loop* – ‘петля’), ***Ину!*** – ‘До свидания!’ (русифицированное bye, где английским **b**, **у**, **е** на клавиатуре компьютера соответствуют **и**, **н**, **у**); ***сонномушье*** или ***мушесонье*** – ‘тоска’, ***спихотекника*** – ‘умение снимать с себя ответственность’; ***гусь репчатый*** – ‘о заносчивом человеке’; ***глазолупый*** – ‘лупоглазый’; ***заполлитривать***, ***застаканивать*** – ‘совместно планировать что-либо»’; ***«Срам» и «Срекинс»*** – «Марс» и «Сникерс».

Языковая игра строится и на омонимии с узуальным словом, так, прилагательное ***застенчивый***, употребляемое в узусе по отношению к стеснительному, робкому человеку, в результате морфологического способа образования становится в сленге наименованием лица, которое настолько пьяно, что, передвигаясь, держится за стену; абитуриента, поступившего в институт «по звонку» (по протекции) именуют ***позвоночный***, «неблатных» называют ***беспозвоночными*** или ***божьими***.

Сленгизмы, созданные по нетиповым словообразовательным моделям, в короткий срок становятся в сленге воспроизводимыми лексическими единицами и материализуют тем самым модель своего образования.

Усечение – ещё один из способов образования сленгизмов, отражающий лингвокреативные возможности современной молодёжи. Кроме традиционного усечения финалий (***тащ***(иться), ***беспокой***(ный), ***рэк***(етир), ***сикьюр***(ити), ***икскьюз***(ми), ***пепс***(и), ***пенс***(ил), ***Талдык***(урган) в сленге отмечены случаи усечения начальной части слова, середины или начальной и конечной частей одновременно: от незнакомец – ***знакомец***, от азербайджанец – ***азер, зерба, зербут***, от адидасовский – ***дасовский***, от телефон – ***фон***, от воспитатель – ***пит,*** от университет – ***универс, универ, ситет, уник***, от Екатеринбург – ***Ебург, Катер***, а также усечения, заканчивающиеся на гласный: ***импо***(тент), ***сига***(рета), ***роли***(ки), ***ру***(сский) язык. Креативная игра со словом и смыслом ярко проявляется и в таких омонимичных узуальным словам сленгизмах-усечениях, как ***нарком***(ан), ***рис***(ование)***, автор***(итет), ***консерва***(тория), ***Крем***(ль).

Отмечено, что активное образование компактных номинаций в сленге способствует снятию или же ослаблению некоторых ранее действовавших ограничений на реализацию ряда словообразовательных моделей, стимулирует формирование новых деривационных взаимосвязей, возрастание продуктивности как традиционных, так и новых схем и способов словопроизводства.

Таким образом, сленготворчество не только репрезентирует конкретный период развития языка, возросшие номинационные потребности его современных носителей и их коммуникативную компетенцию, но манифестирует взгляд молодёжи на окружающий мир через призму своей субкультуры и позволяет увидеть особенности мировоззрения и лингвокреативный потенциал субкультурного языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковынева И. А. Критерии характеристики голофрастических конструкций в свете современных неологических исследований / И. А. Ковынева // II Межд. конф. «Рус. яз. и лит-ра в международном образовательном пространстве» / Доклады и сообщения. – Гранада, 2010 – С. 137.

В. О. Юносова (м. Бердянськ)

СПЕЦИФІКА СТУПЕНЮВАННЯ ПРИКМЕТНИКІВ У СУЧАСНОМУ ТЕЛЕВІЗІЙНОМУ ДИСКУРСІ

З розвитком суспільства змінюється і його інформаційний простір. Значного оновлення зазнає слово, що функціонує в засобах масової інформації, зокрема на телебаченні, яке активно реагує на суспільні процеси і віддзеркалює їх. Основне завдання телебачення – інформування, виховання й просвітництво, тобто вплив на аудиторію за допомогою слова, а для його ефективності потрібен ретельний відбір виражальних засобів мови.

Нашу увагу привернуло активне функціонування в сучасному телевізійному дискурсі ступеньованих прикметників.

Виражальний потенціал маркованих словоформ різних частин мови вивчали С. Єрмоленко, К. Городенська, А. Коваль, Л. Ставицька, Н. Бойко, Ж. Колоїз, Д. Рязанцева та ін.

Завданням цієї статті є з'ясування особливостей ступенювання прикметників у телевізійному дискурсі.

Прикметник як самостійна частина мови має властиві йому семантико-граматичні особливості, зокрема здатність вияву ознаки в різних кількісних вимірах, що виражається у ступенях порівняння. Сучасні джерела фіксують усе більшу кількість прикметників, які утворюють форми ступенів порівняння не за правилами. «Усупереч обмеженням, накладеним мовною системою, у власне комунікативному просторі, у конкретних ситуаціях спілкування мають місце випадки, коли репрезентантами категорії співвідносної інтенсивності ознаки стають морфологічні слова з частиномовним значенням атрибутивності, що виражають ознаку предметів опосередковано, через відношення до інших предметів, а також ті якісні, які згідно з морфологічними нормами позбавлені градації якісної ознаки» [4, с. 174].

На сучасному етапі розвитку української мови у багатьох прикметниках спостерігається розширення семантичного наповнення й нашарування переносних значень. Це суттєво збільшує можливості лексичної сполучуваності слів і творення ступенів порівняння. Як відомо, чіткої межі між якісними та відносними прикметниками немає. У всіх відносних прикметниках потенційно закладений відтінок якісності, який часто розкривається й розвивається в серію самостійних значень [1, с. 205]. Тож відносні прикметники, переходячи до групи якісних, одержують у багатьох випадках і властиві для якісних прикметників граматичні ознаки, зокрема можуть мати ступені порівняння [5, с. 194]. Проте деякі вчені нині заперечують таку можливість [6, с. 88], з чим ми категорично не

© Юносова В. О., 2013

погоджуємося. Це спростовує і мовна практика, напр.: *Завтра – **найреволюційніше** шоу країни, яке залишилося за кадром* (телеканал СТБ, 06.01.2012); *Це найяскравіші, **найсонячніші** артисти проекту* (телеканал 1+1, 07.08.2011); ***Найзорянішане** шоу країни «Зірка+зірка»* (телеканал 1+1, 22.09.1010); ***Найтанцювальніше** шоу світу знову з вами* (телеканал СТБ, 04.09.2010); *Премія, **найнародніша** з усіх відомих*… (телеканал 1+1, 27.02.2010). Така зміна значень прикметників дає широкий простір для створення різних стилістичних ефектів.

У сучасному світі носії мови стають «свідками все більш частотного використання у рекламних текстах форм співвідносної міри якості прикметників. Починає діяти принцип «комунікативного звваблення» – речення повинно бути унікальним, щоб вплинути на мільйонну аудиторію» [3, с. 121]. Це і є одним із факторів утворення ступеньованих форм навіть від однозначних відносних прикметників, що є порушенням граматичних норм, напр.: *«Чумак» – **найпомідорніша** томатна паста* (телеканал 1+1, 13.08. 2005); *«Торчин» знайшов секрет **найтоматнішого** смаку* (телеканал 1+1, 10.04.2008); *Ми зробили шоколад «Світоч» ще **вершковішим*** (телеканал «Інтер», 29.02.2008). Ненормативні форми ступеньованих відносних прикметників *помідорний, томатний, вершковий* використовуються в рекламному тексті для того, щоб привернути увагу покупців. Інші аномальні форми також не залишаються непоміченими, пор.: *Сьогодні **найфутбольніший** день в історії України* (телеканал СТБ, 21.08.2009); *…доведеться покликать на допомогу **найкулінарніших** зірок* (телеканал «Інтер», 17.08.2011); ***Найспортивніша** серед красунь Марія Шарапова збирається заміж* (телеканал СТБ, 13.02.2012); *«Вікна» побували у **найвелосипеднішому** селі України* (телеканал СТБ, 06.02.2013). Незвичність цих форм стає важливим засобом посилення експресії, зацікавлює глядачів.

У складі якісних прикметників є частина таких, що від них ступені порівняння не творяться, зокрема прикметники на позначення ознак, які виражають семантично ознаку абсолютного порогу інтенсивності: *босий, мертвий, німий, голий* тощо. Однак у мові телебачення спостерігаємо вживання ступеньованих форм цих та подібних до них прикметників, пор.: *Армія стала **голішою** й неозброєнішою після вас* (ТРК «Україна», 01.10.2009); *Ми **найлегітимніші**…* (5 канал, 23.09.2007); *Найвідоміша сім'я світу у **найправдивішій** прем'єрі* (телеканал СТБ, 01.02.2013).

Усупереч твердженням про відсутність форм ступенів вияву ознаки в більшості складних прикметників іменниково-прикметникового типу, віддієслівних прикметників з префіксом ***не-*** [2, с. 106], сучасна мовна практика дедалі частіше засвідчує такі форми, які надають висловленню через свою незвичність виразного емоційно-експресивно забарвлення, пор.: *…поки нечистоти не попали у **найповноводнішу** річку Європи – Дунай* (телеканал 1+1, 06.10.2010); *…арени стають більшими, публіка **багатотисячнішою*** (телеканал 1+1, 12.09.2010); *Ти **найвеликодушніша** людина у світі* (телеканал «Інтер», 14.08.2009); *На сцені – **найпрацездатніша** дівчина проекту…* (телеканал 1+1, 21.08.2011); *Журнал «Форбс» опублікував рейтинг **найвисокооплачуваніших** жінок світу* (24 канал, 06.08.2009); *Найвлучніші і **найдалекострільніші** пояснюють: головне – взуття* (телеканал СТБ, 27.05.2010); *Дивіться хіт-парад **найсмертоносніших** лавин* (телеканал 2+2, 24.12.2012); ***Найкрасномовніший** доказ його почуттів – їхні сини* (телеканал СТБ, 20.02.2013); ***Найвисокотехнологічніша** прем'єра осені* (телеканал СТБ, 19.11.2011); *…саме вони **найнезахищеніші** від вогню* (телеканал 1+1, 10.08.2010); *Неймовірні враження від **найнепередбачуванішого** футбольного чемпіонату* (телеканал ICTV, 20.06.2010); *…дівчина, за яку вболіватиме **найнепідкупніший** суддя проекту* (телеканал СТБ, 10.09.2011); …***найнезвичайніше** тренування за всю історію проекту* (телеканал СТБ, 22.11.2012); *Та докази стають все очевиднішими та **невблаганнішими*** (телеканал 1+1, 25.12.2012) та ін. Синтетичні ступеньовані форми витісняють аналітичні, активно утворюючись від іншомовних твірних основ, пор.: ***Найепатажніша** людина, яка знає про кохання все* (телеканал 1+1, 18.11.2010); ***Найхаризматичніший** лікар планети* (телеканал СТБ, 23.10.2010); *Ми*

втратимо ***найстратегічніший*** *об'єкт* (телеканал ICTV, 20.02.2012); *…уперше в історії виставили* ***найпровокативніші*** *твори митця* (ТРК «Україна», 13.03.2012) тощо.

Незважаючи на застереження щодо неможливості ступенювання якісних прикметників з мірою ознаки, вираженою словотвірними засобами, зокрема префіксами і суфіксами [2, с. 105], мова телебачення засвідчує приклади вживання таких форм: *…саме тут було знайдено залишки* ***найпрадавнішої*** *людини на Землі* (телеканал СТБ, 01.07.2007).

У нормі зазвичай не утворюються синтетичні ступені порівняння від прикметників із суфіксом ***-ськ-.*** Проте в телевізійному дискурсі трапляються такі приклади: *…політика Німеччини може стати* ***проукраїнськішою*** (телеканал СТБ, 28.09.2009); ***найбухгалтерська*** *газета* (телеканал 1+1, 03.05.2005). В останньому випадку при утворенні найвищого ступеня префікс ***най-*** додається до вихідної форми прикметника ***бухгалтерський***, що є порушенням граматичних норм.

Отже, оцінка й експресія при використанні форм ступенів порівняння породжується на основі невідповідності їх уживання нормам української мови. Проте аналізований матеріал засвідчує, що нетипові для української мови ступеньовані прикметники стають у сучасному мовленні типовими та усталеними, пор.: ***Найусміхненіша*** *трійця фіналістів…* (телеканал СТБ, 24.12.2011); *…***найзірковіший** *голкіпер України* (телеканал 1+1, 24.07.2011); *А от пані Галині трапляються іноземці* ***лякливіші*** (телеканал 1+1, 28.02.2012); *Микола Луків – один з найвідоміших і* ***найпісенніших*** *поетів сучасної України…* (Перший національний канал, 02.03.2012); *У фіналі –* ***найголосистіші*** *та найталановитіші* (телеканал 1+1, 17.04.2012) та ін.

Журналіст завжди знаходиться в пошуку оптимальних засобів упливу, здатних зацікавити, переконати глядача. На думку Ж. Колоїз, «нестандартне мислення спонукає адресанта до нестандартного оформлення повідомлюваного матеріалу, яке завершується появою результатів оказіональної деривації» [4, с. 184], призводить до зміни усталених мовних норм. У телевізійному дискурсі трапляються свідомі випадки помилок, які вводяться в мову для створення певних стилістичних ефектів за задумом мовця, зокрема використання прийому мовної гри для досягнення каламбурного ефекту тощо. Напр.: ***Найнавороченіша найноворічніша*** *казка* (телеканал 1+1, 21.12.2008); … наш *парламент* ***найпарламентніший*** (5 канал, 23.09.2007). Останню форму утворено від ненормативного прикметника *парламентний* (словники фіксують лише форми *парламентарний, парламентський*).

Одним із засобів увиразнення думки є зіставлення прикметників, які виступають у функції однорідних членів речення, пор.: *…щоб з'ясувати, хто з них* ***швидший, точніший*** *і* ***наймайстерніший*** (5 канал, 09.09.2010); *…ще* ***цікавіше****, ще* ***грандіозніше****, ще* ***співочіше*** (ТРК «Україна», 08.10.2010). Таке нагромадження, нанизування прикметників зміцнює їхню виражальну силу, привертає увагу читача. З цією ж метою вживається декілька ступеньованих форм у коротких висловах, пор.: ***Найкращі*** *ілюзіоністи у* ***найнезвичайнішому*** *шоу…* (телеканал 1+1, 27.10.2011); ***Найспівочіше*** *шоу у* ***найбільшій*** *в Україні студії* (телеканал 1+1, 18.04.2010); *…***найрозважніші** *свахи і* ***найромантичніша*** *атмосфера* (телеканал 1+1, 21.02.2012) тощо.

Значеннєва природа ступенів порівняння прикметників пов'язується з відповідним експресивним забарвленням речення, у зв'язку з чим утворюються ступеньовані форми різного стилістичного спрямування: *Сьогодні виступить* ***найязикатіший*** *хіп-хопер Росії…* (телеканал 1+1, 22.03.2012); *Саме він написав музику до* ***найхітовіших*** *радянських мультфільмів* (телеканал «Інтер», 28.12.2008) – розмовні форми; ***Найнавороченіша*** *найноворічніша казка* (телеканал 1+1, 21.12.2008); *Повернення* ***найдрайвовішої*** *акції пива «Чернігівське»* (телеканал ICTV, 15.11.2010) – сленгові форми.

Отже, нетипові для української мови форми вживання ступенів порівняння прикметників стають продуктивною тенденцією в сучасному телевізійному дискурсі. Такі форми відображають приховані мовні ресурси та можливості й увиразнюють, підсилюють впливовість сучасного інформаційного простору. Тому проблема функціонування цих та інших маркованих словоформ у мові телебачення потребує подальших досліджень.

ЛІТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.–Л., 1947. – 784 с.
2. Горпинич В. О. Морфологія української мови: підручник для ст.-в вищих навч. закладів / В. О. Горпинич. – К.: ВЦ «Академія», 2004. – 336 с.
3. Зирка В. В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект : монография / В. В. Зирка. – Дн. : ДНУ, 2004. – 291 с.
4. Колоїз Ж. В. Українська оказіональна деривація: монографія / Ж. В. Колоїз. – К.: Акцент, 2007. – 311 с.
5. Сучасна українська літературна мова: Морфологія / за заг. ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1969. – 583 с.
6. Сучасна українська літературна мова: Морфологія. Синтаксис: підручник / А. К. Мойсієнко, І. М. Арібжанова, В. В. Коломийцева та ін. – К.: Знання, 2010. – 374 с.

Т. Г. Яременко (г. Киев)

КОНФИГУРАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ

Моделирование единой системы, включающей не только конструктивно-языковые (парадигматические) элементы, но и элементы речевого окружения (контекст и речевую ситуацию), является задачей функциональной грамматики, в частности, теории ФСП, в разработке которой основной вклад принадлежит преимущественно российским лингвистам (труды А. В. Бондарко, В. Г. Гака, Е. В. Гулыги, М. М. Гухман, Г. А. Золотовой, И. А. Слюсаревой, Н. Ю. Шведовой, Е. И. Шенделькс, М. А. Шенякина и др.).

По принципу построения ФСП парадигматично, при этом стержнем парадигмы выступает смысловой инвариант. В отличие от грамматических парадигм оно не ограничивается одним уровнем языка, его компоненты обнаруживают свой категориальный смысл в синтагматике в соединении с другими элементами смысла, что детерминирует возможность пересечения ряда полей.

В теории функционально-семантических полей выделяются поля двух структурных типов: 1) моноцентрические, имеющие четко выраженную доминанту, и 2) полицентрические, базирующиеся на совокупности различных средств, не образующих единой гомогенной системы [2]. ФСПТ традиционно относится к числу функционально-семантических полей моноцентрического типа с целостным грамматическим ядром.

Моделирование ФСП осуществляется на базе разноуровневых языковых средств, а также контекстуальных фрагментов, поскольку ФСП представляет собой динамическую систему, постоянно пополняющуюся за счет различных речевых конструкций.

Полевая структура темпоральности основывается на взаимодействии макро- и микросистемы как общего и частного. Выразителем темпоральности могут быть любые элементы высказывания, отражающие временные отношения во внеязыковой ситуации. В числе стратегий, используемых для отражения времени в естественном языке, временные формы глагола неотделимы от лексических и синтаксических показателей времени, а также интонации. Как отмечает А. В. Бондарко, «когда речь идет о темпоральности как функционально-семантическом поле, предметом анализа являются билатеральные компоненты данного поля – грамматическая категория времени как система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородным значением, те или иные синтаксические конструкции, определенные лексические средства – темпоральные лексемы и словосочетания типа *сегодня, вчера, прошлым летом* и т. п., различные комбинации разноуровневых элементов» [1, с. 67].

Признавая ФСПТ языковой парадигмой, формируемой единицами разных уровней, сторонники традиционного видения конфигурации этой структуры исходят из примата грамматической категории времени, например, М. В. Лысякова, квалифици-

© Яременко Т. Г., 2013

руя функционально-семантическое поле темпоральности, характеризует его как «грамматически ориентированное» [3, с. 100].

Введение абсолютной точки отсчета, или «условного координатного нуля», по определению А. И. Смирницкого, видимо, оправданно в отношении грамматической системы времени, но вряд ли целесообразно экстраполировать эту схему на все языковые средства, используемые для выражения времени в языке, тем более «что в ряде языков (китайский, вьетнамский и др.) лексические показатели часто являются единственным средством указания временного плана повествования» [4, с. 242].

Итак, в традиционной версии трактовки ФСПТ, ядро поля темпоральности представляет система временных форм изъявительного наклонения действительного залога. Именно эти формы, по мнению исследователей, являются основными выразителями грамматической категории времени [5]

К ближней периферии ФСП темпоральности относят следующие составляющие данного поля: 1) аналитические причастно-страдательные формы; 2) формы полных причастий; 3) синтаксические конструкции со значением настоящего времени.

К дальней периферии ФСП темпоральности относятся 1) формы деепричастий; 2) синтаксические конструкции с модальным значением, имплицирующим отнесенность ситуации к будущему; 3) лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений (наречия времени, существительные со значением времени с предлогами и без предлогов, прилагательные со значением времени), конструкции с временными союзами; 5) контекстуальные средства передачи темпоральных отношений [6].

Таким образом, функционально-семантическое поле темпоральности традиционно рассматривается как одномерная многорядная конструкция, имеющая морфологическое ядро и периферию (см. рис.1).

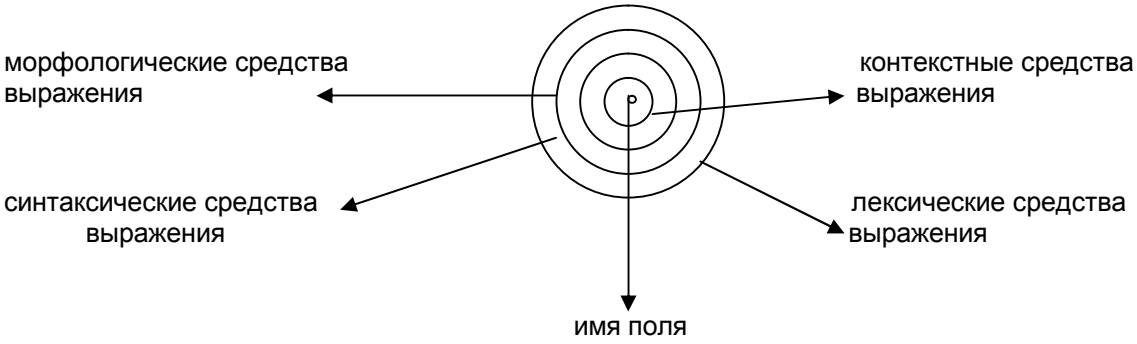


Рис. 1. ФСПТ как одномерная многорядная конструкция

Приведенная схема, к сожалению, не передает реальную «меланжевость» структуры ФСПТ, имеющего многорядную периферию, на которую отнесены в том числе и морфологические единицы.

Нам ФСПТ представляется как некая многомерная конструкция (см. рис. 2, хотя ее схематическое изображение в той же степени аппроксимативно).

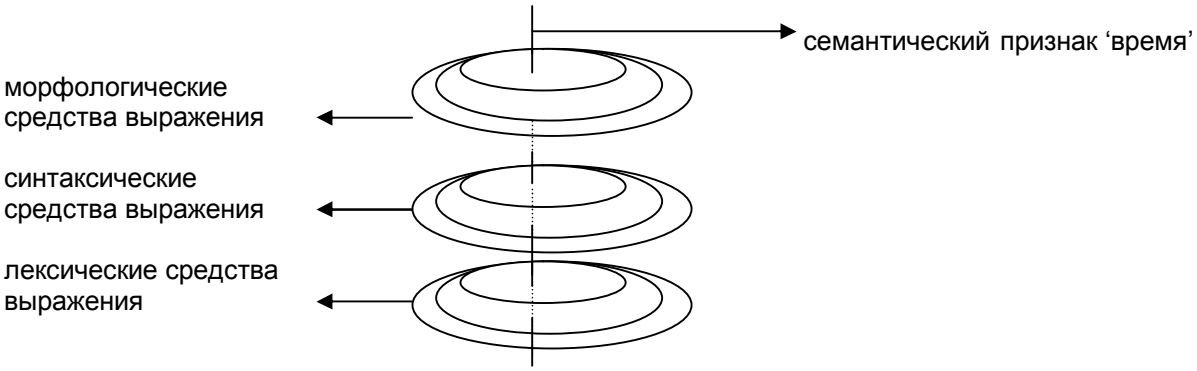


Рис. 2. ФСПТ как многомерная проекционная конструкция

Такое понимание конфигурации ФСПТ позволяет определить его как макрополе, которое представляет собой комплекс лексико-грамматических микрополей, в пределах которых данная семантика репрезентируется посредством языковых единиц как носителей разного рода языковых значений – грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических, проецируемых друг на друга (их очередность условна). При этом становится возможным выявление ядра и периферии каждого из полей, но их центром, как и центром ФСПТ, является семантический признак ‘время’, определяющий имя поля – *время*.

ЛИТЕРАТУРА

2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. – 260 с.
3. Бондарко А. В. Полевые структуры в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб.: Наука, 2005. – С. 12–28.
4. Лысякова М. В. Общие основы анализа функционально-семантических полей русского языка / М. В. Лысякова // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: тез. докл. и сообщ. междунар. научн. конф., 13–16 окт. 1999 г., Екатеринбург, Россия; под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 98–102.
5. Потаенко Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения / Н. А. Потаенко // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – Т. 38, № 3. – 1979. – С. 242–248.
6. Русская грамматика: в 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
7. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко и др. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

Н. О. Ярошенко (м. Донецьк)

ДЕРИВАЦІЙНО-ФРЕЙМОВІ ПАРАДИГМИ СОМАТИЗМІВ *СЕРДЦЕ* І *СЕРЦЕ* В РОСІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Розвиток сучасної дериватології характеризується активізацією когнітивного підходу до аналізу як простих, так і комплексних одиниць словотвору. За словами В. В. Ґрещука, «одним із перспективних екстенсифікаційних напрямів дослідження словотвору є такий, що розглядає словотворення з погляду його ролі у формуванні концептуальної й мовної картини світу» [3, с. 132]. Когнітивний напрямок, спираючись на основні здобутки структурно-системної когнітивної парадигми (роботи О. С. Кубрякової, О. А. Земської та ін.), розробляє нові підходи до аналізу словотвірних одиниць. Так звана когнітивно-дискурсивна дериватологія, використовуючи для аналізу словотвірних категорій, словотвірних типів, словотвірних парадигм і словотвірних гнізд такі поняття, як фрейм, слот, пропозиціональна структура, дає можливість «розглядати деривaційні одиниці як ієрархічно організовані структури даних, як способи і місця збереження інформації, що міститься в базовому слові і похідних словах» [5, с. 165]. Пропозиціонально-фреймове моделювання комплексних одиниць словотвору різного типу здійснюється в роботах Л. А. Араєвої, К. А. Деміденко, І. В. Євсєєвої, М. С. Косирєвої, О. Ю. Крючкової, А. М. Киртепе, М. А. Осадчего, А. М. Шабаліної та ін.

У пропонованій роботі розглядається фреймова пропозиціонально-семантична організація словотвірних парадигм (далі – СП) іменників *сердце* і *серце* в російській та українській мовах як фрагментів відповідних словотвірних гнізд (далі – СГ). Зазначені СП і СГ можуть бути інтерпретовані як репрезентанти відповідних концептів. Щодо концептів «сердце» і «серце», то різні їхні аспекти досліджуються в роботах Н. В. Брагінець, І. О. Голубовської, О. В. Зирянова, А. Р. Іманової, В. Калько, Г. Д. Лев-ченко, М. В. Піменової, Т. А. Романенко, І. О. Сапєгіної, М. В. Скаб, Т. О. Смирнової, Ю. В. Шатіна та ін. Словотвірний потенціал досліджуваних соматизмів аналізується в роботах О. М. Кравченко [7], Н. В. Левун і О. К. Степаненко [8].

При трактуванні таких понять, як фрейм і слот, приєднуємося до тих дослідників, які розуміють під фреймом структуру мовного знання, об’єднаного навколо певного

© Ярошенко Н. О., 2013

поняття, а слот трактують як елемент фрейма, що орієнтований на конкретизацію якогось одного аспекту фрейма шляхом заповнення характерними прикладами чи даними (див. [5, с. 164–165; 9, с. 10]).

Вихідним пунктом аналізу гнізд усіх типів при будь-якому підході є комплексний аналіз вершини гнізда. За даними лексикографічних джерел [1; 2], іменники *сердце* і *серце* в російській та українській мовах мають як спільні, так і специфічні значення. Словники як для російської, так і для української мови у цьому випадку передусім фіксують таке головне значення, як ‘центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости’, ‘такой орган некоторых животных’ [1, с. 1177] – ‘центральний орган кровоносної системи у вигляді м’язового мішка, ритмічні скорочення якого забезпечують кровообіг’ [2, с. 1310]. Спільним для обох мов є таке метонімічне значення: ‘место на левой стороне груди, где находится этот орган’ [1, с. 1177] – ‘місце з лівого боку грудної порожнини, де розміщений цей орган’ [2, с. 1310] (суміжність у просторі). Як іменнику *сердце*, так і лексемі *серце* притаманні такі метафоричні значення: ‘внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку, разуму; душа’ [1, с. 1177–1178] – ‘цей орган людини як символ зосередження почуттів, настроїв, переживань і т. ін.’ [2, с. 1310]; ‘гнев, раздражение, злоба’ [1, с. 1178] – ‘гнів, роздратування’ [2, с. 1310]; ‘центр, главная часть чего-л.’ [1, с. 1178] – ‘головна найважливіша частина, центр чого-н.’ [2, с. 1310]. Для іменника *серце* фіксується діалектне значення ‘медуза’ [2, с. 1310] (можливо, появу цього значення зумовлює здатність як серця, так і медузи до скорочення), а для лексеми *сердце* – діалектне значення ‘внутренняя центральная часть стебля растения; серцевина’ (див. [4, с. 323]).

Варто зауважити, що як у прямих, так і в переносних значеннях лексем *сердце* – *серце*, а також у семантиці їхніх дериватів простежується етимологічний зв’язок іменників *сердце* – *серце* зі словом *середина* (див. [10, с. 156–157; 6, с. 222–223]).

Як свідчить систематизація фактичного матеріалу, СП соматизмів *сердце* і *серце* містять такі частиномовні зони, представлені відповідними дериватами:

І. СП російського іменника *сердце* включає 43 похідні: 1. Іменники (18): а) суфіксальні (*сердечко, сердечушко, сердечишко, сердчишко, сердечник, серцевина, сердяга, подсердечник, предсердие*); б) префіксально-суфіксальні (*осердие, подсердечник, предсердие*); в) композити (*серцебиение*, *серцеведение, серцевед, серцеед*); г) складносуфіксальні (*серцевидец, трубкосердие*). 2. Прикметники (25): а) суфіксальні (*сердечный, сердешный, серцевой*); б) префіксально-суфіксальні (*бессердечный, подсердечый*); в) композити (*серцеобразный, жестокосердый, милосердый, мягкосердый, твердосердый, чистосердый*); г) складносуфіксальні (*околосердечный, сердобольный, сердолюбивый*, *серцевидный, серцекрепительный, серцелистный, серцещипательный, добросердечный, жестокосердный, милосердный, мягкосердечный, простосердечный, сухосердный, чистосердечный*).

ІІ. СП українського іменника *серце* охоплює 37 похідних (пор. інші дані [8]): 1. Іменники (17): а) суфіксальні (*серденько, сердега, сердека, сердяга, серденя, серцевина, сердечко*), б) префіксально-суфіксальні (*передсердя, осердя*), в) композити (*односердя, серцеїд, серцебиття, серцевідець, серцезнавець, милосердя, простосердя, щиросердя*). 2. Прикметники (19): а) суфіксальні (*серцевий, сердешний, сердечний*), б) префіксально-суфіксальні (*навколосерцевий, підсерцевий, безсердечний, безсердий*), в) композити (*добросердий, милосердий, простосердий, щиросердий, м’якосердий, серцеподібний,*), г) складносуфіксальні (*добросердечний, добросердний, фальшивосердний, простосердечний, щиросердечний, сердобольний*).

Компонентний аналіз семантичних структур наведених дериватів, а також їхнє зіставлення дають змогу на попередньому етапі аналізу виділити такі ознака дериватів соматизмів *сердце* і *серце*:

1. Структурні, просторові параметри відбивають такі деривати, як *серцевина, осердие, подсердечник, предсердие, трубкосердие, серцевой, подсердечый, серце-*

образный, околосердечный, серцевидный, околосердечный, серцевидный, серцелистный; передсердя, осердя, односердя, навколосерцевий, підсерцевий, серцеподібний.

2. Психоемоційні властивості характерні для таких лексем, як *сердяга, жестокосердый, милосердый, мягкосердый, твердосердый, чистосердый, сердобольный, сердолюбивый*, *серцещипательный, добросердечный, жестокосердный, милосердный, мягкосердечный, простосердечный, сухосердный, чистосердечный*; *сердега, сердека, сердяга, милосердя, простосердя, щиросердя, безсердечний, безсердий, добросердий, милосердий, простосердий, щиросердий, м'якосердий, добросердечний, добросердний, фальшивосердний, простосердечний, щиросердечний, сердобольний*.

3. Фізичні ознаки властиві похідним *сердечко, сердечушко, сердечишко, сердчишко*; *серденько, сердечко*, *серцекрепительный*.

4. Поєднання функціональних і структурних критеріїв демонструють такі деривати, як *сердечник, серцебиение*, *сердечный, серцевой*; *серцебиття, серцевий*.

5. Єдність функціональних і психоемоційних параметрів притаманна таким похідним: *серцеведение, серцевед, серцеед, серцевидец, сердешный, сердечный*; *серцеїд, серцевідець, серцезнавець, серцевий, сердешний, сердечний*.

Деривати, які формують СП соматизмів *сердце* і *серце* в російській та українській мовах, формують такі специфічні ситуації-слоти, як *б'ється, болить, віщує, вискакує, відпочиває, ворушиться, говорить, грає, ділиться, завмирає, закипає, засинає, запалює, крається, любить, мліє, мовчить, мучить, німіє, ниє, плаче, підказує, підпригує, радіє, рветься, розквітає, розуміє, співає, стискається, стукає, сохне, стогне, треммтить, чує, черствіє* тощо.

Ці ситуації-слоти в свою чергу утворюють певні пропозиціональні структури, які наповнюються дериватами як з нефразеологічною, так і з фразеологічною семантикою, що демонструють або відсутність, або наявність семантичних прирощень. Аналіз деривaційно-фреймових парадигм соматизмів *сердце* і *серце* в російській та українській мовах за наведеними параметрами – завдання подальшого дослідження.

ЛІТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.; Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
3. Ґрещук В. В. Сучасна дериватологія: деякі підсумки й перспективи / В. В. Ґрещук // Мовознавчий вісник. – 2009. – № 8. – С. 126–134.
4. Довбня Л. Розвиток семантичних структур лексем основного словникового фонду в українській та російській мовах (порівняльний аналіз назв частин тіла) / Л. Довбня, Т. Тойкайло // Гуманітарний вісник ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький держ. пед. ун-т імені Григорія Сковороди». – 2008. – № 16. – С. 322–324.
5. Евсееева И. В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы / И. В. Евсеева // Вестник Иркутск. гос. лингвист. ун-та. – 2011. – № 4 (16). – С. 163–172.
6. Етимологічний словник української мови : в 7 т. /гол. ред. О. С. Мельничук. – Т. 5. Р – Т. – К. : Наук. думка, 2006. – 703 с.
7. Кравченко О. Н. Словообразовательный потенциал соматизмов сердце и голова (на материале английского, немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Кравченко. – Белгород, 2009. – 24 с.
8. Левун Н. В. Словотвірне гніздо з вершинним соматизмом серце в українській мові / Н. В. Левун, О. К. Степаненко // Уч. зап. Таврическ. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 2. – С. 423–427.
9. Осадчий М. А. Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. А. Осадчий. – Кемерово, 2007. – 27 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – Т. II. Панцирь–Ящур. – М.: Рус. язык, 1999. – 560 с.

Т. А. Ященко (г. Симферополь)

КОНТАМИНАЦИЯ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В ПЬЕСЕ А. П. ЧЕХОВА «ДЯДЯ ВАНЯ»

В современной филологии изучение речевых жанров (РЖ) происходит в ракурсах языкознания, стилистики, этнолингвистики лингвопрагматики, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и дискурсологии (Н. Д. Арутюнова, Ф. С. Бацевич, А. Вежбицкая, Т. А. ван Дейк, В. Карасик, О. С. Иссерс, Т. В. Ларина, Дж. Серль, Е. Шейгал, Т. В. Шмелева и др.), а также литературоведения (С. И. Виноградов, Е. В. Жданова, А. В. Степанов и др.).

Общепризнанным основоположником теории речевых жанров является М. М. Бахтин. Но в то же время, как справедливо отмечает Т. В. Шмелева, не стоит забывать, что общие вопросы и конкретные исследования в области жанрологии были представлены уже в 30-ые годы XX в. в работах В. В. Виноградова и Л. П. Якубинского [4, с. 20].

Проблемы типологии и дифференциации речевых жанров и сейчас являются предметом дискуссии. В частности, спорным остается вопрос о правомерности разграничения реквеститов и директивов в сфере императивных жанров, направленных на побуждение адресата к совершению / несовершению определенного действия или поступка (Е. И. Беляева, В. В. Богданов, Дж. Грин, Дж. Серль, Н. И. Формановская, Б. Фрейзер, и др.).

В современных работах по лингвопрагматике в качестве аналогов речевого жанра рассматриваются речевые акты. В связи с тем, что учение о РЖ в большей степени обращено к сфере текстов, в нашей статье используется понятие речевого жанра.

Исследование базируется на признании всех побудительных РЖ директивными, среди которых, вслед за И. В. Головиной, разграничиваем: 1) прескриптивные, то есть предписывающие действия (приказ, требование, распоряжение); 2) реквестивные, то есть побуждение к действию, которое должен совершить адресат в интересах говорящего лица (просьба, приглашение, собственно побуждение); 3) суггестивные, то есть выражающие совет, предложение [1, с. 12–13].

Дискурсивный анализ пьесы «Дядя Ваня» позволил сделать вывод о характерном для текста явлении контаминации различных видов директивных жанров. Смысловые нюансы, связанные со спецификой использования в тексте того или иного императивного жанра, непосредственно соотносятся с развитием действия, намерениями говорящего, мотивацией высказывания.

Использование прескриптивных речевых жанров в их классическом виде, когда автор высказывания обладает ресурсом власти, ограничено. Это реплики Астрова, адресованные работнику и Телегину: *Вот, возьми это. Гляди, чтоб не помять папку* [3, с. 114]; обращения Елены Андреевны к Войницкому с требованием замолчать: *Иван Петрович, я требую, чтобы вы замолчали*! [3, с. 102].

Наиболее характерны для персонажей пьесы реквестивные РЖ. Специфика жанра просьбы всестороннее исследована как в лингвистических, так и в литературоведческих работах (А. Вежбицкая, М. А. Егорова, Т. С. Зотеева, А. Д. Степанов, М. Ю. Федосюк, Н. И. Формановская, Т. В. Шмелева, и др.). Известно, что просьба предполагает заинтересованность адресата в исполнении обсуждаемого действия. В классическом варианте жанра инициатор диалога находится в зависимом положении от слушателя и преследует коммуникативную цель убеждения слушателя что-либо сделать. При этом слушатель имеет свободу выбора: делать или не делать то, о чем его просят. Для такой просьбы, как правило, характерна аргументация важности ее исполнения, как, например, в реплике Марии Васильевны, обращенной к Се-

© Ященко Т. А., 2013

ребрякову: *Александр, снимитесь опять и пришлите мне вашу фотографию. Вы знаете, как вы мне дороги* [3, с. 112].

В пьесе «Дядя Ваня» ситуация зависимости в основном связана не с социальной иерархией, а с характером межличностных отношений и психологическими типами персонажей. Жанр просьбы в классическом виде характерен для реплик Сони (адресаты – практически все персонажи пьесы), Войницкого (адресаты – Елена Андреевна, Астров) и Телегина (адресат – Войницкий).

Альтруизм, свойственный Соне, проявляется в коммуникативной направленности ее реплик в жанре просьбы: она почти никогда не просит собеседника о действиях (или их прекращении) в своих интересах. Это единственный персонаж, который просит не для себя, а для других. В высказываниях Сони наблюдается контаминация жанров просьбы и мольбы.

Основные коммуникативные стратегии ее просьбы заключаются в следующем:

1) желание помочь другому человеку: [Астрову]: *Сами вы пейте, если это вам не противно, но, умоляю, не давайте пить дяде. Ему вредно* [3, с. 82];

2) восстановление справедливости, защита близкого человека: [Серебрякову]: *Надо быть милосердным, папа*! [3, с. 103]. На протяжении монолога эта реплика с модальностью долженствования повторяется трижды;

3) предотвращение конфликта между участниками разговора, при этом характерно использование обращений, как, например, в сцене спора Марии Васильевны и Войницкого в первом действии. Войницкий: (…) *Не всякий способен быть пишущим perpetuum mobile, как ваш герр профессор*. Мария Васильевна. *Что ты хочешь этим сказать*? Соня (*умоляюще*). *Бабушка*! *Дядя Ваня*! *Умоляю вас*! [3, с. 70].

Совершенно иной характер носят реквестивы в репликах профессора Серебрякова: они обладают прагматической направленностью распоряжения, так как не предполагают возможности отказа: *Друзья мои,* ***пришлите мне чай в кабинет****, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-то сделать* [3, с. 66]. В кульминационной сцене третьего действия высказывание *Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета*… [3, с. 99] по существу является псевдопросьбой, так как вопрос о продаже имения для него уже решен.

В сферу реквеститов входят также жанры мольбы и уговоров, контаминирующие с жанром просьбы, особенно в тех случаях, когда действие должно быть совершенно в интересах адресата, как, например, в развернутом высказывании Сони о необходимости вернуть баночку с морфием, где императивная форма *отдай*, повторенная трижды, сочетается с каузальной конструкцией *Ты добрый, ты пожалеешь нас и отдашь*, а также с вербальными и невербальными способами эмоционального воздействия: *Отдай!* (*целует ему руки*) *Дорогой, славный дядя, милый, отдай!* (*Плачет*) [3, с. 109]. В данном случае можно говорить о контаминации реквестивов и суггестивов.

Среди суггестивных речевых жанров наиболее характерен для пьесы жанр совета, где проявляется такая особенность чеховского текста, как отражение референциальной иллюзии, которую А. Д. Степанов считает чеховской константой [2, с. 81].

Реплики – советы, оформленные в модальности долженствования, характерные прежде всего для Серебрякова, представляют пример контаминации суггестивных и прескриптивных жанров: *Надо, господа, дело делать. Надо дело делать*! [3, с. 112].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что явление контаминации речевых жанров в репликах действующих лиц пьесы является одним из проявлений их личностной характеристики и особенностей взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головина И. В. Семантика императива и способы его выражения в современном английском и русском языках / И. В. Головина: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1997. – 24 с.
2. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / А. Д. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.

3. Чехов А. П. Дядя Ваня // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах / А. П. Чехов. Сочинения в восемнадцати томах. – Т. 13. Пьесы 1895–1904. – М.: Наука, 1978. – С. 61–116.
4. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т. В. Шмелева // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.

СОДЕРЖАНИЕ

Абашина В. Н. Языковая норма с позиций речевой культуры ее современных носителей....3
Агібалова Т. М. Мовно-естетичний знак *душа* в антропоцентричній моделі світу Лесі Українки (на матеріалі драматичних поем) 5
Акімова Н. В. Психолінгвістичний опис неологізмів в аспекті варіативності розуміння тексту....6
Алефиренко Н. Ф. Номинативно-прагматические факторы неофразеологизации....8
Антоненко Ю. М. Жанровая норма научной рецензии....13
Атанасова А. Словообразувателни особености на новата глаголна лексика в българския език....15
Баракатова Н. А. Польські епоніми як знаки міжкультурних контактів....18
Баранова Л. А. Аббревиатурно-узуальная омонимия как основа одного нового иноязычного заимствования....20
Басыров Ш. Р. Об одной универсалии в сфере глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках....22
Беглова Е. И. Семантический и экспрессивный потенциал окказионализмов в текстах малых речевых жанров 25
Білоконенко Л. А. Дискурсивні маркери конфліктності: когнітивний та прагматичний аспекти 28
Благоева Д. Г. Тенденцията към демократизация и новата българска лексика....29
Блудова З. П., Позднякова Л. Е. Учет родного языка при обучении турецких студентов русскому языку 32
Богиня Л. В. К вопросу учёта лингвокультуроведческой информации при обучении иностранных граждан русскому языку на начальном этапе....35
Бондаренко Л. И. Интерпретированное высказывание как форма функционирования сверхфразового единства в текстах жанра «совет» 37
Бондарчук М. Н. Использование метода компонентного анализа для исследования авиационной терминологии 39
Будыкина В. Г. Неологизмы в терминологии высшего профессионального образования (на материале Федерального закона «Об образовании в РФ» от 21.12.2012) 42
Бурлакова О. Н. Кинотекст как креолизованный текст (на материале экранизации рассказа А. П. Чехова «Ведьма») 45
Васюкова Н. В. Аналіз підходів дослідження рекламної комунікації....47
Волкова І. В., Калмикова Д. С. Уживання антропонімів у романах Ліни Костенко «Маруся ЧУРАЙ» та Уласа Самчука «Марія» 50
Волянська Є. В. Морфонологічна адаптація нових слів у сучасній українській літературній мові....53
Высоцкая Т. Н. Ономасиологические отношения в кругу составных наименований технических артефактов горной промышленности (на материале бинарных конструкций)....55
Выхрыстюк М. С. Средства связи в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины в деловой письменности г. Тобольска второй половины XVIII в....57
Гамали О. И., Каневская О. Б. Особенности стиля произведений М. М. Жванецкого....59
Георгиева Цв. Н. За някои нови суфиксални имена за лица в българския език....62
Глобина Л. В. Возможности использования семантической модели лексико-семантического поля партитивной лексики в практике преподавания русского языка как иностранного....64

Глухова Л. А. Вербализация фрейма «глава колледжа» в британской языковой картине мира 66
Годес О. В. Мифоним *великан* в русской и английской лингвокультурах 68
Голікова Н. С. Інноваційні зсуви в стилях сучасної української мови 70
Голованова Е. И. Бдыжь, Блондинко, Мастер йода… и другие (о стратегиях автономинации в Интернете) 73
Голодов А. Г. Инновации-заимствования в актуальной немецкой лексикографии 76
Горлачева В. В. Синтаксические особенности текстов современной рекламы мобильных телефонов 78
Греченко-Журавская В. М. Реализация экспрессивного потенциала фразеологии в русскоязычной прессе 80
Гусева А. С. Блог как особый жанр интернет-коммуникации: лексические особенности 82
Дащенко О. И. Речевые новообразования с суффиксом –ость в современной публицистике 83
Демешко І. М. Морфонологічна характеристика неолексем-девербативів у сучасній українській літературній мові 86
Диомидова Е. Ю. Исследовательская парадигма диспозитива доказывания: юрислингвистика 89
Дорофеев Ю. В. Иноязычное влияние как фактор развития социолекта 92
Дука Л. И. Прагматонимы в современной русской речи: семантический аспект 94
Дюкар К. В. Особливості структури й семантики оказіональних іменників із абстрактним значенням у мовотворчості Т. Мельничука та С. Сапеляка 96
Жарко С. Ю. Структурно-семантичні зрушення в системі віддієслівних іменників 99
Забашта Р. В. Позиційність у номінативній сфері мови 100
Заваруева И. И. Сжатый текст в статьях электронных словарей 104
Зайцева С. В. Структурно-семантичні типи оказіоналізмів в україномовному блозі 105
Звягина Е. С. Актуальные процессы общественно-политической лексики: диахронический аспект 107
Зубкова О. Н. Функционирование топонимов во фразеологии польского и русского языков 110
Иванова А. А. Семантический анализ орнитонима *марабу* и наименования лица *марабут*, заимствованных русским языком из арабского 111
Иссерс О. С. Приемы языковой игры в новых дискурсивных практиках (на примере оппозиционного плаката) 113
Кадырова Л. Д. Гибридные образования с аббревиатурным компонентом в Интернет-коммуникации 115
Кажан В. И., Калинина Р. П. Языковое оформление кроссвордов 117
Ким Л. А. Особенности функционирования неизменяемых лексем – названий греческих букв в составе русской терминологии 121
Киреева Ю. Н. Абстрактные индивидуально-авторские новообразования в художественной прозе В. Токаревой 124
Козлова О. Е., Стрелкова Т. В. Ты постишь, он бутит… А я что делаю? 126
Колковска С. Б. Фактори за семантична неологизация в българския език 129
Коловоротна Н. Д. Аксіологічна прагматика мовчання в українській лінгвокультурі 131
Коломойченко А. Е. Иноязычное имя собственное: прагматический аспект 134
Корольова В. В. Кольорова синестезія в поезіях Оксани Забужко 135
Короткова С. В. Заимствования в корпусе наречной лексики специальной речи 137
Костова Н. Неологизми на -инг в българския език 140
Кошелева И. Г. Репрезентация ценностно-смысловой оппозиции «свой-чужой» в книге С. В. Максимова «Год на Севере» 143
Кошман И. Н. О специфике языковой игры (на примере русских медиатекстов Украины) 146

Крижко О. А. Становлення теорії дискурсу у сучасній лінгвістиці 147
Кріпак В. О., Поліщук Л. В. Адгерентні експресеми в мовотворчості І. Багряного 150
Куварова Е. К. Поливокатив в тексте письма 153
Кузенкова И. В. Сленгизмы в системе наречных интенсификаторов в современном русском языке 155
Кулешова М. Л. К вопросу о тенденциях употребления отдельных этнофолизмов в словенском и сербском языках 158
Курмакаева Н. П. Об основных способах формирования поля безличности русского языка 160
Лановая Т. В. Степень освоения заимствований в русском языке 163
Левун Н. В. Інноваційні процеси у творенні відсубстантивних дієслів української мови 165
Литвак С. Я. Теоретико-методологічний аналіз статусу, стану і способу англійського дієслова 169
Ліпич В. М. Словотвірна структура та семантика зоокомпозитів у сучасній українській мові 171
Лошаков А. Г. Ломоносовский текст русской литературы в системе ценностных кооодинат 173
Ляпичева Е. Л. О семантической динамике зоонимов в рок-поэзии Б. Гребенщикова 176
Мальцева Л. В. Анализ субтекстов учебного и научного текста 179
Маринова Е. В. Влияние полисемии иноязычного слова на его грамматические признаки (на материале русского языка новейшего периода) 181
Масальська Н. В. Квантитативні методи аналізу категорії припущення в англійській, німецькій та українській мовах 184
Масло О. В., Сосюк І. Г. Специфіка антропонімів як вияв авторської точки зору в романі Василя Шкляра «Чорний Ворон» 187
Мацегора И. Л. Особенности аффиксальной структуры жаргонных глаголов в русском языке конца XX ст. 188
Меньшиков И. И. Некоторые дополнения в систему описания терминов родства по комбинаторной методике Т. П. Ломтева 190
Мозовая И. Н. К проблеме систематизации заимствований 191
Мордань В. И., Мордань Б. А. О некоторых проблемных аспектах лингвистической составляющей иконофоники 194
Москвичева С. А. Некоторые особенности репрезентации отнологической категории определенности / неопределенности в русском и французском языках 197
Нагорный И. А. Функциональная семантика предположительных частиц в русской разговорной речи 199
Назаренко І. О. Первинні та вторинні семантико-синтаксичні функції кличного відмінка в системі транспозиційних змін 202
Намакштанская И. Е., Романова Е. В. Вводные слова, словосочетания и предложения в поэтических произведениях В. С. Высоцкого 203
Нестеренко А. К. Особливості функціонування прикметників зі значенням кількісного вияву ознаки 206
Нетёсова К. Ю., Смирнова С. А. Простые производные слова в детской речи 209
Новікова Є. Б. Найпродуктивніші інноваційні засоби творення похідних ад'єктивів сучасної української мови 212
Олійник Е. В. Лексико-граматичні особливості з'ясувальних складнопідрядних речень зі сполучником *як* 214
Омельяненко В. А. Парцелляция в заголовках: структура и функционирование (на материале русскоязычных газет Украины) 216
Онанченко А. В. Неологизмы в терминологии переводоведения 219

Осіпова Т. Ф. Вербалізація «невербалики»: інноваційні словотвірні тенденції в системі мовознавчої термінології 221
Павлик Н. В. Портретний опис в ідіостилі Валер'яна Підмогильного 223
Пампура С. Ю. Этимологические исследования в античном языкознании 226
Панченко Е. И. SMS и телеграмма: новый формат сжатого текста 228
Панченко С. А. Сравнение как средство выражения коннотации (на материале русского, украинского, китайского и английского языков) 230
Петров А. В. Словообразовательная продуктивность заимствованной основы *декор-* 232
Петрова Л. А. Реляционная структура слова в авторском тезаурусе 234
Пикалова А. Н. Лекция как жанр научного стиля и ее языковые особенности 236
Половинко Е. А. Возможности ономасиологических экспериментов 238
Попко Л. П. Инг-изация как средство создания современных неологизмов 240
Попова О. І. Когнітивно-дискурсивне дослідження лексико-семантичних інновацій 241
Пристайко Т. С. О семантико-грамматическом статусе заимствований *кантри* и *фьюжн* в русском языке 243
Приходько А. Н. Концепт vs антиконцепт: ценности и антиценности в лоне лингвокультуры 246
Проскурина Л. Н. Универсальные технические концепты в научной и обыденной картине мира 247
Пугачёва А. В. Окказиональная семантика номинаций женщины в поэзии Бориса Гребенщикова 250
Пустовалова В. І. Функціональні особливості деяких номінатем на позначення комп'ютерних ігор 254
Радзієвська Т. В. Соціолінгвістика і дискурсологія: сучасні точки перетину 256
Рацибурская Л. В. Особенности синтагматики деривационных основ и аффиксов в новообразованиях современных российских СМИ 258
Ромашова И. П. Дискурсивные практики и языковая политика современных российских корпораций 261
Русенко Т. И. Сочетаемость слов с корнем *-вонь-* как репрезентантов концепта «запах» (на материале произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина) 264
Савелова Л. А. О дисфункциональном употреблении наречий носителями русского языка 265
Саплін Ю. Ю. Ігрова свідомість епохи постмодерну й сучасна неологія 268
Сегол Р. И. Редактирование переводов в системе межкультурной коммуникации 270
Сергієва А. В. Лексика нанонауки: термінологічні інновації (до постановки питання) 272
Силка А. А. Нові та оновлені фразеологізми в сучасній публіцистиці 274
Слабоуз В. В. Про деякі проблеми сучасної онімографії 277
Слобода Н. В. Особливості граматичної неадаптованості англіцизмів у сучасній українській мові 280
Соболева Г. В. Названия денег и связанные с ними наименования: традиции и инновации 282
Собченко Н. С. Лексические инновации рекламного дискурса 284
Стежко Ю. Г. Деякі особливості перекладу лексики технічної та гуманітарної сфер 286
Столярская Е. В. Неологика сферы высоких технологий в текстах журнальной рекламы: за и против 288
Суима И. П. Обратимость компонентов сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности 291
Тесленко О. А. Средства передачи модусной информации в русскоязычной СМС-переписке 293
Токарев Г. В. Мера в русской наивной картине мира 295
Трифонов Р. А. «Кажучи людською мовою»: про деякі дискурсивні опозиції української мовної свідомості 298

Тукова Т. В. Развитие самостоятельности в связях единиц
в современном русском языке....301
Турута И. И. Языковые средства выражения концепта «вода»
в современной рекламе....305
Турчак О. М. Особливості словотвірної структури складних оказіоналізмів
(на матеріалі україномовної преси кінця XX століття)....309
Устенко Н. В. Особливості функціонування фразеологічних одиниць
на позначення здібностей до хитрощів у мові художніх творів В. К. Винниченка...310
Хабарова Н. А. Дифференциация понятий «неологизм» и «окказионализм»....312
Хейлик Т. А. К вопросу о городском речетворчестве:
неофициальные урбанонимы г. Запорожья....314
Хруцкая Н. В. О лингвистической компетентности языковой личности....315
Шахова Е. М. Предложно-падежные формы имени с первообразными
и производными предлогами как средство выражения языковых смыслов
в русском языке....317
Шашкина Н. И., Лазуренко Л. А., Дружинина Л. В. Лингвометодические
аспекты в изучении терминологической концептосферы....320
Шевчик Е. Ю. Уровни сжатия текста в учебнике....322
Шевчук О. І., Янушевська Х. С. Фонетична адаптація при дублюванні
у контексті міжкультурної комунікації....325
Шелкова К. А. Особливості політичного дискурсу як складника соціуму....328
Шепель Ю. А. Семантика слова с позиции когнитивистики....329
Шпітько І. М. Сучасний словацький молодіжний сленг....332
Шпортько Л. Г. Продуктивность аффиксов в сфере научно-технического общения...333
Щеглова Т. Е. Словообразовательная семантика подобия
в сложных прилагательных – компонентах строительных терминов....335
Эглит Л. В., Манина Ю. В. О креативности современного сленга....337
Юносова В. О. Специфіка ступенювання прикметників
у сучасному телевізійному дискурсі....340
Яременко Т. Г. Конфигурация функционально-семантического
поля темпоральности....343
Ярошенко Н. О. Деривaційно-фреймові парадигми соматизмів *сердце* і *серце*
в російській та українській мовах....345
Ященко Т. А. Контаминация директивных речевых жанров
в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня»....348

МАТЕРІАЛИ КОНФЕРЕНЦІЇ

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Кафедра загального та російського мовознавства

**ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНІ ІННОВАЦІЇ
У СУЧАСНИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ**

Матеріали VI Міжнародної наукової конференції

Українською, російською, болгарською мовами

За зміст і достовірність фактів, цитат, власних імен
та інших відомостей відповідають автори

Відповідальна за випуск Т. С. Пристайко
Технічний редактор І. І. Турута
Комп'ютерна верстка В. В. Спірін
Дизайн обкладинки І. Д. Кольцова

Здано на складання 05.04.2013. Підписано до друку 07.04.2013.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Папір офсетний. Гарнітура літературна.
Друк офсетний. Умовн. друк. арк. 32,6. Умовн. фарб-відб. 32,6.
Тираж 190 прим. Зам. №

Видавництво «Нова ідеологія»
49044, м. Дніпропетровськ, пр. Кірова, 103.
тел./факс: (056) 745-07-07
Свідоцтво ДК № 191 від 20.09.2000 р.

ISBN 978-617-7068-08-1

Л 43 **Лексико-граматичні інновації у сучасних слов'янських мовах** : VI Міжнародна наукова конференція (Дніпропетровськ, ДНУ імені Олеся Гончара, 22–23 квітня 2013 р.) : матеріали / укладач Т. С. Пристайко. – Д. : Нова ідеологія, 2013. – 356 с.

ISBN 978-617-7068-08-1

Збірник містить матеріали доповідей лінгвістів України, Росії, Башкортостану, Казахстану, Китаю, Болгарії, присвячені питанням теорії неології та неографії, опису процесів та явищ неологізації, що характеризують різні рівні сучасних слов'янських мов у різних комунікативних сферах; дослідженню лексико-граматичних інновацій в аспектах сучасних наукових парадигм; розгляду мовних та мовленнєвих інновацій як об'єктів лінгводидактики, теорії й практики перекладу.

Для викладачів, науковців, аспірантів та студентів гуманітарних факультетів, а також для широкого кола читачів, які цікавляться динамічними змінами, що відбуваються в сучасних слов'янських мовах.

ББК 81.41